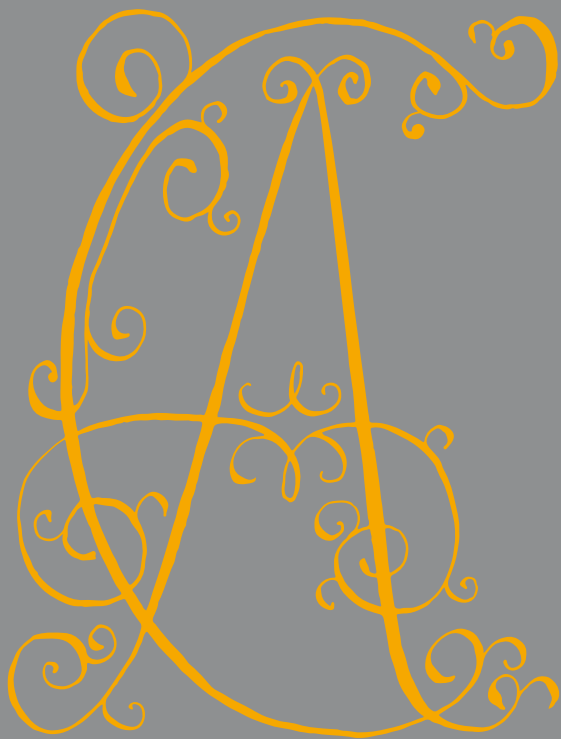

Славянский АЛЬМАНАХ

ISSN 2073-5731

Slavic
ALMANAC

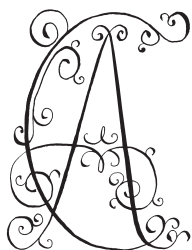
1-2·2022

Институт славяноведения РАН

Славянский Альманах

1-2 · 2022

Slavic
ALMANAC

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИНДРИК»
Москва 2022

УДК 94(367)
ББК 63.3(4)
С 47

Славянский альманах 2022. — Вып. 1–2 /
глав. ред. К. В. Никифоров. — М.: Индрик, 2022. — 504 с.

ISSN 2073-5731
e-ISSN 2782-4411

DOI 10.31168/2073-5731

Очередной выпуск «Славянского альманаха» (№ 1–2 за 2022 г.) отражает основные направления комплексных научных исследований в области славяноведения. Издание включает статьи и материалы по актуальным проблемам истории славянских народов, языкознания, этнолингвистики, литературоведения и истории науки. Хронологический охват материалов — от Средневековья до современности. Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Институт славяноведения РАН
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНДРИК»

Адрес: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32-А.
Институт славяноведения РАН
Тел.: +7 (495) 938-17-80
Сайт: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Периодичность: 4 номера в год
Тираж: 500 экз.
Издается с 1997 г.

© Институт славяноведения РАН, 2022
© Коллектив авторов, 2022
© Издательство «Индрик», 2022

Slavic Almanac 2022. Issues 1–2 /

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief — Moscow: Indrik, 2022. — 504 p.

ISSN 2073-5731

DOI 10.31168/2073-5731

e-ISSN 2782-4411

This issue of “Slavic Almanac” (1–2, 2022) reflects the main directions of complex academic Slavic studies. The edition includes articles and materials on the history of Slavic peoples, linguistics, etnolinguistics, literary studies and history of science. The chronological span of the publications is from the Middle Ages to date. The issue will interest both researchers and a wide range of readers.

FOUNDER: Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
PUBLISHING HOUSE “INDRIK”

Address: 119334, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A.
Institute of Slavic Studies RAS
Phone: +7 (495) 938-17-80
Website: slavicalmanac.ru
E-mail: slav-almanakh@yandex.ru

Frequency: 4 per year
Circulation: 500 copies
Published since 1997

© Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, 2022
© Authors, 2022
© Publishing house “Indrik”, 2022

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Никифоров К. В., главный редактор,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Борисёнок Ю. А., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Вендина Т. И., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Влашич-Анич А., Институт старославянского языка, Загреб, Хорватия

Дзиффер Д., Университет Удине, Удине, Италия

Димич Л., Белградский университет, Белград, Сербия

Женюх П., Институт славистики САН, Братислава, Словакия

Запольская Н. Н., Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова, Москва, РФ

Зуппан А., Австрийская академия наук, Вена, Австрия

Номати М., Славяно-евразийский исследовательский центр
Университета Хоккайдо, Саппоро, Япония

Плотникова А. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Радева В., Софийский университет, София, Болгария

Робинсон М. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Розман А., Университет Любляны, Любляна, Словения

Станков Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Старикова Н. Н., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Узенёва Е. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

РЕДАКЦИЯ

Дронов М. Ю., ответственный секретарь,
Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Александрова А. К., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кирилина Л. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кочегаров К. А., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Кучко В. С., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Макарецев М. М., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Трефилова О. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

Шатько Е. В., Институт славяноведения РАН, Москва, РФ

EDITORIAL BOARD

Nikiforov K. V., Editor-in-Chief, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Borisyonok Yu. A., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Dimić L., University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Nomachi M., Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Plotnikova A. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Radeva V., University of Sofia, Sofia, Bulgaria

Robinson M. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Rozman A., Univeristy of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Stankov N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Starikova N. N., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Suppan A., Austrian Academy of Sciences, Vienna, Austria

Uzeneva E. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vendina T. I., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Vlašić-Anić A., Old Church Slavonic Institute, Zagreb, Croatia

Zapolskaya N. N., Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Ziffer G., Univeristy of Udine, Udine, Italy

Žeňuch P., Institute of Slavistics, Slovak Academy of Sciences, Bratislava, Slovakia

EDITORIAL OFFICE

Dronov M. Yu., Executive Secretary, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Alexandrova A. K., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kirillina L. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kocheharov K. A., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Kuchko V. S., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Makartsev M. M., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Shatko E. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Trefilova O. V., Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Содержание

История

<i>Кочегаров К. А. (Москва).</i> Русско-польские отношения накануне первого Крымского похода. Миссия в Москву Александра Скопа в начале 1687 г.	12
<i>Баринов И. И. (Москва).</i> Белоруссия и белорусы в антипольской стратегии Германии (1915–1939 гг.)	28
<i>Дубовик О. А., Ермишин Л. В. (Москва).</i> К вопросу о роли Оранжевой гвардии во внутриполитических планах Болгарского земледельческого народного союза в 1920–1923 гг.	48
<i>Серапионова Е. П. (Москва).</i> Временный договор между РСФСР и Чехословакией: к 100-летию подписания	68
<i>Шевченко К. В. (Минск).</i> Положение Подкарпатской Руси и русинов в 1919 г. в оценках чешских чиновников (По материалам пражского Архива Канцелярии президента республики)	86
<i>Казак О. Г. (Минск).</i> Ликвидация русофильской организации «Школьная помощь» в контексте национально-культурной жизни Подкарпатской Руси периода венгерской оккупации (1938–1944 гг.)	95
<i>Носкова А. Ф. (Москва).</i> Польско-английское Соглашение и Протокол от 25 августа 1939 г.: цели сторон и значение в истории Польши (осень 1939 — весна 1945 г.)	109
<i>Новосельцев Б. С. (Москва).</i> Сава Косанович: между королевской и социалистической Югославией	123

Языкознание и этнолингвистика

<i>Комарова К. И. (Москва).</i> Аналитические формы выражения категории определенности / неопределенности в словенских нелитературных идиомах	135
<i>Шаповалов А. В. (Москва).</i> Формы авторского присутствия в Новгородской первой летописи	148
<i>Матвеевко Е. А. (Москва).</i> Номинация святилищ в выполненных с польского языка русских переводах «Метаморфоз» Овидия начала XVIII века	162

<i>Лю Ху, Чжэн Янтун (Харбин, Москва).</i> Представления о судьбе в народной мифологии Сербии и Китая	183
--	-----

Литературоведение

<i>Змелик Р. (Оломоуц).</i> Персонажи прозы Витезслава Галека	203
<i>Яблоков Е. А. (Москва).</i> Города без самоваров (роман Н. А. Лейкина «В гостях у турок» как «антитравелог»)	232
<i>Мишуrowsкая М. В. (Москва).</i> «Дело о фотографиях» в архиве Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. К истории постановки в Лондоне пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» (1938 г.)	248
<i>Няголова Н. (Велико-Тырново, Москва).</i> Топос города в болгарской прозе 1960-х гг. — структура и мифопоэтика	265
<i>Ибришимович-Шабич А., Баврка Е. (Сараево).</i> «В Сараеве жить невозможно»: сараевский текст vs петербургский текст (на примере поэзии Абдулаха Сидрана)	279
<i>Танушевска Л. (Скопье).</i> Топос города — широкое поле для создания курса лекций в рамках проекта NEWSLA	293

Публикации

<i>Фомина А. А. (Москва).</i> Василий Дмитриевич Поленов на сербско-турецкой войне 1876 г.	304
<i>Ганин А. В. (Москва).</i> Тайные договоры генерала Я. А. Слащева- Крымского с украинскими националистами в 1921 г.	353
<i>Казак О. Г. (Минск).</i> Лекция Миклоша Козмы по русинскому вопросу (23 мая 1939 г.)	375
<i>Стыкалин А. С., Джалилов Т. А. (Москва).</i> «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, — это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.)	389

Рецензии и обзоры

<i>Прадкова П. (Брно).</i> Избранные результаты деятельности чешских диалектологов	420
<i>Шевченко К. В. (Минск).</i> Эпоха Киевской Руси в оценках чешского историка Михала Теры	434

<i>Перетяцько А. Ю. (Ростов-на-Дону). Обманчивые образы имперской периферии</i>	447
<i>Баринов И. И. (Москва). Новые издания по истории белорусской эмиграции в Чехословакии</i>	456
<i>Никифоров К. В. (Москва). История диссидентства в Восточной Европе</i>	461
<i>Старикова Н. Н. (Москва). Социально-политические трансформации 1968 и 1989 гг. в зеркале современной культуры Европы</i>	468

Хроника

<i>Шатько Е. В. (Москва). Международная научная конференция «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы»</i>	477
<i>Лунькова Н. А. (Москва). Международная научная конференция IV Хоревские чтения</i>	487
<i>Короткова Д. Ю. (Москва). Дискуссия «Формирование и развитие белорусского литературного языка»</i>	496
<i>Дронов М. Ю., Слоистов С. М. (Москва). Международный научный круглый стол «Церковь и историческая память. К 1030-летию православия на белорусских землях в год исторической памяти в Республике Беларусь»</i>	499

Contents

History

- Kochegarov K. A. (Moscow)*. Russian-Polish relations before the first Crimean campaign. Alexander Skop's diplomatic trip to Moscow at the beginning of 1687 12
- Barinov I. I. (Moscow)*. Belarus and Belarusians in the Anti-Polish Strategy of Germany, 1915–1939 28
- Dubovik O. A., Ermishin L. V. (Moscow)*. On the question of the role of The Orange Guard in the internal political plans of the Bulgarian Agrarian National Union in 1920–1923 48
- Serapionova E. P. (Moscow)*. The Interim treaty between the RSFSR and Czechoslovakia: On the 100th anniversary of signing 68
- Shevchenko K. V. (Minsk)*. The position of Subcarpathian Rus' and Rusyns in 1919 in the assessments of Czech officials (According to the materials of the Prague Archive of the Office of the President of the Republic) 86
- Kazak O. G. (Minsk)*. The liquidation of the Russophile organization “Shkol'naya Pomoshch'” (“The School Help”) in the context of the national and cultural life of Subcarpathian Rus' during the period of the Hungarian occupation (1938–1944) 95
- Noskova A. F. (Moscow)*. The Polish-British Agreement and the Protocol of August 25, 1939: Objectives of the parties and the significance in the history of Poland (autumn 1939 — spring 1945) 109
- Novoseltsev B. S. (Moscow)*. Sava Kosanović: between the Royal and the Socialist Yugoslavia 123

Linguistics and etnolinguistics

- Komarova K. I. (Moscow)*. Analytical forms of expressing the category of definiteness / indefiniteness in Slovene non-standard idioms 135
- Shapovalov A. V. (Moscow)*. Ways of authors' presence in the First Novgorod Chronicle 148
- Matveenko E. A. (Moscow)*. Names of sanctuaries in Russian translations of Ovid's *Metamorphoses* from Polish in the early 18th Century 162

<i>Liu Hu, Zheng Yangtong (Harbin, Moscow)</i> . The representation of “fate” in the folk mythology in Serbia and in China	183
---	-----

Studies of literature

<i>Změlik R. (Olomouc)</i> . Characters in the works of Vítězslav Hálek	203
<i>Yablokov E. A. (Moscow)</i> . Cities with no samovars: The N. A. Leikin’s novel “Visiting the Turks” as an “anti-travelogue”	232
<i>Mishurovskaya M. V. (Moscow)</i> . “The case of photographs” in the archive of the The All-Union Society of Cultural Communication with Abroad. On the history of the staging of M. A. Bulgakov’s play “The Days of the Turbins” (1938) in London	248
<i>Nyagolova N. (Veliko Tarnovo, Moscow)</i> . The topos of the city in the Bulgarian prose from the 1960s. Its structure and mythopoetics	265
<i>Ibrišimović-Šabić A., Bavrka J. (Sarajevo)</i> . “You can’t live in Sarajevo”: The Sarajevo text vs The Petersburg text on the example of the poetry of Abudalah Sidran	279
<i>Tanushevska L. (Skopje)</i> . A topos of a city in an university syllabus in the frame of the NEWSLA project	293

Publications

<i>Fomina A. A. (Moscow)</i> . Vasily Dmitrievich Polenov at the Serbian-Turkish War of 1876	304
<i>Ganin A. V. (Moscow)</i> . Secret agreements of General Ya. A. Slashchev-Krymsky with Ukrainian nationalists in 1921	353
<i>Kazak O. G. (Minsk)</i> . The lecture on the Rusyn question given by Miklós Kozma on May 23, 1939	375
<i>Stykalin A. S., Dzhaililov T. A. (Moscow)</i> . “To think that a communist society will be within the borders of the Soviet Union is to understand nothing about communism”. An unpublished speech by N. S. Khrushchev in Hungary (April 1958)	389

Reviews

<i>Přadková P. (Brno)</i> . Czech dialectology: Selected results and achievements	420
<i>Shevchenko K. V. (Minsk)</i> . The era of Kievan Rus’ in the assessments of the Czech historian Michal Téra	434

<i>Peretyatko A. Yu. (Rostov-on-Don). Fallacious images of imperial periphery</i>	447
<i>Barinov I. I. (Moscow). New publications on the history of Belarusian emigration in Czechoslovakia</i>	456
<i>Nikiforov K. V. (Moscow). History of dissidence in Eastern Europe</i>	461
<i>Starikova N. N. (Moscow). Socio-political transformations of the 1968 and the 1989 in the mirror of contemporary European culture</i>	468

Chronicles

<i>Shatko E. V. (Moscow). An International Academic Conference “The topos of the city in synchronicity and diachrony: a literary paradigm of Central and South-Eastern Europe”</i>	477
<i>Lunkova N. A. (Moscow). An International Academic Conference The IV Khorev’s Readings</i>	487
<i>Korotkova D. A. (Moscow). The Meeting “Formation and development of the Belarusian standard language”</i>	496
<i>Dronov M. Yu., Sloistov S. M. (Moscow). An International Academic Round Table “The Church and historical memory. To the 1030th anniversary of Orthodoxy in the Belarusian lands in the Year of historical memory in the Republic of Belarus”</i>	499

УДК 94(367)

К. А. Кочегаров

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.01

**Русско-польские отношения накануне
первого Крымского похода.
Миссия в Москву Александра Скопа в начале 1687 г.**

Кочегаров Кирилл Александрович
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9877-7381

Цитирование

Кочегаров К. А. Русско-польские отношения накануне первого Крымского похода. Миссия в Москву Александра Скопа в начале 1687 г. // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 12–27.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.01

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-09-42015.

Статья поступила в редакцию 15.01.2022.

Аннотация

В статье рассматриваются русско-польские переговоры о выработке совместного плана военных действий вскоре после заключения Вечного мира и союза. Речь Посполитая рассчитывала на российскую поддержку во время похода в Молдавию летом — осенью 1686 г., но не получила ее в достаточной мере. Русское правительство в это время было занято подготовкой первого Крымского похода. В конце 1686 — начале 1687 г. состоялся новый раунд русско-польских переговоров, в ходе которого Речь Посполитая попыталась добиться пересмотра и конкретизации планов совместных военных действий, чтобы провести будущую кампанию своих войск более эффективно. План Яна Собеского состоял из трех этапов. На первом Россия должна была штурмом взять османские крепости на Днестре, Очаков и Кинбурн, возможно — Азов, на втором — помочь польско-литовской армии разгромить Белгородскую орду и захватить Буджак, на третьем — при поддержке королевских войск вторгнуться в

Крым. Реализация плана могла принести определенные тактические выходы русской стороне, однако главнокомандующий В. В. Голицын категорически отказался от его осуществления. Причиной отказа было намерение русской стороны в текущей военной кампании оказать военно-политическое давление в первую очередь на Крымское ханство, не нанося серьезных ударов по владениям Османской империи в причерноморском регионе.

Ключевые слова

Россия, Речь Посполитая, Ян III Собеский, В. В. Голицын, русско-турецкая война 1686–1700 гг., первый Крымский поход 1687 г.

Весной 1686 г. между Россией и Речью Посполитой был заключен Вечный мир и наступательный антиосманский союз. По договору Москва обещала начать войну в текущем году, послав войска в Запорожскую Сечь и на переправы через Днепр, «где крымския войска обыкли переправлятися», а также велеть начать войну донским казакам. В следующем, 1687 г. должен был состояться поход русской армии «многими силами на самой Крым». При этом польско-литовские войска должны были в это время «воинским наступлением на турецкие войска и орды белгородския со всеми воинскими приготовлениями воинской промысл чинить, отвращая силы неприятельския, чтоб на войска их царского величества, случась с крымскими силами, не пришли»¹.

Заключение союза давало польскому королю Яну III Собескому надежду на овладение Молдавией, поход в которую был совершен летом — осенью 1686 г. Однако кампания закончилась неудачей². Это обусловило некоторое разочарование польско-литовских правящих кругов заключенным союзом, тем более что отдельные крымские отряды сумели пройти в Молдавию и Венгрию. В России между тем всю развернулась подготовка планировавшегося на весну Крымского похода, о чем польскому королю было объявлено соответствующими царскими грамотами с напоминанием о необходимости ударить на Белгородскую орду синхронно с русским наступлением на Крым,

¹ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. 1676–1688. СПб., 1830. С. 777–778.

² См. подробнее: *Chowaniec Cz. Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r.* Oświęcim, 2015.

то есть в марте 1687 г. Со ссылкой на 10-ю статью договора этого же требовало прибывшее во Львов с целью ратификации Вечного мира русское посольство во главе с Б. П. Шереметевым. После того как надежды на русскую поддержку в ходе молдавской кампании не оправдались, для короля, а также коронных и литовских магнатов стала очевидна невыгодность этих обязательств. На прошедших в декабре 1686 г. переговорах с русскими послами они отвергли зафиксированное в договоре описание военных действий, предложив России иную схему: переправиться на правобережье Днестра, атаковать турецкие крепости на Днестре (Казыкермен и др.), а затем Очаков, захватить их, и уже оттуда двинуться на Крым синхронно с ударом Речи Посполитой на Буджак (для последнего необходимо было русское подкрепление). При этом польско-литовские дипломаты категорически заявляли, что армия Речи Посполитой не сможет начать кампанию раньше мая³. Однако Шереметев и его товарищи категорически отказались принять указанный план, ссылаясь в том числе и на отсутствие полномочий, и просили изложить его в отдельной грамоте Яна Собеского на имя царей. Польская сторона заявила, что вышлет в Москву специального представителя для обсуждения новых условий военного союза⁴.

Этим представителем стал гонец Александр Скоп, ехавший в Москву в самый канун первого Крымского похода. В польских архивах не удалось найти каких-то упоминаний о подготовке и осуществлении его поездки, поэтому реконструкция данного эпизода русско-польских дипломатических контактов целиком осуществлена на основе отечественных источников⁵. Миссия Скопа не только дает представление об отношениях новоиспеченных союзников, но и позволяет пролить дополнительный свет на стратегии Варшавы и Москвы на причерноморском театре военных действий.

3 В кампании 1684–1686 гг. сбор польских войск завершился не ранее июля.

4 Кочегаров К. А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008. С. 409–410, 432, 437–438, 443, 451–452.

5 Основу указанной реконструкции составил столбец № 3 за 1687 г. из фонда № 79 «Сношения России с Польшей» РГАДА. Материалы этого столбца в основном были также переписаны в посольскую книгу № 230 (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 154–259об.), однако в силу очевидного сходства текстов ссылки на ее листы в дальнейшем не ставятся.

26 декабря 1686 г.⁶ на отпускной аудиенции, данной гонцу Василию Клобукову, после вручения ему ответной королевской грамоты литовский канцлер М. Огинский от королевского имени заявил, что Ян III «изволяет свое королевского величества о военном промыслу против неприятелей намерение к великим государем, к их царскому величеству, писать в своей королевского величества особой грамоте, с которою указал его королевское величество к великим государем послать нарочного своего королевского величества гонца Александра Скопа вместе с ним Васильем»⁷. В связи с этим королевская грамота к царям, данная последнему, лишь информировала Москву об отправке Скопа⁸.

Однако В. Клобуков задержался во Львове до 5 января⁹ «за потребами своими», и А. Скоп двинулся в путь раньше — 26 декабря, в день официального объявления о его миссии русскому дипломату. Эта поспешность свидетельствовала о значении, которое придавали его миссии при польском дворе. 20 января 1687 г. А. Скоп прибыл в Смоленск (раньше В. Клобукова), 31 января — в Москву. Помимо «любительной» грамоты Яна Собеского гонец привез также письма К. Гжимултовского и М. Огинского (польских послов, заключивших Вечный мир) В. В. Голицыну. 1 февраля Скоп был на торжественном приеме у царей в присутствии посольских дел обергегемейстера и его сына А. В. Голицына, вручив привезенные грамоты¹⁰.

В пространным послании Яна Собеского кратко сообщалось о прошедших переговорах с посольством Б. П. Шереметева, учиненной королю присяге на договор Вечного мира и союза и выражалось недовольство, что русские послы не имели ни полномочий, ни предложений по заключению более детального военного соглашения («способов о промыслех воинских»). В связи с этим король выслал Скопа к царскому двору, «дабы есмы, — как писал Ян Собеский, —

6 Все даты, кроме специально отмеченных, даны по старому стилю.

7 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 229. Л. 33, 43–44.

8 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 66–69.

9 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 229. Л. 51об.–52. При этом прибыл В. Клобуков в Москву 28 января, на три дня раньше А. Скопа, обогнав его уже на территории России.

10 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 1–4, 19, 27–27об. Проезжая грамота А. Скопу выдана 6 января 1687 г. н. ст. (Там же. Л. 6). Приписка об участии в аудиенции А. В. Голицына есть только в посольской книге: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 174.

как скорее ведати возмогли, как себе поступити, каким способом и х которому концу воинской обрацати совет».

Миссия А. Скопа стала еще одной попыткой королевского двора убедить Москву принять тот план кампании, который русские послы отказались обсуждать на переговорах во Львове. Подробное изложение этого плана с добавлением ряда новых деталей, не предлагавшихся русской стороне ранее, занимало основное содержание послания Яна Собеского. Король настаивал, что его войска, «несколколетнею войною изнужденные и разоренные», не могут начать боевые действия («на поле выйти»), как того требует русская сторона, «когда еще земля лдом прикрыта» (в марте), а сами они расквартированы «на сто миль от себя в Короне и в Великом княжестве Литовском». Располагать войска на зимовку недалеко от театра военных действий «вкупе», то есть вместе, не позволяли, по мнению Собеского, «границы наши, ни во что разоренные», и невозможность обеспечить пропитание армии в приграничных районах. Король отмечал, что запасы и скот для пропитания людей и лошадей туда надо доставлять «голодною и пустою стороною, несколько десять миль идучи», по суше, поскольку польско-литовские войска «Днестром так, как... царского величества Днепром ходу водного никоими меры имети не могут», тем более что, как говорилось в королевской грамоте, «трава по полям от Перекопи в первых числах апреля является, а у нас едва в мае месяце».

Собеский убеждал Москву, что если русская армия двинется на Крым сейчас, ей угрожает окружение и гибель на полуострове от голода и спровоцированных им внутренних раздоров: «ибо иногда татары, выслав жены свои или за город Кефу к черкесом, или к Добручю за Дунай, или в ыные какие крепкие места, сами совокупив будяков, великой и малой нагаи и орды белгородские, и нам всякое перерезав совокупление и учинение помочи, понеже бы войска наши для помянутых причин отвращения и разорения сил неприятельских толь скоро учинити не могли, всеми силами в поле скоро как легкие люди вышед, в Крыму войска вашего царского величества замкнуты (сохрани Боже усилствовали бы) и тако или глад учинити или х какому замешанию привести могли бы, а наипаче когда еще и от турков из ближних городов морем будут могли имети помощь». Страшая союзника возможным уничтожением армии в Крыму, Собеский предлагал русским царям свой, как он выражался, «лутшей, пристойнейший и пожиточнейший нам обоим монархом» план военных действий.

План состоял из трех этапов. На первом, ранней весной, русское войско должно было, переправившись на Правобережную Украину под Крыловом («или ниже, или выше, где лутчая способность покажетца») и спустив к Кодаку по реке струги с провиантом, осадить и взять турецкие крепости в низовьях Днепра, а также Очаков и другую, неназванную крепость, что «против ее (Очакова. — К. К.) обретаецца» (видимо, Кинбурн). Эта операция должна была перерезать сообщение крымских татар с белгородскими и исключить возможность прибытия в Крым османских подкреплений по суше. Собеский упрекал русскую сторону, что прошлогодний отказ России от перекрытия этих коммуникаций стал причиной того, что в 1686 г., «хотя... войска... царского величества в поле стояли, однако ж де крымские орды многие почасту на нас по переправам чрез Днепр под городами и Очаковым переправлялись и приходили». Король полагал, что на первом этапе часть русских сил можно было направить и для взятия Азова, чтобы открыть путь на море донским казакам.

На втором этапе русским военачальникам следовало разделить свои силы. Около 20–30 тыс. московских и казацких войск польский король просил выслать на помощь Речи Посполитой, которая совместно с ними должна была наступать на Белгородскую орду, взять Килию, Измаил, Тегину, Белгород (Аккерман), Браилов. Собеский обещал беречь русский вспомогательный корпус: «такое однако ж де дабы есмы соизволеного войска зело бережно употребляли, а х крови его (сохрани Боже) не приводили, но толко для множества страху и подкрепления чинов воинских держали». Ян III открыто признавал, что без русских подкреплений его армия не в состоянии самостоятельно противостоять белгородским татарам и взять Буджак под контроль: «инако прямыми силами турецкой и татарской силы удержати не возможем и осести нам в Будяках неподобно, не толко, что турецкие войска с сераскером, к тому назначенным, так, как и прошлых лет там подлинно обратятца и пойдут, но також де что и самые орды тамошние зело многие самой меньшей части хлеба голодному чрез толико далнюю пустыню войску без крови взяти не дадут». Ян Собеский подчеркивал величину сил противника на буджацком фронте. Соглашаясь с общепризнанной численностью белгородской орды (20 тыс. всадников), он в то же время обращал внимание союзника на то, что «понеже там нагаи великой и малой ис Крыму вышед, осели», общая численность татарских сил в указанном районе ныне возросла и составляет не менее 70 тыс. «людей воинских и рыцерских». Именно поэтому королю были необходимы царские подкрепления.

Взяв Буджак, Собеский обещал не только отправить их назад, но и прибавить к ним «часть знатную» своего войска для совместного с главными силами русской армии «скорейшаго и удобнейшаго» овладения Крымом (третий этап). Эти польские подкрепления (конница), по расчетам короля, должны были достигнуть русского лагеря в низовьях Днепра за три дня.

Суммируя свои рассуждения, Ян Собеский выделял три основных выгоды от реализации своего плана: 1) «разделение» и «рассечение» неприятельских войск и коммуникаций на первом и втором этапе кампании обеспечило бы безопасный марш главной армии на Крым; 2) возможность тесного взаимодействия обоих союзников, когда «один другому руку и помощь чинити и дати может и о всем подлинно по всяк день ссылатись»; 3) Крым, будучи блокирован союзными войсками, не сможет получить никакой турецкой поддержки сухопутным путем («разве морем»). Развивая последний тезис, польский король рисовал масштабную картину одновременного удара союзников по Священной лиге на Османскую империю, который позволит не только захватить Крым, но и освободить от векового османского гнета Константинополь: «Когда и его цесарского величества христианского войска чрез Темизвар в верху Дуная к Никополю пойдут, а венецыйские морем под Дарданеллю или до гирла морского дойдут..., тогда яко лавою некоею войска христианские, то есть его цесарского величества с правой руки, вашего царского величества с левой руки, нашего королевского величества с середины, венецыйские морем на поганские наступив силы, не токмо Крымом и Будяками, но и самым Констянтинополем... завладети возмогут». Собеский просил царские власти не обращать внимание на то, что его план не изложен в заключенном союзном договоре, который должен, по его мнению, содержать лишь общие союзные обязательства, тогда как конкретные военные планы следует разрабатывать, учитывая текущую конъюнктуру, которая постоянно меняется. Польский король просил Москву «для любви братцкой, для уничижения неприятелей, для примножения славы христианской» не тянуть с ответом на его предложения¹¹.

11 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 33–50. Грамота датирована 6 января 1687 г. н. ст. В описи 2 фонда 79 РГАДА, где хранятся подлинные грамоты польско-литовских правителей, отмечено, что королевское послание, присланное «с гонцом Александром Скопом», находится под № 255. Однако в действительности это подлинник грамоты Яна Собеского

Королевская грамота сопровождалась и письмом одного из главных творцов Вечного мира и союза — литовского канцлера М. Огинского (от 7 января 1687 г. н. ст.), адресованным В. В. Голицыну. Сообщая о своем «радении» и «желательстве», приложенном для ратификации королем «великого дела», которое «всему христианству пожиточное на уничтожение бусурман», Огинский отмечал, что именно они с Голицыным должны теперь «стеречь, чтоб ни с которой стороны ни малейший к недружбе и преступлению не был дан случай». В связи с этим литовский канцлер, сообщая о переговорах с русскими послами во Львове, просил Голицына прислушаться (принять в «крепкое размышление») к тем предложениям, которые озвучены в привезенной А. Скопом грамоте Яна Собеского. Он подчеркивал, что эти предложения Шереметев и его товарищи «хотя и пристойны, и самим разумом прозорливого разсуждения согласующияся быти узнали, однако в том ничево совершить не могуще», лишь обещали донести об этом в Москве. Канцлер просил принять во внимание, что «по совершенному искусству ведения войны, по ссылкам с союзниками не может быти лутчей, безопаснейший и совершеннейший способ к овладению и к повоеванию Крыму, что очистив все те городки, которые суть на препоне, и отсеки будяцкие и нагайские численные орды от собрания и помоществования друг другу, и затем тот спасительной и всему христианству пожиточной приняв совет, тем образом при помощи Божии... с неприятели креста святаго зачинали войну». Помимо этого, Огинский выражал надежду на укрепление и расширение контактов России с остальными союзниками по Священной лиге, и в первую очередь с папским престолом¹². Огинскому вторил и глава великого посольства в Россию в 1686 г. К. Гжимултовский (письмо от 3 января 1687 г. н. ст.), который в своем послании не только призывал принять предложенные Яном III условия военного союза, но и предлагал Голицыну рекомендацию, о которой «забыл» король: «очищая» Днепр от «турских селбищ», действовать осторожно «в делех казацких, кото-

(от 6 января 1687 г. н. ст.), врученный на отпуске русскому посольству Б. П. Шереметева. Помимо содержания, об этом свидетельствует в том числе и помета на обороте документа: «195-го июля в 25 день грамота к великим государем полского Яна короля, подали великие и полномочные послы боярин Борис Петрович Шереметев с товарищи». См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 255. Л. 1–10б. Где находится оригинал грамоты Яна Собеского, доставленный А. Скопом, неясно.

12 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 51–66.

рых (казаков. — К. К.) хотя сильная рука царского величества держать всегда может, однако ж по искужеству ведаем, что надеется на них совершенно никогда не может»¹³.

Несмотря на то, что в ответной царской грамоте (датирована 3 февраля) совет Яна Собеского принимался «любезно и всеусердно, желающе то з Богом начинаемое дело за помощь и силою святого его Христова непобедимаго оружия, а за общим христианским согласным промыслом в совершенство приводить», по сути предложенный польским двором план полностью отвергался. Переправа через Днепр под Крыловом или Чигирином и марш на турецкие городки и Очаков объявлялась весьма хлопотным делом для русской армии, а сам поход — трудным и изматывающим, поскольку на Правобережье, идя вдоль Днепра, необходимо переправляться через его притоки, в т. ч. Тясмин «и иные нужные переправы, в тех местех лежащие». Этот марш также бы не препятствовал выходу из Крыма татар, которые, перейдя Днепр, смогут беспрепятственно оказать поддержку нижнеднепровским крепостям «и к тем помянутым городкам войск наших, царского величества не допустить». Более того, ободренные татарской поддержкой, турки могут из крепостей «вывести конные свои войска и часть пехоты в помочь ему ж хану на войска наши», затруднив русским отрядам переправы и дальнейшее продвижение. Москва не гарантировала, что в этом случае она сможет воспрепятствовать и маршу части крымцев на владения польского короля и их соединению с белгородскими татарами. Царское правительство, вопреки мнению Собеского, настаивало, что «буцацкой орды никогда не збираетца болши дватцети тысяч, о чем нам, великим государем, совершенно известно». Более того, оставшиеся в Крыму татары могли бы совершить набег на «украинные городы» царского величества. «И какая б в том обоим нашим государствам была оборона, — заявлялось в царской грамоте, — и над неприятели поиск, потому что над ним ханом и над крымскими юрты промыслу за теми объявленными случаи никакова учинить будет нельзе, также и над городками, на Днепре лежащими, промыслу за вышеписанным же случаем учинить будет невозможно и таких ради препятий, а для лутчего при помощи Божией над тем неприятелем воинского промыслу изволяем мы, великие государи, наше царское величество по прежде намеренному нашего царского величества изволению и по договорам, как о том имянно вашему королевскому величеству чрез вышепомянутых

13 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 73–79.

послов наших донесено, ближним нашим бояром и воеводам, и Войска Запорожского гетману с нашими царского величества войски в назначенное вешнее раннее время и удобное время итти и промысл чинить, сколко всемилосердый Господь Бог помощи подаст». Лишь только после исполнения операции против Крыма Россия была готова помочь союзнику: «а когда благословлены будут оружия христианские над теми креста святаго неприятели, и тогда могут ближние наши бояре и воеводы, и гетман войск наших запорожских з гетманы войск вашего королевского величества обослався, советовать и над помянутыми на Днепре будучими городками чинить промысл». В это время, как полагали в Москве, королевским войскам «как над Буджаки, так и над иными турецкими городками... чинить воинской промысл будет свободно, занеж когда имети наши царского величества войска с крымскими орды военные потребности будут и тогда на ваши войска в случение крымские войска к белгородским прийти не могут, а турецкому салтану, оставя свои города, Белгород и иные войскам цесарским, а поморские страны венетом, приходить» на польско-литовские войска будет «невозможно». Русская сторона считала, что в этих условиях король «свободно» сможет осуществлять операции против Белгородской орды даже без помощи русских войск, которые посылать на соединение с польско-литовской армией «неудобно». Соответственно, королю напоминали о необходимости согласно букве договора «в раннее вешнее время, хотя не в марте, а в апреле совершенно войска свои подвигнути на того неприятеля». В завершение Яна Собеского информировали, что царские войска «как конные, так и пехотные из царствующаго... града двинулись», и просили, чтобы коронные и литовские гетманы сообщали боярам и воеводам о выступлении армии Речи Посполитой¹⁴.

При этом в письме к М. Огинскому (от 6 февраля) В. В. Голицын критиковал королевские планы, ссылаясь на личный опыт времен русско-турецкой войны 1672–1681 гг.: «Понеже я в тех краях и близ тех помянутых урочищ сам с войски ж напред сего был и совершенно сведом, объявляю, что то дело как о том в его королевского величества грамоте к великим государем нашим, к их царскому величеству ныне донесено, изображено и в листу твоём вышепомянутаго объявлено,

14 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 85–109. Ср.: Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2 / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 2001. С. 302.

чтоб войскам их царского величества против Крылова или Чигирина переправитца на ту сторону Днепра к тем городкам и промысл над ними чинить, и то неудобно, и войску царского величества в таких великих великих и тяжких переправах и в далных нужных переходах неспособно, понеж под те городки, как под Ачаков и под Казыкермень и иные идти будет трудно». В целом аргументация почти дословно повторяла ту, что уже была изложена в царской грамоте королю¹⁵. Получив отпускную аудиенцию 3 февраля 1687 г.¹⁶, А. Скоп покинул Москву после 6 февраля (дата проезжей грамоты), и уже 10-го числа был в Вязьме¹⁷.

19 марта в Белополье, на пути в Ахтырку — к одному из мест сосредоточения русских войск, В. В. Голицын получил письмо коронного гетмана С. Яблоновского, высланное 7 февраля из Львова. Гетман выражал радость по поводу заключенного союза и его ратификации монархами обоих государств, однако ничего не писал о будущем военном взаимодействии и планах польско-литовской армии на текущую кампанию¹⁸. Это показывает, что в Польше не собирались выполнять просьбы Голицына о начале боевых операций уже весной. Князь ответил Яблоновскому из Ахтырки 26 февраля, подчеркнув, что сейчас его главная забота — иметь «готовность к походу воинскому на неприятеля креста святого», выражая надежду, что и Яблоновский приложит «свое радение на ту святую и общую войну». «И что у тебя в готовности воинской поведитися будет, не запамятуешь и меня о том уведомляти», — заканчивал письмо главнокомандующий¹⁹.

В действительности в феврале — марте 1687 г. польские военные усилия концентрировались вокруг безуспешных попыток не допустить продовольственный транспорт в Каменец и воспрепятствовать набегам белгородских татар, лишь в начале апреля во Львове состоялась военная рада, установившая сроки сбора войск на конец апреля — начало мая, однако к этому времени в лагерь прибыло все-

15 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 110–132. Тот же текст, только без ссылки на личный опыт Голицына, содержался в ответной грамоте к К. Гжимултовскому. См.: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 133–143.

16 В столбцах дата аудиенции замазана (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 80), но указана в посольской книге (РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 230. Л. 208об.).

17 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1687 г. Д. 3. Л. 160–162.

18 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 9–11.

19 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 12–14об.

го пять хоругвей кавалерии и один regiment драгун. Одновременно всю весну между Речью Посполитой и Крымским ханством велась довольно интенсивная корреспонденция касательно возможного заключения сепаратного мира²⁰. При этом в готовившуюся в январе 1687 г. инструкцию для польского резидента, который должен был выехать в Москву, вписывались требования торопить Россию с началом военных операций: «dla następującej wiosny operationes bellicae poterat non patiuntur»²¹. Одновременно резидент должен был убеждать российский двор принять план войны, недавно посланный Яном Собеским через специального гонца (по имени не назван, но речь идет несомненно об А. Скопе)²². Все это, впрочем, осталось лишь декларацией на бумаге, поскольку резидент Д. Довмонт прибыл в русскую столицу со значительной задержкой, осенью 1687 г.

В русско-польских переговорах и переписке касательно совместных военных планов в конце 1686 — начале 1687 г. можно выделить два аспекта. *Во-первых*, несомненно, Ян Собеский хотел использовать содействие русской военной машины максимально выгодно для себя, заставив ее действовать против белгородских татар, которые доставляли Речи Посполитой немало проблем и с которыми ее обескровленная в результате четырех лет войны армия (и сам король это признавал) ничего не могла поделать. В глазах Голицына важность этого для польско-литовской стороны подтверждалась полученными в марте в русском лагере известиями о крупном набеге белгородских татар во главе с нураддином на Волынь. 13-тысячная орда сначала привела обоз с продовольствием в Каменец, а затем двинулась далее, опустошив земли «кругом Вышневеца, Тернополя, Почаева и иных приналежащих местах» («много убытку учинили и многих людей в полон взяли и ратных людей, тех, которые по селах и деревнях были, побрали»)²³.

20 Wagner M. Kampania kamieniecka 1687 roku // Biblioteka epoki nowożytnej. 2016. T. 5. № 2. Hortus bellicis. Studia z dziejów wojskowości nowożytnej. Prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu / pod red. K. Bobiatyńskiego, P. Gawrona, K. Kossarzeckiego, P. Krolla, D. Milewskiego. Warszawa, 2017. S. 469–472.

21 «В связи с наступающей весной военные операции промедления не терпят».

22 Biblioteka Czartoryskich w Krakowie. Rękopis 422. S. 108–109.

23 РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1687 г. Д. 15. Л. 44–46. Письма киевского полковника Г. Карповича (от 18 марта) и войскового эскадрона Дмитрашки

Однако, *во-вторых*, не впадая в соблазн вести рассуждения в духе кабинетной стратегии, нельзя не обратить внимание, что план Собеского, при всех его намерениях перетянуть одеяло военного сотрудничества на себя, мог принести определенные тактические выгоды и ошутимые успехи русской стороне. Предложения польского короля об ударе на Азов и турецкие городки на Днестре были как раз вполне осуществимы, что показал третий, османский этап русско-турецкой войны 1686–1700 гг., когда русской армии удалось взять и то и другое, хотя и не в ходе одной кампании²⁴. Проблема, однако, заключалась в том, что у русского военно-политического руководства, и главным образом у самого В. В. Голицына, уже в 1685–1686 гг. сформировалась убежденность в необходимости нанесения главного удара не по османской военной инфраструктуре в регионе, а именно по Крымскому ханству с целью его военно-политического подчинения в той или иной форме. В этих условиях Голицын принять польские предложения не мог, даже перед лицом того, что никакой помощи (хотя бы в виде отвлечения на себя сил белгородской орды) царская армия в ближайшее время не получит. Русский главнокомандующий любой ценой стремился реализовать свою крымскую стратегию, что очевидно проявилось уже в ближайшие месяцы.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).
Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.

Артамонов В. А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. 2 / отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Памятники исторической мысли, 2001. С. 295–328.

Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М. Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 30–49. DOI: 10.31857/S086956870012929-2.

Райчи (от 17 марта) гетману И. Самойловичу. Ср.: *Wagner M.* Kampania kamieniecka... S. 469.

24 Об основных событиях русско-турецкой войны и ее периодизации см.: *Гуськов А. Г., Кочегаров К. А., Шамин С. М.* Русско-турецкая война 1686–1700 гг. // Российская история. 2020. № 6. С. 30–49.

Kochegarov K. A. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М.: Индрик, 2008. 504 с.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. 2. 1676–1688. СПб.: в типографии II отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. 974 + 3 с.

Chowaniec Cz. Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r. Oświęcim: Napoleon V, 2015. 128 s.

Wagner M. Kampania kamieniecka 1687 roku // Biblioteka epoki nowożytnej. T. 5. № 2. Hortus bellicis. Studia z dziejów wojskowości nowożytnej. Prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu / pod red. K. Bobiatyńskiego, P. Gawrona, K. Kossarzeckiego, P. Krolla, D. Milewskiego. Warszawa: Neriton, 2017. S. 467–486.

References

Artamonov, V. A. “Strany Vostochnoi Evropy v voine s Osmanskoj imperiej (1683–1699 gg.)” *Osmanskaia imperaia i strany Tsentral'noi, Vostochnoi i Iugo-Vostochnoi Evropy v XVII v.*, vol. 2, ed. by G.G. Litavrin, Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2001, pp. 295–328.

Chowaniec, Cz. *Wyprawa Sobieskiego do Mołdawii w 1686 r.* Oświęcim: Napoleon V, 2015, 128 p.

Gus'kov, A. G., Kochegarov, K. A., Shamin, S. M. “Russko-turetskaia voina 1686–1700 gg.” *Rossiiskaia istoriia*, 2020, no. 6, pp. 30–49. DOI: 10.31857/S086956870012929-2.

Kochegarov, K. A. *Rech' Pospolitaia i Rossiia v 1680–1686 godakh. Zakliuchenie dogovora o Vechnom mire.* Moscow: Indrik, 2008, 504 p.

Wagner, M. “Kampania kamieniecka 1687 roku.” *Biblioteka epoki nowożytnej*, vol. 5, no. 2. *Hortus bellicis. Studia z dziejów wojskowości nowożytnej. Prace ofiarowane profesorowi Mirosławowi Nagielskiemu*, ed. by K. Bobiatyński P. Gawron, K. Kossarzecki, P. Kroll, D. Milewski. Warszawa: Neriton, 2017, pp. 467–486.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.01

K. A. Kochegarov

**Russian-Polish relations before the first Crimean campaign.
Alexander Skop's diplomatic trip to Moscow at the beginning of 1687**

Kirill A. Kochegarov

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: kirill-kochegarow@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9877-7381

Citation

Kochegarov K. A. Russian-Polish relations before the first Crimean campaign. Alexander Skop's diplomatic trip to Moscow at the beginning of 1687 // *Slavic Almanac*. 2022. No. 1–2. P. 12–27 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.01

Acknowledgements

The study was funded by Russian Foundation for Basic Research, project no 20-09-42015.

Received: 15.01.2022.

Abstract

The article focuses on the Russian-Polish negotiations on the development of a joint plan for military operations shortly after the conclusion of the Eternal Peace and Alliance. The Commonwealth counted on Russian support during the campaign against Moldavia in the summer-autumn of 1686, but did not receive it sufficiently. The Russian government at the same moment was entirely engaged in the preparing of the first Crimean campaign. The new round of negotiations between Moscow and Warsaw took place at the end of 1686 — the beginning of 1687. The Polish diplomacy intended to review and to refine plans of the military cooperation to achieve its own goals in the most effective way. John Sobieski's military plan consisted of three phases. At first, Russian army was to march to the lower Dnepr to storm Ottoman fortresses located there, Ochakov and Kinburn, and possibly Azov, then to help the Polish-Lithuanian troops to defeat the Belgorod Horde and to seize Budzhak, and finally to invade the Crimean Peninsula, with the support of the king's troops. Should the plan have been fulfilled, the Russian government would have gained some tactical benefits, but the Muscovite commander, prince

Vasilij Golitsyn refused to accept it. The reason for the refusal was the intention of the Russian side in the current military campaign to exert military and political pressure primarily on the Crimean Khanate, without inflicting serious blows on the possessions of the Ottoman Empire in the Black Sea region.

Keywords

Russia, the Polish-Lithuanian Commonwealth, John III Sobieski, Vasilij Golitsyn, the Russian-Turkish war 1686–1700, the first Crimean campaign in 1687.

Белоруссия и белорусы в антипольской стратегии Германии (1915–1939 гг.)

Баринов Игорь Игоревич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: barinovnoble@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. Белоруссия и белорусы в антипольской стратегии Германии (1915–1939 гг.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 28–47. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.02

Статья поступила в редакцию 01.09.2021.

Аннотация

В статье рассматривается роль и место белорусов и населенных ими территорий в германской стратегии против Польши до 1939 г. «Польский вопрос» традиционно был одним из наиболее болезненных для германского государства начиная с разделов Речи Посполитой. Первая мировая война и оккупация Германией большей части этнографической Польши поставила его решение на повестку дня. Допуская существование польской государственности, немцы одновременно искали ей действительный противовес. Особенно актуальным это стало после возрождения Польши в 1918 г. Вплоть до начала Второй мировой войны германская сторона внимательно следила за положением национальных меньшинств в Речи Посполитой. Вопреки устойчивому представлению, белорусское национальное движение получило от немцев положительную оценку и рассматривалось ими как один из способов расшатывания внутренней ситуации в польском государстве. Ситуация резко переменилась после поражения Польши в сентябре 1939 г. Переход белорусских земель под советский контроль и актуальные задачи по консолидации немецкого населения вывели белорусскую проблему за рамки рассмотрения. Несмотря на появление в рейхе сторонников германо-белорусского сближения, политики и военные так и не определили место белорусов в будущей германской стратегии.

Ключевые слова

Германия, Польша, белорусское меньшинство, белорусское национальное движение.

Интерес политических и интеллектуальных элит Германии к белорусским землям, возникший в годы Первой мировой войны и развивавшийся в межвоенный период, имел длительную и своеобразную предысторию. Стремление зафиксировать четкие границы рейха, чтобы преодолеть традиционный германский партикуляризм, опиралось на этнический (этнокультурный) принцип. В той или иной степени он работал на западных и северных рубежах страны. Во всех остальных случаях реализация данной задачи оставалась под вопросом. Наиболее проблемным здесь оставался Восток, где, по расхожей характеристике того времени, «сотни тысяч немецких соотечественников были обречены на гибель в славянском океане»¹. Польское большинство, достигшее в конце XIX — начале XX в. больших успехов во внутренней самоорганизации, стало живым выражением незавершенности германского государственного проекта².

Начало Первой мировой войны и оккупация русской части Польши в конце 1914 г. поставила перед германским руководством вопрос о вероятном воссоздании польского государства. Учитывая серьезные противоречия между немцами и поляками в восточных провинциях рейха, шаги в этом направлении воспринимались бы как минимум неоднозначно. В этом отношении возрождение Польши, по мнению немецких политиков, должно было состояться при таких условиях, которые бы раз и навсегда решили пресловутый «польский вопрос».

Стремясь решить эту непростую задачу, политики и военные в Берлине обратили свое внимание на территории, лежавшие восточнее традиционного ареала немецкой колонизации. Этому сопутствовало и дальнейшее продвижение германских войск вглубь России. К осени 1915 г. под контролем Германии оказались Литва и значительная часть Белоруссии, т. е. регионы, имевшие для поляков большое духовное значение и напоминавшие о былом могуществе Речи Посполитой. Именно тогда среди немецких специалистов начались активные дис-

1 *Hunkel E.* Deutschland und die Polenfrage im Weltkriege. Berlin, 1916. S. 6–7.

2 *Spät R.* Die “polnische Frage” in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918. Marburg, 2014. S. 34–44.

куссии о возможности использования данных территорий и их населения для противодействия польскому влиянию. Эти дискуссии продолжились даже после поражения Германии и появления на карте Европы независимого польского государства.

Следует отметить, что белорусский фактор антипольской политики Германии в указанное время долго оставался за рамками рассмотрения. В случае советских (российских) ученых это во многом связано со сложившейся «ментальной картой», где белорусы ассоциировались с другими, «внутренними» сюжетами. Для немецкой и шире — западной историографии данная проблематика представлялась периферийной и малозначимой. Вместе с тем белорусское направление германской стратегии прошло достаточно сложную динамику от политических заигрываний времен оккупации 1915–1918 гг. до одного из вероятных рычагов подрыва польского государства к концу 1930-х гг. Примечательно, что белорусский фактор (с теми или иными корректировками) присутствовал в германской стратегии вплоть до начала новой войны на Востоке в 1939 г.

Будущая Польша и вопрос «кресов» (1915–1918)

Решение «польского вопроса» в Германии предполагало, несмотря на все противоречия, теоретическую возможность реставрации Польши. Здесь сразу же возникла проблема определения ее будущих границ. Вызвавшая бурную реакцию у немецких политиков из самых разных идеологических лагерей, она оказалась двусоставной по своей сути. Так, после ответа на вопрос «быть или не быть польскому государству» следовало определиться, по какому принципу (этно-демографическому или территориально-географическому) оно должно будет развиваться.

В обоих случаях мнения разделились. По большей части дискуссии происходили между национально ориентированными германскими политиками. Среди них выделялись три основных лагеря: радикалы (выступали за организацию Польши как прямого германского протектората), консерваторы (считали, что воссоздать польское государство и контролировать его можно без коренного изменения статуса-кво) и аннексионисты (сторонники форсированной колонизации Востока). Как писал представитель национал-радикалов Эрнст Хункель, поляки всегда стремились к восстановлению государственности и никогда не отказались бы от тех частей старой Польши, которые достались Пруссии. В частности, польское государство было бы немислимо без таких знаковых мест (*geweihte Stätten*), как Гнезно и

Познань. С другой стороны, поляки также не откажутся от «исторически мотивированного» продвижения к устью Вислы и значимого с экономической точки зрения выхода к морю. Таким образом, как отмечал Хункель, под угрозой оказалась бы обширная область на восточном берегу Эльбы, из которой когда-то выросло бранденбургско-прусское государство. Утрата господствующего положения в этой «сердцевине», по словам автора, подрывала сам фундамент рейха³.

Предлагая пути выхода из ситуации, Хункель предлагал сохранить «конгрессовую Польшу» (так немцы называли польские земли, вошедшие в состав России после Венского конгресса 1815 г.) и создать с ней некую форму унии, при этом не включая ее в состав Германии. Таким образом, предполагалось создать нечто вроде нового Герцогства Варшавского, где герцогом становился германский кайзер. В случае если поляки сохранят дружественное отношение к немцам, им можно было дать самоуправление. При этом, однако, было необходимо ограничить иммиграцию и создать таможенную зону. В военном отношении новая Польша должна остаться под контролем Германии⁴.

С этой позицией в чем-то были солидарны и национал-консерваторы. Так, Отто Гёч, самый известный в ту пору немецкий специалист по Восточной Европе, соглашался, что Польша должна оставаться в зоне германского влияния даже в мирное время. При этом мотивация Гёча покоилась на иных принципах. По его представлению, немцы не были готовы к аннексии польских земель, тогда как Польша в виде «буферного» государства была бы экономически несостоятельна и зависима от кого-то из соседей. Решение этой проблемы Гёч видел в организации Польши как совместного владения Центральных держав⁵.

Идея польской самоорганизации активно критиковалась сторонниками форсированной колонизации восточных областей. Как указывал Йозеф Нойман, будущую Польшу необходимо было присоединить к Германии. В противном случае, по словам автора, оставался риск возникновения «нового очага политических происков и ирредентизма». По мнению Ноймана, это было оправданно и с экономической точки зрения: производственные мощности бывшей русской Поль-

3 *Hunkel E.* Deutschland und die Polenfrage... S. 6–7.

4 *Ibid.* S. 20.

5 *Zieliński D.* Nacjonałiści i konserwatyści niemieccy wobec kwestii polskiej w czasie I wojny światowej // *Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918.* Warszawa, 2019. S. 513–517.

ши должны были благотворно сказаться на экономическом развитии Верхней Силезии. Восточная граница Польши в рамках данной концепции шла по условной линии Брест — Гродно — Ковно⁶. При этом для сохранения баланса предполагалось организовать в Польше «подпечное государство» (*Schutzstaat*) Германии. Симптоматично, что Нойман использовал здесь терминологию, до этого применявшуюся лишь по отношению к германским колониям в Африке.

Стоит заметить, что подобный подход разделяли далеко не все. Так, автор меморандума «Новая Польша» Макс Кранц подчеркивал, что польское государство может быть создано лишь там, где поляки обладают подавляющим большинством и проживают компактно. Поскольку поляки, по словам Кранца, продемонстрировали свою способность вполне мирным путем создать «государство в государстве», следовало выселить их из прусского пограничья и запереть в изначальных языковых границах, лишив «возможности для неумолимого расширения». Максимальное продвижение на Восток Кранц ограничивал линией Брест — Белосток — Граево⁷. Проблема, однако, заключалась в том, что, по данным краеведческой комиссии при генерал-губернаторстве в Варшаве, поляки имели «подавляющее большинство» (т. е. свыше 90 %) только в отдельных районах центра, юга и юго-запада бывшего Царства Польского. Там, где существовало преобладание на уровне 80 %, они уже вклинивались в другие «зоны расселения» (*Siedlungsgebiet*), прежде всего немецкую на западе и украинскую — на юго-востоке⁸.

Подобное положение заставило немецких теоретиков перенести фокус своего внимания дальше на Восток. Так, один из лидеров пангерманистов Генрих Класс предлагал создать польское государство на территориях, отнятых у России. Восточная граница Польши должна была пройти по Днепру. С запада же ее должен был подпираť своеобразный «пояс безопасности» (Калиш — Влоцлавек — Бендзин — Сувалки), которым отгораживалась Германия. «Кресы», в свою очередь, становились компенсацией за потерю земель на севере и западе⁹. Любопытно, что за эту идею ухватился Владислав Студницкий, самый

6 *Neumann J.* Beiträge zur Lösung der polnischen Frage. Berlin, 1916. S. 7–11.

7 *Kranz M.* Neu-Polen. München, 1915. S. 32, 92.

8 *Handbuch von Polen (Kongress-Polen): Beiträge zu einer allgemeinen Landeskunde.* Berlin, 1918. Karte XII–XIII.

9 *Zieliński D.* Nacjonalisci i konserwatyści niemieccy... S. 488.

известный польский германofil своего времени. По его словам, «естественная восточная граница» Польши должна была пройти по Двине и Березине. Как писал Студницкий, если поляки получили бы «кресы», там можно было бы создать колонизационную область для привлечения польского населения из рейха. Это улучшило бы экономическую ситуацию, создав рынок сбыта для промышленно развитых областей «конгрессовой Польши», и избавило бы ее от перенаселенности. Сюда же, по мнению этого автора, можно было в дальнейшем переселить балтийских немцев. Напротив, «искусственное культивирование белорусской национальности», по словам Студницкого, не имело никакого политического смысла, поскольку «невозможно было создать нацию там, где она сама не возникла в течение столетий»¹⁰.

Вопросы разграничения с поляками действительно ставили вопрос о роли и месте белорусов. Здесь немцы оказались в непростой ситуации. В первую очередь это было связано с тем, что наиболее осязаемыми для них были литовские земли, с которыми Германия непосредственно граничила. Можно говорить, что узнавание немцами Белоруссии происходило на фоне «переоткрытия» Литвы как места исторического соприкосновения со славянами. При этом немцы отдавали себе отчет в том, что наполнение самого понятия «Литва» сильно зависело от национально-политических предпочтений и устремлений соперничавших за ее наследие народов. Определяя Вильно и Гродно как литовские территории, немецкие специалисты осознавали, что далеко не везде местное население состояло из этнических литовцев¹¹. Тем не менее попытки отделить одних от других по этническому / языковому принципу наталкивались на множественную идентичность жителей пограничья. В немецком сознании не укладывалось, что человек мог говорить сразу на нескольких местных языках и в зависимости от обстоятельств по-разному идентифицировать себя. Так, немецкий бюрократ, ожидая услышать этноним «белорус», который уже успел выучить, мог вместо этого получить в ответ «поляк» (если респондент был католиком), «русский» (т. е. тот, кто не ходит в костел и не использует польский язык), «тутейший» (если речь шла о малой родине).

Используя составленную Ефимом Карским карту белорусских говоров, немцы на ходу вносили в нее коррективы. Так, сотрудник

¹⁰ *Studnicki W.* Die polnische Ostmarkenfrage. Warschau, [1917]. S. 10, 32–33, 44.

¹¹ *Zechlin E.* Litauen // Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas. Leipzig, 1917. S. 68–69.

упомянутой краеведческой комиссии Арвед фон Шульц (выходец из русских немцев) разграничивал белорусов и поляков на Западе примерно по линии Карского, однако некоторые места (Августов, Гродно и Белосток) выделил как переходную зону¹². Коллега Шульца, Ханс Презент, критиковал Карского за чисто языковой подход. В частности, вслед за Казимиром Ничем Презент указывал, что на севере Гродненщины живут не белорусы, а говорящие по-белорусски поляки, тогда как наличие белорусского населения в Сувалкской губернии само по себе являлось спорным вопросом¹³.

Все эти факторы способствовали тому, что немцы не могли выделить четкую «зону расселения» белорусов. Для структурирования пространства на Востоке это был один из ключевых элементов. Из-за этого дискуссия о «кресах» не нашла своего логического завершения. Часть немецких авторов считала, что избыток польского населения следовало выдавить на Восток (например, в Гродненскую губернию¹⁴). Место для этого можно было освободить путем выселения большей части белорусов в Сибирь¹⁵ или обмена населением с поволжскими немцами¹⁶. Другие эксперты полагали, что «поляки, которые не готовы терпеть бесправие, всегда готовы сами его творить, становясь господами для народов западной России, уверяя, что те тоскуют по их сильной руке и что культуру, которая у них есть, они получили от поляков». В этой связи ни в коем случае нельзя было допустить образования «буферной» Польши и попадания «кресов» в польские руки¹⁷.

Поражение Германии в Первой мировой войне и возникновение польского государства лишь обозначили реконфигурацию предыдущей стратегии. Белорусские земли, теперь ставшие частью Польши, по-прежнему оставались в зоне повышенного внимания Берлина.

Борьба за границы (1919–1933)

Еще до окончательного международного признания собственных границ новая Польша вступила в затяжной пограничный конфликт с Германией. По результатам этого противостояния поляки закрепили

12 Handbuch von Polen. Karte XII.

13 *Praesent H.* Die Nationalitätenverteilung im Gouvernement Suwalki // Petermanns Mitteilungen. 1919. Jg. 65. S. 14.

14 *Hunkel E.* Deutschland und die Polenfrage... S. 26.

15 *Bartels A.* Der Siegespreis. Weimar, 1918. S. 24–27.

16 *Zieliński D.* Nacjonaliści i konserwatyści niemieccy... S. 489.

17 *Kranz M.* Neu-Polen. S. 33–34, 92.

за собой всю Великую Польшу и часть Верхней Силезии, а немецкое население бывших восточных провинций рейха превратилось в неояльное (с точки зрения польских властей) меньшинство. Травматичность этих событий оказала прямое влияние на стратегическое мышление политического руководства Германии. В этой связи стоит отметить, что немцев с этого момента интересовали не только вопросы польско-германской границы, но и все спорные регионы Второй Речи Посполитой. Так, они были не против видеть Виленщину литовской (как это произошло осенью 1939 г.) или даже белорусской (в немецких публикациях встречался тезис о белорусском характере этого края¹⁸), но не польской. Изучая проявления ирредентизма на восточной окраине Польши, специалисты мысленно оценивали аналогичные возможности немецкого меньшинства.

Что касается политики Германии на белорусском направлении, то она была весьма разнородной и противоречивой. Интерес к белорусскому национальному движению и контакты с различными политическими представительствами шли параллельно друг другу. При этом всякий раз оба направления рассматривались немцами, в зависимости от обстоятельств, через польскую или советскую оптику. Данный подход к белорусской проблематике, который будет сохраняться на протяжении десятилетий, ярко отразился на отношениях с Белорусской народной республикой (БНР) и советской Белоруссией (БССР).

Миссия БНР в Берлине, работавшая с начала 1919 г., фактически была признана Германией, когда немцы стали визировать белорусские паспорта¹⁹. Тем не менее официального признания не последовало. По уверениям германской стороны, это было обусловлено тем, что сперва БНР должна признать Антанту. Однако, как показывают документы из архива МИД Германии, заметную роль здесь играло текущее положение Польши. Согласно имеющимся данным, весной — летом 1920 г. представители правительства БНР в Берлине вели переговоры с различными немецкими политическими группами с целью получения материальной помощи. Помимо прочего, она требовалась для «ликвидации экспансионистских планов Польши» и установления непосредственной германо-белорусской границы в районе Августов — Граево. По замыслу белорусов, они должны были стать своего рода мостом между большевистской

18 *Strecker K.* Auf den Spuren Hindenburgscher Verwaltung. Erlebnisse und Ergebnisse einer Studienfahrt in Ob. Ost. Berlin, 1917. S. 12; *Hejke M.* Wilno. Stadt zwischen Ost und West. Bromberg, 1935. S. 61–66.

19 *Чернякевич А. Н.* БНР: триумф побежденных. Минск, 2018. С. 120–121.

Россией и Германией. В свою очередь, возвращение на белорусские земли «нормальной жизни» должно было уберечь от катаклизмов Восточную Пруссию. В подтверждение того, что Белоруссия может стать для нее естественным тылом, белорусы представили в МИД карту БНР, где ее границы действительно соприкасались с прусскими в районе Лыка. После многочисленных заверений в поддержке в июле 1920 г. белорусы получили отрицательный ответ. Как небезосновательно подозревали представители БНР, этому способствовала уверенность немцев в том, что Польша на тот момент была на грани разгрома²⁰.

Стоит отметить, что в Берлине и в дальнейшем отталкивались от статуса-кво. Рижский договор 1921 г. был болезненным для белорусов, тогда как для немцев он, наоборот, прояснил текущую расстановку сил. Советская Белоруссия, как и Россия, теперь ассоциировалась у них с торговлей, научно-техническим и культурным сотрудничеством. Заключенный в ноябре 1922 г. договор между Германией и БССР (как часть «большого» Рапалльского договора) лишь оформлял уже существовавшие на тот момент связи. Западная часть Белоруссии, оказавшаяся в составе Польши, играла свою политическую роль. Общим местом немецких публикаций, касавшихся белорусов, вплоть до конца 1930-х гг. стала критика демографической статистики и репрессивных практик польских властей на Востоке²¹.

Наряду с этим в Германии наблюдали за текущим состоянием белорусского движения. Еще в апреле 1920 г. Институт заграничных немцев в Штутгарте (занимался изучением положения немецких меньшинств) заинтересовался границами, отраженными на карте БНР, и хотел установить прямой контакт с белорусской миссией²². Как следует из перехваченного поляками донесения, германское посольство в Риге в апреле 1924 г. сообщало в МИД, что «самосознание» белорусов «выросло в очень высокой степени» и что они «обращают внимание на Виленщину и считают Вильно своей столицей»²³. Для получения актуаль-

20 Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA). RZ 208/84326, Bl. 1–4, 20.

21 *Wedel H. v.* Die weissrussische Frage in Polen // *Preußische Jahrbücher*. Bd. 217 (1929). S. 210–214; *Maas W.* Die Weissrussen in Polen // *Nation und Staat*. Juli/August 1930. S. 682–692; *Doubek F. A.* Die Ostgrenze der polnischen Volkstumsmehrheit // *Jomsburg*. Bd. 1 (1937). S. 474–481.

22 PA AA. RZ 208/84330, Bl. 1.

23 Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308к. Оп. 8. Д. 61. Л. 6.

ной информации в 1931 г. при Тайном государственном архиве Пруссии было организовано так наз. Бюро публикаций (*Publikationsstelle*). Изначально оно должно было отслеживать всё, что появлялось в польской печати и касалось Германии, однако вскоре занялось и межнациональными отношениями в польском государстве.

Внимательно следили за положением белорусов в Польше и представители местного немецкого меньшинства. В межвоенный период из их числа выдвинулась целая плеяда интеллектуалов (Эрих Йенш, Вальтер Маас, Мариан Гепке). Перспективы белорусского национального возрождения оценивалось ими достаточно позитивно. Хотя, как писал Йенш, национального белорусского государства никогда не существовало, сплочение белорусов происходило за счет языка и расовых (!) отличий. Латентный национализм большинства сельского населения, по словам автора, постепенно возрастал под влиянием польского террора. По мнению Йенша, немцы Польши, ослабленные и распыленные между другими народами, в отличие от белорусов вряд ли могли надеяться на положительный исход²⁴. Примечательно, что уже на выборах 1922 г. в польский сейм немцы шли вместе с белорусами в блоке национальных меньшинств и фактически обеспечивали финансовую сторону его предвыборной кампании²⁵.

Кроме того, немецкие публикации постоянно касались вопроса, где заканчиваются собственно польские земли и начинаются белорусские. Следует отметить, что он изначально не предполагал конструктивного ответа, а сама его постановка носила политический характер. Впрочем, немцев интересовала и конкретика. Так, молодой ученый Гавриил Горецкий, приехавший в 1926 г. по заданию Инбелкульта в Потсдам для исследования материалов военной переписи населения 1916/17 гг., не смог получить их. По словам Горецкого, документы находились в «большой научной разработке»²⁶.

Вероятно, наиболее вдумчивая попытка провести польско-белорусскую языковую границу принадлежала географу Йозефу Чеху. По его мысли, линия Керзона, установленная 8 декабря 1919 г., одновременно была западной границей «зоны расселения» белорусов. При

24 *Mornik S. [Jensch E.] Polens Kampf gegen seine nichtpolnischen Volksgruppen. Berlin; Leipzig, 1931. S. 140–146.*

25 *Пашкевіч А. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.). Дысертацыя... кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2006. С. 42.*

26 *Гарэцкі Г. Межы Заходняй Беларусі у Польшчы. Менск, 1928. С. 12.*

этом Белосток, Соколка и Августов представляли собой переходную зону с заметным польским влиянием. Что касается северо-восточной границы, то у Чеха она выглядела следующим образом. От Друи она тянулась на юг восточнее Браслава и Видзы до Годутишек, примерно соответствуя границе старой Ковенской губернии. Затем она поворачивала на юг до Лынтупов (по линии Карского), после чего шла на юго-запад, огибая польскую языковую зону вокруг Вильно. Далее она проходила западнее Ошмян и восточнее Солечников по линии Ивье — Жирмуны — Радунь — Друскеники — река Марыха. От Жирмун до Марыха граница опять же примерно соответствовала линии Карского, тогда как ее участок от Видзы до Ошмян предопределял будущую советскую, а вслед за ней и современную белорусско-литовскую границу²⁷.

Выделенные тенденции белорусской стратегии Германии, появившиеся во времена Веймарской республики, сохранились и после прихода к власти Гитлера. При этом ключевое значение Востока для «германского будущего», провозглашенное нацистами, сделало политику на этом направлении особенно уязвимой для экспансии новой идеологии.

«Германский восток» и белорусский фактор (1933–1939)

Тезис об уникальности цивилизационного ландшафта, сложившегося в результате германской восточной колонизации, стал одним из центральных в политической философии национал-социализма. В свою очередь, из него проистекала идея о возвращении «восточных территорий», которые бы одновременно стали «фронтом» против натиска «расово чуждых народов»²⁸. Именно в это время произошла подмена понятий, когда традиционный «восток Пруссии» (*preußischer Osten*) стал «германским Востоком» (*deutscher Osten*).

Стоит отметить, что изучение текущих реалий Восточной Европы в то время шло в Германии по двум траекториям. Первая имела скорее прикладной характер, больше ориентируясь на экономику и общественные отношения. Вторая, напротив, подразумевала корректировку идеологической доктрины с учетом полученных данных. Вся эта работа проводилась в так называемых «восточных» научных центрах — Кенигсберге и Бреслау.

²⁷ *Czech J.* Die Bevölkerung Polens. Zahl und völkische Zusammensetzung. Breslau, 1932. S. 75–77.

²⁸ *Maschke E.* Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slawischen Grenzraum. Leipzig, 1933. S. 47.

Указанные траектории в основном шли параллельно, и это выражалось в различных оценках действительности. Так, Бруно Плечке, географ из Кенигсбергского университета, в январе 1935 г. подготовил обширный меморандум под названием «О белорусском вопросе в Польше». Указывая, что «практически прямое соприкосновение» с белорусами в районе Лык — Гродно заставляет немцев «чаще, чем прежде, интересоваться Белоруссией», Плечке, несомненно, имел перед глазами карту БНР. Границы компактного расселения белорусов были, соответственно, перенесены им с карты Карского²⁹. Описывая белорусское сообщество, Плечке отмечал, что лишь у малой его части присутствовало выраженное национальное сознание. Отсутствие политического единства и социальная разрозненность также не способствовали, по его мнению, формированию прочной основы для национального государства. По оценке Плечке, в ближайшее время на белорусское движение не стоило рассчитывать в политическом отношении. Оно не доставляло особых забот полякам, так как было гораздо слабее, чем украинское, и в перспективе не стало бы сильнее³⁰. Основной акцент Плечке делал на экономической стороне вопроса. По его словам, поскольку белорусы «всегда были дружественны по отношению к немцам», это нужно было использовать в интересах Восточной Пруссии. Так, Кенигсберг должен был стать основным портом для «таких важных белорусских центров, как Вильна, Новогрудок, Минск, Гродно и Белосток». Не менее важным представлялся водный путь по Неману до Припяти, в богатое древесиной Полесье³¹.

Выразителем другого подхода стал еще один специалист из Кенигсберга — Теодор Оберлендер. Он полагал, что германская стратегия должна была опираться исключительно на немецкие меньшинства. Занимая в середине 1930-х гг. пост руководителя Союза германского Востока, Оберлендер фактически координировал все мероприятия, связанные с антипольской активностью. Наряду с этим он продвигал собственную концепцию «аграрной перенаселенности» Польши. Как считал Оберлендер, переизбыток населения в сельской местности и его несоразмерность имевшемуся «жизненному пространству» могли стать причиной социальных катаклизмов. Согласно данным, приведенным в монографии Оберлендера, прирост

29 *Plaetschke B.* Schulungsbrief des Bundes Deutscher Osten zur weißrussischen Frage in Polen. [Königsberg], 1935. Bl. 1–2, 9.

30 *Ibid.* Bl. 3–7.

31 *Ibid.* Bl. 8–9.

населения на польских землях в целом соответствовал норме, тогда как на востоке страны он сильно превышал средние значения. Так, в Полесье он был выше более чем на половину, в Новогрудке — более чем на 30 %, в Вильно и Белостоке — примерно на 27 %³². Белорусы как таковые не интересовали Оберлендера, однако «защита интересов немцев на северо-востоке» (*Deuschtumsarbeit im Nordosten*) затрагивала их этническую территорию. Заняться исследованием этой проблемы Оберлендер предложил своему коллеге из Кенигсбергского университета, Вернеру Конце.

На тот момент Конце собирал материалы для своей докторской диссертации, посвященной аграрной реформе в Великом княжестве Литовском в середине XVI в., и был хорошо знаком с белорусской тематикой. Пользуясь протекцией Оберлендера, молодой докторант несколько раз получал финансирование для изучения Виленского края от Бюро публикаций (в апреле 1936 г., на месяц), от Северо-Восточного исследовательского общества (в апреле 1937 г., на три месяца) и от Германского исследовательского общества (дважды, летом 1936 и в начале 1938 гг.)³³. Помимо чисто научной работы, Конце выяснял текущее положение белорусского населения. Выпущенная им по результатам поездок брошюра «Белорусский вопрос в Польше» демонстрировала знакомство автора с работой Плечке (вплоть до прямых текстуальных заимствований) и во многом повторяла ее выводы. При этом в брошюре ощущалось сильное влияние концепции Оберлендера. В частности, Конце отмечал, что вопрос перенаселенности белорусской деревни стоит остро, тогда как возможности покинуть ее практически полностью перекрыты властями³⁴. Населенные белорусами земли именовались в брошюре «неопределенной переходной зоной между Россией и Европой», испытывавшей, однако, благотворное влияние «германского порядка» (имелось в виду Магдебургское право). Со стратегической точки зрения они рассматривались как вероятное пространство для действий против Москвы. Общие выводы были неопределенными и расплывчатыми. По словам Конце, взаимоотношения с «белорусским племенем» были одним из многих нерешенных вопросов на восточных границах рейха, и только будущее могло показать, что будет дальше³⁵.

32 *Oberländer Th.* Die agrarische Überbevölkerung Polens. Berlin, 1935. S. 31.

33 *Handbuch der völkischen Wissenschaften.* Berlin, 2017. S. 94–95.

34 *Conze W.* Die weißrussische Frage in Polen. Berlin, 1938. S. 7–8.

35 *Ibid.* S. 9–10.

Как представляется, в Берлине действительно готовились занять выжидательную позицию. Этому способствовала противоречивая информация, поступающая от специалистов. Исходя из рассуждений Оберлендера, столкновение белорусов и поляков было неминуемым. В этом отношении они могли стать одним из рычагов влияния на ситуацию. Вместе с тем инструменты взаимодействия с белорусской стороной были неочевидными, а его вероятные перспективы и последствия — неясными. По объективным причинам немцы не связывали с белорусами больших надежд. Несмотря на общую тональность дружественности, в немецких публикациях неизменно отмечалось, что в политическом отношении опираться можно лишь на узкую прослойку интеллигентов.

Знали немцы и об оценках белорусского движения со стороны поляков. Так, в 1936 г. Бюро публикаций подготовило перевод работы Юзефа Вонсовича «Восточные кресы». В частности, белорусы описывались в ней как «почти исключительно крестьянское общество», где отсутствовал средний класс и не было никакой реальной воли его создать. Как указывал автор, «первые и нисколько не убедительные признаки» белорусского национального возрождения проявились лишь в революцию 1905 г. Помимо прочего, были выделены проблемы русификации, полонизации и сохранения традиционного локального самосознания (тутейшости)³⁶. Выводы Вонсовича нашли отражение у немецких авторов. В статье Петера Шайберта, еще одного специалиста из Кенигсбергского университета, отмечалось, что белорусы, расколотые по культурному и религиозному признаку, всегда находились в зоне русского / польского влияния и поэтому не смогли сформировать «цельный политический характер»³⁷. Тем не менее Берлин продолжал держать белорусов в поле зрения в рамках традиционной немецкой концепции «охвата» (*Erschließung*), когда в рамках стратегии в каком-то регионе учитывались по возможности все, даже незначительные факторы.

* * *

В целом следует подчеркнуть, что германская стратегия в отношении Белоруссии и белорусов с самого начала была сильно подвержена внешним влияниям и диктовалась в основном актуальной повесткой дня. Так, начиная со времен Первой мировой войны она носила вы-

36 *Wąsowicz J.* Die Ostgebiete. Berlin, 1936. S. 8.

37 *Scheibert P.* Der weißrussische politische Gedanke bis 1919 // Jomsburg. Bd. 2 (1938). S. 354.

раженный антипольский характер. Вместе с тем, невозможность вывить, в силу ряда обстоятельств, перспективы от вовлечения белорусов в стратегическое планирование сделала их роль второстепенной. При этом контакты немцев с белорусами были обусловлены не только текущей политикой, но и утилитарными соображениями. Учитывая фактор БНР в борьбе с Польшей и в определенной мере признавая ее субъектность, Германия одновременно налаживала отношения с БССР с целью укрепить свое экономическое положение.

После закрепления новых польских границ положение меньшинств в Речи Посполитой стало объектом пристального внимания со стороны Берлина. Оценки белорусского национального движения со стороны немецких авторов были противоречивыми. Мнения колебались от достаточно позитивных (они в первую очередь исходили со стороны «польских» немцев, непосредственно знакомых с белорусской тематикой) до весьма скептических. Исходя из этого, руководство Германии заняло место пассивного наблюдателя, постоянно следя за тем, что происходит на восточной окраине польского государства. Стоит заметить, что и в веймарские времена, и при нацистах долгосрочный расчет делался на социальный взрыв в белорусской среде. В первом случае, однако, его связывали с подавлением поляками этнокультурной индивидуальности белорусов, а во втором — с резким приростом населения при одновременном сокращении «жизненного пространства» для него.

В результате сентябрьской кампании вермахта в 1939 г. Польша перестала существовать как государство. Присоединение областей, населенных белорусами, к Советскому Союзу в сознании немцев полностью перевело их в сферу влияния Москвы. Эти события были восприняты германской стороной неоднозначно. С одной стороны, Польша была повержена, а польское наследие, о котором предупреждал Оберлендер, досталось Советскому Союзу. Тем не менее теперь между немцами и белорусами возникла реальная и достаточно протяженная граница, которая одновременно стала местом соприкосновения рейха с «азиатским большевизмом». На этом фоне в следующем, 1940 г. в Германии появился ряд публикаций с весьма однозначным посылом. Так, новая этнополитическая карта Белоруссии³⁸ частично ориентировалась на данные польской переписи 1931 г., которая до этого всячески

38 *Doubek F. A.* Die neuen Abgrenzungen der Weissruthenischen Sowjetrepublik: ihr Verhältnis zum Weissruthenischen Volkstumsgebiet und zu älteren politischen Grenzen. Leipzig, [1940].

критиковалась немецкими авторами. Если карта БНР придвигала белорусскую границу вплотную к Германии, то карта 1940 г., напротив, отодвигала ее как можно дальше, поскольку границы, проведенные Карским, залезали на территорию рейха.

Конце, к тому моменту завершивший диссертацию и выпустивший ее отдельной монографией в серии «Германия и Восток», делал акцент не только и не столько на исторических событиях, сколько на концептуальных моментах. Прежде всего автора интересовали если не немецкие, то заимствованные у немцев формы общественной организации и тот резонанс, какой они получили среди литовского и белорусского населения. Как писал Конце, идеей Сигизмунда Августа было превратить крестьян в свободных хозяев по немецкому образцу. Предполагалось, что малая семья будет обрабатывать фиксированный надел (гуфу), а в случае нехватки земли будет осваивать новое пространство. Литовцы, по мнению автора, оказались готовы перенять «немецкий порядок» в более-менее чистом виде. Реакция белорусов оказалась полностью противоположной. Из-за проявившейся уже в те времена перенаселенности требовалось гораздо больше новой земли и, соответственно, больших затрат. Белорусы, по словам Конце, не хотели и не могли выполнить эту задачу. Несмотря на предписание властей, они занимали лишь половину отведенной гуфы или продолжали жить большими семьями на старых участках, в результате чего половина земельного фонда пустовала. По мнению автора, это обозначило конфронтацию славянского населения с германским аграрным порядком³⁹.

Разгром Польши и «воссоединение» Белоруссии полностью реконфигурировали всю германскую стратегию на белорусском направлении. Несмотря на появление в 1939–1940 гг. белорусофилов (таких как Ойген фон Энгельгардт), которые подчеркивали важность сотрудничества с «восточным соседом», общее настроение по отношению к белорусам постепенно переменялось от сдержанно-положительного к скептически-пренебрежительному. Значительное влияние здесь имели актуальные задачи нацистского руководства, прежде всего консолидация немецкого населения на Востоке. Подготовка плана «Барбаросса» и вовсе переместила белорусов в иную плоскость, в результате чего они постепенно стали объектом политических манипуляций и деструктивных практик.

39 Conze W. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weißrußland. Leipzig, 1940. S. 128–129.

Источники и литература

Российский государственный военный архив (РГВА).
 Politisches Archiv des Auswärtigen Amts (PA AA).

Гарэцкі Г. Межы Заходняй Беларусі у Польшчы. Менск: б. и., 1928. 168 с.

Пашкевіч А. Парламенцкія формы змагання за нацыянальныя і сацыяльныя правы беларускага народа ў міжваеннай Польшчы (1921–1930 гг.). Дысэртацыя... кандыдата гістарычных навук. Мінск, 2006. 162 с.

Чернякевич А. Н. БНР: триумф побежденных. Минск: Янушкевич, 2018. 304 с.

Bartels A. Der Siegespreis. Weimar: Roltsch, 1918. 47 s.

Conze W. Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weißrußland. Leipzig: Hirzel, 1940. 249 s.

Conze W. Die weißrussische Frage in Polen. Berlin, 1938. 10 s.

Czech J. Die Bevölkerung Polens. Zahl und völkische Zusammensetzung. Breslau: Marcus, 1932. 232 s.

Doubek F. A. Die neuen Abgrenzungen der Weissruthenischen Sowjetrepublik: ihr Verhältnis zum Weissruthenischen Volkstumsgebiet und zu älteren politischen Grenzen. Leipzig, [1940].

Doubek F. A. Die Ostgrenze der polnischen Volkstumsmehrheit // Jomsburg. 1937. Bd. 1. S. 474–481.

Handbuch der völkischen Wissenschaften. Berlin: De Gruyter, 2017. 942 s.

Handbuch von Polen (Kongress-Polen): Beiträge zu einer allgemeinen Landeskunde. Berlin: Reimer, 1918. 511 s.

Hunkel E. Deutschland und die Polenfrage im Weltkriege. Berlin: Deutscher Ostmarken-Verein, 1916. 28 s.

Kranz M. Neu-Polen. München: Lehmann, 1915. 104 s.

Maas W. Die Weissrussen in Polen // Nation und Staat. 1930. Juli/August. S. 682–692.

Maschke E. Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slawischen Grenzraum. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1933. 61 s.

Mornik S. Polens Kampf gegen seine nichtpolnischen Volksgruppen. Berlin-Leipzig: De Gruyter, 1931. 154 s.

Neumann J. Beiträge zur Lösung der polnischen Frage. Berlin: Deutscher Städte-Verlag, 1916. 32 s.

Oberländer Th. Die agrarische Überbevölkerung Polens. Berlin: Volk und Reich, 1935. 118 s.

Plaetschke B. Schulungsbrief des Bundes Deutscher Osten zur weißrussischen Frage in Polen. [Königsberg], 1935. 9 Bl.

Praesent H. Die Nationalitätenverteilung im Gouvernement Suwalki // Petermanns Mitteilungen. 1919. Jg. 65. S. 12–16.

Scheibert P. Der weißrussische politische Gedanke bis 1919 // Jomsburg. 1938. Bd. 2. S. 335–354.

Spät R. Die „polnische Frage“ in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918. Marburg: Herder-Institut, 2014. 477 s.

Strecker K. Auf den Spuren Hindenburgscher Verwaltung. Erlebnisse und Ergebnisse einer Studienfahrt in Ob. Ost. Berlin: Schwetschke, 1917. 42 s.

Studnicki W. Die polnische Ostmarkenfrage. Warschau: Deutsche Staatsdruckerei, [1917]. 44 s.

Wąsowicz J. Die Ostgebiete. Berlin: Publikationsstelle, 1936. 15 s.

Wedel H. v. Die weissrussische Frage in Polen // Preußische Jahrbücher. 1929. Bd. 217. S. 210–214.

Zechlin E. Litauen // Westrussland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas. Leipzig: Teubner, 1917. S. 68–87.

Zieliński D. Nacjonaliści i konserwatyści niemieccy wobec kwestii polskiej w czasie I wojny światowej // Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019. S. 469–559.

References

Bartels, A. *Der Siegespreis*. Weimar: RoLtsch, 1918, 47 p.

Cherniakovich, A. N. *BNR: triumf pobezhdenykh*. Minsk: Janushkevich, 2018, 304 p.

Conze, W. *Agrarverfassung und Bevölkerung in Litauen und Weißrußland*. Leipzig: Hirzel, 1940, 249 p.

Conze, W. *Die weißrussische Frage in Polen*. Berlin, 1938, 10 p.

Czech, J. *Die Bevölkerung Polens. Zahl und völkische Zusammensetzung*. Breslau: Marcus, 1932, 232 p.

Doubek, F. A. *Die neuen Abgrenzungen der Weissruthenischen Sowjetrepublik: ihr Verhältnis zum Weissruthenischen Volkstumsgebiet und zu älteren politischen Grenzen*. Leipzig, [1940].

Doubek, F. A. „Die Ostgrenze der polnischen Volkstumsmehrheit.“ *Jomsburg*, Bd. 1, 1937, pp. 474–481.

Handbuch der völkischen Wissenschaften. Hrsg. v. M. Fahlbusch, I. Haar, D. Hamann, A. Pinwinkler; Berlin: De Gruyter, 2017, 942 p.

Handbuch von Polen (Kongress-Polen): Beiträge zu einer allgemeinen Landeskunde. Hrsg. v. E. Wunderlich. Berlin: Reimer, 1918, 511 p.

Harętski, H. *Mezhy Zakhodniai Belarusi u Pol'shchy*. Minsk, s. n., 1928, 168 p.

Hunkel, E. *Deutschland und die Polenfrage im Weltkriege*. Berlin: Deutscher Ostmarken-Verein, 1916, 28 p.

Kranz, M. *Neu-Polen*. München: Lehmann, 1915, 104 p.

Maas, W. "Die Weissrussen in Polen." *Nation und Staat*, Juli/August, 1930, pp. 682–692.

Maschke, E. *Das Erwachen des Nationalbewußtseins im deutsch-slawischen Grenzraum*. Leipzig: J. C. Hinrichs, 1933, 61 p.

Mornik, S. *Polens Kampf gegen seine nichtpolnischen Volksgruppen*. Berlin-Leipzig: De Gruyter, 1931, 154 p.

Neumann, J. *Beiträge zur Lösung der polnischen Frage*. Berlin: Deutscher Städte-Verlag, 1916, 32 p.

Oberländer, Th. *Die agrarische Überbevölkerung Polens*. Berlin: Volk und Reich, 1935, 118 p.

Pashkevich, A. *Parlamentskiiia formy zmahannia za natsyianal'nyia i satsyial'nyia pravy belaruskaha naroda ũ mizhvaennaŭ Pol'shchy (1921–1930 hh.)*. PhD Thesis. Minsk, 2006, 162 p.

Plaetschke, B. *Schulungsbrief des Bundes Deutscher Osten zur weißrussischen Frage in Polen*. [Königsberg], 1935. 9 Bl.

Praesent, H. "Die Nationalitätenverteilung im Gouvernement Suwalki." *Petermanns Mitteilungen*, Jg. 65, 1919, pp. 12–16.

Scheibert, P. "Der weißrussische politische Gedanke bis 1919." *Jomsburg*. Bd. 2, 1938, pp. 335–354.

Spät, R. *Die "polnische Frage" in der öffentlichen Diskussion im Deutschen Reich, 1894–1918*. Marburg: Herder-Institut, 2014, 477 p.

Strecker, K. *Auf den Spuren Hindenburgscher Verwaltung. Erlebnisse und Ergebnisse einer Studienfahrt in Ob. Ost*. Berlin: Schwetschke, 1917, 42 p.

Studnicki, W. *Die polnische Ostmarkenfrage*. Warschau: Deutsche Staatsdruckerei, [1917], 44 p.

Wąsowicz, J. *Die Ostgebiete*. Berlin: Publikationsstelle, 1936, 15 p.

Wedel, H. v. "Die weißrussische Frage in Polen." *Preußische Jahrbücher*, Bd. 217, 1929, pp. 210–214.

Zechlin, E. "Litauen." *Westrusland in seiner Bedeutung für die Entwicklung Mitteleuropas*. Leipzig: Teubner, 1917, pp. 68–87.

Zieliński, D. "Nacjonaliści i konserwatyści niemieccy wobec kwestii polskiej w czasie I wojny światowej." *Pierwsza niemiecka okupacja. Królestwo Polskie i kresy wschodnie pod okupacją mocarstw centralnych 1914–1918*. Warszawa: Instytut Historii PAN, 2019, pp. 469–559.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.02

I. I. Barinov

**Belarus and Belarusians in the Anti-Polish Strategy of Germany,
1915–1939**

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. Belarus and Belarusians in the Anti-Polish Strategy of Germany, 1915–1939 // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 28–47 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.02

Received: 01.09.2021.

Abstract

The article discusses the role of the Belarusians and the Belarussian ethnic territory in the German strategy against Poland until 1939. The “Polish question” has traditionally been one of the most painful for the German state since the partitions of Poland. The First World War and the German occupation of most of ethnographic Poland put his decision it on the agenda. Recognizing the probable existence of Polish statehood, the German leadership were simultaneously looking for an effective counterbalance to it. This issue became urgent after the revival of Poland in 1918. Until the beginning of World War II, the Germans closely followed the development of the national minorities on the territory controlled by Poles. The Belarussian national movement, contrary to popular belief, was perceived positively by the Germans and was considered as one of the ways to undermine the internal situation in the Polish state. The situation changed drastically after the defeat of Poland in September 1939. The transition of the Belarussian lands under Soviet control and the urgent tasks of consolidating the German nation took the Belarussian problem out of consideration. Despite the appearance of supporters of the German-Belarussian rapprochement in the Reich, political and military leaders did not determine the place of the Belarusians in the future German strategy.

Keywords

Germany, Poland, Belarussian minority, Belarussian national movement.

**К вопросу о роли Оранжевой гвардии
во внутриполитических планах Болгарского
земледельческого народного союза в 1920–1923 гг.**

Дубовик Ольга Анатольевна
кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россий-
ская Федерация
E-mail: olgadubovik@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8962-3938

Ермишин Леонид Валерьевич
аспирант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119192, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, Москва, Россий-
ская Федерация
E-mail: lyermishin@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-2843-8683

Цитирование:

Дубовик О. А., Ермишин Л. В. К вопросу о роли Оранжевой гвардии во внутриполитических планах Болгарского земледельческого народного союза в 1920–1923 гг. // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 48–67. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.03

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии, № 20-59-18007.

Статья поступила в редакцию 14.10.2021.

Аннотация

В 1919 г. одна из политических партий Болгарии — Болгарский земледельческий народный союз — создала нелегальное военизированное крыло, которое у современников получило название «Оранжевая гвардия». Придя к власти в 1920 г., Союз вместо опоры на официальные силовые структуры — армию, жандармерию и полицию — был вынужден продолжать развитие собственной парамилитарной структуры. Документов того периода, раскрывающих ее состав, численность, предназначение и спо-

события решения задач, крайне мало. Информация о ней в научной литературе фрагментарная, несмотря на непосредственное участие гвардии во всех драматических фазах внутриполитической борьбы того периода. Во время Второй мировой войны в распоряжение частей Красной армии в качестве военного трофея попал архив Межсоюзнической военной контрольной комиссии. Делегаты комиссии с 1920 по 1927 г. выполняли функции надзора за соблюдением требований военного раздела Нейнского мирного договора правительством побежденной в Первой мировой войне Болгарии. В Российском государственном военном архиве в фонде 1707к обнаружен ряд документов, относящихся к деятельности этого формирования. Настоящая статья посвящена анализу документа, который предположительно является проектом устава о комплектовании Оранжевой гвардии.

Ключевые слова

Болгария, Межсоюзническая военная контрольная комиссия, Болгарский земледельческий народный союз, А. Стамболийский, Р. Даскалов, Оранжевая гвардия.

В период Второй мировой войны в качестве военного трофея в распоряжение частей Красной армии попали документы из архива Межсоюзнической военной контрольной комиссии (МВКК-ЛЮ) в Болгарии¹. В настоящее время рассекреченные документы находятся в Российском государственном военном архиве (РГВА). Делегаты МВКК-ЛЮ выполняли функции надзора за соблюдением постановлений военного раздела Нейнского мирного договора² болгарской сто-

1 Комиссия действовала в Болгарии с 1920 по 1927 г. В ее состав входили делегаты Великобритании, Франции, Италии и Японии. Обладала полномочиями по проведению инспекций воинских частей и вмешивалась в вопросы правового регулирования внутриполитической жизни страны. В феврале 1922 г. была преобразована в Ликвидационный орган. См.: *Маковецкая Т. Ф.* Режим БЗНС и Тырновская конституция (1920–1923). Проблема сосуществования // *Болгария в XX веке. Очерки политической истории* / отв. ред. Е. Л. Валева. М., 2003. С. 141.

2 Мирный договор, заключенный между Болгарией, потерпевшей поражение в Первой мировой войне в качестве участницы блока Центральных держав, и противостоящими блоку странами Антанты. Договор был подписан 27 ноября 1919 г. в пригороде Парижа Нейи-сюр-Сен.

роной. Один из документов архива МВКК-ЛО под названием «Незаконные орды дружбашей»³ привлек наше внимание конкретностью содержания⁴.

Источников того периода, позволяющих выяснить роль Оранжевой гвардии⁵, военизированного формирования находившегося в 1920–1923 гг. у власти Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС), не много. При знакомстве с этим документом возникает вопрос о причинах, по которым партия власти прибегла к созданию собственной вооруженной структуры несмотря на то, что внутривнутриполитическая борьба в мирных условиях не подразумевает применение вооруженной силы.

Правительство БЗНС — не обычное для Болгарии правление традиционной партии, а попытка, пользуясь послевоенными обстоятельствами, реализовать идею крестьянского государства. Возглавив широкое по социальному составу крестьянское движение, БЗНС, в условиях глубокого политического кризиса в Болгарии после ее поражения в Первой мировой войне, вступил в борьбу за радикальное преобразование политической системы в стране⁶ и замену конституционно-парламентской монархии крестьянской республикой⁷.

Задача реформирования легальным путем болгарского общества и государства в интересах крестьянского сословия, сформулированная лидером и главным идеологом БЗНС Александром Стамболийским⁸, была оформлена как политическая программа на XV съезде партии в апреле 1919 г. Стамболийский сформулировал принципы построения и функционирования БЗНС. Согласно третьему принципу, Союз — это прежде всего «боевая, политико-экономическая общественная организация»⁹. Этот радикальный политический поворот

³ Дружбаши — пренебрежительное наименование сторонников БЗНС, от наименования низового партийного подразделения — дружбы.
⁴ РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274. Л. 13, 14.

⁵ Термин «оранжевая» отсылает к цвету флага БЗНС.

⁶ Катаев Н. А. Политика, власть и право в воззрениях Александра Стамболийского: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 33.

⁷ Стамболийский А. С. Избранные произведения. С. 75–79. См. также: Маковецкая Т. Ф., Покивайлова Т. А. Крестьянские партии в политической структуре Болгарии и Румынии в первой четверти XX в. // Балканские исследования. М., 1984. Вып. 9. С. 200.

⁸ Стамболийский А. С. Избранные произведения. С. 41.

⁹ Там же. С. 42.

земледельцев углубил состояние противоборства с политическими партиями буржуазно-монархического блока и армией. Столкновение с ними становилось неизбежным, особенно после победы на парламентских выборах в августе 1919 г. партии «левой» ориентации БЗНС (впервые в истории независимой Болгарии).

Стамболийский не имел прочных позиций в армии. С 1914 г. он последовательно выступал против участия Болгарии в войне, за что подвергся аресту и заключению. Еще более неблагоприятные последствия для его авторитета среди военных имело то, что именно он подписал Нейский мирный договор, предусматривавший сокращение вооруженных сил. Комплектование армии военными по призыву отменялось, устанавливался двенадцатилетний срок военной службы по контракту. Такое решение не только превращало армию в замкнутую профессиональную организацию, но и серьезно занижало былой социальный статус офицерского корпуса. Это ускорило развитие конфликта между политической властью и военными, считавшими, что часть постановлений Нейского договора можно проигнорировать.

Поскольку Стамболийский не добился устойчивого влияния на армию, а политическая ситуация в стране была для него непростой, то своей силовой опорой его правительство попыталось сделать собственное вооруженное формирование, фигурирующее в документах МВКК-ЛЮ как Оранжевая гвардия.

В конце 1919 г. рост напряженности в стране вылился в угрозу общенациональной забастовки, исходившую от Болгарской коммунистической партии¹⁰. Уже к 24 декабря, несмотря на введенное правительством военное положение, вся страна оказалась охваченной акцией протеста. Именно тогда было принято решение помимо армии и полиции бросить против протестующих «мобилизованных земледельцев». В Софию прибыли вооруженные жители окрестных сел, но гарнизонный совет не позволил им участвовать в разгоне демонстрантов¹¹.

Оранжевая гвардия участвовала в событиях в Тырнове в сентябре 1922 г. Известно, что на 17 сентября 1922 г. Конституционный блок¹²

10 Болгарская рабочая социал-демократическая партия тесных социалистов 28 мая 1919 г. на своем XXII съезде переименовалась в Болгарскую коммунистическую партию — БКП (т.с.).

11 Петрова Д. Самостоятельного управление на БЗНС 1920–1923. София, 1988. С. 60.

12 Конституционный блок был образован 6 июля 1922 г. В него вошли Демократическая, Объединенная народно-прогрессивная и Радикаль-

назначил в Тырнове слет своих сторонников, который был разгромлен проправительственно настроенными крестьянами¹³. Министр внутренних дел болгарского кабинета этого периода Райко Даскалов в своем выступлении на заседании XIX обыкновенного народного собрания (ОНС) указывал на наличие оружия у лиц, участвовавших в антиправительственных действиях. В то же время Даскалов ни слова не сказал о привлечении официальных силовых структур к наведению порядка. Хотя, в силу возложенных на него полномочий, он имел право на такое распоряжение. Даскалов обошелся без разъяснений, кто же все-таки разогнал массовые антиправительственные вооруженные выступления¹⁴. Тырновские события в историографии связываются непосредственно с фигурой Даскалова и оцениваются как победа аграриев. При этом меры, с помощью которых она была достигнута, считаются жесткими и породившими негативные для БЗНС последствия¹⁵.

Другой эпизод, характеризующий участие Оранжевой гвардии во внутривосточной жизни Болгарии, — события в Кюстендиле в декабре 1922 г. Город Кюстендил, находящийся в 80 км от Софии, 4 декабря был захвачен четниками Михайлова и Бырлева из автономистского крыла Внутренней македонской революционной организации (ВМРО). При невмешательстве местных властей, жандармерии и воинской части, дислоцированной в Кюстендиле, четники учинили физическую расправу над своими противниками из федералистского крыла. Михайлов отправил в Софию посланника с ультиматумом, содержащим внутри- и внешнеполитические требования к власти и лично Стамболийскому. В случае невыполнения ультиматума Михайлов угрожал двинуть четников (около 2000 бойцов) на Софию. Все это очень напоминало «поход на Рим» национальной фашистской партии Италии во главе с Бенито Муссолини 27–30 октября 1922 г., закончившийся для него креслом главы правительства.

Совет министров направил в Кюстендил военного министра К. Томова во главе сборного военного отряда численностью около 350 человек. Отряд остановился на подходе к захваченному городу.

ная партии. Платформой коалиции партий было стремление к буржуазно-парламентарному режиму в стране на основе Тырновской Конституции. См.: *Георгиев В.* Народният сговор 1921–1923. София, 1989. С. 118.

13 *Маковецкая Т. Ф.* Режим БЗНС... С. 155.

14 *Даскалова С.* Райко Даскалов. Избрани произведения. София, 1986. Т. 2. С. 212–220.

15 *Петрова Д.* Самостоятелното управление... С. 287–302.

Томов начал переговоры с четниками. Силловые действия не предпринимались. В то же время в Софию якобы стихийно начали прибывать вооруженные крестьяне. Однако болгарский историк В. Янчев утверждает, что именно министр внутренних дел Даскалов, на тот момент замещавший Стамболийского, через Постоянное присутствие БЗНС¹⁶ организовал созыв бойцов Оранжевой гвардии в Софию. Для них правительством были организованы специальные вагоны. Уже по пути они начали грабить торговые заведения на железнодорожных вокзалах¹⁷, в Софии же их активность воплотилась в погромы клубов, редакций и типографий политических противников БЗНС в ночь с 5 на 6 декабря. Выступления перед вооруженной толпой Даскалова и директора политического отдела министерства иностранных дел Петко Петкова 6 декабря помогли несколько успокоить обстановку¹⁸. Впоследствии действия Томова были оценены как малодушные, приведшие к провалу БЗНС во внутренней политике.

Существование военизированного формирования, не подчинявшегося царю и не входившего в состав полиции, жандармерии или болгарской армии, противоречило основным нормативным документам, регулировавшим статус официальных вооруженных структур в Болгарии. Статья 11 Тырновской конституции гласила: «Царь является верховным главнокомандующим всеми военными силами в Царстве, как в мирное, так и в военное время»¹⁹. Статья 67 Нейиского договора гласила: «Содержание или формирование любой другой группы войск, а также любой другой организации, связанной с военным командованием или подготовкой к войне, запрещено»²⁰. Появление же у партии власти только ей подчиняющейся вооруженной силы предопределяло возникновение вопросов к БЗНС как у МВКК-ЛО, так и у политической оппозиции.

16 Постоянное присутствие БЗНС — высший выборный коллегиальный руководящий орган Союза, существовавший с момента его основания в 1899 г.

17 Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях, 1913–1915, 1918–1923. София, 2014. С. 313.

18 Там же. С. 327–334.

19 Текст Тырновской конституции 1878 г. с изменениями 1893 и 1911 гг. URL: <http://www.hadjinikolov.pro/wp-content/uploads/2010/02> (дата обращения: 17.06.2021).

20 Текст Нейиского мирного договора от 27 ноября 1919 г. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Neuilly (дата обращения: 17.06.2021).

К сожалению, имеющиеся доступные сведения не позволяют системно осветить феномен Оранжевой гвардии. Факты, упомянутые выше, дают возможность лишь предполагать наличие структуры с определенными целями и задачами, с организацией оповещения и сбора, подчиненностью, внутренними правилами и оружием. Но их явно недостаточно для установления связей с другими явлениями внутривосточной жизни Болгарии в 20-е годы XX в.

Упомянутый в начале статьи документ из архива МВКК-ЛЮ²¹, дающий информацию о проекте устава о комплектовании Оранжевой гвардии²², который был найден в архивах одного из членов БЗНС, представляет собой перевод статьи из газеты «Эпоха» с болгарского на французский язык. Документ напечатан на двух листах, не подписан и не адресован, но содержит ссылку: «Ерока от 20 июня 1923 года, № 269»²³. Сопоставление этого документа и оригинального текста статьи в болгарской газете²⁴ позволяет предположить, что существовал подлинный Устав, в котором речь шла о формировании парамилитарной структуры, подчиняющейся исключительно высшему руководству БЗНС.

В болгарских изданиях того периода появлялись и другие публикации об Оранжевой гвардии²⁵, но переводчик на французский язык акцентировал внимание своего руководства в МВКК-ЛЮ именно на этой. Более того, перевод именно этой статьи отложился в «досье оранжевой гвардии»²⁶ и послужил темой активного документооборота между МВКК-ЛЮ и болгарским правительством²⁷.

Статья «Незаконные орды дружбащей» была опубликована 20 июня 1923 г. На этот момент Стамболийский уже был убит, а Даскалов находился в эмиграции в Праге. Пришедшая к власти политическая сила нуждалась в оправдании совершенного 9 июня государственного

21 РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274 «Досье оранжевой гвардии». Л. 13, 14.

22 В дальнейшем в настоящей статье для сокращения проект устава о комплектовании Оранжевой гвардии будем называть — Устав.

23 Ежедневная газета «Эпоха» издавалась в Софии в период с 25 июня 1922 г. по 29 декабря 1925 г. Номер 269 вышел 20 июня 1923 г. // Български периодичен печат 1844–1944. Т. I: А–М. София, 1962. С. 280.

24 Нелегалните орди на дружбащината // Епоха. 20.06.1923 г. С. 2.

25 Д. Петрова указывает публикации, связанные с темой Оранжевой гвардии в газетах «Слово»: 17.01, 19.01, 22.01, 02.02, 05.02.1923; «Демократия»: 10.01., 25.01.1923. См.: *Петрова Д.* Самостоятелното управление... С. 360.

26 РГВА. Ф. 1707к. оп. 1. Д. 274. Дело содержит несколько десятков листов.

27 РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274. Л. 1, 2–3, 4, 7, 8–9, 20–21.

переворота. Газета «Эпоха» являлась неофициальным печатным изданием БРСДП(о)²⁸. Необходимо отметить, что по распоряжению совета министров БЗНС издание газеты было прекращено с 8 мая 1923 г. Причиной запрета стало то, что, по мнению правительства, в условиях обострившихся противоречий с македонскими организациями газета раздувала страсти и поддерживала преступные действия²⁹. Но уже 11 июня 1923 г. «Эпоха» возобновила свою работу. Газета вела борьбу против БЗНС и БКП, главным редактором в этот период был Григор Чешмеджиев³⁰. Согласно принятому 12 декабря 1921 г. Закону о печати, который действовал и 20 июня 1923 г., предусматривалась коллективная уголовная ответственность автора совместно с редактором или издателем печатного издания³¹. Это обстоятельство, конечно, не исключает возможности опубликования намеренной фальсификации или непроверенных сведений, но тем не менее отметить его необходимо, как и профессиональный авторитет главного редактора.

Перевод статьи на французский язык, находящийся в архиве МВКК-ЛО, является полным, изъятий и дополнений нет, разночтения могут быть объяснены особенностями стилистики и двойного перевода с болгарского на французский и с французского на русский. Стиль изложения статьи в газете позволяет предположить, что ее автор не был хорошо знаком с профессиональной военной терминологией, не имел военного образования, но мог проходить военную службу. Так, вызывает сомнение словосочетание «конный взвод». Точнее, термин «эскадрон», поскольку эскадрон состоит из кавалеристов и коней, а не из одних только лошадей, как сказано в болгарской газете. Переводчик же, вероятнее всего, был кадровым офицером, что следует из осуществленной им адаптации терминологии. Приведем пример, подтверждающий нашу мысль. В

28 Болгарская рабочая социал-демократическая партия широких социалистов.

29 Райчевски С. Българите в световните хроники 1920–1925. София, 2012. С. 197.

30 Чешмеджиев Григор — член центрального комитета БРСДП(о) с 1919 по 1945 г. и депутат всех ОНС с 1919 по 1934 г. В истории Болгарии оставил заметный след как активный общественный деятель, один из руководителей социал-демократического движения и основателей Союза болгарских писателей, талантливый писатель и журналист, поборник демократии, выступавший против тирании и авторитаризма в любых формах. См.: Български периодичен печат... С. 280.

31 Катаев Н. А. Политика, власть... С. 349.

газете: «Начальники околийских отрядов в околии, окружных в округе должны знать где, сколько и какие есть противники, а также сильные и слабые пункты на местности, в смысле знать в целом топографическое положение своего района»³². Во французском варианте это положение сформулировано лаконично и точнее с военной точки зрения: «Начальники отрядов в округах и околиях должны знать своих противников, а также топографию своего района»³³.

Предположительные данные о времени создания Устава может дать анализ административно-территориального деления Болгарии. В статье и французском переводе упомянуты руководители отрядов пятнадцати округов. В период с 1919 г. существовало 15 округов с центрами в Софии, Кюстендиле, Пловдиве, Стара Загоре, Бургасе, Варне, Шумене, Русе, Тырнове, Плевене, Вратце, Видине, Петриче, Пашмаклие и Мыстанли. В 1922 г. добавляется еще один, шестнадцатый округ с центром в Хаскове. Таким образом, можно допустить, что Устав был написан до появления округа Хасково.

Попробуем рассмотреть перспективу дальнейшего развития структуры, очертания которой видны в тексте Устава. Планируемое создание политического отделения указывает на сходство с институтом комиссаров в Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), равно как и на готовность к адаптации имеющегося опыта Гражданской войны в России. Необходимо отметить, что в Болгарии с начала 1920 г. присутствовали части армии Деникина — Врангеля³⁴. Сомнительно, чтобы офицеры и генералы белой армии положительно смотрели на институт комиссаров РККА. Позитивная оценка опыта его применения в условиях гражданской войны ближе большевистскому взгляду на недавние события в России. Наиболее близким к большевистской идеологии политиком БЗНС был Даскалов. Создание радиотелеграфного отделения оправдано необходимостью управления силами при подготовке и ведении боевых действий в условиях быстро меняющейся обстановки и обеспечения режима секретности. Авиационное и танковое отделения ставят создаваемую структуру по уровню оснащенности вооружением и военной техникой выше болгарского войска. Также это обстоятельство косвенно указывает, что автор Устава одним из вероятных противников Оранжевой гвардии рассматривал регулярные части болгарской армии. Не планировалось создание военно-морской секции,

32 Нелегалните орди... С. 2.

33 РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274. Л. 13.

34 Петрова Д. Самостоятелното управление... С. 148.

что указывает на отсутствие внешних наступательных задач, которые могли бы быть поставлены формируемой структуре. Таким образом, можно допустить, что согласно этому Уставу подпольная военная организация БЗНС предназначалась для ведения боевых действий в ходе гражданской войны на территории своей страны.

Утверждение о предполагаемой возможности подобного развертывания событий подкрепляется мыслью авторов Устава о введении особого правового органа. «В случае мятежа в каждом окружном отряде учреждается, по мере необходимости, товарищеский суд с неограниченными правами»³⁵ — подобное мог написать человек, принимавший когда-либо участие в мятеже, например во Владайском солдатском восстании сентября 1918 г. Предоставить некоему товарищескому органу неограниченные права, например на расстрел на месте, — изошренная предусмотрительность, близкая к реальному опыту управления стихийной вооруженной массой. Эту массу необходимо направлять в нужную сторону, в том числе и карательными средствами. Чтобы это понимать, необходим именно реальный опыт, одной теории недостаточно. Среди вождей БЗНС таким опытом обладал только Даскалов, наиболее радикальный из соратников Стамболийского.

По вопросу о численности Оранжевой гвардии у историков не сложилось единого мнения. Д. Петрова³⁶ и Г. Марков³⁷ с той или иной степенью сомнения оценивали ее в 300 000 человек, С. Райчевский³⁸ назвал цифру 70 000–100 000. Как видим, разброс весьма существен. Мы полагаем, что необходимо разделить общее количество активных сторонников БЗНС, которых могло быть 300 000 и более, и собственно вооруженные подразделения Оранжевой гвардии. Вооруженные подразделения, вероятно, были двух типов — немедленной готовности и мобилизационный резерв. В немедленной готовности находились незначительные отряды, полностью экипированные и наиболее боеспособные. Мобилизационный резерв, видимо, представлял из себя политически активных, имевших боевой опыт крестьян, которые по условленному сигналу должны были сосредоточиться в указанном месте, получить оружие и организованно выдвинуться в указанном направлении.

35 Нелегалните орди... С. 2.

36 Там же. С. 391.

37 *Марков Г.* Парола «Сабя». Заговорите и превратите на военния Съюз. 1919–1936. София, 1992. С. 46.

38 *Райчевски С.* Българите в световните хроники 1920–1925. София, 2012. С. 183.

Основной тактической единицей в Уставе принимается околийский отряд в 180 человек, на вооружении которого должны были состоять стрелковое оружие, два пулемета и два полевых орудия. О минимальной численности Оранжевой гвардии можно судить по количеству околий в соответствующем историческом периоде. С 1901 г. в Болгарии была 71 околия³⁹, следовательно, численность с учетом постоянного командного кадрового состава могла составлять не менее 12 798 человек.

О максимальном составе Оранжевой гвардии можно судить, зная об обязанности каждой «дружбы» обеспечить околийский отряд по месту формирования не менее чем пятью преданными делу БЗНС бойцами⁴⁰. Болгарский историк Д. Петрова указывает, что в начале 1921 г. было 3014 «дружб»⁴¹, а осенью 1922 г. их насчитывалось уже 3339⁴². Таким образом, мобилизационный резерв Оранжевой гвардии осенью 1922 г. составлял от 16695 человек, то есть около половины численности всех вооруженных структур, разрешенных Болгарии по условиям Нейиского мирного договора.

Примечательно, что 9 июня 1923 г. коммунисты, организаторы вооруженного сопротивления в селе Килифареве, действовали словно по кальке, отработанной аграриями при формировании боевых взводов⁴³. Прямое совпадение количества бойцов и взводов с численностью околийского отряда, предусматриваемого Уставом, дает основание говорить о существовании связи между этим документом, практикой формирования Оранжевой гвардии и реальным процессом в Килифареве, зафиксированным военным следователем, когда коммунисты создавали боевые подразделения для восстановления власти партии БЗНС.

Партия власти безусловно отдавала себе отчет в необходимости собственной вооруженной защиты от попыток силового переворота.

39 Закон об административном делении территории государства принят XIX ОНС 4 мая 1901 г. Количество околий в период с 1901 по 1947 г. незначительно изменялось от 71 до 102.

40 Нелегалните орди... С. 2.

41 *Петрова Д.* Самостоятелното управление... С. 183.

42 Там же. С. 272.

43 Справка военного следователя в Тырновский окружной суд о ходе июньского восстания в селах Килифареве, Дебелец и Дряново. 30 июня 1923 г. // ОДА Тырново. Ф. 60к. Оп. 1. А. е. 39. Л. 16–18. Подлинник. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/159241#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 26.01.2022).

Формирование специального боевого крыла на фоне накаляющейся со второй половины 1922 г. внутривластной обстановки становилось неотложным вопросом. Изученные документы позволяют рассмотреть ход его формирования. 31 октября 1922 г. Постоянное присутствие БЗНС, воодушевленное итогом Тырновских событий, направило в дружбы распоряжение о создании до 14 февраля 1923 г. «земледельческой народной гвардии» или «быстроходных летучих отрядов»⁴⁴. Главкомандующим гвардии был определен министр внутренних дел Райко Даскалов⁴⁵. Уже в марте 1923 г. преемник Даскалова на посту министра внутренних дел Христо Стоянов провел конференцию с управляющими округов и начальниками околий, на которой обсуждался вопрос об организации и задачах формируемой народной гвардии⁴⁶. Общее руководство народной гвардией осуществлялось через министерство внутренних дел⁴⁷.

Еще один важный документ, подготовленный непосредственно Стамболийским и направленный 9 мая 1923 г. по партийной линии во все дружбы с пометкой «секретно, строго конфиденциально», коррелирует с Уставом. Так называемое «Окружное № 14»⁴⁸ обязывало все сельские и городские дружбы сформировать боевые ядра численностью от 5 до 20 человек, если этого не было сделано ранее. В документе прослеживалась структура Оранжевой гвардии: боевые ядра составляют боевые пункты численностью от 50 до 100 человек, которые в околии формируются в околийскую боевую группу. Бойцы были обязаны принести клятву преданности и готовности ценой собственной жизни отвечать за предательство идеалов БЗНС⁴⁹.

44 Именно так в документах назывались военизированные формирования, создаваемые в том числе и для защиты земледельческой власти от заговоров и попыток переворота.

45 Янчев В. Армия, обществен... С. 319–320.

46 Народная или Оранжевая гвардия. По существу, смысл не изменялся.

47 Петрова Д. Самостоятельного управление... С. 370–371.

48 Болгарский административный термин «окръжно» не имеет прямой аналогии в российской бюрократической терминологии. Речь идет о письменном распоряжении, адресованном вниз по вертикали управления как по административному, так и по географическому признаку подчинения. Наиболее близкий российский термин — приказ по... гарнизону, закрытому административно-территориальному образованию, губернии и т. п. Окружное № 14 — распоряжение о создании околийских боевых групп.

49 Янчев В. Армия, обществен... С. 387. См. также: Петрова Д. Самостоятельного управление... С. 390.

В формулировках вышеприведенных свидетельств усматривается повторение характерных положений Устава и прослеживается их преемственность: руководство из министерства внутренних дел, количество бойцов от одной дружды, клятва верности идеалам БЗНС.

Кроме того, появляется возможность выделить периоды в создании этого парамилитарного формирования. Первый этап связан с именем Даскалова, Владейским восстанием 1918 г. и событиями в Тырнове 1922 г. Характерный признак — стремление использовать в своих интересах стихийную, трудно управляемую вооруженную массу. Этап заканчивается распоряжением от 31 октября 1922 г. и назначением Даскалова командующим Оранжевой гвардией. На втором этапе Даскалов приступает к активному формированию отрядов гвардии, чем и обусловлено появление Устава. Преемник Даскалова на посту министра внутренних дел Стоянов с января 1923 г. продолжил процесс формирования, активно используя административный ресурс, подключая окружную и околийскую администрацию. Вероятно, цель не была достигнута в полной мере, так как не найдены свидетельства о какой-либо форме боевой подготовки Оранжевой гвардии или деятельности ее инструкторского состава. К третьему этапу, на фоне обострения македонского вопроса в мае 1923 г., подключился сам Стамболийский. Он даже принял парад гвардии 13 мая в Хаскове⁵⁰, и ему же приписывается документ об «околийских боевых группах»⁵¹. Теоретическая численность такой группы примерно совпадает с «околийским отрядом» в 180 человек, упоминаемым в Уставе.

В январе — феврале 1923 г. в болгарском правительстве разразился давно назревавший кризис, который привел к отстранению министров «правой пятерки»⁵² и Даскалова. До настоящего времени не удалось найти убедительный ответ на вопрос, что послужило причи-

50 На совместном параде частей Оранжевой гвардии и регулярной армии 13 мая 1923 г. в Хасково присутствовал и формальный главнокомандующий всеми вооруженными силами страны — царь Борис III. См.: *Петрова Д.* Самостоятельное управление... С. 383.

51 Окръжно № 14 от 9 мая 1923 г. См.: *Янчев В.* Армия, обществен... С. 387.

52 В «правую пятерку» входили: М. Турлаков, К. Томов, А. Радолов, Х. Манолов и С. Омарчевский. В результате кабинетного кризиса в феврале 1923 г. были отстранены с министерских постов и исключены из БЗНС М. Турлаков, К. Томов и Х. Манолов. См.: *Петрова Д.* Самостоятельного управление... С. 346.

ной отставки одного из самых активных деятелей БЗНС. Есть мнение, что одним из результатов кризиса и так называемого малого конгресса БЗНС⁵³ был план установления полного контроля над системой государственного управления со стороны Союза. План предусматривал и создание собственной вооруженной силы. Отставка же Даскалова с поста министра внутренних дел была обусловлена недовольством Стамблийского тем, как тот разрешил кюстендильскую проблему в декабре 1922 г.⁵⁴ Другой причиной отставки называют категорическое желание МВКК-ЛО вывести Даскалова из состава кабинета министров, как наиболее радикального приверженца «революционных методов». Значение могло иметь и воздействие, оказанное на Стамболийского в Лозанне, и прямое давление со стороны французского посланника Ж. Пико по поводу методов разрешения Тырновского и Кюстендильского конфликтов. И наконец, попытка Конституционного блока через свою печать представить Даскалова как честолюбца, под чьим руководством Оранжевая гвардия может проявить себя как преторианская, ухудшить внутривосточную обстановку в стране и положение самого Стамболийского⁵⁵.

Интересна информация, что после своей отставки в феврале 1923 г. Даскалов совершил поездку по стране. В ходе поездки проводились встречи с единомышленниками, содержание которых не разглашалось, но оппозиционная печать поспешила обвинить Даскалова в подготовке переворота с применением отрядов Оранжевой гвардии⁵⁶. На настоящий момент не обнаружено свидетельств, что Даскалов передал пост главнокомандующего гвардией кому бы то ни было, несмотря на свой отъезд послом в Прагу. Отряды Оранжевой гвардии существовали как минимум до середины июня 1923 г.

Анализ информации об Уставе, а также обстоятельства внутренней и внешней политики, при которых он стал достоянием общественности, позволяют оценить один из аспектов роли этого парамилитарного формирования во внутривосточной жизни страны. Может возникнуть вопрос о существовании самого

53 Проводился с 8 по 10 февраля в Софии с участием верховного совета БЗНС, постоянного присутствия БЗНС, верховного союзного суда, парламентской группы БЗНС и министров. См.: *Петрова Д.* Самостоятельного управления... С. 346.

54 *Янчев В.* Армия, обществен... С. 370.

55 *Петрова Д.* Самостоятельного управления... С. 344.

56 Там же.

первоисточника, о котором сообщают автор статьи в газете и ее переводчик на французский язык. Подлинного Устава с подписью автора пока найти не удалось. Информация о его существовании не встретилась в других документах «досье оранжевой гвардии»⁵⁷. Допуская наличие данного документа, мы встаем перед вопросом, кто и с какой целью его создал. Если же он был фальсифицирован, то кем и с какой целью.

Есть основания предполагать, что Устав мог быть фальсифицирован межсоюзнической стороной на основании донесений ее внештатных сотрудников. Делегаты МВКК-ЛО получали устную информацию о существовании вооруженного формирования, запрещенного Нейским мирным договором, но документов, доказывающих этот факт, у них не было. Поэтому они могли создать этот Устав сами и выполнить «информационный вброс» через лояльное печатное издание с целью воздействия на правительство Болгарии и активизации его деятельности по разоружению населения.

Опубликование как фальсифицированного, так и подлинного Устава было выгодно и политическим силам, пришедшим к власти в результате государственного переворота. Цель — представить международному сообществу низвергнутое правительство в негативных тонах, оправдать захват власти и ослабить позиции Даскалова и выживших сторонников БЗНС. Оранжевая гвардия в этом случае могла играть роль монстра, которым пытались запугивать европейское и национальное общественное мнение.

В то же время Оранжевая гвардия реально существовала, что не вызывало сомнений у современников, и могла быть использована в качестве инструмента для вывода из-под контроля и хранения оружия, быть своеобразным оружейным депозитарием, доступным ограниченному кругу политических сил и деятелей. Преуменьшение количественных показателей этой структуры с целью скрыть истинное состояние дел могло быть выгодно сторонникам революционных преобразований из числа оставшихся на свободе членов БЗНС и БКП для организации последующей вооруженной борьбы. Давние связи БРСДП(о) и БКП могли сработать и привести к опубликованию дезинформации, направленной против новой власти.

С другой стороны, публиковать подлинный устав в период правления БЗНС самому Союзу было абсолютно невыгодно, а оппозиции не представлялось возможным. Поэтому публикация после государ-

57 РГВА. Ф. 1707к. Оп. 1. Д. 274.

ственного переворота свидетельствует в пользу подлинности документа. Другим косвенным подтверждением его подлинности является интерес к нему межсоюзнической военной разведки.

Мы полагаем, что первоисточник Устава существовал и одним из его авторов являлся Даскалов. При таком развитии событий приоткрываются причины его отставки в январе 1923 г. Опыт Владайского восстания, накаляющаяся обстановка в стране, успех в подавлении антиправительственных выступлений в Тырнове могли сформировать у Даскалова идею о создании Оранжевой гвардии и использовании ее в борьбе за удержание власти. Согласовав этот вопрос со Стамболийским, Даскалов продолжил формирование парамилитарной структуры на базе Устава, написанного в октябре — ноябре 1922 г. Поднявшаяся волна негативной международной реакции на события в Кюстендиле вынудила и ранее колебавшегося в принятии политических решений Стамболийского занять позицию непричастности⁵⁸. Тем более что в это время он находился на международной конференции в Лозанне. Потому отставка Даскалова в январе 1923 г. была принята, а сам он был назначен на должность посла в Праге.

Таким образом, муссирование темы Оранжевой гвардии сыграло роль средства пропаганды, которое могли применить в своих интересах все игроки на внутривластной арене. Пропаганда в интересах БЗНС и Стамболийского заключалась в демонстрации силы, запугивании политических оппонентов и удержании на своей стороне сомневающихся или колеблющихся соотечественников. Политической оппозиции тема Оранжевой гвардии предоставляла широкие возможности для критики и дискредитации деятельности БЗНС как перед национальным, так и международным сообществом. Межсоюзническая сторона через Оранжевую гвардию оказывала давление на болгарское правительство в интересах разоружения населения по условиям Нейиского мирного договора и поддержания своего влияния на внутреннюю политику побежденной страны.

⁵⁸ Принять формальное командование Владайским восстанием Стамболийского убеждал Даскалов. Впоследствии Стамболийский не раз менял собственную трактовку этих событий. См.: *Янчев В.* Армия, обществен... С. 79–120.

Источники и литература

Российский государственный военный архив (РГВА).

Български периодичен печат 1844–1944: Анотиран библиографски указател. София: Наука и изкуство, 1962. Т. I. А–М. 503 с.

Георгиев В. Народният сговор 1921–1923. София: Университетско издателство «Климент Охридски», 1989. 327 с.

Даскалова С. Райко Даскалов. Избрани произведения. София: БЗНС, 1986. Т. 2. 442 с.

История на българите 1874–1944 в документи. Т. 1: 1878–1912. Ч. 1–2 / съст. В. Георгиев, С. Трифонов. София: Просвета, 1994. 1260 с.

Катаев Н. А. Политика, власт и право в възрениях Александра Стамболийского: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. 418 с.

Маковецкая Т. Ф. Режим БЗНС и Тырновская конституция (1920–1923). Проблема сосуществования // Болгария в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. Е. Л. Валева. М.: Наука, 2003. С. 137–159.

Маковецкая Т. Ф., Покивайлова Т. А. Крестьянские партии в политической структуре Болгарии и Румынии в первой четверти XX в. // Балканские исследования. М.: Наука, 1984. Вып. 9. С. 199–223.

Марков Г. Парола «Сабя». Заговорите и превратите на военния Съюз. 1919–1936. София: Наука и изкуство, 1992. 195 с.

Матвеев Г. Ф. Из истории разработки А. Стамболийским идеологии Болгарского земледельческого народного союза // История, язык, культура Центральной и Юго-Восточной Европы в национальном и региональном контексте. К 60-летию К. В. Никифорова. Сб. статей / [редколл.: С. И. Данченко, К. А. Кочегаров, Б. С. Новосельцев, О. В. Хаванова, Е. С. Узенёва]. М.: Институт славяноведения РАН, 2016. С. 194–209.

Петрова Д. Самостоятелното управление на БЗНС 1920–1923. София: Наука и изкуство, 1988. 413 с.

Райчевски С. Българите в световните хроники 1920–1925. София: Български бестселър, 2012. 371 с.

Справка военного следователя в Тырновский окружной суд о ходе июньского восстания в селах Килифарево, Дебелец и Дряново. 30 июня 1923 г. // ОДА Тырново. Ф. 60к. Оп. 1. А. е. 39. Л. 16–18. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/159241#mode/inspect/page/3/zoom/4> (дата обращения: 26.01.2022).

Стамболийский А. С. Избранные произведения. София: БЗНС, 1981. 118 с.

Станчев С., Николов Р. История на сухопътните войски на България (1918–1945). София: Асоциация на Сухопътните войски на България, 2017. Т. 2. 184 с.

Текст Тырновской конституции 1878 г. с изменениями 1893 и 1911 гг. URL: <http://www.hadjinikolov.pro/wp-content/uploads/2010/02> (дата обращения: 17.06.2021).

Текст Нейиского мирного договора от 27 ноября 1919 г. URL: https://www.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Neuilly (дата обращения: 17.06.2021).

Янчев В. Армия, обществен ред и вътрешна сигурност между войните и след тях, 1913–1915, 1918–1923. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2014. 433 с.

References

Bŭlgarski periodichen pechat 1844–1944. Т. I. А–М. Sofia: Nauka i izkustvo, 1962, 503 p.

Daskalova, S. *Raiĳko Daskalov. Izbrani proizvedeniia*. Т. 2. Sofia: BZNS, 1986, 442 p.

Georgiev, V. *Narodniiat sgovor 1921–1923*. Sofia: Universitetsko izdatelstvo “Kliment Okhridski”, 1989, 327 p.

Ianchev, V. *Armiiia, bshtestven red i vŭtreshna sigurnost mezhdū voŭnite i sled tiakh, 1913–1915, 1918–1923*. Sofia: Universtitetsko izdatelstvo “Sv. Kliment Okhridski”, 2014, 433 p.

Istoriia na bŭlgarite 1874–1944 v dokumenti. Т. 1: 1878–1912. Chast 1–2, ed. by V. Georgiev, S. Trifonov, Sofia: Prosveta, 1994, 1260 p.

Kataev, N. A. *Politika, vlast' i pravo v vozzreniiaĳ Aleksandra Stamboliŭskogo*. PhD thesis, Saratov, 2004, 418 p.

Makovetskaia, T. F. “Rezhim BZNS i Tyrnovskaia konstitutsiia (1920–1923). Problema sosushchestvovaniia.” *Bolgariia v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii*, ed. by E. L. Valeva, Moscow: Nauka, 2003, pp.137–159.

Makovetskaia, T. F., Pokivaŭlova, T. A. “Krest'ianskie partii v politicheskoi strukture Bolgarii i Rumynii v pervoi chetverti XX v.” *Balkanskie issledovaniia*. Vol. 9. Moscow: Nauka, 1984, pp.199–223.

Markov, G. *Parola “Sabia”. Zagovorite i prevratite na voenniiia Sŭiuz. 1919–1936*, Sofia: Nauka i izkustvo, 1992, 195 p.

Matveev, G. F. “Iz istorii razrabotki A. Stamboliŭskim ideologii Bolgarskogo zemledel'cheskogo narodnogo soiuz.” *Istoriia, iazyk, kul'tura Tsentral'noi i Iugo-Vostochnoi Evropy v natsional'nom i regional'nom kontekste. K 60-letiiu K. V. Nikiforova*, ed. by S. I. Danchenko, K. A. Kochegarov, B. S. Novosel'tsev, O. V. Havanova, E. S. Uzeneva, Moscow: Institut slavianovedeniia, 2016, pp. 194–209.

Petrova, D. *Samostoiatelnoto upravlenie na BZNS 1920–1923*, Sofia: Nauka i izkustvo, 1988, 413 p.

Raichevski, S. *Bŭlgarite v svetovnite hroniki 1920–1925*, Sofia: Bŭlgarski bestselŭr, 2012, 371 p.

Stanchev, S., Nikolov, R. *Istoriia na suhopŭtnite voŭski na Bŭlgariia (1918–1945)*. T. 2. Sofia: Asotsiatsiia na Suhopŭtnite voŭski na Bŭlgariia, 2017, 184 p.

Stamboliŭskiĭ, A. S. *Izbrannye proizvedeniia*, Sofia: BZNS, 1981, 118 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.03

O. A. Dubovik, L. V. Ermishin

**On the question of the role of The Orange Guard
in the internal political plans of the Bulgarian
Agrarian National Union in 1920–1923**

Olga A. Dubovik

Candidate of History, associate professor

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect, 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: olgadubovik@gmail.com

ORCID: 0000-0002-8962-3938

Leonid V. Ermishin

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119192, Lomonosovsky Prospect, 27-4, Moscow, Russian Federation

E-mail: lyermishin@inbox.ru

ORCID: 0000-0002-2843-8683

Citation

Dubovik O., Ermishin L. On the question of the role of The Orange Guard in the internal political plans of the Bulgarian Agrarian National Union in 1920–1923 // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 48–67 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.03

Acknowledgements

The study was funded by the Russian Foundation for Basic Research and by the National Science Fund of Bulgaria, project no 20-59-18007.

Received: 14.10.2021.

Abstract

In 1919, one of the political parties in Bulgaria, the Bulgarian Agricultural National Union, created an illegal militarized wing, which was called The Orange Guard by contemporaries. Having come to power in 1920, the Union, instead of relying on official power structures, such as the army, gendarmerie and police, was forced to continue developing its own paramilitary structure. There are very few documents of that period disclosing its composition, number, purpose and methods of solving problems. Information about it in historiography is fragmentary, despite the direct participation of the guard in all dramatic phases of the internal political struggle of that period. During the Second World War, the archives of the Inter-Allied Military Control Commission came to the disposal of the Red Army as a trophy of war. From 1920 to 1927, the delegates of the commission performed supervisory functions over the observance of the requirements of the military section of the Treaty of Neuilly-sur-Seine by the government of Bulgaria defeated in the First World War. A number of documents related to the activities of this formation were found in the Russian State Military Archives in the fonds 1707k. This article is devoted to an analysis of a document that is supposedly a charter on the staffing of The Orange Guard.

Keywords

Bulgaria, Inter-Allied Military Control Commission, Bulgarian Agrarian People's Union, A. Stamboliyski, R. Daskalov, The Orange Guard.

**Временный договор между РСФСР и Чехословакией:
к 100-летию подписания**

Серапионова Елена Павловна
Доктор исторических наук, заведующая отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: serapionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Цитирование

Серапионова Е. П. Временный договор между РСФСР и Чехословакией: к 100-летию подписания // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 68–85. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.04

Статья поступила в редакцию 06.03.2022.

Аннотация

Статья посвящена установлению контактов между Советской Россией и Чехословацкой Республикой и подписанию первого договора между странами 5 июня 1922 г. Столетний юбилей документа и осложнившиеся в последние годы отношения между РФ и ЧР определяют актуальность обращения к этим сюжетам. На основе выявленных в Архиве внешней политики РФ документов, представляющих собой переписку советских представителей в Праге С. И. Гиллерсона и П. Н. Мостовенко с народным комиссаром иностранных дел В. Г. Чичериным и его заместителем М. М. Литвиновым, а также опубликованных материалов по истории советско-чехословацких отношений предпринята попытка объяснить имевшиеся между сторонами противоречия. Автор анализирует международную обстановку того времени, условия договора, обращает внимание на то, что договор не был ратифицирован парламентом ЧСР, а вступил в силу постановлением правительства. В заключении делается вывод, что стратегическая цель советской внешней политики — добиться признания де-юре — в тот момент достигнута не была, но Временный договор означал признание РСФСР де-факто и создавал условия для развития торгово-экономического сотрудничества.

Ключевые слова

Чехословакия, РСФСР, Временный договор 1922 г., дипломатическое признание Советской России.

В феврале 2022 г. в Институте конфликтологии прошла конференция под названием «Чехия — Россия: от конфликта к диалогу», посвященная 100-летию установления торгово-экономических отношений. На ней обсуждались современные проблемы в отношениях двух стран. И хотя сегодня эти отношения оставляют желать лучшего, нет иного пути, как пытаться их нормализовать. Если обратиться к истории, то и начало двусторонних контактов развивалось непросто: тогда, как и сегодня, речь шла о переходе от конфликта к диалогу, компромиссам и соглашениям.

Октябрьский переворот в России и образование Чехословацкой Республики поставили вопрос об установлении взаимных отношений. Но вспыхнувший в мае 1918 г. вооруженный конфликт чехословацких легионеров с большевиками отодвинул эту задачу.

Переговоры об установлении контактов начались вскоре после ликвидации вооруженного конфликта между чехословацкими легионерами и большевиками¹. Как известно, 7 февраля 1920 г. на станции Куйтун были подписаны условия мирного соглашения между правительством РСФСР и командованием чехословацких войск в Сибири².

Перед советским правительством стояла задача выхода из международной изоляции, в которой оно оказалось в результате революционных событий. 25 февраля 1920 г. правительство РСФСР обратилось с нотой к правительству Чехословацкой республики. В документе содержалось предложение установить «вполне мирные и дружествен-

1 В ответ на требования Реввоенсовета о выдаче А. В. Колчака и золотого запаса, 15 января 1920 г. по приказу главнокомандующего союзными войсками в Сибири и на Дальнем Востоке М. Жанена Колчак и председатель его правительства В. Н. Пепеляев были выданы эсеро-меньшевистскому Политическому центру в Иркутске, а 1 марта 1920 г. чехословацкое командование передало золотой запас представителям Военно-революционного комитета. Это стало для легионеров пропуском во Владивосток для эвакуации на родину. См.: Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Документы и материалы. М., 2018. Т. 2. С. 793, 830–831.

2 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений (далее — ДМИСЧО). М., 1976. Т. 1. С. 312–315.

ные отношения» и начать переговоры о заключении соглашений, выгодных для обеих сторон, в том числе о торговых сношениях. Вооруженное выступление легионеров в 1918 г. квалифицировалось как результат «трагической ошибки», «коварных интриг контрреволюции» и обмана чехословацких солдат. Под документом стояла подпись комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина³.

МИД ЧСР решил согласовать вопрос о переговорах с союзниками⁴, полагая, что просто отрицательной позиции чехословацкого правительства не может быть в виду внешних и внутренних причин⁵. Чехословакия была заинтересована в получении из России сырья и обретении обширного рынка сбыта для своей продукции, да и позиция союзных держав в отношении Советской России начала меняться. На заседании Комитета по иностранным делам Палаты депутатов Национального собрания 11 марта 1920 г. министр иностранных дел Чехословацкой республики Э. Бенеш проинформировал, что на вопрос о позиции союзных государств получены два ответа. Франция полагала, что можно было бы немедленно приступить к установлению отношений с Россией, если бы существовала уверенность, что большевики отказались от террористических и негуманных действий во внутренних делах и приняли существующие дипломатические правила. Итальянское правительство высказалось за немедленное установление политических и экономических связей с Россией. Ответы от Великобритании и США все еще не были получены. В связи с этим Э. Бенеш предлагал подтвердить в радиотелеграмме прием русской ноты и квалифицировать по-своему действия чехословацких войск в России⁶. И такую ноту Бенеш отправил Г. В. Чичерину 10 апреля 1920 г. В ноте сообщалось о подготовке чехословацкой стороной сборника документов о сибирской армии, кон-

3 Там же. С. 322–323.

4 Э. Бенеш свою зависимость от западных союзников объяснял промежуточным положением между ними и Россией, собираясь использовать это положение во внешней политике. См.: *Ворачек Э. Установление отношений Чехословакии с Советской Россией. Дипломатия и решение проблемы репатриации // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., 2020. С. 145.*

5 ДМИСЧО. Т. 1. С. 323. С одной стороны, чехословацкие деловые круги требовали установления взаимовыгодных контактов с Россией, с другой — в стране находились влиятельные силы, резко негативно выступавшие против любых взаимоотношений с большевиками.

6 ДМИСЧО. Т. 1. С. 328–329.

статировалось, что с правовой точки зрения советская нота не соответствовала полностью действительности, и чехословацкое правительство никогда не находилось в состоянии войны с Россией, в Сибири были заключены лишь местные соглашения. В конце документа предлагалось послать в Россию представителей для обсуждения вопроса о чехословацких гражданах, находившихся там, и будущих экономических связях⁷. Отвечая на ноту Бенеша, Чичерин 22 апреля 1920 г. констатировал конец враждебных действий между сторонами в Сибири, предлагал не откладывать начала переговоров до выхода сборника документов чехословацкой стороны, в свою очередь сообщал о готовности предоставить уже опубликованный в России сборник документов о действиях легионеров, ставил вопрос об обмене комиссиями и обращался с формальным предложением установить нормальные отношения⁸. В апреле – июне 1920 г. продолжались интенсивные переговоры между сторонами об обмене миссиями Красного Креста через чехословацких и советских представителей в Ревеле⁹. В конце апреля глава чехословацкой миссии Й. Скала с женой уже находились в Ревеле, ожидая согласия на въезд в Россию. Советская сторона предложила расширить состав миссий хотя бы до трех человек, а затем предложила для согласования список из 7 человек во главе с С. И. Гиллерсоном. При этом Чичерин стремился ускорить процесс обмена, а чехословацкая сторона не торопилась с ответами. В телеграмме от 6 мая 1920 г. из Москвы в Ревель советскому полпреду и торгпреду в Эстонии И. Э. Гуковскому Чичерин отмечал: «...мы очень дорожим возобновлением сношений с Чехо-Словакией. Нельзя ли через их представителя в Ревеле ускорить развитие сношений между нашими двумя правительствами»¹⁰. 9 июня Чичерин обращался к Бенешу с просьбой ускорить ответ и сделать все необходимое для проезда делегаций¹¹. А 19 июня 1920 г. в телеграмме в Ревель нарком иностранных дел РСФСР сообщал: «Безрезультатное ожидание ответа от Чехии заставляет думать, что ответа не будет, что-то там переменялось. При таких условиях Скалу, конечно, не пустим...»¹². Задержка объяснялась целым рядом причин. В апреле и мае в адрес чехословац-

7 Там же. С. 332–333.

8 Там же. С. 337.

9 Там же. С. 339.

10 Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0138. Референтура по Чехословакии. Оп. 1. 1920. П. 101. Д. 3. Л. 1.

11 ДМИСЧО. Т. 1. С. 352–353.

12 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 1. 1920. П. 101. Д. 3. Л. 8.

кого правительства были направлены две ноты. Первая — со стороны народных комиссаров иностранных дел РСФСР и УССР Г. В. Чичерина и Х. Г. Раковского о необходимости роспуска чехословацким правительством формируемых С. В. Петлюрой на территории Чехословакии полков из бывших военнопленных для борьбы совместно с Польшей против Советской Украины¹³. Во второй ноте советское правительство протестовало против провоза по чехословацкой территории военного материала, предназначенного для Польши, с которой Россия вела войну¹⁴. Из чехословацкой прессы стало известно о том, что на территории ЧСР действует Русский Красный Крест¹⁵ и русские дипломатические миссии генерала М. Н. Леонтьева и В. Т. Рафальского, что вызвало протест министра иностранных дел РСФСР¹⁶. Еще весной 1919 г. А. И. Деникин направил в Прагу в качестве военного агента генерала Леонтьева, который принял на себя выполнение консульских функций. Почти в это же время Совещание послов направило в чехословацкую столицу В. Т. Рафальского в качестве консула и поверенного в делах. Официально он не был признан правительством ЧСР, но исполнял консульские функции в отношении русских беженцев¹⁷. Обе эти миссии не были официально аккредитованы при чехословацком правительстве, но выдавали документы и справки русским эмигрантам в ЧСР¹⁸.

Советское руководство рассчитывало добиться официального признания и заключения дипломатических отношений с Чехословакией. В самом начале 1920-х годов оно все еще надеялось на всемирный революционный пожар¹⁹, и советские представители за рубежом вели соответствующую работу, которую власти ЧСР рассматривали как подрывную²⁰, что, естественно, вызывало их крайнее недовольство.

13 ДМИСЧО. Т. 1. С. 338.

14 Там же. С. 345–346.

15 Там же. С. 344–345.

16 Там же. С. 347.

17 Кононова М. М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925). М., 2004. С. 100–101.

18 Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha, 1998. S. 25.

19 Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М., 2021. С. 175.

20 Станков Н. Н. Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 — февраль 1923 года) // Славяноведение. 2020. № 3. С. 25–28.

Бенеш также учитывал сдержанную позицию союзников и резко отрицательное отношение к большевикам части политического спектра внутри страны. К тому же оставалась надежда на то, что к власти в России придут другие силы, а большевистский режим падет.

Контакты и зондаж относительно установления отношений шли и по другим линиям. Председатель Российской торговой делегации в Лондоне Л. Б. Красин сообщал 2 июня 1920 г. о своей беседе с Э. Бенешем²¹. По его словам, Бенеш опять подтвердил, что заключать мир невозможно, так как войны не было. Он считал, что признать советское правительство невозможно, так как оно еще не признано союзниками²². Отвечая на вторую ноту, министр иностранных дел ЧСР указал, что Чехословакия запретила провоз оружия в Польшу, независимо от протеста Чичерина²³. В то же время он заявил о готовности установить торговые отношения и обменяться торговыми представительствами, так как его страна заинтересована в получении хлеба, табака, марганцевой руды, соли и нефтяных продуктов, и в свою очередь готова поставлять сельскохозяйственные машины и железнодорожный материал.

Э. Бенеш также информировал председателя правительства о трехчасовых переговорах с Л. Б. Красиным в Лондоне, заявив, что они были любопытные, но ничего нового о позиции большевиков он не подчеркнул. Суть этой позиции он сформулировал так: «Военные действия усиливают и сохраняют; хотят иметь экономические связи

21 ДМИСЧО. Т. 1. С. 346.

22 Четко и кратко Бенеш сформулировал отношение к Советской России в августе 1920 г. в телеграмме чехословацкому полпредству в Вашингтоне: «Большевиков не признаем, ...против военной интервенции... Врангеля не признаем... За экономические связи без признания, ... пошлем в Россию своих представителей с определенными ограниченными консульскими правами договориться... относительно возврата наших пленных». См.: ДМИСЧО. Т. 1. С. 370.

23 Надежды Франции на участие Чехословакии в войне на стороне Польши не реализовались. Руководству ЧСР была ближе позиция Великобритании, которая, зная экономическую и военную ситуацию в Польше, допускала ее поражение в войне. К тому же чехословацко-польские отношения были весьма напряженными из-за конфликта о принадлежности Тешинского района. См.: *Gajan K. Polsko-ruská válka a vznik Malé dohody ve světle diplomatických dokumentů // České země a Československo v Evropě XIX. a XX. století. Sborník prací k 65. narozeninám prof. Dr. Roberta Kvačka / eds. J. Dejmek a J. Hanzal. Praha, 1997. S. 195.*

с Европой, иначе погибнут, так как не могут пока сами производить станки, мануфактуру и пр., в которых нуждаются». Красин, по его словам, признался, что пока Советская Россия мало что может поставлять для торгового обмена, но большевики предлагали концессии лесов, шахт на капиталистической или частнособственнической основе на срок 30–50 лет с правовыми гарантиями свободной эксплуатации, а взамен хотели мира и экономических контактов. Бенеш также назвал имевшиеся проблемы во взаимоотношениях с советской стороной. Большевики в принципе не признавали долги, правда, Красин намекнул, что, возможно, пойдут на уступки в зависимости от отношения к ним союзников. Серьезной проблемой стало и то, что большевики не признавали собственность чехов и словаков в России²⁴. В этом разговоре Бенеш дал отчетливо понять, что официальное дипломатическое признание невозможно, но фактические контакты будут установлены и обмен экономическими миссиями произойдет. В продолжение беседы Л. Б. Красин 7 июня т. г. обратился в письме к Э. Бенешу и предоставил ему список необходимых для России товаров, в том числе сельскохозяйственных машин, паровозов, запчастей к ним, арматуры, скреплений для рельсов, с указанием приблизительной потребности в этих товарах, с тем, чтобы иметь основу для деловых сношений²⁵.

Наконец 20 июня был получен положительный ответ от Бенеша о готовности принять миссию Гиллерсона и согласиИ Германии выдать для нее транзитные визы. В свою очередь чехословацкая миссия была дополнена профессором Гунденбауэром²⁶. 11 июля 1920 г. в Прагу прибыла миссия Советского Красного Креста. Одна из главных ее целей состояла в том, чтобы договориться об условиях обмена бывших военнопленных. По приезде Гиллерсон заявил, что миссия не будет заниматься никакой политической деятельностью, однако уже 3 августа передавал Бенешу протест по поводу того, что в Праге продолжали действовать представители Российского общества Красного Креста²⁷ и российские дипломатические миссии. Гиллерсон на самом деле занимался не столько военнопленными, сколько контрразведкой, имея, по словам деятеля Коминтерна Я. Салата, своих людей в ставке Петлюры и среди агентов Врангеля²⁸, и пропагандой, установив связи с

24 ДМИСЧО. Т. 1. С. 347–348.

25 Там же. С. 352.

26 Там же. С. 355.

27 Там же. С. 360.

28 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 12.

чехословацкими коммунистами²⁹. Советские представители совместно с чехословацкими коммунистами даже издавали газету «Правда»³⁰. Все это вызывало крайне негативное отношение к Гиллерсону со стороны чехословацкого МИД и постоянную критику в прессе³¹. Среди самих советских представителей нередко возникали разногласия и неприязнь: член миссии В. Вишневецкий жаловался на Гиллерсона, что тот слабо ведет дело, и советовал отозвать его в Москву³².

В августе 1920 г. Центрэваком выработал вместе с представителем ЧСР Й. Скалой текст соглашения о репатриации, которая должна была вестись на добровольной основе. Разногласия вызвал лишь пункт соглашения о том, кто несет расходы по доставке пленнх до границы (советская сторона отказывалась за свой счет доставлять чехословацких пленнх из Сибири и Туркестана до границы, так как это требовало больших расходов)³³. В ноябре 1920 г. прошло сообщение о возвращении 3-го транспорта с русскими военнопленными из Чехословакии³⁴. Референт II секции МИД Чехословакии Й. Благож сообщал весной 1921 г., что благодаря миссии Скалы из России также следуют на родину транспорты из Петрограда, Одессы и Владивостока³⁵.

После декабрьской стачки 1920 г. в ЧСР, в которой активно участвовали коммунисты, вернувшиеся из России и связанные с советскими представителями в Праге³⁶, Бенеш решил обратиться к Й. Скале с просьбой передать советской стороне, что желательно отозвать Гиллерсона: «Если он не уедет сам, его надо будет выслать», — писал он в январе 1921 г.³⁷

29 Станков Н. Деятельность Коминтерна и образование КПЧ в документах первых советских миссий в Чехословакии (1920–1921 гг.). // *Paginae historiae. Sborník Národního archivu. Praha*, 2020. Sv. 28/2. S. 113–121.

30 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 18.

31 В. Вишневецкий писал Якубовичу в Берлин 3 декабря 1920 г.: «С нами никто не считается и о миссии как таковой говорят и пишут, а пишут очень много, только тогда, когда можно ругать. А ругают, как попадет. Нет ни одного дня, чтобы в какой-нибудь газете не появилась заметка о Гиллерсоне и его миссии...». См.: АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. Д. 4. Л. 16.

32 Там же. Л. 12.

33 ДМИСЧО. Т. 1. С. 362–363.

34 АВП РФ. Ф. 04. Оп. 43. П. 273. Д. 53928. Л. 2.

35 ДМИСЧО. Т. 1. С. 406–407.

36 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 2. П. 101а. Д. 39. Л. 59–63; Оп. 3. П. 102. 1920–1922. Д. 4. Л. 7.

37 ДМИСЧО. Т. 1. С. 392.

В свою очередь, Чичерин также полагал, что Скалу надо отозвать, так как он подозревается в шпионаже в пользу Франции и Англии и окружен людьми, которые имели связи с Деникиным и Врангелем. В письме Гиллерсону 29 апреля 1921 г. он писал: «Неудобно, когда представителем состоит человек более чем подозреваемый в шпионаже в пользу другой державы... Он окружен элементами, несомненно, шпионскими. Получается неудобство. Выходит так, будто бы люди арестуются за то, что они стоят близко к Чешской Делегации. Между тем они арестуются за то, что есть сведения об их шпионской деятельности. Но выходит так, что эти элементы как раз в тесном контакте или даже более со Скалой». В конце письма он выражал желание совершенно обновить состав чехословацких должностных лиц в России из-за их прежних связей с «белогвардейщиной»³⁸.

Было решено заменить миссии Красного Креста торговыми представительствами, тем более, что репатриация российских пленных из Чехословакии почти закончилась к концу 1920 г. Первоначальный план послать в Прагу главой торговой делегации С. И. Аралова, который в 1918 г. являлся заведующим оперативным отделом Наркомата по военным делам РСФСР и активно участвовал в конфликте чехословацких легионеров с большевиками, не был одобрен чехословацкой стороной³⁹. Тогда было решено, что председателем торговой делегации РСФСР станет П. Н. Мостовенко⁴⁰, до этого занимавший должность российского полпреда в Литве. Чехословацкую торгово-промышленную миссию возглавил брат заместителя Э. Бенеша Вацлава Гирсы Йозеф Гирса (одновременно он являлся и главой миссии на Украине)⁴¹. По приезде в Прагу 14 июня 1921 г. Мостовенко заявил редактору журнала «Новый мир», что видит свою задачу в подготовке условий для заключения торгового договора с Чехословацкой республикой.

В августе 1921 г. чехословацкое правительство начало так называемую Русскую акцию, имевшую два направления: помощь голодающим в России и поддержка беженцев из России. Приветствуя

38 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 2. 1921. П. 101. Д. 3. Л. 5–5об.

39 Там же. Л. 3; ДМИСЧО. Т. 1. С. 407.

40 Там же. С. 407, 463. Подробнее о П. Н. Мостовенко и его миссии в ЧСР см.: *Станков Н. Н.* Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 года — февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32.

41 ДМИСЧО. Т. 1. С. 437.

помощь районам, пострадавшим от голода⁴², советское правительство и его представители в Праге крайне негативно относились к поддержке эмигрантов, считая их врагами Советской России.

Вопрос о признании Советской России Бенеш связывал с ее международным признанием. Чехословацкая сторона не спешила официально признать Советскую Россию, ориентируясь на позиции как союзных держав, так и партнеров по формирующемуся в 1920–1921 гг. блоку Малой Антанты — Румынии и Королевства сербов, хорватов и словенцев, при этом ЧСР делала основной акцент на установление экономических связей. Кроме того, президент и правительство Чехословацкой республики рассчитывали на эволюцию большевистского режима в сторону демократизации и в 1921 г. развернули широкую помощь голодающим в России и русским демократически настроенным эмигрантам, прибывавшим в ЧСР.

Что же касается подготовки торгового соглашения, то первоначально Мостовенко показалось, что правительство ЧСР склонно принять целиком присланный им проект за исключением двух строк первого параграфа о признании представительства РСФСР единственным. На словах и Э. Бенеш, и В. Гирса признавали это. Но Мостовенко писал Чичерину в августе 1921 г.: «У меня накопился громадный материал, доказывающий неофициальное существование здесь самых фантастических организаций, которые как минеральные отложения для геолога смогут помочь будущему историку составить последовательный перечень всех петроградских, московских, донских и т. д. правительств и их претендентов»⁴³.

Однако отношения сторон выстраивались непросто, и для согласования условий договора потребовался почти год. В интервью корреспонденту газеты «Новый мир» 1 февраля 1922 г. Мостовенко подчеркивал обоюдную заинтересованность в торгово-экономических сношениях, но подчеркивал, что некоторые политические моменты не способствуют сближению сторон, обращая внимание на поддержку чехословацким правительством эмигрантов из России⁴⁴. В марте 1921 г. все еще продолжалось обсуждение российско-чехословацкого договора. Заместитель Г. В. Чичерина М. М. Литвинов в письме П. Н. Мостовенко 2 марта т. г. писал, что предлагаемая формулировка пункта о праве чехословацких граждан начать коммерческую деятель-

42 Там же. С. 432.

43 Там же. С. 436.

44 Там же. С. 469–473.

ность в России на основании общих декретов, ничего Чехословакии не дает, но если чехословацкие политики хотят констатации этого факта, то он не возражает против включения его в договор. Однако Литвинов был категорически против репатриационного договора, соглашаясь лишь с включением упоминания о репатриации граждан своей страны, но не фиксируя порядка репатриации, так как вопрос об оплате реэвакуационных расходов все еще не был решен⁴⁵.

Выступая в Национальном собрании накануне Генуэзской конференции, Бенеш еще раз сформулировал позицию Чехословакии в русском вопросе: «Мы выступали и выступаем против военной интервенции в России и против какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела русских. Но мы требуем того же и в отношении себя. Мы за установление экономических и торговых связей с Россией, за оказание помощи России в борьбе с голодом и за помощь эмиграции за границей»⁴⁶.

В интервью корреспонденту газеты «Prager Tageblatt» 5 апреля 1922 г. Чичерин также подтвердил, что препятствием к заключению экономического соглашения являются политические разногласия: «Пражское правительство не может решиться признать нас единственными представителями русского народа и не хочет порвать своей связи с белогвардейскими и тому подобными элементами. В результате этого мы до сих пор не могли прийти с чехословацким правительством к какому-либо положительному или экономическому соглашению. Неоднократно делалась попытка достичь таких соглашений, и между нами велись об этом переговоры. Но, к сожалению, они до сих пор не дали положительного результата»⁴⁷.

Президент ЧСР Т. Г. Масарик в письме Э. Бенешу 18 апреля 1922 г. инструктировал его перед Генуэзской конференцией, что с большевиками лучше вообще не вести переговоров о признании де-юре, так как Россия своими результатами пока лишь доказывает невозможность большевистского коммунизма. «Большевики ожидали европейскую революцию, давали на нее деньги и хотели уничтожить капитализм — ныне вместо революции коммунистические революционеры просят милостыню у капиталистов»⁴⁸, — писал он. 24 апреля Масарик повторял тому же адресату: «Признание де-юре было бы крупной ошибкой... Возможно

45 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 3. П. 102. 1920–1922. Д. 4. Л. 143–144.

46 ДМИСЧО. Т. 1. С. 487.

47 Там же. С. 491.

48 Там же. С. 492.

вы с Чичериным придете к соглашению относительно нашего договора. Это должен быть торговый договор, а не политический»⁴⁹.

17 мая 1922 г. П. Н. Мостовенко направил ноту в МИД Чехословакии, протестуя против «политического союза чехословацкого правительства и отдельных кругов чехословацкой общественности с небольшими группами русских партийных деятелей, преимущественно эсеровского толка», сосредоточенными в Пражском Земгоре (который он квалифицировал как «боевую организацию эсеров»), и против денежной поддержки его. Он обвинял правительство ЧСР в противодействии попыткам части русских эмигрантов вернуться на родину⁵⁰. В дальнейшем Мостовенко постоянно жаловался в Москву на поддержку в ЧСР русских эмигрантов⁵¹, в качестве рычагов нажима на чехословацкий МИД предлагал использовать такие меры, как закрытие консульских отделений во Владивостоке и других городах⁵², противодействие в получении въездных виз в РСФСР и др.

Э. Бенеш, докладывая 23 мая 1922 г. в Палате депутатов о результатах Генуэзской конференции, еще раз остановился на позиции ЧСР в отношении России: «Мы отстаивали политику среднего пути... Мы выступали за установление связей, за постоянные контакты, постепенную организацию сотрудничества, в особенности в области экономики, за приспособление в ходе постепенного развития условий в России к условиям других государств, за сохранение таким путем основных результатов русской революции без дальнейшей анархии в России, за постепенное развитие в направлении сотрудничества с остальными слоями русского народа»⁵³.

Наконец, основные спорные вопросы были улажены, и 5 июня 1922 г. в Праге был подписан Временный договор между РСФСР и ЧСР. Со стороны правительства РСФСР его подписал П. Н. Мостовенко, со стороны правительства ЧСР — полномочный министр В. Гирса и шеф экономической секции МИД инженер Я. Дворжачек. Статьей 1-й учреждались представительства, предусматривалась возможность открытия их отделений в важнейших центрах государств при условии согласия на

49 Там же. С. 494–495.

50 Там же. С. 496–499.

51 Подробнее об этом см.: *Сератионова Е. П.* Советские представительства в Праге и эмигрантский вопрос в начале 1920-х гг. // *Нансеновские чтения 2019 / науч. ред. В. Ю. Черняев.* СПб., 2020. С. 31–41.

52 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. П. 102а. 1922–1923. Д. 8. Л. 3.

53 ДМИСЧО. Т. 1. С. 501.

то правительства соответствующей страны. Представительства взаимно признавались единственными, однако прямо было прописано, что вопрос о признании де-юре правительства другой страны этим договором не предreshается⁵⁴. 2-я статья предоставляла права и преимущества лиц дипломатического корпуса главам и двум членам торговых представительств, а также права и преимущества консульских представителей главам отделений. Главы представительств подлежали аккредитации в МИД и имели право сношения с центральными ведомствами, тогда как главы отделений — с местными властями. Раз в неделю курьерам предоставлялись дипломатические привилегии, учреждалась диппочта, телеграммы и радиограммы обладали преимуществом в отправке. Представительства наделялись правом выдачи виз, паспортов и удостоверения документов. Стороны брали на себя обязательства воздерживаться от пропаганды, направленной против другой стороны, и не принимать участия в политических и социальных конфликтах. Граждане обеих стран должны были пользоваться всеми общегражданскими правами, предусмотренными для иностранных граждан. Стороны обязывались не препятствовать возвращению на родину гражданам другой страны, а, наоборот, содействовать этому.

Приблизительно половина статей касалась непосредственно торгово-экономических вопросов. Так, согласно статье 10, договор не предreshал вопросов о взаимных претензиях об уплате компенсаций или восстановлении в правах граждан. Правительство ЧСР обязывалось оказывать поддержку каждому целесообразному почину своих граждан содействовать восстановлению экономики РСФСР, а правительство РСФСР гарантировало этим чехословацким гражданам, начавшим на основе соглашений экономическую деятельность в России, полную юридическую защиту личности и имущества, а также всяческое содействие. В отдельных случаях предусматривались соглашения о гарантиях для инвестированных капиталов. Правительство ЧСР признавало за правительством РСФСР и его органами, осуществлявшими торговую деятельность, права юридического лица. Предполагалось возобновление почтовых, телеграфных и транспортных сношений на основе дополнительных соглашений. Стороны договорились осуществлять

54 В примечании к первой статье правительства обязывались прекратить всякие официальные сношения с учреждениями, организациями и лицами, имеющими целью борьбу с правительством другой страны. Однако это условие не соблюдалось чехословацкой стороной, что не раз становилось поводом для критики и возмущения со стороны РСФСР / СССР.

торговую деятельность согласно действовавшим законам, учитывая монополию внешней торговли правительства РСФСР. Предусматривался третейский суд в случае споров относительно заключенных сделок и проведенных операций. Имущество правительств на территории другой страны должно было пользоваться охраной международного права. Возможен был вызов из своей страны специалистов по согласованию с МИД страны пребывания. Стороны также обязывались не налагать ареста и не проводить конфискации товаров и имущества, если при ввозе соблюдались все законы и предписания. Гражданам ЧСР гарантировалась неприкосновенность привезенного с собой или приобретенного в РСФСР имущества, однако неприкосновенность не означала права вывоза приобретенного в России имущества за границу, который осуществлялся лишь на основе законов и правил, при монополии внешней торговли и согласно таможенным законам РСФСР. Договор был составлен на двух языках, вступал в силу со дня обмена сообщениями об утверждении договора и расторгался с предварительным за 6 месяцев уведомлением. В случае расторжения договора представителям предоставлялась возможность оставаться в стране не менее 6 месяцев для ликвидации дел⁵⁵. На следующий день аналогичный договор был подписан представителями ЧСР и УССР.

Российской стороной Временный договор был ратифицирован 22 июня 1922 г., о чем Мостовенко уведомил МИД ЧСР нотой от 5 июля 1922 г.⁵⁶

28 декабря 1922 г. в письме М. М. Литвинову Мостовенко объяснял ситуацию, сложившуюся в парламенте с ратификацией этого договора⁵⁷. При обсуждении вопроса об отношениях с Россией депутат от коммунистов К. Крейбих предложил немедленно признать Советскую Россию де-юре. Предложение было отвергнуто. Тогда представитель национальных социалистов И. Грушовский внес корректирующее предложение «найти благоприятный момент для вступления с Советской Россией и Советской Украиной в переговоры о взаимном признании де-юре». И такая резолюция была единогласно принята всеми партиями при отсутствовавших национальных демократах. Эту резолюцию должны были представить на утверждение парламента вместе с вопросом о ратификации договора. Мостовенко считал, что если бы резолюция Грушовского попала на пленум, то, вероятно, смогла бы

55 ДМИСЧО. Т. 1. С. 507–511.

56 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 4. П. 102а. 1922–1923. Д. 8. Л. 23.

57 Там же. Л. 4–8.

собрать большинство. Вместе с тем он полагал, что «вопреки уверениям Гирсы, что резолюция ничего не стоит [...], для Бенеша в связи с ней создано исключительно трудное положение». Далее он пояснил, что Бенеш целиком ориентируется на Антанту, его политика не самостоятельна: «Оторваться от Антантовского блока в таком важном вопросе для Бенеша значит перестать быть Бенешем. Вся основа его карьеры и источника его авторитета здесь в том, что он хорошо принят Антантой»⁵⁸. По мнению советского представителя, чехословацкий министр иностранных дел был слишком зависим от заграницы, особенно Франции, поэтому единственным выходом для него было «ждать и оттягивать». В конце письма он пояснил, что сразу после публикации договор приобрел силу, еще до рассмотрения его парламентом.

Из-за разногласий между представителями различных политических партий⁵⁹ в Национальном собрании чехословацкая сторона так и не ратифицировала договор, что долгое время вызывало нарекания с советской стороны⁶⁰. Правда, как и указывал Мостовенко, он вводился в действие постановлением чехословацкого правительства от 7 августа 1922 г. и приобрел силу со дня обнародования 2 сентября 1922 г.

Характер договора был шире торгового соглашения и фактически означал признание Чехословакией советского правительства де-факто. Однако официальное признание де-юре СССР удалось получить лишь в 1934 г. в условиях изменившейся международной ситуации, и прихода к власти в 1933 г. в соседней Германии А. Гитлера.

Источники и литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ).

Ворачек Э. Установление отношений Чехословакии с Советской Россией. Дипломатия и решение проблемы репатриации // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М.: Полимедиа, 2020. С. 134–148. DOI 10.31168/0442-8.

58 Там же. Л. 5.

59 О позиции в русском вопросе разных политических сил ЧСР см.: Серапионова Е. П. Чехословакия и вопрос о признании Советской России // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй. М., 2020. С. 148–163.

60 *Voráček E. a kol. V zájmu velmoci. Československo a Sovětský svaz 1918–1948.* Praha, 2019. S. 190.

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М.: Наука, 1973. Т. 1. 551 с.

Кононова М. М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917–1925). М.: ИВИ РАН, 2004. 240 с.

Магадеев И. Э. В тени Первой мировой войны. Дилеммы европейской безопасности в 1920-е годы. М.: Аспект-Пресс, 2021. 864 с.

Серапионова Е. П. Чехословакия и вопрос о признании Советской России // Чехословакия и Советская Россия на обломках империй / отв. ред. Е. П. Серапионова. М., Полимедиа, 2020. С. 148–163. DOI 10.31168/0442-8.

Станков Н. Деятельность Коминтерна и образование КПЧ в документах первых советских миссий в Чехословакии (1920–1921 гг.) // *Paginae historiae. Sborník Národního archivu. Praha*, 2020. Sv. 28/2. S. 113–130.

Станков Н. Н. Советский представитель в Чехословакии П. Н. Мостовенко против эмиссаров Коминтерна (июнь 1921 — февраль 1923 года) // *Славяноведение*. 2020. № 3. С. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. Документы и материалы. М.: Кучково поле, 2018. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1024 с.

Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha: Slovanský ústav AV ČR, Euroslavica, 1998. 343 s.

Gajan K. Polsko-ruská válka a vznik Malé dohody ve světle diplomatických dokumentů // *České země a Československo v Evropě XIX a XX. Století. Sborník prací k 65. narozeninám prof. Dr. Roberta Kvačka / eds. J. Dejmeek a J. Hanzal. Praha: Historický ústav AV ČR, 1997. S. 191–209.*

Voráček E. a kol. V zájmu velmocí. Československo a Sovětský svaz 1918–1948. Praha: Historický ústav, 2019. 676 s.

References

Cheshsko-Slovatskii (Chekhoslovatskii) korpus. Dokumenty i materialy, vol. 2, Chekhoslovatskie legiony i Grazhdanskaia voïna v Rossii. Moscow: Kuchkovovo pole, 2018, 1024 s.

Dokumenty i materialy po istorii sovetsko-chekhoslovatskikh otnosheniï, vol. 1. Moscow: Nauka, 1973, 551 p.

Dokumenty k dějinám ruské a ukrajinské emigrace v Československé republice (1918–1939). Praha: Slovanský ústav, Euroslavica, 1998, 343 p.

Gajan, K. “Polsko-ruská válka a vznik Malé dohody ve světle diplomatických dokumentů.” *České země a Československo v Evropě XIX a XX. Století. Sborník*

práci k 65. narozeninám prof. Dr. Roberta Kvačka, ed. by J. Dejmek, J. Hanzal. Praha: Historický ústav AV ČR, 1997, pp. 191–209.

Kononova, M. M. *Russkie diplomaticheskie predstavitelstva v emigratsii (1917–1925)*. Moscow: IVI RAN, 2004, 240 p.

Magadeev, I. E. *V teni Pervoï mirovoï voïny. Dilemmy evropeïskoï bezopasnosti v 1920-e gody*. Moscow: Aspekt-Press, 2021, 864 p.

Serapionova, E. P. “Chekhoslovakiia i vopros o priznanii Sovetskoï Rossii.” *Czechoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkakh imperii*. Moscow: Polimedia, 2020, pp. 148–163. DOI: 10.31168/0442-8.

Stankov, N. “Deiatelnost’ Kominterna i obrazovanie KPCh v dokumentakh pervykh sovetskikh missii v Chekhoslovakii (1920–1921 gg).” *Paginae historiae. Sborník Národního archivu*, sv. 28/2. Praha, 2020, pp. 113–130.

Stankov, N. N. “Sovetskiĭ predstavitel’ v Chekhoslovakii P. N. Mostovenko protiv emissarov Kominterna (iiun’ 1921 — fevral’ 1923 goda).” *Slavianovedenie*, 2020, No 3, pp. 24–32. DOI: 10.31857/S0869544X0009514-8.

Voráček, E. et al. *V zájmu velmoci. Československo a Sovětský svaz 1918–1948*. Praha: Historický ústav, 2019, 676 p.

Voráček, E. “Ustanovenie otnosheniĭ Chekhoslovakii s Sovetskoï Rossiĭeĭ. Diplomatiia i reshenie problemy repatriatsii.” *Chekhoslovakiia i Sovetskaia Rossiia na oblomkachimperii*. Moscow: Polimedia, 2020, pp. 134–148. DOI: 10.31168/0442-8.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.04

E. P. Serapionova

**The Interim treaty between the RSFSR and Czechoslovakia:
on the 100th anniversary of signing**

Elena P. Serapionova
Doctor of History, head of the department
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: serapionovae@mail.ru
ORCID: 0000-0003-0269-140X

Citation

Serapionova E. P. The Interim treaty between the RSFSR and Czechoslovakia: On the 100th anniversary of signing // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 68–85 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.04

Received: 06.03.2022.

Abstract

The article is devoted to establishing contacts of Soviet Russia and Czechoslovakia. It also deals with the signing of the first treaty between the countries on June 5, 1922. The centenary of the document and the complicated Russian-Czech relations in recent years determine the relevance of addressing these subjects. The aim of the article is on the basis of documents found in the Russian Foreign Policy Archive (the correspondence of the Soviet representatives in Prague S. I. Gillerson and P. N. Mostovenko with the People's Commissar for Foreign Affairs V. G. Chicherin and his deputy M. M. Litvinov), as well as on published materials on the history of Soviet-Czechoslovak relations, to explain the contradictions that existed between the parties and to show ways of overcoming them. Based on the latest research by Russian and Czech historians, the author analyses the international situation of that time, the terms of the agreement, draws attention to the fact that the agreement was not ratified by the Parliament of the Czechoslovak Republic, but came into effect by a government decree. It is concluded that the strategic goal of the Soviet foreign policy to achieve a de jure recognition was not implemented at that time. However, the Interim Treaty meant a de facto recognition of the RSFSR and created conditions for the development of trade and economic cooperation.

Keywords

Czechoslovakia, RSFSR, Interim Treaty of 1922, diplomatic recognition of Soviet Russia.

**Положение Подкарпатской Руси и русинов в 1919 г.
в оценках чешских чиновников
(По материалам пражского
Архива Канцелярии президента республики)**

Шевченко Кирилл Владимирович
Доктор исторических наук, профессор
Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске
220107, Народная 21, Минск, Республика Беларусь
E-mail: shevchenkok@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-9702-9883

Цитирование

Шевченко К. В. Положение Подкарпатской Руси и русинов в 1919 г. в оценках чешских чиновников (По материалам пражского Архива Канцелярии президента республики) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 86–94. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.05

Статья поступила в редакцию 10.02.2021.

Аннотация

В статье анализируется положение исторических земель Подкарпатской Руси и восточнославянского населения данного региона, вошедшего в состав Чехословакии после окончания Первой мировой войны в 1918 г., в оценках чешских чиновников, посетивших регион в течение 1919 г. Предметом особого внимания чешских чиновников было внутривосточное положение, взаимоотношения между различными культурно-национальными течениями среди русинского населения, а также отношение местных русинов к Чехословацкой республике. Большинство чешских чиновников критически отзывались о представителях традиционного русофильского направления среди русинов, считавшего карпатских русинов частью единого русского народа и ориентировавшегося на русский литературный язык и русскую культуру. По мнению чешских чиновников, русофильское течение отличалось провенгерскими симпатиями и нелояльным отношением к Чехословакии. Более приемлемым для Праги, по их мнению, было так называемое «местное», а также украин-

ское направление, которое ориентировалось на местный язык и декларировало лояльность чехословацкому государству. Именно это обстоятельство в значительной степени предопределило политику «мягкой украинизации», которую проводила чехословацкая администрация в Подкарпатской Руси в 1920-е гг. и которая постепенно способствовала распространению украинской идентичности среди местного населения.

Ключевые слова

Чехословакия, Подкарпатская Русь, чешские чиновники, русины, культурно-национальная политика.

Начало Первой мировой войны и ярко выраженная репрессивная политика австро-венгерских властей в отношении русинов Угорской и Галицкой Руси вызвали подъем национального движения среди карпатских русинов, политические лидеры которых стали разрабатывать принципиально новые сценарии решения вопроса о политическом и государственно-правовом статусе карпаторусских земель после окончания войны. Наиболее последовательно и энергично в годы Первой мировой войны действовали многочисленные организации карпаторусской диаспоры в Северной Америке в силу сложившихся там благоприятных условий; при этом определяющим вектором их общественно-политической активности была идея общерусского единства, доминировавшая в то время среди карпаторусской интеллигенции, которая считала карпатских русинов составной частью триединого русского народа.

Первые проявления политической активности карпатских русинов в ходе Первой мировой войны были направлены на присоединение Карпатской и Галицкой Руси к России. Именно это предусматривалось решениями Русского конгресса в Америке в июле 1917 г., в работе которого приняли участие представители большинства организаций и структур карпаторусской диаспоры в Северной Америке. Однако революционные потрясения и последующая Гражданская война в России сделали российский сценарий решения русинского вопроса нереализуемым. Осенью 1918 г. в политическую повестку дня встал подержанный президентом США В. Вильсоном чехословацкий сценарий решения политической судьбы карпатских русинов. Принципиальная договоренность о присоединении русинских земель к югу от Карпат к Чехословакии на условиях широкой автономии была достигнута в ходе переговоров будущего президента ЧСР Т. Г. Масарика и лидера

диаспоры угорских русинов в США Г. Жатковича в октябре 1918 г. Позже это решение было подтверждено итогами референдума среди карпаторусской диаспоры в Северной Америке, когда около 62 % его участников высказалось за вхождение исторических земель Угорской Руси в состав чехословацкой республики.

Процесс инкорпорации русинских земель к югу от Карпатского хребта в состав Чехословакии начался в январе 1919 г. с появлением на русинских землях первых чехословацких воинских подразделений. С самого начала представители чехословацкой военной и гражданской администрации столкнулись с характерной для данного региона мультиэтничностью и поликонфессиональностью. Ситуация осложнялась и тем, что среди немногочисленной интеллигенции доминирующего в регионе этноса — карпатских русинов — возникло несколько противостоящих друг другу культурно-национальных направлений, вступивших в ожесточенное соперничество между собой и пытавшихся заручиться поддержкой официальной Праги. Источником постоянного беспокойства для чехословацкой администрации в крае было и традиционно большое влияние на местное население со стороны мадьярской и мадьяронской интеллигенции, воспринимавшей вхождение данного региона в состав Чехословакии как временное недоразумение. Все это стало предметом самого пристального внимания прибывших в регион чешских чиновников, которые должны были выработать основные направления внутренней политики в этой стратегически важной для Праги области, граничившей с Польшей, Венгрией и Румынией — союзником Чехословакии по Малой Антанте.

* * *

В своем пространном донесении в министерство обороны ЧСР 7 октября 1919 г., позже переданном в канцелярию президента республики, подпоручик-легионер 66 пехотного полка Шимон Палайда отмечал, что карпаторусская общественность в Карпатской Руси разделена на две основные партии, которые он именовал «русской» и «русинско-мадьяронской». «Русскую партию» Палайда характеризовал как «партию простого народа», прежде всего крестьян¹. По словам чешского офицера, «русский крестьянин в Карпатской Руси всегда стремился к русской книге и к русской культуре, что лучше всего

1 Archiv Kanceláře prezidenta republiky (AKPR). Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 19. Sign. PR I/19. Karton 1. Ministerstvo národní obrany — zprávu podporučíka Palajdy.

доказывает Мармарошский процесс... Крестьяне тайно посещали Россию, чтобы познать там свой братский народ и свою веру, которая преследовалась во времена мадьярского господства»².

Противоположную партию Палайда характеризовал как партию мадьяризованной части карпаторусской интеллигенции и греко-католических священников, значительное число которых являлось убежденными мадьяронами. По наблюдениям подпоручика Палайды, греко-католические священники между собой предпочитают говорить исключительно по-венгерски, считая карпаторусский язык «языком необразованного и неинтеллигентного простонародья»³. В своих донесениях в Прагу Палайда высказывал мысль о том, что чехословацкое правительство, по его мнению, должно безоговорочно поддержать именно «русскую партию», поскольку в случае поддержки «русинско-мадьяронской» партии карпаторусское крестьянство может «потерять доверие к чехословацким властям»⁴.

Приведя ряд конкретных примеров венгерской пропаганды и саботажа со стороны местных венгерских чиновников, Палайда указывал на беспокойство в карпаторусском обществе в связи с возвращением известного мадьярона греко-католического епископа Новака, получившего разрешение чехословацких властей приехать в Чехословакию. По мнению чешского офицера, «епископ Новак, будучи мадьяроном, был и останется врагом карпаторусского народа и духовенства. Такие действия, как допуск епископа Новака и оставление мадьярских и мадьяронских чиновников на их должностях, облегчают работу мадьярам... и поддерживают венгерскую агитацию в Карпатской Руси»⁵. Палайда самым настоятельным образом рекомендовал Праге назначать на административные должности в Карпатской Руси только представителей «русской партии» из данного региона либо из Галиции, а также тех чешских чиновников, которые знают русский язык, поскольку, по его мнению, без знания языка трудно было рассчитывать на доверие со стороны местного населения.

Несколько иную картину положения в Карпатской Руси осенью 1919 г. нарисовал в своем пространном отчете секретарь министерства почт и телеграфа ЧСР доктор Отокар Ружичка, представивший свой доклад руководству министерства 12 ноября 1919 г.

2 Ibid.

3 Ibid.

4 Ibid.

5 Ibid.

В самом начале своего доклада Ружичка, посетивший Подкарпатье в самом начале ноября 1919 г., констатировал крайнюю сложность положения и нарастающий хаос в подкарпатском регионе, подчеркнув острую необходимость проведения четко выверенной политики, без которой, по его мнению, угроза потери Карпатской Руси для Праги была вполне реальной. В отличие от подпоручика Палайды, явно симпатизировавшего местной «русской партии» и призывавшего Прагу делать ставку на русофилов, Ружичка отмечал, что именно деятели «русского направления» более склонны к провенгерской деятельности. По словам чешского чиновника, «у представителей великорусского направления мы обнаружим весьма мало любви и преданности к чехословацкой республике... Они проявляют свою преданность лишь внешне, но их агитация в народе и их собрания убеждают нас в обратном»⁶.

По мнению Ружички, «местное направление», к наиболее видным представителям которого он относил Волошина и Жатковича, «в наибольшей степени соответствует интересам нашей республики; общегосударственные интересы полностью говорят в пользу местного направления»⁷. При этом, как подчеркивал высокопоставленный чешский чиновник, «украинское направление было бы для нашей республики также нездоровым»⁸. Ружичка обращал особое внимание на различные языковые предпочтения противостоящих друг другу карпаторусских групп. «Если великорусское направление использует великорусский литературный язык, — отмечал Ружичка, — то местное направление в языковом вопросе придерживается компромисса, используя малорусский язык, т. е. местное наречие, с великорусским правописанием»⁹. Ссылаясь на опыт своих личных контактов с местным населением, секретарь чехословацкого министерства почт и телеграфа отмечал, что, по его мнению, местный русин на практике лучше понимает чешский, а не русский литературный язык.

Еще более критические отзывы о представителях «русского направления» в Карпатской Руси содержались в отчетах инженера Яромира Нечаса, известного политического публициста и активиста чешской социал-демократической партии, некоторое время работавшего в аппарате первого губернатора Подкарпатской Руси Г. Жатковича.

6 АКРР. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 20. Sign. PR I/20. Karton 1. Ministerstvo pošt a telegrafů — úprava poměrů v Rusínsku.

7 Ibid.

8 Ibid.

9 Ibid.

Нечас резко раскритиковал представителей «русского направления» в Карпатской Руси за то, что он воспринимал как насильственное навязывание русского литературного языка населению и отрыв от этноязыковых реалий карпатского региона. Более того, уничижительной критике Нечаса «за чрезмерную русофилию» подверглись и некоторые высокопоставленные чешские чиновники в Подкарпатской Руси. «Нынешнее региональное правительство в Ужгороде вводит на всей территории Русинии чужой, непонятный населению великорусский язык, — утверждал Нечас в своем отчете в Прагу, датированном 2 ноября 1919 г. — Тем самым усложняется и без того запутанный языковой вопрос и возбуждается негативная реакция подкарпатских русинов. Правительственные газеты “Русская земля” и “Русское слово” народ не понимает. По-великорусски понимают и говорят лишь те чиновники из Галиции и Буковины, которых наше правительство взяло на службу»¹⁰.

В своем последующем донесении в канцелярию президента республики 20 ноября 1919 г. Нечас обрушился с резкими нападками на главу чехословацкой гражданской администрации в Подкарпатской Руси доктора Брейху, который, по словам Нечаса, «проводит партийную политику, окружил себя камарильей старорусов из Галиции и Буковины и без колебаний выступил против представителей местного русинского направления»¹¹. Обвиняя карпаторусских политиков русской ориентации в том, что их политическая программа является «реакционной, шовинистической и нетерпимой к другим», Нечас призывал официальную Прагу полностью поддержать «местное направление, которое соответствует мышлению и настроениям интеллигенции», а также проводить политику «благожелательного нейтралитета» в отношении украинцев, «предоставив карпатским русинам возможность естественного развития» и воздержавшись от введения в Подкарпатской Руси русского языка в школы и в административные органы¹².

Данные настойчивые рекомендации Я. Нечаса были услышаны и приняты к сведению политическим руководством Чехословакии. В дальнейшем практическая политика официальной Праги в отношении Подкарпатской Руси в большей степени ориентировалась именно на рекомендации Нечаса, который, сделав успешную политическую

10 AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 25. Sign. PR I/25. Karton 1. Ing. J. Nečas — školská otázka.

11 AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 26. Sign. PR I/26. Karton 1. Zpráva ing. J. Nečase o poměrech na Podkarpatské Rusi.

12 Ibid.

карьеру, в 1920-е гг. работал в канцелярии президента республики, курируя там вопросы, связанные с Подкарпатской Русью и оказывая серьезное влияние на практическую политику чехословацких властей в данном регионе. Это обстоятельство в значительной степени объясняет курс официальной Праги на «мягкую украинизацию» восточнославянского населения Подкарпатья в 1920-е гг., что наиболее рельефно проявилось в области культуры и образования.

Тесные контакты с украинским движением в межвоенный период официальная Прага поддерживала не только в культурно-образовательной сфере, но и по более деликатной линии спецслужб. По свидетельству хорошо информированного советского разведчика П. Судоплатова, «в Чехословакии ОУН имела мощную поддержку со стороны властей. У президента Бенеша были с Коновальцем отношения еще со времен Первой мировой войны. Однако когда ОУН “вышла из-под контроля” властей и осуществила убийство Перацкого, эти отношения ухудшились»¹³. Отмечая политическую разнородность сил, сотрудничавших с украинскими националистами, Судоплатов констатировал, что поддержку украинскому националистическому движению «оказывали Гитлер в Германии, Бенеш в Чехословакии и федеральный канцлер Австрии Дольфус»¹⁴.

Однако в долговременной перспективе заигрывание с украинским направлением в регионе оказалось для Праги контрпродуктивным. Практически неизвестное к 1919 г. украинское движение в Подкарпатской Руси постепенно усилилось, пустило корни и, завязав контакты со спецслужбами Германии после установления там нацистской диктатуры, внесло свою немалую лепту в дестабилизацию положения в Чехословакии в трагические для республики 1938–1939 гг.

* * *

Впрочем, в то время как чешские чиновники внимательно изучали крайне сложное положение в Карпатской Руси, пытаясь определить вектор оптимальной политики в регионе, карпаторусские деятели и общественность довольно быстро разочаровались в реалиях чехословацкой политики. Вопреки изначально завышенным ожиданиям русинских деятелей от вхождения Карпатской Руси в состав Чехословакии после «Великой войны», их недовольство политикой чехословацких властей стало проявляться уже с весны 1919 г. Так, председатель Кар-

¹³ Судоплатов П. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М., 1999. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 157.

пато-русской народной рады в Прешове А. Бескид в своем обращении к премьер-министру ЧСР К. Крамаржу уже 14 апреля 1919 г. негодовал по поводу «подавления естественных прав русского народа на его собственной земле»¹⁵, критикуя местных чиновников за «шовинизм», а также за «преследования и угрозы» в адрес карпаторусского населения¹⁶. Примечательно, что именно А. Бескид и возглавляемая им Карпато-русская народная рада первыми среди прочих карпаторусских структур четко заявили о своей чехословацкой ориентации.

Серьезным источником недовольства Прагой со стороны русинов была и проводимая чехословацкими властями политика «мягкой украинизации» русинского населения, ярко проявившаяся в 1920-е гг. в сфере образования и вызвавшая, по словам русинских активистов, «языковую войну»¹⁷. В свою очередь, чешская общественность была крайне недовольна недопустимо высокой, с ее точки зрения, степенью мадьяризации карпаторусской интеллигенции, особенно учителей¹⁸. Подобные трения, то сглаживаясь, то вновь обостряясь, продолжались на протяжении всего межвоенного периода, отразившись в карпато-русской и чехословацкой прессе этого времени.

Источники и литература

Думнич Ю. Украинизація школы на Пудкарпатській Русі пуд час чехословацького періода. Ужгород: Видавельство В. Падяка, 2009. 52 с.

Судоплатов П. Спецоперації. Лубянка і Кремль. 1930–1950 роки. М.: Олма-прес, 1999. 688 с.

Podkarpatské hlasy. 1925. 13 června. Č. 48.

References

Dumnych, Ju. *Ukraynyzatsiia shkolы na Pudkarpats'kuї Rusy pud chas chekhoslovats'koho peryoda*. Uzhhorod: Vydavatel'stvo V. Padiaka, 2009, 52 p.

Sudoplatov, P. *Spetsoperatsii. Lubianka i Kremel' 1930–1950 gody*. Moscow: Olma-press, 1999, 688 p.

15 AKPR. Fond Kancelář prezidenta republiky. Inv. č. 6. Sign. PR I/6. Karton 1. Dr. A. Beskid, předseda Národní rady v Prešově, poměr k obyvatelstvu. 16 Ibid.

17 Думнич Ю. Украинизація школы на Пудкарпатській Русі пуд час чехословацького періода. Ужгород, 2009. С. 3–5.

18 Podkarpatské hlasy. 1925. 13 června. Č. 48.

**The position of Subcarpathian Rus' and Rusyns in 1919
in the assessments of Czech officials (According to the materials
of the Prague Archive of the Office of the President of the Republic)**

Kirill V. Shevchenko

Doctor of History, professor

Russian State Social University (Minsk Branch)

220107, Narodnaya 21, Minsk, Belarus

E-mail: shevchenkok@hotmail.com

ORCID: 0000-0002-9702-9883

Citation

Shevchenko K. V. The position of Subcarpathian Rus' and Rusyns in 1919 in the assessments of Czech officials (According to the materials of the Prague Archive of the Office of the President of the Republic) // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 86–94 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.05

Received: 10.02.2021.

Abstract

The article analyzes the situation in the historical lands of Subcarpathian Rus' and the problems of the local Eastern Slavic population, which became part of the Czechoslovak state right after the First World War in 1918, in the assessments of Czech officials, who visited Subcarpathian region during 1919. Czech officials paid enormous attention mostly to the internal political situation in this region, the relationship between various cultural and national currents among the local Rusyn population, as well as the attitude of local Rusyns towards the Czechoslovak Republic. Most Czech officials were quite critical of the representatives of the traditional Russophile trend among the Rusyns, who considered the Carpathian Rusyns to be part of a single Russian people and focused on the Russian literary language and Russian culture. According to Czech officials, the Russophile trend was distinguished by obvious pro-Hungarian sympathies and a disloyal attitude towards Czechoslovakia. In their opinion, more acceptable for Prague was the so-called “local”, as well as the Ukrainian direction, which focused on the local language and declared loyalty to the Czechoslovak state. It was this circumstance that predetermined the policy of so-called “soft Ukrainization”, which was carried out by the Czechoslovak administration in Subcarpathian Rus' in the 1920s and which gradually contributed to the spread of Ukrainian identity among the local Rusyn population.

Keywords

Czechoslovakia, Subcarpathian Rus', Czech officials, Rusyns, cultural and national policy.

**Ликвидация русофильской организации
«Школьная помощь» в контексте
национально-культурной жизни Подкарпатской Руси
периода венгерской оккупации (1938–1944 гг.)**

Казак Олег Геннадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет
220070, Партизанский проспект 26, Минск, Республика Беларусь
E-mail: olegkazak90@tut.by
ORCID: 0000-0003-3859-8071

Цитирование

Казак О. Г. Ликвидация русофильской организации «Школьная помощь» в контексте национально-культурной жизни Подкарпатской Руси периода венгерской оккупации (1938–1944 гг.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 95–108. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.06

Статья поступила в редакцию 01.02.2021.

Аннотация

Статья посвящена анализу природы культурно-просветительских обществ Подкарпатской Руси (прежде всего русофильской организации «Школьная помощь») в межвоенное время и в период венгерского господства. Деятельность организаций определялась сложным национально-культурным ландшафтом региона, наличием нескольких моделей идентификации местного восточнославянского населения. Ликвидация организации «Школьная помощь» соответствовала основным установкам национально-культурной политики венгерских властей, направленной на популяризацию среди населения Подкарпатской Руси идеи о существовании отдельного русинского народа, лояльного венгерскому государству. Основой источниковой базы работы стали документы Венгерского национального архива и Государственного архива Закарпатской области (Украина). В частности, детально анализируются отчеты венгерских чиновников Э. Малинича, Й. Тороцкой, Ю. Дюрича о характере деятельности «Школьной помощи». Представители венгерской администрации в Подкарпатской Руси считали крайне нежелательной

деятельность влиятельной русофильской структуры, ставившей под сомнение правильность национально-культурного курса Будапешта в регионе. Русофилы, значительная часть которых в межвоенный период действовала в ревизионистских интересах Будапешта и рассчитывала на положительное отношение к себе от новых властей после присоединения края к Венгрии, оказались обмануты в своих ожиданиях. После ликвидации организации «Школьная помощь» ее имущество в 1941 г. было передано «Подкарпатскому обществу наук», члены которого работали над научным обоснованием существования отдельного русинского народа.

Ключевые слова

Русины, национально-культурная жизнь, идентичность, русофильство, «угро-русинизм», «Школьная помощь».

В 1920-е — 1930-е гг., когда Подкарпатская Русь входила в состав Чехословакии, в регионе наблюдалось соперничество различных направлений, имевших собственные представления о национально-культурной природе автохтонного восточнославянского населения. В это время украинофильское движение края координировалось и развивалось в основном силами культурно-просветительской организации «Провіта», русофильское движение — силами Общества имени А. Духновича. Еще одним мощным организационным центром русофилов Подкарпатской Руси стало общество «Школьная помощь». Общество, в организации которого ключевую роль сыграла «Бабушка русской революции» Е. Брешко-Брешковская, оказывало содействие талантливым детям региона из небогатых семей в деле получения образования. В интернате для девочек в Мукачево и двух интернатах для мальчиков в Ужгороде постояльцам обеспечивалось бесплатное проживание, питание, право пользования учебными принадлежностями. Русский эмигрант князь П. Долгоруков в 1925 г. посетил интернат «Школьной помощи» в Мукачево и высоко оценил его значение для русофильского движения в Подкарпатской Руси: «При происходящей в Карпатороссии борьбе между русским и украинским направлениями, при остром недостатке местной русской интеллигенции, при царящем там языковом хаосе и засорении местного наречия венгерскими, румынскими, польскими и немецко-жаргонными словами, Е. Брешко-Брешковская своими интернатами делала большое русское национальное культурное дело, приобщая молодежь, в

том числе будущих матерей и учительниц, к сокровищнице русской культуры»¹. Не меньшую роль в культурной жизни региона играл интернат для учащихся хустской гимназии, основанный православным архимандритом Алексием (Кабалюком) в 1925 г. (православная церковь являлась одним из важнейших оплотов русофильского движения в межвоенной Подкарпатской Руси). Многие воспитанники интерната после окончания гимназии «изъявляли желание идти по духовной линии и поступали в духовную семинарию в Сербии с целью приобретения богословских знаний»².

«Школьная помощь» имела собственную типографию, в которой регулярно печаталась литература русофильского содержания (например, очерк творчества Е. Фенцика³, работы, посвященные языковому вопросу в Подкарпатской Руси⁴, и др.). «Школьная помощь» и Общество имени А. Духновича как крупнейшие русофильские организации поддерживали самые тесные связи: многие активные общественные и культурные деятели являлись членами обоих обществ, в типографии «Школьной помощи» регулярно печатались издания Общества имени А. Духновича.

После поэтапного включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии (ноябрь 1938 г., март 1939 г.) официальным идеологическим курсом в регионе стал так называемый «угро-русинизм», в рамках которого постулировалась идея существования отдельного русинского народа, который был одинаково чужд русофилам и украинофилам. Официальная пропаганда подчеркивала, что политическое, экономическое, культурное развитие русинского народа было возможно лишь в рамках венгерского государства. Власти Венгрии предприняли серьезные усилия по маргинализации русофильского и, в особенности, украинофильского движений в крае. Некоторые русофилы, которые в межвоенный период действовали в интересах венгерского ирредентизма (А. Бродий, С. Фенцик и др.), имели возможность довольно резко критиковать по-

1 *Архангельский В. Г.* Катерина Брешковская. Прага; Ужгород, 1938. С. 183–184.

2 *Данилец Ю.* Преподобный Алексей (Кабалюк) // Странник. Историко-литературный журнал. 2018. № 3 (10). С. 109–110.

3 *Вергунь Д. Н.* Евгений Андреевич Фенцик и его мѣсто въ русской литературѣ. Ужгородъ, 1926. 23 с.

4 *Сабовъ Е.* Очеркъ литературной дѣятельности и образования карпатороссовъ. Ужгородъ, 1925. 32 с.; *Зоркій Н.* Споръ о языкѣ въ Подкарпатской Руси и чешская Академія Наукъ. Ужгородъ, 1926. 80 с.

литику Будапешта по конструированию локальной, антирусской модели русинской идентичности, однако не ставили под сомнение венгерскую государственную принадлежность региона⁵.

Венгерским властям предстояло грамотно решить деликатный вопрос судьбы русофильских организаций. Сразу после присоединения южной части Подкарпатской Руси к Венгрии (ноябрь 1938 г.) решением министра внутренних дел Ф. Керестеш-Фишера функционирование «Школьной помощи» было приостановлено, а комиссару А. Иванчо было поручено провести ревизию деятельности общества. Вскоре полномочия комиссара были переданы Э. Малиничу, однако работа чиновника не устроила представителей центральных и местных властей. В 1940 г. министр внутренних дел Венгрии назначил новых комиссаров, которым предстояло более детально оценить перспективы дальнейшей судьбы русофильской организации⁶. Функции комиссаров стали выполнять директор интерната греко-католической семинарии в Ужгороде Я. Беллас и директор ужгородской типографии Й. Тороцкой. Профессиональные компетенции данных лиц позволяли им объективно оценить деятельность «Школьной помощи» и представить аргументированный проект дальнейшей судьбы данной организации⁷.

26 июня 1939 г. Э. Малинич подготовил отчет о деятельности руководства «Школьной помощи», адресованный жупану жупы Унг-Берег-Угоча А. Шименфалви. Например, председатель совета директоров, учитель П. Сова, характеризовался как «православный, решительный русский националист», не имевший политических амбиций. «Православный из Галиции» секретарь Л. Гошовский после событий марта 1939 г. переехал в Прагу, как и целый ряд членов руководства «Школьной помощи» (А. Гашай, Ю. Пелех, А. Карел и др.). Руководитель типографии, известный русофильский публицист, один из лидеров Карпаторусской трудовой партии, сенатор в 1929–1935 гг. И. Цурканович (после включения Подкарпатской Руси в состав Венгрии также переехал в Прагу) рассматривался Э. Малиничем как наиболее последовательный выразитель чехословацких государственных интересов

5 Казак О. Г. Этнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): автореферат дисс. ... к.и.н.: 07.00.03. Минск, 2017. С. 3–5.

6 Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (далее — MNL OL). F. K 150. 1942. 6191. cs. 5. t. 1941.10.09.

7 MNL OL. F. K 150. 1942. 6191. cs. 5. t. 1940.04.13.

в крае: «Проводимая “Школьной помощью” великорусско-православная культурная политика должна была согласовываться с политикой страны. Глава типографии и редактор И. Цурканович сообразил, что созданная по инициативе лидеров “Школьной помощи” Карпаторусская трудовая партия могла играть роль фактического православного филиала Чехословацкой национально-социалистической партии (партии Э. Бенеша)»⁸. Комиссар несколько преувеличил степень близости лидеров «Школьной помощи» к властным кругам Чехословакии. Действительно, на выборах 1924 г. и 1925 г. Карпаторусская трудовая партия выступала в блоке с Чехословацкой социалистической партией (так до 1926 г. называлась Чехословацкая национально-социалистическая партия). На этих выборах партии получили соответственно 8 % и 6,4 % голосов. Но уже на выборах 1929 г. партия И. Цуркановича выступала совместно с Чехословацкой национально-демократической партией К. Крамаржа, набрав совместно 18,3 % голосов⁹. Следует отметить, что партия первого премьер-министра Чехословакии, известного своими прорусскими взглядами, в указанный период не играла существенной роли в политической жизни страны.

11 августа 1939 г. Э. Малинич подготовил очередной отчет для А. Шименфалви, на сей раз посвященный деятельности интернатов в Ужгороде и Мукачево. В документе сообщалось, что постоянльцами интернатов были «почти без исключения лица русинской национальности», которые получали образование и воспитание «в великорусском духе». Э. Малинич утверждал, что ликвидация интернатов могла послужить «агитационным материалом для вражеской пропаганды, которая утверждала бы, что организация из-за безразличия властей будет уничтожена». Комиссар предлагал использовать ресурсы «Школьной помощи» «для воспитания детей угрорусского народа (одно из официальных наименований русинов в 1938–1944 гг. — *О. К.*) в духе венгерской государственной идеи»: «Организация и интернаты должны под строжайшим контролем государства проводить работу по национальному воспитанию. Главная цель состоит в том, чтобы произошел разрыв с русской культурной деятельностью и стал культивироваться правильный венгерский патриотизм»¹⁰.

8 Державний архів Закарпатської області (далее — ДАЗО). Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5. Л. 159–161.

9 *Пон И.* Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2001. С. 203.

10 ДАЗО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 67. Л. 10–11.

Отчет Э. Малинича от 28 сентября 1939 г. был посвящен работе типографии «Школьной помощи». Согласно информации комиссара, доход типографии со 2 августа по 14 сентября 1939 г. составил более 4000 пенго. В частности, здесь производился набор русофильских изданий А. Бродия «Русская правда» и «Сотацкий вестник»¹¹. В статьях русскоязычной газеты «Русская правда» содержалась довольно резкая критика политики «угрорусинизма», в частности попыток конструирования отдельного русинского языка¹². Традиция публикации текстов на сотацком говоре восточнословацкого диалекта проявилась еще в 1930-е гг. Носителем данного говора, помимо словаков, являлась и часть русинов (в силу этноязыковой смешанности восточнословацкого региона). Так, под редакцией А. Бродия латиницей словацкого типа издавались ежегодники-календари, в которых постулировалась идея принадлежности русинов к единому русскому культурному пространству¹³. Очевидно, появление подобного рода литературы не могло не вызывать опасений у венгерских властей. В декабре 1939 г. работа типографии «Школьной помощи» была приостановлена¹⁴.

20 декабря 1939 г. в Ужгороде состоялось общее собрание «Школьной помощи», участие в котором приняли оставшиеся в Подкарпатской Руси члены организации. Среди них были депутаты нижней и верхней палат венгерского парламента (соответственно В. Гомичко и И. Каминский). Венгерскую администрацию от имени и по поручению ужгородского бургомистра Э. Пелчарски представлял главный городской судья Т. Ортутай. Он выразил пожелание того, чтобы «работа организации отвечала венгерским святостефанским интересам». Выступавшие на общем собрании члены «Школьной помощи» декларировали свое недовольство фактическим блокированием деятельности организации, предпринятым властями. Секретарь А. Васильев крайне негативно оценил приостановку функционирования интернатов, инициированную комиссаром А. Иванчо. Секретарь не смог предоставить подробный отчет об имуществе организации, так как доступ к документам имел лишь комиссар Э. Малинич. А. Гагатко заявил, что организация

11 ДАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5. Л. 162–163.

12 Казак О. Г. Русофильская интеллигенция в национально-культурной жизни Подкарпатской Руси (1939–1944) // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 99–101.

13 Дуличенко А. Д. Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Ужгород, 2008. С. 478–480.

14 MNL OL. F. K 150. 1942. 6191. cs. 5. t. 1939.12.21.

всегда ставила перед собой исключительно культурные цели и не планировала впредь изменять своим принципам. Он же предложил членам правления «Школьной помощи» переработать устав организации в соответствии с венгерским законодательством. М. Стасев предложил всеми законными путями добиваться возобновления функционирования типографии, а П. Сова выразил надежду, что чрезмерный надзор властей над деятельностью организации будет ослаблен. Однако призывы актива «Школьной помощи» фактически не имели адресата, так как представители местной администрации проигнорировали общее собрание. Закрывая мероприятие, длившееся чуть более полутора часов, И. Каминский с сожалением отметил, что регентский комиссар (глава венгерской администрации в Подкарпатской Руси; на тот момент данный пост занимал Ж. Перени), хотя и был проинформирован о времени и месте проведения общего собрания, на него не явился¹⁵.

17 января 1940 г. бургомистр Ужгорода Э. Пелчарски отправил письмо министру внутренних дел Венгрии Ф. Керестеш-Фишеру. Венгерский чиновник рекомендовал министру не давать разрешения на возобновление деятельности «Школьной помощи»: «Большую часть руководства (организации. — О. К.) составляют русские эмигранты, которые фанатично поддерживают панрусские и великоукраинские концепции, действуют в направлении отдаления Подкарпатя от свято stefанской программы»¹⁶. Появление в письме откровенной дезинформации о якобы украинофильских настроениях части руководства «Школьной помощи» может иметь несколько объяснений: либо бургомистр Ужгорода недостаточно четко представлял национально-культурный ландшафт региона, либо он хотел ввести в заблуждение Ф. Керестеш-Фишера, преувеличив масштаб «неблагонадежности» культурной организации.

14 апреля 1940 г. жупан Ужанской жупы Ю. Дюрич в письме министру внутренних дел Венгрии обращал внимание на то, что многие члены руководства «Школьной помощи» «не являлись венгерскими гражданами, либо, по крайней мере, факт их гражданства вызывал сомнения» (в частности, по информации Ю. Дюрича, А. Гагатко, М. Стасев, Э. Валницкий, И. Черный и В. Навроцкий «родились не на территории Короны Святого Стефана и прибыли туда после 31 октября 1918 г.»). Жупан считал, что значительные долги, которые имелись у «Школьной помощи», могли быть погашены за счет доходов типографии. Предпо-

15 Ibid.

16 MNL OL. F. K 150. 1942. 6191. cs. 5. t. 1940.01.17.

лагалось, что новый комиссар Й. Тороцкой, используя свои профессиональные навыки, мог бы наладить работу типографии в нужном для Будапешта русле. Ю. Дюрич полагал, что ресурсы «Школьной помощи» следовало использовать для удовлетворения культурных запросов русинского населения Подкарпатской Руси: «В любом случае не хотелось бы, чтобы предназначенная для обслуживания рутенских (рутены — еще одно официальное наименование населения Подкарпатской Руси 1938–1944 гг. — О. К.) культурных интересов организация была передана венгерским структурам, так как это может быть слишком чувствительно для рутенских интеллектуалов и может негативно повлиять на добрые отношения между венграми и рутенами»¹⁷.

7 ноября 1940 г. отчет о работе типографии «Школьной помощи» подготовил Й. Тороцкой. По мнению комиссара, доходы от типографии шли «на воспитание молодежи не в русинском, а в великорусском духе». Об «истинных» причинах приостановки деятельности типографии Й. Тороцкой писал следующее: «Реальная причина закрытия типографии заключалась в ее устаревшем оборудовании и бесхозяйственности. Но некоторые хотят доказать, что причина кроется в экономической и культурной политике, в контроле со стороны венгерских властей». Й. Тороцкой, как и его предшественник на посту комиссара по делам «Школьной помощи», связывал успехи организации с близостью к властным кругам Чехословакии одного из ее лидеров И. Цуркановича: «При чехословацкой власти дело “Школьной помощи” процветало не благодаря умелому руководству типографией, а только потому, что в то время ее директор И. Цурканович использовал свой статус сенатора. Его типография получала крупномасштабные, хорошо оплачиваемые государственные заказы, в то время как другие ужгородские типографии были вынуждены сокращать объемы работ»¹⁸.

Таким образом, представители венгерской администрации в Подкарпатской Руси были убеждены в нежелательности функционирования влиятельной русофильской организации «Школьная помощь». Для формирования позитивного имиджа венгерской власти желательным было передать имущество ликвидированной структуры иной, «подходящей» Будапешту русинской институции. Такая возможность представилась в период нахождения на посту регентского комиссара Подкарпатской территории М. Козмы (12 сентября 1940 г. — 7 декабря 1941 г.) — влиятельного политика хорватской Венгрии, быв-

17 MNL OL. F. K 150. 1942. 6191. cs. 5. t. 1940.04.13.

18 ДАЗО. Ф. 1001. Оп. 1. Д. 5. Л. 5–7.

шего министра внутренних дел (1935–1937), директора венгерской службы радиовещания (1925–1941). М. Козма проявил наибольшую активность на посту руководителя краевой администрации. Накануне своего назначения он получил личные указания от М. Хорти: «Те, кто агитирует против нашего государственного духа, почувствуют твой кулак. Ты теперь едешь туда как регентский комиссар, но с первой минуты чувствуй себя как вице-король»¹⁹. В национально-культурной сфере М. Козма последовательно отстаивал тезис о существовании отдельного русинского народа, чуждого прорусских и проукраинских симпатий и лояльного венгерскому государству. Для воплощения в жизнь данной идеи по инициативе регентского комиссара были, в частности, осуществлены попытки кодификации русинского литературного языка на основе региональных диалектов. М. Козма не допускал возможности какой-либо «политизации» русинского вопроса, о чем заявил уже в своей первой публичной речи в сентябре 1940 г.: «Ни для угрорусских, ни других меньшинств культурная свобода не означает политическую свободу и посматривание за кордон. Всякие отклонение и изгиб от государственной мысли и от верности нации будут мной строго наказаны. Поэтому требую, чтобы из языкового вопроса никто не создавал политическую проблему»²⁰.

26 января 1941 г. по инициативе М. Козмы было основано «Подкарпатское общество наук». Выступая на торжественном открытии организации, ее идейный вдохновитель заявил: «Народ Подкарпатья свою самостоятельную, независимую и народную культуру хочет строить в рамках венгерского государства, в рамках венгеро-русинского слияния». Политик отметил, что русинский народ своими силами, без помощи венгерского правительства не смог бы создать подобной организации. При этом М. Козма ясно очертил границы деятельности «Подкарпатского общества наук»: «Организация должна служить народному самоопределению, особого рода культуре и языку, без посторонних политических целей»²¹. «Подкарпатское общество наук» стало главной институцией академического толка, члены которой с

¹⁹ Паикуй З. А. До питання про автономію Закарпаття під час угорської окупації // Український історичний журнал. 1973. № 2 (143). С. 93.

²⁰ Регетській Комиссарь Николай Козма представил свою программу // Русское слово. 1940. 18 сентября. С. 2.

²¹ Протокол написаний в Унгваре 26 януара 1941 года на закладаючомь собраніи Подкарпатского Общества Наукъ // Зоря–Најнал. Ча-сопись Подкарпатского общества наукъ. 1941. № 1–2. С. 182.

научных или квазинаучных позиций отстаивали идею существования отдельного русинского народа. Численность данной организации на протяжении 1941–1944 гг. не превышала 35 человек, при этом более половины ее членов являлись профессорами университетов Венгрии (например, А. Годинка, Й. Ийеш, Т. Херевич, С. Киста). Как правило, эти ученые имели русинские корни и исследовали различные аспекты истории, этнологии и фольклора Подкарпатской Руси²².

Именно «Подкарпатскому обществу наук» было передано имущество ликвидированной «Школьной помощи». Соответствующее поручение бургомистру Ужгорода содержалось в письме от 15 мая 1941 г., подписанном советником министра внутренних дел Я. Пашканади²³. В это же время проходил процесс передачи «Подкарпатскому обществу наук» имущества крупнейшей украинофильской организации межвоенной Подкарпатской Руси — общества «Просвіта»²⁴.

Ликвидация венгерскими властями крупной организации «Школьная помощь» иллюстрировала нежелание Будапешта поддерживать русофильское направление в Подкарпатской Руси. Русофилы, немало сделавшие для реализации венгерской ревизионистской программы, в новых условиях оказались неподходящими союзниками для хозяев края. Прорусские силы позволяли себе достаточно смелую критику официального идеологического курса «угрорусинизма», однако демонстрировали полную политическую лояльность венгерским властям. Ослаблению лагеря русофилов способствовала его фрагментация, вызванная личностными конфликтами лидеров и их борьбой за влияние на общественную мысль в регионе. В данной ситуации молодые поэты и публицисты края, поддерживавшие идею существования «единого русского народа от Попрада до Камчатки», формируют особый вектор общественной и культурной жизни Подкарпатской Руси — «просоветское русофильство» (К. Галас, А. Карабелеш, Д. Вакаров и др.). В его основе лежали романтизированные представления о Советском Союзе как главном поборнике общеславянской идеи. Многие деятели данного направления подверглись преследованиям со стороны венгерских властей.

22 Národní archiv České republiky. F. MV-L. Kart. 114. Sign. 2-10-11.

23 MNL OL. F. K 150. 1942. 6191. cs. 5. t. 1941.05.15.

24 Казак О. Г. Доля української організації «Просвіта» після приєднання Підкарпатської Русі до Угорщини (1938–1944 рр.) // Карпатська Україна — незалежна держава: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 80-річчю Карпатської України, м. Ужгород, 14–15 березня 2019 р. Ужгород, 2019. С. 118.

Источники и литература

Державний архів Закарпатської області (ДАЗО).
Magyar Nemzeti Levéltár Országos Levéltára (MNL OL).
Národní archiv České republiky.

Архангельский В. Г. Катерина Брешковская. Прага; Ужгород: Изд. о-ва «Школьная помощь», 1938. 214 с.

Вергунь Д. Н. Евгений Андреевич Фенцик и его мѣсто въ русской литературѣ. Ужгородъ: Типографія «Школьная помощь», 1926. 23 с.

Данилец Ю. Преподобный Алексей (Кабалюк) // Странник. Историко-литературный журнал. 2018. № 3 (10). С. 198–112.

Дуличенко А. Д. Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Ужгород: Издательство В. Падяка, 2008. 908 с.

Зоркій Н. Споръ о языкѣ въ Подкарпатской Руси и чешская Академія Наукъ. Ужгородъ: Типографія «Школьная помощь», 1926. 80 с.

Казак О. Г. Доля української організації «Просвіта» після приєднання Підкарпатської Русі до Угорщини (1938–1944 рр.) // Карпатська Україна — незалежна держава: Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 80-річчю Карпатської України, м. Ужгород, 14–15 березня 2019 р. Ужгород, 2019. С. 112–121.

Казак О. Г. Русофильская интеллигенция в национально-культурной жизни Подкарпатской Руси (1939–1944) // Славянский альманах. 2015. № 1–2. С. 95–112.

Казак О. Г. Этнокультурное развитие восточнославянского населения Подкарпатской Руси в условиях венгерской оккупации (1939–1944 гг.): автореферат дисс. ... к.и.н.: 07.00.03. Минск, 2017. 25 с.

Паишуй З. А. До питання про автономію Закарпаття під час угорської окупації // Український історичний журнал. 1973. № 2 (143). С. 93–98.

Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород: Издательство В. Падяка, 2001. 431 с.

Протоколъ написаний въ Унгваре 26 януара 1941 года на закладаючомь собраніи Подкарпатского Общества Наукъ // Зоря–Најнал. Часопись Подкарпатского общества наукъ. 1941. № 1–2. С. 180–184.

Регетскій Комиссаръ Николай Козма представилъ свою программу // Русское слово. 1940. 18 сентября. С. 2.

Сабовъ Е. Очеркъ литературной дѣятельности и образования карпатороссовъ. Ужгородъ: Типографія «Школьная помощь», 1925. 32 с.

References

- Arkhangel'skiĭ, V. G. *Katerina Breshkovskaia*. Praga; Uzhgorod: Izd. o-va "Shkol'naia pomoshch'", 1938, 214 p.
- Danilets, Iu. "Prepodobnyiĭ Aleksiĭ (Kabaliuk)." *Strannik. Istoriko-literaturnyiĭ zhurnal*, 2018, No 3 (10), pp. 198–112.
- Dulichenko, A. D. *Pis'mennost' i literaturnye iazyki Karpatskoĭ Rusi (XV–XX vv.)*. Uzhgorod: Izdatel'stvo V. Padiaka, 2008, 908 p.
- Kazak, O. G. "Rusofil'skaia intelligentsiia v natsional'no-kul'turnoi zhizni Podkarpatskoĭ Rusi (1939–1944)." *Slavianskiĭ al'manakh*, 2015, No. 1–2, pp. 95–112.
- Kazak, O. G. *Etnokul'turnoe razvitie vostochnoslavianskogo naseleniia Podkarpatskoĭ Rusi v usloviakh vengerskoĭ okkupatsii (1939–1944 gg.)*. PhD Thesis (Abstract). Minsk, 2017, 25 p.
- Kazak, O. H. "Dolia ukraĭn's'koĭ orhanizatsii «Prosvita» pislia pryednannia Pidkarpats'koĭ Rusi do Uhorshchyny (1938–1944 rr.)" *Karpats'ka Ukraĭna — nezalezhna derzhava: Materialy mizhnarodnoi naukovoĭ konferentsii, prysviachenoĭ 80-richchiiu Karpats'koĭ Ukraĭny, m. Uzhhorod, 14–15 bereznia 2019 r.* Uzhhorod, 2019, pp. 112–121.
- Pashkuĭ, Z. A. "Do pytannia pro avtonomiiu Zakarpattia pid chas uhors'koĭ okupatsii." *Ukraĭn's'kyĭ istorychnyiĭ zhurnal*. 1973, No 2 (143), pp. 93–98.
- Pop, I. *Entsiklopediia Podkarpatskoĭ Rusi*. Uzhgorod: Izdatel'stvo V. Padiaka, 2001, 431 p.
- "Protokol napysanyy v Ungvare 26 januara 1941 goda na zakladajuchom sobranii Podkarpatskogo Obshhestva Nauk." *Zorja–Hajnal. Chasopys Podkarpatskogo obshhestva nauk*, 1941, No 1–2, pp. 180–184.
- "Regetskiĭ Komissar Nikolai Kozma predstavil svoiu programmu." *Russkoe slovo*, 1940, 18 September, p. 2.
- Sabov, E. *Ocherk literaturnoi deiatel'nosti i obrazovaniia karpatorossov*. Uzhgorod: Tipografiia "Shkol'naia pomoshch'", 1925, 32 p.
- Vergun, D. N. *Evgeniĭ Andreevich Fentsik i ego mesto v rusскоĭ literature*. Uzhgorod: Tipografiia "Shkol'naia pomoshch'", 1926, 23 p.
- Zorkiĭ, N. *Spor o iazyke v Podkarpatskoĭ Rusi i cheshskaia Akademiia Nauk*. Uzhgorod: Tipografiia "Shkol'naia pomoshch'", 1926, 80 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.06

O. G. Kazak

**The liquidation of the Russophile organization
“Shkol’naya Pomoshch” (“The School Help”)
in the context of the national and cultural life of Subcarpathian Rus’
during the period of the Hungarian occupation (1938–1944)**

Oleg G. Kazak

Candidate of History, associate professor

Belarus State Economic University

220070, 26, Partizanski av., Minsk, Republic of Belarus

E-mail: olegkazak90@tut.by

ORCID: 0000-0003-3859-8071

Citation

Kazak O. G. The liquidation of the Russophile organization “Shkol’naya Pomoshch” (“The School Help”) in the context of the national and cultural life of Subcarpathian Rus’ during the period of the Hungarian occupation (1938–1944) // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 95–108 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.06

Received: 01.02.2021.

Abstract

The article is devoted to the analysis of the nature of the cultural and educational societies of Subcarpathian Rus’ (primarily the Russophile organization “Shkol’naya Pomoshch” (“The School Help”)) between the wars and during the period of the Hungarian rule. The activities of the organizations were determined by the complex national and cultural landscape of the region, the presence of several models for identifying of the local East Slavic population. The liquidation of “Shkol’naya Pomoshch” corresponded to the main guidelines of the national and cultural policy of the Hungarian authorities, aimed to popularize the idea of the existence of a separate Rusyn people loyal to the Hungarian state among the population of Subcarpathian Rus’. The basis of the source base of the work were the documents of the Hungarian National Archives and the State Archives of the Transcarpathian Region (Ukraine). In particular, the reports of the Hungarian officials E. Malinics, J. Torockói, J. Dyurich on the nature of the activities of “Shkol’naya Pomoshch” are analyzed in detail. Representatives of the Hungarian administration in Subcarpathian Rus’ considered the activity of this influential Russophile structure, which called into question the correctness

of the national and cultural policy of Budapest in the region, extremely undesirable. The Russophiles, a significant part of whom during the interwar period acted in the revisionist interests of Budapest and counted on a positive attitude from the new authorities after the annexation of the region to Hungary, were deceived in their expectations. After the liquidation of “Shkol’naya Pomoshch”, its property in 1941 was given to “Podkarpatskoe obshchestvo nauk” (“The Subcarpathian Society of Sciences”), whose members worked on the scientific justification for the existence of a separate Rusyn people.

Keywords

Rusyns, national and cultural life, identity, Russophilism, “Ugro-Rusynism”, “Shkol’naya Pomoshch” (“The School Help”).

Польско-английское Соглашение и Протокол от 25 августа 1939 г.: цели сторон и значение в истории Польши (осень 1939 — весна 1945 г.)

Носкова Альбина Федоровна
Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: noskova.albina@gambler.ru
ORCID: 0000-0001-9629-5648

Цитирование:

Носкова А. Ф. Польско-английское Соглашение и Протокол от 25 августа 1939 г.: цели сторон и значение в истории Польши (осень 1939 — весна 1945 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 109–122. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.07

Статья поступила в редакцию 26.01.2022.

Аннотация

В статье на основе конкретно-исторических сведений, накопленных в советской, российской, польской историографии, и документального материала по истории международных отношений накануне и в годы Второй мировой войны анализируется один из важнейших для истории Польши документов, во многом определивших текущую ситуацию, политику и будущее ее правительства вплоть до урегулирования «польского вопроса» главами «Большой тройки» в 1945 г. Речь идет о Соглашении о взаимопомощи между Соединенным Королевством и Польшей и секретном Протоколе к нему от 25 августа 1939 г. Подписанные вслед за заключением пакта Молотова — Риббентропа, данные документы обязывали Великобританию в случае нападения Германии немедленно оказать Польше «всю поддержку и помощь». В случае же советской угрозы подобное английское обязательство отсутствовало. Это позволяло У. Черчиллю после 22 июня 1941 г. открыто не поддерживать Польшу в территориальном споре с СССР и, «подыгрывая» Сталину, вынуждать слабую союзницу самой соглашаться на «линию Керзона» ради возвращения правительства в страну. Оно с намерениями Черчилля не соглашалось и в итоге потерпело поражение в вопросе границы и власти в стране.

Ключевые слова

Вторая мировая война, история, Польша, Великобритания, Соглашение от 25 августа 1939 г., секретный Протокол, интересы, противоречия, результаты.

Накануне Второй мировой войны польское руководство сотрудничеством с Германией в период Мюнхенского кризиса осенью 1938 г., введением войск и отторжением ряда районов от Чехо-Словакии, попыткой сблизиться с Германией и отказом от советской помощи летом 1939 г. взяло свою долю ответственности за срыв англо-франко-советских переговоров¹. Как и во время чехословацкого кризиса, западные державы, стремясь избежать конфликта с Германией, подтолкнули Польшу к тому, чтобы продемонстрировать якобы несовпадение польских национально-государственных интересов с интересами СССР², и тем способствовали возникновению летом 1939 г. международного кризиса в Европе. В таких условиях 23 августа 1939 г. во избежание изоляции на международной арене СССР подписал с Германией До-

1 См. подробнее: *Морозов С. В.* Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М., 2004; *Польша в XX веке. Очерки политической истории.* М., 2012. С. 261–273; *Марьина В. В.* Второй президент Чехословакии. Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013. С. 235–255.

2 В Польше в 1926 г. был установлен авторитарный режим «санации», опиравшийся на почитаемый поляками авторитет армии, на распространенные и сопряженные между собой русофобию и антикоммунизм. Власти внедряли и внедрили в сознание большинства поляков устойчивые антисоветские настроения. Для превращения их в господствующие активно эксплуатировались конкретные события истории двусторонних отношений Речи Посполитой и царской России и участие последней в разделах Польши в XVIII в. Немалое воздействие на отношение к СССР оказывали известные полякам сведения о трагедии крестьянства в соседней стране, гонениях на церковь и массовых репрессиях, проводимых коммунистами в 20–30-е гг. XX в. В СССР, со своей стороны, не были забыты события Первой мировой войны, когда польские легионы боролись против России в составе армии Австро-Венгрии, взаимодействовали с немецкой армией при оккупации территории бывшей Российской империи, затем нанесли Красной армии болезненное поражение в польско-советской войне 1919–1920 гг., когда, согласно концепции «равноудаленности» Ю. Пилсудского, в 20–30-е гг. XX в. больше «дружили» с гитлеровской Германией, когда военную угрозу видели и готовились отражать с Востока.

говор о ненападении и секретный протокол об изменении восточной границы Польши в пользу СССР³.

Существует богатая научная литература о политическом содержании и роли этих документов в истории Второй мировой войны. Высказываются разные оценки в адрес СССР — от резко негативных, обвинительных, до однозначно позитивных, одобрительных. Для данной работы важны исследовательские позиции польских историков⁴. Их преобладающе критические высказывания по поводу, в первую очередь, советского руководства можно, посмотрев на ситуацию глазами поляков, понять и отчасти разделить. Однако надо отметить и критическую «ноту», присутствующую на этот счет в польской историографии. Например, Яцек Тебинка, автор упомянутого в примечании исследования, считает, что польские политики «проглядели» антипольский смысл советско-германского пакта, не верили, что сближение Германии и СССР «зайдет далеко», «по-прежнему поступали так, будто не заметили, что договор предreshает вопрос войны и очередного раздела Польши», «не догадывались о существовании секретного соглашения о разграничении сфер влияния между Германией и Советским Союзом». Они, верно замечает польский историк, считали договор «неприятной неожиданностью», забыв, что «идеологические споры никогда не мешали альянсам держав, связанных единством геополитических интересов». Одновременно Тебинка оговаривается:

3 См.: Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 69–71. 28 сентября 1939 г. был подписан Договор о дружбе и границе между СССР и Германией и три не публиковавшихся в ту пору протокола к нему, где «в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства устанавливалась линия, за которой закрепилось наименование “линии Керзона”» (Там же. С. 118–121). В отечественной историографии имеют место разные оценки пакта и Договора с Германией, включая протоколы к ним. См. подробнее: Международный кризис 1939–1941 гг. От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии и на СССР. М., 2006; Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 г. — июнь 1941 г. М., 2008; Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941 гг. М., 2008; и др.

4 Подробный анализ польской историографии по этому вопросу см.: Корнат М. Пакты Молотова — Риббентропа 23 августа и 28 сентября 1939 г. в польской и западной историографии // Польша — СССР. 1939–1945: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М., 2005. С. 3–48.

британские союзники «не информировали [союзную Польшу]... о грозящей опасности»⁵, что соответствует действительности.

Нельзя сказать, что польское руководство не искало обеспечительных мер безопасности страны. Искало и нашло путь нейтрализовать предполагаемую угрозу с Запада. 24 августа в Лондоне, где, в отличие от поляков, не «проглядели» смысла заключения советско-германского пакта, Польше предложили отреагировать и договориться, на что Варшава согласилась. 25 августа 1939 г., спустя два дня после оформления пакта Молотова — Риббентропа в Москве, Великобритания и Польша в Лондоне «ответили» подписанием «своего» Соглашения и секретного Протокола к нему⁶.

Согласно указанным документам, английская сторона, и это главное, обязывалась «немедленно» оказать Польше «всю поддержку и помощь, которая в ее силах... в случае любого действия европейской державы, которое явно ставит под угрозу, прямо или косвенно, независимость одной из Договаривающихся Сторон». С согласия польской стороны в Протоколе уточнялось, во-первых, что под «европейской державой» и агрессором подразумевалась Германия; во-вторых, что «в случае действий... со стороны европейской державы, иной, нежели Германия, договаривающиеся Стороны вместе обсудят меры, которые будут совместно приняты». Ясно, что «иной» державой виделся СССР. Подчеркнем, что в случае советского «покушения» на Польшу предполагались лишь обсуждения и совместное принятие не обозначенных в документе мер⁷.

Судя по дальнейшему развитию событий, сверхценностью для польского руководства было первое, антигерманское, обязательство

5 Там же. С. 17, 21.

6 В доступной польской историографии большинство историков ограничиваются кратким упоминанием этого Соглашения. Исключение представляет монография проф. Яцека Тебинки, где Соглашение и секретный Протокол к нему подвергнуты тщательному и всестороннему, критическому анализу (см. подробнее: *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945. Warszawa, 1998. S. 56–62*).

7 Здесь и далее цит. по: Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. М., 1990. Т. 2. С. 323–325. Док. № 606. См. также: Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М., 2009; СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. М., 2007; *Мельтюхов М. И.* 17 сентября 1939 г. Советско-польские конфликты. 1918–1939 гг. М., 2009; и др.

англичан. Отметим, что вторая формулировка (в отношении СССР) не содержала, однако, главного — гарантий принятия таких мер. Напротив, она камуфлировала желание Великобритании избежать собственного вмешательства в допускаемый англичанами советско-польский конфликт, вероятность которого английские политики вполне себе представляли. Итак, англичане гарантировали Польше защиту от германской агрессии и восстановление независимого польского государства⁸, но в Соглашении и Протоколе к нему отсутствовали по обоюдному, вероятно, согласию четкие обязательства Великобритании защищать и гарантировать целостность довоенной территории Польши в случае «иной» (т. е. советской) агрессии.

Возникает вопрос: почему Польша, считавшая себя великой державой, соглашалась на отсутствие нужной, казалось бы, прямой гарантии установленных в 1921 г. границ с СССР? Допустимо предположить — потому, что после военного поражения Красной армии на финском фронте весной 1939 г. в Польше считали возможным повторение «чуда на Висле» 1920 г., когда польская армия, снабженная союзниками оружием, одержала победу над Красной армией. Поэтому можно согласиться с Тебинкой, который на это намекает. Англичане насчет СССР думали по-иному, поэтому давали Польше гарантии безопасности при условии нападения Германии, что не состоялось уже в начале сентября 1939 г., когда Великобритания вместе с Францией, по сути дела, приговорила Польшу, но предлагала лишь «определенные гарантии и в случае советской агрессии». Польша с такой расстановкой приоритетов соглашалась не только потому, что в отношении СССР от Великобритании «невозможно было получить обязательства,

⁸ После нападения Германии на Польшу правительства Великобритании и Франции жестоко обманули польское правительство. 4–5 сентября в нарушение вышеназванных английских обязательств они посчитали, что у Польши уже нет шансов продолжать сопротивление, и не позволили командующему польской армией Э. Рыдз-Смиглому отдать приказ о капитуляции терпевшей поражение армии. Более того, союзники подтвердили принятое еще в мае 1939 г. решение: в случае германской агрессии не помогать польской союзнице. 8 сентября военное командование английской и французской армий постановило не посылать в Польшу ни одного самолета и не бомбить военные объекты в Германии. 12 сентября 1939 г. главы союзных правительств, посчитав, что Польша войну уже проиграла, вынесли окончательное решение: оказывать ей помощь уже нет смысла и открывать военные действия против Германии не следует (Польша в XX веке... С. 278–279).

аналогичные случаю немецкой агрессии», но и потому, как полагает польский историк, что «Варшава о таких гарантиях и не пеклась, не видя угрозы со стороны России» (подчеркнуто мной. — А. Н.). Более того, автор прав, когда пишет: «Соглашение только на первый взгляд, но не в действительности, давало лучшие обязательства в случае советской агрессии, чем в случае агрессии немецкой», ибо «Лондон гарантировал ненарушение польских границ и одновременно не обязывал Великобританию бороться за восстановление польской восточной границы и не заключать соглашения с СССР, которое касалось бы территориальной целостности Польши, без согласия Польши». Это, по сути дела, ключевой пункт англо-польских договоренностей от 25 августа 1939 г. Правилен вывод Тебинки, что применительно к польской восточной границе «англичане избрали концепцию наблюдателя, даже не пытаясь воздействовать на Москву»⁹.

Польское правительство вряд ли было серьезно обеспокоено отсутствием в Соглашении прямых английских гарантий относительно восточных границ страны. Удовлетворившись неясной формулировкой Протокола, допускавшей двойственное ее толкование, правительство Польши могло усматривать шанс в благоприятных условиях получить свободу действий и торга с целью расширения территории и перемещения границ за счет как Германии, так и СССР. Такие намерения были¹⁰. Однако в действительности польская власть сама лишила себя права на внешнеполитический маневр, не имея к тому же достаточных сил и реальных возможностей принуждать к чему-то Великобританию — союзную ей великую державу. Так и произошло в сентябре 1939 г. Правда, урока из этих событий польское руководство не вынесло ни тогда, ни позже.

Что касается интересов Лондона, то 25 августа 1939 г. в Соглашении и Протоколе все было прописано четко и лишь к его пользе, что стало очевидным в 1943–1944 гг. Опытные английские политики, подписывая документы, «разгадали» намерения «третьей европейской державы»,

⁹ См. подробнее: *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec...* S. 56–62.

¹⁰ См. материалы, подтверждающие существование таких претензий Польши: Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г. М., 2018. Т. 1. Ч. 1. Док. № 222. С. 420–428. Без заблаговременного сбора требуемых статистических и конкретно-исторических материалов нельзя было бы в условиях подполья или усилиями специальной Комиссии по планированию при правительстве в эмиграции создать указанный и ему предшествующие документы.

читай — СССР. Они связали их применение конкретно с изменением территории и границ Польши, которых заблаговременно не признавали, о чем и подавали «сигнал» Москве. Ей были «адресованы» по одной позиции в Соглашении (ст. 6 п. 3) и Протоколе (п. 3). В первом случае говорилось: «Любое новое обязательство, которое Договаривающиеся Стороны [т. е. Великобритания и Польша] могут принять на себя в будущем, не должно ограничивать их обязательства по настоящему соглашению, равно как и косвенно создавать новые обязательства между Договаривающейся Стороной, не участвующей в этих договоренностях [т. е. СССР], и третьим государством, которого это касается», т. е. Польшей. Во втором случае конкретизировалось: «Обязательства, упомянутые в статье 6 соглашения, если они будут приняты на себя одной из Договаривающихся Сторон [т. е. Великобританией] в отношении третьего государства [т. е. СССР], должны быть оформлены таким образом, чтобы их выполнение никогда не наносило ущерба суверенитету или территориальной неприкосновенности другой Договаривающейся Стороны», т. е. Польши. Эти пункты Соглашения и Протокола польский историк расценил как «определенные гарантии и в случае советской агрессии». На наш взгляд, дело было в другом¹¹.

За столь политически ловкими текстами крылась суть английских договоренностей с Польшей. Во-первых, Великобритания, уйдя от подтверждения в Соглашении своего признания после войны довоенной польской границы на востоке, заблокировала и собственное признание установленной после 17 сентября 1939 г. советской границы. Это означало запрет Лондона как на признание им в будущем советской государственной принадлежности новых приграничных земель СССР, так и на документальное, а не на словах, подтверждение принадлежности этих земель Польше. Таким образом, Великобритания избирала для себя роль скорее наблюдателя и отчасти арбитра, что и следует отнести к еще одному ключевому положению документа от 25 августа 1939 г. Во-вторых, следствием этого стало невыполнение английской стороной обязательств перед Польшей ни 1 сентября 1939 г., ни позже, а также то, что Сталин, по сути дела, был, по словам Тебинки, «приглашен» Великобританией к вступлению в Польшу в сентябре 1939 г. В-третьих, сама Великобритания смогла избежать реального участия в войне с СССР, поскольку, как считали в Лондоне, договоренности с Польшей не обязывали ее «объявлять войну

¹¹ Год кризиса... Т. 2. С. 323–325; *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec...* S. 56.

Москве», о чем были уведомлены поляки, которые, по убеждению британского МИД, «этого и не требовали»¹².

Таким образом, английское правительство, уйдя от закрепления собственной позиции по вопросу гарантий и обязательств отстаивать довоенную территорию Польши, создало для себя политически чрезвычайно комфортную ситуацию. Де-факто избавившись от роли гаранта довоенной польской границы, оно получило пространство для маневра в отношениях с правительствами как союзной Польши, так и СССР. Получило оно также возможность выбирать момент публичного подтверждения признания (или непризнания) границы, отделяющей Польшу от СССР, в безразличных для Великобритании начертаниях и в подходящих для него условиях, когда сделать или не сделать выбор означало выиграть или проиграть геополитическую борьбу за восточноевропейский регион сначала с Германией, затем и с СССР.

Обобщая содержание Соглашения и Протокола от 25 августа 1939 г., допустимо утверждать, что этими двумя документами англичане обеспечили себе не только свободу действий на восточном направлении (СССР). Одновременно они ограничили дипломатические и политические возможности и действия польской стороны жесткими рамками. Великобритания, избрав путь невмешательства в разрешение возможного польско-советского спора о границе, доверила Польше, и только ей, самой принимать решения на этот счет, с чем Варшава и соглашалась. Одновременно Великобритания, как будто предчувствуя, что произойдет 17 сентября 1939 г., предоставила Польше право в будущем не признавать какие-либо перемены на ее довоенной восточной границе, границе с СССР, и начать длительную тяжбу с Москвой, итогом которой могло стать поражение польской стороны.

Не трудно прийти к выводу, что Соглашение и Протокол к нему, подписанные по инициативе Лондона представителями Великобритании и Польши 25 августа 1939 г., содержали серьезный, хотя и отложенный условиями войны разрушительный внешнеполитический потенциал, причем как для Польши, так и для самой Великобритании. Это в полной мере стало ясно в конце 1943 — начале 1944 г., когда Великобритания, обеспечив себе осенью 1939 г. невмешательство в будущий польско-советский спор о границе, оказалась перед отчетливой крайне нежелательной, но вполне вероятной перспективой потери союзной Польши, что грозило англичанам утратой влияния в восточноевропейском регионе на линии Германия — Польша — СССР.

12 *Tebinka J. Polityka brytyjska wobec...* S. 67.

Польское довоенное правительство, 25 августа 1939 г. приняв к сведению английский принцип политического невмешательства в польско-советские отношения, а точнее, отказавшись от английской поддержки восточного направления внешней политики Польши, не разгадало главного, что приготовила ему история, — грядущего возникновения, развития и возможных разнонаправленных итогов территориального спора с СССР не в пользу Польши. Польское правительство, подписав 25 августа Соглашение с Великобританией, тем самым в последние дни своего существования и вовсе не вопреки главной союзнице фактически определило дальнейший путь к собственному поражению с точки зрения главного смысла польской внешней политики, а именно — недопущения утраты довоенной границы с СССР.

С нападением Германии на Польшу два поражения, заложенные англичанами в тексты Соглашения и Протокола от 25 августа, как польское, так и английское, обусловили растянутую хронологически перспективу тупикового пути развития. Великобритания и ведомая ею Польша «подвесили» во времени и дипломатическом пространстве решение вполне вероятного геополитического польско-советского спора о территории и границе, что определило политическое поведение как английского правительства, так и польских правительств Вл. Сикорского и Ст. Миколайчика. Великобритания, сообразуясь с ситуацией на советско-германском фронте, выбирала, однако, иную тактику: принуждать польскую сторону к действию, а именно «самостоятельно» принимать условия СССР и в случае победы в войне Красной армии уступить те территории, которые с 1921 г. общепринято было считать польскими. При таком развитии событий У. Черчилль усматривал возможность удержать Польшу в сфере британского влияния.

В соответствии с Соглашением поляки в их усилиях сохранить восточные «кресы» рассчитывали на английскую союзницу и на поддержку главного ходатая за них на международной арене, прежде всего перед СССР, — У. Черчилля. Во имя восстановления власти довоенной элиты, воссоединения восточных территорий — «кресов» — и возвращения правительства из эмиграции возник и был приведен в действие внутренний, национально-политический фактор его поддержки. Речь идет о военно-политическом подполье, руководимом генералами и офицерами довоенной армии, сторонниками режима «санации» и деятелями оппозиционных этому режиму партий. Речь идет и об убежденности польского населения страны в праве (после победы над Красной армией в 1920 г.) на владение многонациональными восточными землями.

Такая специфическая национальная солидарность поляков, сложившаяся осенью 1939 г. на антигерманской и антисоветской основе, порождала не менее массовое доверие поляков к правительству в эмиграции. Однако и то и другое «подтачивалось» разными политическими предпочтениями, бытовавшими в довоенном обществе, которые уже в 1943 г. стали разрушать такое национальное единение, чтобы в 1944 г. стать новой политической реальностью на освобожденной территории Польши. В итоге цели польского правительства (сохранить территорию и власть) и правительства Великобритании (сохранить союзную ей Польшу, пусть без «кресов») становились все более недостижимыми.

Завершая рассмотрение Соглашения и Протокола от 25 августа 1939 г., следует отметить, что эти документы, как и пакт от 23 августа 1939 г., на протяжении всего военного времени обуславливали появление ряда конкретно-исторических событий, происходивших на континенте. Они оказали влияние на политику английского и польского правительств в лице их премьер-министров — У. Черчилля, Вл. Сикорского и Ст. Миколайчика. «Польский» Лондон упорно стремился удержать (возвратить) границу 1921 г., не шел на уступки и, в конце концов, в 1944 г. политически так и не отступил от намерения не допустить отторжения «кресов» от Польши. Лондон «английский» в отношениях с польской стороной позволял себе действовать «по обстоятельствам». Договариваться с восточным соседом Польши он «перепоручал» самим полякам. Такой курс Великобритании на польском направлении соответствовал Соглашению от 25 августа 1939 г. и реализовывался в 1941–1942 гг. Но за чередой успехов Красной армии в 1943 г. последовала активизация английской политики в «польском вопросе». В конце 1943 г. в Тегеране Черчилль, «подыгрывая» Сталину, договаривался вместо поляков о поляках. 1944 год все расставил по своим местам. Английский премьер стал «забывать» о Соглашении от 25 августа 1939 г. и английском обязательстве «невмешательства» в территориальный польско-советский спор. Весной — летом 1944 г. Красная армия приближалась к границам этнической Польши, и главным в политике Черчилля стало понуждение польской стороны уступать Сталину ради того, чтобы удержать Польшу в сфере английского влияния и не допустить в будущем продвижения СССР вглубь Европы. Прямое, без оглядки на грубые формы, давление Черчилля на Миколайчика, порой откровенное принуждение последнего отказаться от восточных «кресов» достигли апогея в октябре 1944 г. Но решиться на это и уступить Сталину польскому премьеру не по-

зволило его правительство. Миколайчик был отправлен в отставку. Польский курс Черчилля не достиг цели. Два политика, Миколайчик и Черчилль, одновременно терпели политическое поражение, действуя в полном соответствии с теми документами, которые Великобритания и Польша подписали 25 августа 1939 г. Возникла новая ситуация: к власти в польском правительстве в ноябре 1944 г. пришли правые, крайне антисоветски настроенные политики. Возобновление контактов с такими представителями Польши было для Сталина невозможным. Путь к созданию альтернативного польского правительства в Люблине и затем в Варшаве был расчищен.

Самостоятельность советского курса на польском и шире — западном направлении, способность, не разрушая взаимодействия с западными державами, предпринимать взаимовыгодные на текущий момент внешнеполитические действия ради достижения того, что советское руководство признавало национально-политическим интересом страны (как и руководства Великобритании или Польши — интересами своих стран), отразили действия СССР: подписание договора с Германией 23 августа 1939 г., вступление 17 сентября 1939 г. Красной армии на территорию Польши, договор о «дружбе» с Германией 28 сентября 1939 г.; договоренности Сталина с Сикорским в июле и декабре 1941 г., временное прекращение отношений с правительством Сикорского в апреле 1943 г.; создание Польского Комитета Национального Освобождения в июле 1944 г.; переговоры Сталина с разными поляками в августе 1944 г. и переговоры с ними Сталина и Черчилля в октябре 1944 г.

Вместе с тем уже 1940 и 1941, а окончательно 1944–1945 гг. показали, что главным инструментом советской политики на польском направлении будет компромисс, не противоречащий конечной цели Москвы, — «линия Керзона» и Польша в сфере влияния СССР. Ради этого Сталин был способен «забыть» о перерыве в отношениях с польским правительством и неоднократно, правда, по просьбе английского посредника в лице У. Черчилля, в 1944 г. вступать в переговоры со Ст. Миколайчиком — главой не признаваемого им польского правительства. Советский лидер пытался добиться того, что не получилось ранее с Сикорским, а именно убедить польского премьера в выгодности для Польши предлагаемого Москвой и уже поддерживаемого союзниками геополитического компромисса за счет территории Германии. Наконец, Сталин был готов видеть Миколайчика на посту вице-премьера правительства новой Польши и в 1945 г. добился этого во имя достижения нужного СССР социально-политического компромисса в польском обществе. Однако попытки советской стороны

мирным путем вывести в 1945 г. военно-политическое подполье из большой «игры» за власть в Польше не удалось, после чего Москва взяла курс на его нейтрализацию и удаление с политической сцены, в том числе и силовыми методами.

Источники и литература

Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы: В 2 т. М.: Политиздат, 1990. Т. 2. 554 с.

Корнат М. Пакты Молотова — Риббентропа 23 августа и 28 сентября 1939 г. в польской и западной историографии // Польша — СССР. 1939–1945: избранные политические проблемы, наследие прошлого. М.: [б. и.], 2005. С. 3–48.

Марына В. В. Второй президент Чехословакии. Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М.: Индрик, 2013. 488 с.

Международный кризис 1939–1941 гг. От советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии и на СССР. М.: Права человека, 2006. 558 с.

Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков. М.: Аспект Пресс, 2009. 479 с.

Мельтюхов М. И. 17 сентября 1939 г. Советско-польские конфликты. 1918–1939 гг. М.: Вече, 2009. 618 с.

Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Схватка за Европу. 1939–1941 гг. М.: Вече, 2008. 539 с.

Морозов С. В. Польско-чехословацкие отношения. 1933–1939. Что скрывалось за политикой «равноудаленности» министра Ю. Бека. М.: Издательство Московского университета, 2004. 528 с.

Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы / сост. Ю. Фельштинский. М.: Московский рабочий, 1991. 367 с.

Польша в XX веке. Очерки политической истории. М.: Индрик, 2012. 952 с.

Советский Союз и польское военно-политическое подполье. Апрель 1943 г. — декабрь 1945 г. В 3 т. / под ред. А. Н. Артизова. М.: Международный фонд «Демократия», 2018. Т. 1. Апрель 1943 г. — август 1944 г. Ч. 1. Апрель 1943 г. — март 1944 г. 864 с.

СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941. Дискуссии, комментарии, размышления. М.: Наука, 2007. 487 с.

Чубарьян А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 г — июнь 1941 г. М.: Наука, 2008. 476 с.

Tebinka J. Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945. Warszawa: Wydawn. Neriton, 1998. 458 s.

References

- Chubar'ian, A. O. *Kanun tragedii. Stalin i mezhdunarodnyĭ krizis. Sentiabr' 1939 — iĭun' 1941 g.* Moscow: Nauka, 2008, 476 p.
- Kornat, M. "Pakty Molotova — Ribbentropa 23 avgusta i 28 sentiabria 1939 g. v pol'skoĭ i zapadnoĭ istoriografii." *Pol'sha — SSSR. 1939–1945: izbrannye politicheskie problemy, nasledie proshlogo.* Moscow: [s.n.], 2005, pp. 3–48.
- Mar'ina, V. V. *Vtoroi prezident Chekhoslovakii. Edvard Benesh: politik i chelovek. 1884–1948.* Moscow: Indrik, 2013, 488 p.
- Mel'tiukhov, M. I. *17 sentiabria 1939 g. Sovetsko-pol'skie konflikt. 1918–1939 gg.* Moscow: Veche, 2009, 618 p.
- Mel'tiukhov, M. I. *Upushchennyĭ shans Stalina. Skhvatka za Evropu. 1939–1941 gg.* Moscow: Veche, 2008, 539 p.
- Mezhdunarodnyĭ krizis 1939–1941 gg. Ot sovetsko-germanskikh dogovorov 1939 g. do napadeniia Germanii i na SSSR.* Moscow: Prava cheloveka, 2006, 558 p.
- Mezhdunarodnyĭ krizis 1939 goda v traktovkakh rossiĭskikh i pol'skikh istorikov.* Moscow: Aspekt Press, 2009, 479 p.
- Morozov, S. V. *Pol'sko-chekhoslovatskie otnosheniia. 1933–1939. Chto skryvalos' za politikoĭ "ravnoudalennosti" ministra Iu. Beka.* Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004, 528 p.
- Oglasheniĭu podlezhit. SSSR — Germaniia. 1939–1941. Dokumenty i materialy,* comp. by Iu. Fel'shtinskiĭ. Moscow: Moskovskii rabochii, 1991, 367 p.
- Pol'sha v XX veke. Ocherki politicheskoi istorii.* Moscow: Indrik, 2012, 952 p.
- Sovetskii Soiuz i pol'skoe voenno-politicheskoe podpol'e. Aprel' 1943 g. — dekabr' 1945 g.,* in 3 vols., ed. by A. N. Artizova. Vol. 1. *Aprel' 1943 g. — avgust 1944 g. Part I. Aprel' 1943 g. — mart 1944 g.* Moscow: Mezhdunarodnyĭ fond "Demokratiia", 2018, 864 p.
- SSSR, Vostochnaia Evropa i Vtoraia mirovaia voĭna. 1939–1941. Diskussii, kommentarii, razmyshleniia.* Moscow: Nauka, 2007, 487 p.
- Tebinka, J. *Polityka brytyjska wobec problemu granicy polsko-radzieckiej. 1939–1945.* Warszawa: Wydawn. Neriton, 1998, 458 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.07

A. F. Noskova

The Polish-British Agreement and the Protocol of August 25, 1939: Objectives of the parties and the significance in the history of Poland (autumn 1939 — spring 1945)

Albina F. Noskova
Doctor of History, chief research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation
E-mail: noskova.albina@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-9629-5648

Citation

Noskova A. F. The Polish-British Agreement and the Protocol of August 25, 1939: Objectives of the parties and the significance in the history of Poland (autumn 1939 — spring 1945) // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 109–122 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.07

Received: 26.01.2022.

Abstract

The Mutual Assistance Agreement between the United Kingdom and Poland and the secret Protocol to it of August 25, 1939 is one of the most important documents for the history of Poland. It largely determined the current situation, politics and future of the Polish government until the settlement of the “Polish question” by the heads of the “Big Three” in 1945. The article analyzes this document based on specific historical information accumulated in Soviet, Russian, Polish historiography, and documentary material on the history of international relations on the eve and during the Second World War. Signed after the conclusion of the Molotov-Ribbentrop Pact, the document obliged Britain in the event of a German attack to immediately provide Poland with “all support and assistance.” In the case of the Soviet threat, there was no such British commitment. This allowed W. Churchill, after June 22, 1941, to not support Poland openly in the territorial dispute with the USSR and, “playing along” with Stalin, to force the weak ally to agree to the “Curzon Line” in order to return the government to the country. The latter did not agree with Churchill’s intentions and, as a result, was defeated on the issue of borders and power in the country.

Keywords

World War II, history, Poland, Great Britain, Agreement of August 25, 1939, secret Protocol, interests, contradictions, results.

**Сава Косанович:
между королевской и социалистической Югославией**

Новосельцев Борис Сергеевич
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: bnovoseltsev@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4271-9780

Цитирование

Новосельцев Б. С. Сава Косанович: между королевской и социалистической Югославией // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 123–134. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.08

Статья поступила в редакцию 21.09.2021.

Аннотация

Статья, написанная на основе сербских источников и документов Центрального разведывательного управления США, посвящена фигуре Савы Косановича, политика, активная деятельность которого пришлась на время существования как Первой, межвоенной, так и Второй, коммунистической, «титовской» Югославии. Особое внимание автор уделил роли Косановича в годы Второй мировой войны, когда тот, будучи членом югославского правительства в эмиграции, выступил с критикой великосербской линии сторонников короля Петра II и поддержал коммунистических партизан, внося свой вклад в то, чтобы добиться создания на Западе позитивного образа этого движения и его лидера — Йосипа Броза Тито. В этой связи затронут вопрос о возможных связях Косановича с советскими спецслужбами за границей на основании документов американской контрразведки — проекта Венона. Также рассмотрена его деятельность на посту посла Югославии в США (в 1946–1949 гг.), в ходе которой Косановичу удалось немного поправить испорченные после войны отношения двух стран и начать диалог с американцами после советско-югославского конфликта 1948 г., направленный на оказание Белграду помощи со стороны западных государств.

Ключевые слова

Югославия, Вторая мировая война, Сава Косанович, Никола Тесла, разведка, проект Венона.

Сава Косанович родился в 1894 г. в семье священника в городе Плашки (Хорватия). Его мать Марица Косанович — родная сестра великого изобретателя Николы Теслы. Сава неоднократно встречался со своим легендарным дядей, особенно в годы Второй мировой войны, когда Косанович находился в эмиграции в США. Считается, что именно он был последним, с кем виделся Тесла перед смертью: 5 января 1943 г. Косанович навестил своего захворавшего дядю в его номере отеля «Нью-Йоркер» и передал ему предложение о встрече с супругой президента США Элеонорой Рузвельт¹, которая, увы, не состоялась: 8 января больной скончался. Благодаря усилиям племянника в Белграде был создан музей Николы Теслы, где хранятся урна с прахом великого ученого и его личные вещи.

Образование Сава Косанович получал в Риеке, где он закончил гимназию, и в Будапеште, где изучал юриспруденцию. Происхождение предопределило его политические убеждения: серб-пречанец², родившийся в Хорватии, Косанович был сторонником идей Светозара Прибичевича³, «пророка югославизма» в межвоенной Югославии. Возглавляемая им Демократическая партия придерживалась принципов «народного единства сербов, хорватов и словенцев»⁴. Впрочем, во второй половине 1920-х гг., после распада коалиции с Народной радикальной партией (Н. Пашича⁵), Прибичевич утратил министерский

1 *Ржонсницкий Б. Н.* Никола Тесла. М., 1959.

2 Пречанцами, от сербского «преко» — «через» (Саву и Дунай), принято называть, в частности, воеводинских сербов, до I мировой войны — подданных Австро-Венгерской монархии.

3 Прибичевич Светозар (1875–1936). Югославский общественно-политический деятель. Основатель Демократической и Самостоятельной демократической партий. Министр внутренних дел (1919–1920) и министр образования (1920–1922 и 1924–1925 гг.) Королевства сербов, хорватов и словенцев.

4 Югославия в XX веке. Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2011. С. 224.

5 Пашич Никола (1845–1926). Сербский, югославский политик. Лидер Народной радикальной партии. Многократно в конце XIX — начале XX в. занимал пост премьер-министра Сербии и Королевства сербов, хорватов и словенцев.

портфель и «перекрестился» в республиканца-федералиста⁶. Поэтому Косанович занимал должность генерального секретаря (в 1927–1941 гг.) уже оппозиционного режиму Самостоятельной демократической партии (СДП)⁷ и несколько раз избирался от нее в Скупшину. Открытый противник диктатуры короля Александра, он даже предстал перед судом за свои убеждения. После гибели югославского монарха и установления регентства принца Павла на жизнь Косановича было совершено неудачное покушение⁸, по всей видимости, связанное с его общественно-политической позицией.

Вместе со своей партией С. Косанович решительно осудил договор правительства Цветковича — Мачека с гитлеровской Германией (март 1941 г.) и присоединение Югославии к Тройственному пакту, призывая к борьбе против фашизма. 27 марта 1941 г., после политического переворота, он вошел в новое правительство генерала Симовича⁹, став министром снабжения. В этой должности он проработал крайне недолго: уже 6 апреля 1941 г. нацистская Германия напала на Югославию. В тот же день ее правительство покинуло Белград¹⁰, переезжая с места на место по маршруту Ужице — Афины — Иерусалим. Далее большая часть правительства и король Петр II переехали в Лондон, а меньшая часть, в том числе и Косанович, были отправлены в Канаду и, наконец, в США, став его «выездным филиалом» за океаном¹¹.

В Америке Косанович возглавил «Комиссию по послевоенному обновлению Центральной и Восточной Европы» (КПОЦВЕ), а кроме того, вместе с бывшим баном Хорватии Иваном Шубашичем¹² рабо-

6 Югославия в XX веке. С. 271.

7 В 1924 г. в Демократической партии произошел раскол, сторонники С. Прибичевича вышли из нее и основали СДП.

8 Архив Југославије (далее — АЈ).. Ф. 83. Збирка Сава Косановић 1894–1956 (1928–1956). URL: http://www.arhivyu.gov.rs/index.php?download_command=attachment&file_command=download&file_id=869401&file_type=oFile&modul=Core%3A%3AFileManagement%3A%3AcFileModul (дата обращения: 08.11.2021).

9 Симович Душан (1882–1962). Югославский генерал. Премьер-министр Югославии (1941–1942), с апреля 1941 г. — в эмиграции.

10 Югославия в XX веке. С. 307–352.

11 Там же. С. 434.

12 Шубашич Иван (1892–1955). Хорватский и югославский политик. Бан Хорватии (1939–1941). В 1944 г. премьер-министр Югославии в изгнании. В 1945 г. — премьер-министр и министр иностранных дел коалиционного правительства Югославии.

тал в Югославском информационном центре (ЮИЦ) в Нью-Йорке. По долгу службы он имел контакты с разными группами югославской эмиграции, в том числе принимал активное участие в работе Объединенного комитета американцев югославского происхождения, основанного писателем Луисом Адамичем. В своей работе Косанович пользовался, в том числе, авторитетом и всемирной известностью дяди. При посредничестве Косановича в ноябре и декабре 1941 г. Никола Тесла выступил в американской, сербской и советской прессе с несколькими обращениями к славянским народам, призвав их к стойкости, мужеству и решительной борьбе с фашизмом. В СССР его письмо, присланное в адрес ученых Академии наук СССР, было опубликовано в газете «Известия» 19 октября. В апреле 1942 г. появилось самое известное послание Теслы «Моим братьям в Америке», в котором великий ученый писал о расстреле детей в Крагуеваце¹³ и призывал к объединению против общего врага сербов, хорватов и словенцев¹⁴.

Национально-политический раскол и сербско-хорватский антагонизм, многократно усилившиеся в связи с межнациональными столкновениями и этническими чистками в годы Второй мировой войны, зримо присутствовали в эмиграции. В США существовали различные организации, в том числе националистические, поддерживавшие идеи хорватского сепаратизма и приветствовавшие идеологию усташей, такие как, например, «Хорватский католический союз в США», выпускавший газету «Наша нада» (“*Naša nada*”). В окружении Петра II доминировали великосербские идеи, поэтому большое влияние имели сербские националистические организации, например «Сербский национальный совет обороны в Америке» и «Сербская национальная федерация», выпускавшая газету «Амерички Србобран»¹⁵. Такие позиции были близки и послу Югославии в США Константину Фотичу. Словом, в югославской эмиграции происходила яростная полемика и противостояние сторонников югос-

13 20–21 октября 1941 г., после того как командующий немецкими войсками в Сербии генерал Франц Беме отдал приказ расстреливать по 100 заложников за каждого убитого немецкого солдата, в городе Крагуевац произошли массовые расстрелы, в ходе которых были казнены несколько тысяч мирных жителей, в том числе детей.

14 *Ржонсницкий Б. Н.* Никола Тесла. С. 200.

15 *Костин А. А.* Влияние событий на родине на политическую жизнь югославской эмиграции в США (1942 — начало 1944 г.) // *Международные отношения в XX веке.* Киров, 2016. Вып. 4. С. 91.

лавянского федерализма и сепаратизма отдельных народов; приверженцев левых идей и консерваторов. Эта борьба имела существенное значение: стороны боролись за симпатии и поддержку руководителей западных стран, а также их общественного мнения, которые вплоть до конца 1943 г. были расположены в пользу четнического движения полковника Д. Михайловича.

Сава Косанович, придерживавшийся югославистских позиций еще с довоенных времен, с середины 1942 г. открыто критиковал деятельность югославского правительства в эмиграции. Он акцентировал внимание на бездействии сил Д. Михайловича и отмечал успехи партизан¹⁶. Цель, которую он преследовал вместе с Л. Адамичем и другими югославистами левых убеждений, заключалась в изменении восприятия на Западе югославских партизан и создании позитивного образа их лидера Йосипа Броза Тито. Косанович со товарищи заявляли о своей поддержке партизанского движения, отрицали доминирование там коммунистов и утверждали, что советизация Югославии не является его главной целью¹⁷. Одновременно подчеркивалась выдающаяся роль в войне СССР и героизм советских народов в их борьбе против фашизма.

Это вызвало большое недовольство англичан и эмигрантского правительства, поэтому усилиями К. Фотича в 1943 г. Косанович был снят с постов в КПОЦВЕ и ЮИЦ¹⁸. Однако события, происходившие на фронтах Второй мировой, успехи советской армии и договоренности, достигнутые в ноябре 1943 г. на Тегеранской конференции Большой Тройки, изменили расклад сил в югославской эмиграции и укрепили политическую позицию Косановича.

На сайте Центрального разведывательного управления США опубликованы документы, относящиеся к проекту «Венона» — секретной программе американской разведки, существовавшей в 1943–1980 гг. Ее целью была дешифровка перехваченных советских тайных донесений с целью раскрытия системы шпионажа в США¹⁹. Судя по этому источ-

16 A.J. F. 83. Zbirka Sava Kosanović. Jugoslovenski problem u USA; Ibid. Telegram Srđanu Budisavljeviću.

17 Костин А. А. Влияние событий на родине... С. 93–94.

18 A.J. F. 83. Zbirka Sava Kosanović.

19 См.: Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room (далее — CIA. FOIA). Center for the Study of Intelligence. Venona: Soviet Espionage and The American Response 1939–1957. URL: <https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/books-and-monographs/venona-soviet-es>

нику, Сава Косанович в том же 1943 г. вступил в контакт с корреспондентом ТАСС в США В. С. Правдиным²⁰, осуществлявшим под этим прикрытием разведывательную деятельность²¹. В расшифрованной американцами советской агентурной информации Косанович упоминается под псевдонимом Коло. В краткой характеристике говорится, что «у него нет личных амбиций. Его поведение свидетельствует о том, что он предан нам и является человеком, который понимает, что благополучие его родины зависит от нашей поддержки»²².

Приведенный документ связан с прибытием Косановича в Лондон из Нью-Йорка в мае 1944 г. в связи с планируемыми переговорами между новым югославским премьер-министром в эмиграции Шубашичем и Тито о создании коалиционного правительства. Бывший хорватский бан во время пребывания в Америке не чурался контактов с прокоммунистическими кругами, а возможно, и советской разведкой²³. В документах проекта «Венона» он фигурирует под псевдонимом Серес²⁴. Шубашич исходил из того, что восстановление Югославии и хорватские интересы в ней можно обеспечить лишь при условии соглашения и партнерства с Тито. Одновременно он, очевидно, заблуждаясь, полагал, что таким образом удастся предотвратить установление односторонней власти коммунистов в стране²⁵. Считается, что до подписания соглашения Тито — Шубашича (16 июня — Висское соглашение,

pionage-and-the-american-response-1939-1957/preface.htm (дата обращения: 08.11.2020).

20 Правдин Владимир Сергеевич (1904–1970). Известен также как Роллан Аббиа или Франсуа Росси. Советский разведчик. В годы Второй мировой войны находился в США в качестве оперативного работника, а позже резидента НКГБ в Нью-Йорке.

21 CIA. FOIA. Reissue (Item 2) 1. Kolo Leaves New York For London 2. References to Member of the Yugoslav Government in London. 25.07.1944. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP00M01914R001000020082-3.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).

22 Ibid.

23 См.: *Поздняков В. В.* Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944–1953) // *Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива.* М., 2003. С. 321–368.

24 См., например: CIA. FOIA. Report From Seres on Tomo Baburich and Pave Potsrnich. 04.05.1944. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP00M01914R001000010079-8.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).

25 Югославия в XX веке. С. 475.

а 1 ноября 1944 г. — Белградское) Косанович играл роль связующего звена между эмигрантским премьером и партизанами²⁶.

Возможно, именно на острове Вис произошла встреча Савы Косановича с Линном Фарришем, сотрудником Управления стратегических служб, американской разведывательной службы в годы войны, на основе которой потом было создано ЦРУ. Известно, что Косанович участвовал в висских переговорах, а Фарриш был заброшен на парашюте в Югославию, где находился в окружении Тито для обеспечения связи партизанского лидера с США. В сентябре 1944 г. он погиб в результате авиакатастрофы. Судя по дешифровкам проекта «Венона», он тоже был советским агентом, проходившим под псевдонимом Атилла. Перехваченное американцами советское сообщение о его встрече с Косановичем²⁷ стало одним из основных аргументов этой теории²⁸.

С июня 1944 по март 1945 г. Сава Косанович занимал должности министра внутренней политики и министра социального обеспечения и народного здравоохранения в Лондоне. 7 марта 1945 г., когда было создано коалиционное правительство в Белграде, он вернулся в Югославию, где стал министром информации. После окончания войны некоммунистическая часть правительства была отстранена от участия в решении политических вопросов. Фактически соглашение Тито — Шубашича не выполнялось, а действиям оппозиции и ее участию в выборах в Учредительную скупщину (состоялись в ноябре 1945 г.) постоянно чинились препоны. В октябре 1945 г. Шубашич подал в отставку, а результаты выборов показали, что формально-переходный период в Югославии, предусмотренный решениями Ялтинской конференции, завершился созданием ФНРЮ и легитимацией установления там власти коммунистов²⁹.

Сава Косанович, в отличие от своих коллег по коалиционному правительству, представлявших довоенные партии, хоть и утратил ми-

26 Костин А. А. Влияние событий на родине... С. 100.

27 CIA. FOIA. Reissue Of Item 4 of 3/NBF/T22 (of 16/1/1951). 1. Farish, Covername Atilla Khazar' and Kolo 2. Rest's Sister and Gus' 3. Zora's Transfer Rom Ugryumyj to Khimik (1944). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP00M01914R001000030095-8.pdf> (дата обращения: 08.11.2020).

28 Haynes J, Klehr H. Venona: Decoding Soviet Espionage in America. Yale, 1999. P. 194, 195.

29 Подробнее см.: Югославия в XX веке. С. 537–548.

нистерский пост, оставался на высоких позициях в государственной службе. В 1946 г. он был назначен послом в США. Очевидно, что его кандидатура — респектабельного политика с большим довоенным стажем, несколько лет прожившего в Нью-Йорке в годы войны и обладавшего там определенной известностью, не только в эмигрантских, но и в американских правительственных кругах, — должна была послужить задаче «наведения мостов». Тем более что установление в Югославии системы фактически монополюльной власти коммунистов и постепенный переход к строительству социализма; начавшаяся там национализация, в том числе и иностранной собственности; сбитый 9 августа 1946 г. в небе над Словенией американский транспортный самолет; суд и казнь Д. Михайловича — все это создавало большие сложности в югославо-американских отношениях. Косанович снова, как и в военные годы, уделял особое внимание задаче создания позитивного образа новой Югославии. Он много выступал в американских университетах, институтах, колледжах, а также и перед соотечественниками-эмигрантами³⁰.

Но особенную ценность для внешней политики ФНРЮ его фигура приобрела в разгар советско-югославского конфликта. В 1949 г., когда страна оказалась фактически в международной изоляции и должна была переориентироваться на развитие партнерских отношений с западными державами³¹, именно он, «свой среди чужих», лучше многих дипломатов понимал позицию американцев и продолжал работу, направленную на то, чтобы добиться понимания с их стороны. Он считался одним из самых прозападно ориентированных югославских политических деятелей. Согласно донесениям американской разведки, в августе 1949 г. Эдвард Кардель³² даже якобы предла-

30 AJ. F. 83. Zbirka Sava Kosanović.

31 Подробнее см.: *Аникеев А. С.* Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М., 2002; *Bogetić D.* Jugoslavija i Zapad. 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO-u. Beograd, 2000; *Lorejn M. Lis.* Održavanje Tita na površini. Sjedinjene Države, Jugoslavija i hladni rat / prevod V. Mates. Beograd, 2003; *Tripković Đ.* Vruće leto 1949. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. 2000. № 1–2.

32 Эдвард Кардель (1910–1979) — югославский общественно-политический деятель словенского происхождения; министр иностранных дел ФНРЮ (1948–1953); заместитель председателя правительства Югославии (1946–1963); председатель Союзной Скупщины Югославии (1963–1967); член Президиума Югославии (1974–1979).

гал провести чистку части югославского дипломатического корпуса, убрав прежде всего именно Косановича. Тито отверг это предложение, указав, что он играет важнейшую роль: его деятельность позволяет приобретать американские товары, стратегически важные для югославской экономики³³.

В 1949 г. югославский посол в США как минимум дважды встретился с Тито на Бриони. «Чужой среди своих», он, судя по всему, пытался донести югославу лидеру позицию Вашингтона. В беседах с Тито он отметил, что Америка не против оказания помощи ФНРЮ, но хочет определенных экономических гарантий и ослабления антиамериканской пропаганды. Выражая свою личную позицию, Косанович призывал Тито отказаться от политической непримиримости в отношениях с Западом, которая повлекла за собой изоляцию Югославии от значительной части стран мира³⁴.

Осенью 1949 г. Косанович был отозван в Белград и вошел в югославское правительство в качестве министра без портфеля. Новым послом в Америке стал Владимир Попович³⁵ — профессиональный дипломат, член КПЮ с многолетним стажем, участник Гражданской войны в Испании и генерал-майор Народно-освободительной армии Югославии в годы Второй мировой войны. По всей видимости, на таком важном посту Белграду теперь требовался совершенно другой человек: социально и политически более близкий руководству и способный неукоснительно проводить его курс в отношениях с Вашингтоном.

В июле 1950 г. Косанович получил должность члена Внешнеполитического комитета Президиума Народной Скупщины и Президиума Народного фронта. В 1953 г. он был избран в Союзное исполнительное вече, а также был представителем Огулина в Союзной народной Скупщине.

33 CIA. FOIA. Information Report. Views of Yugoslav Government Officials Relative to Yugoslavia's Future Foreign Policy. 16.09.1949. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP82-00457R003300260001-3.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

34 Ibid.

35 Попович Владимир (1914–1972). Югославский дипломат и политический деятель. Посол ФНРЮ в СССР (1945–1948), в США (1950–1954) и Китае (1954–1958). Первый помощник секретаря иностранных дел Югославии (1948–1950). Председатель комиссии по иностранным делам Союзной Скупщины ФНРЮ (1954–1955). Член Союзного Исполнительного Веча с 1958 г., где возглавлял Комиссию по экономическим связям с иностранными государствами.

Словом, можно согласиться с утверждением американских аналитиков о том, что в начале 1950-х гг., особенно по сравнению с предыдущим периодом, он играл «чисто декоративную роль»³⁶ в режиме Тито, хотя едва ли здесь можно говорить о синекуре. Безусловно, пример такого сравнительно счастливого исхода его сложной и нешаблонной для послевоенной Югославии политической карьеры позволяет сделать некоторые выводы о гибкости и отсутствии догматизма в позиции руководства страны по вопросу подбора кадров на определенные должности. А возможно, причины постепенного ухода 55-летнего политика и дипломата на роли второго-третьего плана были связаны с проблемами со здоровьем: он умер в 1956 г. в совсем еще не старом возрасте 62 лет.

Саве Косановичу, сербу, родившемуся на территории Хорватии, судьба предназначала постоянно быть своим среди чужих и чужим среди своих. По этой причине ему не удалось построить продолжительной политической карьеры и стабильно занимать важные государственные посты. Но, с другой стороны, респектабельный политик с довоенным стажем и связями в США, он играл важную роль, когда Югославии требовалось его посредничество в непростом деле наведения мостов: между сербами и хорватами; партизанами и эмиграцией; Белградом и Вашингтоном.

Источники и литература

Архив Југославије (AJ). URL: http://www.arhivyu.gov.rs/index.php?download_command=attachment&file_command=download&file_id=869401&file_type=oFile&modul=Core%3A%3AFileManagement%3A%3AFileModul (дата обращения: 08.11.2021).

Central Intelligence Agency. Freedom of Information Act. Electronic Reading Room (CIA. FOIA). URL: <https://www.cia.gov/readingroom/search/site> (дата обращения: 08.11.2021).

Аникеев А. С. Как Тито от Сталина ушел. Югославия, СССР и США в начальный период «холодной войны» (1945–1957). М.: Институт славяноведения РАН, 2002. 310 с.

Костин А. А. Влияние событий на родине на политическую жизнь югославской эмиграции в США (1942 — начало 1944 г.) // Международные отношения в XX веке. Киров, 2016. Вып. 4. С. 80–104.

36 CIA. FOIA. Kosanovic Contradicts Party Line On 1941 Events on Politika Article. 03.05.1951. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP80-00809A000600400260-8.pdf> (дата обращения: 08.11.2021).

Поздняков В. В. Разведка, разведывательная информация и процесс принятия решений: поворотные пункты раннего периода холодной войны (1944–1953) // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива. М.: ОЛМА-Пресс, 2003. С. 321–368.

Ржонсницкий Б. Н. Никола Тесла. М.: Молодая гвардия, 1959. 224 с.

Югославия в XX веке: Очерки политической истории / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Индрик, 2011. 888 с.

Bogetić D. Jugoslavija i Zapad. 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO-u. Beograd: Službeni list SRJ, 2000. 269 с.

Haynes J, Klehr H. Venona: Decoding Soviet Espionage in America. Yale: Yale University Press. 1999. 487 p.

Lorejn M. Lis. Održavanje Tita na površini. Sjedinjene Države, Jugoslavija i hladni rat / prevod V. Mates. Beograd: B&G, 2003.

Tripković Đ. Vruće leto 1949. godine // Jugoslovenski istorijski časopis. 2000. № 1–2. 189–208.

References

Anikejev, A. S. *Kak Tito ot Stalina ushel. Jugoslaviia, SSSR i SShA v nachal'nyĭ period "holodnoĭ voĭny" (1945–1957)*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2002, 310 p.

Bogetić, D. *Jugoslaviia i Zapad. 1952–1955. Jugoslovensko približavanje NATO-u*. Beograd, Službeni list SRJ, 2000, 269 p.

Haynes, J, Klehr, H. *Venona: Decoding Soviet Espionage in America*. Yale, Yale University Press, 1999, 487 p.

Jugoslaviia v XX veke: Ocherki politicheskoi istorii, ed. by K. V. Nikiforov, Moscow: Indrik, 2011, 888 p.

Kostin, A. A. "Vliianie sobytiĭ na rodine na politicheskuiu zhizn' iugoslavskoi ėmigratsii v SShA (1942 — nachalo 1944 g.)." *Mezhdunarodnye otnosheniia v XX veke*, no 4, Kirov, 2016, pp. 80–104.

Lorejn, M. Lis. *Održavanje Tita na površini. Sjedinjene Države, Jugoslavija i hladni rat*. Translated by Vladimir Mates. Beograd, B&G, 2003.

Pozdniakov, V. V. "Razvedka, razvedyvatel'naia informatsiia i protsess priniatiia reshenii: povorotnye punkty rannego perioda holodnoĭ voĭny (1944–1953)." *Holodnaia voĭna. 1945–1963 gg. Istoricheskaia retrospektiva*, Moscow: OLMA-Press, 2003, pp. 321–368.

Rzhonsnitskii, B. N. *Nikola Tesla*. Moscow: Molodaia gvardiia, 1959, 224 p.

Tripković, Đ. "Vruće leto 1949. godine." *Jugoslovenski istorijski časopis*, 2000, no 1–2, pp. 189–208.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.08

*B. S. Novoseltsev***Sava Kosanović: between the Royal and the Socialist Yugoslavia**

Boris S. Novoseltsev

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospekt, 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: bnovoseltsev@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4271-9780

Citation

Novoseltsev B. S. Sava Kosanović: between the Royal and the Socialist Yugoslavia // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 123–134 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.1.08

Received: 21.09.2021.

Abstract

The article, written on the basis of Serbian sources and documents of the US Central Intelligence Agency, is devoted to the figure of Sava Kosanović, a politician who was active during the two periods, that of the First Yugoslavia between the wars, and that of the Second Yugoslavia under Tito's communist rule. The author pays special attention to the role of Kosanović during the Second World War, when, as a member of the Yugoslav government in exile, he criticized the nationalist line of supporters of King Peter II and supported the communist partisans, contributing to the creation of a positive image of this movement and its leader, Josip Broz Tito. In this regard, on the basis of documents of the American counterintelligence, or the Venona project, the question is raised whether Kosanović was possibly connected to the Soviet secret service. His activities as Ambassador of Yugoslavia to the United States (in 1946–1949) are also considered. During this time, he managed to slightly improve the relations between the two countries that were damaged after the war and to start a dialogue with the Americans after the Soviet-Yugoslav conflict of 1948, aimed at providing assistance to Belgrade from Western states.

Keywords

Yugoslavia, World War II, Sava Kosanović, Nikola Tesla, intelligence, Venona project.

**Аналитические формы выражения категории
определенности / неопределенности
в словенских нелитературных идиомах**

Комарова Ксения Игоревна

Аспирант

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация

E-mail: xenia.komarova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9564-8034

Цитирование

Комарова К. И. Аналитические формы выражения категории определенности / неопределенности в словенских нелитературных идиомах // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 135–147.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.01

Статья поступила в редакцию 08.08.2021.

Аннотация

В статье рассматриваются случаи употребления артиклевидной частицы *ta* в словенских нелитературных идиомах, служащей для выражения категории определенности / неопределенности. Мы выделили особенности функционирования артиклевидной частицы *ta* в современной речи словенцев, рассмотрели ее функции и роль в предложении. В нашем исследовании мы опирались на данные Корпуса разговорного словенского языка (GOS); материалы Интерактивного атласа диалектных текстов; некоторые тексты, вышедшие в серии адаптированных диалектных текстов “*Kmečki glasovi*” («Крестьянские голоса»), и сборник Т. Логара «Словенские диалекты». Формирование артиклевидной частицы *ta* связано с необходимостью восполнить лауну, образовавшуюся в результате утраты противопоставления кратких и полных форм прилагательных, она является показателем аналитического способа выражения категории определенности / неопределенности на морфологическом уровне и широко распространена в словенских разговорных нелитературных идиомах. Частица указывает на известность некоего лица или предмета участникам коммуникации, характеризуя объект на семантическом уровне; она является также средством выраже-

ния дополнительного значения определенности в сочетании с порядковыми числительными, притяжательными и указательными местоимениями, может выражать типичность признака, а также подчеркивать уникальность и специфичность признака в сочетании с формами прилагательных в превосходной степени.

Ключевые слова

Словенский язык, диалекты, артиклевидная частица ta, нелитературные идиомы, категория определенности / неопределенности.

Для словенского языка характерно разделение функций и сфер использования литературного (в его стандартном и разговорном варианте) и нелитературного разговорного языка. Стандартный вариант словенского литературного языка используется на официальном уровне, в печати, в общественных выступлениях, лекциях, проповедях. Разговорный вариант словенского литературного языка встречается в устных выступлениях в более узком кругу слушателей, в передачах на радио и телевидении, на собраниях, в личных разговорах, фильмах и спектаклях (Slovenski pravopis 2014: 125–126).

Сфера использования нелитературного разговорного языка ограничена, как правило, семейным и деловым кругом общения. Нелитературный язык характеризуется употреблением некодифицированных элементов: встречаются различные диалектные особенности, заимствования из немецкого и романских языков (Slovenski pravopis 2014: 127). К таким некодифицированным элементам в словенском языке относятся аналитические формы выражения категории определенности / неопределенности.

В словенистике исследование особенностей выражения категории определенности / неопределенности в настоящее время актуально в связи с функционированием в речи аналитических форм выражения рассматриваемой категории, в результате чего наблюдается несовпадение форм выражения в кодифицированном и некодифицированном вариантах.

Кодифицированные формы выражения категории определенности / неопределенности восходят к общеславянскому противопоставлению кратких и полных форм прилагательных, которое было утрачено в словенском языке в результате ранней контракции, различия сохранились только у форм мужского рода в именительном и винительном падежах единственного числа (причем в винительном падеже только при выражении неодушевленности).

В словенском языке можно выделить три основные группы прилагательных по наличию / отсутствию кратких и полных форм: 1) прилагательные только с краткой формой (притяжательные прилагательные на *-ov/ev, -in*); 2) прилагательные только с полной формой (прилагательные на *-ji, -nji, -ski, -ški, -čki*, прилагательные *levi, desni, pravi, obči, mali*); 3) прилагательные с краткой и полной формой (например, *lep — lepi*). Подобное разделение прилагательных представлено в «Словенской грамматике» 1956 г. (Вајес et al. 1956: 117–120). Й. Топоришич предложил разделять прилагательные всего на две категории — определенные и неопределенные, среди неопределенных, помимо вышеуказанных форм (только с краткой формой), он выделил прилагательные, имеющие обе формы (*lep — lepi*) (Топоришич 1978: 288).

К некодифицированным способам выражения категории определенности / неопределенности относятся аналитические формы, образованные с помощью неизменяемой по родам, числам и падежам артиклевидной частицы *ta*. В настоящее время частица активно используется в разговорной речи.

Формирование аналитического способа выражения категории определенности / неопределенности началось в XVI в. Ярче всего этот процесс отражен в текстах словенских протестантов, где для выражения категории определенности / неопределенности использовались определенный артикль *ta* и неопределенный артикль *en*, восходящие к указательному местоимению и числительному соответственно. В подобном употреблении артиклей видели влияние немецкого языка, в конце XVIII — начале XIX в. усилились пуристические тенденции, началась борьба с германизмами, в частности с артиклями. В результате артикли *ta* и *en* перестали употребляться в литературном языке (Плотникова 2005: 14).

В первых словенских грамматиках (грамматика А. Бохорича (1584 г.), М. Похлина (1768 г.), О. Гутсмана (1777 г.)) дается склонение артиклей отдельно или вместе со склонением существительных. А. Бохорич при этом замечает, что употребление артикля в краинской речи указывает на влияние немецкого языка, необходимости в его употреблении в словенском языке нет: “Kolikor namreč v navadnem govoru Kranjci člen uporabljajo, se to zgodi samo zaradi spačenega posnemanja nemškega jezika, in ne iz potrebe” («В речи жители Краины артикль употребляют только из-за влияния немецкого языка, а не из-за необходимости») (Bohorič 1987: 68).

На рубеже XVIII–XIX вв. начался процесс преобразования склоняемого артикля в несклоняемую частицу, подобные формы к тому

моменту могли стать речевым узусом (Плотникова 2021: 234). Этот процесс был отражен уже в грамматике В. Водника 1811 г.: “*Laban je imel dve hzheri, ta starejši (ti starejši) je bilo ime Lia, ta mlajši (ti mlajši) pa Rahel*”, в скобках приведены согласованные формы в дательном падеже («У Лабана было две дочери, старшую звали Лия, младшую Рахиль») (Vodnik 1811: 122).

Употребление частицы *ta* перед прилагательными и порядковыми числительными в резьянском диалекте отмечает первый исследователь словенских диалектов И. И. Срезневский в статье «О наречиях славянских»: «Частица *tae* употребляется перед именем прилагательным и числительным отдельно стоящим, перед предлогом, относящимся к существительному, даже перед глаголом, как определяющая, обуславливающая значение говоримого: ... *tae paerwu...*» (Срезневский 1841: 155).

С. Шкрабец употребление *ta* перед прилагательными объясняет необходимостью дополнительного выражения определенности конкретного объекта по качеству или количеству среди других подобных ему объектов (Škrabec 1994: 209).

Ф. Рамовш также подчеркивает, что артиклевидная частица регулярно употребляется в разговорном языке для более ясного и четкого выражения определенности лица или предмета (Ramovš 1940: 46–47).

В нелитературных разговорных идиомах словенского языка артиклевидная частица активно используется в именных группах с прилагательными. Типологию употребления артиклевидной частицы, исследуя каринтийские диалекты, привел А. В. Исаченко, определив, что частица употребляется перед субстантивированными прилагательными, перед порядковыми числительными и в сочетаниях прилагательных с существительными (Isačenko 1939: 89–90), с чем мы не можем не согласиться, так как во всех рассмотренных нами случаях частица употребляется именно в таких позициях. Исаченко проводит аналогию с артиклями в немецком языке, однако, принимая во внимание распространенность частицы в разных диалектах и различия в употреблении между словенскими и немецкими артиклями, можно говорить о сочетании частицы с прилагательными как о собственно словенской особенности.

Частица *ta* часто употребляется в определенных именных группах, она встречается в связке с порядковыми числительными, указательными местоимениями, притяжательными местоимениями и прилагательными, которые указывают на определенность предмета: *moj ta star bicikl* («мой старый велосипед») (Marušič, Žaucer 2007: 231).

Частица *ta* может появляться и в неопределенных именных группах с неопределенными местоимениями *en*, *neki*, *katerikoli* и т. д., например, *eni ta hitri avti*, *nek ta hitr avto* — «некие быстрые машины», «какой-то быстрый автомобиль», в связи с чем можно говорить, что частица *ta* выделяет и подчеркивает особую черту, выраженную в прилагательном (Ibid.: 232).

В данной работе мы выделили особенности функционирования артиклевидной частицы *ta* в современной речи словенцев, рассмотрели ее функции и роль в предложении. Употребление аналитического способа выражения категории отражено в словарях, корпусах и различных диалектных текстах. Нами использованы: данные Корпуса разговорного словенского языка (GOS); материалы Интерактивного атласа диалектных текстов; некоторые тексты, вышедшие в серии адаптированных диалектных текстов “Kmečki glasovi” («Крестьянские голоса»)¹; сборник Т. Логара «Словенские диалекты» (Logar 1993).

Корпус GOS включает в себя миллион слов и 120 часов аудиозаписей из разных сфер повседневной жизни. Всего в Корпусе 588 примеров на сочетание несклоняемого *ta* и прилагательного, из них мы выбрали 100 примеров, которые ярче всего отражают искомые нами особенности.

Прежде всего важно отметить, что употребление артиклевидной частицы *ta* затрагивает различные сферы — по данным GOS, частица встречается в употреблении и на радио, и на телевидении, и в личной коммуникации независимо от уровня образования коммуникантов (употребление частицы отмечается также в речи профессоров университетов и учителей школ и гимназий). Из рассмотренных нами примеров 24 примера относятся к медийной среде и 76 — к дружеским или деловым беседам. При анализе учитывался также и регион, где был зафиксирован пример.

¹ Samec M. So z vilicami pisali. Folklorne pripovedi iz obèine Grosuplje in okolice. Ljubljana, 2014; Mohor M. Pod gorami: Folklorne in spominske pripovedi iz krajev pod Dobrčo, Kriško goro, Storžičem in Krvavcem. Ljubljana, 2017; Mohorič Bonča K., Pintar A., Stanonik M. Kar tresla se je od lepote: Folklorne pripovedi iz Selške doline. Ljubljana, 2017; Hvala N. Divje babe na žlikrofih: Folklorne in spominske pripovedi s hribov, planot, iz grap in kotlin od Porezna do Javornika in od Vojskega do Zavratca. Ljubljana, 2018; Smole V. Naruobe prav: Folklorne in spominske pripovedi iz šentruperske fare na Dolenjskem. Ljubljana, 2019.

Таблица 1

Употребление артиклевидной частицы *ta* в разных регионах

Город/регион	Количество примеров
Любляна	45
Крань	8
Словенскоязычное меньшинство в Каринтии (Австрия)	7
Марибор	5
Целье	2
Нова Горица	2
Без уточнения региона	31

Согласно данным таблицы 1 можно сказать, что больше всего примеров зафиксировано в речи жителей Любляны. Употребление аналитического способа выражения категории определенности / неопределенности характерно для люблянского койне (Макарова 2004: 210). Без указания региона встречались примеры из записей радио и телевидения, в частности канала RTV Slovenija.

В изученных нами текстах, содержащих диалектные материалы, мы обнаружили 192 примера на употребление артиклевидной частицы *ta* в сочетании с прилагательными. Распространение данной частицы представлено достаточно широко.

Таблица 2

Распространение артиклевидной частицы
в разных диалектных группах

Диалектная группа	Количество примеров
Горенская группа	63
Ровтарская группа	59
Доленская группа	42
Каринтийская группа	10
Штирийская группа	9
Приморская группа	9
Паннонская группа	0

Чаще всего артиклевидная частица встречается в центральных горенской, ровтарской и доленской группах, к ним относится 86 % всех рассматриваемых нами примеров из диалектных материалов (Таблица

2). Отсутствие примеров на употребление артиклевидной частицы в паннонской группе диалектов не является показательным из-за небольшого объема исследованных текстов данной диалектной группы.

Мы выделили ряд сочетаний, которые чаще всего отмечаются как в GOS, так и в диалектных материалах:

1) *ta mali* при обозначении ребенка и в значении ‘маленький’ (всего 54 примера);

2) *ta stari* в значении ‘старый’ (всего 48 примеров) или при обозначении старшего члена семьи;

3) *ta zadnji / ta prvi / ta drugi* при обозначении очередности (всего 57 примеров);

4) *ta pravi* ‘правильный’ и ‘настоящий’ (19 примеров);

5) *ta mlada* при обозначении члена семьи (невестка) — 7 примеров.

Всего на данные группы сочетаний приходится 63 % от общего количества рассмотренных нами примеров. Частотность употреблений данных сочетаний связана прежде всего с субстантивацией данных прилагательных (*ta mala še smuča* — «девочка еще катается на лыжах»; *ma ta mala je pridna tudi* — «малышка еще и прилежная»; *sem ta starega poslala* — «я старика послала») (GOS). Оставшиеся 37 % примеров были на сочетание частицы с другими прилагательными, но общие черты, которые мы наблюдаем у наиболее часто встречающихся сочетаний, характерны и для них.

Артиклевидная частица *ta* в предложении является маркером определенности, так как, как правило, употребляется в связке с прилагательным и существительным, которые уже известны и говорящему, и слушателю (*če recesija kaj vpliva na povpraševanje po počitnicah ta prvomajskih in ta poletnih* — «повлияет ли рецессия на спрос на первомайские и летние туры») (GOS); *Tavelək križ na Breg pred Španam je biu, toko so reklə naš tastar mama, postaulen velik rodou nazaj* — «Большой крест поставили уже очень давно, так сказала наша бабушка») (Preddvor, Gorenjska) (Mohor 2017: 71)). М. Смолей относит частицу *ta* в словенском языке к общим текстовым актуализаторам, основная задача которых — охарактеризовать, количественно определить и локализовать объект (Smolej 2011: 367), что объединяет словенскую артиклевидную частицу с функциями артикля в других европейских языках.

Артиклевидная частица не только указывает на определенность объекта и его известность участникам коммуникации, но и подчеркивает типичность качества, выраженного прилагательным. Например, в примерах *mislim jaz imam še ene samo niso take ta prave smučī ampak so one mini smučī* («думаю, у меня еще не прямо настоящие лыжи, а такие

мини-лыжи») (GOS) или *ta j mislu, de j taprau medved, pa j pomeru pa ustrelu* («он думал, что это настоящий медведь, прицелился и застрелил его») (Nova vas, Notranjska) (Mohor 2017: 77) сочетание *ta* + прилагательное относится к определенным группам объектов, которые характеризуются типичностью качеств — участники коммуникации отталиваются от типичного представления об упоминаемых объектах. Показательным здесь можно назвать пример, который встречается в двух сборниках диалектных текстов “Кмеčki glasovi”, а именно: *Ta bolni ta zdravega nese* — «Битый небитого везет» (Grosuplje, Osrednjeslovenska; Kanomlja, Idrija) (Samec 2014: 35; Hvala 2018: 33). Пример взят из народной сказки про лису и волка. В данном случае, опираясь также на аллегоричность образов лисы и волка, можно говорить именно об изображении типичного характера в типичной ситуации.

В рамках выражения типичности нам представляется необходимым рассмотреть также примеры употребления частицы *ta* в сочетании с указательными местоимениями и неопределенными местоимениями или числительными:

(1) *recimo če bi vzeli te ta velike čolne* — «если мы возьмем эти большие лодки» (GOS);

(2) *jaz sem si tako želela enega ta pravega moškega in ga nisem žal tule našla v Sloveniji* — «я так хотела найти настоящего мужчину, но, увы, в Словении его не нашла» (GOS).

В обоих примерах указательное местоимение и числительное относятся именно к существительному, выражая его определенность или неопределенность соответственно. Артиклевидная частица *ta* в данных примерах соотносится с прилагательным, подчеркивая тем самым типичный признак предметов / лиц, о которых идет речь.

Употребление артиклевидной частицы в сочетании с порядковыми числительными можно рассматривать как проявление дополнительного значения определенности, так как порядковые числительные уже указывают на определенную очередность объекта среди других подобных ему объектов: *zdaj imamo pa že ta tretje kupce* — «сейчас у нас уже третьи покупатели» (GOS); *Ta prva, k stô:p u xi:šo... k je ta prva stô:pou u xi:šo* — «Первый, кто входит в дом... кто первым вошел в дом» (Srednja vas v Bohinju, Gorenjska) (Logar 1993: 21); *no to v bistvu je ta ta prva ideja je boljša* — «по сути, первая идея лучше» (GOS).

Отдельно стоит упомянуть употребление артиклевидной частицы *ta* с прилагательными в сравнительной и превосходной степени. Прилагательные в сравнительной степени, не входящие в состав сравнительной конструкции, указывают на некое качество вообще, которое

дополнительно подчеркивает частица *ta*, например: *tudi tisti vrhunski športniki ki imajo ta boljše zdravnike* — «и даже те первоклассные спортсмены, у которых лучшие врачи...» (GOS), *Not so imeli tudi žegnano vodo, s katero so špricali ob hudih urah in ob ta večjih praznikih, za božič in veliko noč* — «В доме у нас была святая вода, которой мы освящали дом во время бурь и по большим праздникам, на Рождество и Пасху» (Šmarjeta, Jugovzhodna Slovenija) (Interaktivna karta slovenskih narečnih besedil); *zraven so spali še ta manjši otroci* — «рядом спали младшие дети» (Kanalski Lom, Goriška) (Interaktivna karta slovenskih narečnih besedil). Употребление частицы *ta* с прилагательными в превосходной степени можно сравнить с употреблением определенного артикля в германских языках (в английском и немецком языках) в конструкциях с прилагательными в превосходной степени, где артикль подчеркивает уникальность и исключительность признака: *pa sem prišel na evropskem serverju med pet ta najboljših* — «я оказался в пятерке самых лучших на европейском сервере» (GOS); *ta najmlaj otrok pa je spal v špampku* — «самый младший ребенок спал в люльке» (Križe, Gorenjska) (Interaktivna karta slovenskih narečnih besedil).

Употребление артиклевидной частицы с прилагательными также приводит к субстантивации всего сочетания, что подтверждается слитным написанием частицы с прилагательным (*tastari, tamlada*). При подобном изолированном употреблении в разговорной речи артиклевидной частицы и прилагательного такие примеры можно рассматривать как способ номинации по отношению к уже известному предмету / лицу (Макарова 2004: 210). Большинство примеров приходится на прилагательные *ta star, -a / ta mlad, -a / ta mali, -a* (всего 109 примеров): *samo da je ta mala sistem pogruntala zdaj bo že sama* — «девочка разобралась, как все работает, сейчас уже сама все сделает» (GOS); *In je ta stara umrla* — «и бабушка умерла» (Lazec, Goriška) (Hvala 2018: 91); *ó:če pa ja riéku: “Ta stà:ra, né:ĵ tré:ba...”* — «отец сказал: “Мать, не нужно...”» (Račna, Osrednjeslovenska) (Logar 1993: 33). Данные прилагательные, как правило, употребляются для обозначения членов семьи: отец, мать, бабушка, дедушка, ребенок, невестка, дочка, внучка, сын, внук. Примеры на подобные сочетания встречаются во многих диалектах, что может говорить об устоявшейся форме выражения.

Проанализировав примеры употребления частицы в диалектных текстах и материалах корпусов, мы можем выделить следующие особенности:

- 1) артиклевидная частица не изменяется по родам, числам и падежам;
- 2) артиклевидная частица не имеет собственного ударения;

3) артиклевидная частица употребляется в сочетании с прилагательными и не может сочетаться с существительными (исключение составляют субстантивированные прилагательные);

4) артиклевидная частица встречается в сочетаниях с указательными и притяжательными местоимениями (*tisti ta zadnji, ta ta stari* — «тот последний», «этот старый»);

5) артиклевидная частица также встречается в сочетаниях с неопределенными местоимениями (*en ta zadnji stol* — «один последний стул»).

Таким образом, артиклевидная частица *ta* возникла из необходимости восполнить лауну, образовавшуюся в результате утраты противопоставления кратких и полных форм прилагательных, является показателем аналитического способа выражения категории определенности / неопределенности на морфологическом уровне и широко распространена в словенских разговорных нелитературных идиомах. Наиболее часто частица встречается в диалектах гореньской, доленьской и ровтарской групп, в городских и сельских поселениях. Анализ случаев употребления данной частицы позволяет предположить, что сформировалась она не под влиянием немецкого артикля, так как рассмотренные нами случаи не соотносятся с правилами употребления артикля в немецком языке, в частности, артиклевидная частица в словенском языке может употребляться в сочетании с неопределенными показателями, указательными и притяжательными местоимениями. При изолированном употреблении в сочетании с субстантивированными прилагательными частица указывает на известность некоего лица или предмета участникам коммуникации, характеризуя объект на семантическом уровне; она является также средством выражения дополнительного значения определенности в сочетании с порядковыми числительными, притяжательными и указательными местоимениями, может выражать типичность признака, а также подчеркивать уникальность и специфичность признака в сочетании с формами прилагательных в превосходной степени.

Источники и литература

Макарова 2004 — Макарова И. Д. Языковые особенности люблянской разговорной речи // Славянский вестник / ред. Н. Е. Ананьева, З. И. Карцева. М.: МАКС Пресс, 2004. Вып. 2. С. 200–214.

Плотникова 2005 — Плотникова О. С. Категория определенности / неопределенности и пуристические тенденции в истории словенского литературного языка // Пуристические тенденции в истории славянских

литературных языков: Сб. тез. / ред. Г. К. Венедиктов, Ф. Б. Людоговский. М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 13–15.

Плотникова 2021 — *Плотникова О. С.* Валентин Водник и его словенская грамматика // Грамматика в обществе, общество в грамматике: исследования по нормативной грамматике славянских языков / ред. М. Номати, С. Киёсава. М.: Языки славянской культуры, 2021. С. 219–243.

Срезневский 1841 — *Срезневский И. И.* О наречиях славянских // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. 31. Отд. 2. С. 133–164.

Bajec et al. 1956 — *Bajec A., Kolarič R., Rupel M., Šolar J.* Slovenska slovnica. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1956. 330 s.

Bohorič 1987 — *Bohorič A.* Arcticae horulae succisivae. Zimske urice proste. Maribor: Obzorja, 1987. 331 s.

GOS — Korpus govornjene slovenščine. URL: <http://www.korpus-gos.net/> (дата обращения: 06.05.2021).

Hvala 2018 — *Hvala N.* Divje babe na žlikrofi: Folklorne in spominske pripovedi s hribov, planot, iz grap in kotlin od Porezna do Javornika in od Vojskega do Zavratca. Ljubljana: Založba ZRC, 2018. 495 s.

Interaktivna karta slovenskih narečnih besedil. URL: <https://narecja.si/> (дата обращения: 14.05.2021).

Isačenko 1939 — *Isačenko A. V.* Narečje vasi Sele na Rožu. Ljubljana: Natisnila učiteljska tiskarna, 1939. 148 s.

Logar 1993 — *Logar T.* Slovenska narečja. Ljubljana: Založba Mladinska knjiga, 1993. 118 s.

Marušič, Žaucer 2007 — *Marušič F., Žaucer R.* O določnem ta v pogovorni slovenščini (z navezavo na določno obliko pridevnika) // Slavistična revija. 2007. № 55 (1–2). S. 223–247.

Mohor 2017 — *Mohor M.* Pod gorami: Folklorne in spominske pripovedi iz krajev pod Dobrčo, Kriško goro, Storžičem in Krvavcem. Ljubljana: Založba ZRC, 2017. 411 s.

Mohorič Bonča, Pintar, Stanonik 2017 — *Mohorič Bonča K., Pintar A., Stanonik M.* Kar tresla se je od lepote: Folklorne pripovedi iz Selške doline. Ljubljana: Založba ZRC, 2017. 315 s.

Ramovš 1940 — *Ramovš F.* K naglaševanju slovenskih pridevnikov. Slovenski jezik. 1940. No 3. S. 45–51.

Samec 2014 — *Samec M.* So z vilicami pisali. Folklorne pripovedi iz občine Grosuplje in okolice. Ljubljana: Založba ZRC, 2014. 397 s.

Slovenski pravopis 2014 — Slovenski pravopis. Ljubljana, 2014. URL: <https://www.fran.si/> (дата обращения: 30.05.2021).

Smole 2019 — *Smole V.* Naruobe prav: Folklorne in spominske pripovedi iz šentruperske fare na Dolenjskem. Ljubljana: Založba ZRC, 2019. 564 s.

Smolej 2011 — *Smolej M.* Qu'est-ce que le slovène et le français ont en commun?: les articles défini et indéfini. *Linguistica*, No 51 (1). 2011. S. 365–375.

Škrabec 1994 — *Škrabec S.* Jezikoslovna dela 2. Nova Gorica: Frančiškanski samostan Kostanjevica. 1994. 490 s.

Toporišič 1978 — *Toporišič J.* Imenska določnost v slovenskem knjižnem jeziku // *Slavistična revija*. Ljubljana: Slavistično društvo Slovenije, 1978. № 3. S. 287–304.

Vodnik 1811 — *Vodnik V.* Pismenost ali Gramatika sa Perve Shole. Ljubljana: Natisnil Leopold Eger, 1811. 206 s.

References

Bajec, A., Kolarič, R., Rupel, M., Šolar, J. *Slovenska slovnica*. Ljubljana: Državna založba Slovenije, 1964, 358 p.

Bohorič, A. *Arcticae horulae succisivae. Zimske urice proste*. Maribor: Obzorja, 1987, 331 p.

Hvala, N. *Divje babe na žlikrofih: Folklorne in spominske pripovedi s hribov, planot, iz grap in kotlin od Porezna do Javornika in od Vojskega do Zavrata*. Ljubljana: Založba ZRC, 2018, 495 p.

Isačenko, A. V. *Narečje vasi Sele na Rožu*. Ljubljana: Natisnila učiteljska tiskarna, 1939, 148 p.

Makarova, I. D. "Iazykovye osobennosti liublianskoï razgovornoï rechi." *Slavianskiï vestnik*. Issue 2. Moscow: MAKS Press, 2004, pp. 200–214.

Marušič, F., Žaucer, R. "O določnem ta v pogovorni slovenščini (z navezavo na določno obliko pridevnika)." *Slavistična revija*, 2007, vol. 55, no 1–2, pp. 223–247.

Plotnikova, O. S. "Kategoriiia opredelennosti / neopredelennosti i puristicheskie tendentsii v istorii slovenskogo literaturnogo iazyka." *Puristicheskie tendentsii v istorii slavianskikh literaturnykh iazykov: Sbornik tezisov*, ed. by G. K. Venediktov, F. B. Liudogovskii. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2005, pp. 13–15.

Plotnikova, O. S. "Valentin Vodnik i ego slovenskaia grammatika." *Grammatika v obshchestve, obshchestvo v grammatike: issledovaniia po normativnoï grammatike slavianskikh iazykov*, ed. by M. Nomati, S. Kijesava. Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury, 2021, pp. 219–243.

Ramovš, F. "K naglaševanju slovenskih pridevnikov." *Slovenski jezik*, 1940, no 3, pp. 45–51.

Slovenski pravopis. Ljubljana, 2014. URL: <https://www.fran.si/> (accessed: 30.05.2021).

Smolej, M. "Qu'est-ce que le slovène et le français ont en commun?: les articles défini et indéfini." *Linguistica*, 2011, no 51(1), pp. 365–375.

Toporišič, J. "Imenska določnost v slovenskem knjižnem jeziku." *Slavistična revija*, 1978, no 3, pp. 287–304.

**Analytical forms of expressing the category
of definiteness / indefiniteness in Slovene non-standard idioms**

Ksenia I. Komarova

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie gory 1, str. 51, Moscow, Russian Federation

E-mail: xenia.komarova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9564-8034

Citation

Komarova K. I. Analytical forms of expressing the category of definiteness / indefiniteness in Slovene non-standard idioms // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 135–147 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.01

Received: 08.08.2021.

Abstract

The article focuses on the article-like particle *ta* in Slovene non-standard varieties, which is used to express the category of definiteness / indefiniteness. We identified the peculiarities of functioning of the article-like particle *ta* in the contemporary Slovene speech, examined its functions and roles in the sentence. In our study, we relied on the data from the Corpus of the Spoken Slovene Language (GOS), materials of the Interactive Atlas of Dialectal Texts, some texts published in the adapted series “Kmečki glasovi” and in T. Logar’s collection “The Slovene dialects”. The emergence of the article-like particle *ta* is associated with the need to fill the gap after the loss of the opposition between short and full forms of adjectives. It is an indicator of the analytical way of expressing the category of definiteness / indefiniteness on the morphological level and is widespread in Slovene colloquial non-standard varieties. The particle indicates the familiarity of a certain person or object to the participants in communication and characterizes the object on the semantic level. In combination with ordinal, possessive and demonstrative pronouns, it is also a means to express the additional meaning of certainty. It can also express typicality of a feature. When combined with superlative forms of adjectives, it can emphasize uniqueness and specificity of a feature.

Keywords

Slovene language, dialects, the article-like particle ta, non-standard varieties, category of definiteness / indefiniteness.

Формы авторского присутствия в Новгородской первой летописи

Шаповалов Алексей Владимирович
Аспирант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
19991, Ленинские горы 1, стр. 51, Москва, Российская Федерация
E-mail: omeganom@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3230-3682

Цитирование

Шаповалов А. В. Формы авторского присутствия в Новгородской первой летописи // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 148–161.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.02

Статья поступила в редакцию 30.06.2021.

Аннотация

Статья посвящена изучению авторских экспликаций в Новгородской первой летописи — высказываний книжников от первого лица, риторических вопросов и восклицаний, некоторых хронологических формул. Сначала последовательно рассматриваются формы авторского присутствия во фрагментах, предположительно написанных одним летописцем, а затем обращается внимание на сходные высказывания книжников во фрагментах, написанных разными летописцами. Отмечаются сочетания высказываний от первого и от третьего лица, случаи использования цитат из авторитетных текстов, а в хронологических формулах — внимание летописцев к погодным явлениям, указания на момент времени или временной промежуток. Сопоставляются особенности высказываний новгородских и киевских книжников, обращается внимание на уменьшение количества авторских экспликаций в тексте Новгородской первой летописи с конца XIII в. Приводятся разночтения форм авторского присутствия в текстах старшего и младшего изводов Новгородской первой летописи, выявляются некоторые случаи лексических и грамматических замен переписчиками. Обсуждаются возможность актуализации достоверности и субъективности летописного повествования посредством авторских экспликаций, а также случаи использования разными книжниками сходных выражений как возможные проявления самосознания летописцев.

Ключевые слова

Новгородская первая летопись, повествование от первого лица, повествование от третьего лица, риторический вопрос, риторическое восклицание, хронологическая формула.

Вопрос об авторах Новгородской первой летописи (НПЛ) давно привлекает внимание исследователей¹. Важной особенностью этого памятника является структурная неоднородность текста. На основе формальных признаков (которые сгруппированы в семь разделов: кодикология и палеография; графика, орфография, фонетика; морфология; синтаксис; лексика и словообразование; структура текста; стиль)², А. А. Гиппиус выделил в тексте НПЛ несколько групп рубежных «швов»³ с целью реконструкции «авторских» фрагментов. Сопоставление указанных «швов» с хронологическим списком новгородских епископов и архиепископов показало, что смена архиерея почти всегда сопровождалась сменой летописца (т. е. был подтвержден владычный характер НПЛ)⁴. Это открывает новые возможности не только для изучения принципов работы летописцев как представителей своего времени, но и для определения индивидуальных черт их стиля. По сравнению с другими памятниками Древней Руси НПЛ предоставляет более широкие возможности для изучения авторства и методов редакторской работы, поскольку она сохранилась в двух изводах — старшем и младшем. То обстоятельство, что они восходят к общему протографу — «официальному экземпляру» новгородской летописи (т. е. являются его редакциями)⁵, позволяет определить, как был изменен текст протографа

1 Одна из первых работ на эту тему: *Прозоровский Д. И.* Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // Журнал министерства народного просвещения. 1852. Ч. LXXV. С. 1–28.

2 *Гиппиус А. А.* Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: [сб. ст.]. М., 2006. С. 129–194.

3 Под «швом» понимается «граница, отделяющая отрезок текста, на котором рассматриваемый формальный признак представлен систематически, от смежного отрезка, на котором он отсутствует или же представлен единичными (изолированными) примерами». Подробнее см.: *Гиппиус А. А.* Новгородская владычная летопись... С. 124–127.

4 Там же. С. 210–211.

5 Там же. С. 122–124.

составителем каждого из изводов. Ранее были описаны особенности стиля двух новгородских книжников, имена которых упоминаются в тексте летописи, а также определены вероятные хронологические границы их работы (священника Германа по прозвищу Воята, 1164–1186, и пономаря одной из новгородских церквей Тимофея, 1226–1274)⁶. Однако особенности авторского присутствия других книжников в тексте НПЛ практически не рассматривались. Также мало изучен вопрос о самосознании новгородских летописцев, которые были не монахами, а жителями средневекового города.

В настоящей работе рассматриваются некоторые формы авторского присутствия (высказывания летописцев от первого лица, риторические вопросы и восклицания, хронологические формулы) с точки зрения актуализации достоверности и субъективности повествования летописцами. Обсуждается возможность отнесения форм авторского присутствия к типичным проявлениям сознания⁷ новгородских книжников. В качестве источника выбран текст НПЛ старшего извода по Синодальному списку (далее — НПЛ СИ). Для определения случаев редакторской правки привлекается фрагмент текста НПЛ младшего извода по Комиссионному списку (далее — НПЛ МИ), хронологически соответствующий НПЛ СИ (1016–1352). В некоторых случаях приводятся примеры из Повести временных лет (ПВЛ) по Ипатьевскому списку для сопоставления новгородской и киевской летописных традиций.

Некоторые формы авторского присутствия встречаются в определенных фрагментах НПЛ, поэтому их можно рассматривать как особенности стиля конкретных летописцев⁸. Стиль летописцев князя

⁶ *Гунтуус А. А.* К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. СПб., 1997. № 6 (16). С. 8–12; *Конявская Е. Л.* Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 66–72.

⁷ В области изучения сознания человека выделяют два основных подхода — законы психической жизни могут рассматриваться как проявления внутренних свойств человека или как продукт социальных процессов. В рамках второго подхода полагают, что разные формы психической деятельности могут отличаться для разных исторических эпох и культур (подробнее см.: *Лурия А. Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974. С. 7–24).

⁸ Здесь и далее рассматриваются особенности стиля летописцев, «порубежно» идентифицированных в: *Гунтуус А. А.* Новгородская владычная летопись... С. 215. В настоящей работе не приводятся формы авторского присутствия в текстах Германа Вояты и пономаря Тимофея, которые были изучены ранее, см.: *Конявская Е. Л.* Проблема авторского самосознания... С. 66–72.

Всеволода (1117–1132) и архиепископов Гавриила и Мартирия (1187–1199) во многом сходен. Оба книжника высказываются от первого лица, что находит соответствие в киевской летописной традиции:

НПЛ СИ

«бысть знамение Новѣгородъ ... от грома мѣсяця мая въ 14, въ час 10: вечерню поючимъ» [НПЛ СИ: 20 (1117)]⁹, «громъ бысть страшень зѣло и мълνια; пришьдѣшмъ съ кресты ... и поючимъ 9 пѣснь» [НПЛ СИ: 38 (1187)].

ПВЛ

«въ к̄ (20. — А. Ш.) того же мѣца въ днѣ платокъ въ часъ а̄ (1. — А. Ш.) днѣ прииде второе Бонакъ ... «намъ сущимъ по кѣльбмъ почитающимъ ... намъ же бѣжацимъ задомъ монастыра» [ПВЛ: 222 (1096)].

Отметим, что если новгородские книжники высказывались от первого лица в связи с небесными явлениями, то киевский летописец — в связи с нападением половцев на Печерский монастырь. Примечательно, что интерес к небесным или погодным явлениям проявился и в упоминаниях обоими летописцами о времени («а на вечерь бысть знамение въ лунѣ» [НПЛ СИ: 20 (1117)], «паде метыль густъ ... по 2 ночи, а по 4 дни ... снѣгъ лежа до Яковля дни» [НПЛ СИ: 21 (1127)], «бысть знаменье въ солнци въ полѣдни ... и по мале времени напълнися и паки просвѣтися» [НПЛ СИ: 38 (1187)]), а в случае летописца князя Всеволода еще и в риторическом восклицании («о, великъ страхъ, и тьма бысть, и звѣзды быша и мѣсяць» [НПЛ СИ: 21 (1124)]).

Летописец архиепископа Нифонта (1132–1156) также высказывается от первого лица при сообщении о погодных явлениях, которые могли быть известны только очевидцу («бысть громъ велии, яко слышахомъ чисто, въ истьбѣ сѣдѣще» [НПЛ СИ: 25 (1138)], «потомъ наиде дѣжгъ, яко не видехомъ ясна дни ни до зимы» [НПЛ СИ: 27 (1145)]¹⁰). Подобные высказывания актуализируют достоверность летописного повествования.

⁹ Здесь и далее тексты источников цитируются по изданиям: НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950; ПВЛ — Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб., 1908. После двоеточия указан номер страницы (для НПЛ) или столбца (для ПВЛ), в круглых скобках указан год погодной записи.

¹⁰ Возможно, автобиографическая заметка «постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» [НПЛ СИ: 27 (1144)] была добавлена Германом Воятой в последующее время. Е. Л. Конявская считает, что ряд известий 1140–1170-х гг. можно отнести к творчеству Германа Вояты, см.: *Конявская Е. Л. Проблема авторского самосознания...* С. 66.

Это также подтверждается отсутствием риторических фигур в указанный период и более разнообразными указаниями на время, которые относятся не только к небесным явлениям («бысть знамение въ солнчи ... и паки до захода напълнися» [НПЛ СИ: 25 (1140)], «бысть знамение на небеси ... и стоя близъ не весь день» [НПЛ СИ: 26 (1141)]), но и к земным событиям («выгнаша князя Святослава, сына Ольгова, из Новагорода, мѣсяця априля 17, въ недѣлю 3 по пасцѣ, сѣдевьша 2 лѣта бес трии мѣсяць» [НПЛ СИ: 25 (1038)], «яша 5 день по побоищи» [НПЛ СИ: 27 (1146)]).

Текст летописца архиепископа Митрофана (1200–1210) содержит описание разграбления Константинополя фрягами, в котором сочетаются высказывания от первого и от третьего лица («имъ же не можемъ числа съповѣдати ... яко не можемъ числа повѣдати ... то же всѣ въ единой Софии сказахъ ... инѣхъ же церкви не можетъ челоувѣкъ сказати, яко бещисла ... имъ же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати» [НПЛ СИ: 47, 49 (1204)]). Примечательно, что в этом фрагменте от себя летописец высказывался с целью показать масштаб бедствия, и использование форм третьего лица было необходимо для того, чтобы усилить отрицательную оценку («не только я, но никто не может перечислить всего содеянного»)¹. Используемые летописцем хронологические формулы вполне традиционны («И стояше ту Фрязи 3 дни ... солнчу въсходящу ... на Василиевъ день полуноци ... заутра же, солнчу въсходящю» [НПЛ СИ: 48 (1204)]).

Летописец архиепископа Антония (1211–1226) в рассуждении о приходе на Русь неизвестных народов также сочетает высказывания от первого и от третьего лица («а зовуть я Татары, а инии глаголють Таурмене, а друзии Печенѣзи ... о нихъ же Мефодии, Патомьскый епископъ, съвѣдѣтельствуеть ... прѣмудрии мужи вѣдять я добрѣ, кто книги разумѣть; мы же ихъ не вѣмы, кто суть; нъ сде выписахомъ ... слышахомъ бо ... и не съвѣдаемъ» [НПЛ СИ: 61–62 (1224)]). Отметим в приведенном фрагменте противопоставление книжником себя сведущим людям, что типично для средневековой книжной традиции. Об ориентации летописца на библейские тексты свидетельствуют употребленные им риторические вопросы, отсылающие не только к ветхозаветному сюжету, но и к событиям древнерусской истории («Что прія Каинъ от бога, убивъ Авеля, брата своего: не проклятье ли и трясение; или вашъ сродникъ оканьный Святопѣлкъ» [НПЛ СИ: 58 (1218)]). Особенностью стиля этого книжника является более частое употребление риторических восклицаний по срав-

¹ О прилагательных со значением моральной оценки в тексте НПЛ СИ см.: *Гунтуис А. А.* Новгородская владычная летопись... С. 193–194.

нению с другими фрагментами летописи¹² («о, горѣ тѣгда, братье, бяше ... о, горѣ бяше» [НПЛ СИ: 54 (1215)], «оле страшно чюдо и дивно братье; ... о, мьного побѣды, братье, бещисльное число ... о, великъ ю, братье, промышль божи» [НПЛ СИ: 56–57 (1216)], «о, великое, братье, чюдо съвади оканьный дияволь» [НПЛ СИ: 59 (1218)]). Присутствующая в двух последних высказываниях количественная характеристика («мьного», «великое») встречается также в риторических восклицаниях во фрагментах, написанных другими летописцами ([НПЛ СИ: 17 (1066), 17 (1069), 21 (1124), 31 (1161), 80 (1251)]), что позволяет рассматривать ее не как элемент стиля конкретного книжника, а как особенность текста НПЛ в целом. Хронологические формулы, употребляемые летописцем архиепископа Антония, достаточно разнообразны. Они содержат упоминания не только момента времени («громь бысть по заутрени» [НПЛ СИ: 52 (1214)], «загорѣся ... въ середь утра» [НПЛ СИ: 57 (1217)], «възвониша ... цересь ночь ... и бысть заутра» [НПЛ СИ: 58 (1218)], «побеже въ ночь» [НПЛ СИ: 61 (1222)], «прѣставися архиепископъ новгородьскый Митрофанъ, понедѣльнику свитающу» [НПЛ СИ: 61 (1223)]), но и временного промежутка («стояше 12 днии» [НПЛ СИ: 52–53 (1214)], «быша вѣча по всю недѣлю» [НПЛ СИ: 59 (1218)], «свѣршиша ю въ 4 дни ... стояша 2 недѣли» [НПЛ СИ: 59 (1219)], «въ той же немочи пребы 7 недѣль» [НПЛ СИ: 60 (1220)], «идоша 9 днии ... и бися с ними ... по 3 дни» [НПЛ СИ: 63 (1224)]).

Тексты большинства летописцев конца XIII — первой трети XIV в. содержат существенно меньше рассматриваемых форм авторского присутствия. Таковы фрагменты НПЛ, написанные летописцами архиепископов Климента (1275–1298) и Моисея (1325–1330). Летописец архиепископов Феоктиста и Давыда (1299–1310) допускает только одно рассуждение от первого лица, которое, впрочем, вполне традиционно («но не отчаемъся милости твоя ... аще бо сгрѣшихомъ, но тебе не отступихомъ ... развѣ тебе иного бога не знаемъ» [НПЛ СИ: 91–92 (1303)]). Отсутствие форм присутствия указанных книжников в написанных ими фрагментах согласуется с представлением о «минус-позиции»¹³ автора в летописи. Исключением для этого периода является фрагмент, написанный летописцем архиепископа Давыда (1311–1324), однако используемые им выражения «от себя»

12 Неслучайность того, что 6 из 12 риторических восклицаний в НПЛ СИ приходятся на «компактный интервал <6723–6725>», была отмечена ранее, см.: Гунтуус А. А. Новгородская владычная летопись... С. 191.

13 Иванайнен О. В. «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2014. Сб. 16–17. С. 539.

обнаруживают сходство с высказываниями в предшествующем тексте летописи («О, горе, братие, лють бяше пожаръ» [НПЛ СИ: 93 (1311)] — см. [НПЛ СИ: 54 (1215), 85 (1267)], «в ночь, загорѣся на Яневѣ улицы ... в ночь, загореся на Розваже улицѣ ... в ночь, загорѣся на Ильинѣ улицы» [НПЛ СИ: 93 (1311)] — см. [НПЛ СИ: 90 (1272)], «бысть знамение въ солнци пред обднею ... померче солнце яко на час ... и паки наполнися по малу; и ради быхом» [НПЛ СИ: 96 (1321)] — см. [НПЛ СИ: 37–38 (1185), 89 (1271)]).

Приведенные совпадения свидетельствуют не столько о субъективности, сколько об ориентации летописцев на предшествующую традицию и позволяют полагать, что подобные формы авторского присутствия были присущи стилю разных книжников. Так, в НПЛ неоднократно присутствуют высказывания летописцев при упоминании цены, причем как в форме первого лица («купляхомъ» [НПЛ СИ: 31 (1161)]), так и в форме третьего лица («купляху» [НПЛ СИ: 21 (1123), 72 (1232)], «купляхуть» [НПЛ СИ: 54 (1215)]). Это свидетельствует об отнесении книжниками себя к определенной социальной группе (жителям средневекового города) и может рассматриваться как особенность их мировосприятия. Отметим, что в южнорусском летописании (которое велось монахами) подобные выражения летописцев отсутствуют. В ряде случаев новгородские книжники использовали в своих высказываниях от первого лица библейские цитаты, при этом не называя источник («но мы грѣшнии акы пси обращаемся на своя бльвотины» [НПЛ СИ: 83 (1259)] — из [Притч. 26:11], «но не отчаемъся милости твоя ... аще бо сгрѣшихомъ, но тебе не отступихомъ ... развѣ тебе иного бога не знаемъ» [НПЛ СИ: 91–92 (1303)] — последнее высказывание из [Ис. 26:13]). Подобные заимствования свидетельствуют о типичном для средневекового книжника религиозном сознании.

Многие риторические фигуры и хронологические формулы присутствуют во фрагментах, написанных разными летописцами, что также позволяет рассматривать их как типичные особенности новгородского летописания. Риторические вопросы и восклицания новгородских летописцев отличают эмоциональность и внимание к событиям повседневной жизни, что свидетельствует об актуализации субъективности. Особенно хронологических формул в НПЛ является упоминание времени¹⁴ при

14 В Древней Руси был известен антропометрический способ определения «косого» (неравного) часа по тени человека, измеряемой его ступнями. Этот метод в качестве единицы счета времени использовал иеродиакон Кирик Новгородец в своем труде «оученіе им же вѣдати члкъ числа всѣх лѣт» (1136), см.: *Симонов Р. А.* Часомерие в ряду отреченных знаний // *Герменевтика древнерусской литературы.* 2008. Сб. 13. С. 575.

сообщении о военных действиях, что нетипично для киевской летописной традиции («въ пятничи, въ час 6 дни, опять приде Все» [НПЛ СИ: 17 (1069)], «приде Новугороду князь Святославъ Олговиць ис Чернигова ... мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небесѣи въ 19 день» [НПЛ СИ: 24 (1136)], «приспѣ князь Святослав ... и наворопиша на ня ... въ час 5 дни» [НПЛ СИ: 31 (1164)]). Традиционные сообщения о смерти в НПЛ сочетаются с указанием времени «пробытия в должности» (Стефан Твердиславич «преставися ... въ 1 час ночи ... посадничавъ 13 лѣт безъ 3 мѣсяць» [НПЛ СИ: 79 (1243)], «въ 7 час дни, преставися архиепископъ новгородскыи Климентъ, бывъ въ епископии лѣт 23» [НПЛ СИ: 90 (1272)])¹⁵. Подобный интерес к повседневному событиям также свидетельствует об элементах самосознания летописцев как жителей средневекового города.

Во многих случаях рассматриваемые формы авторского присутствия в НПЛ СИ и НПЛ МИ отличаются друг от друга¹⁶, что позволяет говорить о редакторской правке переписчика более позднего текста НПЛ МИ. Так, упоминания книжниками о своем статусе («постави мя попомъ архиепископъ святыи Нифонтъ» [НПЛ СИ: 27 (1144)], «и мнѣ грѣшному Тимофѣю понамарю» [НПЛ СИ: 70 (1230)]) отсутствуют в тексте младшего извода [НПЛ МИ: 181 (1144), 278 (1230)]. Это может свидетельствовать о том, что составитель НПЛ МИ воспринимал эти высказывания как несущественные. Агиографическое вступление к летописной повести о житии Александра Невского, имеющей вставной характер¹⁷, содержит высказывания книжника от первого лица, которые являются топосом агиографии и подтверждают проникновение в НПЛ сведений из разных источников («азъ худыи и грѣшныи малосмысленыи покушаюсь написати ... понеже бо слышахомъ от отецъ своих и самовидецъ есмь възраста его и сиче радъ бых исповѣдалъ святое и славное и честное житие его ... Аще и грубъ

¹⁵ Отметим употребление в ПВЛ подобных высказываний сначала применительно к императору Александру [ПВЛ: 17 (887)], а потом — к древнерусским князьям [ПВЛ: 29 (912), 62 (972), 208 (1093)], что говорит об ориентации киевских книжников на византийскую историографическую традицию.

¹⁶ Некоторые разночтения между старшим и младшим изводами НПЛ (дополнительные известия, избыточные фактологические детали, более подробные датировки) рассмотрены в: *Гимон Т. В.* Рубеж XII–XIII вв. в новгородском летописании // *Slověne*. 2017. № 2. С. 169–177.

¹⁷ *Бегунов Ю. К.* Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-ой и Софийской 1-й летописей // *Новгородский исторический сборник*. Новгород, 1959. № 9. С. 234.

есмь умомъ, нъ молитвою ... начатокъ положих ... Скажемъ въкратцѣ» [НПЛ МИ: 289–290, 292 (1240)]. То обстоятельство, что повесть о житии Александра Невского разнесена по разным погодным статьям и в ней пропущены некоторые известия НПЛ СИ¹⁸, подтверждает сознательное редактирование этого фрагмента переписчиком. В некоторых случаях в высказываниях книжников наблюдаются грамматические замены. Так, глагол в форме первого лица мог быть заменен в НПЛ МИ глаголом в форме третьего лица («и купляхомъ по гривнѣ хлѣб и поболшю, а ржи 4-ю часть кади купляхомъ по гривнѣ серѣбра» [НПЛ СИ: 71 (1230)] и «купляху по полугрѣвнѣ хлѣбець» [НПЛ МИ: 279 (1230)]), а глагол в форме третьего лица, наоборот, мог быть заменен глаголом в форме первого лица («купляху» [НПЛ СИ: 69 (1228)] и «купляхомъ» [НПЛ МИ: 271 (1228)]). Иногда глагол в форме первого лица мог быть опущен переписчиком («не видѣхомъ свѣтла дни» [НПЛ СИ: 67 (1228)] и [НПЛ МИ: 272 (1228)]), что также является редакторской правкой. Отметим, что подавляющее большинство изменений переписчиком высказываний от первого лица относится к текстам, созданным пономарем Тимофеем (1226–1274).

Риторические вопросы и восклицания также подвергались редакторской правке. В частности, они могли быть заменены переписчиком эмоционально нейтральными высказываниями:

НПЛ СИ

«Но оже богъ по нас, кто же на ны» [НПЛ СИ: 67 (1228)],
«о милосердие его великое» [НПЛ СИ: 80 (1251)].

НПЛ МИ

«Нъ аще богъ по нас, никтоже на нас» [НПЛ МИ: 274 (1228)],
«милосердие его велико» [НПЛ МИ: 305 (1251)].

Вероятно, подобные изменения вызваны желанием книжника выдержать летописный текст в едином, менее эмоциональном стиле, что не согласуется с высказывавшейся ранее точкой зрения о том, что основным направлением работ автора НПЛ МИ было «стилистическое приукрашивание», включая «риторические дополнения ..., изменяющие текст не в фактическом, а в эмоциональном отношении»¹⁹. Вероятно, указанное наблюдение справедливо не во всех случаях. Помимо этого, в НПЛ МИ отсутствуют риторический вопрос («не проклятье ли и трясение; или вашъ сродникъ оканьнии Святопѣлкъ» — [НПЛ

18 Там же. С. 233.

19 Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // Труды отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 122–123.

МИ: 258–260 (1218)) и риторические восклицания («О, велика бѣда» и «О, велика сѣця» — [НПЛ МИ: 185–186 (1066), 190–191 (1069)]) вместе с соответствующими фрагментами погодных статей.

При составлении текста НПЛ МИ многие указания на время также подверглись изменению. В ряде случаев переписчики предлагали сокращенный вариант датировки:

НПЛ СИ	НПЛ МИ
«мѣсяця июля въ 19, преже 14 каланда августа, на сборъ святыя Еуфимие, въ 3 час дне, а луне небеснѣи въ 19 день» [НПЛ СИ: 24 (1136)],	«мѣсяца июля въ 19, на сборъ святыя Еуфимиа» [НПЛ МИ: 209 (1136)] ²⁰ ,
«мѣсяця априля въ 14, въ вторую недѣлю по велице дни, индикта първаго» [НПЛ СИ: 33 (1168)],	«априля въ 14 день» [НПЛ МИ: 220 (1168)],
«по вечернии, въ час 10 дни» [НПЛ СИ: 37 (1181)] ²¹ .	«по вечерънии» [НПЛ МИ: 226 (1181)].

Примечательно, что присутствующие в НПЛ СИ календы и индикты²² (что свидетельствует о знакомстве новгородского книжника с системой римского летоисчисления) были сокращены переписчиком, который, вероятно, посчитал их излишними. В других случаях, наоборот, более краткие указания на время могли быть дополнены составителем НПЛ МИ:

НПЛ СИ	НПЛ МИ
«июня въ 10» [НПЛ СИ: 72 (1233)],	«мѣсяца июня въ 10, на память святого отца Тимофѣя в пяток въ 1 час дни» [НПЛ МИ: 282 (1233)],
«июня въ 10, съ вечера» [НПЛ СИ: 73 (1234)].	«мѣсяца июня въ 10, на память святого отца Тимофѣя въ 1 час ноци» [НПЛ МИ: 283 (1234)].

20 А. А. Шахматов полагал, что летописное известие [НПЛ СИ: 24 (1136)] принадлежит Кирику Новгородцу (цит. по: *Щапов Я. Н.* Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: [сб. ст.]. М., 1978. С. 338–339). Сокращение датировки в [НПЛ МИ: 209 (1136)] ранее отмечено Я. Н. Щаповым (см.: *Щапов Я. Н.* Древнеримский календарь... С. 344).

21 Е. Л. Конявская полагает, что «при “косом” часе 10-й час дня вполне мог совпадать с вечерней» (*Конявская Е. Л.* Время суток в раннем летописании // Средневековая Русь. 2012. № 10. С. 130).

22 Календа — первый день месяца в древнеримском календаре. Индикт — порядковый номер года в каждом промежутке из 15 лет (индиктионе), который указывался после обычной календарной даты. Подробнее об индиктах и календах см.: *Климишин И. А.* Календарь и хронология. М., 1985. С. 82–83, 197–198.

В этом случае летописные датировки расширились традиционными упоминаниями праздников по церковному календарю. Поскольку подобные летописные сообщения о времени события могли быть сделаны не очевидцем, а переписчиком, отнесению хронологических формул к средствам актуализации достоверности повествования должен предшествовать их текстологический анализ. Некоторые изменения упоминаний о времени в НПЛ МИ могли иметь вид лексических замен:

НПЛ СИ	НПЛ МИ
«близь не весь день» [НПЛ СИ: 26 (1141)], «въ пятници» [НПЛ СИ: 42 (1194)],	«мало не весь день» [НПЛМИ: 211 (1141)], «в пяток» [НПЛ МИ: 233 (1194)],
«бысть ночь» [НПЛ СИ: 65 (1228)],	«приспѣвши ноци» [НПЛ МИ: 270 (1228)],
«въ срьдь утра» [НПЛ СИ: 69 (1230), 89 (1271)].	«в полъутра» [НПЛ МИ: 276 (1230), 321 (1271)].

Это говорит о том, что новгородские книжники стремились передать содержание летописи, но не копировали²³ текст подлинника.

Подводя итоги, можно сказать, что в ряде фрагментов НПЛ СИ, написанных конкретными книжниками, можно выделить характерные для них формы авторского присутствия. Вместе с тем многие авторские экспликации присутствуют в разных фрагментах, что свидетельствует не об индивидуальной манере летописцев, а об особенностях текста НПЛ СИ в целом. Для новгородских летописцев характерны сочетания высказываний от первого лица с высказываниями от третьего лица (которые часто выдержаны в традиционном для Средневековья самоуничжительном ключе), внимание к погодным явлениям и событиям повседневной жизни. Отметим, что новгородские книжники практически никогда не соотносили разные фрагменты НПЛ СИ друг с другом, что наблюдается в южнорусской летописной традиции. Сопоставление форм авторского присутствия в двух изводах НПЛ позволило выявить случаи редактирования текста протографа. В основном это проявилось в уменьшении числа высказываний от первого лица, риторических вопросов и восклицаний и в изменении датировок в русле христианской традиции. Замена некоторых риторических вопросов и восклицаний эмоционально

²³ Возможно, подобные замены были связаны с языковыми изменениями XI–XV вв. Некоторые лингвистические особенности указывающих на время лексем рассмотрены в: *Гунтуис А. А.* Новгородская владычная летопись... С. 179–183.

нейтральными высказываниями, вероятно, свидетельствует о стремлении переписчиков уменьшить экспрессивность фрагмента НПЛ СИ 1220–1250-х гг. Упоминания часа или подробная датировка события не обязательно являются свидетельствами очевидца, так как они могли быть добавлены переписчиком в последующее время. Сделанные наблюдения позволяют предположить, что редакторская правка исходного текста могла относиться к фрагменту, написанному любым из предшествующих летописцев.

Источники и литература

Бегунов Ю. К. Житие Александра Невского в составе Новгородской 1-ой и Софийской 1-ой летописей // Новгородский исторический сборник / под общ. ред. Д. С. Лихачева. Новгород: Новгородский историко-архитектурный музей-заповедник, 1959. № 9. С. 229–238.

Гимон Т. В. Редактирование летописей в XIII–XV вв.: разночтения между списками Новгородской 1 летописи // Труды Отдела древнерусской литературы. 2006. Т. 57. С. 112–125.

Гимон Т. В. Рубеж XII–XIII вв. в новгородском летописании // Slověne. 2017. № 2. С. 163–187.

Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник / отв. ред. В. Л. Янин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. № 6 (16). С. 3–72.

Гиппиус А. А. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении) // Лингвистическое источниковедение и история русского языка: [сб. ст.] / отв. ред. А. М. Молдован. М.: Древлехранилище, 2006. С. 114–251.

Иванайнен О. В. «Азь» летописца в «Повести временных лет», его варианты и способы выражения // Герменевтика древнерусской литературы. 2014. Сб. 16–17. С. 389–582.

Климишин И. А. Календарь и хронология. М.: Наука, 1985. 320 с.

Конявская Е. Л. Проблема авторского самосознания в летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2000. № 2 (2). С. 65–75.

Конявская Е. Л. Время суток в раннем летописании // Средневековая Русь. 2012. № 10. С. 126–134.

Лурия А. Р. Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974. 172 с.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 640 с.

Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1908. 938 стб.

Прозоровский Д. И. Кто был первым писателем первой Новгородской летописи? // Журнал министерства народного просвещения. 1852. Ч. LXXV. С. 1–28.

Симонов Р. А. Часомерие в ряду отреченных знаний // Герменевтика древнерусской литературы. 2008. Сб. 13. С. 571–600.

Шапов Я. Н. Древнеримский календарь на Руси // Восточная Европа в древности и средневековье: [сб. ст.] / отв. ред. Л. В. Черепнин. М.: Наука, 1978. С. 336–345.

References

Begunov, Iu. K. “Zhitie Aleksandra Nevskogo v sostave Novgorodskoi 1-oї i Sofiiskoi 1-oї letopisei.” *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, ed. by D. S. Likhachev. Novgorod: Novgorodskii istoriko-arkhitekturnyi muzei-zapovednik, 1959, no 9, pp. 229–238.

Gimon, T. V. “Redaktirovanie letopisei v XIII–XV vv.: raznochteniia mezhdru spiskami Novgorodskoi 1 letopisi.” *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 2006, vol. 57, pp. 112–125.

Gimon, T. V. “Rubezh XII–XIII vv. v novgorodskom letopisanii.” *Slověne*, 2017, no 2, pp. 163–187.

Gippius, A. A. “K istorii slozheniia teksta Novgorodskoi pervoi letopisi.” *Novgorodskii istoricheskii sbornik*, ed. by V. L. Ianin. St Petersburg: Dmitrii Bulanin, 1997, no 6 (16), pp. 3–72.

Gippius, A. A. “Novgorodskaia vladychnaia letopis' XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriia i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii).” *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriia russkogo iazyka*, ed. by A. M. Moldovan. Moscow: Drevlekhranilishche, 2006, pp. 114–251.

Ivanainen, O. V. “«Az» letopista v «Povesti vremennykh let», ego varianty i sposoby vyrazheniia.” *Germentika drevnerusskoi literatury*, 2014, issue 16–17, pp. 389–582.

Klimishin, I. A. *Kalendar' i khronologiia*. Moscow: Nauka, 1985, 320 p.

Koniavskaia, Je. L. “Problema avtorskogo samosoznaniia v letopisi.” *Drevniia Rus' . Voprosy medievistiki*, 2000, no 2 (2), pp. 65–75.

Koniavskaia, Je. L. “Vremia sutok v rannem letopisanii.” *Srednevekovaia Rus' , 2012, no 10, pp. 126–134.*

Lurii, A. R. Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh protsessov. Moscow: Nauka, 1974, 172 p.

Simonov, R. A. “Chasomerie v riadu otrachennykh znaniĭ.” *Germentika drevnerusskoi literatury*, 2008, issue 13, pp. 571–600.

Shchapov, Ia. N. “Drevnerimskii kalendar' na Rusi.” *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e*, ed. by L. V. Cherepnin. Moscow: Nauka, 1978, pp. 336–345.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.02

A. V. Shapovalov

Ways of authors' presence in the First Novgorod Chronicle

Alexey V. Shapovalov

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie gory 1, str. 51, Moscow, Russian Federation

E-mail: omeganom@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3230-3682

Citation

Shapovalov A. V. Ways of authors' presence in the First Novgorod Chronicle // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 148–161 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.02

Received: 30.06.2021.

Abstract

The article is devoted to the study of the ways of authors' presence in the First Novgorod Chronicle, such as first-person narration, rhetorical questions and exclamations, some chronological formulas. At first, they are consequently considered in fragments presumably written by a single author. After that, the researcher dwells upon similar phrases in fragments written by different authors. The combination of first- and third-person narration, cases of quotes from authoritative texts as well as attention of the chroniclers to weather phenomena, indications of a moment in time or a time interval in chronological formulas are noted. Remarks of the chroniclers from Novgorod and from Kiev are compared. The number of authors' explications in the text of the First Novgorod Chronicle starts to decrease in the end of the 13th century. Discrepancies in the ways of the authors' presence in the texts of the senior and junior editions of the Novgorod First Chronicle are given. Some cases of lexical and grammatical substitutions by scribes are revealed. The possibility of updating the authenticity and subjectivity of the chronicle narration through the authors' explications, as well as cases of using similar expressions by different scribes as possible manifestations of the chroniclers' self-awareness are discussed.

Keywords

First Novgorod Chronicle, first-person narration, third-person narration, rhetorical question, rhetorical exclamation, chronological formula.

Номинация святилищ в выполненных с польского языка русских переводах «Метаморфоз» Овидия начала XVIII века¹

Матвеевко Екатерина Алексеевна
Аспирант
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, 1, Москва, Российская Федерация
E-mail: ea.matveenko@gmail.com
ORCID: 0000-0002-3192-6688

Цитирование

Матвеевко Е. А. Номинация святилищ в выполненных с польского языка русских переводах «Метаморфоз» Овидия начала XVIII века // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 162–182.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.03

Статья поступила в редакцию 01.07.2021.

Аннотация

В статье рассматриваются принципы перевода лексем, называющих сакральные постройки, в двух русских переводах «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. Оба русских перевода были выполнены с польской комментированной версии В. Отвиновского “*Księgi Metamorphoseon, to jest, Przemian*” (Краков, 1638). В латинском оригинале Овидия для номинации языческих святилищ чаще всего употреблены лексемы *templum*, *aedes* и *delubrum*. В польской версии текста в абсолютном большинстве случаев им соответствует лексема *kościół*.

В первом русском переводе лексеме *kościół* в значении ‘языческое святилище’ соответствует *капище*, а во втором переводе представлен ряд неравномерно распределенных синонимов: *капище*, *церковь*, *божница*, *костел*. Из них лексемы *капище* и *божница* можно считать достаточно стандартными вариантами наименования языческих храмов в выполненных в русской среде текстах, а вот случаи употребления в таком значении лексем *костел* и *церковь* более характерны для западнорусской письменной традиции.

¹ С благодарностью к. ф. н. доц. Оксане Александровне Остапчук.

Сравнение с другим старопольским переводом «Метаморфоз», изданным Я. Жебровским (Краков, 1636), показало, что русские переводчики не использовали этот текст как дополнительный источник.

Ключевые слова

Переводы с польского языка, Петровская эпоха, номинация святилиц, русско-польские связи.

В первой трети XVIII в. в России появились два полных прозаических перевода «Метаморфоз» Овидия. Они были выполнены не напрямую с латинского оригинала, а с комментированного перевода поэмы на польский язык “Księgi Metamorphoseon, to jest, Przemian” Валериана Отвиновского (Краков, 1638 г.) (Николаев 2008: 189).

Первый русский перевод, созданный не позднее 1706 г., сохранился в пяти списках разного состава (Николаев 2008: 189) и по ряду признаков разделяется на две редакции (Мольков 2016: 454–463)². Второй перевод, датируемый первой третью XVIII в., сохранился в трех списках разного состава (Николаев 2008: 189)³, оснований предполагать в нем разделение на редакции на данный момент нет.

Статья представляет промежуточные результаты исследования переводческих стратегий, реализованных в двух русских переводах «Метаморфоз». В качестве материала были выбраны наименования сакральных построек. Русские переводы были проанализированы в объеме первых пяти книг «Метаморфоз». Первый перевод представлен по рукописи с текстом ранней редакции БАН П I Б. № 101 (17.14.21), поскольку расхождений в выборе вариантов перевода названий святилиц между редакциями первого перевода нет, второй перевод цитируется по рукописи БАН Тек. Пост. № 744⁴.

2 Ранняя редакция первого перевода: списки ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 21059/3287 (книги 13–15), ГИМ Собр. Синодальное № 809 (книги 1–12), БАН П I Б. № 101 (17.14.21) (книги 1–8), поздняя редакция первого перевода: РГАДА Ф. 181. № 671/1183 (книги 1–4) и РНБ Q.XVIII.4 (книги 1–4).

3 Списки БАН Тек. Пост. № 744 (книги 1–5), ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561/3605 (книги 11–15), ЦНБ АН Украины. Собр. Киево-Печерской лавры № 334п/225 (состав рукописи не указан).

4 Случаи привлечения иных рукописей в статье оговариваются отдельно.

Наименование храма (с указанием числа контекстов, в которых оно фигурирует)	Овидий	Я. Жебровский (1636)
храмы без уточнения — 6: Ovid (1:287), (2:77), (3:521), Otw. (I, 19, N, s. 44), (I, 20, B, s. 45), (II, 1, Ii, s. 57)	tectum x2, delubrum, —, —, —	przybytek, cerkiew, kościół, —, —, —
храм Фемиды — 3: Ovid (1:373), (1:375), (1:381)	delubrum deae, templum x2	cerkiew x2, kaplica
храмы Эпафа — 2: Ovid (1:750), Otw. (I, 20, B, s. 45)	templum, —	cerkiew, —
храмы Бахуса — 2: Ovid (4:606), Otw. (IV, 12, D, s. 168)	templum, —	cerkiew, —
храмы Минервы — 5: Ovid (4:798), Otw. (IV, 14, I, s. 173), (IV, 15, arg, s. 175), (IV, 15, s. 177), (IV, 15, Q, s. 178)	templum, —	cerkiew, —
храм Аполлона в Дельфах — 3: Ovid (5:278), Otw. (I, 13, N, s. 30), (II, 16, B, s. 90)	templum, —, —	cerkiew, —, —
храм Исиды — 1: Otw. (I, 20, B, s. 45)	—	—
храм Вулкана — 1: Otw. (I, 19, N, s. 44)	—	—
храмы Зевса — 2: Otw. (I, 20, B, s. 45), (V, 1, F, s. 181)	—	—
храм Деркетто — 1 Otw. (IV, 1, Ee, s. 140)	—	—
храм Аполлона в Ливии — 1: Otw. (V, 1, F, s. 181)	—	—

В. Отвиновский (1638)	первый русский перевод	второй русский перевод
kościół x7	капище x7	церковь x4, божница x2, капище
kościół x3	капище x3	костелъ x3
kościół x2	капище x2	божница x2, костелъ
kościół x2	капище x2	капище, —
kościół x7	капище x7	капище x6
kościół x3	капище x3	капище, костелъ, божница
kościół	капище	костелъ
kościół	капище	болница (!)
kościół x3	капище x3	божница, костелъ, капище
kościół	капище	божница
kościół	капище	божница

Отправной точкой для исследования послужил анализ употребления названий сакральных построек в латинском тексте Овидия и польском переводе В. Отвиновского⁵. В латинском тексте Овидия во всех случаях речь идет о языческих святилищах, для их номинации чаще всего используются лексемы *templum*, *delubrum* и *aedes*. В польском переводе В. Отвиновского основным и почти единственным вариантом перевода этих лексем стал *kościół*: это слово употреблено в 62 из 68 случаев в основном тексте поэмы и в 104 случаях из 105 в аргументах и толкованиях к основному тексту⁶.

Работая с текстом В. Отвиновского, русские переводчики, таким образом, переводили сочинение Овидия, в котором речь шла о языческих святилищах, но при этом имели дело не с самой античной поэмой, а с ее переработанной в инославянской среде версией, в которой основным вариантом номинации этих святилищ была лексема *kościół*, ассоциировавшаяся прежде всего с католическими храмами.

Для дальнейшего анализа будет удобно свести данные из латинского оригинала Овидия⁷, польского перевода В. Отвиновского⁸ и двух выполненных с издания В. Отвиновского русских переводов в таблице⁹. К сравнению также добавлены контекстуально соответствующие лексемы из старопольского перевода «Метаморфоз», выполненного в 1636 г. Якубом Жебровским¹⁰. Текст Я. Жебровского мог быть дополнительным источником для русских переводчиков, эту версию необходимо проверить.

5 Результаты подробно представлены в: (Матвеевко 2021: 62–77).

6 Контексты, в которых В. Отвиновский все-таки выбирал иные лексемы, находятся не в первых пяти книгах поэмы, так что в рамках данного исследования они не рассмотрены.

7 Все примеры из латинского текста «Метаморфоз» цитируются по изданию: (Magnus 1892).

8 Все примеры из перевода В. Отвиновского цитируются по изданию: (Otwinowski 1638). Все цитаты даются в современной орфографии.

9 Контексты в таблице объединены по содержанию — в зависимости от того, о каком святилище идет речь. Отсылки к контекстам из основного текста даны по латинскому тексту Овидия, отсылки к толкованиям и аргументам даны по изданию В. Отвиновского, поскольку толкований и аргументов нет в оригинале у Овидия и в переводе Я. Жебровского. В случаях, когда в каком-то источнике нет контекста или наименование храма в соответствующем контексте пропущено, стоит знак «←».

10 Все примеры из перевода Я. Жебровского цитируются по изданию: (Żebrowski 1636).

Как видно, в первом русском переводе «Метаморфоз» лексема *kościół* во всех контекстах из первых пяти книг переведена одинаково — **капище**. Во втором переводе **капище** также присутствует и лидирует по числу употреблений, но помимо нее фигурируют варианты **костель**, **церковь**, **божница**. В первых трех и частично четвертой книгах второго перевода эти четыре лексемы варьируются, в четвертой (частично) и в пятой книгах **капище** — единственное соответствие. В числовом соотношении на 31 употребление лексемы *kościół* 10 раз приходится **капище**, 9 — **божница**, 7 — **костель**, 4 — **церковь**¹¹.

Рассмотрим группы контекстов из второго перевода в зависимости от выбора соответствия для лексемы *kościół*.

Kościół — **церковь**

Соответствие *kościół* — **церковь** дважды встречено в переводе основного текста и дважды в переводе толкований. По контекстам значение рассматриваемых лексем невозможно трактовать однозначно как ‘языческое святилище’, подходящим, как кажется, является и нейтральное ‘храм вообще’.

1. Otw. (I, 9): *Lecą po otworzystych polach zwylewane z brzegow rzeki \ prowadząc osiewki zabrane \ niosą drzewa \ i bydła \ ludzie \ z domami \ i kościoły \ z ichże świętymi ogniami* (s. 19).

Реки и береговъ рѣливали по полямъ широкі потопляя древа и ско и люди з домами и цркви съ и свѣтими жѣтвами (л. 13).

2. Otw. (I, 19, N): *Io nierządnicą, z krowy w Nimfę przemieniona, była też miana za Boginią, i była chwalona w Kościelech od Xiężcy Aegiptskich* (s. 44).

Ио блвница ис коровы в нимфѣ преворѣнна, была такъже почитана за богиню и была хвалена в црквахъ о свещенникѣ египецки (л. 32об.).

3. Otw. (II, 1): *Podobno się spodziewasz \ że i poświęcone gaje \ i miasta Bogów zacnie wystawione \ i Kościoły tam ujrzysz \ pełne skarbów drogich* (s. 52).

Подобно ѣво надѣся что и повеценые леса и места бгѣвъ ирядно ѣстроеные и цркви тамъ ѣвидишь напоены сокровищъ драги (л. 43об.).

¹¹ В одном из контекстов соответствия для лексемы *kościół* нет.

4. Otw. (II, 1, Ii): *Bo nie jakie spokojne i przyjemne widziadła, miały bydż wystawione w niej oczom jego; jakie są lasy, pola, Miasta, Kościoły bogate: ale srogich zwierzow kształty* (s. 57).

Ибо не какне спокóные и приемные видения имели бы^Т вы^Ставлены^Н очамъ его тако с^Ттъ с^Тла поля городаы ц^Ркви бо^Нжныы (!) пот^Мо страшны^Х з^Вверé подобия (л. 44).

Лексема **ц^Рквы** с древнейших старославянских памятников известна в значениях ‘храм’, ‘сборище, собрание народа’, ‘христианская община’ (СС 1994: 772; SJS 8: 830–831). Из исторических словарей русского языка пока ее можно найти только в словаре И. И. Срезневского, где она зафиксирована со значениями ‘христианский храм’, ‘храм вообще’, ‘собрание верующих во Христа’, ‘вероисповедание’, ‘обязанности по отношению к церкви’, ‘церковная власть’, ‘местная церковь, епархия’, ‘приход’, ‘церковное ведомство’ (Срезневский 3: 1444–1447). В первом значении **ц^Рквь** противопоставлялась языческим святилищам, в том числе лексеме **капище**, например: «**капища разорнишася и ц^Ркви поставляются**» («Слово о законе и благодати» митр. Иллариона), а во втором могла выступать номинацией для них (в соответствии с греч. ιερόν): «**ниже кр^Сстьяннъ д^Реванное масло принесеть въ ц^Рк^Вь языкъ**» («Ефремовская кормчая»)¹². Употребления этой лексемы применительно к иноверческим сакральным постройкам засвидетельствованы и в текстах более позднего периода — например, в «Путешествии стольника П. А. Толстого по Европе» (1697–1699): «**да на предместии ц^Рковь римская ж д^Ревянная, у той ц^Ркви жив^Ут законники римляне**» (Толстой 1992: 12), однако храмы язычников П. А. Толстой называет **божницами**. «**полаты и божницы поганских богов**» (Толстой 1992: 132). В «Национальном корпусе русского языка», как кажется, находятся только два примера употребления лексемы **ц^Рквь** в связи с языческими храмами, оба из «Степенной книги» середины XVI в.: «**той святой Климентъ [...] ц^Ркви идольскія разори, ихъ же б^Яше числомъ 13**»; **тамо же и конецъ житію пріятъ**» (лл. 193 об.–194) и «**отъ языкъ ц^Ркви устроены обновившеся отъ нечестія благодатною во Христа в^Трою [...]**» (л. 77 об.).

В словаре староукраинского языка XIV–XV вв. лексема **ц^Рквь** зафиксирована со значениями ‘культовое сооружение, предназначенное для богослужений’, ‘церковно-феодалная единица землевладения’, ‘христианская религиозная организация’ и ‘служители церкви’. По

12 Оба примера цит. по: (Срезневский 3: 1445).

представленным контекстам видно, что лексема могла употребляться в отношении построек и собрания верующих как минимум разных христианских церквей: православной, католической и армянской (ССМ I: 524–525). В историческом словаре белорусского языка этой лексеме соответствуют значения ‘объединение верующих и духовенства на основании общности веры’, ‘постройка для отправления православного богослужения’ и ‘храм вообще’ (ГСБМ 36: 232–233). В первом значении *церковь*, согласно примерам, могла употребляться и как оппозиция лексеме *костель*, и как ее синоним, а в иллюстрациях к третьему значению есть контексты, где слово *церковь* употреблено в отношении языческих храмов: «оу которыхъ оуси цркви и слоужбы болванске» («Повесть о трех королях-волхвах» конца XV в.) (ГСБМ 36: 232–233).

Суммируя данные словарей, можно сделать вывод, что примерно до конца XVI в. лексема *церковь* могла функционировать как нейтральное наименование сакральной постройки и в русских, и в западнорусских текстах, но употребление этой лексемы в отношении языческих храмов для русских текстов конца XVII — начала XVIII в. не характерно.

Kościół — *костель*

Перевод *костель* встречается в одном контексте из основного текста поэмы и двух контекстах из толкований. Особого внимания заслуживает последний пример, в котором *костель* и *божница* соседствуют во фрагменте и явно синонимичны. Во всех контекстах, как кажется, четко выявляется, что речь идет именно о посвященных языческим богам святилищах.

1. Otw. (I, 11): *Gdzie skoro oboje \ szaty i glowy niemi pokropili swoje \ szli nawiedzic Boginiej **kościół** spustoszały \ [...]. tamże sami skoro **Kościelnych** stopniow dotkli się nogami [...] Wzruszona jest Bogini i \ odpowiedz słowy tymi dała: Wychodźcie z **kościola** \ a glowy przykryjcie* (s. 23).

оба купно и одежды и главы теми водами покропивши пошли посетить богининь *костѣ*^А запустелый [...]^А. тамже сами какъ скоро *костѣны*^А *праго*^М dotкнүлися ногами [...] *вобүждѣна*^Н сүть богиня и *оповедала*^Т такими словами *выдите*^В ис *костела*^А а главы прикротѣ (л. 16).

2. Otw. (I, 13, N): *Delphy było miasto Phocydy krainy, nie daleko Parnassu gory. Tam Poganie postawili **kościół** ku chwale Apollinowi* (s. 30).

[...] Недале *ѡ*^Т *Поназү*^Р когда тамъ поганы поставили *костѣ*^А на *валү*^Х *аполина*^А (л. 19 об.).

3. Otw. (I, 20, B): *Poeta [...] i tu powieda, że Epaphowi tuż przy kościołach ojcowskich, kościoły też budowano. To jest, gdziekolwiek jedno był kościół Jowiszow, tuż stawiono drugi Epaphowi. Może się i tak rozumieć, że gdziekolwiek był kościół Isidy [...] tam też drugi był budowany Epaphowi synowi Isidy* (s. 45).

И тѣ^Т поведаєтъ что Ѣпагови тѣ^Т же при божицѣ^Х оцовски^Т Ѣжницы строили еже есть где ни бы^А костѣ^А Иовишовъ построєнъ тѣ^Т же былъ другó построє^Н костѣ^А Ѣпагови и може и та^К разүметися что где ни (?) былъ костѣ^А Исиды матери Ѣпаговó тамъ другó былъ строєнъ Ѣпагови снѣ^А Исиды (л. 34).

В «Словаре русского языка XI–XIV вв.» лексема **КОСТЕЛЪ** отсутствует, в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» зафиксирована в значениях ‘римско-католический храм’ и ‘римско-католическая церковь вообще, римско-католическое вероисповедание’ (СлРЯз XI–XVII 7: 367; Пентковская 2019а: 285). В «Словаре русского языка XVIII в.» этой лексеме соответствуют значения ‘римско-католический храм’ и ‘крепость’ (СлРЯз XVIII 10: 202). В церковнославянских текстах эта лексема встречается со значением ‘башня, крепость’ в соответствии с греч. *τύρος*, и *καστέλλα* и лат. *turris* (Срезневский 1: 1295; Пентковская 2019а: 285).

В качестве номинации римско-католического храма лексема **КОСТЕЛЪ** в русской богословской терминологии XVII в. не была нейтральной: она противопоставлялась лексеме **ЦЕРКОВЬ** в системе оппозиций православных и проникших в Москву под западнорусским влиянием католических понятий, ср. аналогичные пары: **БИСКУПЪ** — **ЕПИСКОПЪ**, **САКРАМЕНТЪ** — **ПРИЧАСТИЕ**, **ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИЕ СВЯТЫХ ДАРОВ** — **ПРЕЛОЖЕНИЕ СВЯТЫХ ДАРОВ** (Успенский 2002: 423).

Отдельно стоит отметить случаи *употребления лексемы КОСТЕЛЪ в русских текстах в отношении иноверческих храмов, не связанных с католической средой*. Такой пример есть в изданном в 1716 г. первом русском полном переводе Корана, выполненном с французского языка: **КОСТЕЛЪ** как перевод лексемы *temple* употреблен применительно к мечети (Пентковская 2019б).

Из доступных исторических словарей украинского языка лексема **КОСТЕЛЪ** зафиксирована в словаре XIV–XV вв., приведено одно толкование — ‘костел’, в иллюстрирующих контекстах речь идет о церкви как организации вообще и о конкретном люблинском костеле как постройке (ССМ 1: 502). В историческом словаре белорусского языка лексема **КОСТЕЛЪ** зафиксирована со значениями ‘костел’, ‘храм,

святыня», ‘христианская церковь’, ‘вероисповедание’ (ГСБМ 16: 49–50). Обращает на себя внимание, что во всех шести примерах, иллюстрирующих функционирование этой лексемы во втором значении, речь идет о языческих храмах, например: «**БОЛВАНСКІЕ КОСТЕЛЫ**», «**КОСТЕЛЬ ДИЯННЫ БОГИНИ**» (ГСБМ 16: 49–50).

Установление связи с традицией функционирования рассматриваемой лексемы осложняется временным разрывом между источниками данных для словарей и исследуемыми переводами, однако кажется возможным предположить, что употребление слова **КОСТЕЛЬ** применительно к языческим святилищам было в целом стандартным для западноевропейской традиции и крайне редким для русской.

Kościół — **БОЖНИЦА**

Лексема **БОЖНИЦА** чаще представлена в контекстах из толкований к основному тексту. Как было отмечено ранее, **БОЖНИЦА** могла соседствовать с лексемой **КОСТЕЛЬ** в одном толковании. В контекстах (1), (2), (4), (5) значение ‘языческое святилище’ для лексемы *kościół* является, как кажется, легко, некоторые сомнения вызывают первые два употребления в контексте (3): в них значение этой лексемы можно было трактовать и как ‘храм вообще’¹³.

1. Otw. (I, 19, N): *Isis [...] po śmierci swojej chwały Bogom należącej dostąpiła, w kościele Wulkanowym [...] pogrzebiona będąc* (s. 44).

Исида [...] по сме^Рти сво^Ме хвалы бо^Вг нале^Ажаще до^Ат^Апила в **БО^АНИЦЕ** (!) ву^Аканово^А [...] по^Агревена бу^Ад^Ачи (л. 32об.).

2. Otw. (I, 20): *ludzie wierzą że ze krwi samego Epaphus właśnie wyszedł Jowisza wielkiego \ i zawsze to po wszystkich mieściech zachowuią \ że mu tuż przy ojcowskich kościoły budują* (s. 45).

люди верят^Т что во^Т крови са^Ммого Иовиша велико^Вго ро^Жд^Ань Епа^Спу и всегда то во все^Хх ме^Аста^Х храня^Т что ем^У при о^Тцовски^Х **БОЖНИЦА^Х** строят **БОЖНИЦЫ** (л. 33об.–34).

3. Otw. (I, 20, B): *Tak był zdawna szatan ludzi pomamił, że ludziom zacnym po śmierci kościoły murowali, i chwałę Boską wyrządzali. [...] Isidę w kościołach Aegiptskich nabożnie chwalili Kapłani [...] Poeta [...] i tu powie-
da,*

¹³ В сводной таблице эти два употребления отнесены к группе «храмы без уточнения».

że Epaphowi tuż przy **kościelach** ojcowskich, **kościoly** też budowano (s. 45). такъ н^здавна д^знявѣ людѣ соблаз^лни, что людѣ славны по смѣ^мти **вожницы** строили каменны^х и хвалу **вжескою** изображали. [...] Исиду в **вожница**^х египецки божески хвалили свѣ^тшеники [...]. И т^т поведаеть что Епагови т^т же при **вожница**^х оцовски **вжницы** строили (л. 34).

4. Otw. (II, 16, B): *Delphi było Miasteczko w Phocydzie, tam Apollo miał **kościół** sławny, w którym przez obraz odpowiedzi dawał pytającym: a nie on to sam czynił, ale szatan, pod imieniem jego* (s. 90).

Д^ла ѿи вы ^лгород^к во ^лФоцыде тамо ^лАпол^ло имѣ ^лво^жни^цу славн^у в которо^у чрѣ ^зобразъ ^тповѣди дава^л вопрошающ^и н^вбо не онъ то самъ чини^л но д^знявѣ ^лпо^дименѣ ^мего (л. 80об.).

5. Otw. (IV, 1, Ee): *O tej pisze Diodorus [...]: że nie daleko Askalonu jest jezioro, tam jest **kościół** zacnej Boginiej, którą Syrowie zową Dercetem* (s. 140).

о то^у пишѣ ^тДиодору^с [...] что недалеко о^т ^лАскалону^у естъ озеро тамо естъ **вожница** ^нрядно^у богине каторю^ю сирове нмян^ю ^тДе^рцето^м (л. 116об.).

Лексема **вожница** имеет общеславянское происхождение (ЭССЯ 2: 229), однако она считается регионализмом, встречаемым только в севернославянских языках (Молдован 2000: 84–85; Пичхадзе 2011: 106). Изначально у северных славян **вожница** и **църковь**, вероятно, сосуществовали как синонимы для номинации молельного дома, а затем оформилось их семантическое расхождение: у лексемы **църковь** возобладало значение ‘христианский храм’, а у лексемы **вожница** — ‘нехристианский храм’ (на Руси — неправославный) (Молдован 2000: 85).

В исторических словарях древнерусского языка лексема **вожница** фиксируется с XII в. В «Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.» она включена со значениями ‘помещение для богослужения, църковь’ и ‘намогильная часовня с иконой’ (СДРЯ XI–XIV 1: 279), в словарь И. И. Срезневского — только со значением ‘църковь’ (Срезневский 1: 141–142), а в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» ей соответствуют значения ‘църковь, часовня’ и ‘полка или киот с иконами’ (СлРЯз XI–XVII 1: 274). А. М. Молдован приводит примеры употребления лексемы **вожница** в отношении неправославных храмов из Смоленской грамоты 1229 г. и Новгородской I летописи XV в. (Молдован 2000: 85), а в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» фрагмент с явным

противопоставлением лексем **църковь** и **божница** процитирован из речи Ивана III к послам великого князя литовского Александра Ягеллона конца XV в.: «к латынской ей божницѣ не ходити, а ходити ей къ своей църкви» (СлРЯз XI–XVII 1: 274¹⁴). В «Словаре русского языка XVIII в.» у **божницы** уже нет значения ‘православный храм’, актуальны только ‘здание, место для богослужения (не христианского)’ и ‘полка, киот для икон’ (СлРЯз XVIII 2: 92). Во втором значении *божница* известна и в некоторых современных диалектах (АОС 2: 49; СРНГ 3: 65 (в форме *божица*)).

Описанный А. М. Молдованом сематический сдвиг в значении лексемы **божница** прослеживается и на материале старорусского подкорпуса «Национального корпуса русского языка»: там она зафиксирована в 18 документах, и в источниках до XVI в. употребляется применительно к христианским храмам, а в более поздних — только в отношении нехристианских сакральных построек: китайских буддистских святилиц («Описание Сибири» по списку Императорской Публичной библиотеки, 1690–1700)¹⁵, иудейских и языческих храмов (Толстой 1992: 54, 132), а также мечетей («Скифская история» А. Лызлова, 1692)¹⁶.

В словаре староукраинского языка XIV–XV вв. эта лексема зафиксирована в узком значении ‘божница’¹⁷, синагога’ (ССМ 1: 109). В словаре украинского языка XVI — первой половины XVII в. зна-

14 В словаре ссылка на посольский акт дана ошибочно, на самом деле: Польск. д. 1, № 31, 1495 г. Цит. по: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/10296-t-35-1882#mode/inspect/page/197/zoom/6> (дата обращения: 19.06.2021).

15 Цит. по НКРЯ: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&sr=1&docid=bWlKX3Jlcy9sZXRvcGlzaV92YXJpYS9TaWJfbGV0XzEyLnhtbA%3D%3D&g=i_doc&dpp=5&spp=50&text=lexgramm&kwsz=5&level1=0&mode=mid_rus&parent1=0&nodia=0&formil=%D0%B1%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%B8%D1%86%2A&spd=10&out=normal (дата обращения: 16.06.2021).

16 Цит. по НКРЯ: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&sort=i_grtagging&sr=1&docid=bWlKX3Jlcy92YXJpYTIvTHI6bG92LnhtbA%3D%3D&g=i_doc&dpp=5&spp=50&text=lexgramm&kwsz=5&level1=0&mode=mid_rus&parent1=0&nodia=0&formil=%D0%B1%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%B8%D1%86%2A&spd=10&out=normal (дата обращения: 16.06.2021).

17 В современном украинском языке лексема *божница* имеет два значения: ‘место (угол) в хате или церкви с полочками, на которых стоят иконы’, ‘храм, церковь’ (СУМ 1: 212).

чение ‘синагога, божница’ этой лексеме также присуще, но первым в словарной статье дано значение ‘дом молитв и научения вере, храм’, в иллюстрациях к которому как минимум в трех случаях речь бесспорно идет конкретно о языческих храмах (СУМ XVI — I пол. XVII ст. 3: 10–11). В историческом словаре белорусского языка на первом месте стоит значение ‘полка с образами’, однако в иллюстративном материале к нему представлены примеры функционирования лексемы в качестве номинации иудейского и католического храмов, например: «а **ввходилъ всю Галілею Ёсъ, оучаючи въ божницяхъ ихъ**» («Учительное Евангелие», 1616 г.) (ГСБМ 2: 117). Второе значение — ‘языческий храм’ (ГСБМ 2: 117). Суммируя приведенные данные, можно сделать вывод, что лексему **божница** можно считать практически стандартным вариантом номинации иноверческого, в том числе языческого, храма и в русских, и в западнорусских текстах.

Kościół — капище

Лексема равное число раз встречена и в основном тексте, и в толкованиях. Во всех контекстах, кроме (1), выявляется значение ‘языческое святилище’, а для контекста (1) можно предполагать значение ‘храм вообще’¹⁸, хотя не бесспорно.

1. Otw. (III, 8): *Przyjdzie dzień [...] w który oczywiście zjawi się w ten kąt Liber \ nowy syn Semele: ktorego jeśli chwałą nie uczisz w **kościelie** \ [...] na tysiąc miejsc \ nędzniku \ będziesz rozniesiony* (s. 125).

приде^т день [...] в каторо^у очевидно^д обявится в то^т ко^нт^ь либе^р еже есть Баху^с новы сн^в Семели [...] каторому ежели хвалу не учинишь в **капище** [...] на тысячу мет^ь бе^дно^у будешь ронесены^н (л. 107¹⁹).

2. Otw. (IV, 12): *Wielkich jednak \ od wnuka \ pociech nabawieni. Ktorego zwojowana India chwaleła \ i Achaia **kościoly** \ na cześć mu stawiała* (s. 169).

Великих^х однако^д внук^ь тех^х забавляя о^т которого повоевана^н Ин^дия и вавило^н(?) на хваления **капищи** и на честь ем^у стави^л (л. 138).

¹⁸ В сводной таблице контекст засчитан именно с таким значением лексемы **капище**.

¹⁹ В рукописи этот контекст относится к сказанию 7, а не 8, как в польском оригинале.

3. Otw. (IV, 14, I): *Nastarsza między nimi Medusa, ta [...] tak się Neptunowi spodobała, że jej i w kościele Minerwy nie zfolgował* (s. 173).

Привѣшнѣя между ними Медуза та [...] та Нептунѣнови полюбилъ что еи в капище Минеѣвы непоготи^А (л. 144).

4. Otw. (IV, 15, arg.): *Powiedał k temu, dla czego włosy miała przepletane wężami: że to na nią przypadło z gniewu Boginiej Pallady, ktorej kościół zelżyła* (s. 175).

Поведа^А к тому для чего власы имела преплетанные (!) ѱжами что то на нее припало о^Т гневѣ богини Пола^Ады каторая (!) капище о^Брѣгала (л. 143).

5. Otw. (IV, 15): *Tej rządzca morza [...] śmieie gwałt uczynił w Boginiej Minerwy kościele* (s. 177).

То правитѣ^А моря Нептунѣ^С [...] смело насилне ѱчини^А в капище богини Минеѣ^Ввы (л. 34).

6. Otw. (IV, 15, Q): *Poganie mieli ją (Minerwy. — E. M.) za Boginią dziewictwa, mądrości, wojny, i rzemiest; i kościoły jej po śmierci budowali, i chwałę Boską wyrządzali. Ta rozgniewawszy się na Meduzę, że w kościele jej z Neptunem sprawę miała, włosy na głowie jej w węże obrocila* (s. 178).

Погани имели еѣ за богиню дѣвства мѣ^Дрости ва^Вны и ремесль и капище^Е е по смѣ^Рти строили и валѣ^Х вжескѣю о^Тпровляли. Та ра^Згневавшися на Медузѣ что в капище еѣ с Нептунѣ^М бл^Дчинила власы на главе еѣ в ѱжи претворила (л. 34).

Otw. (V, 1, F): *A z jakiejby okazji zbudowano Apollinowi kościół na piaskach Libijskich, tak Poetowie wspominają. [...] zbudowali tedy z tej okazji, na tamtym miejscu, kościół Jowiszowi Poganie* (s. 181).

А^Т о како^Рго бы случая Апо^Аллиново капище на песк^Х ливнѣ^Хскѣ^Х та^О томъ поетове во^Споминаю^Т. [...] ѱстроили тогда с то^О окази или с того случая на то^М мѣсте капище Иовишови погане (л. 146 об.).

7. Otw. (V, 4): *Ten \ gdyśmy do Kościoła raz szły Parnaskiego \ [...] postawę wziął na się zdradliwą* (s. 192).

То^Т когда мы до капища (!) еденожды (!) шли парна^Рска^Ского [...] и поста^Свзялъ на себя прелеснѣю (л. 154об.).

Лексема капище известна в старославянских и церковнославянских памятниках в значениях ‘статуя, идол’ и ‘языческий храм’

(SJS 2: 14, Срезневский 1: 1193)²⁰. С этими же значениями она зафиксирована в древнерусских переводных и оригинальных текстах XI–XIV вв. (СДРЯ XI–XIV 4: 203; Срезневский 1: 1193). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» для лексемы **капище** отмечены значения ‘алтарь, место, где приносились жертвы богам’, ‘языческий храм’, ‘изображение языческого божества в виде статуи, изваяния’ и ‘вместилище’ (СлРЯ XI–XVII 7: 64). В «Словаре русского языка XVIII в.» у нее уже нет значения ‘статуя, изваяние’, только ‘языческий, не христианский храм’ и переносное ‘место собрания, скопления чего-либо’ (СлРЯ XVIII 9: 246).

В словаре староукраинского языка XIV–XV вв. эта лексема отсутствует, но в словаре украинского языка XVI — первой половины XVII в. есть пример ее употребления, датированный концом XV в., — цитата из «Четьей» 1489 г. (СУМ XVI — I пол. XVII ст. 14: 43). В других исторических словарях украинского и белорусского языков лексема **капище** зафиксирована с единственным основным значением ‘языческий храм’ и переносным образным значением ‘помещение’ (ГСБМ 14: 268, СУМ XVI — I пол. XVII ст. 14: 43).

Как и лексеме **божница**, **капище**, судя по всему, можно считать стандартным в русской и западнорусской традициях вариантом номинации языческих святилищ.

Предварительные выводы

Итак, в книгах 1–5 первого русского перевода «Метаморфоз» Овидия единственным соответствием лексеме *kościół* выступает **капище**, т. е. автор этого перевода следует за польским оригиналом в количественном плане. В то же время, в отличие от польского оригинала, в котором употреблен самый нейтральный и многозначный вариант номинации храмов, в первом русском переводе четко обозначается, что речь идет именно о святилищах язычников: лексема **капище**, как было показано, с древнейших текстов известна именно в этом значении. Такой выбор варианта перевода потенциально мог способствовать закреплению в русском языке этого периода соответствия *kościół* — **капище**, а также последующему расширению значения заимствования **костель** в сторону номинации нехристианских святилищ.

20 В (СС 1994: 282) для **капище** выделено только значение ‘идол’, а значение ‘храм’ отнесено к лексемам **капищница** и **црьктьвище капищное**.

Во втором русском переводе в первых пяти книгах «Метаморфоз» в значении 'языческий храм' варьируются лексемы **БОЖНИЦА**, **КАПИЩЕ**, **КОСТЕЛЬ**, **ЦЕРКОВЬ**, разграничить значения не удалось. Такой синонимический ряд, как кажется, был характерен больше для текстов из западнорусского ареала, поскольку в русских текстах употребление лексем **КОСТЕЛЬ** и **ЦЕРКОВЬ** в отношении языческих святилиц в рассматриваемый период было скорее редкостью. Сопоставление со старопольским переводом Я. Жебровского показало, что его версия «Метаморфоз» не была дополнительным источником для второго русского перевода — по крайней мере, корреляции в выборе лексем для номинации святилиц между этими текстами нет.

В обоих русских переводах отсутствует лексема **ХРАМЪ**, которая, например, полностью вытеснила лексему **ЦЕРКОВЬ** в соответствии с *ó vaós* в разных значениях в переводе Нового Завета, выполненном книжным кругом Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского во второй половине XVII в. (Пентковская 2019а: 268–282). Соответствие *kościół* — **ХРАМЪ** в значении 'языческое святилище' есть и в одном из русских переводов с польского языка «Церковных анналов» Цезаря Барония (Мещерякова 2020: 104).

В заключение стоит отметить, что есть некоторые основания предполагать, что и во втором переводе лексема **КАПИЩЕ** с середины четвертой книги становится единственным соответствием лексеме *kościół*. Так, в некоторых доступных контекстах из книг 11 и 13 по списку ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561/3605 встречается только лексема **КАПИЩЕ**: Отв. (XI, 8, s. 446–447) — ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561/3605. Л. 17; Отв. (XI, 9, s. 449–450) — ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561/3605. Л. 19–19об.; Отв. (XI, 10, s. 456) — ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561/3605. Л. 23; Отв. (XIII, 1, L1, s. 506) — ГИМ ОПИ. Ф. 96. Инв. № 33561/3605. Л. 60. Если предположение верно, возможны два варианта объяснения: лексема **КАПИЩЕ** была изначально единственной в архетипе второго перевода, а остальные синонимы в первых книгах появились в результате редакторской правки (и тогда встает вопрос об источниках этой вариативности), или же наоборот: лексема **КАПИЩЕ** стала унифицированным соответствием слову *kościół* в результате вторичного редактирования текста — тогда есть основания предполагать влияние первого русского перевода на второй. Оба предположения ожидают проверки на более широком материале.

Рукописи и старопечатные книги

Книги метаморфосеон, или премен, Пувлием Овидием Насоном стихом описанных:

Государственный Исторический музей (Москва), Отдел письменных источников. Ф. 96. Инв. № 33561/3605.

Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург). П I Б. № 101 (17.14.21).

Библиотека Академии наук (Санкт-Петербург). Тек. Пост. № 744.

Otwinowski 1638 — Otwinowski, W. *Księgi Metamorphoseon to iest, Przemian, Od Pvbliwsa Owidywsza Nasona Wierszami opisane*. Krakow: Drukarnia Andrzeja Piotrkowczyka. URL: <https://jbc.bj.uj.edu.pl/dlibra/doccontent?id=107184&from=FBC> (accessed: 26.06.2021).

Żebrowski 1636 — Żebrowski, J. *Publiusa Owidiusza Nasona Metanorphoseon, to jest Przeobrażnia, ksiąg piętnaście*. Kraków: Drukarnia Franciszka Cezarego. URL: <https://crispa.uw.edu.pl/object/files/213161/display/Default> (accessed: 26.06.2021).

Источники и литература

АОС — Архангельский областной словарь. М.: МГУ, 1980–2020—. Т. 1–21—.

ГСБМ — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1982–2017—. Вып. 1–37—.

Матвеевко 2021 — Матвеевко Е. А. *Księgi Metamorphoseon* В. Отвиновского как источник для русских переводов *Метаморфоз* Овидия начала XVIII века: номинация святилиц // *Slavistica Vilnensis*. 2021. № 66 (2). С. 62–77.

Мещерякова 2020 — Мещерякова Е. А. О некоторых переводческих установках в церковнославянских переводах «Церковных анналов» Барония Цезаря конца XVII — середины XVIII в. (на материале синонимичной и многозначной лексики) // *Вестник Московского университета*. Серия 9. Филология. 2020. № 5. С. 96–107.

Молдован 2000 — Молдован А. М. «Житие Андрея Юродивого» в славянской письменности. М.: Азбуковник, 2000. 759 с.

Мольков 2016 — Мольков Г. А. Употребление частицы «было» в переводе «Метаморфоз» Овидия начала XVIII в. // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Т. 10 / под ред. А. М. Молдована. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2016. С. 454–464.

Николаев 2008 — Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб.: Нестор-История, 2008. 248 с.

Пентковская 2019а — *Пентковская Т. В.* Рецепция книжной sprawy XIV в. в поздних церковнославянских переводах: московские книжники второй половины XVII в. между церковнославянской и польской традициями // *Славянское и балканское языкознание: Палеославистика*, 2 / под ред. В. С. Ефимовой. М.: Институт славяноведения, 2019. С. 260–290. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.13.

Пентковская 2019б — *Пентковская Т. В.* Предисловие к читателю в первом русском печатном переводе Корана // *Сборник тезисов международной конференции «Маргиналии-2019: границы культуры и текста»*, Осташков (Тверская обл.) с 30-го августа по 1 сентября 2019 (пятница, суббота, воскресенье). URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2019/thesis.htm> (дата обращения: 16.06.2021).

Пичхадзе 2011 — *Пичхадзе А. А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М.: Рукописные памятники древней Руси, 2011. 408 с.

СДРЯ XI–XIV — *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.* М.: Русский язык, 1988–2019–. Т. 1–12–.

СЛРЯ XI–XVII — *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.: Наука, 1975–2019–. Т. 1–31–.

СЛРЯ XVIII — *Словарь русского языка XVIII в.* Л., СПб.: Наука, 1984–2019–. Т. 1–22–.

Срезневский 1893 — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. Т. 1–3.

СРНГ — *Словарь русских народных говоров.* М.; Л., СПб.: Наука, 1965–2019–. Т. 1–51–.

СС 1994 — *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков).* М.: Русский язык, 1994. 842 с.

ССМ — *Словник староукраїнської мови XIV–XV ст.* Київ: Наукова думка, 1977–1978. Т. 1–2.

СУМ — *Словник української мови.* Київ: Наукова думка, 1970–1980. Т. 1–11.

СУМ XVI — I пол. XVII ст. — *Словник української мови XVI — першої половини XVII ст.* Львів: Інститут українознавства імені І. Крип'якевича НАН України, 1994–2017–. Вип. 1–16–.

Толстой 1992 — *Толстой П. А.* Путешествие стольника П. А. Толстого по Европе 1697–1699. М.: Наука, 1992. 380 с.

Успенский 2002 — *Успенский Б. А.* История русского литературного языка (XI–XVII вв.). М.: Аспект Пресс, 2002. 558 с.

ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков.* М.: Наука, 1974–2018–. Вып. 1–41–.

Magnus 1892 — Magnus, H., ed. *Die Metamorphosen des P. Ovidius Naso*. Gotha: F. A. Perthes, 1891. URL: <https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0029%3Abook%3D1%3Acard%3D1> (дата обращения: 26.06.2021).

SJS — *Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae*. Praha: Academiae, 1966–1997. T. 1–4.

References

Arkhangel'skiĭ oblastnoĭ slovar'. Vols. 1–21–, Moscow: MGU, 1980–2020–.
Ėtimologicheskiiĭ slovar' slavianskikh iazykov. Vols. 1–41–. Moscow: Nauka, 1974–2018–.

Histarychny sloŭnik belaruskaj movy. Vols. 1–37–. Minsk, 1982–2017–.

Matveenko, E. A. “Księgi Metamorfozeon V. Otvinovskogo kak istochnik dlia russkikh perevodov Metamorfoz Ovidiia nachala XVIII veka: nominaciiia sviatilishch.” *Slavistica Vilnensis*, 2021, no 66 (2), pp. 62–77.

Meshcheriakova, E. A. “O nekotorykh perevodcheskikh ustanovkakh v tserkovnoslavianskikh perevodakh «Tserkovnykh annalov» Baroniia Tcezarja kontsa XVII — serediny XVIII v. (na materiale sinonimichnoĭ i mnogoznachnoĭ leksiki).” *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serii 9. Filologiiia*, 2020, no 5, pp. 96–107.

Moldovan, A. M. “*Zhitie Andreia Iurodivogo*” v *slavianskoĭ pismennosti*. Moscow: Azbukovnik, 2000, 759 p.

Mol'kov, G. A. “Upotreblenie chastitsy «bylo» v perevode «Metamorfoz» Ovidiia nachala XVIII v.” *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, ed. by A. M. Moldovan, vol. 10, Moscow: V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, 2016, pp. 454–464.

Nikolaev, S. I. *Polsko-russkie literaturnye sviazi XVI–XVIII vv.: bibliograficheskie materialy*. St Petersburg: Nestor-istoriia, 2008, 248 p.

Pentkovskaia, T. V. “Retcepsiia knizhnoĭ spravy XIV v. v pozdnykh tserkovnoslavianskikh perevodakh: moskovskie knizhnyki vtoroi poloviny XVII v. mezhdu tserkovnoslavianskoĭ i polskoĭ traditsiiami.” *Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Paleoslavistika*, Vol. 2, 2019a, pp. 260–290. DOI: 10.31168/2658-3372.2019.13.

Pentkovskaia, T. V. “Predislovie k chitateliu v pervom russkom pechatnom perevode Korana.” *Sbornik tezisev mezhdunarodnoĭ konferentsii “Marginalii-2019: granitsy kultury i teksta”*, Ostashkov (Tverskaia obl.) s 30-go avgusta po 1 sentjabria 2019 (piatnitsa, subbota, voskresen'e). URL: <http://uni-persona.srcr.msu.ru/site/conf/marginalii-2019/thesis.htm> (accessed: 16.06.2021).

Pichkhadze, A. A. *Perevodcheskaia deiatelnost' v domongolskoĭ Rusi: lingvisticheskiiĭ aspekt*, Moscow: Rukopisnye pamiatniki drevnei Rusi, 2011, 408 p.

Slovar' drevnerusskogo iazyka XI–XIV vv. Vols. 1–12–, Moscow: Russkii iazyk, 1988–2019–.

Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vols. 1–51–. Moscow, Leningrad, St Petersburg: Nauka, 1965–2019–.

Slovar' russkogo iazyka XI–XVII vv. Vols. 1–31–, Moskva: Nauka, 1975–2019–.

Slovar' russkogo iazyka XVIII v. Vols. 1–22–, Leningrad, Saint Petersburg: Nauka, 1984–2019 –.

Slovník jazyka staroslověnského: Lexicon linguae palaeoslovenicae. Vols. 1–4. Praha: Academiae, 1966–1997.

Slovník staroukrajínskoj movi XIV–XV st. Vols. 1–2. Kiïv: Naukova dumka, 1977–1978.

Slovník ukrajínskoj movi. Vols. 1–11. Kiïv: Naukova dumka, 1970–1980.

Slovník ukrajínskoj movi XVI — pershoj polovini XVII st. Vols. 1–16–. Lviv: Institut ukraïnoznavstva imeni I. Krip'iakevicha NAN Ukraïni, 1994–2017–.

Staroslavianskii slovar (po rukopisiam X–XI vekov). Moscow: Russkii iazyk, 1994, 842 p.

Tolstoj, P. A. *Puteshestvie stol'nika P. A. Tolstogo po Evrope 1697–1699.* Moscow: Nauka, 1992, 380 p.

Uspenskiï, B. A. *Istoriia russkogo literaturnogo iazyka (XI–XVII vv.).* Moscow: Aspekt Press, 2002, 558 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.03

E. A. Matveenko

Names of sanctuaries in Russian translations of Ovid's Metamorphoses from Polish in the early 18th Century

Ekaterina A. Matveenko

PhD student

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie Gory 1, Moscow, Russian Federation

E-mail: ea.matveenko@gmail.com

ORCID: 0000-0002-3192-6688

Citation

Matveenko E. A. Names of sanctuaries in Russian translations of Ovid's Metamorphoses from Polish in the early 18th Century // *Slavic Almanac.* 2022. No 1–2. P. 162–182 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.03

Received: 01.07.2021.

Abstract

The article deals with the principles of translation of lexemes naming sanctuaries in two Russian translations of Ovid's *Metamorphoses*, made in the early 18th century from Polish Otwinowski's verse adaptation *Księgi Metamorphoseon, to jest, Przemian* (Kraków, 1638). In the Latin original of Ovid, the lexemes *templum*, *aedes* and *delubrum* are most often used for the nomination of pagan sanctuaries. In the Polish version of the text, in the absolute majority of cases, they correspond to the lexeme *kościół*. In the first Russian translation, the lexeme *kościół* in the meaning of 'pagan sanctuary' corresponds to *капище*, and in the second translation a number of unevenly distributed synonyms are presented: *капище, церковь, божница, костел*. From these, *капище* and *божница* can be considered standard nominations for pagan temples in the texts written in Russian milieu. However, the lexemes *костел* and *церковь* are rather used in the Western Russian written tradition. Comparison with another Polish translation of *Metamorphoses*, Jakob Żebrowski's *Metamorphoseon, to jest Przeobrażenia* (Kraków, 1636), shows that the Russian translators did not use this text as an additional source.

Keywords

Translations from Polish, the epoch of Peter the Great, translation techniques, Russian-Polish contacts.

Представления о судьбе в народной мифологии Сербии и Китая

Лю Ху

Аспирант

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: liu.hu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1662-098X

Чжэн Янтун

Аспирант

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: Alexsasha1995@163.com

ORCID: 0000-0003-0400-4677

Цитирование

Лю Ху, Чжэн Янтун. Представления о судьбе в народной мифологии
Сербии и Китая // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 183–202.

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.04

Статья поступила в редакцию 12.01.2022.

Аннотация

Исследование посвящено представлениям о судьбе в традиционной народной мифологии Сербии и Китая. В статье анализируются народные ритуалы и связанная с ними терминология, наименование и образ мифологических персонажей, обозначающих судьбу человека. Материалом для рассмотрения мифологического образа судьбы стали народные обычаи, родинный и похоронный обряды, фольклор (поговорки и пословицы, песни, загадки). В работе показано, как мифологическое восприятие судьбы отражается в языковой картине мира разных народов. Сербы верят, что судьбу человека определяют бог и другие сверхъестественные силы, в частности, судьба новорожденного ребенка определяется тремя мифологическими персонажами. В китайской традиции на судьбу влияют небесная воля, время рождения, владыка ада, специальный оберег и т. п. В народной мифологии душа перерож-

дается и получает следующую судьбу, определяемую поступками при жизни. Статья посвящена сравнительному анализу представлений о судьбе в китайской и сербской мифологии. Определяются типологические сходства и различия, отраженные в менталитете, этнической памяти, народной психологии и языке. В результате выявлены языковые и экстралингвистические факторы, оказавшие воздействие на представления о судьбе.

Ключевые слова

Сербская народная мифология, китайская традиционная мифология, образ судьбы, этнолингвистика.

Исследование опирается на методы московской этнолингвистической школы, предполагающие реконструкцию народной духовной культуры. Н. И. Толстой полагает, что этнолингвистика в узком смысле может пониматься как раздел или направление языкознания, а понимаемая в широком смысле, она считается «комплексной дисциплиной, предметом изучения которой является традиционная культура, народная психология и мифология» (Толстой 1995: 27, 39–40). С. М. Толстая указывает, что язык и вся народная культура, их виды, жанры и формы — все являются объектами этнолингвистики (Толстая 2013: 68). А. А. Плотникова отмечает, что Московская школа этнолингвистики занимается обоими аспектами славянской народной традиционной культуры, которая изучается 1) и как система культурных знаков (символов); 2) и со стороны языковых реализаций культурных контекстов (т. е. собственно лексика и фразеология) (Плотникова 2014: 36).

Считается, что представления о судьбе пронизывают все мифологические, религиозные, философские и этические системы мира. Более того, они составляют «ядро национального и индивидуального сознания. Это понятие (судьбы. — Л. Х., Ч. Я.) принадлежит к числу активно действующих начал жизни, таинственных и неизбежных» (Арутюнова 1994: 3).

Согласно этнолингвистическим данным, «представления о судьбе актуализируются и вербализуются в случае “ненормального” разворачивания жизненного сценария, как трагического, так и благополучного, и прежде всего в обрядах семейного цикла» (Седакова 2012: 204). Существует несколько конкурирующих и даже противоречивых представлений о судьбе: «Судьба выступает как неумолимая сила, действие которой изменить невозможно; Судьба зависит от случая, от поведения

человека, греховности или праведности и других обстоятельств; судьбу можно изменить или создать (“Человек — кузнец своего счастья”). Судьбу пытаются угадать, узнать у астрологов и провидцев, ее можно увидеть во сне» (Там же).

Основными наименованиями судьбы в славянских языках являются отглагольные дериваты. «Непосредственные, как *судьба* от *судить*, *доля* от *делить*, *рок* от *речь* “говорить”, или вторичные, как *участь* или *счастье*, восходящие к глаголу со значением “кусать, отрывать” через девербатив *часть* («*Бойся не бойся, а от части* (от участи) *своей не уйдешь*»); так же и *жребий* восходит к глаголу со значением “резать, стругать”» (Толстая 1994: 143).

На Балканах известно поверье, что судьбу новорожденного ребенка предопределяют мифологические персонажи. Названия таких демонов связаны с функцией «определять судьбу», термины производны от *суд-*, *рек/ч-*, *rod-*, *(o/y)рис-* (Плотникова 2004а: 694–711). От корня **sqd-* (сербский, словенско-хорватский ареал) образованы наименования демонов на западе южнославянской территории, тогда как на востоке обозначения *о/урисница* заимствованы из греч. *ὀρίζω* ‘определить, установить’ (почти все болгарские говоры, македонские, восточносербские говоры). Термины, образованные от корня **rek-* (западная Македония, западная Болгария), преобладают на южном балканславянском поясе (Плотникова 2004а: 245; Якушкина 2004: 168). «Такое перераспределение грецизмов и славизмов (грецизм — на севере, славизм — на юге Балкан), очевидно, связано со стремлением славянских народов, проживающих в зонах, контактных с греческими, сохранить свой исконный лексический фонд» (Плотникова 2013: 282).

В Сербии встречаются три типа наименований этих персонажей, производных: 1) от **sqd-*: *суђеница*, *усуда*, *суђаја*, *судија*, *судбина*, *судбеница*; 2) от **rod-*: *уродушња*, *урудушњак*; 3) с корнем *(o/y)рис-*: *удурисница*. Наименование *наречници* < **рек/ч-* известно в Македонии и Болгарии, а в Сербии не наблюдается (Там же: 243–249).

Подробно исследовала названия демонов судьбы на территории распространения сербскохорватского языка и его диалектов Е. И. Якушкина. Она пришла к заключению, что в подавляющем большинстве сербскохорватских пунктов распространено название *суђенице* (Якушкина 2004: 169). В сербских говорах отмечаются и другие названия, образованные от глагола *судити*: *усуде*, *судбине*, *судије*, *судбенице*, *пресудњаце*, *опсуде*, *суднице* (Там же: 171).

В районе Заечара, Княжеваца и Болеваца, в говорах сербско-болгарского и сербско-румынского пограничья, обозначения демонов

судьбы восходят к греч. *ώρα*, под влиянием болгарских или румынских наименований: *уриснице*, *уреснице*, *удуриснице*. «В сербских областях, прилегающих к румынской границе, распространены румынские заимствования, мотивированные тем же корнем: *урсаториљи*, *урсуториљи*, *урсутори*» (Якушкина 2004: 176).

Несмотря на то, что в основном демоны судьбы женского пола, встречаются и имена собственные *Усуд* и *Урис*, обозначающие индивидуализированных мужских персонажей-судей, и нарицательные, обозначающие множественных демонов судьбы — *усуди* и *уриси* (Якушкина 2004: 176). На западе сербскохорватского ареала в этих же значениях бытуют производные *урис*, *урисница* от глаголов *урисити* / *рисити* (у восточных границ Сербии *удурисити*) (Там же: 176–177). Любопытно также, что «на границе Сербии и Македонии (Скопска Црна Гора) отмечены представления о том, что персонажи мужского пола (*суђеници*) определяют судьбу мужчин, а персонажи женского пола (*суђенице*) — судьбу женщин» (Плотникова, Седакова 2012: 199).

В «Сербском мифологическом словаре» (1970) дается обобщающая интерпретация представления о «судженицах». Считалось, что *суђенице* (*суђаје*, *ориснице*) приходят вечером на третий день (реже на первый или седьмой) после рождения. Они определяют судьбу нового члена семьи на всю его жизнь. Вечером, в ожидании прихода «суджениц», мать наводит в доме чистоту и порядок, одевается в чистую одежду, купает ребенка и пеленает его в чистое. В ту ночь повитуха (*бабица*, *примаља*) помогает ухаживать за ребенком. Вокруг новорожденного кладут хлеб, вино, базилик и золотые или серебряные монеты. Вечером все хозяева дома молятся Богу (Кулишић, Петровић, Пантелић 1970: 293). В народе полагали, что «суджениц» никто не видит и что они приходят в полночь. Матери или повитухе приходилось разговаривать с ними во сне. Они якобы спорили и договаривались о судьбе ребенка, так что иногда это переходило в громкий спор. Считалось, что лучше бы в эту ночь повитухе вообще не спать (Там же).

Согласно сведениям из этнолингвистического словаря «Славянские древности», в сербской народной мифологии *суђенице* — три женских персонажа. Старшая обычно определяла смерть, средняя — физические недостатки, а младшая, чьи желания обычно и исполнялись, была самой милосердной: она говорила, сколько проживет ребенок, когда женится (выйдет замуж), какие радости ждут его в жизни и все остальное, что с ним случится. В восточной Сербии (Болевацкий

край) считали, что «в первый из трех вечеров судьбу ребенка предсказывает старшая, во второй — средняя по возрасту судженица, в третьей — младшая» (Плотникова, Седакова 2012: 200).

Того, что предскажут в эту ночь, никакая сила не может изменить, и вся жизнь человека должна проходить в соответствии с predetermined судьбой. Отсюда, вероятно, поговорки: серб. *Тако му је суђено* («Так ему суждено»), *Нема смрти без суђена дана* («Нет смерти без сужденного дня») или: *Ако му има века, има и лека* («Если у него есть век, есть лекарство») (Кулишић, Петровић, Пантелић 1970: 293).

В сербских народных преданиях и быличках говорится о конкретных обрядах ожидания «суджениц». Например, отец приглашает гостей отпраздновать рождение ребенка, усаживает их обычно в комнате, соседней с той, где спит ребенок и где *суђенице* будут предсказывать ему судьбу (Радуловић 2013: 221–222). *Суђенице* — в основном женщины, а гость — всегда мужчина; женщина редко слышит разговор, а если слышит — тогда это может быть сестра (в этом случае действие происходит вне дома) или, еще реже, мать (Там же). Часть описанного обряда совпадает с народными запретами: в течение трех дней ребенка не разрешалось качать в люльке, поскольку во время *качания* (первого, то есть того, которое введет ребенка в общество) ему предсказывается его судьба (Там же).

Чтобы уберечь ребенка от несчастий, проводятся специальные обряды задабривания «суджениц». Как правило, готовят для «суджениц» трапезу, чтобы они поели и ниспослали ребенку хорошую судьбу. В восточной Сербии преимущественно приносили «судженицам» сахар, при этом на столе оставляли хлеб и соль. Рядом с люлькой могли класть хлеб, лепешку, деньги (Плотникова, Седакова 2012: 202). «Нередко трапезу готовили три вечера подряд в ожидании трех суджениц: оставляли три бокала вина, три куска сахара, три булочки, на стол клали золотые украшения» (Там же).

Зафиксированы ритуальные действия, позволяющие оберегать ребенка от «суджениц». «Рядом с роженицей и ребенком всю ночь следовало сидеть пожилой женщине» (Плотникова, Седакова 2012: 203). В восточной Сербии в колыбель ребенка клали чеснок (Там же). «Ребенка относили ночевать в этот вечер к знакомым, а на его месте оставляли повитое в пеленки полено (Македония, Сербия, Косово, Болгария). В Призрене (Косово) перед приходом “суджениц” в колыбель вместо ребенка клали сделанную из тряпок куклу, чтобы все плохое предсказали ей, а не младенцу, после чего куклу выбрасывали» (Там же).

В разных сербских регионах проводятся ритуалы с целью убедить и благословить роженицу и новорожденного, а также способствовать счастливой и хорошей судьбе ребенка в будущем. Например, женщины с подарками (хлебами или пр.) посещают роженицу и ребенка, в свою очередь семья роженицы угощает посетительниц и т. д. (Плотникова 2004а: 145).

В этом обряде важен термин *повојница*, который имеет разные значения: 1) праздник по случаю рождения ребенка; 2) подарки, принесенные по случаю рождения ребенка; 3) обрядовый хлеб по случаю рождения ребенка (Плотникова 2004а: 146). Сербы верят, что *повојница* (во всех указанных значениях) защищает ребенка от зла и нечистой силы, например опасностей, болезней и даже безбрачия (Там же: 153).

В центральной и восточной Сербии слово *повојница* чаще употребляется в значении праздника по случаю рождения ребенка (Там же: 154), например, в Шумадии *повојница* обозначает праздник чествования новорожденного. Кроме того, *повојница* может обозначать дары новорожденному: хлеб, лепешки, оладьи, платок или полотно и т. д. (Там же: 151). Верят и в то, что если у юноши нет своевременного брака, то это означает, что при рождении у него не было дара *повојница* (хлеба и пеленания), а потому он не может жениться (Плотникова 1999: 233).

В сербской и других южнославянских традициях детям, рожденным в «рубашечке» (остатки амниона на тельце ребенка), приписывается необычная судьба. Названия околоплодного пузыря у сербов соотносятся с семантикой «одежды новорожденного» — *кошуљица* ‘рубашечка’, *капица* ‘шапочка’, *марама* ‘платок’ (Плотникова 2009: 489).

Как правило, «рубашечку» сушат и хранят как амулет. В восточной, западной и южной Сербии встречается поверье о том, что ребенок разболеется и умрет, если «рубашечку» сжечь или потерять (см. Требјешанин 1991: 109; Филиповић 1972: 154; Благојевић 1984: 220). По данным материалов, собранных А. А. Плотниковой в области Драгачево (западная Сербия), «рубашечка» служит амулетом для рожденного в ней человека: «Мать родила ребенка “в рубашечке” (у *кошуљици*) и сохранила ее. Рожденный “в рубашечке” ребенок обладал способностью к сглазу. Однажды он похвалил только что родившегося теленка, и теленок тотчас сдох. Мать взяла “рубашечку” и бросила в огонь. Ребенок сразу умер» (Плотникова 2004а: 163–164). В восточных районах Сербии ребенок, рожденный в «рубашечке», будет жить долго, его не заденет пуля. «“Рубашечка” приносит счастье не только владельцу, но и каждому, кто носит с собой такую “руба-

щечку” или кусочек от нее, главным образом это касается защиты от пули на войне» (Там же: 166). Ребенка, рожденного в «рубашечке», считают ребенком со свойствами змея-героя. Такие дети охраняют свои земли от нападений чужих змееподобных существ — «алы», «ламии», «здухача». Родители всегда хранят «рубашечку» на случай нападения врага (Там же: 164).

Судьба ребенка, рожденного в «рубашечке», зависит от цвета «рубашки». Считается, что у детей, рожденных в белой «рубашечке», будет успешная и счастливая жизнь. А судьба детей, рожденных в «рубашечке» другого цвета (красного, зеленого, голубого), чаще всего связывается с их опасностью для окружающих. Такой человек может стать колдуном, «ветровняком», «вештицей» или «морой» (Требјешанин 1991: 108–110; Благојевић 1984: 220; Плотникова 2004а: 166).

Согласно сербской традиции, «постелька» (плацента) служит оберегом для ребенка на протяжении всей жизни. В Сербии постельку бросают в реку, чтобы ребенок был резвым, умным и рос быстро и благополучно, как бежит река (Требјешанин 1991: 112; Плотникова 2004а: 169).

Сербы верят, что дата рождения влияет на судьбу человека. У детей, рожденных на святочной неделе, во вторник или субботу, жизнь не будет хорошей (Седакова 2012: 207). Похожая судьба у детей из одного семейства, рожденных в один месяц или в один день недели, — южные славяне называют их «одномесячниками» или «однодневниками». Судьба связывает их друг с другом. Если с одним из них случится несчастье, беда или болезнь, даже смерть, то другой будет повторять такую же несчастливую судьбу. Поэтому у сербов распространены различные формы магического «разделения», «ограждения» этих детей, а также обряды «символического выкупа, даваемого живым умершему» (Плотникова 2004б: 533).

Сербы верят, что во время смерти нужно смириться с судьбой. Если при жизни у людей было много грехов, то они будут тяжело умирать; сербы в таких случаях говорят: «Его не хочет ангел (земля)». Наоборот, добрые люди умрут спокойно. По сербским народным поверьям, «легкой бывает смерть в большие праздники и другие благоприятные дни, например в пятницу» (Терновская, Толстая 1995: 90).

Когда люди умирают, считается, что душа покидает тело. «Сербы о смертных муках говорят, что человек “собирает душу” или “борется с душой” (агония понимается как борьба человека со смертью, борьба ангела с чертом за душу человека)» (Толстая 1999: 164). Считается, что *«узме му Бог душу* (Бог возьмет его душу), ангел, архангел, святой,

которых Бог посылает вынуть из человека и забрать душу на небо, или же Смерть, черт, нечисть, которые урывают душу косой, крюками, ножом, саблей и т. п.» (Там же).

* * *

В Китае считается, что судьба предопределена волей неба. Судьба уже начертана, никто не может ее изменить. Такая мысль отражена в некоторых лингвистических словарях, например, в этимологическом словаре «Цьюань» (词源, букв. 'источник слов') сказано, что «судьба предназначена волей неба» (Хэ Цзюин, Ван Нин, Дун Кунь 2015: 692); в «Цыхай» (辞海, букв. 'море слов') судьба означает разный образ жизни: «удачный и неудачный, долговечный и недолговечный, высокий и низкий, определенную судьбу невозможно изменить» (Ся Чжэнун, Чэнь Чжили 2009: 1594); а в «Современном словаре китайского языка» говорится, что судьба означает «жизнь и смерть, богатство и бедность» (Люй Шусян, Дин Шэншу 2016: 917).

Судьба в китайской мифологии определяется некой невидимой силой, например, небом, богами или духами. Задаются параметры человеческой жизни: срок, счастливая или несчастливая, удачная или неудачная участь. Люди сами не могут изменять свою судьбу. Судьба для человека определяется незадолго до его рождения. У китайского народа имеются пословицы и поговорки: «В природе существуют неожиданные штормы, а в жизни непредсказуемы беды и удачи»; «Если есть в судьбе, то будет, если нет, то силой не достанешь»; «Смерть и жизнь определены судьбой, а богатство и честь — небом» и т. д. (Сун Хайянь 2013: 174). Кроме того, «судьба» также служит объяснением бедствий или других зол в жизни, например, когда случается несчастье или беда в жизни, люди часто говорят: «Вот это судьба!» или «Такая судьба!». Хотя люди стараются изменить свою судьбу изо всех сил, им все же приходится «смириться со своей судьбой», когда они сталкиваются с неожиданными и непредвиденными случаями в жизни. Полагают также, что судьбой человека управляет нефритовый император (владыка небесного мира), обитающий в небесах (Ван Вэньгэ, Лю Тунцзюнь 2010: 35). Таким образом, верят, что судьба человека устроена небесными силами.

Несмотря на то, что судьба уже предопределена свыше, многие факторы также влияют на судьбу человека. В Китае существует поверье о судьбе под влиянием зодиакального знака года рождения, именно время рождения детей оказывает влияние на судьбу. Например, полагают, что в год Дракона родится счастливый ребенок. Год Дракона симво-

лизирует благоприятное время, поэтому дети, рожденные в этом году, получают благоприятную судьбу, у них будет высокий уровень образования, достойная зарплата, счастливая жизнь, хорошая карьера и т. д. Соответственно, родители обычно выбирают хороший год для зачатия. Кроме того, люди, рожденные в разные месяцы и дни, имеют различные судьбы. Согласно китайской народной мифологии, дети, рожденные по лунному календарю в пятый день пятого месяца, являются детьми с неблагоприятной судьбой, зловещими людьми, которые приносят несчастье своим родителям (Чжу Цици 2019: 118–119). Пятый день пятого месяца считается плохим числом, потому что знаменует середину лета, когда распространены болезни (Мэй Дунвэй 2017: 54).

После рождения ребенка люди проводят специальные обряды, чтобы помолиться о безопасности жизни ребенка и пожелать ему хорошей судьбы. Смысл большинства этих обрядов — благословение для новорожденных, для того чтобы они получили хорошую судьбу и счастливую жизнь в будущем. Например, в провинциях Шаньдун, Цзянсу, Хэнань и других регионах Китая существует традиционный народный обычай *сунчжуми* (送祝米, букв. ‘приносить поздравительный рис’). Этот ритуал часто проводят после рождения ребенка на третий, шестой, девятый или двенадцатый день (Чжан Чуаньдун 2016: 124). В этот день родители по линии матери и родственники приносят рис, яйца, муку, новую одежду, чтобы поздравить с рождением ребенка и пожелать ему здоровья.

Существует обычай *сисань* (洗三) — омовение новорожденного младенца на третий день после рождения ребенка. Согласно этому традиционному обычаю Китая, после рождения ребенка, на третий день, совершается его специальное купание / омовение. Этот обычай возник во времена династии Тан (618–906 гг.). Но в настоящее время он сохраняется только в редких населенных пунктах Северо-Восточного Китая. Так, ему еще следуют маньчжуры, живущие на северо-востоке. Китайцы верят, что через этот обряд можно устранить бедствия, и молятся о счастье и удаче (И Хуа 2016: 2).

В сотый день после рождения ребенка бабушка по линии матери должна принести сто китайских пампушек, что символизирует долголетие: ребенок тогда будет жить до ста лет (Ван Гуани, Чун Пэйтин 2018: 335). Когда ребенку исполняется один год, родители устраивают церемонию *чжуачжоу* (抓周, ‘бросать жребий’). Кладут перед ребенком предметы, связанные с какой-либо профессией, позволяют ребенку захватить рукой и выбрать одну из вещей, чтобы предсказать будущую профессию.

Когда ребенку исполняется год, родители дарят ему оберег — *чанминсо* (长命锁, букв. ‘замок долголетия’). Он считается китайским амулетом. Его также называют *байцзясо* (百家锁, букв. ‘замок ста семей’) — монисто, подобное древнему замку, изготовленное из собранных у соседей и родственников монет, чтобы благословить детей на долгую и здоровую жизнь. Замок-амулет защищает ребенка от злых духов, бедствий и болезней (Ван Хайна 2011: 59). На замке написаны иероглифы с целью благоприятно повлиять на судьбу его обладателя: 长命富贵 (‘на долгую жизнь и богатство’), 长命百岁 (‘долгая жизнь до ста лет’), 福禄寿 (‘счастье, богатство и долголетие’) и т. д. Замок долголетия обычно украшен узорами, напоминающими цветы, птиц, насекомых и зверей, что также должно благоприятствовать позитивным событиям в жизни (Там же). Родители считают, что замок долголетия поможет детям избежать беды, а также уберечь от вреда, вызываемого злыми духами. Более того, замок долголетия дает детям возможность избежать невезения, прожить долгую жизнь и стать здоровыми (Чжан Лэй 2018: 14).

Замки долголетия открывают или снимают на 12-й год рождения, потому что тогда душа ребенка считается выросшей и больше не нуждается в защите замка-амулета. Считается, что дети до 12 лет легко теряют душу, которую забирают демоны и нечистая сила. Если ребенок наденет «замок», сделанный из хлопковой нити и медных монет, то он получит благословение от божеств. Ритуал открытия замка называется *кайсоцзы* (开锁子, ‘открытие замка’) или *юаньсоцзы* (圆锁子, ‘замок выполнения обета’). Такой ритуал известен в провинциях Шаньси, Хэнань, Шаньдун, Внутренняя Монголия и других регионах (Дай Сюминь 2015: 13). Например, в Северной провинции Хэнань перед ритуалом раскладывают подношения, сжигают благовония и молятся, затем на шею ребенка вешают обмотку с замком и произносят молитву: «Переворачивается золотой замок, вставляется веревка, ребенок живет до двенадцати лет! Откроем все замки приворотные, синий замок висит на шее ребенка» (Там же) (перевод наш. — Л. Х., Ч. Я.). После сжигания благовоний замок открывают и снимают. Потом набрасывают кумач или красную одежду на плечи ребенка. Красный цвет в китайской традиции символизирует светлое будущее (Там же). Потом чашку, наполненную жертвенными дарами, передают ребенку. Эта чашка называется «золотой чашкой». Считается, что если ребенок держит ее в руках, то у него всегда будет еда и очень хорошая работа. В конце ритуала основной его исполнитель берет ветку ивы и трижды хлещет ребенка, выгоняя его из комнаты наружу в объятия своих родителей, которые сидят во дворе (Там же).

В народной мифологии существует верование, что *яньван* (阎王, ‘владыка ада’) определяет судьбу людей. *Яньван* — властитель подземного мира, отвечающий за судьбу человека, дату смерти и реинкарнацию. Как гласит пословица, «Если *яньван* приговорил вас к смерти в три часа, вы не дождетесь пяти». Наименование *яньван* происходит от санскрит. *yama-raja* (букв. ‘владыка ада’), в литературном китайском языке он также встречается под именами *емо* (夜摩, 耶摩), *яньмо* (焰摩, 焰魔, 琰摩, 剡魔, 阎摩, 琰魔) (Чжао Сингэнь, Лу Сянхуай 2005: 26). В диалектах известны названия *яньло*, *яньван*, *сыван*.

Яньван изначально — божество древнеиндийской мифологии. Ямамото Ше, называемый Ямой, первоначально был един в двух лицах разнополых близнецов. Он судит души умерших по их прижизненным делам, поэтому его также знают в качестве *Короля справедливости* (Ван Фанвэнь 2003: 1).

Китайцы верят, что после смерти душа человека улетает от тела, далее перерождается. Под руководством *яньвана* происходит суд над душой, где оцениваются поступки при жизни. Следующее воплощение может быть уровнем выше или ниже.

В настоящее время в провинции Шаньдун сохранились верования в то, что, когда человек умирает, к нему *яньваном* посылаются призраки для суда над душой. Призраки называются *учаны* (无常, букв. ‘непостоянство’), их два: один – в черной одежде, другой — в белой. Известно древнее стихотворение: «Если сразу в один день приходят *учаны*, то никак нельзя им помешать». *Учаны* описываются как ужасающие существа: они одеты в обычную одежду, с высокой шляпой, длинными волосами и длинным языком. Кто их увидит, сразу умрет (Цзи Уцзы 1990: 289).

Собиратель историй Ли Цинчэнь из династии Цин (1636–1912) записал: «Был некий доктор, который ехал ночью в паланкине мимо храма. Когда носильщик внезапно остановился, то доктор удивился и отдернул занавеску, чтобы узнать, в чем дело, и увидел двух призраков десяти футов высотой. Один в белом, другой в черном, они направлялись ко входу в храм. Дверь открылась сама по себе. Когда они вошли, дверь захлопнулась. Лунный свет был ярким, так что они могли его ясно видеть. Вскоре после этого, когда они вернулись домой, трое из четырех (доктор и два носильщика) умерли, и только тот, кто не видел учанов за паланкином, остался жив» (Ли Цинчэнь, Гао Хунцзюнь, Ван Шуянь 1988: 83–84).

Считается, что у *яньвана* есть книга, в которой записана продолжительность жизни каждого человека. Когда чья-то жизнь за-

канчивается, он посылает к нему *учанов*, чтобы сопроводить душу в подземный мир. *Яньван* определяет дальнейший путь души исходя из поступков при жизни: человеку, который совершает добро, *яньван* даст хорошую следующую жизнь, а человека, совершившего много зла, *яньван* оставляет в наказание в аду или дает ему плохую жизнь.

Обычно *яньван* сидит на троне. Под его руководством служат многие должностные лица, называемые *паньгуань* (判官, букв. ‘чиновники-судьи’). Они помогают *яньвану* судить души умерших. Есть два типа судей: гражданские и военные. Гражданский судья носит официальную форму, держит кисть в правой руке, а в левой руке — книгу *шэнсыбу* (生死簿, ‘жизни и смерти’). Военный судья также одет в официальную форму, у него есть «медное шило» и «девятизвенная плеть» (гибкое металлическое боевое оружие). Военные *паньгуань* ловят и бьют души умерших, гражданские отвечают за поиск и запись информации (Цзэн Вэньвэнь 2012: 43).

Люди думают, что честный и справедливый чиновник после смерти может занять пост владыки ада. Наиболее известный из них — *Бао-Чжэн*, самый честный чиновник в истории, самоотверженный и неустрашимый перед властью. Он осмелился наказывать родственников императора в соответствии с законом. Поэтому после смерти он стал *яньваном*. Во времена династии Сун уже считалось, что *Бао-Чжэн* и есть *яньван*, существует поговорка с того времени: «Нет необходимости платить взятки, чтобы бороться с судебным иском, потому что есть *яньван* — Бао Чжэн» (Цзи Уцзы 1990: 258) (перевод наш. — Л. Х., Ч. Я.). Говорят, что у него черное лицо, поэтому его называют еще и *Черным Бао-Чжэном*.

Считается, что имеется десять *яньванов*, проживающих в десятом зале подземного мира. В настоящее время обычно в местном храме создается зал для поклонения *яньвану*, особенно во спасение души умершего. Люди молят *яньвана* об освобождении душ умерших, чтобы они могли переродиться как можно скорее (Цзэн Вэньвэнь 2012: 46). Во многих сельских районах в Китае до сих пор существует обряд, во время которого люди приносят дары мертвым и проводят поминки через каждые семь дней после смерти родственника, причем на пятый и седьмой день делаются крупные жертвоприношения. Считается, что через семь недель душа умершего перерождается (Там же).

Вера в *яньвана* оказала большое влияние на погребальные обряды провинции Шаньдун. Чтобы умерший успешно и безопасно смог добраться до жилища *яньвана*, его родственники готовят богатую одежду, обувь, еду для умершего. Самое главное: их семьи должны

приготовить много денег, чтобы можно было подкупить *яньвана* и получить хорошую судьбу в следующей жизни.

* * *

Изложенный материал позволяет сделать некоторые заключения типологического характера о представлениях о судьбе в народной мифологии Китая и Сербии.

1. В китайской и сербской мифологиях наблюдается различие в отрезке времени определения судьбы: сербский народ считает, что судьба определяется тремя демонами сразу **после рождения**, а китайцы верят, что судьба была определена владыкой ада и ее чиновниками-судьями уже **до рождения**.

2. В наименовании мифологических персонажей, определяющих судьбу человека, указывается их функция, общая для семантики представлений обоих народов, — «судить»: в Сербии их называют *суђенице*, *усуде*, *судбине*, *судије*, *судбенице*, *пресудњаче*, *опсуде*, *суднице* и т. д.; в Китае мифологические персонажи под руководством владыки ада называются *паньгуань* (букв. ‘чиновники-судьи’).

3. В поле мифологических персонажей, определяющих судьбу человека, выявлены гендерные различия: в сербской народной традиции три демона *суђенице* — **женщины**, гораздо реже — мужчины, на западе Сербии, см.: (Плотникова 2004: 248–249), а в китайской традиции все мифологические фигуры, связанные с жизнью и смертью, — **мужчины**.

4. Дата рождения человека связана с судьбой в китайской и сербской традициях. Китайцы считают, что у детей, рожденных в год дракона, судьба станет лучше, а дети, рожденные в пятый день пятого месяца по лунному календарю, получают плохую судьбу. В Сербии дети, рожденные в святки, во вторник и субботу, получают несчастливую и бедную судьбу. Рожденные в один месяц и один и тот же день недели связаны общей судьбой.

5. Обереги ребенка и обряды, связанные с судьбой, встречаются и в сербской, и в китайской традициях. В Китае *чанминсо* (‘замок долголетия’) защищает детей от смерти в раннем возрасте; обычай *сунчжуми* (‘приносить поздравительный рис’) приносит ребенку крепкое здоровье; обряд *чжуаучжоу* (‘бросать жребий’) помогает предсказать будущую профессию. В Сербии устраивают трапезу для «суджениц», чтобы ребенок получил хорошую судьбу; «рубашечка» сушится и хранится как амулет, она приносит счастье и защищает владельца от пули на войне; «постельку» бросают в реку, чтобы ребенок был

резвым, умным, благополучным; встречаются и ритуалы чествования новорожденного, когда женщины с подарками (хлебами, лепешками и т. д.) посещают роженицу и ребенка, что должно уберечь последнего в будущем от опасностей и несчастной судьбы.

Источники и литература

Арутюнова 1994 — *Арутюнова Н. Д.* От редактора // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 3–4.

Благојевић 1984 — *Благојевић Н.* Обичаји у вези са рођењем, женидбом и смрћу у титовоужичком, пожешком и косјеричком крају // Гласник Етнографског музеја у Београду / ур. Никола Патенлић. 1984. Књ. 48. С. 209–310.

Ван Вэньгэ, Лю Тунцзюнь 2010 — 王文革, 刘同军. 中国传统悲剧中的命运观 // 北方工业大学学报. 2010. № 2. 第33–38页.

Ван Гуани, Чун Пэйтин 2018 — 王广义, 崇沛婷. 近代中国东北地区居民人生礼仪研究 // 华夏文化论坛. 2018. № 2. 第324–338页.

Ван Фанвэнь 2003 — 万方文. 华夏民间俗信宗教: 阎王 // 书屋. 2003. № 3. 第1 页.

Ван Хайна 2011 — 王海娜. 长命锁及其演变 // 佛山科学技术学院学报 (社会科学版), 2011. № 3. 第59–62页.

Дай Сюминь 2015 — 戴秀敏. 由“索”到“锁”——长命锁起源探究 // 怀化学院学报. 2015. № 6. 第12–15页.

И Хуа 2016 — 逸华. “洗三”: 满族新生儿独特的祈福仪式. 中国民族报. 2016. 年11月18日. 第2页.

Кулишић, Петровић, Пантелић 1970 — *Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н.* Српски митолошки речник. Београд: Нолит, 1970. 328 с.

Ли Цинчэнь, Гао Хунцзюнь, Ван Шуянь. 1988 — 李庆辰, 高洪钧, 王淑艳. 无常二则 // 《醉茶志怪》中卷二. 石家庄: 河北人民出版社. 1988. 第83–84页.

Люй Шусян, Дин Шэншу 2016 — 吕叔湘, 丁声树. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆. 第七版. 2016. 共1800页.

Мэй Дунвэй 2017 — 梅东伟. 端午节“恶月恶日”的流行及其影响 // 文史知识, 2017, № 5. 第54–59.

Плотникова 1999 — *Плотникова А. А.* Завивать // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 232–233.

Плотникова 2004а — *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. 768 с.

Плотникова 2004б — *Плотникова А. А.* Одномесячники, однодневники // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 533–534.

Плотникова 2009 — *Плотникова А. А.* Рубашка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2009. Т. 4. С. 489–490.

Плотникова 2013 — *Плотникова А. А.* Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. 384 с.

Плотникова 2014 — *Плотникова А. А.* Язык как зеркало народной культуры: этнолингвистические вопросники в полевых исследованиях // Славянский альманах. 2014. № 1–2. С. 34–43.

Плотникова, Седакова 2012 — *Плотникова А. А., Седакова И. А.* Судженицы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 199–203.

Радуловић 2013 — *Радуловић Немања Ј.* Одређивање судбине у фолклорним наративима // Сборник у част Марији Клеут / ур. С. Томин, Љ. Пешикан Љуштановић, Н. Половина. Нови Сад: Филозофски факултет, 2013. С. 217–239.

Седакова 2012 — *Седакова И. А.* Судьба // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 203–208.

Сун Хайянь 2013 — 宋海燕. 中国民间命运观的文化反思及其启示 // 云南行政学院学报, 2013. № 2. 第174–176页.

Ся Чжэнун, Чэнь Чжили 2009 — 夏征农, 陈至立. 辞海. 上海: 上海辞书出版社, 第六版, 2009. 共3477页.

Терновская, Толстая 1995 — *Терновская О. А., Толстая С. М.* Агония // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. Т. 1. С. 90–92.

Толстая 1994 — *Толстая С. М.* «Глаголы судьбы» и их корреляты в языке культуры // Понятие судьбы в контексте разных культур / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1994. С. 143–147.

Толстая 1999 — *Толстая С. М.* Душа // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. С. 162–167.

Толстая 2013 — *Толстая С. М.* Постулаты московской этнолингвистики // Толстой Н. И., Толстая С. М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013. С. 67–80.

Толстой 1995 — *Толстой Н. И.* Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 509 с.

Требјешанин 1991 — *Требјешанин Ж.* Представа о детету у српској култури. Београд, 1991. 422 с.

Филиповић 1972 — *Филиповић М. С.* Таковци: етнолошка посматрања. Београд: Српска академија наука и уметности, 1972. [Српски етнографски зборник. Књ. 84.] 274 с.

Хэ Цзюин, Ван Нин, Дун Кунь 2015 — 何九盈, 王宁, 董琨. 辞源. 北京: 商务印书馆, 第三版, 2015. 共4961页.

Цзи Уцзы 1990 — 鞠午子. 漫话神鬼故事. 哈尔滨: 北方文艺出版社. 1990. 共301页.

Цзэн Вэньвэнь. 2012 — 曾雯雯. 汉唐之间中国冥界观的变化研究. 四川师范大学, 2012. 共88页.

Чжао Сингэнь, Лу Сянхуай 2005 — 赵杏根, 陆湘怀. 实用中国民俗学. 南京: 东南大学出版社, 2005. 共216页.

Чжан Лэй 2018 — 张雷. 长命锁隐含的文化 // 山海经, 2018. № 13. 第14–15页.

Чжан Чуаньдун 2016 — 张传东. “送祝米” 习俗的原始意义与传统追溯 // 华南农业大学学报(社会科学版), 2016. № 5. 第123–131页.

Чжу Цици 2019 — 朱七七. 端午恶月出生的娃命运如何? // 旅游世界, 2019. № 6. 第118–119页.

Якушкина 2004 — *Якушкина Е. И.* Южнославянская лексика судьбы с точки зрения ареалогии // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10: Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян / отв. ред. Г. П. Клепикова, А. А. Плотникова. М., 2004. С. 168–182.

References

Arutiunova, N. D. “Ot redaktora.” *Poniatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur*, ed. by N. D. Arutiunova. Moscow: Nauka, 1994, pp. 3–4.

Blagojević, H. “Običaji u vezi sa rođenjem, ženidbom i smrću u titovoužičkom, požeshchkom i kosjeričkom kraju.” *Glasnik Etnografskog muzeja u Beogradu*, ed. by Nikola Patenlić, 1984, knj. 48, pp. 209–310.

Dai, Xiumin. “You ‘suo’ dao ‘suo’ — changmingsuo qiyuan tanjiu.” *Huaihua xueyuan xuebao*, 2015, no 6, pp. 12–15.

Filipović, M. S. *Takovci: etnološka posmatranja*. [Српски етнографски зборник. Књ. 84.] Београд: Српска акадeмија наука и уметности, 1972, 274 п.

He, Jiuying; Wang, Ning and Dong, Kun. *Ciyuan*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 3^d ed., 2015, 4961 p.

Iakushkina, E. I. “Iuzhnoslavianskaia leksika sud'by s tochki zreniia arealogii. Issledovaniia po slavianskoj dialektologii.” *Terminologicheskaiia leksika*

material'noĭ i duhovnoĭ kul'tury balkanskih slavian, Issue 10, ed. by G. P. Klepikova, A. A. Plotnikova. Moscow, 2004, pp. 168–182.

Ji, Wuzi. *Man hua shen gui gushi*. Haerbin: Beifang wenyi chubanshe. 1990, 301 p.

Kulišić, Š., Petrović, P. Ž., Pantelić, N. *Srpski mitološki rečnik*, Beograd: Nolit, 1970.

Li, Qingchen, Gao, Hongjun, Wang, Shuyan. “Wuchang erze.” *Zuichazhigui*. Shijiazhuang: Hebei renmin chubanshe, 1988, pp. 83–84.

Lu, Shuxiang, Ding, Shengshu. *Xiandai hanyu cidian*. Beijing: Shangwu yinshuguan, 7th ed., 2016, 1800 p.

Mei, Dongwei. “Duanwujie ‘eyueeri’ de liuyan jiqi yingxiang.” *Wenshizhishi*, 2017, no 5, pp. 54–59.

Plotnikova, A. A. “Zavivat’.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, vol. 2, pp. 232–233.

Plotnikova, A. A. *Étnolingvisticheskaia geografiia Juzhnoĭ Slavii*. Moscow: Indrik, 2004, 768 p.

Plotnikova, A. A. “Odnomesiachniki, odnodnevnikii.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2004, vol. 3, pp. 533–534.

Plotnikova, A. A. “Rubashka.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2009, vol. 4, pp. 489–490.

Plotnikova, A. A. *Yuzhnye slaviane v balkanskom i obshch斯拉vianskom kontekste: Étnolingvisticheskie ocherki*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2013, 384 p.

Plotnikova, A. A. “Iazyk kak zerkalo narodnoj kul'tury: étnolingvisticheskie voprosniki v polevyh issledovaniiah.” *Slavianskiĭ al'manah*, 2014, pp. 34–43.

Plotnikova, A. A., Sedakova, I. A. “Sudzhenicy.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, vol. 5. 2012, pp. 199–203.

Radulović, Nemanja J. “Određivanje sudbine u folklornim narativima.” *Zbornik u čast Mariji Kleut*, ed. by S. Tomin, Lj. Pešikan Ljuštanović, N. Polovina. Novi Sad: Filozofski fakul'tet, 2013, pp. 217–239.

Sedakova, I. A. “Sud'ba.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 2012, vol. 5, pp. 203–208.

Song, Haiyan. “Zhongguo minjian mingyunguan de wenhua fansi jiqi qishi.” *Yunnan xingzheng xueyuan xuebao*, 2013, no 2, pp. 174–176.

Ternovskaya, O. A., Tolstaya, S. M. “Agoniia.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar'*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1995, vol. 1, pp. 90–92.

Tolstaya, S. M. “‘Glagoly sud’by’ i ikh korreliaty v iazyke kul’tury.” *Poniatie sud’by v kontekste raznykh kul’tur*, ed. by N. D. Arutiunova. Moscow: Nauka, 1994, pp. 143–147.

Tolstaya, S. M. “Dusha.” *Slavianskie drevnosti: étnolingvisticheskiĭ slovar’*, ed. by N. I. Tolstoĭ. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 1999, vol. 2, pp. 162–167.

Tolstaya, S. M. “Postulaty moskovskoĭ étnolingvistiki.” *Slavianskaia étnolingvistika: voprosy teorii* by N. I. Tolstoĭ, S. M. Tolstaya. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2013, pp. 67–80.

Tolstoĭ, N. I. *Iazyk i narodnaia kul’tura: Ocherki po slavianskoĭ mifologii i étnolingvistike*, Moscow: Indrik, 1995, 509 p.

Trebješanin, Ž. *Predstava o detetu u srpskoj kulturi*. Beograd, 1991, 422 p.

Wang, Wenge, Liu, Tongjun. “Zhongguo chuantong beiju zhong de mingyun-guan.” *Beifang gongye daxue xuebao*, 2010, no 2, pp. 33–38.

Wang, Guangyi, Chong, Peiting. “Jindai Zhongguo dongbei diqu jumin renshengliyi yanjiu.” *Huaxia wenhua luntan*, 2018, no 2, pp. 324–338.

Wan, Fangwen. “Huaxia minjian xinsu zongjiao: yanwan.” *Shuwu*, 2003, no 3, pp. 1–2.

Wang, Haina. “Changmingsuo jiqi yanbian.” *Foshan kexue jishu xueyuan xuebao (shehuikexueban)*, 2011, no 3, pp. 59–62.

Xia, Zhengnong, Chen, Lizhi. *Cihai*. Shanghai: Shanghai cishu chubanshe, 6th ed., 2009, 3477 p.

Yi, Hua. “‘Xisan’: manzu xinshenger dute de qifu yishi.” *Zhongguo minzubao*, 2016/11/18, p. 2.

Zeng, Wenwen. “Han Tang zhijian Zhongguo mingjiegua de bianhua yanjiu.” *Sichuan shifan daxue*, 2012, 84 p.

Zhao, Xinggen and Lu, Xianghuai. *Shiyong Zhongguo minsuxue*. Nanjing: Dongnan daxue chubanshe, 2005. 216 p.

Zhang, Lei. “Changmingsuo yinhan de wenhua.” *Shanhajing*, 2018, no 13, pp. 14–15.

Zhang, Chuandong. “‘Songzhumi’ xisu de yuanshi yiyi yu chuantong zhuisu.” *Huanan nongye daxue xuebao (shehuikexueban)*, 2016, no 5, pp. 123–131.

Zhu, Qiqi. “Duanwu eyue chusheng de wa mingyun ruhe?” *Lvyoushijie*, 2019, no 6, pp. 118–119.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.04

Liu Hu, Zheng Yangtong

**The representation of “fate”
in the folk mythology in Serbia and in China**

Liu Hu

PhD student

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: liu.hu@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1662-098X

Zheng Yangtong

PhD student

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: Alexsasha1995@163.com

ORCID: 0000-0003-0400-4677

Citation

Liu Hu, Zheng Yangtong. The representation of “fate” in the folk mythology in Serbia and in China // *Slavic Almanac.* 2022. No 1–2. P. 183–202 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.2.04

Received: 12.01.2022.

Abstract

The study is devoted to the notions of fate in the traditional folk mythology of China and Serbia. The article analyzes the folk rites and the related terminology, the name and image of mythological characters denoting the fate of a person. Folk customs, native and funeral rites, folklore (proverbs, songs, riddles) became the material for considering the mythological image of fate. The work shows how the mythological perception of fate is reflected in the cultural code and in the linguistic image of the world. The article demonstrates how the mythological perception of fate is reflected in the linguistic images of the world of different peoples. Serbs believe that the fate of a person is given by God and other supernatural powers, in particular, the fate of a newborn child is determined by three mythological characters. In the Chinese tradition, fate is influenced by the heavenly will, the time of birth, an amulet, the lord of hell etc. In folk mythology, the soul will be reborn and will receive the fate, determined by the deeds of the person during the life-

time. The article is mainly devoted to the comparative analysis of the linguocultural meaning of fate in Chinese and Serbian mythology. The article compares the typological similarities and differences reflected in the mentality, ethnic memory, folk psychology. As a result, linguistic and extralinguistic factors have been identified that have unambiguously influenced the terminology of the perception of fate (for example, the names of mythological characters). The purpose of the study is to examine the logical-semantic and linguistic features of the appeal to the mythologeme of fate in the Chinese and the Serbian languages, in the reconstruction of folk spiritual culture.

Keywords

Serbian folk mythology, Chinese traditional mythology, image of fate, ethnolinguistics.

УДК 821.162.3
DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.01

Р. Змелик

Персонажи прозы Витезслава Галека

Змелик Рихард
PhD, старший преподаватель
Университет Палацкого в Оломоуце
Křížkovského 511/8, 779 00 Olomouc, Чешская Республика
E-mail: richard.zmelik@upol.cz
ORCID: 0000-0002-5414-4574

Цитирование

Змелик Р. Персонажи прозы Витезслава Галека // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 203–231. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.01

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Финансирование

Исследование проведено в рамках гранта Фонда по поддержке исследовательской деятельности (FPVČ) «Художественная топография Праги XIX в. с точки зрения цифровой картографии в литературе» (проект №: FPVC2022/20).

Аннотация

В своей статье мы бы хотели дать характеристику персонажей в произведениях Витезслава Галека посредством когнитивного и перцептивного анализа. Цель нашего исследования — ответить на вопрос, как когнитивные и перцептивные механизмы персонажей влияют на принципы их стратификации в художественном произведении. Говоря о когнитивных и перцептивных принципах характеристики, мы, конечно же, рассматриваем их отображение в речевых актах, а именно — в речи персонажей или в голосе нарратора, не с точки зрения психологии или физиологии. Рассматриваемые аспекты зафиксированы в структурно-семиотических моделях как часть художественного нарратива. Таким образом, используя структурно-семиотические стратегии, фокусируясь на точках зрения персонажей (когнитивных и перцептивных), мы можем предложить не только типологическую классификацию персонажей в произведениях Галека (опираясь на описание персонажей), но и их взаимосвязи. Подобный подход позволяет рассматривать его произведения

как перерастание одного модуса структурно-семиотических отношений между персонажами в другой.

Ключевые слова

Произведения Витезслава Галека, система персонажей, когнитивная и перцептивная перспективы, модус наррации, несобственно-прямая речь, цитированный монолог¹, функциональная стратификация системы персонажей.

1. Введение

Теория литературы предлагает ряд подходов, в рамках которых можно рассматривать систему персонажей в художественном произведении. Ключевое значение для развития не только теории системы персонажей, но и структуры нарратива в целом имела написанная в конце 1920-х гг. работа В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки». В данном труде Пропп дал характеристику героям русской волшебной сказки с точки зрения их функций, что позволило ему рассмотреть персонажа как неотъемлемую часть сюжета. При подобном подходе другие его характеристики, передаваемые, например, именем, описанием, происхождением, речью или оценкой нарратора и т. д., отступают на задний план. Перечисленные аспекты, однако, могут сыграть свою роль при ином подходе к типологизации героев². Персонаж может рассматриваться также в рамках нарратологического анализа³. Применяться могут, однако, и другие способы референции, рассматривающие героя с точки зрения значения мимесиса, как об этом говорит Любомир Долежел⁴, а также сквозь призму феноменологии, психологии или социологии и т. д. Богатая классификация

¹ Передаваемые нарратором мысли персонажа, отображающие сам феномен сознания. См. подробнее: A summary of Dorrit Cohn's *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*. Princeton, New Jersey, 1978. URL: <https://garciala.blogia.com/2007/050801-transparent-minds.php> (дата обращения: 15.02.2022).

² Чешский теоретик литературы Даниэла Годрова определяет ряд подобных подходов: например, персонажи антропоморфизированные, редуцированные, говорящие, схематичные, персонажи-утверждения, а также целый ряд других (см.: *Hodrová D. ...na okraji chaosu...* Praha, 2001).

³ Ср., напр.: *Fořt B. Literární postava*. Praha, 2009.

⁴ См.: *Doležel L. Mimesis a možné světy // Česká literatura*. 1997. 45/6. S. 600–624.

персонажей проистекает, таким образом, не только из функционального анализа. Акторно-сетевая теория сегодня также предлагает свои способы рассмотрения персонажа с чисто экспериментальной точки зрения. Пример такой позиции можно найти в труде Франко Моретти, который при помощи данного метода анализировал персонажей в драме Шекспира «Гамлет»⁵.

Однако целью нашего исследования не является перечисление всех возможных теоретических или же методологических подходов к персонажу, который является одной из базовых категорий литературного произведения. В своей статье мы сосредоточимся на типологизации героев с точки зрения их функции в творчестве Витезслава Галека⁶ (чешский писатель из поколения так называемых «маевцев» — представителей литературного объединения, возникшего в 1858 г. вместе с альманахом «Май»⁷). В первую очередь при анализе текстов Галека нас будет интересовать классификация персонажей с точки зрения их когнитивных и перцептивных характеристик, а также некоторые другие аспекты, среди которых общественная оценка и психологизм.

Когнитивный принцип — способ, при котором (в нашем случае) в художественном нарративе представлено ментальное сознание персонажей, являющееся средством концептуализации художественной реальности, то есть основы их ментального восприятия. Неотъемлемой частью когнитивной перспективы рассмотрения героя является не только его опыт, представленный в данной художественной реальности, но и, как утверждает Шломит Риммон-Кенан⁸, его воспоминания, желания и т. п. Принцип перцепции отражает восприятие персонажа-

5 Моретти сосредоточился на взаимосвязях между персонажами, передаваемых их высказываниями. Однако он обращает внимание, что возможны и иные случаи (см.: *Moretti F. Teorie síti a analýza syžetu // ArteActa. 2019. 3*).

6 Творческое наследие Галека насчитывает более двадцати разных по объему рассказов.

7 Первый номер символично вышел 1 мая 1858 г. Отличительной чертой поколения маевцев (помимо Галека к нему относятся Ян Неруда, Каролина Светлая, Йозеф Барак, Якуб Арбес и многие другие знаменитые чешские писатели) было стремление открыть чешскую литературу прогрессивным влияниям и сделать ее космополитичной. В художественной практике де-факто это означало принятие реализма в чешской литературе.

8 *Rimmon-Kenanová S. Poetika vyprávění. Brno, 2001. S. 86.*

ми действительности посредством органов чувств, воспроизводит их сознание в функции восприятия.

Применив анализ и интерпретацию этих принципов, мы попытаемся предложить типологическую классификацию персонажей в произведениях Галека и ответить на вопрос, проходит ли она какую-либо трансформацию. Для наглядности мы разделили нашу статью на разделы: в каждом рассматриваются тексты, относящиеся к одному из этапов творческого пути Галека.

2. «Байрама» (1858), «Перевозчик» (1858), «Катюша, дочь кузнеца» (1859), «Музыкантова Лидушка» (1861)

Произведения, упомянутые в названии раздела, относятся к так называемому первому периоду творчества Галека. Для них характерно столкновение индивидуальных стремлений персонажей с теми, что продиктованы обществом (как правило, вторые проистекают из консервативных (деревенских) традиций). В рассказах «Байрама» и «Музыкантова Лидушка» сюжет строится на конфликте девушек с представлениями о мире и обществе, которым следуют их родители. Главная героиня «Музыкантовой Лидушки» отказывается подчиниться давлению родителей, принуждающих ее выйти замуж против своей воли. В «Катюше, дочери кузнеца» подобный конфликт происходит между Войтехом и его отцом, который не одобряет влюбленность сына. Вследствие сильных душевных переживаний некоторые герои, упустив свой шанс, сходят с ума. В упомянутых произведениях мы встречаемся с различным воплощением когнитивного и перцептивного принципов. Регуляторную функцию в текстах Галека обычно выполняет всеведущий нарратор, роль которого весьма значительна. Примером может служить вступительный пассаж «Музыкантовой Лидушки», где непосредственно переданы чувства главной героини и ее возлюбленного:

— А ну-ка, Тоничек, кто дольше?

— Что дольше, Лидушка?

— Давай глядеть в глаза друг другу: кто кого переглядит.

И Тоничек с Лидушкой смотрят не мигая в глаза друг другу.

О боже, как прекрасны ее глаза! Ведь такой голубизны в целом мире не сыщешь! А если и сыщешь, то едва ли найдется то, что таится в Лидушкином взоре. Даже лазурному небу не затмить ее очей. Разве светится небо такой добротой и невинностью? А какая чудесная душа отражается в них, — глядишь и наглядеться не можешь.

У Тоника уже помутилось в глазах [...]

Лидушкины глаза и в самом деле свели парня с ума. Все плыло перед ним, и Тоник, лихой танцор, сегодня поминутно выбивался из круга. То задевал стол, так что звенели стаканы, то натыкался на кого-нибудь и отскакивал в сторону, то снова влетал в круг и все топтался на одном месте — и вдруг упал⁹.

Восприятие и познание здесь взаимосвязаны. Узнавание, проходящее в данном конкретном случае посредством зрительного контакта персонажей, подкрепленное детской игрой, провоцирует дальнейшую обработку восприятия, которая проявляется серией визуализаций и ассоциаций. Эти внутренние процессы в персонажах определены двумя способами: сначала немаркированной прямой речью (подчеркнуто), а потом, во второй части цитаты, — речью всеведущего нарратора, который начинает контролировать повествование о внутреннем состоянии героя и переводит его во внешние обстоятельства сюжета. Между немаркированной прямой речью и речью всеведущего повествователя сильная взаимосвязь; повествователь «обрамляет» то, что происходит во внутреннем мире персонажей, переход между двумя пластами плавный, как мы можем наблюдать в следующем отрывке:

Но и Лидушка не менее горячо и страстно полюбила Тоника. На следующий танец Тоник вернулся к музыкантам, и Лидушка не пошла в круг — уселась в уголке и не сводит с Тоника глаз. Все в ней пело, потому что играл Тоник. Никогда еще давно знакомая мелодия так сильно не захватывала ее, а Тоник даже не догадывался, как глубоко она запала в Лидушкину душу.

Его глаза! Если бы можно было смотреть в них, пока не наглядишься.

«А почему нельзя? — думала Лидушка. — Ведь Тоник будет моим, а я его». Ее глаза заискрились безудержной радостью, когда Тоник взглянул на нее поверх нот.

Какой-то парень пригласил Лидушку танцевать, но она не расслышала его приглашения.

— Виданное ли дело! — изумился он и отошел к другой девушке¹⁰.

⁹ Цит. по: Галек В. В усадьбе и в хижине / пер. Е. Аникст. М., 1960. С. 31—32.

¹⁰ Там же. С. 32.

Использование немаркированной прямой речи для отображения внутреннего состояния персонажей в произведениях Галека не применяется последовательно и выступает, скорее, в роли коннектора с всеведущим нарратором. Следовательно, возникает вопрос, не являются ли случаи, обозначенные нами как «немаркированная прямая речь», лишь частью дискурса повествователя, а именно — его способа выстраивания повествования и высказывания?¹¹

Применяя критерии Долежела к дифференциации нарративов¹², мы выявляем в них все определяющие персонажа черты: указание на участников речевого акта, обращение, экспрессию, субъективную семантику и специфическую стилистику. Этот способ, однако, не единственный; подобным образом мыслительные процессы могут быть выражены прямой речью в функции внутреннего монолога:

Лидушка еще раз заглянула Тонику в глаза, но, услышав, как люди подтрунивают над Золотым женихом, призадумалась.

«Боже мой, — думала она, — каким странным становится человек, когда теряет рассудок!»

Как я сказал, эта мысль только мелькнула у нее, — как тучка заслонит на миг солнце, а пролетит — и снова ясно¹³.

Следующий вопрос — почему мыслительное восприятие персонажа вдруг проникает в представленный выше монолог? Ответ на него содержится уже в следующем высказывании повествователя: нарратор знает, что это было лишь мимолетное рассуждение, именно он контролирует ситуацию. В то время как немаркированная прямая речь несет с собой лишь определенное преодоление опосредованности; повествователь это мимолетное рассуждение допускает лишь на время, но сразу снова «берет контроль» над нарративом.

11 Любомир Долежел говорит об этом типе высказывания следующее: «Немаркированная прямая речь графически не отделена и не отличается от нарратива [...]. Немаркированная прямая речь выполняет следующую функцию в контексте: смягчает грань между противопоставленными друг другу высказываниями и тем самым формирует нарратив с более связным синтаксисом» (*Doležel L. Narativní způsoby v české literatuře. Příbram, 2014. S. 26*).

12 См.: *Doležel L. Narativní způsoby v české literatuře. Příbram, 2014.*

13 *Галек В. В усадьбе и в хижине. С. 36.*

Всеведущий нарратор Галека постоянно дает понять, что контролирует повествование и истоки повествовательного дискурса, в том числе мыслительные процессы и процессы восприятия персонажей, индуцируя их в свой собственный повествовательный процесс, что мы можем наблюдать в конце первой главы:

Сегодня парень был так весел, словно спозаранку утренней росой умылся.
А Лидушка?

Она уже лежала в постели, глаза ее слипались, а под окном, баюкая ее, звучала нежная музыка. В деревне еще не спали, стар и млад, прильнув к окнам, слушали музыку. Как хорошо знает Лидушка скрипку Тоника! Как любит свою подружку Тоник! А какие у него глаза! Ничего на свете ей не надо, только бы назвать эти глаза своими! Как они прекрасны! Посмотришь в них, и чудится, будто попал в волшебный край, где живет Тоник с Лидушкой вместе, и они уже никогда не расстанутся. Музыка смолкла. Лидушка уснула и во сне видела своего милого. Спокойной ей ночи!¹⁴

Из приведенного примера следует, что то, что мы могли бы рассматривать как проявление полупрямой речи (с такими параметрами, как экспрессивность, обращение и т. д.) и, следовательно, формальное выражение когнитивно-перцептивной перспективы персонажа, вероятнее всего является частью комментария нарратора: он обращается не только к читателю, но и к персонажам (о чем свидетельствует пожелание «Спокойной ночи!», адресованное Лидушке).

Функция всеведущего нарратора в произведениях Галека оказывает влияние на отображение когнитивно-перцептивных аспектов в характеристике персонажей. Повествователь Галека при помощи рассказывания конструирует традиционную схему — конфликт между коллективным пониманием порядка и устройства мира и отличающимся от него индивидуальным. Столкновение между полюсами происходит тогда, когда проецирование индивидуальных позиций и ценностей угрожает стабильности коллективного мироустройства. Так это происходит в случаях, когда Лидушка или Войтех (главный герой рассказа «Катюша, дочь кузнеца») восстают против воли своих родителей, которая является прототипом коллективной парадигмы (предусматривает послушание и подчинение родителям со стороны детей).

¹⁴ Там же. С. 36.

Помимо когнитивной характеристики персонажей большое значение в рассказах Галека рубежа 1850–1860-х гг. имеет идеологическая, составляющая «коллективное сознание». В текстах она представлена посредством «общественной позиции» — взглядов и принципов, которые функционируют как социальной регулятор и могут оказывать коллективное давление на индивидуума. Данный феномен является отличительной чертой деревенской прозы различных жанров¹⁵. Общественная позиция может быть реализована несколькими способами:

а) общественные ценности находят выражение в диалогах между персонажами, представляющими определенные социальные группы. Например, в рассказе «Байрама» мы наблюдаем диалог между дружкой и ночным сторожем, который предугадывает, как поведет себя мать Еника, когда узнает, что сын встречается с цыганкой. Сам диалог и его предмет соответствуют парадигме представлений деревенских жителей о мироустройстве.

б) другим способом является активизация всеведущего нарратора, который эксплицитно комментирует характер общественного мнения, обозначает происходящие в нем трансформации, описывает, каким образом в обществе распространяется злоба, клевета (см. приведенную ниже цитату из «Музыкантовой Лидушки»). Здесь присутствует примечательный переход от активного залога к пассивному: в первой части примера субъект выражен эксплицитно (простые люди), в то время как во второй части субъектом является результат действия. Данный переход подчеркивает последствия всех этих действий — наветы, клевета, шепотки и разного рода высказывания, которые определяют настроения деревни:

А в трактире уже пошли толки, одни шушукались, другие громко возмущались, уверяя, что Лидушка загордилась, но придет и ее черед. Она, мол, еще не знает жизни, а грех да беда на кого не живет. Так рассуждали вслух, а шепотком поди и не то говорили.

Но что из этого?¹⁶

Странные слухи понеслись по Зарубам, один за другим, словно ласточки весной. Постепенно их становилось все больше и больше, и деревня

¹⁵ Подробнее по теме см.: *Jedličková A., Koten J. Řeč není jen k mluvení // Česká literatura. 2018. 66/5. S. 645–650.*

¹⁶ *Галек В. В усадьбе и в хижине. С. 33.*

зашумела, как весенняя роща. Но не все толки были хорошими, не всякий щебет ласкал сердце, как пение птиц¹⁷.

Еще одним примером отражения коллективных представлений является номинация повествователем определенных персонажей. Так, выражение «золотой жених», несмотря на то, что было придумано одним из действующих лиц, отражает взгляд всего общества на наделенного им персонажа (см. пример ниже), что и придает прозвищу ироничный оттенок. В нем находит отражение не столько привычка героя повторять прилагательное «золотой», сколько оценка общества, которое через это слово устанавливает свое ироническое отношение к персонажу.

Получил он это прозвище потому, что каждого называл «золотой»: «золотой» жених, «золотая» невеста, «золотая» матушка, «золотой» батюшка и так далее. Некоторые считали, что у него просто не все дома, а другие уверяли, что он хорошо разбирается в людях и знает, чем их улестить. Поди разберись, кто из них прав. Впрочем, Золотой жених никого не обижал, а если впрямь был не в своем уме, то отличался редкой добротой. Хаживал он и на престольные праздники, танцы, по ярмаркам и везде быстро сходил с людьми, все у него сразу становилось «золотыми». На танцах он плясал с кем хотел. Ему все прощали — что, мол, взять с дурачка, а девушки то и дело подшучивали над ним¹⁸.

Примечательно, что обращение повествователя к общественным установкам является лишь определенной формой аппроксимации. Галека здесь прибегает к своему излюбленному приему временного ограничения взгляда «всеведущего» нарратора: несмотря на то, что в большинстве случаев повествователь имеет прямой доступ к внутреннему состоянию и процессам, происходящим в сознании персонажей, иногда он оставляет эту привилегию, отдавая предпочтение дедуктивному подходу (причем неважно, касается это общества или конкретного индивидуума). Это мы наблюдаем и во второй части предыдущего примера, где повествователь наблюдает, как по деревне распространяются странные, подчас дурные новости. Нарратор сообщает свое мнение, в своих выводах опираясь на особенности коллективного поведения, за которыми может наблюдать. Он не вникает

17 Там же. С. 36.

18 Там же. С. 34.

в механизмы распространения общественной позиции: в отличие от интроспекции внутреннего мира отдельных персонажей эта область остается для него не до конца доступной.

Повествователь также может передавать то, что наблюдают все и что в рамках заведенных общественных обычаев из этого наблюдаемого проистекает. Также он может представлять данные позиции с помощью приема, который мы видим в «Катюше, дочери кузнеца», а именно — цитируя общественное мнение (подчеркнуто):

Люди говорили: «Эта Катюша все поет! И как ей еще не надоело!»

Катюша и сама слышала, как одна тетенька говорила другой: «И как ей еще не надоело!» Катюша на минутку затихла и сказала себе: «Почему оно должно мне надоест?»

Однажды та же тетя сказала: «Ну, когда-нибудь это закончится»¹⁹.

в) третьим способом воплощения коллективного сознания является речь конкретного персонажа, которая в отдельном высказывании (рассказе) отображает общественное мнение или поверье, как, например, в «Байраме»:

— Почему вы смеетесь над Томешем, если он об этом просто не знает?
— снова спросил он тоном, который всем демонстрировал, что он-то в этом разбирается.

— Ну тогда расскажи нам! — сказал тот, кого называли Томеш.

— Я-то прямо с утра спросил об этом у старой Стожицкой, есть ли что, что она не знает! Цыганка, говорят, должна отрезать прядь своих волос и бросить ее в воду так, чтобы из нее точно испил тот, с кем она хочет это сделать. А еще, еще ей нужно раздобыть что-то, что было его телом согрето, и носить это у себя. Как только человек той воды изопьет, пойдет, куда ему деться, за цыганкой, даже если его в цепи заковать — пойдет, даже если искать ее ему на краю света. Так и с Еником случилось. И пока цыганка будет вещь ту с собой носить, он к ней будет ходить. Все вздрогнули. А не бросила ли в кадку какую цыганка и по их душу волосы? И каждый сам про себе подумал, что все проверит, как домой придет, не брошено ли там что²⁰.

19 *Hálek V. Kovářovic Kačenka* // *Hálek V. Muzikantská Liduška*. Praha, 1957. S. 106. — Здесь и далее, если не указано иное, перевод примеров из художественных произведений наш. — С. К.

20 *Hálek V. Bajrama* // *Hálek V. Muzikantská Liduška*. Praha, 1957. S. 81–82.

г) в качестве последнего способа упомянем дескрипцию, в частности — характеристику персонажа, что иллюстрирует следующая цитата из «Катюши, дочери кузнеца»:

Войтех Бартошев был уже в том возрасте, когда нечего бояться, что кто-нибудь из старших назовет тебя молокососом. Был в том возрасте, когда родители с чадом с удовольствием видятся, когда человеку нравится весь мир, а всему миру — человек; когда старожил со старожилом тягаются, а отец с матерью ближе со своим сыном как никогда раньше. Был в том возрасте, когда сын гордится тем, что, когда отец обращается к нему с мудрым словом, он может тому мудрым словом ответить. Был в том возрасте, когда не одна девушка старается принарядиться и не один вечер проводит за шитьем у свечи, чтобы парню в таком возрасте понравиться. Проще говоря, он был в том возрасте, о котором все говорили, что «парень невесту ищет».

И парень теперь иначе смотрит на мир, нежели другие люди. Девушка для него уже не просто, как раньше, та, с которой он просто играет, заигрывает, балуется и над которой подшучивает. Теперь он — будущий жених и на девушку смотрит с мыслью, может ли она стать его невестой или нет. И парень такой везде в почете: из детского возраста уже вырос, мужчины его замечают, а девочки хотят предстать перед ним в лучшем свете²¹.

Данный пассаж характеризует перемены, произошедшие в самооценке персонажа: как взрослый мужчина он «совершенно иначе смотрит на мир» и уже с новой позиции оценивает свои отношения с родителями (матерью и отцом), девушками, при этом отрывок также иллюстрирует модус отражения этих изменений персонажа в глазах общества (подчеркнуто в примере). Повествователь, во-первых, прибегнул к использованию глагола высказывания, а во-вторых, для выражения общественного мнения применил прием так называемой аподидактической констатации (такой парень везде в почете).

Как мы могли заметить, манера повествователя в произведениях Галека имеет ярко выраженный риторический характер. Он комментирует события, в деревне обращается непосредственно к персонажам, к читателю и своей оценкой демонстрирует, что был свидетелем описываемых событий. Непосредственно в событиях он принимает участие лишь частично (как это было в развязке сюжета

21 Ibid. S. 109.

в «Музыкантовой Лидушке»). Его функция — показывать на конкретном примере этическую проблему свободы воли, связанную с проблемой конфликта поколений. Важную роль здесь играет именно когнитивная перспектива, которая оказывает значительное влияние на типологическую классификацию персонажей в сюжете. По принципу отношения к общественной позиции и выражения коллективного сознания в произведениях этого периода можно выделить несколько типов персонажей:

<i>Не индивидуализированные</i>	<i>Частично неиндивидуализированные</i>	<i>Частично индивидуализированные</i>	<i>Индивидуализированные</i>
Персонажи или группы персонажей, которые выступают носителями (индексаторами) коллективного сознания (тети, челядь, собирательный образ девушек и парней)	Персонажи, которые выступают носителями коллективного сознания (родители протагонистов)	Персонажи, которые не выступают носителями коллективного сознания (старый цыган, Золотой жених)	Персонажи, которые не выступают носителями коллективного сознания, сопротивляются ему (протагонисты: Лидушка, Катюша, Войтех, Еник, Салем)

Таблица 1: Функциональная типология персонажей с точки зрения их отношения к коллективному сознанию.

Еще один интересный пример рецептивной перспективы. Нижеприведенная цитата из «Перевозчика» показывает, как при помощи данной перспективы рассказчик передает не только то, как персонаж воспринимает вечернее небо, но и свое отношение к тому, как он погружается в сон: его субъективное описание сливается с общественным мнением, ибо герой среди местных слывет соней. Такой подход позволяет отобразить и определенную степень наивности героя, что является еще одним способом характеристики:

Сначала ему казалось удивительным, что их так много; что некоторые из них такие яркие, а другие — маленькие, как туман, да, именно, как туман. На них тяжело смотреть: у человека туманится взгляд, и туман этот все

густеет и густеет; становится как настоящий туман. Наступает темнота, из-за тумана, словно ночью, слипаются глаза, и Мартин засыпает²².

Рефлексия посредством органов чувств, казалось бы, должна проходить у конкретного субъекта (рассказчика или персонажа), даже если он недостаточно конкретизирован в тексте. Приведенный пример, однако, показывает, как чувственное восприятие художественной реальности не фиксируется на субъекте, а соотносится с общей канвой повествования, общей атмосферой, коллективным опытом чувственного восприятия. Самым ярким примером является изображение пейзажа, передающего романтически-сентиментальное настроение природы, что мы наблюдаем в «Байраме» или «Перевозчике» (см. пример ниже); здесь присутствуют мотивы вечерней природы, скал, вечернего неба, спокойной воды или музыкальные мотивы.

Арфа и пение вечером у воды являются чем-то прекрасным сами по себе. Все такое тихое — рыбки ищут, где бы отдохнуть, на небе — тихая синева, на побережье — кусты в легкой дремоте, и все это сопровождает чистое пение в аккомпанементе арфы. Наверное, все уже перешли на другой берег²³.

3. «Наш дедушка» (1863), «У барской двери» (1866), «Домашний учитель» (1867), «Забытый» (1867)

Для следующего периода, в который входят приведенные выше произведения, характерна иная общая закономерность: отличие касается в первую очередь функции когнитивного аспекта в характеристике персонажа. Если в рассказе «Наш дедушка» трансформация изначального опыта главного героя в новый является лишь одной из сюжетных тем, то для рассказов «У барской двери», «Домашний учитель» и «Забытый» данная интрига становится центральной. Ниже-следующий анализ это подтверждает.

В рассказе «У барской двери» когнитивный аспект характеристики представлен повествователем-комментатором и отражает то, как Карла, главная героиня, оценивает свое положение в семье, отношение к мужу и ребенку. Утрата юношеских идеалов и вынужденный брак де-факто привели к тому, что она перестала воспринимать себя адекватно, став пассивной и апатичной. Ее понимание о себе самой приту-

22 Ibid. S. 147.

23 Ibid. S. 142.

пилось, упростилось до такой степени, что в целом стало пассивным и апатичным. Когнитивная перспектива реализуется посредством психонаррации²⁴ и становится центральной линией повествования, которое фиксирует трансформации Карлы вследствие изменений ее социальной ситуации. После того как ее муж становится банкротом, а она сама нищенкой, в героине просыпаются ранее не осознаваемые внутренние чувства, такие как любовь и сострадание²⁵. Только утратив материальное благополучие, героиня становится способна понять, что такое счастье, скрывающееся за прозой повседневности.

Способ, которым реализована такая перемена внутренней самоидентификации персонажа, основан на базовом композиционном приеме контраста, опирающемся на возможности когнитивной перспективы. Контраст создается посредством несовпадения духовной жизни и социального положения героини: если внутренний мир относительно богатой молодой женщины отличает безразличие, в ее новом социальном статусе нищенки он ключевым образом меняется, углубляется и приобретает ясные и прочные очертания. Карла осознает истинную ценность человеческого счастья и страдания, любви и значение прощения²⁶. То, как повествователь комментирует состояние сознания персонажа, отвечает важной цели — эксплицитно изобразить его внутренний мир, а также обличить современное состояние лицемерного общества²⁷.

Дедушка в рассказе «Наш дедушка» не является «частично индивидуализированным персонажем, который выступает носителем коллективного сознания» (несмотря на то, что в начале произведения он так же, как и другие герои Галека, препятствует романтическим отношениям сына), а представляет собой персонаж полностью индивидуализированный, в котором повествователь наблюдает внутренние перемены. Сначала речь идет о несчастной любви его сына Яна к соседской девушке Бетушке (эта героиня, в свою очередь, демонстрирует черты других персонажей, которые были упомянуты нами в

24 Термин, который использует Доррит Кон и определяет как «дискурс нарратора о сознании персонажа». См., например: *Cohn D. The Encirclement of Narrative: On Franz Stanzel's Theorie des Erzählens // Review of Theorie des Erzählens, by F. Stanzel. Poetics Today. 2 (2). P. 157–182.*

25 Ср.: *Hálek V. U panských dveří // Hálek V. Povídky II. Praha, 1957. S. 96, 102–103, 105.*

26 Ср.: *Ibid. S. 96, 102–103.*

27 Ср.: *Ibid. S. 82, 91.*

таблице № 1), далее нарратив повествователя смещается к фигуре дедушки с целью продемонстрировать постепенную трансформацию его представлений. Некогда упрямый отец, препятствовавший развитию отношений сына, под натиском новых жизненных обстоятельств — результата его действий в прошлом, превращается в старика, который с течением времени все сильнее осознает собственное одиночество. Только в самом конце рассказа он находит в себе силы на прощение.

В рассказе «Забывтый» мы встречаемся с другой интересной техникой репрезентации когнитивных и перцептивных принципов, которая тесно связана с проблемой выстраивания психонаррации. Построение подобного высказывания происходит посредством всеведущего нарратора, что показывает следующий пример:

Во время игры у него была странная привычка. Так сказать — особенность речи. Все нежные звуки он посылал Ленке: он ее с ними отождествлял, всегда в этот момент смотрел только на нее. Был счастлив, если она смотрела на него. Несчастен, если она его не замечала. Низкие звуки предназначались мужской части публики: пока они звучали, глаза его бегали с одного ее представителя на другого. Средние относились ко всем: здесь он уже бегал глазами по рядам, словно оратор, произносящий свою речь с трибуны. Он предпочитал нежные звуки, выбирал те мелодии, где их было больше. [...] Длугош думал в категориях звуков, поэтому мысли его и взгляды утрачивали всякую волю, определенность и остроту²⁸.

Так же как рассказ «У барской двери», данный текст является историей о человеке, который из мучительной фазы бездействия переходит в состояние развития и обогащения своего внутреннего мира. С точки зрения когнитивного анализа речь идет о постепенной трансформации от изначальной позиции страдания к итоговому ощущению гармонии, которое (если рассматривать его с точки зрения самосознания персонажа) является своего рода «пробуждением» от духовной летаргии. Однако здесь подобный переход завершается смертью персонажа. С этой точки зрения данный рассказ отличается от рассказов «Домашний учитель» или «Первая любовь», которые завершаются тем, что персонажи находят способы выражения своего чувственного мироощущения. В этих рассказах также присутствует трансформация когнитивного и чувственного самоопределения центрального персо-

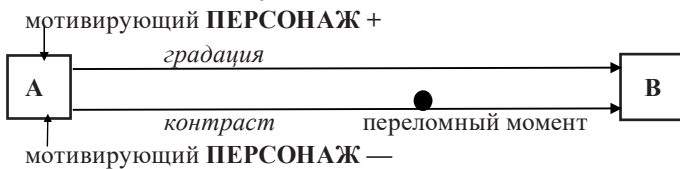
28 *Hálek V. Zapomenutý // Hálek V. Povídky II. Praha, 1957. S. 171.*

нажа. «Забытый» в большей мере соотносится с рассказом «У барской двери», где главная героиня находит свое «откровение» в одиночестве и изоляции от людей²⁹.

С точки зрения функциональной типологии персонажей, представленной в предыдущей таблице, в рассказах постепенно, начиная с рассказа «Наш дедушка», происходит переход к построению новой модели, в которой акцент сделан на центральном персонаже и его внутренней трансформации.

В то время как рассказы рубежа 1850–1860-х гг. («Перевозчик», «Катюша, дочь кузнеца» и «Музыкантова Лидушка») отражают конфликт между индивидуумами и социальными предубеждениями, рассказы «У барской двери», «Домашний учитель», «Первая любовь» и «Забытый» можно охарактеризовать как повествование о внутренней перемене их героев. Этим обусловлено и заметно более частотное применение психонаррации. Следующим отличием вышеупомянутых групп рассказов является выбор пространства: местом действия первой группы является деревня, второй — городское пространство. Опираясь на сюжетную канву, мы предлагаем следующую схему по принципу контраста:

импульс, приводящий к реализации чувственного переживания: «Первая любовь», «Домашний учитель»

импульс, не приводящий к реализации чувственного переживания: «У барской двери», «Забытый»

«Мотивирующий персонаж +» (объект влюбленности) разделяет чувства протагониста (в «Первой любви» таковой является Эмилия, в рассказе «Домашний учитель» — Лидушка), в то время как «мотивирующий персонаж -» — не разделяет (в рассказе «У барской двери» это Гавел, в рассказе «Забытый» — Ленка). В рассказах, композиция которых выстроена по принципу контраста, момент внутренней постепенной трансформации персонажа является переломным. В рассказах, выстроенных по принципу градации сюжета, такой переломный момент отсутствует. Если попытаться все же его более четко опре-

делить, мы могли бы рассматривать в качестве переломных те части повествования, где главный герой начинает в полной мере признавать свои чувства. К финалу он проходит жизненные испытания, которые его формируют, трансформируют ход его мыслей и внутренний мир и приводят к новому состоянию (**В**), которое радикально отличается от состояния в начале (**А**).

4. «В усадьбе и в хижине» (1873), «На выделе» (1874), «Под полым деревом» (1874), «Возле пустынного холма» (1874)

Для произведений Галека 1870-х гг. характерно усиление психологизации персонажей, с чем связана актуализация перцептивной и когнитивной перспектив. В начале 1870-х гг. в журнале «Люмир» выходит рассказ Галека «В усадьбе и в хижине». Когнитивная перспектива в данном тексте имеет отличительную функцию поляризации мира (о чем свидетельствует и название), с которой связана аксиологическая дихотомизация персонажей. Положительным полюсом здесь выступает всеведущий нарратор, благодаря ему воссоздается когнитивная перспектива персонажей. Однако здесь она в большей степени реализована через прямую речь персонажа, отражающую способ его мышления, характерные особенности его отношения к миру. Уже во введении отец поучает маленького Иржи, как тому воспринимать природу, воспитывая сына в соответствии со своей концептуальной парадигмой — в убеждении, что человек должен жить в гармонии с законами природы, естественно адаптируемыми к ментальности человека. Понимая основные законы природы, мальчик учится видеть взаимосвязи, осознает, что он также является частью происходящих процессов и только тогда, когда он живет в гармонии с ними, жизнь его полна.

Очень тесно с этим связана и перцепция персонажа, так как когнитивная схема зиждется на чувственном опыте, который герои (отец и его сын Иржи) приобретают в естественной для них среде (для них это — девственная природа, лес и все, что с ними связано). Как у отца, так и у Иржи мы можем наблюдать, как два типа перспективы функционально дополняют друг друга:

Иржи не мог избавиться от какой-то тяжести в груди, веки отяжелели, руки словно свинцом налились; ему стало невмоготу в халупе. Он опять взглянул в окно — там снова мелькнули те же глаза. Мальчик вскочил как ужаленный, подбежал к окну — их собака скребла лапой по стеклу и вдруг залаяла. Все это вселяло ужас. Иржи выбежал из хижины — пес был один.

Это был недобрый знак — пес никогда не возвращался без хозяина. Мальчик увидел в собаке то, что его испугало, услышал в ее лае то, что прекрасно понял. Ведь отец так старательно учил его видеть и слышать³⁰.

Для наглядности разобьем отрывок на сегменты:

- А:** изображение восприятия персонажа:
В: изображение его рассуждения — осмысление:
С: восприятие + осмысление:

Таблица 2: Постепенное функциональное соединение когнитивной и перцептивной перспектив персонажа в рассказе «В усадьбе и в хижине».

На примере приведенной цитаты можно сделать вывод, что объединение (формально данный процесс можно было бы изобразить

Он опять взглянул в окно — там снова мелькнули те же глаза. Мальчик вскочил, как ужаленный, подбежал к окну, — их собака скребла лапой по стеклу и вдруг залаяла.

как $A \cap B = C$) восприятия и оценки реализуется повествователем, в кратком эпизоде соединившим два эти полюса. Так уровень воспри-

Это был недобрый знак — пес никогда не возвращался без хозяина.

ятия и осмысления сливаются, взаимообуславливают друг друга, что оказывает влияние на типологизацию персонажей (см. таблицу № 3).

Мальчик увидел в собаке то, что его испугало, услышал в ее лае то, что прекрасно понял.

В приведенном отрывке также видно, как функционирует сознание Иржи. Его основой является чувственное восприятие, которое соединяется с осознанной концептуализацией воспринимаемого путем осмысления взаимосвязей между объектами. Мыслительные процессы Иржи описываются в тексте, когда тот приходит в Лесную усадьбу, где встречается с Ленкой, которая показывает ему хозяйство

³⁰ Галек В. В усадьбе и в хижине. С. 32.

и отводит в сад за домом. Ранее оба проходят рядом с выделом, где замечают «седого дедушку», который спит на лежаке. Увидев сад, заросший травой и крапивой, Иржи задает своей спутнице простой, но неожиданный вопрос: «А сад тоже “дедушка”?»³¹ С точки зрения детского персонажа такой вопрос в целом естественен и в контексте повествования не кажется странным. Иржи не учился в школе, его обучал отец на свой лад, обучал, как понимать природу и себя самого. Однако такой вопрос — интересный пример механизма когнитивной перспективы Иржи. Выше уже было сказано, что в случае данного персонажа осознание проистекает из чувственного опыта и понимания логических взаимосвязей между явлениями. Тот же процесс мы наблюдаем и здесь: увидев дедушку, а позднее сад, герой объединяет их на основании онтологических качеств — дедушка и сад с точки зрения Иржи естественно соотносятся друг с другом, наделены родственными чертами (оба бесхозны, брошены и никому не нужны). Данный процесс является отображением функционального симбиоза между перцепцией и когнитивными процессами, которые основаны на заложенных ранее внутренних отношениях человека с природой, являющихся онтологическим фундаментом концептуализации человеческого мира.

Приведенный пример не единственный. Когда маленькому Иржи снится сон о Ленке, приведшей его в усадьбу, действие снова развивается в контексте ассоциаций, которые мальчик черпает в приобретенном опыте контакта с природой. В рассказе «На выделе» когнитивная перспектива ребенка представлена при помощи стилизации под детское наивное восприятие, которое позволяет соединять события и явления окружающего мира в простые ассоциативные ряды. Так маленькая Стаза «дождалась [...], когда кто-то умрет, будут копать могилку, а она в ней будет спать, “прямо как маменька”»³². Примечательна также роль всеведущего нарратора, комментирующего рецептивную и когнитивную перспективы персонажа, что иллюстрирует данный пример:

Как мы уже заметили раньше, Иржи обладал удивительно сильным и тонким чутьем, необычайно развитым благодаря образу жизни и ставлениям отца, который никогда ничего не делал вслепую, а всегда действовал уверенно и без промаха. Если хотите, особая смекалка по-

31 Там же. С. 38.

32 *Hálek V. Na vejminku // Hálek V. Povídky II. Praha, 1957. S. 72.*

могала им обоим быстро разбираться по всем и со всем успешно справляться. Внутренняя сила и здравый смысл роднили их с природой, среди которой они чувствовали себя как дома³³.

Все поступки протагониста основаны на представленной парадигме, которая в тексте получает однозначно позитивную оценку (1), эксплицитно выраженную всеведущим нарратором. На другом конце воображаемой аксиологической прямой оказываются персонажи, модель поведения которых прямо противоположна (-1): таков образ крестьянки, в качестве мачехи появившейся в Лесной усадьбе и чинящей всем, особенно Ленке, большие препятствия. Когнитивная перспектива становится функциональным элементом, который в значительной степени определяет базовый структурный принцип построения художественного мира, имеющий (что характерно для Галека) двойственную природу. Когнитивная перспектива и ее парадигма проявляются не только в системе персонажей, но и в семантике пространства (а также в окружении), которое также можно разделить на два полюса, что доказывает следующая таблица:

ПЕРСОНАЖИ

1	0	-1
Иржи		
Ленка		
Отец Иржи		
Дедушка		
Отец Ленки	←————→	крестьянка

ПРОСТРАНСТВО

Хижина				
Лес				
Усадьба	←————→	усадьба	←————→	усадьба

Таблица 3: классификация персонажей и пространства по принципу когнитивной перспективы.

Как вид-но на схеме, некоторые сегменты имеют тенденцию колебаться, что объясняется центральным конфликтом: под негативным влиянием крестьянки отец Ленки забывает о своей

³³ Галек В. В усадьбе и в хижине. С. 41.

дочери, которая оказывается один на один с тиранией мачехи. По этой причине ее родной дом когда-то становится местом страдания и одиночества. Несмотря на то, что в финале мачеха уходит и отец осознает свою неправоту и корит себя до потери рассудка, природное равновесие, основанное на коллективных ценностных ориентирах, уже едва ли можно восстановить. Отца Ленки нельзя отнести сугубо к отрицательному полюсу, его «колебания» между добром и злом завершаются «возвращением» к полюсу положительному. В случае с усадьбой ситуация другая. Иржи и сбежавшая из дома Ленка ненадолго покидают хижину и возвращаются в усадьбу, чтобы помочь отцу Ленки поправиться. После чего Иржи сообщает тестю, что он планирует и дальше жить с женой в хижине, потому что именно она является их настоящим домом. Они делят время между хижинкой и усадьбой, но только в хижине они по-настоящему счастливы, там и заканчивается рассказ.

Как уже было сказано, когнитивная перспектива персонажей в данном случае реализована выразительнее и через прямую речь, что в контексте творчества Галека демонстрирует значительную динамику. Свои взгляды персонажи выражают эксплицитно: разговоры Иржи и Ленки о ситуации в усадьбе показывают, что их диалоги — уже не просто подтверждение тезисов повествователя, как это было в ранних произведениях Галека, а что их речь является самостоятельным сегментом текста, отображающим позицию персонажей³⁴. В их высказываниях отражается изначальная концептуальная парадигма, определяющая их как персонажей. И если в случае обоих протагонистов (Иржи и Ленки) их позиция и взгляды неизменны, то в случае отца Ленки под влиянием произошедших событий, а также разговора с Иржи в нем происходит трансформация.

В рассказах Галека 1860-х гг. («Наш дедушка», «У барской двери», «Домашний учитель», «Забывтый») функция нарратива была сосредоточена на развитии персонажей, на их качественном переходе в новое состояние, в фокусе же рассказа «В усадьбе и в хижине» — внутреннее перерождение персонажей (что не в полной мере характерно для Иржи); характеристика главных героев отличается большей степенью психологизма и интенсивностью высказываний (типично для Иржи), последние являются знаковым функциональным носителем ментальных референций и критериев оценки, и при этом они практически не

34 Ср.: *Hálek V. Na statku a v chaloupce // Hálek V. Povídky II. Praha, 1957. S. 282, 307, 312–313.*

связаны с голосом всеведущего нарратора. Налицо также преодоление старой сюжетной схемы, построенной на конфликте между детьми и родителями, препятствующими их любви. Хотя в этом рассказе принадлежность к социальной группе является элементом сюжета, она не доминирует; центральным становится различие в системе ценностей, обуславливающее представления и позиции главных героев и четко определяющееся в финале. Этим объясняется акцент на психологии персонажей, не проработанной детально, но проявляющейся здесь куда в большей степени, нежели в ранних текстах Галека. В вышеупомянутом рассказе ее носителем является всеведущий повествователь.

В произведениях 1870-х гг. акцент сделан на личностных психологических качествах детей. Их психология изображается посредством всеведущего нарратора, который обращается к внутреннему миру этих персонажей. В рассказе «На выделе» обращает на себя внимание принцип передачи детской психологии. Перцепция персонажей здесь постепенно меняет свою функцию: из нарративной референции, относящейся к объекту, она становится инструментом, посредством которого читатель погружается в психологическое состояние персонажа. В приведенном ниже примере данный переход происходит тогда, когда увиденное перестает быть просто увиденным, преодолевает понятийные рамки чувств и становится специфической ментальной проекцией. В случае маленького Франека, направляющегося на кладбище, чтобы организовать похороны своего дедушки, таким переломным моментом является эпизод, когда кладбищенский крест, окружающая зелень и все кладбище в его сознании антропоморфизируются (аналогичная ситуация фактически повторяется в конце произведения, когда Франек идет попросить у гробовщика руки Стазки):

Он будто впервые увидел выступающие над стеной кресты, темно-красный крест с жестяным Иисусом на нем, жилище могильщика, строение, где лежат кости, — теперь, напротив, зеленые луга и поля вокруг казались ему ненастоящими, и только кладбище имело для него значение. Оно возвышалось перед мальчиком подобно сказочному великану, который словно хотел что-то сказать ему, а что — непонятно... Безотчетный страх стеснил сердце Франека³⁵.

Представленный пример — не единственный в творчестве Галека 1870-х гг. Функция подобного приема также композиционная, так как

35 Галека В. Повести и рассказы. Л., 1985. С. 67.

внутренний мир протагонистов-детей образует контрапункт к миру взрослых и к их способу ментальной концептуализации событий художественного мира.

Углубление психологизма детских персонажей, с которым тесно сопряжена когнитивная перспектива, характерно для рассказа «Под полым деревом». Психологизация персонажей реализована здесь посредством нарративного комментария, который имеет интроспективный интерпретационный характер. Примечательно, как нарратор реконструирует когнитивную позицию детского персонажа. В прямой речи ребенка когнитивное восприятие не имеет четкого маркера: речь актуализируется посредством стилизации под детский менталитет. Только комментарий повествователя дополняет мотивировку речевого акта:

Так пришли ко взаимопониманию эти два маленьких дипломата, и когда им обоим результат понравился, Веник сказал:

— Ты еще сирота, Криста?

— Ты же знаешь, что я сирота. У меня ни папы, ни мамы, — сказала она так, что Венику сразу стало так печально на душе. Ему казалось, что он обязан сделать Кристе что-то, чтобы она стала меньше сиротой. Поэтому он сказал:

— И у меня мамы нет.

Сказал он не для того, чтобы похвастаться, а так, словно передавал Кристе подарок, и подарком этим как будто была его мама, которой у него не было. Веник думал, что он сделал то, что хотел для Кристи: отказавшись от своей матери, он положил свой отказ на весы, а на вторую чашу то, что за это он станет к Кристе ближе. Он гордился тем, что сирота, чтобы Кристе с ее сиротством было легче. Он отрекался от своей матери так, как будто еще мог от нее отречься³⁶.

Комментарий нарратора шире возможностей детского разума, который ведет за собой воображение, отсюда — ряды ассоциаций (когда «осколок — это миска, кусок глины — пирог, а камушек — целый дом»³⁷). Когнитивная перспектива ребенка характеризуется стремлением к концептуализации, что становится важным мотивом детской дружбы между Веником и Кристой, постепенно переросшей для первого в любовь, закончившуюся для него трагически. Сходное

36 *Hálek V. Pod dutým stromem // Hálek V. Povídky II. Praha, 1957. S. 325.*

37 *Ibid. S. 326.*

впечатление производит эпизод, когда Криста из веточек, шиповника и чабреца мастерит тело матери Веника, о которой сын ничего не знает, даже была ли она похоронена. Криста хочет это исправить, поэтому они вместе инсценируют похороны. Шиповник, ветви вербы и чабреца олицетворяют сердце, руки и голову мамы Веника. Когнитивная перспектива в данном случае реализована несколькими способами. Во-первых, она отражается в наивной речи персонажей, когда Криста называет части растений частями тела человека. Во-вторых, представлена комментарием нарратора, называющим эти ассоциации. В-третьих, лексически выражена внутри комментария: повествователь намеренно «переключается» на когнитивную перспективу ребенка, выбирая конкретные выражения. В приведенном ниже примере таким словом является «мама». Его использование позволяет нарратору балансировать между восприятием ребенка и стилизацией его поведения, принять правила игры детского воображения, не пытаясь его интерпретировать. Слово «мама» без вводного оборота «как будто это была она» говорит о том, что нарратор стремится отобразить мыслительный процесс мальчика, словно это его понимание действий Кристи:

Когда Криста встала, чтобы принести маму Веника, встал и Веник, и начал под полым деревом делать маме своей могилу. Выдалбливал его в земле перочинным ножом. Когда же могила была готова, Криста принесла маму: тело ее занимало все ее колени, по всему лесу насобирала она его, по всей округе.

Теперь они начали опускать ее в могилу. Сначала Криста выложила могилу мхом, чтобы маме было мягче³⁸.

Речь идет об одном из важнейших способов, которым в тексте представлена когнитивная перспектива персонажа и который объединяет ее с психологизацией героя. Это происходит, когда в жизни героя возникает момент перерождения детской дружбы в пробуждающуюся юношескую любовь и когда он утрачивает объект своих чувств. Повествователь усиливает акцент на когнитивной перспективе, во-первых, повторяя одинаковые слова и обороты («для него было», «якобы» «бо-ялся»), во-вторых, сокращая предложения и прибегая к приему много-союзия. И то и другое также способствует передаче психологических процессов в сознании персонажа:

38 Ibid. S. 326.

А потом он уснул. Сон его был полон Кристой. Ему снилось, что она кладет ему голову на руку. Ему казалось, будто он просыпается и перед взором его простирается самое счастливое время его жизни. Ему казалось, что он совершенно счастлив, что в счастье у него есть все, и в счастье этом он снова уснул. И снова будто бы видел в лице ее страсть и жар, сквозь которые простиралась девичья целомудренность, что ни описать, ни выразить. Сон его был такой реальный, что ему казалось, будто это не мог быть сон. Когда он проснулся утром, не знал, насколько реальность отличается от этого сна. Эта ночь была для него и реальностью, и сном. Он боялся, что сон его превратится в реальность, но боялся еще больше, что он так сном и останется³⁹.

Акцент на психологизации детского персонажа⁴⁰, наблюдаемый в творчестве Галека рассматриваемого периода, характеризуется отсутствием маркированного внутреннего монолога. В поздних произведениях автора мысли героев передаются именно при его помощи. Однако в представленном выше и последующих текстах такой подход заменен или интерпретацией повествователя, или интенсификацией мысли и чувственного восприятия персонажей. Если в тексте и встречаются внутренние монологи, за ними следует их эксплицитно выраженное содержание: «Он слышал пение разных голосов, потом слышал, как поет Криста, и вдруг начал говорить сам с собой. Он бы хотел встать у окна, чтобы не заметить всего этого»⁴¹. Это своего рода слияние внутреннего монолога и комментария нарратора; данный сегмент является иным способом передачи настроений персонажа: «Потом он размышлял. Если бы он пошел за скрипкой и начал играть под окном, это было бы странно. Криста бы его услышала, и что? Испугалась бы? Продолжила бы петь и шутить? Потускнела бы ее песня и шутка? Представим, что потускнели бы. Все бы затихло, а Венек бы остался один, а она бы осталась там где-то одна»⁴².

Выше уже упоминались примеры коллективного восприятия и когнитивного осмысления у Галека. В произведениях 1870-х гг. можно обнаружить еще один, связанный с когнитивной и перцептивной

39 Ibid. S. 347.

40 Психологизация не ограничивается только детскими персонажами, хоть для них она достаточно характера, о чем свидетельствует рассказ «Студент Квох» (1874).

41 *Hálek V. Pod dutým stromem // Hálek V. Povídky II. Praha, 1957. S. 360.*

42 Ibid. S. 361.

перспективами, тип, который можно охарактеризовать как трансляцию нарратором читателю когнитивной и перцептивной перспектив. Ключевое различие между коллективным сознанием и перцепцией заключается в том, что в данном случае их единственными носителями являются повествователь и читатель. В рассказе «На выделе» примером такой общей перцепции служит эпизод, когда нарратор комментирует слезы Франека и пение Стази: «Стазино пение тоже было плачем... Если бы кто-нибудь оказался свидетелем этой сцены, она потрясла бы его глубины души»⁴³. Еще выразительнее пример из рассказа «Возле пустынного холма». Текст начинается с картины пейзажа, детали которого (цветы, птицы) нарратор и читатель воспринимают одновременно. Временные отрезки между отдельными моментами восприятия («Через несколько лет мы снова проходим мимо этой хижины») способствуют выстраиванию рамки центрального места действия с позиции случайного наблюдателя (в чем и заключается их основная функция). Перцепция, таким образом, выполняет композиционную функцию: в конце произведения снова изображен пейзаж под пустынным холмом. Тем самым события не просто переносятся в определенную локацию, но и через повествование оказываются связаны с этим местом. Одновременное восприятие изображаемого представляет другой принцип подачи материала, который мог использовать и всеведущий нарратор (см. вступительный пассаж «Дикой Бары» Божены Немцовой). Подобный подход позволяет соотнести перцепцию повествователя и читателя. Траектория высказывания движется от мысленного восприятия рамки к деталям (речь идет об описании строений и их обывателей). Схожую роль играет и корреляция когнитивного восприятия, когда повествователь, комментируя, ссылается на то, как увиденное может быть воспринято. Условием для такого восприятия является соотнесение перцепций, предопределяемое общей точкой зрения наблюдателя:

Не может этого быть! Неужто это та самая хижина? Кто ж это так изменился, хижина или мы? И хижина, и мы.

[...]

Могло показаться, что это торчат над землей остатки забора, но это был не забор, а стены. На стены сверху было брошено несколько жердин, на жерди накиданы ветки, мелкие сучья и дерн — и это являлось крышей. Поскольку от холма с хижинкой у его подножья вправо и влево по

43 *Hálek V. Na vejminku. S. 134.*

берегу тянулись леса, можно было предположить, что хибарка служит укрытием для охотника, выслеживающего зверя, но и подумать было нельзя, чтобы в ней кто-нибудь постоянно обитал⁴⁴.

5. Заключение

Проведенный анализ когнитивной и перцептивной перспектив в творчестве Галека дал возможность выделить в его творчестве несколько основных периодов и предложить типологическую классификацию персонажей его произведений. Можно также констатировать, что в рамках рассмотренных периодов наблюдается определенная эволюция в сторону усиления психологизации персонажей.

Перевод С. А. Кожинной

Источники и литература

Галек В. В усадьбе и в хижине. М., 1960. 196 с.

A summary of Dorrit Cohn's *Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction*. Princeton, New Jersey: Princeton UP, 1978. URL: <https://garciala.blogia.com/2007/050801-transparent-minds.php> (дата обращения: 15.02.2022).

Cohn D. The Encirclement of Narrative: On Franz Stanzel's *Theorie des Erzählens* // Review of *Theorie des Erzählens*, by F. Stanzel. *Poetics Today*. 2 (2). P. 157–182. DOI: 10.2307/1772195.

Doležel L. Mimesis a možné světy // *Česká literature*. 1997. 45/6. S. 600–624.

Doležel L. Narativní způsoby v české literatuře. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2014. 114 s.

Fořt B. Literární postava. Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2009. 112 s.

Hálek V. Muzikantská Liduška. Praha: Mladá fronta, 1957. 188 s.

Hálek V. Povídky II. Praha: SNKLHU, 1957. 392 s.

Hálek V. Povídky III. Praha: SNKLHU, 1957. 436 s.

Hodrová D. ...na okraji chaosu... Praha: Torst, 2001. 866 s.

Jedličková A., Koten J. Řeč není jen k mluvení // *Česká literature*. 2018. 66/5. S. 623–660.

Moretti F. Teorie síti a analýza syžetu // *ArteActa*. 2019. 3. S. 57–84.

Rimmon-Kenanová S. Poetika vyprávění. Brno: Host, 2001. 176 s.

44 Ibid / пер. Р. Тугушевой. S. 225. (Маркировано полужирным автором статьи.)

References

A summary of Dorrit Cohn's Transparent Minds: Narrative Modes for Presenting Consciousness in Fiction. Princeton, New Jersey: Princeton UP, 1978. URL: <https://garciala.blogia.com/2007/050801-transparent-minds.php> (accessed: 15.02.2022).

Cohn, D. "The Encirclement of Narrative: On Franz Stanzel's *Theorie des Erzählens*." Review of *Theorie des Erzählens*, by F. Stanzel. *Poetics Today*, 2 (2), pp. 157–182, DOI: 10.2307/1772195.

Doležel, L. "Mimesis a možné světy." *Česká literatura*, 1997, 45/6, pp. 600–624.

Doležel, L. *Narativní způsoby v české literatuře*. Příbram: Pistorius & Olšanská, 2014, 114 p.

Forť, B. *Literární postava*. Praha: Ústav pro českou literaturu AV ČR, 2009, 112 p.

Hálek, V. *Muzikantská Liduška*. Praha: Mladá fronta, 1957, 188 p.

Hálek, V. *Povídky II*. Praha: SNKLHU, 1957, 392 p.

Hálek, V. *Povídky III*. Praha: SNKLHU, 1957, 436 p.

Hálek, V. *V usad'be i v khizhine*. Moscow, 1960, 196 p.

Hodrová, D. *...na okraji chaosu...* Praha: Torst, 2001, 866 p.

Jedličková, A., Koten, J. "Řeč není jen k mluvení." *Česká literatura*, 2018, 66/5, pp. 623–660.

Moretti, F. "Teorie sítí a analýza syžetu." *ArteActa*. 2019. No 3, pp. 57–84.

Rimmon-Kenanová, S. *Poetika vyprávění*. Brno: Host, 2001, 176 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.01

R. Zmelik

Characters in the works of Vítězslav Hálek

Richard Změlík

PhD, senior lecturer

Palacký University in Olomouc

Křížkovského 511/8, 779 00 Olomouc, Česká republika

E-mail: richard.zmelik@upol.cz

ORCID: 0000-0002-5414-4574

Citation

Změlík R. Characters in the works of Vítězslav Hálek // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 203–231 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.01

Received: 10.01.2022.

Acknowledgements

The study was carried out with the financial support of the Foundation for the Support of Research Activities (FPVČ), project title: “Artistic topography of Prague in the 19th century in terms of digital cartography in the literature” (project no: FPVC2022/20).

Abstract

In our article, we would like to apply cognitive and perceptual analysis to the characters in the works of Vítězslav Hálek. The purpose of our study is to answer the question of how the cognitive and perceptual mechanisms of the characters influence the principles of their stratification in a work of art. Speaking about the cognitive and perceptual principles of characterization, we, of course, consider their reflection in speech acts, namely, in the characters speech or in the narrator voice, not from the point of view of psychology or physiology. The aspects under consideration are fixed in structural-semiotic models as part of the artistic narrative. Thus, using structural-semiotic strategies, focusing on the points of view of characters (cognitive and perceptual), we can offer not only a typological classification of characters in Hálek ‘s works (based on the description of the characters), but also their relationships. Such an approach allows us to consider his works as the development of one mode of structural-semiotic relations between characters into another.

Keywords

Vítězslav Hálek’s works, system of characters, cognitive and perceptual perspectives, mode of narration, improperly direct speech, quoted monologue, functional stratification of the characters system.

**Города без самоваров
(роман Н. А. Лейкина «В гостях у турок»
как «антитравелог»)**

Яблоков Евгений Александрович
Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: ejablokov@mail.ru
ORCID: 0000-0002-7926-1689

Цитирование

Яблоков Е. А. Города без самоваров (роман Н. А. Лейкина «В гостях у турок» как «антитравелог») // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 232–247. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.02

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация

Одна из частей тетралогии Н. А. Лейкина, посвященной купеческой семье Ивановых, — книга «В гостях у турок» (1897) о путешествии героев в Константинополь через Белград и Софию. Образ города здесь отражает общую поэтику цикла, носящего юмористический и сатирический характер. Перед нами географический роман приключений — в центре внимания не «объективное» изображение посещаемых Ивановыми городов, а специфика восприятия героев. Для их мироощущения характерна агрессивная национальная самобытность; ко всему «чужому» они подходят с «русскими» критериями. Книга «В гостях у турок» (как и остальные части цикла) повествует в основном о различных «фиаско» героев, которые ввиду их невысокого интеллектуально-образовательного уровня и устойчивых «национальных» стереотипов неспособны адаптироваться к иным культурам. Заграничные города, в том числе населенные славянами, в восприятии Ивановых предстают как дискомфортные, «чужие». В результате герои по тем или иным причинам стремятся домой — идеальной «целью» зарубежного путешествия парадоксально оказывается Россия. Знакомство с другими странами фактически не обогащает героев в культурном отношении; травелог, в сущности, оборачивается «фикцией».

Ключевые слова

Географический роман приключений, Россия и Европа, этнокультурные особенности, свой / чужой.

Цикл произведений Н. А. Лейкина (1841–1906) о заграничных путешествиях супружеской пары Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых — «Наши за границей» (1890¹), «Где апельсины зреют» (1892), «В гостях у турок» (1897), «Под южными небесами» (1898) — на рубеже XIX–XX вв. пользовался в России огромной популярностью². Это, по сути, первое в отечественной литературе масштабное произведение, где через множество деталей, бытовых подробностей показано радикальное несходство российской и (условно) европейской ментальности³. Перед нами не записки героя-рассказчика, а повествование от третьего лица, ориентированное на точку зрения главных героев, мироощущение которых характеризуется утрированной, несколько агрессивной «русскостью»; при этом авторское отношение к Ивановым неоднозначно — они предстают в юмористическом, подчас в сатирическом виде.

Сюжеты всех четырех книг целиком исчерпываются путешествиями, однако термин «травелог» применительно к циклу Лейкина кажется не вполне точным⁴. Более верно определение *географический*

1 Для каждой книги указан год выхода первого отдельного издания.

2 25 октября (6 ноября) 1896 г. Лейкин отметил в дневнике, что книга «Наши за границей» за шесть лет была издана 12 раз, а книга «Где апельсины зреют» за четыре года выдержала восемь изданий (см.: *Лейкин Н. А. Дневник // РГАЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 241*). В дальнейшем первая часть тетралогии переиздавалась в дореволюционной России чуть ли не ежегодно.

3 За полвека до книг Лейкина подобная коллизия была представлена в поэме И. П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею дан л'этранже» (1840–1844). Однако ее героиня — тамбовская помещица, у Лейкина же героини принадлежат к новой для последней трети XIX в. прослойке путешественников — купечеству. На рубеже веков «основными представителями русских за границей [...] (по крайней мере, ярко обращавшими на себя внимание и вызывавшими насмешки) были купцы, поехавшие туда исключительно потому, что туда поехали все» (*Захарова Е. «Турист стремился составить знакомство с “духовной физиономией” посещаемых мест». Русские туристы рубежа XIX–XX веков в восприятии современников // Родина. 2015. № 11. С. 103*).

4 Лейкин отдал дань и жанру «классического» травелога — таковым, например, являются его записки «По северу дикому: Путешествие из Петербурга в Архангельск и обратно. Поездка на водопад Кивач» (1899).

роман приключений⁵: в фокусе внимания не столько подробности заграничной жизни (которых у Лейкина много), сколько характеры героев. Перемещаясь по Европе, они «осваивают» (не слишком успешно) чужую культуру, хотя в данном случае, пожалуй, точнее слово «цивилизация» в регионо- или страноведческом смысле, поскольку речь идет в основном об обычном укладе жизни, повседневных бытовых традициях и привычках. Культурные достопримечательности (архитектура, искусство и т. п.) не слишком интересуют героев и потому описываются довольно скупо — как правило, Ивановы отказываются от посещения подобных мест (не хотят увидеть, где живет папа римский, подняться на самый верх Эйфелевой башни, посмотреть картины в Прадо и т. п.). Приключениями для лейкинских «простаков»⁶ являются затруднительные ситуации, в которые герои попадают по незнанию языков и по малообразованности, — закономерно, что у читателя они вызывают комическое впечатление.

Самоочевидно, что «туристические» интенции Ивановых вполне устойчивы — супруги совершают путешествия четырежды; однако их цели при этом гротескно двойственны. Николай Иванович провозглашает: «Нужно всю Европу объехать, и тогда будешь цивилизованный человек. Зато потом, когда вернемся домой, есть чем похвастать»⁷. Поездки мыслятся как средство повышения авторитета в купеческой среде⁸; при этом европейская «цивизованность», к

5 См.: Козьмина Е. Ю. Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра. М.; Екатеринбург, 2017. С. 65.

6 Выскажем предположение, что на замысел Лейкина могла повлиять книга Марка Твена «The Innocents Abroad, or The New Pilgrims' Progress» (1869), которая в 1880 г. вышла в России под заглавием «Юнцы за границей. Путешествие Марка Твайна» (при этом цензура изъяла главу о пребывании американских путешественников в Одессе и аудиенции у Александра II). В свою очередь, в ней явственны аллюзии на повесть Вольтера «Простодушный» (1767) — характерно, что следующий русский перевод (1898) книги Марка Твена имел название «Простодушные у себя дома и за границею», а в переводе 1907 г. было использовано слово «простаки».

7 Лейкин Н. А. В гостях у турок. СПб., 1897. С. 17.

8 С той же целью Николай Иванович периодически сочиняет и отправляет приятелям из-за границы письма, где изображает «Европу» в фантастическом, чуть ли не сказочном виде, повествует о своих (выдуманных) чудесных и опасных приключениях (Там же. С. 409–410, 493–495) — причем, похоже, не сомневается, что приятели поверят в его рассказы, ужаснутся и восхитятся. Это свидетельствует о культурном

которой вроде бы стремятся Ивановы, парадоксально сочетается у них с неодобрительным, зачастую негативным отношением к «Европе»⁹. Сравнение России с заграницей проводится ими обычно не в пользу последней, а возвращение домой вызывает радость — например, первая часть тетралогии завершается тем, что Николай Иванович, прибыв наконец на «русскую» станцию, «от полноты чувств» обнимает жандарма¹⁰. Если же какой-либо европейский город нравится Ивановым, то более близкому знакомству с ним мешает нечто неожиданное — так, в Женеве и в Мадриде у Глафиры Семеновны появляются «опасные» поклонники, поэтому Николаю Ивановичу приходится ее «эвакуировать», практически силой увозя в Россию; из-за этого четвертая книга (то есть и вся тетралогия) обрывается на мелодраматической сцене: «У одного окна сидел Николай Иванович и рассматривал только что купленные билеты для продолжения пути. У другого окна, на противоположном диване, уткнувшись в подушку, лежала Глафира Семеновна и плакала»¹¹.

В сущности, романы Лейкина можно охарактеризовать как *анти-travelogi*: неосознанной для героев «сверхцелью» путешествий парадоксально оказывается возвращение домой; расширяя в поездках

уровне как адресатов, так и самого автора писем, притом вносит в их характеры элементы наивной «детскости».

9 Например, «Неметчина» (*Лейкин Н. А. Наши за границей*. СПб., 1890. С. 2) в восприятии Ивановых предстает карнавально-инфернальным хронотопом, «где все законы своего (русского) мира перевернуты» (*Жданов С. С. Амбивалентный образ Германии в юмористическом цикле Н. А. Лейкина «Наши за границей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 27).

10 *Лейкин Н. А. Наши за границей*. С. 472. Во второй книге тетралогии еще сильнее (и комичнее) выражена ностальгия у спутника Ивановых, купца Ивана Кондратьевича Конурина, которого они «сагитировали» поехать с ними в Южную Францию и Италию. Конурин горестно сетует на свою доверчивость и постоянно обвиняет Ивановых в том, что оказался за границей чуть ли не против воли:

«— Эх, завезли вы меня, черти!

— [...] Никто вас не завозил, вы сами с нами поехали.

— Да-с... Поехал сам. А только не в своем виде поехал. Загулявши поехал. А вы знали и не сказали мне, что это такая даль. Я поехал непонимающий, думал, что эта самая Италия близко, а вы ничего не сказали. Да-с... Это нехорошо» (*Лейкин Н. А. Где апельсины зреют*. СПб., 1893. С. 17).

11 *Лейкин Н. А. Под южными небесами*. СПб., 1899. С. 555.

практический опыт, Ивановы в силу их культурной ограниченности не могут воспринять европейскую ментальность и непоколебимы в своей «русскости».

В этой связи обратим внимание на обозначение героев в заглавии первой книги — «Наши за границей». К концу XIX в. слово «наши» обрело в русской культуре амбивалентные коннотации, связанные, выражаясь современным языком, с коллизией «русофильства» и «русофобства». Формирование такой семантики началось с появлением альманаха А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими»¹² (1841–1842) — здесь слово «наши» еще не было связано с идеологической установкой, однако она возникла, когда В. Г. Белинский, подражая название альманаха, обыграл это слово в памфлете «Педант» (1842), заостренном против С. П. Шевырева и «официальной народности»¹³. Вполне отчетливо проявились идеологические коннотации в стихотворении Н. М. Языкова «К ненашим» (1844), обращенном к западникам, которых Языков объявил фактически врагами России, «агентами влияния»¹⁴. Его инвектива вызвала ряд ответов в стихах¹⁵ и прозе — так, Белинский в обзоре «Русская литература в 1844 году» (1844) высмеял фальшивую «простонародность»¹⁶ стихов Языкова, а А. И. Герцен в статье «“Москвитянин” и вселенная» (1845) обвинил его в доноситељстве¹⁷. При этом в романе Ф. М. Достоев-

12 Наши, списанные с натуры русскими. СПб., 1841–1842. Вып. 1–14.

13 См.: *Белинский В. Г. Педант* // Белинский В. Г. Собр. соч. В 9 т. М., 1979. Т. 4. С. 382–389.

14 Показательно уже начало стихотворения: «О вы, которые хотите / Преобразить, испортить нас / И онемечить Русь!» (*Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1934. С. 624*).

15 Один из них — пародия Н. А. Некрасова «Послание к другу (из-за границы)» (1845), где главным истинно «русским» качеством представлена склонность к бурным возлияниям (см.: *Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Художественные произведения. В 10 т. Л., 1981. Т. 1. С. 21–24*).

16 «...Он старается закрыть свой фрак зипуном, поглаживает свою накладную бороду и, чтоб ни в чем не отстать от народа, так и щеголяет в своих стихах и грубостию чувств и выражений. По его мнению, это значит быть *народным!* Хороша народность! Кому не дано быть народным и кто хочет сделаться им насильно, тот непременно будет простонародным или вульгарным» (*Белинский В. Г. Собр. соч. 1981. Т. 7. С. 188*).

17 «...Муза г. Языкова решительно посвящает некогда забубённое перо свое поэзии исправительной и обличительной [...] Озлобленный поэт не остается в абстракциях; он указывает негодующим перстом

ского «Бесы» (1872) «нашими» (хотя и иронически) будут названы скорее «западники» — участники собрания у Виргинских (характерно название соответствующей главы: «У наших»¹⁸), а также все соучастующие в «бесновании»¹⁹.

Видимо, учитывая эту смысловую нагрузку концепта «наши», Лейкин «испытывает» своих героев Европой. Впрочем, Ивановы, несмотря на массивное «чужое» влияние, оказываются непоколебимы в цивилизационном отношении. Автор относится к этому двойственно — герои не подвергаются прямому осмеянию, изображаются скорее с юмором, но применяемое к ним именование «наши» явно сближено с типом поведения, который еще в первой половине XIX в. стали именовать квасным патриотизмом²⁰ (кстати, как мы увидим ниже, в «системе ценностей» Ивановых квас действительно имеет серьезное значение).

лица — при полном издании можно приложить адреса!..» (*Герцен А. И.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 136).

18 *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 10. С. 300. Между прочим, в период работы над романом, в 1871 г., было впервые опубликовано стихотворение Языкова «К ненашим» — до этого оно более четверти века распространялось в списках.

19 Ср. «перечень» Верховенского-младшего: «Наши не те только, которые режут и жгут, да делают классические выстрелы или кусаются. [...] Учитель, смеющийся с детьми над их богом и над их колыбелью, уже наш. Адвокат, защищающий образованного убийцу тем, что он развитее своих жертв и, чтобы денег добыть, не мог не убить, уже наш. Школьники, убивающие мужика, чтоб испытать ощущение, наши, наши. Присяжные, оправдывающие преступников сплошь, наши. Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш. Администраторы, литераторы, о, наших много, ужасно много, и сами того не знают!» (Там же. С. 324).

20 Фразеологизм восходит к «Письмам из Парижа» (1827) П. А. Вяземского (см.: *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч.: [В 12 т.] СПб., 1878. Т. 1. С. 244). Отметим, что для обозначения еще более высокого градуса верноподданнической экзальтации Вяземский использовал словосочетание «сивушный патриотизм»: «Выражение *квасной патриотизм* шутя пущено было в ход и удержалось. В этом патриотизме нет большой беды. Но есть и *сивушный патриотизм*; этот — пагубен; упаси Боже от него! Он помрачает рассудок, ожесточает сердце, ведет к запою, а запой ведет к белой горячке. Есть сивуха политическая и литературная, есть и белая горячка политическая и литературная» (*Вяземский П. А.* Старая записная книжка // *Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. 1883. Т. 8. С. 138–139).

Далее речь пойдет в основном о третьей части тетралогии — «В гостях у турок», где Ивановы путешествуют в славянском регионе: едут на поезде из Будапешта в Белград, потом в Софию, после чего проводят несколько дней в Константинополе, откуда морем возвращаются в Россию. Сам Лейкин с женой проехал этим путем в феврале 1896 г. (соответствующие записи имеются в его дневнике²¹) и, вернувшись в Петербург, вскоре принялся за книгу, которую писал с 13/25 марта до 25 октября (6 ноября) 1896 г.²², по главам публикуя ее в «Петербургской газете».

Путешествие по Сербии и Болгарии имеет для лейкинских героев особое значение: им, особенно Николаю Ивановичу, которому около сорока лет, памятливы лозунги славянского братства времен русско-турецкой войны. В каждом местном жителе Иванов хочет видеть «братушку»²³, в его сознании живы пропагандистские стереотипы 1870-х гг. — по отношению к которым в книге выражена явная авторская ирония²⁴:

— Все славяне! Везде теперь братья-славяне будут! — торжествующе произнес Николай Иванович и спросил жену: — Рада ты, что мы вступаем в славянское царство?

21 Лейкин Н. А. Дневник. Л. 127–145.

22 Там же. Л. 153–241.

23 Это слово звучит многократно, однако в первый раз произносится по адресу кондуктора-вымогателя — подавая этому «брату-славянину» требуемый гульден, Иванов горестно говорит: «На, подавись, братушка» (Лейкин Н. А. Наши за границей. С. 12).

24 В конце 1870-х — начале 1880-х гг. Лейкин написал немало юмористических рассказов, из которых явствует, что «панславистская» риторика вызывает в «народе» неадекватный отклик и приводит к пародийно-комичным поступкам. Отметим, например, рассказ «Лесной» из цикла «Наше дачное прозябание» (кон. 1870-х), где в разговоре дачниц политические термины звучат явно абсурдно: «У нас вон и посейчас по Лесному болгарок пруд пруди. Ходят по дачам и насчет турецкого насилия, которое с ними было сопряжено, рассказывают. Тоже есть что послушать; а поговоришь с ними через запертую калитку, расспросишь, как дело было, молодые или старые эти турки, подашь копеечку, да и довольно. Тут даже иго турецкое по дачам носили, однако мы не шли же на него смотреть, коли это к нам не прикасается. Просила я одну болгарку развернуть тряпку и сквозь забор его показать, та не хотела, ну и не надо» (Лейкин Н. А. Неунывающие россияне. СПб., 1879. С. 104–105).

— Еще бы! Все-таки родной православный народ, — отвечала Глафира Семеновна.

— Да, за этих братьев-славян мой дяденька Петр Захарыч, царство ему небесное, в сербскую кампанию душу свою положил.

— Как? А ты мне рассказывал, что он соскочил на Дунае с парохода и утонул?

— Да. Но все-таки он в добровольцах тогда был и ехал сражаться, но не доехал. Пил он всю дорогу. Вступило ему, по всем вероятностям, в голову, показались белые слоны, ну, он от страха и прыгнул с парохода в Дунай.

— Так какое же тут положение души?

— Так-то оно так... Но все-таки был добровольцем и ехал. Признаться, покойник папенька нарочно его и услад тогда, что уж сладу с ним никакого в Петербурге не было. Так пил, так пил, что просто неудержимо!²⁵

Герой, с юности уверовавший в славянское единство, обескуражен тем, что «братушки» проявляют откровенный и «недружественный» меркантилизм. На белградской таможне Иванов, столкнувшись с необходимостью беспрестанно давать чаевые, с досадой говорит: «За деньги-то меня всякий полюбит даже и не в сербской земле, а в эфиопской, но здесь сербская земля. Неужели же они забыли, что мы, русские, их освобождали? Я и посейчас в славянский комитет вношу»²⁶. Чиновника, досматривающего багаж, он упрекает: «А еще брат славянин! Эх, братья! Русским людям не верите! Приехали мы к вам в гости как к соплеменным родным, а вы нас за контрабандистов считаете!»²⁷

Намек на иллюзорность идеологических стереотипов возникает и тогда, когда речь заходит о многократно описывавшихся журналистами и литераторами 1870-х гг. расправах турок с представителями славянского населения. В Софии Николай Иванович хочет найти некие следы геноцида и репрессий и просит гостиничного провожатого показать их: «Мы еще не видали у вас ни одного такого места, где производились над вами, болгарами, турецкие зверства»; однако тот вообще не понимает, о чем идет речь:

25 Лейкин Н. А. В гостях у турок. С. 33–34.

26 Там же. С. 41.

27 Там же. С. 44.

— Турецкие зверства? — спросил проводник, недоумевая.

— Да-да, турецкие зверства. Те турецкие зверства, про которые писали в газетах. Я помню... Ведь из-за них-то и начали вас освобождать, — разъяснил Николай Иванович. — Где эти места?

— Не знаю, господине, — покачал головой проводник²⁸.

Поскольку тема незнакома и для Глафиры Семеновны, Николай Иванович объясняет ей:

...Я [...] хорошо помню про эти турецкие зверства. Тогда только и дела, что писали в газетах, что там-то отняли турки у болгарина жену и продали в гарем, там-то похитили двух девиц у женихов, а женихам, которые их защищали, отрезали уши. Писали, что башибузуки торгуют болгарскими бабами, как овцами, на рынках — вот я и хотел посмотреть этот рынок²⁹.

Но никаких следов былых насилий не обнаруживается, причем это обстоятельство (как многие подобные эпизоды в лейкинских произведениях) ставит читателя в двойственное положение. Остается непонятным — то ли, по мнению автора, «зверств» вообще не было и они выдуманы журналистами, то ли за двадцать лет подобные инциденты полностью выветрились из памяти местных жителей, а стало быть, не оказали на них сильного влияния.

Впрочем, хотя в Софии не удастся найти следов «зверств», она оказывается для Ивановых предпочтительнее Белграда. Один из спутников в поезде назвал Белград «маленькой Веной», но им город кажется безлюдным:

— Боже мой! Да какая же это маленькая Вена! — удивлялась Глафира Семеновна, смотря в окно кареты на проезжаемые места [...] Начались двухэтажные каменные дома, но они чередовались с пустырями. Свернули за угол, и показался первый электрический фонарь, осветивший дома и тротуары, но прохожих на улице ни души. Дома, однако, стали попадаться вплотную, но дома какой-то казенной архитектуры и сплошь окрашенные в белую краску³⁰.

28 Там же. С. 176.

29 Там же. С. 177.

30 Там же. С. 48. Ср. дневниковую запись самого Лейкина 11/23 февраля 1896 г.: «В Белграде я не был с 1875 года, с Сербской кампании. И он за это время так изменился, что его узнать нельзя. Везде новые высокие

Николай Иванович говорит одному из местных жителей: «На наш Ярославль ваш Белград смахивает, только там все-таки оживленнее на улицах»³¹; позже он называет Белград «пустынным городом»³².

София производит куда более благоприятное впечатление: «Положительно болгарская София не похожа на своего сербского брата Белград, — решил Николай Иванович»³³. Впрочем, позитивное отношение и здесь окрашено некоторой авторской иронией:

- Сколько стройки-то! Сколько улиц пустынных раскинуто! Большой красивый город София будет, — обратился Николай Иванович к жене.
- Улита едет, когда-то еще приедет, — отвечала та.
- Не находишь ли ты, что София немного смахивает на Царское Село?
- Пожалуй. Но там все-таки куда больше построек³⁴.

Однако и у Белграда, и у Софии, и вообще у всех посещаемых Ивановыми городов есть принципиальный недостаток, вследствие которого «Европа» оценивается гораздо ниже России, — *отсутствие самоваров и привычного для героев чая*³⁵. Среди многочислен-

здания, широкие улицы, бульвары, электрическая конка и электрическое освещение. А вечером он имеет какой-то казенный характер и смахивает на наш великорусский губернский город не из лучших. Движения почти никакого» (*Лейкин Н. А. Дневник. Л. 128*).

31 *Лейкин Н. А. В гостях у турок. С. 97.*

32 Там же. С. 102.

33 Там же. С. 165.

34 Там же. С. 162.

35 Сам Лейкин очень любил чай (см.: *Лейкин Н. А. Дневник. Л. 146*), и эта тема у него присутствует не только в тетралогии об Ивановых. Упомянем, например, рассказ «Самовар» (нач. 1880-х гг.) — комичный монолог извозчика, разворачивающего перед седоком своего рода «самоварную» мифологию. Самовар обретает черты национального фетиша — в нем, по словам говорящего, заключена некая непостижимая для европейцев тайна: «Немец хоть и хитер, а с дива дался, когда ему такую вещь показали. И посеичас подделать не могут». Англичане, правда, сумели изготовить действующий самовар, но «очень уж перехитрили», зачем-то приделав к нему колеса, вследствие чего вместо самовара вышел паровоз (*Лейкин Н. А. Самовар // Лейкин Н. А. Караси и щуки. СПб., 1883. С. 24, 26*). Зато тульские мастера обучили «самоварному делу» китайцев, которые «самые ретивые чайники»: «Сам Александр Благословенный после выгона двенадцати языков из русского царства сейчас же послал к китайцам семь штук туляков-самоварников» (Там же. С. 27).

ных «чайных» коллизий отметим лишь один эпизод в софийской гостинице, где к Николаю Ивановичу, которого принимают за важное лицо, приходит корреспондент газеты, чтобы узнать мнение «его превосходительства»³⁶ об актуальной политической ситуации: «Какое впечатление произвела на вас при вашем въезде наша обновленная Болгария? После известного поворота мы ее называем обновленной»³⁷. «Глубокомысленный» монолог Иванова не только характеризует его самого, но, пожалуй, звучит пародией как на российскую политику Болгарии, так и на балканскую политику России:

Меня вот, например, удивляет, что при таком русском влиянии, какое существует теперь, у вас до сих пор нет русских самоваров в гостиницах. Вот, например, сейчас я заказываю чаю с самоваром, и мне отвечают, что здесь в Софии в гостиницах самоваров нет [...] Так какое же это русское влияние! Какой же это поворот к русскому, о котором кричат газеты! — воскликнул Николай Иванович. — По-моему, уж подражать, так подражать! Сливаться, так уж сливаться во всем, даже в мелочах [...] И если вы пишете в болгарских газетах, то я советовал бы вам поскорей написать самую громоносную статью о самоварах, где вы должны настаивать, чтобы каждая гостиница Болгарии выписала бы из России не менее трех самоваров [...] А квас [медово-солодовый квас. — Е. Я.]? А кислые щи у вас есть в Болгарии? Я ведь вот только сегодня утром приехал и не успел еще ни с чем ознакомиться.

— Нет, квасу и кислых щей у нас не делают, — отвечал сотрудник.

— Странно, по меньшей мере странно! Ведь сближение-то начинается с мелочей. Да такие славянские напитки вовсе и не мелочи. Это ведь вас турецкое иго отучило. Сначала турецкое иго, а потом Батенберг, Стамбулов со своим западничеством³⁸ [...] Ах, да... Как у вас здесь в

36 Николай Иванович объясняет: «Должно быть, у меня уж фигура такая превосходительная, что везде спрашивают, не превосходительство ли я» (Лейкин Н. А. В гостях у турок. С. 138).

37 Там же. С. 145.

38 Вариацию мотива «квасного патриотизма» видим и в одном из рассказов Алеко Константинова про бай Ганю, датированном 17 марта 1895 г. Его персонажи обсуждают обозначившийся в Болгарии поворот «лицом к Матушке». Один из них предлагает, с учетом политической конъюнктуры, открыть русский трактир, но другой возражает: «Уж если ждать барыша от ветра, который подул, так лучше открыть фабрику кваса [...] Я насчет русского кваса речь веду [...] Только скажи: “Русский

Софии насчет бань? Есть ли хорошие русские бани?

— Баня у нас турецкая [...] Русской бани нет.

— А еще толкуете о том, что сделали полный поворот ко всему русскому! — процедил сквозь зубы Николай Иванович, покачал головой и наставительно заметил: — Скорей нужно завести в Софии русскую баню на московский манер, и она будет служить образцом для бань других болгарских городов [...] Так не забудьте сюжеты для передовых статей-то! Самовар, квас и баня!³⁹

«Лозунговая» триада звучит как пародийная формула «русскости», недостижимой для европейских влияний.

Но, как явствует из этой части (да и из других частей) тетралогии, коренные носители российской цивилизации обладают вполне «интернациональным» качеством, сближающим их как с православными «братушками», так и с представителями нехристианских народов⁴⁰. В Софии Николай Иванович воодушевлен тем, что в ресторане оказалась русская водка, — данное обстоятельство воспринимается им как свидетельство славянского единства: «Вот это истинные братья славяне, настоящие братья, если поддерживают нашу русскую коммерцию»⁴¹. Глафира Семеновна относится к постоянным возлияниям мужа крайне неодобрительно, но поскольку из Софии им предстоит путешествие в Константинополь, надеется, что в турецком городе спиртные напитки запрещены. Однако надежды оказываются тщетными. Ивановы поселяются в доме у армянина Карапета, по-

квас!» — так и кинутся» (*Константинов А.* Бай Ганю — журналист // *Константинов А.* Избранное. М., 1979. С. 134). О переключках рассказов Константинова и тетралогии Лейкина: *Чавдарова Д.* Путешествие болгарского и русского купцов в Европу в ракурсе национальной идентичности (Алеко Константинов и Николай Лейкин) // *Русский травелог XVIII–XX веков.* Новосибирск, 2015.

39 *Лейкин Н. А.* В гостях у турок. С. 145–152.

40 Вспомним Некрасовское стихотворение «Послание к другу», где речь идет о склонности «наших» к пьянству. Стоит отметить, что Лейкин поддерживал знакомство с Некрасовым до самой смерти последнего. Их контакты начались, когда в 1864 г. М. Е. Салтыков-Щедрин по поручению Некрасова приехал к Лейкину с просьбой дать произведение для «Современника»; тот предложил цикл очерков «Биржевые артельщики», который и был напечатан в журнале (см.: Н. А. Лейкин в воспоминаниях. СПб., 1907. С. 181–182).

41 *Лейкин Н. А.* В гостях у турок. С. 169.

человечески симпатичного, но весьма приверженного к алкоголю. На вопрос Глафиры Семеновны: «Отчего это, Карапет Аветыч, в Турции водку дозволяют, если сам мусульманский закон ее запрещает?» — следует ответ: «Турки-то, барыня, самый большой пьяница и есть, но они по секрет пьют, на ночь, когда никто не видит. О, это большой доход для нашего султана!»⁴² Николай Иванович быстро находит в Карапете родственную душу, поэтому в итоге Глафира Семеновна буквально заставляет мужа сесть на пароход и покинуть гостеприимную Турцию. Характерна финальная сцена:

— Какой вид-то, Глаша! — залюбовался на берег Николай Иванович, но не получил ответа.

— Прощай, Константинополь! — продолжал он.

— Прощай, пьяный город! — в свою очередь откликнулась Глафира Семеновна⁴³.

В данном случае «чуждость» города парадоксально выражается в его «схожести» с отечественными городами. Другое дело, что в привычной российской обстановке Глафире Семеновне, возможно, легче справиться с негативными качествами Николая Ивановича, притом дома он занят коммерцией, поэтому времени на пьянство у него меньше (впрочем, как убеждают многие рассказы Лейкина, персонажами которых являются купцы, торговля вполне совместима с загулами гомерических масштабов).

Можно резюмировать, что в созданном Лейкиным цикле географических романов приключений пародийно воплощено «патриотическое» отношение к Европе как вечному антиподу России. Заграничные города, в том числе населенные славянами, в восприятии Ивановых предстают как дискомфортные, «чужие». Однако примитивные, бурлескно-комичные критерии этой «чуждости» (например, отсутствие самоваров в европейских городах) и общий культурный уровень героев свидетельствуют о двойственном отношении автора. Нельзя сказать, что Лейкин вывел своих Ивановых в явно сатирическом виде, но при этом очевидно, что их оценочная позиция не является для читателя «авторитетной».

42 Там же. С. 468.

43 Там же. С. 584.

Источники и литература

Белинский В. Г. Педант // Белинский В. Г. Собр. соч. В 9 т. М.: Художественная литература, 1979. Т. 4. С. 382–389.

Белинский В. Г. Русская литература в 1844 г. // Белинский В. Г. Собр. соч. 1981. Т. 7. С. 164–217.

Вяземский П. А. Письма из Парижа // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. [В 12 т.] СПб.: Издание графа С. Д. Шереметева, 1878. Т. 1. С. 219–259.

Вяземский П. А. Старая записная книжка // Вяземский П. А. Полн. собр. соч. 1883. Т. 8. 524 с.

Герцен А. И. «Москвитянин» и вселенная // Герцен А. И. Полн. собр. соч. В 30 т. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 2. С. 133–139.

Достоевский Ф. М. Бесы // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. 520 с.

Жданов С. С. Амбивалентный образ Германии в юмористическом цикле Н. А. Лейкина «Наши за границей» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 24–29. DOI: 10.30853/finnauki.2018-8-1.5

Захарова Е. «Турист стремился составить знакомство с “духовной физиономией” посещаемых мест». Русские туристы рубежа XIX–XX веков в восприятии современников // Родина. 2015. № 11. С. 101–104.

Козьмина Е. Ю. Фантастический авантюрно-исторический роман: поэтика жанра. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. 292 с.

Константинов А. Бай Ганю — журналист // Константинов А. Избранное. М.: Художественная литература, 1979. С. 132–143.

Лейкин Н. А. В гостях у турок. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых через славянские земли в Константинополь. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1897. 2-е изд. 584 с.

Лейкин Н. А. Где апельсины зреют. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых по Ривьере и Италии. СПб.: Типография С. Н. Худекова, 1893. 2-е изд. 486 с.

Лейкин Н. А. Дневник 23 февраля 1895 г. — 23 февраля 1897 г. // РГАЛИ. Ф. 289. Оп. 3. Ед. хр. 2. 271 л.

Лейкин Н. А. Лесной // Лейкин Н. А. Неунывающие россияне. Рассказы и картинки с натуры. СПб.: Типография д-ра М. А. Хана, 1879. С. 100–106.

Лейкин Н. А. Наши за границей. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Париж и обратно. СПб.: Тип. «Петербургской газеты», 1890. 472 с.

Лейкин Н. А. Под южными небесами. Юмористическое описание путешествия супругов Николая Ивановича и Глафиры Семеновны Ивановых в Биарриц и Мадрид. СПб.: Печатня С. П. Яковлева, 1899. 2-е изд. 555 с.

Лейкин Н. А. Самовар // Лейкин Н. А. Караси и шуки: юмористические рассказы. СПб.: Типография д-ра М. А. Хана, 1883. С. 24–28.

Наши, списанные с натуры русскими. СПб.: Изд. Я. А. Исакова, 1841–1842. Вып. 1–14.

Некрасов Н. А. Послание к другу (из-за границы) // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. В 15 т. Худож. произв. В 10 т. Л.: Наука, 1981. Т. 1. С. 21–24.

Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. С двумя портретами и приложением к нему писем Ан. П. Чехова. СПб.: Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 387 с.

Чавдарова Д. Путешествие болгарского и русского купцов в Европу в ракурсе национальной идентичности (Алеко Константинов и Николай Лейкин) // Русский травелог XVIII–XX веков. Новосибирск: НГПУ, 2015. С. 355–377.

Языков Н. М. К ненашим // Языков Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л.: Academia, 1934. С. 624–625.

References

Chavdarova, D. “Puteshestvie bolgarskogo i russkogo kuptsov v Evropu v rakurse nacional'noi identichnosti (Aleko Konstantinov i Nikolai Leikin).” *Russkii travelog XVIII–XX vekov*. Novosibirsk: NGPU, 2015, pp. 355–377.

Koz'mina, E. Yu. *Fantasticheskiĭ aventyurno-istoricheskii roman: poetika zhanra*. Moscow; Ekaterinburg: Kabinetnyĭ uchenyi, 2017, 292 p.

Konstantinov, A. “Baĭ Ganiu — zhurnalist.” Konstantinov A. *Izbrannoe*. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1979, pp. 132–143.

Zaharova, E. “«Turist stremilsia sostavit' znakomstvo s “duhovnoi fizionomieĭ” poseshchaemykh mest». Russkie turisty rubezha XIX–XX vekov v vospriiatii sovremennikov.” *Rodina*, 2015, no 11, pp. 101–104.

Zhdanov, S. S. “Ambivalentnyĭ obraz Germanii v iumoristicheskom tsikle N. A. Leikina «Nashi za granitseĭ».” *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2018, no 8 (86), part 1, pp. 24–29. DOI: 10.30853/filnauki.2018-8-1.5

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.02

E. A. Yablokov

Cities with no samovars.**The N. A. Leikin's novel "Visiting the Turks" as an "anti-travelogue"**

Evgeny A. Yablokov

Doctor of Filology, leading research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: ejablokov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7926-1689

Citation

Yablokov E. A. Cities with no samovars. The N. A. Leikin's novel "Visiting the Turks" as an "anti-travelogue" // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 232– 247 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.02

Received: 10.01.2022.

Abstract

Nicolai Leykin's tetralogy is devoted to the Russian merchant Ivanov's family. One of the parts of this fiction cycle was a book "Visiting the Turks" (1897), telling the story of the journey of the main characters to Constantinople through Belgrade and Sofia. The image of the city in this text reflects the general poetics of the humorous and satiric cycle in the genre of geographic novel of adventures. The focus is not on the "objective" image of the cities visited by the Ivanovs, but on the features of their perception and the "Russian" lifestyle. The Ivanovs' outlook is characterized by aggressive national identity. They approach everything "foreign" with special "Russian" criteria. The book "Visiting the Turks" (as well as the other parts of the cycle) narrates about various "fiascoes". Due to their low intellectual and educational level, ignorance and stable "national" stereotypes, the characters are unable to adapt to other cultures. The visited foreign cities, including those inhabited by Slavs, are perceived by the Ivanovs as uncomfortable, "alien." That is why Ivanovs long for home. The ideal "final destination" of a foreign tour, paradoxically, turns out to be Russia. Acquaintance with other countries does not actually enrich travelers culturally. The travelogue, as a matter of fact, turns into a figment.

Keywords

Geographical adventure fiction, novel, Russia and Europe, ethnocultural peculiarities, Self / Other.

**«Дело о фотографиях» в архиве Всесоюзного
общества культурной связи с заграницей.
К истории постановки в Лондоне пьесы М. А. Булгакова
«Дни Турбиных» (1938 г.)**

Мишуровская Мария Владимировна
Главный библиограф
Российская государственная библиотека искусств
107031, Большая Дмитровка, 8/1, Москва, Российская Федерация
E-mail: mishu-mariya@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-5802-7220

Цитирование

Мишуровская М. В. «Дело о фотографиях» в архиве Всесоюзного общества культурной связи с заграницей. К истории постановки в Лондоне пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» (1938 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 248–264. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.03

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация

В статье рассматриваются документы, отложившиеся в папке «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Английский отдел. Переписка с уполномоченным ВОКС в Англии о постановке пьесы Булгакова “Дни Турбиных” в театре “Феникс”», входящей в состав фонда 5283 «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС)» Государственного архива РФ. Содержание данных архивных источников связано с «делом о фотографиях» спектакля «Дни Турбиных» во МХАТ. В 1938 г. фотографии мхатовского спектакля понадобились режиссеру М. Сен-Дени для постановки пьесы в Лондоне. Запрос был передан в англо-американский отдел ВОКС через Джудит Тодд, секретаря Общества культурных связей между народами Великобритании и СССР. Письмо с просьбой о фотографиях было адресовано заведующему англо-американским отделом ВОКС М. В. Миликовскому, получившему сведения о том, что к лондонской постановке якобы имеет отношение антисоветски настроенный Ю. Лайонс. Эта информация служит началом

«дела о фотографиях», превратившегося после премьеры спектакля М. Сен-Дени в дело об «извращении» текста советской пьесы. В деле участвовали М. А. и Е. С. Булгаковы, их зарубежные знакомые, сотрудники ВОКС и полпредства СССР в Лондоне, Д. Тодд, Комитет по делам искусств при СНК СССР и администрация МХАТ. Фотографии не были отправлены в Лондон. В начале 1939 г. Булгакова вызвали в Главное управление театров для объяснений. История с фотографиями способствовала получению сведений о лондонской «Белой гвардии», а также помогла внести ясность в вопрос об авторских отчислениях. Реакция советских институций, пытавшихся принудить Булгакова к публичному осуждению лондонской постановки, была связана и с очередным охлаждением советско-британских отношений осенью 1938 г. В 1960-е и в 1970-е гг. спектакль М. Сен-Дени упоминался в советских изданиях как пример творческого воздействия учения К. С. Станиславского на мировое сценическое искусство.

Ключевые слова

М. А. Булгаков, «Дни Турбиных», Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, Ю. Лайонс, М. Сен-Дени.

История двух лондонских постановок пьесы М. А. Булгакова «Дни Турбиных» — первой, осуществленной в 1934 г. на сцене театра «Амбассадор», и второй, состоявшейся в 1938 г. в театре «Феникс», — частично отражена в документах, отложившихся в двух личных фондах Булгакова, в фонде 562 Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ) и в фонде 369 Рукописного отдела Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН). В первую очередь это договоры на право перевода и распространения пьесы «Дни Турбиных» за рубежом, заключенные в 1934 и 1935 гг. Булгаковым с Ю. Лайонсом и Г. Кельверлей, а также переписка с издательством С. Фишера, с англо-американской фирмой Curtis Brown LTD, с Ю. Лайонсом, Г. Кельверлей, Н. А. Булгаковым и сотрудниками Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), касающаяся разъяснения деталей постановки «Дней Турбиных» в театре «Феникс». Документальный рассказ о перипетиях, сопровождавших попытки Булгакова получить достоверную информацию о постановке 1938 г., дополняют материалы (театральные программы, фотографии, газетные вырезки), связанные с первым и вторым лондонскими спектаклями по булгаковской пьесе.

Собранные в папку «Белая гвардия», они хранятся в театральной коллекции Научной библиотеки Кэдбери Бирмингемского университета¹. Результаты анализа данного комплекса источников, рассредоточенных по трем архивам, в 2018 г. были опубликованы нами в статье «Английские «Дни Турбиных». К истории постановки пьесы М. А. Булгакова в театре «Феникс» (1938)»². Изучение вышеназванных материалов позволило установить: к постановке пьесы в 1934 г. в театре «Амбассадор» имел отношение Ю. Лайонс, американский журналист с широкими связями в литературных кругах, в то время официально владевший правом на распространение «Дней Турбиных» вне СССР и, в частности, способствовавший освещению этого театрального события в прессе США. Спектакль 1934 г., названный «Белая гвардия», был подготовлен труппой Р. Редклифа по переводу на английский язык третьей редакции пьесы, выполненному Ф. Блох и адаптированному для сцены драматургом Р. Оклендом (фамилия при рождении — Бернштейн)³.

К устройству второй лондонской постановки «Дней Турбиных», осуществленной в 1938 г. по переводу, сделанному Р. Оклендом, косвенное отношение имело издательство С. Фишера, выступившее как посредник в контактах Булгакова с Г. Кельверлей, сотрудничавшей с англо-американским литературным агентством Curtis Brown LTD. С ней в мае 1935 г. автор «Дней Турбиных» заключил договор на право устройства театральной судьбы пьесы в Лондоне. Перевод «Дней Турбиных» на английский язык, уже сделанный к тому времени Р. Оклендом (имя Ф. Блох в договоре с Кельверлей не упоминается), обозначен в тексте этого соглашения как единственный правомочный — ут-

1 “The White Guardie” (1934–1938), Rodney Ackland // University of Birmingham. Cadbury Research Library: Theatre Collection. № MS38/3934.

2 Мишуровская М. В. Английские «Дни Турбиных». К истории постановки пьесы М. А. Булгакова в театре «Феникс» (1938) // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: архивы, библиотеки, информация: Десятые Международные Михоэлсовские чтения / Рос. гос. б-ка искусств; сост. А. А. Колганова. М., 2018. С. 194–202.

3 Подробнее см.: Мишуровская М. В. Джойс, Булгаков и Фреда Блох: книги и люди на пересечении литературных границ (к истории поиска сведений о переводчиках текстов М. А. Булгакова в Европе и Америке) // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX—XXI веков: материалы Седьмых Международных научных чтений, приуроченных к дню ангела писателя (Москва, ноябрь 2016 г.). М., 2017. С. 93–125.

вержденный сторонами, подписавшими договор, — перевод «Дней Турбиных»⁴. Но не Кельверлей в 1938 г. готовит постановку булгаковской пьесы в театре «Феникс». Спектакль «Белая гвардия», положительно оцененный лондонскими и нью-йоркскими театральными обозревателями, создают М. Сен-Дени и Б. Эльбери. Булгаков узнает об этой постановке в связи с «делом о фотографиях», о котором, в частности, рассказывает содержимое архивной папки, входящей в состав фонда 5283 «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей» Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)⁵. Заголовок папки прямо указывает на связь собранных в ней документов с историей лондонских «Дней Турбиных»: «Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Английский отдел. Переписка с уполномоченным ВОКС в Англии о постановке пьесы Булгакова “Дни Турбиных” в театре “Феникс”. 31 мая 1938 — 15 декабря 1938, 26 лл.».

В известной нам литературе, посвященной ВОКС, документы из данного дела не рассматривались. Намек на то, что в составе фонда 5283, довольно обширного, имеются материалы, связанные с зарубежной судьбой «Дней Турбиных», содержится в статье А. В. Голубева «Советская культурная дипломатия 1930-х гг.»: пьеса о Турбиных упомянута Голубевым в связи с нареканиями в адрес ВОКС, недостаточно внимательно, по мнению Главлита, относившемуся к передаче за границу рукописей не опубликованных в СССР произведений⁶. Нарекания Главлита связаны с сюжетом из 1920-х гг.: в 1927 г. текст второй, не допущенной на сцену Московского Художественного академического театра (МХАТ) редакции «Дней Турбиных», имевшей название романа, из которого она вышла, — «Белая гвардия», попал в Латвию. Каких-либо сведений о документах из архивной папки, хранящейся в фонде ВОКС ГАРФ, в публикациях, посвященных Булгакову, мы также не находим.

4 Оригинал договора М. А. Булгакова с Г. Кельверлей (на английском языке) и черновик (на русском языке) см.: РО ИРЛИ. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 6–12. Вариант договора М. А. Булгакова с Г. Кельверлей от 10 мая 1935 г. см.: ОР РГБ. Ф. 562. Оп. 1. К. 20. Ед. хр. 1. Л. 1–2.

5 ГАРФ. Ф. 5283: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Оп. 3. Ед. хр. 1106. 26 лл.

6 Голубев А. В. Советская культурная дипломатия 1930-х гг. // Российская история. М., 2010. № 1 (10). С. 182–205. То же: Голубев А. В., Невежин В. А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М., 2016. С. 89.

Количество листов, указанное на обложке дела о постановке «Дней Турбиных» в лондонском театре «Феникс», — двадцать шесть. При этом только первые двенадцать имеют отношение к заявленной теме⁷.

«Дело о фотографиях» начинается письмо Джудит Тодд, секретаря Общества культурных связей между народами Великобритании и СССР — The Society for Cultural Relations Between the People of the British Commonwealth and the USSR (SCR) к заведующему англо-американским отделом ВОКС М. В. Миликовскому, датированное 5 августа 1938 г. Текст письма содержит просьбу, с которой в SCR обратился режиссер М. Сен-Дени, решивший поставить на сцене театра «Феникс» пьесу Булгакова. Зная о мхатовском спектакле «Дни Турбиных», имевшем к середине 1930-х широкую известность в европейских и в американских театральных кругах, Сен-Дени просит SCR помочь с получением фотографий декораций и персонажей московской постановки. В письме к Миликовскому Тодд подчеркивает: «Он хотел бы получить их как можно скорее, так как через 14 дней он начинает репетировать»⁸. Далее следует просьба: «Я была бы очень признательна, если бы Вы где-нибудь нашли какие-нибудь фотографии и передали бы мне их»⁹.

Судя по пометам на письме Тодд (некоторые из них датированы), ВОКС начинает действовать. Одна из помет по левому краю письма — фамилия и номер телефона Г. М. Калишьяна, с 1938-го по 1942-й помощника директора МХАТа. Еще одна, весьма важная, помета — «продано право Лайонсу» — свидетельствует о том, что информация, повлиявшая на дальнейшие перипетии с передачей фотографий для постановки «Дней Турбиных» в театре «Феникс», сотрудниками ВОКС получена довольно скоро. Но насколько она соответствует действительности?

7 Начиная с 13-го листа, в папке отложились документы, связанные с просьбой Т. В. Деляхая предоставить ему статистические сведения о преступлениях и самоубийствах в СССР, а также переписка с секретарем SCR Д. Тодд и другими адресатами об организации поездки английского экономиста Д. Диккенса в Тбилиси и Киев. При этом листов в деле не 26, а 25; документ, датированный 31 мая 1938 г. (именно эта дата обозначена в хронологических границах, приведенных на обложке дела), отсутствует.

8 ГАРФ. Ф. 5283: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Оп. 3. Ед. хр. 1106. Л. 12. На англ. яз. Здесь и далее перевод выполнен автором статьи.

9 Там же.

Юджин Лайонс, родившийся в Российской империи американский журналист, в 1928 г. в качестве корреспондента United Press International (UPI) прибыл в Москву. Приехав в советскую столицу как публицист, сочувствующий рабочему движению и революции, и проведя в СССР шесть лет, он покинет Советский Союз в 1934 г. Неизвестно, насколько глубоки и искренни были большевистские симпатии Лайонса, однако попытки его инспирации «на пользу пропаганды СССР за границей»¹⁰ успеха не имели. Вернувшись в США разочарованным в коммунистическом эксперименте, американский журналист становится борцом с идеологией «красной диктатуры»¹¹. В 1935 г. в нью-йоркском издательстве А. Кнопфа выходит антисоветская «Московская карусель» — знаменитая книга Лайонса, посвященная описанию красной бюрократии и красной пропаганды. До отъезда в США Лайонс знакомится с Булгаковым и его «астрономическим спутником» — переводчиком Э. Л. Жуховицким, секретным сотрудником ОГПУ—НКВД СССР. В 1932 г. при участии Жуховицкого он переводит на английский язык вариант третьей, мхатовской, редакции «Дней Турбиных». В апреле 1933 г. истек договор между Булгаковым и издательством С. Фишера на право распространения пьесы вне СССР. Зимой 1934 г. Булгаков заключает с Лайонсом договор о передаче прав на «Дни Турбиных» — сроком на один год. Документ скреплен тремя подписями: автора, Лайонса и сопереводчика текста — Жуховицкого, выступившего в роли заверителя данного соглашения¹². В 1935 г. договор с американским журналистом утратил силу, и Булгаков вновь передал право на «Дни Турбиных» издательству С. Фишера. В конце 1936 г. договор с немецким издательством тоже истек и более не возобновлялся. В двух частях булгаковского архива — в ОР РГБ и в РО ИРЛИ — мы не находим каких-либо доку-

10 Фельдман Д. М., Киянская О. И. Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) // Вопросы литературы. 2018. № 4. С. 308–344.

11 Подробнее о биографии Ю. Лайонса см.: Мишуровская М. В. Юджин Лайонс и «Дни Турбиных» в Америке: по материалам архива М. А. Булгакова // Русские евреи в Америке. Торонто; СПб., 2019. Кн. 20. С. 105–125.

12 Черновик договора между М. А. Булгаковым и Ю. Лайонсом от 8 января 1934 г.: [на англ. яз., машинопись, подписи — автограф: М. А. Булгаков, Ю. Лайонс, Э. Л. Жуховицкий] // РО ИРЛИ. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 13.

ментальных свидетельств заключения нового договора с Лайонсом¹³. Но сотрудники ВОКС уверены, что именно он имеет отношение к театральной судьбе пьесы в Лондоне. Возможно, причину их уверенности следует искать не только в интригах советских бюрократов, порождаемых, в частности, сшибкой писательских самолюбий, но и в печатной судьбе перевода пьесы на английский язык. В 1934 г. в бостонском издательстве Houghton Mifflin Company увидел свет сборник советской драматургии «Six Soviet Plays» («Шесть советских пьес»), в который вошел и перевод варианта третьей редакции «Дней Турбиных». В 1935 г. сборник был переиздан в лондонском издательстве В. Голанца. Лайонс, редактор и составитель сборника, инициировал его издание в США и Великобритании. О сборнике «Шесть советских пьес» писала советская печать. О нем, безусловно, знали сотрудники ВОКС. Так или иначе, но, получив информацию о том, что к постановке имеет отношение разочарованный в коммунистическом эксперименте Лайонс, и не желая брать на себя ответственность за пересылку фотографий, заведующий англо-американским отделом Милюковский 19 августа 1938 г. пишет первому секретарю полпредства СССР в Великобритании М. В. Коржу:

Уважаемый товарищ Корж.

Мы получили письмо от Лондонского Общества с просьбой достать им фотографии постановки пьесы Булгакова «Дни Турбиных», которая ставится на сцене театра «Феникс» режиссером Майкл Сент Денис [Мишелем Сен-Дени. — М. М.]. Комплект таких фото мы из МХАТ сможем достать, но дело осложняется следующим обстоятельством.

По имеющимся у нас сведениям, Булгаков в свое время передал права в Англии на эту пьесу небезызвестному Лайонсу. Можно следовательно предполагать, что Лайонс передал эту пьесу Денису [М. Сен-Дени. — М. М.]. Мы совершенно не знаем Дениса [М. Сен-Дени. — М. М.] и не представляем себе, как он собирается ставить эту пьесу, кем она была переведена на английский язык и проч. Вы понимаете, что входить в какую-то связь с Лайонсом хотя бы косвенную нам не представляется возможным. С другой стороны может быть все-таки целесообразно дать режиссеру для руководства фото МХАТовской постановки этой пьесы.

¹³ В конце января 1934 г. был составлен и в начале февраля того же года заключен еще один годичный договор между М. А. Булгаковым и Ю. Лайонсом — на перевод и опубликование романа «Белая гвардия» во всех странах, кроме СССР; см.: РО ИРЛИ. Ф. 369. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 12.

Мы полагаем поступить следующим образом. Когда мы получим эти фото, мы перешлем их Вам и Вы учитывая все обстоятельства дела передайте их Денису [М. Сен-Дени. — М. М.], если найдете это нужным. С товарищеским приветом,
Завед. Англо-Американским Отделом ВОКС Миликовский¹⁴.

В этот же день Миликовский пишет короткий ответ Д. Тодд, сообщая, что ВОКС уже пытается получить запрашиваемые Лондоном фотографии. Он обещает: мы вышлем их вам, как только мы их получим¹⁵.

Несколькими днями ранее, 15 августа, Миликовский отправляет запрос во МХАТ с просьбой прислать «комплект фото (по несколько фото мизансцен каждого действия) пьесы Булгакова “Дни Турбиных” в постановке МХАТ». Объясняя, кому и для чего понадобились фотографии, он просит театр не задерживать выполнение просьбы «ввиду срочности этого дела»¹⁶. Ответ из МХАТа приходит 25 августа: директор театра Я. И. Боярский сообщает, что запрашиваемый ВОКС комплект фото «может быть предоставлен лишь с санкции Управления театров»¹⁷. Он рекомендует ВОКС обратиться с запросом в Главное управление театров Всесоюзного комитета по делам искусств при СНК СССР. Миликовский так и поступает: 31 августа им составлены два письма. Одно — с просьбой при отсутствии возражений разрешить МХАТу выслать на адрес ВОКС «просимые фото» — отправлено в Главное управление театров Всесоюзного комитета по делам искусств¹⁸. Второе адресовано Булгакову, уже имевшему к тому времени информацию о письме из Англии и запросившему в ВОКС копию письма Дж. Тодд:

Тов. М. Булгакову

Согласно Вашей просьбы при сем препровождаем Вам копию полученного нами от Лондонского Общества Культурной связи с СССР письма от 5-го августа с. г. по поводу получения фотографий с постановки пьесы «Дни Турбиных», которая ставится на сцене Лондонского театра «Феникса» режиссером Майки Сен Денис [М. Сен-Дени. — М. М.].

14 ГАРФ. Ф. 5283: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Оп. 3. Ед. хр. 1106. Л. 11. Публикуется с сохранением орфографии и пунктуации текста письма.

15 Там же. Л. 10.

16 Там же. Л. 9.

17 Там же. Л. 8.

18 Там же. Л. 6.

Просим сообщить Ваше мнение по затронутому вопросу.
Зав. Англо-Америк. Отд. ВОКС М. Миликовский¹⁹.

Если верить дневнику Е. С. Булгаковой, письмо было получено Булгаковым 2 сентября 1938 г. В дневнике жена писателя отмечает: «Всегда такие письма волнуют М. А., создают неразрешимые вопросы»²⁰. Видимо, один из неразрешимых вопросов может быть сформулирован следующим образом: по какому сценическому тексту готовится очередная зарубежная постановка и как этот текст может быть интерпретирован режиссером? На всякий случай напомним: увидеть зарубежные постановки своих пьес Булгаков не мог — его «упорно не пускали за границу»²¹. Как это ни странно, «неведение вдаль» его спасало и одновременно приносило немало хлопот, связанных с лавированием между интересами различных советских ведомств и культурных институций.

Ответ А. В. Солодовникова — начальника Главного управления театров, пришедший в ВОКС 9 сентября 1938 г., был отрицательным: отметив, что управление театров лишено возможности предоставить лондонскому театру фотографии мхатовского спектакля «Дни Турбиных», Солодовников изложил причину отказа: «Считаем, что выбор пьесы Булгакова “Дни Турбиных” не может быть признан удачным, т. к. она мало показательна для советской драматургии»²². Эту оценку пьесы Миликовский, аргументируя невозможность предоставить М. Сен-Дени запрашиваемые им фото, дословно повторит в письме, отправленном 17 сентября 1938 г. в советское полпредство в Лондоне. Заведующий англо-американским отделом просит уполномоченного ВОКС в Англии сообщить о принятом решении в SCR²³.

Ответ из полпредства приходит уже после премьеры спектакля «Белая гвардия», состоявшейся 6 октября 1938 г. В спектакле М. Сен-Дени и Б. Эльбери главные роли исполнили известные актеры: Елену Тальберг сыграла П. Эшкрофт, в роли Алексея Турбина выступил

19 Там же. Л. 7. Публикуется с сохранением орфографии и пунктуации текста письма.

20 Булгакова Е. С. Дневник // Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2004. С. 365.

21 Там же. С. 386.

22 ГАРФ. Ф. 5283: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Оп. 3. Ед. хр. 1106. Л. 5.

23 Там же. Л. 4.

М. Редгрейв. Почти во всех печатных откликах на «Белую гвардию», появившихся в британской и американской прессе, утверждается: адаптация в Лондоне известной пьесы советского театра стала открытием сезона. Одним из самых интересных предприятий современного английского театра называет премьеру в лондонском «Фениксе» американская газета *The New York Times*²⁴.

17 октября 1938 г. второй секретарь советского полпредства в Лондоне И. Попов пишет Миликовскому: «Настоящим сообщая, что пьеса Булгакова “Дни Турбиных” уже идет в лондонском театре “Феникс”, поэтому в настоящее время никакой речи о присылке Вами фотографий идти не может»²⁵.

В ноябре 1938 г. исполняющий обязанности председателя правления ВОКС, администратор кино и сценарист В. Ф. Смирнов посылает Булгакову выписку из сводки инопрессы — «по Англии за октябрь», которая представляет собой вольный перевод статьи «”Дни Турбиных” в Лондоне», опубликованной 17 октября в *Daily Worker*, ежедневной американской газете левой направленности. Чтобы представить, как был «обрадован» Булгаков, получив от Смирнова этот пересказ, приведем его фрагмент: «Конец пьесы следующий: семья Турбиных прячется в доме, заперев наглухо двери. В то время как падает занавес, они стоят и поют белогвардейский марш, который заглушается звуками Интернационала и шумом шагов приближающейся армии»²⁶.

Еще один документ из дела о постановке «Дней Турбиных» в театре «Феникс» — письмо секретаря SCR Д. Тодд к М. И. Гриневу, сменившему Миликовского в должности заведующего англо-американским отделом ВОКС. Составленное 9 декабря 1938 г., оно, судя по штемпелю секретариата ВОКС, было получено 15 декабря того же года²⁷. Это письмо — ответ на просьбу Гринева, запросившего у англичан сведения о сценическом тексте лондонских «Дней Турбиных». Тодд сообщает Гриневу, что сверила сценический текст с переводом пьесы на английский язык, имеющимся в библиотеке (в какой именно — Тодд не уточняет). Она расспросила «разных людей», видевших пьесу в Москве, и пришла к выводу, что текст «Дней Турбиных», «похоже, был изменен различными способами, которые,

24 Мишуровская М. В. Английские «Дни Турбиных»... С. 197.

25 ГАРФ. Ф. 5283: Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. Оп. 3. Ед. хр. 1106. Л. 3.

26 ОР РГБ. Ф. 562. Оп. 1. К. 20. Ед. хр. 1. Л. 17.

27 Там же. Л. 1–2.

как правило, придают ей антисоветский уклон»²⁸. При этом секретарь SCR подчеркивает: спектакль хвалит пресса, и в целом постановка не приносит ущерба советской литературе. Копия ответа на запрос Гриневы в переводе на русский язык, выполненном переводчицей ВОКС Л. Д. Кисловой, была передана Булгакову; перевод письма сохранился в личном фонде писателя в ОР РГБ²⁹. Красным карандашом он выделил наиболее острые фрагменты ответа, присланного из Лондона Гриневу, где повествовалось, в частности, о «злонамеренном» и «антисоветском» искажении текста пьесы.

Если лондонская постановка 1934 г. не нашла отражения в советской прессе, то о спектакле 1938 г. упоминала газета «Известия», о нем писали журналы «Интернациональная литература» и «Искусство и жизнь». Хроника «Искусства и жизни» сообщала: «Дни Турбиных», «самая семейная» из советских пьес, идет на английской сцене «с большим успехом, правда в сильно переделанном виде»³⁰.

К концу 1938-го и в 1939 г. «дело о фотографиях» превратилось, не без помощи главы ВОКС Смирнова, в дело об антисоветском «извращении» советской пьесы. Встал вопрос о сатисфакции — об ответных мерах. Казалось бы, винить автора «Дней Турбиных» в данном случае было не за что. Если перевод текста, например, в случае с Лайонсом, можно было контролировать, то какая-либо корректировка сценического текста, находившегося во власти режиссерских решений, принимаемых в Лондоне, была просто невозможна. Однако зимой 1939 г. в дневнике Е. С. Булгаковой зафиксировано возрастание напряжения, в частности в связи с лондонской постановкой. В ночь с 17 на 18 февраля жена Булгакова записывает: «Но сегодня: звонок из Комитета по делам искусств, просят Мишу прийти в Комитет к тов. Немченко по поводу постановки в Англии “Дней Турбиных”. Что такое? Что за оказия?»³¹

Придя 21 февраля 1939 г. в Комитет по делам искусств, Булгаков узнает от инспектора Главного управления театров Н. Немченко, что «всю эту историю», начавшуюся с запроса фотографий, так и не отправленных в Лондон, и отмеченную беспокойством Смирнова по поводу «извращения» советской пьесы, тот же Смирнов предлагает продолжить, приняв публичные ответные меры. Булгаков, по словам

28 Там же. Л. 1.

29 ОР РГБ. Ф. 562. Оп. 1. К. 20. Ед. хр. 1. Л. 19.

30 Зарубежная хроника. Англия // Искусство и жизнь. 1939. № 1. С. 43.

31 Булгакова Е. С. Дневник... С. 408.

Е. С. Булгаковой, говорит, что «прежде всего, будет протестовать против того, чтобы отыгрываться, опорочивая его пьесу за границей [...] не фотографии надо посылать, а автора, когда его пьесы играют за границей»³². Предположение, высказанное им далее, на первый взгляд выглядит странно. Оно также зафиксировано в дневнике жены: может быть, в Лондоне «просто играют первый вариант [вторая редакция пьесы. — М. М.], украденный Каганским»³³. Как известно, «украденный» З. Л. Каганским текст второй редакции «Дней Турбиных» был переведен К. Розенберг на немецкий язык и издан тем же Каганским, закрепившим таким образом право на распространение изданного им текста, включая постановку на сцене, которая в странах — участницах Бернского союза не приравнивалась, как в СССР, к публикации. В 1927 г. Каганский договорился с издательством С. Фишера о переуступке издательству права на управление сценической судьбой изданной на немецком языке пьесы. Немецкий перевод послужил основанием для первого соглашения, заключенного между Булгаковым и издательством С. Фишера, с апреля 1928 г. представлявшего интересы автора пьесы в театральном мире Европы и США, но в конце 1936 г. договор на пьесу истек и, как уже было отмечено выше, более не возобновлялся. Однако право Каганского на распространение «Дней Турбиных» при этом не утратило силы.

Казалось бы, в данном случае логичнее было бы предположить, что спектакль в лондонском театре «Феникс» подготовлен Г. Кельверлей, а в основе постановки — перевод пьесы на английский язык, осуществленный Р. Оклендом и формально одобренный Булгаковым, в мае 1935 г. подписавшим с Кельверлей соответствующий договор.

Булгаков, как отмечает в дневнике его жена, в начале апреля 1939 г. обращается к Кельверлей за разъяснениями. Почти одновременно Е. С. Булгакова пишет секретарю SCR письмо с просьбой «об адресах театра, режиссера и переводчика»³⁴. Оправлено письмо К. Марилу, возглавлявшему Театральный отдел издательства С. Фишера. Довольно скоро Кельверлей отвечает Булгаковым. Сообщив, что к постановке в театре «Феникс» она отношения не имеет, Кельверлей называет имя одного из постановщиков — Б. Эльбери. Кроме того, отправив запрос в агентство Curtis Brown LTD, она получила ответ, также отправленный ею Булгакову. Из ответа явствует, что авторские отчисления за

32 Там же. С. 409.

33 Там же.

34 Там же. С. 419.

лондонскую «Белую гвардию», по доверенности, якобы подписанной Булгаковым, получали, деля их поровну, Каганский и брат писателя Н. А. Булгаков. Так «дело о фотографиях», подходя к концу, претерпевает еще одну метаморфозу: история об «извращении» советской пьесы, сошедшая на нет, становится делом о гонораре за ее постановку. Но ненадолго. Уже в июне 1939 г. жена писателя записывает: «Миша над пьесой»³⁵ — Булгаков принимается за «Батум».

«Сложны и путаны пути политики», заметил В. В. Маяковский³⁶. И нерешительность заведующего англо-американским отделом Миликовского, не пожелавшего брать на себя ответственность за передачу в Лондон фотографий мхатовского спектакля, с учетом сложности этих путей вполне объяснима. Отношения между СССР и Великобританией, разорванные в 1927 г. и восстановленные в начале октября 1929 г., отразились и на культурной дипломатии: к концу 1929 г. активность SCR «сократилась, как и его репрезентативность в отношении представителей английской культуры и науки»³⁷. В конце сентября 1938 г. Великобритания вместе с Францией и Италией подписала Мюнхенское соглашение с нацистской Германией. СССР выступил в оппозиции по вопросу о присоединении к Германии Судетской области. На этом, далеко от культуры, фоне понятны старания главы ВОКС Смирнова, решившего продолжить дело об извращении в Лондоне советской пьесы принятием публичных ответных мер. Отчасти объяснима и политика полпредства СССР в Лондоне, осенью 1938 г. не имевшего желания принимать на себя ответственность за белогвардейский театральный сюжет и как-либо вмешиваться в «дело о фотографиях».

В 1960-е и в 1970-е гг. спектакль М. Сен-Дени «Белая гвардия» будет упомянут в нескольких советских изданиях. В книгу актера М. Редгрейва «Маска или лицо: пути и средства работы актера» (1965 г.) войдет «Предисловие», написанное А. А. Аникстом, с рассказом о работе Редгрейва с М. Сен-Дени, в частности над спектаклем по пьесе Булгакова. В книгах Н. Н. Сибирякова «Станиславский и

35 Там же. С. 434.

36 *Маяковский В. В.* Англичанка мутит. Цит. по: Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms8/ms8-200-.htm> (дата обращения: 03.01.2022).

37 *Гриднев Ю. А.* Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. 1925–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / МГУ им. М. В. Ломоносова: [на правах рукописи]. М., 2006. С. 126.

зарубежный театр» (1967 г.) и «Мировое значение Станиславского» (1974 г.) лондонская постановка «Дней Турбиных» 1938 г. будет представлена как пример творческого воздействия учения Станиславского на мировое сценическое искусство.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ).

Рукописный отдел Института русской литературы Российской академии наук (РО ИРЛИ РАН).

University of Birmingham. Cadbury Research Library: Theatre Collection.

Аникст А. А. Предисловие // Редгрейв М. Маска или лицо: пути и средства работы актера / пер. с англ. Л. Г. Шпет. М.: Прогресс, 1965. С. 5–23.

Булгаков М. А., Булгакова Е. С. Михаил и Елена Булгаковы. Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. 562 с.

Голубев А. В., Невежин В. А. Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 236 с.

Гриднев Ю. А. Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. 1925–1929 гг.: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / МГУ им. М. В. Ломоносова: [на правах рукописи]. М.: РГБ, 2006. 183 с.

Зарубежная хроника. Англия // Искусство и жизнь. 1939. № 1. С. 43.

Маяковский В. В. Англичанка мутит. Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/mayakovsky/texts/ms0/ms8/ms8-200-.htm> (дата обращения: 03.01.2022).

Мишуровская М. В. Английские «Дни Турбиных». К истории постановки пьесы М. А. Булгакова в театре «Феникс» (1938) // Национальный театр в контексте многонациональной культуры: архивы, библиотеки, информация: Десятые Международные Михоэлсовские чтения / Рос. гос. б-ка искусств; сост. А. А. Колганова. М.: РГБИ, 2018. С. 194–202.

Мишуровская М. В. Джойс, Булгаков и Фреда Блох: книги и люди на пересечении литературных границ (к истории поиска сведений о переводчиках текстов М. А. Булгакова в Европе и Америке) // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI веков: материалы Седьмых Международных научных чтений, приуроченных к дню ангела писателя (Москва, ноябрь 2016 г.). М.: Музей М. А. Булгакова, 2017. С. 93–125.

Мишуровская М. В. Юджин Лайонс и «Дни Турбиных» в Америке: по материалам архива М. А. Булгакова // Русские евреи в Америке. Торонто; СПб., 2019. Кн. 20. С. 105–125.

Фельдман Д. М., Киянская О. И. Показания А. Гарри о положении иностранных корреспондентов в СССР (1930 год) // Вопросы литературы. 2016. № 4. С. 308–344.

References

Anikst, A. A. “Predislovie.” Redgreiv, M. *Maska ili litso: puti i sredstva raboty aktera*. Moscow: Progress, 1965, pp. 5–23.

Bulgakov, M. A., Bulgakova, E. S. *Mikhail i Elena Bulgakovy. Dnevnik Mastera i Margarity*. Moscow: Vagrius, 2004, 562 p.

Fel'dman, D. M., Kiiianskaia, O. I. “Pokazaniia A. Garri o polozhenii inostrannykh korrespondentov v SSSR (1930 god).” *Voprosy literatury*, 2016, no 4, pp. 308–344.

Golubev, A. B., Nevezhin, V. A. *Formirovanie obraza Sovetskoï Rossii v okruzhaiushchem mire sredstvami kul'turnoi diplomatii, 1920-e — pervaiia polovina 1940-kh gg.* Moscow: Institut rossiïskoï istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016, 236 p.

Gridnev, Iu. A. *Vsesoiuznoe obshchestvo kul'turnoi svyazi s zagranitseï. 1925–1929 gg.* PhD thesis, Moscow, 2006, 183 p.

Mishurovskaia, M. V. “Angliïskie Dni Turbinykh. K istorii postanovki p'esy M. A. Bulgakova v teatre Feniks (1938).” *Nacional'nyi teatr v kontekste mnogonacional'noi kul'tury: arkhivy, biblioteki, informatsiia: Desiatye Mezhdunarodnye Mikhoelsovskie chteniia*, comp. by A. A. Kolganova. Moscow: RGBI, 2018, pp. 194–202.

Mishurovskaia, M. V. “Dzhoïs, Bulgakov i Freda Blokh: knigi i liudi na persechenii literaturnykh granits (k istorii poiska svedenii o perevodchikakh tekstov M. A. Bulgakova v Evrope i Amerike).” *Mikhail Bulgakov v potoke rossiïskoï istorii XX–XXI vekov: materialy Sed'mykh Mezhdunarodnykh nauchnykh chtenii, priurochennykh k dniu angela pisatel'ia (Moskva, noiabr' 2016 g.)*. Moscow: Muzei M. A. Bulgakova, 2017, pp. 93–125.

Mishurovskaia, M. V. “Iudzhin Laïons i Dni Turbinykh v Amerike: po materialam arkhiva M. A. Bulgakova.” *Russkie evrei v Amerike*. Toronto–St Petersburg, 2019, vol. 20, pp. 105–125.

“Zarubezhnaia khronika. Angliia”. *Iskusstvo i zhizn'*, 1939, no 1, pp. 43.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.03

M. V. Mishurovskaya

**“The case of photographs” in the archive
of the The All-Union Society of Cultural Communication with Abroad.
On the history of the staging of M. A. Bulgakov’s play
“The Days of the Turbins” (1938) in London**

Maria V. Mishurovskaya

Chief Bibliographer

Russian State Library of Arts

107031, Bolshaya Dmitrovka, 8/1, Moscow, Russian Federation

E-mail: mishu-mariya@yandex.ru

ORCHID: 0000-0001-5802-7220

Citation

Mishurovskaya M. V. “The case of photographs” in the archive of the The All-Union Society of Cultural Communication with Abroad. On the history of the staging of M. A. Bulgakov’s play “The Days of the Turbins” (1938) in London // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 248–264 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.03

Received: 10.01.2022.

Abstract

The article examines the documents deposited in the folder “The All-Union Society of Cultural Communication with abroad. English Department. Correspondence with the VOKS commissioner in England about the staging of Bulgakov’s play *The Days of the Turbins* at the Phoenix Theater”, which is part of the 5283 foundation “The All-Union Society for Cultural Communication with Abroad (VOKS)” of the State Archive of the Russian Federation. The content of these archival sources is related to the so-called “case of photographs” of the performance “The Days of the Turbins” of the Moscow Art Academic Theater (Moscow Art Theater), requested in August 1938 by the director M. Saint-Denis for the production of a play about the Turbins at the Phoenix Theatre in London. M. Saint-Denis’s request was transmitted to the Anglo-American department of VOKS through J. Todd, Secretary of the Society for Cultural Relations between the Peoples of Great Britain and the USSR. A letter from J. Todd, reviewed by the head of the Anglo-American VOKS department M. V. Milikovskiy, who received information that E. Lyons was allegedly involved in the production in London. E. Lyons, the author of the anti-Soviet book “The Moscow Carousel”, serves as the beginning

of the “case of photographs”, which later became — especially after the premiere on October 6, 1938 of the play M. Saint-Denis “The White Guard” is a case of “perversion” of the text of a Soviet play. In this case, M. A. and E. S. Bulgakov took part, as well as their foreign acquaintances (K. Maril, G. Kelverley), VOKS employees: acting Chairman of the VOKS Board, cinema administrator and screenwriter V. F. Smirnov, head of the Anglo-American department M. V. Milikovsky, and then M. I. Grinev, who replaced him in his post, employees of the USSR Plenipotentiary Mission in London (M. V. Korzh, etc.), J. Todd, the Arts Committee at the USSR National Assembly and the Moscow Art Theater Administration. Photos requested by M. Saint-Denis, were never sent to London. In February 1939, Bulgakov was summoned to the Main Directorate of Theaters of the Committee for the Arts for explanations. However, the story with the photographs brought the author of the play not only unpleasant troubles, it helped him to get information about the stage text of the London “White Guard” and to deal with the problem of royalties. In the 1960s and 1970s, M. Saint-Denis’s performance was mentioned in Soviet publications as an example of the creative impact of K. S. Stanislavsky’s teaching on world stage art.

Keywords

M. A. Bulgakov, “The Days of the Turbins”, The All-Union Society for Cultural Communication with Abroad, E. Lyons, M. Saint-Denis.

**Топос города в болгарской прозе 1960-х гг. —
структура и мифопоэтика**

Наталия Няголова

PhD, доцент

Великотърновский университет

5003, Т. Търновски 2, Света Гора, Велико Търново, Болгария

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

119991, Ленинские горы, д. 1, Москва, Российская Федерация

E-mail: nniagolova@abv.bg

ORCID: 0000-0001-5535-7224

Цитирование

Няголова Н. Д. Топос города в болгарской прозе 1960-х гг. — структура и мифопоэтика // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 265–278.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.04

Статья поступила в редакцию 17.01.2021.

Аннотация

В статье представлены основные процессы литературного урбанизма 1960-х гг. в болгарской прозе, свидетельствующие о проницаемости соцреалистического канона и расширении его тематических и структурных границ. Намечены три новые модели, сформированные в контексте «оттепели», в которых пространство города коннотировано отрицательно. Учитываются отличия представленных моделей от советского урбанизма 1960-х гг., часто изображающего город как территорию поэзии, доверительности и связи с революционным прошлым. В исследовании прослеживается присутствие топоса «города греха» в произведениях «Запах миндаля» Павла Вежинова, «Дороги в никуда» Богомила Райнова и «Время героя» Василя Попова. В плане мифопоэтики в данном топосе выявляется архетип Вавилона, «города-блудницы», «земного города». Реконструирован генезис топоса в традиции болгарской городской прозы 1920–1940-х гг., проанализировано влияние массовой литературы. Представлена группа семантических признаков, характерных для поэтики топоса в рассматриваемых произведениях: деструкция и фрагмен-

тарность; редукция и деформация интерьера; семиотика звуков и запахов; провинциализм и космополитизм. Интерпретируется расхождение семантики топоса с основными постулатами социалистического реализма. Утверждается продуктивность данной модели в болгарской прозе 70-х гг. XX в.

Ключевые слова

Топос, урбанистика, поэтика, «оттепель», проза, мифопоэтика.

В литературном наследии болгарской «оттепели», в условиях доминирования соцреалистической эстетики, выделяется группа текстов, в которых пространство города имеет отрицательную коннотацию, в духе архетипной модели Вавилона, «города-блудницы», «земного города», «который сам не блюдет своей крепости и целости, идет навстречу своему падению, ища, кому бы отдаться и не спрашивая, кто его берет»¹.

В данной статье сделана попытка интерпретации этого варианта городского пространства и реконструкции карты поэтосферы города, той «совокупности сложных реальных и смысловых комбинаций пространственно-поэтического характера, поднимающих жизненную прагматику до уровня мифологического сознания и эстетического переживания»², по определению В. Г. Шукина. Материалом наших наблюдений будут произведения трех болгарских писателей 60-х гг. XX в. — Павла Вежинова, Богомила Райнова и Василя Попова.

На фоне эстетической конъюнктуры 1950–1960-х гг. урбанистика указанных авторов выглядит как свидетельство «оттепельного» расширения художественных границ, той деканонизации, во время которой, по словам Х. Гюнтера, «происходит прогрессирующая и необратимая эрозия соцреализма»³. Характерная концептуализация города в духе советской «оттепели», когда город становится пространством поэзии, весны и любви с домашним уютom двора и тенями революционного прошлого, в болгарской литературе отсутствует. В 60-е гг.

1 *Топоров В. Н.* Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // Исследования по структуре текста. М., 1987. С. 125.

2 *Шукин В. Г.* Поэтика города. Морфология поэтосферы // Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки. 2013. № 7. С. 299.

3 *Гюнтер Х.* Прощание с советским каноном // *Revue des Études Slaves*. 2001. № 73-4. С. 715.

XX в. в отечественной словесности выделяются три варианта городского пространства. В так называемом «производственном романе», ведущем жанре более раннего историко-литературного периода, сохраняется утопическая проекция города, его символическое прочтение как строительной площадки для построения новой жизни. Обычно это города без истории, возникающие на новом месте и символизирующие победу «человека будущего» над природой. В 60-е гг. данный топос получает своеобразные трансформации в романах Благой Димитровой, в первую очередь в тексте «Путешествие к себе» (Пътуване към себе си, 1965). В нем в условиях строительства нового города социализма разворачивается любовно-психологическая драма героини, выявляющая ряд особенностей модернистской стилистики — поток сознания, субъективизм, гендерные оппозиции и т. д.

Второй вариант пространства города появляется в характерной для болгарской «оттепели» прозе «корнеискателей», в которой топос деревни становится основным хронотопом, репрезентирующим богатую палитру смыслов мифологического, национального и социального порядка. С одной стороны, это реакция на тяжелую коллективизацию, проведенную в конце 40-х гг. в стране, а с другой стороны, эта поэтика связана с интересом оттепельной эпохи к периферийному, маргинальному и региональному пространству и герою. В произведениях этого типа город является оппозиционным топосом, часто лишенным конкретики вплоть до отсутствия в повествовании. Он выявляет агрессивность и зло цивилизационного начала с его прагматизмом и утратой социальных и национальных «корней». К данному варианту обращаются в своих произведениях Й. Радичков, В. Попов, Н. Хайтов, Г. Мишев.

Третий вариант концептуализации городского пространства — это топос «города греха». Чаще всего в этой ипостаси выступает София. Данный вариант присутствует в произведениях городской прозы, которые составляют лишь небольшую часть литературной продукции данного периода. Мы рассмотрим три произведения, в которых город представлен как территория деструкции и отчуждения, и попытаемся составить перечень его признаков. Это повесть «Дороги в никуда» (Пътища за никъде, 1966) Богомила Райнова, новелла «Запах миндаля» (Дъх на бадеми, 1966) Павла Вежинова, а также роман «Время героя» (Времето на героя, 1968) Василя Попова.

Появление «города греха» в болгарской прозе 60-х гг. XX в. подготовлено прочной литературной традицией довоенной прозы. В текстах болгарских писателей 1920–1940-х гг. формируется урбанистическое

пространство, для которого характерны двойственность, экзистенциальная безысходность, демоническое одиночество. В диссертации, посвященной пространству города в болгарской беллетристике первой половины XX в., Александр Христов отмечает, что в данный период развития болгарской литературы «пространство города становится полем субъективных obsessions, которые изменяются из-за эмоционального заряда и мировоззрения героев»⁴. Это типический модернистский город, который воспринимается как «среда обитания человека, находящегося накануне апокалипсиса, в силу чего становится мифополагающим топосом, и в каждом из модернистских направлений создается собственный городской метамиф, отражающий картину мира...»⁵. В творчестве болгарского писателя Георгия Стаматова данная концепция города первой половины XX в. получает свое архетипическое наименование — «маленький Содом». В 40-е и 50-е гг. той же концептуализации подвергается образ города в романах Димитра Димова, где топос становится трагедийным пространством, сценой катастрофических коллизий персонажа, где появляется «безродная столица» болгарской прозы⁶. У Димова образ города следует за моделью массовой литературы с ее топосами эротизма, роскоши и тайны, но в то же самое время этот пространственный код выступает в роли «ширмы», за которой скрыты «глубинные психические состояния персонажей»⁷.

Лишь в середине 60-х гг. в болгарской прозе вновь появляется концепция изображения городского пространства, сохраняя основную пространственную структуру предыдущей традиции. «Город греха» болгарской «оттепели» фрагментарен и герметичен. Он включает ряд закрытых пространств, камерных интерьерных мизансцен, в отличие от масштабных эпических хронотопов в романах 50-х гг.

⁴ Христов А. Пространствата на града в българската беллетристика от първата половина на XX век. Автореферат на дис. труд за присъждането на научн. и образов. степен «доктор». София, 2017. С. 38.

⁵ Шмидт Н. В. Городской текст в поэзии русского модернизма. Автореферат ... канд. филол. наук. М., 2007. С. 4.

⁶ Димитрова Е. За творчеството на Д. Димов // Български литературен архив. URL: http://www.bglitarchives.org/?com=com_catalogue&view=product&Itemid=83&lang=bg&cat=10&cpos=706000000&Ptype=2 (дата обращения: 28.08.2021)

⁷ Стойчева С., Стоянова Ю. Архетипното в романите на Димитър Димов // Liternet. URL: <https://www.liternet.bg/publish/sstoicheva/dimov.htm> (дата обращения: 27.08.2021).

Действие повести Б. Райнова «Дороги в никуда» разворачивается на фоне болгарской столицы, и София представлена несколькими довольно необычными для соцреалистического хронотопа пространствами — мрачными городскими квартирами, руинами разбомбленных городских домов, баров, ресторанов и безлюдными скверами, которые восходят к пространственной модели нуара. Даже в помещениях Софийского университета царит атмосфера полумрака, уныния и застоя.

Городское пространство в прозе болгарской «оттепели» нередко подвержено деструкции. Иногда речь идет о реальных разрушениях — чаще всего это следы бомбежек англо-американских воздушных сил в конце Второй мировой войны. Этот исторический факт интересным образом освещается в романе «Отклонение» (1967) Благги Димитровой, в котором любовная история молодых людей начинается в уцелевшей мансарде полуразрушенного во время бомбежек дома. В других случаях элементы деструкции содержатся в изображении разнообразных элементов городского топоса. Все чаще в произведениях появляется домашнее пространство, имеющее номинативные характеристики гнезда, приюта, раковины⁸, но потерявшее функции уюта и защиты. Это пространство фиксирует интерес «оттепельной» эстетики к частной жизни героя, к его индивидуальному бытию, к интимным переживаниям и эмоциональным коллизиям персонажа. В отличие от советских «душевных» дворов, болгарские писатели выбирают местом действия своих произведений полупустые, полутемные, полумеблированные пространства неуютных квартир. Настоящие дома и сады появляются довольно редко, обычно они являются частью иммагинерных пейзажей снов, воспоминаний персонажа и т. д. Связь с природным началом у героев данных произведений потеряна навсегда, и это является очередным доказательством их дисгармоничной жизни. Интерьеры часто отмечены ветхостью, ущербностью, экономностью. Парикмахерша Герда — героиня новеллы «Запах миндаля» П. Вежинова — обитает в маленькой комнатке, в которой нет гардероба, но присутствуют знаки былой роскоши — комод из красного дерева, старинные часы, вытертый персидский ковер. Среди этого мнимого богатства особое место занимает выпотрошенный «großvater stühle», и это немецкое название кресла отсылает к военному времени и к воспоминаниям об осужденном Народным судом отце Герды. В этом «гнездышке под крышей» проходят свидания героини с ее гру-

8 Башиляр Г. Поэтика пространства. М., 2004. С. 50.

ственным любовником — женатым полковником, отцом двоих детей. Вежинов — один из немногих болгарских писателей-урбанистов, который превращает топос родной Софии в основной топос своей прозы. Чаще всего он пользуется предметной обстановкой повседневности как материальным эквивалентом настроения своих героев или как метафорой губительной стихии человеческой пошлости.

У Богомила Райнова городское пространство приобретает гендерную окраску — оно представлено как маскулинное пространство. Это подтверждается, в первую очередь, частотностью использования топоса кабинета. В повести «Дороги в никуда» кабинетные топосы появляются неоднократно — это кабинет высокопоставленного лица, кабинет начальника полиции Гешева, жилище-кабинет Стоева и, наконец, кабинет самого Петра Александрова. Данные локусы представлены клишированным предметным составом: письменный стол, настольная лампа, стул, кресло. Чаще всего это полутемные и тихие помещения, в описании которых иногда возникают книги и портреты. Главная их особенность — строгость и порядок. Это пространство спартанцев, демагогов и тайных маньяков. Это пространство самодостаточного бытия мужчин, имеющих свои цели и установленный годами образ жизни. Идеологические позиции Стоева и Александрова проявляются на уровне художественной предметности. Их маркируют портрет Сталина в интерьере мансарды Стоева, от которого в конце повести остается лишь светлое пятно на стене, и «уродливый бюстик Ленина», который «от бронзирования приобрел неприятный цвет латунной ручки» и который Петр засунул в шкаф вместе с остальными ненужными вещами. Оба предмета демонстрируют противоположное отношение героев не только к коммунистической идее, но к идее вообще — догматическое и фетишистское у Стоева и творческое и нравственное у Александрова. Кабинет в повести становится также пространством власти. Данная семантика обнаруживается в описаниях кабинетов начальника полиции Николая Гешева и кабинета «высокопоставленного лица».

Из героинь только Рина связана с определенным локусом. Но это чужая комната, предоставленная богатой родственницей, а ее функции не имеют ничего общего с художественной семантикой мужского кабинета. Скорее, присутствие комнаты Рины в повести соответствует семиотике будуара из поэтики массовой сентиментальной литературы XVIII–XX вв. В работе, посвященной специфике художественного пространства в прозе Кребийона-сына, Наталья Пахсарян отмечает, что «в романах данного типа будуары, ложи, укромные уголки и др. несут символическое значение, являясь не только условием, но и

выражением телесной близости; они могут быть даже истолкованы как аллегория тела»⁹. В этом смысле будуар как сугубо женское помещение становится пространственно-вещной проекцией именно телесной сущности женщины, а кабинет, наоборот, акцентирует интеллектуально-духовную сторону жизни мужчин и таким образом превращается в материальный эквивалент их личности. Чердачная комнатка Рины — «гнездышко» недолгой любви героев. Она семантически связана с сентиментальной сюжетикой чувственной близости укромностью, «позолотой» барочной мебели и рамы большого трюмо. Единственная функциональная характеристика комнаты Рины в повести — беспорядок. Просыпаясь после любовной ночи, Александров видит разбросанную повсюду одежду и белье Рины, валяющиеся на коврик дорогие туфельки. Такой беспорядок будет создавать в его собственном кабинете Мила во время своих приходов. И этот беспорядок имеет подчеркнуто телесные черты — «чулки и белье на письменном столе, окурки со следами губной помады в чернильнице, плотский запах духов “Сирень” и женского тела»¹⁰. Таким образом, изображения кабинета и будуара противопоставляются в плане основной оппозиции повести: «разум — чувственность», «логика — эмоциональность», «порядок — хаос».

В романе «Время героя» неоднократно воспроизводится интерьер квартиры Калуда, который отличается необычной скромностью — белые стены, ковер, два кресла, диван. Он противопоставлен изящной обстановке дома и дачи Ивана, его со вкусом обставленному кабинету, в котором среди современной мебели его секретарша Боряна служит «говорящим предметом». Герои Василя Попова чувствуют себя неуютно в своих домах, они ищут многолюдные пространства, где могут ощутить покой и теплоту, — бары, рестораны, теннисные корты, стадионы, ночные трамваи. Актуализация публичных топосов происходит и в произведениях Вежинова и Райнова — их персонажи живут двойной жизнью, и это выражается в противопоставлении домашнего и публичного пространств. В парикмахерских, в университетских аудиториях, в ночных клубах они надеются на общение с другими людьми, на приобщение к жизни социума, но потом, разочарованные и отчаявшиеся, возвращаются в свои норы, в крошечные, убогие убежища, где «пестуют» свою боль и отчужденность.

⁹ Пахсарьян Н. Т. Специфика художественного пространства в романах Кребийона-сына // *Studia Litterarum*. 2017. № 1. Т. 2. С. 79.

¹⁰ Райнов Б. Дороги в никуда. София, 1967. С. 71.

В болгарской прозе 1960-х гг. актуализируются публичные городские топосы досуга и заботы о себе, в первую очередь — это парикмахерская как сугубо женское пространство. И у Вежинова, и у Попова данный топос представлен в «буржуазном» духе — забота о красоте сочетается с подарками и связями, превращающими уход за волосами в профессию с особым статусом. Салоны красоты в рассматриваемых текстах становятся территорией для времяпрепровождения обеспеченных дам — самодостаточных и безразличных к остальному миру. В конце 60-х отмечается усиление престижа профессий в сфере услуг и постепенная дискредитация интеллигентских профессий, для граждан социалистической Болгарии грядет эпоха 70-х с ее господством мещанства и «маленькой правды». Парикмахерская, в которой работает Герда, коннотируется негативно: «запах ацетона и химикалий, сгоревших волос, неприятной женской плоти», «невыносимая жара», «безжизненный и мертвый свет белых люстр»¹¹. Это пространство пошлости и капризов, в котором Герда мечтает о покое своей мансарды. В описании парикмахерской в романе «Время героя» доминирует значение «холод» — «холодное лицо» Марии, «холодные пальцы» Флор. Главная героиня романа говорит с парикмаршей о самом сокровенном — о любви, потому что иногда парикмахерская превращается в «биржу секретов одного города, одной страны или одной планеты»¹².

Новыми значениями «обрастает» топос ресторана и другие топосы досуга — бары, ночные клубы, кабаки. Персонажи страдают непереносимостью еды, а в повести «Дороги в никуда» эта непереносимость превращается в основной симптом болезни Александрова. Это своеобразный отказ от основных законов окружающего мира, неприятие жизни без духовных стремлений, отвержение прагматизма. Единственная сцена, связанная с едой, — это сцена расточительного ужина Ивана и Марии в романе Попова. Ужин превращается в настоящее торжество материи и роскоши. Описания каждого блюда, приборов и бокалов, вкуса еды и напитков ассоциируются с эротизмом, сладострастием. Любовные встречи Ивана с молодой Сией тоже будут иметь свой вкусовой эквивалент — банановый сок, довольно экзотический напиток для болгарской реальности времен социализма. В сценах прекрасно устроенного быта и достатка жизни Ивана

11 *Вежинов П.* Дъх на бадеми // Избрани произведения в 4 тома. Разкази, новели. София, 1984. Т. 1. URL: <https://chitanka.info/text/45690-duh-na-bademi> (дата обращения: 12.09.2021).

12 *Попов В.* Времето на героя. София, 1979. С. 14

чувствуется то отрицание самодовольной жизни мещан и номенклатурных работников, которое станет важным акцентом в болгарской литературе 70-х, «периода двух канонов»¹³, в произведениях Г. Мишева, Р. Ралина, К. Павлова и др.

Основным лекарством от всех жизненных драм становится алкоголь. У Вежинова Герда и Жени выпивают «по-женски» в кабаке с названием «Тоннель», в котором воздух переполнен «нервными импульсами» и «хрипло и нестройно» играет оркестр¹⁴. Любовная история Александрова и Рины развивается на фоне целого ряда питейных заведений — Венской кондитерской, «Максим-бара», пивной на велодроме. Ассортимент напитков — самый разнообразный: белое вино, вермут, коньяк, мастика, «что-то терпкое и холодное». Герои слишком много курят и разговаривают с официантами и барменами как с близкими знакомыми. У Попова пространство бара превращается в призрачное место, в особую эмблему «следующего поколения, которое быстро привыкает к наслаждениям, консумации и удовольствиям»¹⁵. Калуд мечтает о «маленьких ночных рюмочных», куда можно зайти ночью и выпить ракии.

Самая яркая особенность «города греха» болгарской «оттепели» — это преобладание телесности. Все персонажи рассматриваемых произведений становятся ее жертвами. Телесность обычно несет негативную коннотацию, и она проявляется как греховная страсть или болезнь. Во всех текстах любовные истории связаны с супружеской неверностью — полковник изменяет жене с Гердой, Буби — с Риной, Мария влюбляется в Калуда — самого близкого друга ее супруга. Не только семейная жизнь, но и любая попытка сближения и взаимности терпит крах. Город становится пространством личных драм, и его атмосфера отмечена ощущением всеобщего неблагополучия. В 60-е в болгарскую прозу возвращаются темы самоубийства, убийства и болезни как выражения деструкции тела. Полковник пускает себе пулю в лоб после расставания с Гердой; в конце повести Богомила Райнова его герой Александров умирает от желтухи, а Иван неоднократно проигрывает в своем воображении сцену, в которой он убивает свою жену и ее любовника. Единственная возвышенная и счастливая лю-

13 Дойнов П. Соцреализъм и алтернативи: аспекти на каноничността. Към нова история на литературата от периода на НРБ. URL: http://www.ebox.nbu.bg/nuova/view_lesson.php?id=7 (дата обращения: 12.09.2021).

14 Вежинов П. Дъх... URL: <https://chitanka.info/text/45690-dyh-nabademi> (дата обращения: 12.09.2021).

15 Попов В. Времето... С. 31.

бовная история в трех произведениях — это брак Доктора и его жены в романе «Время героя», но и она заканчивается трагично — супруга умирает от лейкемии. «Мифотворец» Калуд сравнивает Доктора с древним хронистом, пишущим одно-единственное слово на своей колонне, и это слово — любовь.

Ночь, сумерки, мрак — это время суток, в которое проявляется драматизм существования героев трех произведений и которое часто становится синонимом жизненной катастрофы и смерти. Среди темноты и тумана «город скрипит как старая дверь»¹⁶. Полковник в новелле «Запах миндаля» идет к гибели по темным городским улицам и как слепой сталкивается с деревьями и столбами. Бездной мрака начинается битва Александра с болезнью, и в финале повести «сумерки вне времени» поглощают героя.

Пессимизм и скептицизм определяют атмосферу трех произведений. В таком же духе конструируется и календарь города. Из него исчезает весна — излюбленное время года советских шестидесятников с ее надеждами и импульсами к возрождению. В болгарских произведениях царит осень — унылая, дождливая, туманная, или какое-то бесконечное межсезонье с мокрым снегом и ледяным ветром. Такая же сырая, мрачная погода властвует и над другими городами мира — над Лондоном, по которому бродят Калуд и Иван, над Осло, о котором грезят молодая девушка в баре и пожилой Маэстро, даже над воображаемой страной Джумблей из переводов Калуда. Непогода — это знак вселенской деструкции и дисгармонии, это сезон незащищенности человека.

Город в произведениях Вежинова, Райнова и Попова выступает как «проклятое место», как топос греха и безнадежности. Данный топос позволяет рассмотреть разные аспекты «дьявольской урбанистики» 20–40-х гг. Но это уже не «типический болгарский провинциальный город, сохраняющий бытовую и природную пластику, атмосферу родного пространства»¹⁷, который чаще всего интересует авторов довоенного поколения. В произведениях 60-х это прежде всего София, «безродная» столица страны, которая лишена своего исторического прошлого и представлена как город пороков и безысходности. В конце произведений герои оказываются более несчастными и одинокими, чем в начале, они не находят утешения ни в семье, ни в работе, ни в обществе. Таким образом, разрушен

¹⁶ Там же. С. 48.

¹⁷ *Игов С.* История на българската литература 1878–1944. София, 1991. С. 376.

основной инициационный соцреалистический сюжет и его оптимистическая историческая перспектива, представляющие человеческую жизнь как путь к счастью, а исторический процесс как линейное, поступательное движение от времен «тюрьмы народов» к светлому коммунистическому будущему. Герои Вежинова, Райнова и Попова оказываются вне концепции об «истории человечества как истории борьбы классов», в которой «вся предшествующая история есть подготовительная стадия к возникновению бесклассового общества»¹⁸, несмотря на их клятвы в верности коммунистической идее. Окружающая их жизнь оказывается печальнее, сложнее, безнадежнее, чем они ожидали, она переполнена звуками, запахами, эмоциями. Инструментарий болгарских урбанистов 60-х следует за опытом модернистов первой половины XX в. с их интересом к одорическому, аудиальному, предметному кодам.

Подводя итоги, укажем на один семиотический нюанс в интерпретации города в рамках рассматриваемого направления болгарской прозы 1960-х гг. Город в романе В. Попова имеет и свою светлую половину, отличаясь этим от мрачных «маленьких Содомов» Вежинова и Райнова. Он раздираем сомнениями и противоречиями, в нем «человеческая жизнь оказывается под угрозой», но вместе с тем город образует необычные семантические сцепления с городами разных стран и континентов. Таким образом он становится проекцией глобального Города-Мира из снов Калуда, «Республикой человечества», на стадионах которой молодежь и старики скандируют «Тихо-тихо-тихо» и запускают в небо тысячи голубей.

В 70-е гг. пессимистический урбанизм болгарских «шестидесятников» получит продолжение в прозе Эмилияна Станева, в которой топос «города греха» будет тесно связан с древней болгарской столицей Велико-Тырново и с катаклизмами отечественной истории.

Источники и литература

Баиляр Г. Поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с.

Вежинов П. Дъх на бадеми // Избрани произведения в 4 тома. Разкази, новели. София: Български писател, 1984. Т. 1. URL: <https://chitanka.info/text/45690-dyh-na-bademi> (дата обращения: 12.09.2021).

18 *Литовская М. А.* Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 20.

Гюнтер Х. Прощание с советским каноном // *Revue des Études Slaves*. 2001. № 73-4. С. 713–718.

Димитрова Е. За творчеството на Д. Димов // Български литературен архив. URL: http://www.bglitarchives.org/?com=com_catalogue&view=product&Itemid=83&lang=bg&cat=10&cpos=706000000&Ptype=2 (дата обращения: 28.08.2021).

Дойнов П. Соцреализъм и алтернативи: аспекти на каноничността. Към нова история на литературата от периода на НРБ. URL: http://www.ebox.nbu.bg/nuova/view_lesson.php?id=7 (дата обращения: 12.09.2021).

Игов С. История на българската литература 1878–1944. София: АИ «Проф. Марин Дринов», 1991. 444 с.

Литовская М. А. Социалистический реализм в литературе XX века // Филологический класс. 2008. № 19. С. 14–21.

Пахсарьян Н. Т. Специфика художественного пространства в романах Кребийона-сына // *Studia Litterarum*. 2017. № 1. Т. 2. С. 76–89.

Попов В. Времето на героя. София: Народна младеж, 1979. 319 с.

Райнов Б. Дороги в никуда. София: Издательство литературы на иностранных языках, 1967. 224 с.

Стойчева С., Стоянова Ю. Архетипното в романите на Димитър Димов // *Liternet*. URL: <https://www.liternet.bg/publish/sstoicheva/dimov.htm> (дата обращения: 27.08.2021).

Топоров В. Н. Текст города-девы и города-блудницы в мифологическом аспекте // *Исследования по структуре текста*. М.: Наука, 1987. С. 121–132.

Христов А. Пространствата на града в българската белетристика от първата половина на XX век. Автореферат на дис. труд за присъждането на научн. и образов. степен «доктор». София: СУ «Св. Климент Охридски», 2017. 474 с.

Шмидт Н. В. Городской текст в поэзии русского модернизма. Автореферат на соиск. уч. степени канд. филол. наук. М.: МГПУ, 2007. 20 с.

Щукин В. Г. Поэтика города. Морфология поэтосферы // *Ейдос. Альманах теорії та історії історичної науки*. 2013. № 7. С. 299–336.

References

Bashlyar, G. *Poetika prostranstva*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 376 p.

Dimitrova, E. “Za tvorchestvoto na D. Dimov.” *Bŭlgarski literaturen arkhiv*, URL: http://www.bglitarchives.org/?com=com_catalogue&view=product&Itemid=83&lang=bg&cat=10&cpos=706000000&Ptype=2 (accessed: 28.08.2021).

Doïnov, P. *Sotsrealizъм i alternativni: aspekti na kanonichnostta. Kъм nova istoriia na literaturata ot perioda na NRB*. URL: http://www.ebox.nbu.bg/nuova/view_lesson.php?id=7 (accessed: 12.09.2021).

Günther, H. "Proshchanie s sovetskim kanonom." *Revue des Études Slaves*. 2001, no 73-4, pp. 713–718.

Hristov, A. *Prostranstvata na grada v bŭlgarskata beletristika ot pŭrvata polovina na XX vek*. Doctoral Thesis. Sofia: SU "Sv. Kliment Ohridski", 2017, 474 p.

Igov, S. *Istoriia na bŭlgarskata literatura 1878–1944*. Sofiya: AI "Prof. Marin Drinov", 1991, 444 p.

Litovskaia, M. A. "Sotsialisticheskiï realizm v literature XX veka." *Filologicheskiï klass*, 2008, no 19, pp. 14–21.

Pakhsar'ian, N. T. "Spetsifika khudozhestvennogo prostranstva v romanakh Krebiiona-syna." *Studia Litterarum*, 2017, no 1, vol. 2, pp. 76–89.

Popov, V. *Vremeto na geroia*. Sofia: Narodna mladezh, 1979, 319 p.

Raïnov, B. *Dorogi v nikuda*. Sofia: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh, 1967, 224 p.

Shchukin, V. G. "Poetika goroda. Morfologiia poetosfery." *Eïdos. Альманах теорії та історії історичної науки*, 2013, no 7, pp. 299–336.

Shmidt, N. V. *Gorodskoï tekst v pozii russkogo modernizma*, Moscow: MGPU, 2007, 20 p.

Stoïcheva S., Stoianova Iu. "Arkhetipnoto v romanite na Dimitŭr Dimov." *Liternet*, URL: <https://www.liternet.bg/publish/sstoicheva/dimov.htm> (accessed: 27.08.2021).

Toporov, V. N. "Tekst goroda-devy i goroda-bludnitsy v mifologicheskom aspekte". *Issledovaniia po strukture teksta*. Moscow: Nauka, 1987, pp. 121–132.

Vezhinov, P. "Dŭkh na bademi." *Izbrani proizvedeniia v 4 toma. Razkazi, noveli*. Sofia: Bŭlgarski pisatel, 1984. Vol. 1, URL: <https://chitanka.info/text/45690-dyh-na-bademi> (accessed: 12.09.2021).

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.04

N. Nyagolova

The topos of the city in the Bulgarian prose from the 1960s. Its structure and mythopoetics

Natalia Nyagolova

Candidate of Letters, associate professor

Veliko Tarnovo University

5003, T. Tarnovski 2, Sveta Gora, Veliko Tarnovo, Bulgaria

Lomonosov Moscow State University

119991, Leninskie gory 1, str. 51, Moscow, Russian Federation

E-mail: nnyagolova@abv.bg

Citation

Nyagolova N. The topos of the city in the Bulgarian prose from the 1960s. Its structure and mythopoetics // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 265–278 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.04.

Received: 17.01.2021.

Abstract

The article depicts the main processes of literary urbanism in the 1960s in the Bulgarian prose, which witness the permeability of the socialist realist canon and the expansion of its thematic and structural boundaries. Three new models of negatively connoted city space that came into being in the context of the “Thaw” are outlined. The differences between the presented models and the Soviet urbanism of the 1960s, which often presents city as a territory of poetry, trust and connection with the revolutionary past, are taken into account. The present article traces the presence of the topos of the “sinful city” in Pavel Vezhinov’s *Smell of Almonds*, Bogomil Rainov’s *Roads to Nowhere* and Vassil Popov’s *The Time of the Hero*. The author reconstructs the genesis of the given topos in the tradition of Bulgarian urban literary fiction from the 1920s to the 1940s and analyzes the influence of mass literature. A group of semantic features typical for the poetics of this topos in the considered works is presented, such as:

- destruction and fragmentation;
- incompleteness and deformation of the interior;
- semiotization of sounds and aromas;
- provincialism and cosmopolitanism.

The confrontation of the topos with the basic postulates of the socialist realism as well as the productivity of the given model in the Bulgarian literary fiction of the 1970s is outlined.

Keywords

Topos, literary urbanism, poetics, “Thaw”, prose, mythopoetics.

**«В Сараеве жить невозможно»:
сараевский текст vs петербургский текст
(на примере поэзии Абдулаха Сидрана)**

Адията Ибришимович-Шабич

Доктор литературно-исторических наук, профессор

Университет в Сараеве

71000, Франье Рачког, 1, Сараево, Босния и Герцеговина

E-mail: adjjata.ibrisimovic-sabic@ff.unsa.ba

Елена Баврка

Магистр, ассистент

Университет в Сараеве

71000, Франье Рачког, 1, Сараево, Босния и Герцеговина

E-mail: jelena.bavrka@ff.unsa.ba

Цитирование

Ибришимович-Шабич А., Баврка Е. «В Сараеве жить невозможно»: сараевский текст vs петербургский текст (на примере поэзии Абдулаха Сидрана) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 279–292. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.05

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация

В отличие от *петербургского текста*, генезис и структура, язык и авторы которого хорошо изучены и теоретически обоснованы благодаря трудам Тартуско-московской школы и фундаментальным исследованиям В. Н. Топорова, сараевский текст и его теоретическая основа все еще находятся в зачаточном состоянии. Несмотря на то, что о Сараеве как о городе, его архитектуре, истории, культуре, улицах и т. д. написано невероятное количество текстов, и на то, что он присутствует в том числе в устной традиции, *сараевский текст* как термин, который мог бы объединить тексты об этом городе в их семантической и семиотической связи, все еще не является общепринятым.

В статье речь пойдет о *сараевском тексте* и о поэзии А. Сидрана: три его центральных сборника (Sarajevska zbirka, Sarajevski tabut, Morija) описывают город как пространство истории, куль-

туры, памяти и свидетельства. Опус Сидрана побудил исследователей осознать важность изучения генезиса и структуры *сараевского текста*, что указывает на необходимость определения этого термина в более широком смысле. Следовательно, поэтика города Сидрана для *сараевского текста* представляет собой то же, что и произведения Достоевского, по утверждению Топорова, представляют для *петербургского*.

Ключевые слова

Сараевский текст, петербургский текст, поэзия Абдулаха Сидрана, топоним города Сараева.

Введение

В пространстве города по его исторической оси идут настоящие войны памяти.

Энвер Казаз

Если, как пишет Владимир Николаевич Топоров, становление и развитие *петербургской темы* в контексте русской литературы, включая природные, культурные и цивилизационные явления Петербурга, длились более века (сегодня можно уже сказать — около двух веков), то *сараевская тема*, ее становление и развитие в контексте литературы Боснии и Герцеговины начинается примерно так же, как и петербургская тема, — с момента основания города, длится по сей день и будет продолжаться, развиваться в будущем.

Подобно Санкт-Петербургу — новой столице, возникшей волею одного человека, — Сараево возникло, условно говоря, волею одного человека — Исы-бега (Исы-бея) Исхакевича, заложившего основы «одного из красивейших городов мира на западных границах (тогдашней) Османской империи»¹, с той разницей, что город Сараево построен не на *пустом месте*, как Санкт-Петербург.

Хотя археологически доказано, что корни формирования Сараева берут начало в доисторические времена, Сараево как узнаваемое городское урбанистическое целое было основано в XV в. Годом основания города считается 1462 год, а старейшим источником для

¹ Isa-beg Ishaković — osnivač Sarajeva // Crnice iz historije, 30.01.2020. URL: <https://historija.info/isa-beg-ishakovic-osnivač-sarajeva/> (дата обращения: 13.09.2021).

изучения Сараева является *Вакуфнама* — завещание Исы-бега Исхак-ковича, в котором этот санджак-бег и военачальник заложил основы будущей столицы. В тот момент, учитывая историю и средневековой Боснии, и еретической Боснийской церкви, начинается история этого своеобразного «лиминально-гибридного литературно-культурного пространства, расположенного как в реальной, так и в символической культурной топографии между Востоком и Западом» (как Санкт-Петербург между Россией и Европой), начинается история о топосе, «месте встреч, пересечения и взаимодействия разных миров и их литературно-культурных традиций»².

Для *сараевского текста* в контексте литературы Боснии и Герцеговины, т. е. ее составляющих (бошняцкой, хорватской, сербской, еврейской и других литературных традиций), который подразумевал бы тщательное исследование литературной репрезентации феноменов этого города (природных, культурных, цивилизационных) в совокупности текстовых следов о нем, можно сказать, что он находится еще только в стадии становления, но все-таки, как и *петербургский текст*, представляет чрезвычайно интересную и интригующую область / топос, как для художественной практики, так и для самых разных литературоведческих и научных исследований.

1. Начала

По словам боснийско-герцеговинского историка литературы Нэжрудина Рэбихича, литературная (ре)презентация Сараева начинается с устной литературной традиции. В лирических и эпических песнях и преданиях, помимо изображения Сараева как реального топоса, с описанием городских площадей, улиц, парков, город (даже тогда) изображался и в качестве символического топоса: «белый город, пустой город, твердый город»³.

Мы можем говорить о том, что топос Сараева хранит память об исторических и культурных изменениях, которым он подвергался в историческом процессе: благодаря этому в произведении создается метафорический топос *перекрестка* как уникального места встреч и расхождений. Поэтому топос Сараева можно понимать в том числе как топос конфликтных социальных и общественных отношений,

2 Kodrić S. Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književnosti. Sarajevo, 2012. S. 387.

3 Ср.: *Rebihić N.* “Sarajevski tekst” u poeziji Abdulaha Sidrana // Pismo. Časopis za jezik i književnost. 2014. God. 12. S. 187.

что является одной из характерных черт *сараевского текста* и всего *боснийского текста* как такового. Город как топоним такого рода характерен и для произведений великих мастеров *петербургского текста*.

Кроме того, для *сараевского текста* важны, по словам Рэбихича, «и тексты (высказывания) поэтов о Сараеве на ориентальных / восточных языках, особенно литература Альхамиадо» [рукописи на боснийском языке арабскими буквами. — А. И.-Ш.], «в которых Сараево трансцендирует в метафору рая, райского сада, то есть джанны»⁴.

Особое место в *плетении сараевского текста* «занимает Летопись Мула-Мустафы Башескии»⁵ — первая полная книга памяти Сараева (книга Сараева)⁶, которому Абдулах Сидран посвящает стихотворение «Башеския» в «Сараевском сборнике». В данном стихотворении Сидран как бы принимает на себя роль летописца и говорит его голосом, то есть использует приемы, встречающиеся в Летописи Башескии.

Напоминаем, что в Летописи⁷ Башескии, в которой впервые устанавливается топоним города Сараева, образ города представлен через *поэтику свидетельства*, которая является определяющим фактором и константой *сараевского текста*, наряду с *поэтикой воспоминаний*, т. е. культурой памяти, что можно проследить на примере поэзии Сидрана.

Если, как пишет Топоров, «Петербург познавал самого себя не столько из описания реалий жизни, быта, своей все более и более углубляющейся истории, сколько из русской художественной литературы»⁸, то

4 Ibid. S. 187.

5 Мула Мустафа Башеския (Сараево, 1731 или 1732 — Сараево, 18 августа 1809 г.) — боснийско-герцеговинский летописец, поэт, каллиграф и собиратель народных и культурных ценностей. Летопись Мула Мустафы Башескии имеет большое культурное значение, так как представляет историю Сараева и Боснии во второй половине XVIII в. Летопись написана на турецком языке и включает в себя хронику нескольких десятилетий, в которой описаны бытовые и исторически важные события.

6 *Rebiić N.* “Sarajevski tekst” u poeziji Abdulaha Sidrana. S. 187.

7 В хронике общественной жизни Сараева мы узнаем, кто женился, кто умер, кто ушел на войну, когда был голодный год, когда город разоряла чума. Башеския рассказывает подробно об экономической жизни города, ремеслах, торговле и т. п. Большая часть Летописи относится к гибели его сограждан. URL: <https://akos.ba/bosnjacke-lektire-mula-mustafa-baseskija-ljetopis-sto-sepamt-i-nestaje-sta-je-zapisano-ostaje/> (дата обращения: 10.09.2021).

8 Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 5.

Сараево познавало самого себя прежде всего из истории (литературовед Санин Кодрич пишет, что литература Боснии и Герцеговины — это преимущественно литература *повествования о прошлом*)⁹; Сараево познавало самого себя из *истории как повествования / истории как повести*, и только после войны 1992–1995 гг. — из литературно-художественной репрезентации, что в итоге породило интерес и привело к более подробному исследованию топоса Сараева и *сараевского текста* в контексте современных литературно-теоретических исследований, в том числе теории культурной / культуральной памяти.

На данный момент нам известны только два боснийскогерцеговинских исследователя, которые употребили в двух своих работах понятие *сараевский текст*. Это Санин Кодрич, который в книге «Литература воспоминаний: Культуральная память и репрезентация прошлого в современной бошняцкой литературе» (Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književosti) в связи с творчеством Сидрана пишет, что в его поэзии «боснийский текст особым способом конденсируется в сараевском»¹⁰, и Нэхрудин Рэбихич в статье под названием «Сараевский текст в поэзии Абдулаха Сидрана» (см. список литературы).

2. «В Сараеве жить невозможно»¹¹

Поэзия Абдулаха Сидрана пленяет своей простотой, доступностью, тенденцией к обобщениям, нарративностью. Поэтому мы решили начать с простого стихотворения, первая строка которого послужила названием данной статьи. Это стихотворение не считается хрестоматийным или знаковым для творчества Сидрана, так как в сущности не демонстрирует его поэтическое мастерство, но мы выбрали его в качестве примера именно из-за его «нехресто-

9 «В ракурсе “культурно-мемориальной истории литературы” бошняцкая, как и вообще составная полицентричная боснийскогерцеговинская литература, является по большей части, хотя и не целиком, *литературой истории*, литературой “повествования о прошлом”» (Kodrić S. Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književosti. S. 392).

10 Ibid. S. 185.

11 Sidran A. Odabrana poezija — Abdulah Sidran // Sarajevske sveske, № 15–16, 2007. S. 284–288. URL: <http://www.sveske.ba/en/broj/1516>; <http://www.sveske.ba/en/content/odabrana-poezija-abdulah-sidran> (дата обращения: 21.09.2021).

матийности», поскольку в нем представлено специфическое отношение лирического «я» к конкретному городу, его современному состоянию и поскольку в нем отразился особый дух Сараева и его жителей.

* * *

В Сараеве жить невозможно.
В Сараеве когда живешь, слишком много
времени тратишь.
Пока туда, пока сюда — проходит утро.
Пока то, пока сё — и день ушел.
Да, впрочем, всё это — бывает среди людей.
И бывает из этого, в основном, красивая история. Но историей на
жизнь не заработаешь.
День есть день, работа есть работа, а время — деньги, говорят.

Так или иначе, чтобы в подробности не вдаваться, это правда:
сложно
жить в Сараеве. Три шага сделаешь — семьдесят человек
невооруженным глазом увидишь. Обнять чтобы каждого,
некоторым чтобы
руку пожать, чтобы просто хорошенько взглянуть на двоих,
должно было бы
— три жизни иметь.

Поэтому — как ни поверни — невозможно жить в Сараеве. От
добра — головная боль.
Необходимо
немедленно, на высоком мировом уровне, построить совершенно
новое Сараево, где можно было бы жить.

Когда, даст Бог, сделают это —
пусть его география останется прежней, пусть останется прежней и
Миляцка эта, прекрасная, и не ручей, и не река,
пусть холмы останутся прежними.

Пусть помрут, но не изменятся —
все те люди, которые живут по (всему) Сараеву.

Потому что в нем невозможно жить.
Жизнь коротка для Сараева¹².

12 Перевод: Адията Ибришимович-Шабич.

Принцип экономии языковых средств, эллиптические высказывания, разговорная лексика являются средствами интимизации поэтической речи, в которой передается атмосфера города, в котором «нельзя жить» — из-за людей, их рассказов и историй, из-за объятий, рукопожатий... Относительно скудными языковыми средствами, но при приведении одного топонима (Сараево) и одного гидронима (Миляцка), а также с помощью лексики и выражений, передающих речь, типичную для сараевско-боснийской среды, поэт формирует пространство общения, встреч и дружбы. Настойчивое повторение слов «невозможно жить в Сараеве» придает им парадоксальный, двойной смысл: правда о том, что в душевных посиделках за чашечкой кофе и разговорами обо всем узнается сараевско-боснийский менталитет как типичный, почти стереотипный, тем самым заслуживающий критики, потому что так жить действительно невозможно (на жизнь надо зарабатывать, а посиделками и разговорами на жизнь не заработаешь) — с одной стороны, но, с другой стороны, в строго выборочной градации, в образах объятий, рукопожатий и взглядов на шкале от близких и дорогих друзей до знакомых и, возможно, новых знакомых дана вся человеческая мера жизни.

В стихах о необходимости постройки нового Сараева, что решается «на высшем мировом уровне», чувствуется ирония: кто-то мирового уровня, который приходит и уходит из Сараева, кто-то могущественный, кто правит и управляет, может или даже хочет изменить Сараево таким образом, чтобы это почти карнавальное пространство стало по-настоящему городским, «нормальным», «где можно жить», что в контексте стихотворения в целом означает сделать Сараево местом, где люди работают и зарабатывают и где, в конечном итоге, отдаляются, отчуждаются друг от друга. В этих стихах происходит особая и знаковая смена тона стихотворения — оно становится почти ностальгическим и теплым, когда лирический субъект просит оставить узнаваемыми, прежними природные явления (географию) города (Миляцка, «не ручей и не река, а прекрасная»), холмы вокруг Сараева). В данных стихах как будто устанавливается почти романтическое бинарное противопоставление природного и цивилизационного, но возникает и вопрос: какие люди более естественны — кто «теряет время» среди людей или те, кто знает, что время — деньги?

Необычность стихов «Пусть помрут, но не изменятся — / все те люди, которые живут по (всему) Сараеву» достигается тем, что первая часть «Пусть помрут» по сути — эвфемизм выражения «чтобы все сдохли уже» (так говорит человек, когда что-то его выводит из

себя или когда что-то идет не так, как ему нравится, когда кто-то постоянно отвлекает от работы), свидетельствующий о том, что манера общения людей в Сараево иногда может быть обузой; тогда как вторая часть («но [пусть] не изменятся они») говорит об осознании того, что нигде лирический субъект не захотел бы и не смог бы жить, кроме как с этими и такими людьми и красивыми человеческими историями; больше нигде он не захотел бы и не смог бы жить — кроме как в Сараево. Это подтверждает не только последняя строка: (одна) «жизнь коротка для Сараева», но и последние стихи второй строфы: «должно было бы / — три жизни иметь», — собственно предвосхищающие последняя строка, передающая смысл всего поэтического высказывания: нужно три жизни — такова интенсивность человеческих связей в этом городе (и в любви, и в ненависти), такой жизни — невозможной — требует Сараево. И именно поэтому в Сараево жить невозможно.

Не напоминает ли стихотворение Сидрана те образы Санкт-Петербурга, о которых пишет в своей книге «Петрбургский текст русской литературы» Владимир Топоров, цитируя письмо Николая Ивановича Тургенева: «Далеко жить от Петербурга есть непременно условие, дабы жить спокойно»?¹³

Действительно, трудно найти поэта, который мог бы лучше Сидрана выразить специфический дух города, сараевским, местным языком, но вместе с тем — языком современной европейской поэзии.

«Абдулах Сидран, несомненно, величайший поэт-летописец новейшей истории страны и, благодаря ее природе, Балкан»¹⁴. Синекдохально Сараево — это Босния, Босния — Балканы, а Балканы — мир, поэтому, следуя этой логике, Сидран напишет стихотворение под названием «Планета Сараево», в котором прозвучит: «В космосе / — Имя ему Босния»...

Поэзию Сидрана можно считать своеобразным центром *сараевско-го текста*, потому что в ней отражаются и взаимоосвещаются прошлое и настоящее, даже будущее города, его история и судьба, дух и язык, и поскольку его своеобразная *поэтика города* в высшей степени интертекстуальна, основана не только на литературных источниках.

По словам Топорова, одним из простейших и наиболее объективных критериев выделения *петербургского текста* в русской худо-

¹³ Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. С. 13.

¹⁴ Dželilović M. Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana // Odjek, Specijalni prilog. Radovi s naučnog skupa: Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana. Sarajevo, 2011. S. 3.

жественной литературе (по той же аналогии и *сараевского текста* в литературе Боснии и Герцеговины) является «языковое кодирование», выделение языковых элементов, «выступающих как диагностически важные показатели принадлежности к Петербургскому тексту», т. е. в данном случае к *сараевскому тексту*. Эти элементы — языковые коды, языковые знаки — складываются в концентрированную картину, «беспронизыбно отсылающую читателя к этому “сверхтексту”»¹⁵. Насколько это верно, полностью показывает творчество Сидрана, посвященное топосу Сараева. Примером может послужить потрясший мир «сараевский выстрел», чье эхо до сих пор звучит, выстрел, который породил гиперпродукцию текстов и является лишь одним из исторических моментов, «выгравированных» в *сараевском тексте*. Его отголоски мы, конечно, находим в поэзии Сидрана. Речь идет не только о стихотворениях, в которых воспроизводятся голоса участников исторических событий, как, например, в стихотворении «Браунинг 7,65. Практика стрельбы. Дрожит рука Гаврилы» (Brauning 7,65. Vježba gađanja. Drhti Gavrilova ruka). Речь идет о том, как именно одно слово становится кодом, отсылающим к определенному локусу / топосу. Например, существительное «выстрел» (о чем пишет Рэбихич в своей статье) встречается во второй строфе стихотворения «И другие пели о городе» из «Сараевского сборника». Оно безошибочно отсылает к «сараевскому выстрелу». Поэт не только ссылается на исторический факт, в то же время слово «выстрел» служит поэту для сопоставления двух точек зрения — внутренней и внешней, воссоздает восприятие Сараева и Боснии с позиции иностранца как топоса инаковости, другого. Сидран воспроизводит этот *негативный стереотип о Сараеве* как о *Темном вилаете*, где убивают престолонаследников, используя немецкий язык: «Oh mein Liebe Gott» и неверное согласование в боснийском языке: «этот Босния» и «этот варвары».

Формируя идентичность на границе миров, Сараево в свой культурно-исторический архив впитывает различные «тексты» (высказывания), которые осуществляют свою видимую реализацию в топографии и архитектуре города (Радович 2013). На идентичность Сараева также влияют самые разные исторические, экономические, политические, философские и литературные тексты, которые «наслаиваются», перетекают друг в друга, создавая своего рода сараевский палимпсест¹⁶.

15 *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. С. 60.

16 *Rebihić N.* “Sarajevski tekst” u poeziji Abdulaha Sidrana. S. 187–188.

Таким образом *сараевский текст* становится топосом исторических разломов, свидетельств и воспоминаний, топосом, у которого есть своя собственная история, преемственность и свои мастера... Несмотря на то, что речь идет о дискурсивной репрезентации города, у Сараева, однако, нет фантазмагорического ореола Петербурга.

В книгах «Сараевский сборник» (Sarajevski zbornik, 1979, 1991, 1997, 1999, 2006 гг. изданий, избранные стихотворения), «Сараевский табут» (Sarajevski tabut (tabut = гроб, ящик), 1993, 2004) и «Мория» (Morija, 2006), поэт стремится «синтетически представить мифопоэтический образ Сараева и исторически сформированные представления о Сараеве, опираясь, конечно, на многочисленные исторические, экономические и политические тексты, создавшие образ Сараева, тексты, которые и определили дискурс о Сараеве»¹⁷. Хотя все сборники связаны топосом, пространством конкретного города, все-таки он отображен и художественно оформлен по-разному. Как утверждает Рэбихич, «в “Сараевском сборнике” Сидран тематизирует Сараево как мегаполис, как город отчетливого исторического измерения», а в «Сараевском табуге» и «Мории» Сараево «представлено [...] как некрополь — пространство смерти»¹⁸.

Три поэтических сборника А. Сидрана о Сараеве как мегаполисе и некрополе можно рассматривать и как попытку преодоления очередной исторической катастрофы, и как ответ смерти и гибели. Своеобразный ответ на вопрос, возможно ли искупление в таком контексте, мы находим в сборнике «Мория». Смерть как бы получает имя собственное, многозначное, потому что отсылает и к библейскому контексту (место жертвоприношения Авраамом Исаака — гора Мория), отсылает и к мифологии славянской (Мара, Морена, Морана, варианты имени Мория, богини смерти), и мифологии европейской (Мория — злой дух, демон, садящийся по ночам на грудь и вызывающий дурные сны) и т. д. И это последнее значение (Мория как злой дух, насылающий кошмар) крайне любопытно, потому что одним и тем же стихотворением Сидрана — «Кошмар» (Mora) — открываются два сборника, и «Сараевский сборник» и «Сараевский табут», как бы объявляя и предвосхищая «Морию»; одно стихотворение о страшном кошмаре предвещает приход Мории как будущего города, будущего мира и планеты. Посмотрим, какой это кошмар:

17 Ibid. S. 190.

18 Ibidem.

Кошмар

Что ты делаешь, сынок?

Я вижу сон, мать. Я вижу сон, мать, будто я пою,
а ты спрашиваешь меня, во сне моем: что ты делаешь, сынок?

О чем во сне поешь, сынок?

Пою, мать, о том, что у меня дом был.

А сейчас у меня дома нет. Об этом пою, мать.

Что у меня, мать, голос был, и язык свой был.

А сейчас ни голоса, ни языка у меня нет.

Голосом, которого у меня нет, на языке, которого у меня нет.
о доме, которого у меня нет, я песню, пою, мать¹⁹.

Если «Сараевский сборник», где Сараево представлено как тоπος мегаполиса, представляет собой своеобразный тезис, а «Сараевский табут», в котором Сараево представлено как тоπος некрополя — своеобразный антитезис (с темами урбицида и всеобщей гибели), то сборник «Мория» является синтезом, представленным в знаке последствий противостояния смерти и гибели. «Мория» как синтез — это и залог бессмертия и преодоления смерти, ибо бессмертно то, о чем есть свидетельство.

В заключение можно сказать, что если *сараевский текст* представляет собой мозаику переплетений всех литературных (ре)презентаций, эстетических проекций и художественных образов города Сараева, то поэзия Абдулаха Сидрана, которая говорит город(-у) и говорит о городе Сараеве, представляет своего рода *mise-en-abîme* (рус. *мизанабîм*) *сараевского текста*, то есть — его поэзия является частью *сараевского текста*, который «отражает некий конститутивный аспект его целого»²⁰, точно так, как *сараевский текст* представляет собой *mise-en-abîme боснийского текста*, создаваемого такими художниками, как Иво Андрич, Мэша Селимович, Скэндэр Кулэнович, Мак Диздар, Нэджад Ибришимович, Джэвад Карахасан и многие другие...

¹⁹ Перевод: Адията Ибришимович-Шабиц.

²⁰ Определение понятия *mise-en-abîme (bezdanosti)* см. в: *Biti V. Pojmovnik suvremene književne i kulturne teorije*. Zagreb, 2000. S. 31.

Источники и литература

Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство—СПБ, 2003. 612 с.

Biti V. *Pojmovnik suvremene književne i kulturne teorije.* Zagreb: Matica hrvatska, 2000. 2. izmijenjeno i dopunjeno izd. 693 s.

Dželilović M. Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana // *Odjek, Specijalni prilog. Radovi s naučnog skupa: Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana.* Sarajevo: Bošnjačka zajednica kulture “Preporod”, 2011. S. 3–8.

Isa-beg Ishaković — osnivač Sarajeva // *Crtice iz historije*, 30. 1. 2020. URL: <https://historija.info/isa-beg-ishakovic-osnivac-sarajeva/> (accessed: 13.09.2021).

Kodrić S. *Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književnosti.* Sarajevo: Slavistički komitet, 2012. 496 s.

Rebihić N. “Sarajevski tekst” u poeziji Abdulaha Sidrana // *Pismo. Časopis za jezik i književnos.* 2014. God. 12. S. 186–204.

Sidran A. *Morija.* Sarajevo: Biblioteka Bosna, 2006. 72 s.

Sidran A. Odabrana poezija — Abdulah Sidran // *Sarajevske sveske* № 15–16, 2007. S. 284–288. URL: <http://www.sveske.ba/en/broj/1516>; <http://www.sveske.ba/en/content/odabrana-poezija-abdulah-sidran> (accessed: 21.09.2021)

Sidran A. *Sarajevska zbirka i druge pjesme.* Sarajevo: Sarajevo Publishing, 1999. 128 s.

Sidran A. *Sarajevski tabut.* Sarajevo: Biblioteka Dani, 2004. 144 s.

References

Biti, V. *Pojmovnik suvremene književne i kulturne teorije.* 2. izmijenjeno i dopunjeno izd. Zagreb: Matica hrvatska, 2000, 693 p.

Dželilović, M. “Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana.” *Odjek, Specijalni prilog. Radovi s naučnog skupa: Čovjek, Bosna i svijet u umjetničkim vidicima Abdulaha Sidrana.* Sarajevo: Bošnjačka zajednica kulture “Preporod”, 2011, pp. 3–8.

“Isa-beg Ishaković — osnivač Sarajeva.” *Crtice iz historije*, 30. 1. 2020. URL: <https://historija.info/isa-beg-ishakovic-osnivac-sarajeva/> (accessed: 13.09.2021).

Kodrić, S. *Književnost sjećanja: Kulturalno pamćenje i reprezentacija prošlosti u novijoj bošnjačkoj književnosti.* Sarajevo: Slavistički komitet, 2012, 496 p.

Rebihić, N. “«Sarajevski tekst» u poeziji Abdulaha Sidrana.” *Pismo, Časopis za jezik i književnost*, godište 12. Sarajevo: Bosansko filološko društvo, 2014, pp. 186–204.

Sidran, A. *Morija.* Sarajevo: Biblioteka Bosna, 2006, 72 p.

Sidran, A. "Odabrana poezija — Abdulah Sidran." *Sarajevske sveske*, no 15–16, 2007, pp. 284–288. URL: <http://www.sveske.ba/en/broj/1516>; <http://www.sveske.ba/en/content/odabrana-poezija-abdulah-sidran> (accessed: 21.09.2021)

Sidran, A. *Sarajevska zbirka i druge pjesme*. Sarajevo: Sarajevo Publishing, 1999, 128 p.

Sidran, A. *Sarajevski tabut*. Sarajevo: Biblioteka Dani, 2004, 144 p.

Toporov, V. N. *Peterburgskii tekst russoi literatury*. St Petersburg: Iskustvo–SPB, 2003, 612 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.05

A. Ibrišimović-Šabić, J. Bavrka

“You can’t live in Sarajevo”: The Sarajevo text vs The Petersburg text on the example of the poetry of Abudalah Sidran

Adijata Ibrišimović-Šabić

Doctor of Literary and Historical Sciences, professor

University of Sarajevo

71000, Franje Račkog 1, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina

E-mail: adijata.ibrisimovic-sabic@ff.unsa.ba

Jelena Bavrka

Master, assistant

University of Sarajevo

71000, Franje Račkog 1, Sarajevo, Bosnia and Herzegovina

E-mail: jelena.bavrka@ff.unsa.ba

Citation

Ibrišimović-Šabić A., Bavrka J. “You can’t live in Sarajevo”: The Sarajevo text vs The Petersburg text on the example of the poetry of Abudalah Sidran // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 279–292 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.05

Received: 10.01.2022.

Abstract

Unlike the Petersburg text, the genesis and structure, the language and authors of which are well studied and theoretically substantiated thanks to the works of the Tartu-Moscow school and the fundamental research of V. N. Toporov, the Sarajevo text and its theoretical basis are still in their infancy. Despite the fact that an incredible number of texts have

been written about Sarajevo as a city, its architecture, history, culture, streets, etc., and the fact that it is also present in the oral tradition, the Sarajevo text as a term that could unite the texts about this city in their semantic and semiotic connection is still not generally accepted. The article deals with the Sarajevo text and the poetry of A. Sidran: his three central collections (*Sarajevska zbirka*, *Sarajevski tabut*, *Morija*) describe the city as a space of history, culture, memory and testimony. Sidran's opus prompted researchers to realize the importance of studying the genesis and structure of the Sarajevo text, which indicates the need to define this term in a broader sense. Consequently, the poetics of the city of Sidran for the Sarajevo text is the same as the works of Dostoevsky are for the Petersburg one, according to Toporov.

Keywords

Sarajevo text, Petersburg text, poetry of Abdulah Sidran, topos of the city of Sarajevo.

Топос города — широкое поле для создания курса лекций в рамках проекта NEWSLA¹

Танушевска Лидия

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

Университет имени Св. Кирилла и Мефодия

1000, Булевар Гоце Делчев 9, Скопје, Северная Македония

E-mail: lidkapol@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-5465-960X

Цитирование

Танушевска Л. Топос города — широкое поле для создания курса лекций в рамках проекта NEWSLA // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 293–303. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.06

Статья поступила в редакцию 17.01.2022.

Аннотация

Проект NEWSLA — это проект, получивший поддержку программы ERASMUS MUNDUS. Включает в себя универсальную подготовку современной формы второй ступени высшего образования по славистике, подготовлен тремя университетами (Силезский университет в Катовицах, Остравский университет в Остраве, Университет имени Св. Кирилла и Мефодия в Скопье). Программа обучения, разрабатываемая в рамках этого проекта, будет содержать также курс на тему «Город в литературе и культуре» этих трех стран, охватывающий следующие темы: город как центр мира, город как мифологическое место, геокультурная символика города, феномен «потерянных» городов, отношение человека к городу, планирование или искусство прогулки по городу и город как переводческая проблема. В статье представлены различные аспекты и примеры из указанной программы обучения.

¹ NEWSLA (от англ.) — название международного проекта “Modern Slavic Studies” в рамках программ KA2 — «Сотрудничество с целью инноваций и обмена проверенными методами» и KA203 — «Стратегическое партнерство в сфере высшего образования» при поддержке программы Erasmus Mundus Европейского Союза — “Towards Modern Slavic Studies” — 2020-1-PL01-KA203-081976, 2020 Erasmus+ “Strategic Partnerships for higher education”.

Ключевые слова

Предмет обучения, город, литература, дидактические технологии, модели обучения.

Цель проекта NEWSLA — разработать программу второго цикла обучения продолжительностью два года (четыре семестра), в соответствии с системой высшего образования в Чехии и Польше 3+2 и 4+2 в Македонии. Помимо солидного дидактического материала, современные курсы включают в себя получение “soft skills” и «необходимых навыков, предполагающих развитие базы знаний, творческого мышления». Важно, чтобы у студентов появилась возможность получить не только узкоспециальные знания, но и навыки, которые позволят им адаптироваться к современному рынку и современному обществу. Существует реальная проблема сохранения не самого популярного направления, такого как славяноведение, и в то же время есть спрос на кадры со знанием славянских языков. Основная цель — создать международную обучающую площадку. Наша программа способствует развитию международного диалога, быстрой ассимиляции мигрантов, открытости по отношению к другим, толерантности, так наз. социальной сплоченности, поскольку в этой программе будут участвовать не только студенты из трех упомянутых выше стран, но и преподаватели, которые иногда будут читать совместные курсы. Современные дидактические формы совместного обучения позволяют принять разные точки зрения, взгляды представителей разных стран и осветить разные дискурсы. Планируемая программа предполагает воспитание европейца, который не побоится согласиться на работу в другой стране, не испытает страха перед инаковостью и не станет руководствоваться стереотипами и предрассудками.

В рамках проекта была подготовлена серия курсов по литературе и культуре, которые включают в себя следующие темы: диалог культур — миф — эмиграция — город. Продолжительность каждого из этих курсов — 30 часов в семестр.

Моя задача в рамках проекта — осветить одну из тем курса, а именно тему города в литературе. Я имею в виду не национальные литературы, я размышляю о литературном материале, который представил бы примеры ключевых проблем, вопросов, связанных с предметом изучения. Таким образом, это может быть образ как чешского, польского или македонского города, независимо от того, описан ли он отечественным или зарубежным автором, так и города за пределами

этих трех стран, но описанного польским, чешским или македонским автором. Курс содержит семь разделов, каждому из которых посвящено примерно четыре часа, точнее 180 минут.

Первая тема, которую необходимо затронуть, — город как центр мира. Она охватывает основной писательский опыт, представленный в виде концентрических окружностей. Город может быть воспринят как исключительный, особенный. Он может быть объектом ностальгии, провоцировать желание находиться в нем. Город можно воспринимать как столицу мира в соотношении с европейскими традиционными ценностями. Он может быть и историческим центром, и коммуникационным узлом. Составной частью этой темы являются также идеи о роли национализма и патриотизма в стремлении поместить «свой» город в центр славянства, Европы, мира. Так, например, Ольга Токарчук одним из рассказов из сборника «Диковинные истории» пишет:

Думаю, что мир состоит из окружностей, описанных вокруг одной точки. И что точка эта, именуемая центром мира, подвижна во времени — некогда ею были Греция, Рим, Иерусалим, а теперь это, вне всяких сомнений, Франция, точнее Париж. Вокруг него можно было бы начертить эти круги при помощи циркуля. Принцип простой: чем ближе к середине, тем более все кажется настоящим и осязаемым — и чем дальше, тем сильнее мир словно бы расплывается, подобно истлевшему полотну во влажном климате. И еще — этот центр будто немного приподнят над миром, так что идеи, моды, изобретения стекают с него по склонам. В первую очередь все это впитывается в ближайшие круги, потом, уже слабее, в следующие, а мест наиболее отдаленных достигает лишь малая часть содержания. Я осознал это, лежа в усадьбе подкомория Гайдамовича, затерянной среди болот, вероятно в последнем из гипотетических кругов, вдали от центра мира, одинокий, словно изгнанник Овидий в Томи².

Этот фрагмент, посвященный обсуждению, творческому мышлению, исследованию и анализу, можно использовать в качестве схемы, с помощью которой учащиеся могут поместить город, описанный в том или ином литературном произведении, в одну из этих окружностей, вблизи или в отдалении от центра мира. Вот, например, можно было бы проанализировать образ Варшавы в романе «Кукла» Болеслава Пруса; маленькие города, деревни и села, а также Прагу из рас-

2 Токарчук О. Диковинные истории. М., 2019. С. 24–25.

сказов Богумила Грабала; Скопье в «Скопье и все возможно» Зарко Куянджиского, в котором вымышленный проект «Скопье 2014» посредством иронии и гротеска включается в реальный проект и реальное восприятие города³.

Вторая тема: город как место мифическое. Она включает в себя мифологизацию реального города в поисках смысла. Здесь, конечно, основной упор будет сделан на город Дрогобич из рассказов Бруно Шульца, а также на Скопье из рассказов Влады Урошевича⁴. Эта тема рассматривает в том числе реставрацию зданий, домов, улиц реального мира, наделенного мифическим смыслом и связанного через конкретные места в городе с нереальным миром. В качестве примера здесь можно привести выдержки из книги Капки Касабовой «В сторону озера» об Охриде и Струге⁵. Затем в эту тему будут включены сведения о застройке города, которые берут свое начало в забытой истории, поэтому здесь можно было бы рассмотреть отрывки из работ Данило Коцевского о Скопье, Яна Неруды о Малом городе в Праге, Павла Хюлле о Гданьске⁶.

Третья тема, которой отведено пространство и время в программе этого курса: геокультурная символика города. В эту тему входят геосферные символы, очерчивание государственных границ, историческое пространство, город как столица государства. Рассматривается символика гор и гидронимов. Кроме того, внимание уделяется антропоферным символам, археологическим и архитектурным топосам, религиозным, историческим, фольклорным символам. Далее внимание уделяется выдающимся людям, которые характеризуют какой-то конкретный город. Реализация этой темы задумана как культурный диалог между балканским и западнославянским обществом, к которому принадлежат Чехия и Польша, а информация о культурных различиях найдет применение в литературе путем прочтения конкретных текстов, которые могут содержать или не содержать в себе часть этих элементов. Вы можете прочитать отрывки из «Морфия» Щепана Твардога, в которых в полной мере присутствуют архитектурные то-

³ *Prus B. Lalka*. URL: <https://literat.ug.edu.pl/lalka/index.htm> (дата обращения: 08.01.2022); *Hrabal B. Svatby w domě*. Praha, 1995; *Kujundžiski Ž. Скопје и сè е можно*. Скопје, 2013.

⁴ *Урошевиќ В. Скопски раскази*. Скопје, 1988.

⁵ *Kassabova K. W stronę Ochrydy*. Wołowiec, 2021.

⁶ *Коцевски Д. Го сакам Скопје*. Скопје, 2000; *Neruda J. Prague Tales*. Budapest; London; New York, 1993; *Huelle P. Weiser Dawidek*. Kraków, 2018.

посы, а также отрывки из македонских пьес, в которых представлены религиозные и фольклорные топосы, например, как в «Македонской кровавой свадьбе»⁷.

Четвертая тема — феномен затерянных городов. В большом количестве произведений польской литературы есть несуществующий, разрушенный, мертвый город. Ярким примером является фрагмент из «Готланда» Мариуша Шигеля⁸ о частях Праги, которых уже нет. Много написано и о Скопье, разрушенном землетрясением. Эта тема охватывает город, который молчит, скрывает тайны, не общается с жителями и которому в литературе отводится много места, в зависимости от истории событий, драм, которые там происходили. Кроме того, составной частью этой темы является ностальгия по утраченному городу, обновление и надежда, которая присутствует по большей части в послевоенной польской литературе, а также в македонской после землетрясения в Скопье. В рамках этой темы будет исследован хронологический нарратив, т. е. показания свидетелей, коллективная и индивидуальная память. На занятиях, посвященных этой теме, планируется сделать упор на документальную прозу, которая очень популярна и широко представлена в современной польской литературе, а также на метафизическую прозу, в которой присутствуют исторические факты и реальные события — хорошим примером служит реконструкция Вроцлава, описанная польским автором криминальных романов Мареком Краевским⁹.

Пятая задача этого проекта — представить отношение человека к городу, хотя отчасти оно уже описывалось в ранее описанных темах, здесь это станет доминантой при анализе исследуемой литературы. Итак, исследоваться будут субъективные, индивидуальные, коннотативные характеристики города, не самые важные, кажущиеся несущественными. К таким чертам относится городское пространство как пространство радостное и безопасное. Конечно, это пространство может быть печальным и опасным, в зависимости от точки зрения автора, его чувств. Город, который кажется близким, родным, и город чужой,

⁷ *Twardoch Sz.* Morfina. Kraków, 2012; *Чернодрински В.* Македонска крвава свадба. URL: <https://makedonskijazik.mk/македонска-крвава-свадба-цела.html> (дата обращения: 08.01.2022).

⁸ *Krajewski M.* Śmierć w Breslau. Kraków, 2010; *Krajewski M.* Koniec świata w Breslau. Kraków, 2011; *Krajewski M.* Widma w mieście Breslau. Kraków, 2013.

⁹ *Szczygiel M.* Gottland. Wołowiec, 2010.

бесцветный, холодный будут противопоставлены друг другу. Фокус внимания будет направлен на ассоциации, возникающие благодаря воображению, запахам, вкусам, зрительным образам. В данном контексте актуальной для прочтения будет книга «Польша: с чем подать» чешской популярной писательницы Ратки Денемарковой и группы других авторов¹⁰, написанная именно для разрушения стереотипов. Чешские знаменитости описывают свои взаимодействия с польской кухней, которую чехи не жалуют. Безусловно, записи Данило Коцевского о рынках Скопье, запахах зимы, айвара, солений, айвы, липы и т. д. могут представить и противоположную картину города у южных славян. Это всего лишь несколько примеров литературы, используемой по конкретной теме. Какие-то из этих произведений обязательны для чтения, фрагменты из некоторых будут прочитаны на лекциях, а какие-то послужат материалом для подготовки к следующей лекции.

Предпоследняя тема — фланеризм, т. е. искусство гулять — праздных людей, исключенных из общества, и эстетов, с большим восхищением наблюдающих за городскими пейзажами. Здесь внимание будет уделено также фактическому описанию событий. Будут проанализированы дневники, хроники и научно-популярная проза, посвященная топосу города. Внимание будет обращено на способность художественного текста прививать читателю привычку смотреть по сторонам. Одним из важных элементов фланелизма является, конечно же, кафана. Речь пойдет о богемной жизни, о литературе, созданной в кафанах, вдохновленной богемой. Также будут подробно описаны дома, в которых жила интеллигенция, переулки и улицы. Обязательная литература по данной теме — «Персональный путеводитель по Праге» Мариуша Шигеля, «Вечное настоящее время» Владимира Янковского и «Скопье в горной местности» Калины Малеской¹¹. На самом деле, становится ясно, что фланеризм — очень популярное направление в Македонии.

Последние учебные часы этого курса будут посвящены переводу, т. е. городу как проблеме перевода. Итак, здесь речь пойдет о литературной ономастике, проблемах семантики художественного текста и сочетаемости личных имен с текстом. И, конечно же, непеводимость как проблема перевода. Будут приведены примеры

10 Binar I., Denemarkova R. *i in. Polska, z czym to się je?* Wrocław, 2015.

11 *Szczygiel M. Osobisty przewodnik po Pradze.* Warszawa, 2020; *Янковски В. Вечно сегашно време.* Скопје, 2010; *Малеска К. Скопје во високата зона.* Скопје, 2021.

художественных текстов, где заглавия трудно переводимы. Курс завершится мастер-классом по переводу известного текста, в котором названия городов будут сложными для перевода. Особенно интересно, что это будут переводы с трех языков на три языка, их сравнение и обсуждение отличий родных языков участников.

Как было сказано выше, инновация этого проекта заключается в дидактических методах и моделях обучения. Теперь несколько слов о реализации этой программы. Проектом предусматривается, что прямое обучение, т. е. традиционная форма обучения лицом к лицу, будет длиться не более 30 минут. Остальное время занятия отводится, например, для написания сочинения на тему «Патриотизм в роли осознания своего города как центра мира», обсуждения работ учащимися, повторного чтения, дополнения и критики, а также оценивания студентами друг друга. На втором занятии у каждого из студентов будет заранее подготовленная презентация, например, о поэзии Чеслава Милоша (стихи о разных городах) и о том, как это описание вписывается в тему города как столицы с точки зрения европейских традиционных ценностей. Студенты играют роль экспертов, после каждой презентации происходит обсуждение, задаются вопросы, высказываются мнения — занятие проходит в формате дискуссии. На следующем занятии можно применить метод «перевернутого класса»: учитель заранее раздает учащимся все материалы, тексты, обязательные для прочтения, уже усвоенные, задание распределяется между учащимися, чтобы каждый проанализировал свой отрывок, а преподаватель регулирует направление дискуссии и дополняет рассуждения студентов, если в этом есть необходимость. Планируется также чтение на самом занятии: поделившись на группы, студенты сначала бегло читают различные тексты о городе как о мифическом месте, задают вопросы, затем читают текст еще раз внимательно и составляют конспект. Каждый представляет свой отрывок, а потом ведется обсуждение сходств и различий представленных текстов. В рамках темы «потерянные города» можно создать наглядное представление о городах тогда и сейчас и особенно о городах, упоминаемых в литературных произведениях. Можно поэкспериментировать с методами чтения книги: распределить роли и составить пьесу, сценку, в которой в свободной форме отразится содержание книги и как будто перенесется в реальность. Таким или схожим образом каждое занятие будет проиллюстрировано в учебном плане курса конкретными литературными текстами и материалами, необходимыми для проведения лекции. Кроме того, проект предусматривает создание базы данных электронных материалов.

Поскольку проект все еще находится в стадии разработки, эта программа является рабочей версией и может быть изменена. Изменения неизбежны и будут вноситься, когда проект уже начнет реализовываться, — литература будет дополняться, станет видно, хватает ли времени на все содержание курса и можно ли добавить еще что-то. Мы надеемся, что курс будет интересным, что следующий проект по реализации курса будет успешным и что славяноведческие проекты привлекут больше студентов.

Перевод Т. А. Кленовой

Источники и литература

Bartosiak K. Sztuka spacerowania, czyli śladami flâneura po nowoczesności i ponowoczesności (?) URL: <http://www.appendix.ifil.uz.zgora.pl/archives/2005-1/bartosiak.pdf> (дата обращения: 08.01.2022).

Benjamin W. The Arcades Project. Cambridge, Massachusetts, London: Belknap Press of Harvard University Press, 1999. 1088 p.

Duda B. Tekstowe wizualizacje miasta — obrazowanie i wizualizacja // Tekst i dyskurs. Warszawa, 2011. Nr. 4. S. 117–132.

Dzionek M. W stronę antropologii przestrzeni. Flâneur — szkic do portretu // Anthropos. nr. 2–3. URL: <http://www.anthropos.us.edu.pl/anthropos2/texty/dzionek.htm> (дата обращения: 08.01.2022).

Foucault M. Of Other Spaces // Diacritics. Baltimore, 1986. No. 16. P. 22–27.

Freino H. Miejsca w przestrzeni miejskiej // Przestrzeń i Forma. Warszawa, 2009. Nr. 12. S. 295–330;

Hrabal B. Svatby w domě. Praha: Pražská imaginace, 1995. 573 s.

Huelle P. Weiser Dawidek. Kraków: Znak, 2018. 264 s.

Kassabova K. W stronę Ochrydy. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne, 2021. 512 s.

Krajewski M. Koniec świata w Breslau. Kraków: Znak, 2011. 288 s.

Krajewski M. Śmierć w Breslau. Kraków: Znak, 2010. 256 s.

Krajewski M. Widma w mieście Breslau. Kraków: Znak, 2013. 312 s.

Miodyński L. Symbole miejsca w kulturze i literaturze macedońskiej. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2011. 375 s.

Neruda J. Prague Tales. Budapest; London; New York: Central European University Press, 1993. 346 s.

Prus B. Lalka. URL: <https://literat.ug.edu.pl/lalka/index.htm> (дата обращения: 08.01.2022).

Simon Sh. Miasta w przekładzie, skrzyżowanie języka i pamięci. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2020. 252 s.

- Sławkowa E.* Tekst literacki w kręgu językoznawstwa. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016. 204 s.
- Szczygiel M.* Gottland. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne, 2010. 245 s.
- Szczygiel M.* Osobisty przewodnik po Pradze. Warszawa: Dowody na istnienie, 2020. 400 s.
- Toporow W.* Miasto i mit. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria, 2000. 259 s.
- Twardoch Sz.* Morfina. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012. 584 s.
- Zięba P.* Miasto jako przestrzeń dla sztuki albo sztuka chodzenia po mieście, <https://www.uj.edu.pl/documents/5993225/581eb2fd-e79b-4ae7-ae-35-976747ab756e> (дата обращения: 08.01.2022).
- Јанковски В.* Вечно сегашно време. Скопје: Темплум, 2010. 177 с.
- Коцевски Д.* Го сакам Скопје. Скопје: Скопско лето — Дирекција за култура и уметност, 2000. 283 с.
- Кујунџиски Ж.* Скопје и сè е можно. Скопје: Антолог, 2013. 303 с.
- Малеска К.* Скопје во високата зона. Скопје: Или-или, 2021. 149 с.
- Токарчук О.* Диковинные истории. М.: Эксмо, 2019. 288 с.
- Урошевиќ В.* Скопски раскази. Скопје: Мисла, 1988. 169 с.
- Чернодрински В.* Македонска крвава свадба. URL: <https://makedonskijazik.mk/2015/04/македонска-крвава-свадба--цела.html> (дата обращения: 08.01.2022).

References

- Bartosiak, K. *Sztuka spacerowania, czyli śladami flâneura po nowoczesności i ponowoczesności (?)* URL: <http://www.appendix.ifil.uz.zgora.pl/archives/2005-1/bartosiak.pdf> (accessed: 08.01.2022).
- Benjamin, W. *The Arcades Project*. Cambridge, Massachusetts, London: Belknap Press of Harvard University Press, 1999, 1088 p.
- Černodrinski, V. *Makedonska krvava svadba*. URL: <https://makedonskijazik.mk/2015/04/македонска-крвава-свадба--цела.html> (accessed: 08.01.2022).
- Duda, B. “Tekstowe wizualizacje miasta — obrazowanie i wizualizacja.” *Tekst i dyskurs*, 2011, no 4, pp. 117–132.
- Dzioniczek, M. “W stronę antropologii przestrzeni. Flâneur — szkic do portretu.” *Anthropos*, No 2–3, URL: <http://www.anthropos.us.edu.pl/anthropos2/texty/dzioniczek.htm> (accessed: 08.01.2022).
- Foucault, M. “Of Other Spaces.” *Diacritics*, Baltimore, 1986, no 16, pp. 22–27.
- Freino, H. “Miejsca w przestrzeni miejskiej.” *Przestrzeń i Forma*, 2009, no 12, pp. 295–330.
- Hrabal, B. *Svatby w domě*. Praha: Pražská imaginace, 1995, 573 p.

- Huelle, P. *Weiser Dawidek*. Kraków: Znak, 2018, 264 p.
- Jankovski, V. *Večno segašno vreme*. Skopje: Templum, 2010, 177 p.
- Kassabova, K. *W stronę Ochrydy*. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne, 2021, 512 p.
- Kocevski, D. *Go sakam Skopje*. Skopje: Skopsko leto-Direkcija za kultura i umetnost, 2000, 283 p.
- Krajewski, M. *Koniec świata w Breslau*. Kraków: Znak, 2011, 288 p.
- Krajewski, M. *Śmierć w Breslau*. Kraków: Znak, 2010, 256 p.
- Krajewski, M. *Widma w mieście Breslau*. Kraków: Znak, 2013, 312 p.
- Kujundžiski, Ž. *Skopje i se e možno*. Skopje: Antolog, 2013, 303 p.
- Maleska, K. *Skopje vo visokata zona*. Skopje: Ili-ili, 2021, 149 p.
- Miodyński, L. *Symbole miejsca w kulturze i literaturze macedońskiej*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2011, 375 p.
- Neruda, J. *Prague Tales*. Budapeszt; London; New York: Central European University Press, 1993, 346 p.
- Prus, B. *Lalka*. URL: <https://literat.ug.edu.pl/lalka/index.htm> (accessed: 08.01.2022).
- Simon, Sh. *Miasta w przekładzie, skrzyżowanie języka i pamięci*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2020, 252 p.
- Sławkowa, E. *Tekst literacki w kręgu językoznawstwa*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2016, 204 p.
- Szczygieł, M. *Gottland*. Wołowiec: Wydawnictwo Czarne, 2010, 245 p.
- Szczygieł, M. *Osobisty przewodnik po Pradze*. Warszawa: Dowody na istnienie, 2020, 400 p.
- Tokarchuk, O. *Dikovinnye istorii*. Moscow: Eksmo, 2019, 288 p.
- Toporow, W. *Miasto i mit*. Gdańsk: Słowo/Obraz Terytoria, 2000, 259 p.
- Twardoch, Sz. *Morfina*. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2012, 584 p.
- Uroševik, V. *Skopski raskazi*. Skopje: Mislá, 1988, 169 p.
- Zięba, P. *Miasto jako przestrzeń dla sztuki albo sztuka chodzenia po mieście*. URL: <https://www.uj.edu.pl/documents/5993225/581eb2fd-e79b-4ae7-ae35-976747ab756e> (accessed: 08.01.2022).

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.06

L. Tanushevska

**A topos of a city in an university syllabus in the frame
of the NEWSLA project**

Lidija Tanushevska

Doctor of Philology, leading researcher

Ss. Cyril and Methodius University

1000, Boulevard Gotse Delchev 9, Skopje, North Macedonia

E-mail: lidkapol@yahoo.com

ORCID: 0000-0001-5465-960X

Citation

Tanushevska L. A topos of a city in an university syllabus in the frame of the NEWSLA project // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 293– 303 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.3.06

Received: 17.01.2022.

Abstract

The NEWSLA project was supported by ERASMUS MUNDUS program. It includes a preparation of a modern multi-purpose form of the second stage of higher education. The universities that are taking part in the project are the Silesian University in Katowice, Ostrava University in Ostrava and Ss. Cyril and Methodius University in Skopje. The personal contribution of the author is the syllabus of the educational course “The city in literature and culture”. It consists of the following topics: city as center of the world, city as mythological place, the geo-cultural symbolic of cities, phenomena of the “lost” cities, the attitude of the human towards the city, flaneurism or the experience of walking around the city, and cities as a problem of translation. The text presents different aspects and examples from the above mentioned syllabus and summarizes the methodology of teaching techniques and the ways of implementation of the course.

Keywords

University subject, city, literature, teaching, techniques, learning models.

УДК 93/94; 39
DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.01

А. А. Фомина

**Василий Дмитриевич Поленов
на сербско-турецкой войне 1876 г.**

Фомина Александра Андреевна
Научный сотрудник
Государственная Третьяковская галерея
119017, Лаврушинский пер. 10, Москва, Российская Федерация
E-mail: sashafomina@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-8545-2150

Цитирование

Фомина А. А. Василий Дмитриевич Поленов на сербско-турецкой войне 1876 года // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 304–352.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.01

Статья поступила в редакцию 16.11.2021.

Аннотация

Впервые полностью публикующиеся военные дневники художника В. Д. Поленова — это уникальный источник исторических, этнографических и культурных знаний о кратком периоде сербско-турецкого конфликта, в котором Поленов принял участие осенью 1876 г. Изучение записей дает возможность глазами русского живописца увидеть разные стороны противостояния Сербии завоевателям, настроения среди участников военных действий, национальные особенности жизни сербов. Хранящиеся в Отделе рукописей Третьяковской галереи дневники сопровождаются богатым графическим и живописным материалом, части которого находятся в Третьяковской галерее, музее-заповеднике «Поленово» и Русском музее.

Ключевые слова

В. Д. Поленов, Сербия, Белград, сербско-турецкая война, дневники.

Василий Дмитриевич Поленов, известный русский художник, мастер жанровой и пейзажной живописи, автор работ на евангельские темы, не раз бывал за рубежом — в том числе на Всемирной выставке в 1867 г., в длительной пенсионерской поездке по Европе в

1872–1876 гг., после окончания обучения в Императорской Академии художеств; ездил на Восток в 1881–1882 и в 1899 гг. для подготовки «Евангельского цикла». Но среди всех путешествий Василия Дмитриевича особо примечательны два — в 1876 и 1877–1878 гг., когда Поленов отправился в Юго-Восточную Европу в качестве участника сербско-турецкой и русско-турецкой войн.

Вероятно, художник был увлечен идеей помощи братскому славянскому народу. Вмешательство Российской империи и других европейских государств в конфликт в Сербии должно было спасти страну, плохо подготовленную к войне, от катастрофы. Однако было достигнуто только временное прекращение огня, во время которого в Сербию было послано подкрепление. В Москве и Санкт-Петербурге организовывались славянские комитеты и другие благотворительные организации, занимавшиеся сбором средств для поддержки сербов, подготовкой и отправкой на фронт санитарных отрядов, а также добровольцев — солдат и офицеров русской армии. Можно сказать, идея помощи Сербии стала даже модной, о чем упомянул Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина»: «Все то, что делает обыкновенно праздная толпа, убивая время, делалось теперь в пользу славян. Балы, концерты, обеды, спичи, дамские наряды, пиво, трактиры — все свидетельствовало о сочувствии к славянам»¹. Несмотря на то, что Толстой достаточно неоднозначно относился к прославянским настроениям, скорее высмеивая волну энтузиазма, захватившую русских солдат-добровольцев, многие волонтеры отправлялись на войну осмысленно, с чувством глубокого сочувствия и уважения к сербам. В. Д. Поленов оказался как раз среди этих людей, его призвал «голос, зовущий на действительную помощь людям, изнывающим в неволе, позоре и страданиях»². Вероятно, не последнее влияние на решение Поленова отправиться на войну оказали семейные традиции. Предки художника принимали участие в крупных военных событиях конца XVIII — начала XIX в. Дед по матери, Алексей Васильевич Воейков, генерал русской армии, был в швейцарском походе русской армии в 1799 г., воевал в русско-турецкой войне 1806–1812 гг. Дед по отцу, Василий Алексеевич Поленов, участвовал в войне 1812 г.

От времени, проведенного Василием Дмитриевичем в Сербии, сохранился богатый живописный и графический материал: полот-

1 Толстой Л. Н. Анна Каренина. М., 1978. С. 466.

2 Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (далее — ОР ГТГ). Ф. 54. Ед. хр. 1. Л. 4об.

на и этюды, эскизы и наброски, хранящиеся сейчас в Третьяковской галерее в Москве, Государственном мемориальном историко-художественном и природном музее-заповеднике В. Д. Поленова в Тульской области, Государственном Русском музее в Санкт-Петербурге. Но если на русско-турецкую войну в 1877 г. он попал как профессионал-живописец (по желанию цесаревича Александра Александровича его пригласили на роль штабного художника, который должен был запечатлеть театр военных действий и быт русской армии), то на сербско-турецкую войну Поленов отправился добровольцем. Василий Дмитриевич непосредственно участвовал в боевых действиях, о чем свидетельствует сохранившийся в отделе рукописей Третьяковской галереи документ, подписанный полковником Д. Р. Андреевым³, в чьем передовом летучем отряде служил художник: «...наравне с прочими переносил все тяготы боевой жизни [...] Участвуя в боях 7, 8 и 9 минувшего октября [...] своим хладнокровием и пренебрежением к опасности обратил на себя всеобщее внимание...»⁴. Начав свой путь в середине сентября, Василий Дмитриевич уже в ноябре получил серебряную медаль «За храбрость» (сослуживцы-черногорцы передали ему одну из своих медалей за участие в кавалерийской атаке⁵) и орден Таковского креста, а также грамоту от сербского князя⁶. При этом Поленов не только успевал делать живописные этюды и графические наброски, но и вел дневник — своеобразные путевые заметки, в которых описаны дорога из Белграда до Вуканьи⁷, а также некоторые подробности боевых действий, даны характеристики людей, встречавшихся на пути художника, и представлены его «живописные» наблюдения за красотой природы и национальных костюмов, за архитектурой и местной кухней. В Отделе рукописей Третьяковской галереи сохранились три одинаковые тетради в синих обложках, в которых Поленов вел записи⁸. Первые две тетради содержат практически одинаковый текст, фактически являясь черновиком и чистовыми записями.

Дневник, начатый 24 сентября 1876 г., обрывается после записи от 4 октября. Как раз в это время Поленов попадает в передовой отряд Ан-

3 В авторских подписях на рисунках В. Д. Поленова упоминается полковник Д. Р. Андреев.

4 ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 6546. Л. 1.

5 Там же.

6 ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 6628. Л. 1.

7 Вуканья — деревня в Сербии в 30 км северо-западнее города Ниш.

8 ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 1–3.

древа — вероятно, нахождение в горячей точке лишает художника возможности продолжать вести записи, однако он все еще делает зарисовки (хранящиеся в Третьяковской галерее рисунки с войны датируются и более поздними числами октября, и ноябрем 1876 г.). По семейной переписке известно, что художник вернулся в Петербург во второй половине ноября, пробыв в отъезде чуть больше двух месяцев. 22 ноября 1876 г. Дмитрий Васильевич Поленов, отец живописца, писал Федору Васильевичу Чижову: «Только вчера, в воскресенье, приносят нам телеграмму, в которой значится: “Пришлите карету завтра, понедельник восемь вечера Варшавскую дорогу — Доброволец эскадрона Тернска Поленов”. Шут! Карету послали, и в урочное время доброволец... явился к нам здоров и невредим...»⁹. Обрадованный возвращением приятеля в Россию, И. Е. Репин написал В. Д. Поленову 8 декабря 1876 г.: «Желал бы видеть тебя теперь, украшенного орденами и в сербском (??) наряде!»¹⁰

Рисунки и первая часть дневника В. Д. Поленова были опубликованы в 1877 г. в журнале «Пчела» («Русская иллюстрация») под названием «Дневник русского добровольца. От Киева до Делиграда»¹¹. При этом ту часть дневника, которая публиковалась в «Пчеле», художник, очевидно, постарался переписать начисто, убрав из текста некоторые мысли о своих сослуживцах и командирах, — вероятно, чтобы не обидеть их и избежать неловкой ситуации. Вторая часть дневника в журнале опубликована не была по неизвестной причине. Дочь Василия Дмитриевича, Екатерина Васильевна Сахарова, в 1964 г. опубликовала обе части дневника¹², но тоже с пропусками — несколько изменив количество вычеркнутого отцом текста, она внесла свои дополнительные сокращения. В разных научных работах цитировался дневник Василия Дмитриевича Поленова, но никогда раньше он не издавался без купюр.

Представленные ниже записки художника впервые публикуются полностью. Текст сопровождается научными комментариями, печатается в соответствии с правилами современной орфографии и пунктуации, с сохранением особенностей авторского стиля. Иностранные имена и названия приведены с соблюдением правописания автора. Сокращенные и плохо читаемые места восстановлены в квадратных скобках.

9 ОР РГБ. Ф. 332. Картон 47. Ед. хр. 25. Л. 33об.

10 ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 5255. Л. 1об.–2.

11 Пчела. 1877. № 1, № 8 — рисунки; № 9, с. 135, 137–138, № 10, с. 152–153 — первая часть дневниковых записей.

12 Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Поленов. Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художника. М., 1964. С. 213–224.

**Дневниковые записи В. Д. Поленова.
От Киева до Делиграда¹³**

24 сентября 1876 г[ода]. Сегодня приехал в Белград, «Београд» по-«србски»¹⁴. Не писал ничего в пути, сердился на немцев, их точные указатели весь мой маршрут искалечили. В одном анцейгере¹⁵ одно, в другом другое, а на деле выходит совсем третье; поэтому я почти на двое суток опоздал. А не худая страна подольский край¹⁶ — живописно; и в людях есть много особенного. Настоящий усатый поляк ругает приниженного хохла и не отдает ему за что-то денег, тот обиженно на него смотрит, что-то мурлычет. Жиды всяких сортов с визгом и с галочьим криком наполняют собою и своим запахом вагоны, над всей этой суетней торжественно-бесстрастно царит жандарм. Сильно хотелось мне в Жмеринке¹⁷ свернуть влево на денек, но дела службы, как говорил костромской губернатор¹⁸, не допустили совершить такового отклонения от долга...

Красивый край северная Венгрия, населенная руссинами. Из Пшемисла¹⁹ (в Галиции) через Кашой²⁰ в Пешт²¹ приходится переваливать через Карпаты. Очень живописные места. По всей линии попадают славяне: поляки, руссины, иногда хорваты; но жалкую роль они здесь играют, простоватые, нерасторопные, длинноволосые и оборванные,

13 Делиград — небольшая деревня в Сербии в 50 км северо-западнее города Ниш, во время сербско-турецкой войны 1806 г. в битве при Делиграде сербы нанесли решающее поражение османской армии.

14 В. Д. Поленов сознательно многие слова и фразы дает на сербском языке, не всегда при этом выделяя их кавычками и соблюдая орфографию.

15 От немецкого “anzeiger” — указатель.

16 Имеется в виду Подольская губерния с административным центром городом Каменец-Подольский (ныне на Украине).

17 Жмеринка — местечко в Подольской губернии Российской империи, ныне — город на Украине.

18 Род Поленовых происходит из костромских дворян.

19 Пшемысль (Перемышль) — город в королевстве Галиции и Лодомерии, подвластном Австро-Венгерской империи, ныне — город в Польше, расположенный неподалеку от границы с Украиной.

20 Возможно, имеется в виду Кошице (Кошицы, Кашша, Кашау) — исторический город в составе Венгрии, ныне — город в Словакии, расположенный неподалеку от границы с Венгрией.

21 Пешт — восточная часть города Будапешт в Венгрии. После объединения Пешта, Буды и Обуды в Будапешт в 1873 г. используется как разговорное сокращение полного названия.

они покорно повинуются живым и энергическим мадьярам²². И жаль их и досадно на них, а все-таки приятно слышать за границей язык, близкий к родному. На одной станции сидят в уголку две девчонки — славянка и маджарка, одна учит другую считать: едан, два, три, пять, семь, десять, четырнадцать и т[ак] д[алее]. Маджарка повторяет и хохочет над такими бессмысленными звуками. Но рядом с мягкими и добродушными славянами в мадьярах есть что-то грубое, даже дикое. Возбуждение против России сильное, пештские газеты яростно нападают на славян и глумятся над их неудачами. Несмотря на все это нельзя не отнестись к венграм с завистью, когда посмотришь, в какое короткое время они сумели так независимо себя поставить в международной политике и у себя дома. Ведь теперь они тащат за собою на буксире всю Австрию. Внутри у себя они выработали сельское хозяйство, торговлю, искусства. В искусстве я лучше могу судить, нежели в чем другом; оно у них как тоническое, так и образное (наше) необыкновенно оригинально, самостоятельно и высоко.

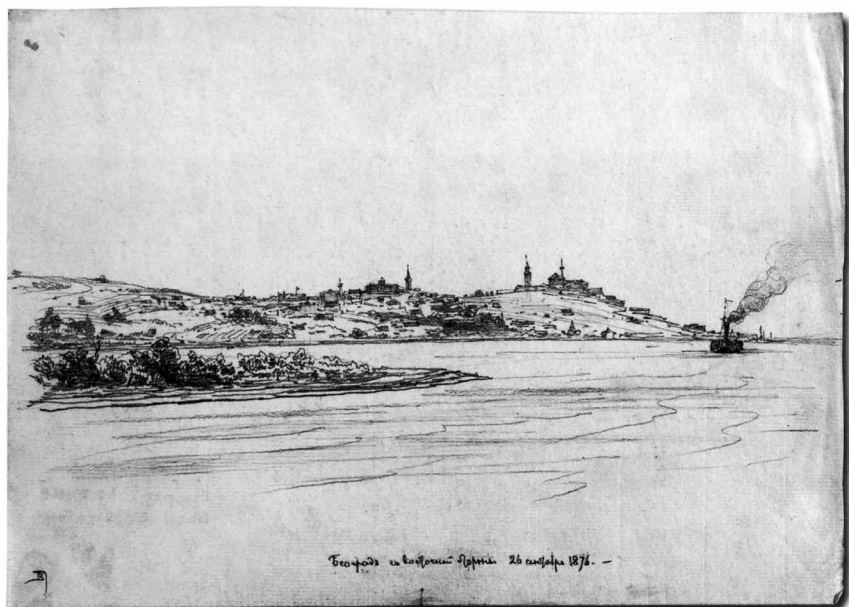
Пешт очень красивый город. Сколько своим положением, столько и внутренней отделкой маленькая Вена, но живописнее ее. Всюду видна энергичная работа, всюду проскальзывает честолюбивое желание во что бы то ни стало завоевать себе политическую роль. В Пеште пересели на огромный венгерский пароход и пошли по Дунаю вниз. Время ясное и теплое. Всю ночь просидел на палубе, глядя на общеславянскую реку, ее холмистые, крутые и однообразные берега, освещенные почти полной луной, — вода была как зеркало. Может быть, на этих берегах жили и мои прадеды. Оригинальны на Дунае водяные мельницы, они целыми партиями стоят на воде почти посреди реки одна за другой и представляют из себя плавучие деревни.

В каюте ехала компания соотечественников. Они почти все время и с большим апломбом ели и пили, а так как я до еды [и] питья небольшой охотник, то и занимающиеся этим занятием меня мало занимали. К полночи все стихло. Невеселые думы шли на ум, ничего доброго впереди не рисовалось... На другое утро вышел я на палубу; Дунай мутный, не знаю, кто его назвал “die schöne blaue Donau²³”. Штраус наименовал так один из своих вальсов²⁴. Название злое, ибо он серый, мутный и неприветный.

22 Самоназвание венгров “magyar” — венгерский (венгр.).

23 Красивый голубой Дунай (нем.).

24 Имеется в виду вальс Иоганна Штрауса-сына «На прекрасном голубом Дунае», написанный в 1866 г.

В. Д. Поленов. Београд с восточной стороны. 26 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 19 × 26,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 41. Местонахождение: ГТГ

В Землине²⁵ пересаживаются на другой пароход (маленький) и переправляются через Дунай в Белград. Высокое чувство уважения охватило меня в то время, как пароход медленно входил в устье Савы в виду Белграда; как ни говори, а он первый возымел дерзость подняться не только словом, но и делом, на защиту братьев, угнетенных дикой азиатской ордой, в нем впервые раздался голос, зовущий на действительную помощь людям, изнывающим в неволе, позоре и страданиях. И может быть, весь этот героизм, все это самоотвержение, все эти жертвы ни к чему, все пропадет и погибнет даром... Сердце сжималось, и тяжело становилось на душе...

С Дуная Белград представляет довольно величественный вид. Впереди на горе стоит грозная крепость и придает ему воинственный вид. За крепостью расположен на холмах сам город. Одно мне

²⁵ Землин, Земун — город в Сербии, ныне — район Белграда.

показалось странным — это несколько мечетей с минаретами. Их в Белграде, кажется, шесть. Подходя ближе, я удивился, увидав большое здание с флагами, из которых один белый с красным крестом, значит, госпиталь, и другой английской (белой эскадры). Странное дело: мы идем драться за христианство против ислама, а тут мечети, все симпатии англичан на стороне турок, а тут на первом же шагу английский госпиталь. На пристани по кокарде узнал члена Славянского комитета²⁶ и обратился к нему, он меня очень любезно приветствовал и пошел вместе со мной в город. Поговору я увидел, что серб, на первый мой вопрос, как идут дела, он отвечал, что прекрасно, лучше ничего нетребно. Поднявшись по высокой лестнице в гору, мы прошли и очутились в верхнем городе, где меня поместили в очень скверной гостинице в комнату, где помещались уже пять добровольцев. Но пока никого из них не было. Я умылся, оделся и отправился к В. Н. Токареву²⁷. Трактирщик объясняет мне адрес «све право», я пошел и свернул в первую улочку направо. «Не, господине», — догоняет он меня, — «све право». «Не, то есть десно²⁸, треба све право идети». Оказалось, что «све право» значит «все прямо».

Белград имеет вид русского губернского города средней руки; постройки, впрочем, все каменные. На улицах очень пусто, уныло и праздно; признаков войны никаких, только русские волонтеры изредка попадают да в кафанах (кофейнях) шумят, а то Белград и забыл бы, что «на границе» война. Токарев совсем не ожидал видеть меня перед собою, но встретил меня очень ласково, покровительно, родственно, потребовал, чтобы я у него остановился, что я и сделал. На другой день я не мог продолжать путь, так как пароход ходит через день. Я воспользовался этим, чтобы посетить загородный конак (дворец) князя²⁹, обращенный в госпиталь. Отстоит он версты четыре от города, дорога идет по возвышенности, с которой видна долина р[еки] Савы,

26 Славянский благотворительный комитет — организация, учрежденная М. П. Погодиным в 1858 г. в Москве. На собранные комитетом средства в 1876 г. в Сербию были отправлены отряд добровольцев и санитарный отряд, а также выдана ссуда сербскому правительству.

27 Владимир Николаевич Токарев — политический деятель, с 1875 г. — тайный советник.

28 Право, направо (серб.).

29 Возможно, имеется в виду резиденция князя Милоша Обреновича, построенная в 1830-х годах в парке Топчидер под Белградом (ныне в черте города).

В. Д. Поленов. Из Землина в Београд (Белград). С северо-западной стороны. 24 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш 19 × 26,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 31. Местонахождение: ГТГ

впадающей в Дунай. Направо на холмах город с крепостью, мечетями и церквями, а вдали Землин. Вся дорога усажена тополями; по возвышенностям разбросаны желтеющие кусты и деревья. Въехав в парк, мы остановились под огромным тенистым буком. На деревянной скамейке сидела женщина арабского типа, редкой красоты, в черном платье с повязкой Красного Креста на левой руке, и энергично разговаривала с вертлявым господином. Меня познакомили. Ею была Карцева³⁰ — жена русского консула³¹, а господин — корреспондент «Московских ведомостей». Она дочь яффского консула и купленной им невольницы. Мне она представилась чистокровной арабской лошадей. Небольшая

30 Гортензия Антоновна Порталис — ливанка французского происхождения, дочь шелкозаводчика.

31 В 1876 г. русским консулом в Белграде был Андрей Николаевич Карцов (1835–1907).

головка ее с резко, но красиво нарисованным профилем, с огромными глубокими черными глазами и с как смоль черными волосами; гибкая, стройная, страстная, от нее дышало палящим востоком. За ней сильно ухаживают рара et fils³² Токаревы, но, кажется, без большого успеха. Она расспрашивала подробности о раненых русских офицерах в деле 16 сентября, еще не привезенных в Белград, и горячо спорила об каких-то распоряжениях, которые не исполняются.

На лужайке устроены бараки для солдат почти с роскошью. Павильон, служивший прежде [для] музыки и прохладений во время загородных гуляний, обращен в офицерский госпиталь (одно я только не понимаю — кто гулял и для кого была прежде музыка и прохладения, ибо общество в Белграде состоит исключительно из немецких и еврейских коммерсантов, которые до далеких загородных гуляний не охотники). Очень тяжело раненых теперь не было, их оставляют в более близких к месту действий госпиталях. У офицерского павильона на носилках лежал, читая книгу, американец Браун без ноги, ему ее отняли после битвы 13 августа. Он, смеясь, рассказывал Токареву, как сегодня он был наказан за самонадеянность: «Вздумал я вдруг сегодня встать и пойти без помощи сестры, потерял равновесие и полетел с лестницы, но, к всеобщему и моему удивлению, остался цел и даже почти невредим».

Каких, каких только национальностей нету в армии. Славяне всех родов и видов, румыны, итальянцы, немцы, прусаки, швейцарцы, шведы, американцы, шотландцы, даже англичане, не знаю, есть ли французы. Возвратясь в Белград, я обежал его. Красиво он расположен, весьма еще в примитивном виде. Обедать отправился к Токареву, у него целое общество особ санитарного персонала: врачи, помощники и т[ак] д[алее]. Более других мне понравился Ринек³³, профессор Киевского университета.

Весь обед речь шла об различных случаях практики, которые представлялись в эту войну, — как одному субъекту полчерепа или челюсти не отняли, другого почти что пополам не разрезали, отыскивая пулю, и потом опять сшили, один какой-то с весьма интересной раной должен был непременно умереть и почему-то выздоровел, а другой непременно должен был выздороветь и умер, все подробности

32 Отец и сын (фр.).

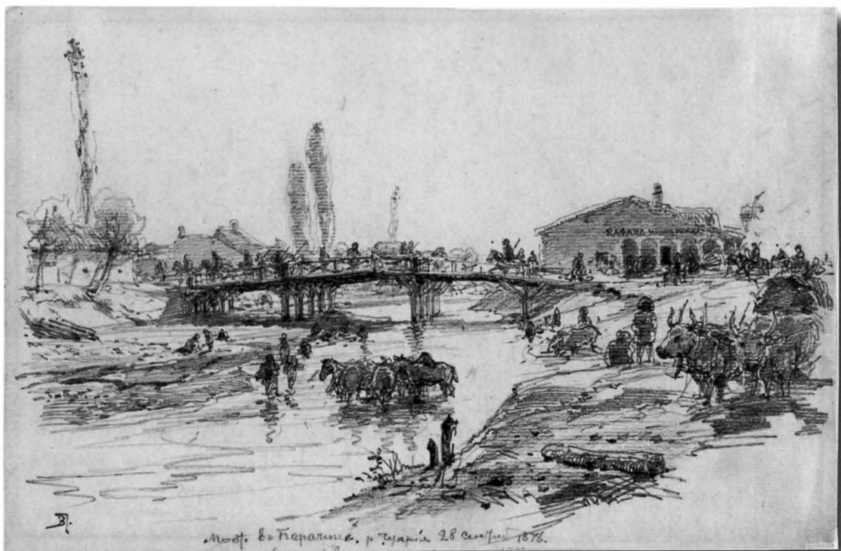
33 Александр Христофорович (Христианович) Ринек (1837–1916) — врач, ученый, заведующий кафедрой хирургии Киевского Императорского университета.

В. Д. Поленов. Парачин. Конак князя Милана. Недостроенный собор. 28 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 18,4 × 25,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 77. Местонахождение: ГТГ

перемешаны терминами. Говорили об интригах и пакостях Кретчевского, об врачебном персонале, об негодности сербских врачей, об неспособности и вялости сербской прислуги в госпиталях. С большим одобрением отзывались все врачи об фельдшерицах и сестрах милосердия, особенно волонтерках, т[о] е[сть] тех, которые приехали сами по себе, помимо неуголимых общин. На одно жаловались все, что практики маловато. Например, такая фраза мне очень понравилась: «Он к нам был все время очень любезен (Владон Георгиевич³⁴, главный врач в армии), он постоянно присылал в наш лазарет очень трудные случаи».

³⁴ Владан Джорджевич (1844–1930) — сербский врач-хирург, один из основателей Красного Креста в Сербии (1876), начальник санитарной службы Моравско-тимочской армии (1876), в дальнейшем — писатель и политический деятель.

В. Д. Поленов. Мост через реку Чуприя в Парачине. 28 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 17,7 × 26,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 81. Местонахождение: ГТГ

Рассказывали про военные действия. Война ведется тут большей частью так: идут сербы и турки друг на друга и пуцают (стреляют), пока не страшно. Наконец, подойдут на ружейный выстрел, дадут залп, и кто куда, воображая, что одни других преследуют. Про штаб Черняева³⁵ тоже много было говорено всячины, но больше всё с худой стороны. Токарев рассказал, как их провожали в России и как встретили тут. В России, как известно, были напутственные молебны, чуть не на каждой станции их встречали градские и другие сановники и чиновники, народ восторгался и умилялся, их благословляли и прославляли, проливая горячие слезы сочувствия и т[ак] д[алее]... Приезжают в Землин; там их пропустили с уважением как отряд Женев-

35 Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) — генерал-лейтенант, туркестанский генерал-губернатор, политический деятель. Был главнокомандующим сербской армией в 1876 г.

В. Д. Поленов. Конник эскадрона имени генерала Черныяева. 10 октября 1876. Дерево, масло. 18 × 10,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 91. Местонахождение: ГТГ

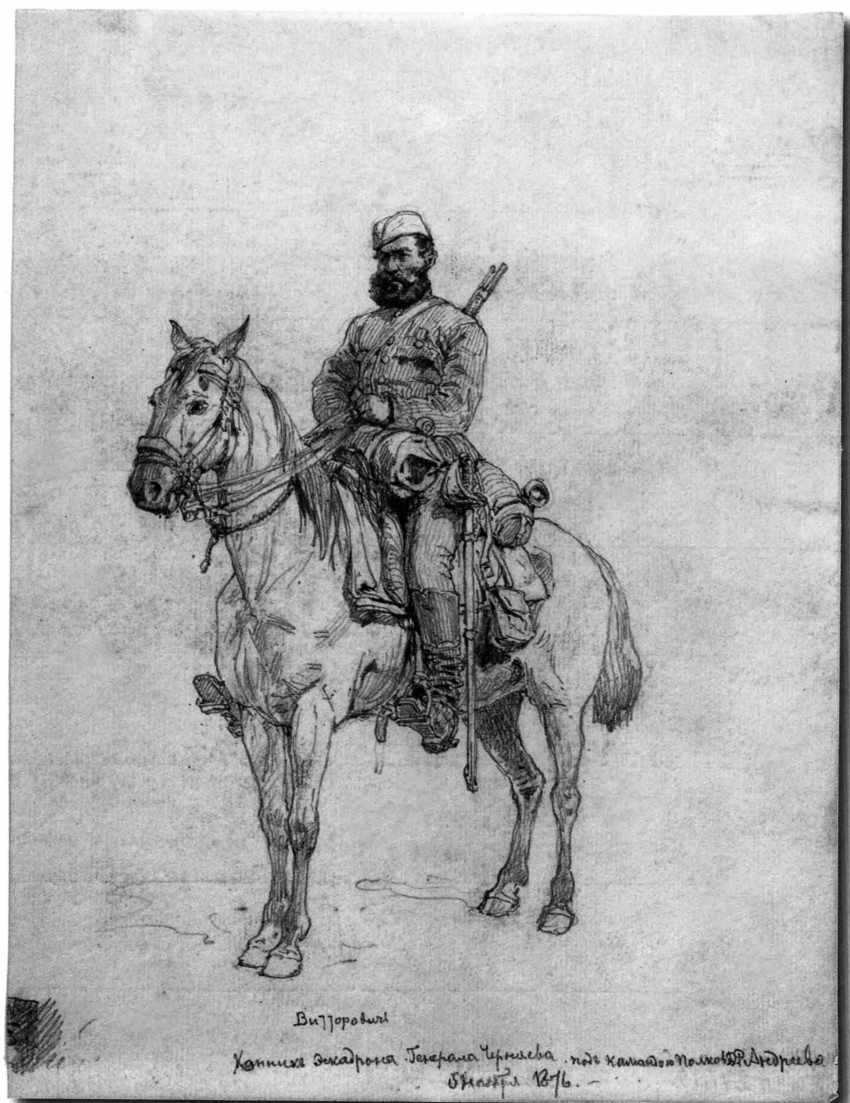

В. Д. Поленов. Большая дорога из Семендрии в Делиград. Кола с ранеными. 27 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 13,4 × 19,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 51. Местонахождение: ГТГ

ского креста³⁶. Подходит пароход к Белграду, слышен колокольный звон. «Это нас встречают», — говорит кто-то, и думают все. Причаливают к пристани, но на ней почти никого нет, какой-то не то чиновник, не то серб, да два жандарма с медными бляхами вместо погонов. «Где русский консул?» — спрашивает Токарев. Не знают, какой такой консул. Где экипажи, чтобы отвезти дам в отведенные помещения? Ни про экипажи, ни про помещения никто ничего не знает. Пришлось посылать за колясками, которых, если не ошибаюсь, в Белграде три, и отыскивать номера в гостиницах. А звон, слышанный с парохода, был звон к вечерне.

Какие бывают иногда неожиданные случаи. Между прочим, в кабинете уполномоченного за письменным столом сидит сестра, пишет

³⁶ Он же Красный Крест. Женевские конвенции Красного Креста — международные соглашения о защите военнопленных, раненых и гражданских в военное время. Подписаны в Женеве в 1864, 1929 и 1949 гг.

В. Д. Поленов. Витторович. Конник эскадрона генерала Черняева под командою полковника Д. Р. Андреева. 5 ноября 1876. Бумага, графитный карандаш. 25,3 × 19,2. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 113. Местонахождение: ГТГ

В. Д. Polenov. Раненый воиник. Сербская армия. Конник. 1876. Дерево, масло. 10,2 × 18. Публикуется по изданию: Василий Polenov: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 115. Местонахождение: ГТГ

бумаги, меня назвали ей, ее тоже. Что-то давнее вспомнилось мне, как сон, но я сразу не сообразил. Когда пошли пить чай, она мне говорит: «Я знаю Вас не с сегодняшнего дня, а Вам стыдно старых друзей забывать!» Я припоминаю, что-то туманное носится в памяти, но никак не могу поймать.

— Вы, может быть, забыли весну 68 года?

— Боже мой, патриотический институт!..³⁷ телеграммы, переписка?

— Да.

— Вот где судьба привела нас встретиться! С тех пор столько воды утекло, да и так неожиданно, что я никак сразу не мог вспомнить... Это удачно для начала...

Пошли расспросы, припоминания...

— Вы долго здесь остаетесь?

³⁷ Женский патриотический институт — среднее учебно-воспитательное женское учреждение, существовавшее в Санкт-Петербурге в 1813–1918 гг. Было учреждено как благотворительная организация для помощи дочерям военных, в том числе осиротевшим в результате войны 1812 г.

В. Д. Поленов. Приемная, столовая, спальня, кухня. 1876. Дерево, масло. 10,2 × 18. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 91. Местонахождение: ГТГ

— Нет, еду в армию.

— Когда?

— Завтра, пожелайте общему делу успеха и гибели туркам.

— Разумеется, от всей души и сердца, и Вам в особенности.

— Может бы[ть] еще увидимся, если вернусь.

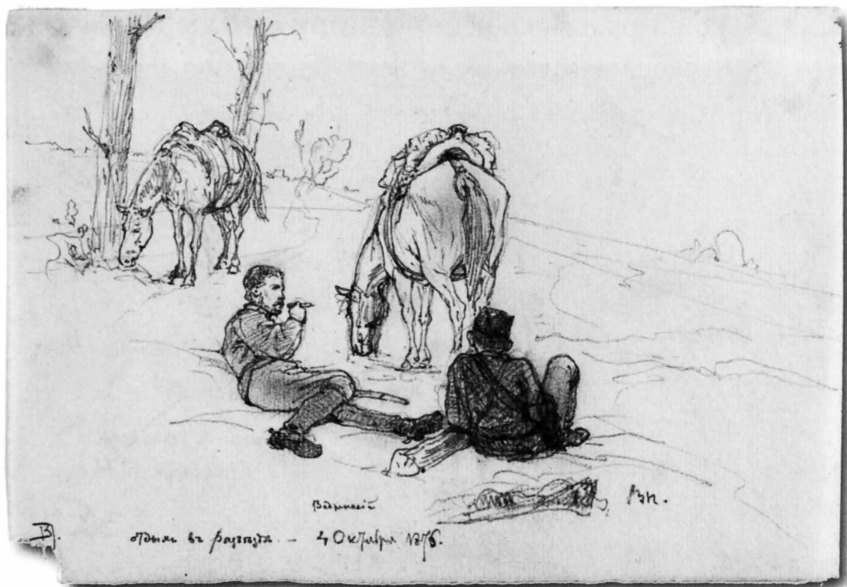
— Будете писать Вашей сестре³⁸, от меня не забудьте прибавить...

На другой день в 7 часов утра отходил пароход в Семендрию (Смедерево) и Дубровицы³⁹, а оттуда на Парачин и Делиград в армию. В три часа по полуночи получил от Токарева депеши к главнокомандующему и объяву.

(26 [сентября]). В шесть часов утра был на пароходе. Народу много, утро чудесное, Дунай как зеркало, Белград красуется на горе, на пристани оживленно. Путешественники самые разнообразные, мно-

38 У В. Д. Поленова было две сестры — близнец Вера Дмитриевна Поленова (1844–1881) и младшая сестра Елена Дмитриевна Поленова (1850–1898).

39 Возможно, Дубравица — населенный пункт в Сербии рядом с городами Пожаревац и Смедерево.

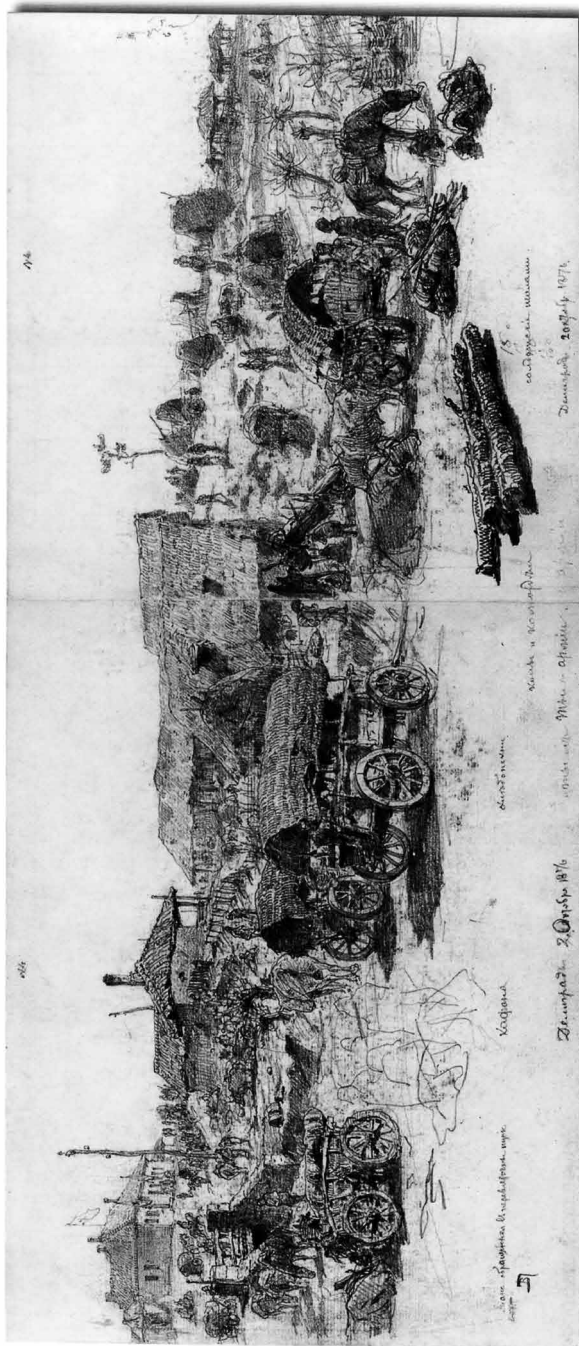

В. Д. Поленов. Отдых в разезде. 4 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 13,2 × 19,2. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 107. Местонахождение: ГТГ

го русских, два офицера, один раненый едет в Базиаш⁴⁰, а оттуда в Россию. Три доктора. С двумя из них, Островским и Протичем, познакомился накануне у Токарева. Островский — начальник Пожаревацкого округа, ловкий разбитной поляк, хвостун, как всякий поляк, очень плохой медик, но чудесный администратор, ведущий свое дело хотя не вполне чисто, но по-военному и с треском. Протич, с которым пришлось мне ехать полдороги вместе, представляет из себя добродушного, но глупого серба. Доктор Склифосовский⁴¹ возвращается из

40 Базиаш — село в Румынии на реке Дунай на границе с Сербией, в котором расположен одноименный мужской монастырь в честь Вознесения Господня.

41 Николай Васильевич Склифосовский (1836–1904) — русский врач-хирург, военный врач, специалист по хирургии брюшной полости. В сербско-черногорско-турецкой и русско-турецкой войнах был военнопольным хирургом, ведущим хирургом Русской императорской армии.

В. Д. Поленов. Делиград. Тыл сербской армии. 2 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,8 × 26,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 85. Местонахождение: ГТГ

Черногории и осматривает русские госпитали в Сербии; рассказывает чудеса храбрости про черногорцев. Далее корреспондент «Голоса», некто Любимов, непозволительная личность, один из российских фениксов, окончивших курс в заведении искусственных минеральных вод⁴², как говорит Щедрин⁴³. Нахальный, плоский и навязчивый дурак. Затем много сербов — усатые и безусые, слегка жидовидные, несколько недурных серблянок в городском национальном костюме: ярко-алая феска с маленькой черной кисточкой (мужчины носят их темно-кирпичного цвета), обвитой огромной косою черных волос, на самой надета атласная или суконная турецкая куртка, обшитая серебряным или золотым галуном. У сербских женщин глаза особенно хороши — темные, глубокие, продолговатые... Погода чудная, ни облачка, настроение самое веселое, войны точно будто и нет. Все заняты обыденными своими делами. Сербский берег Дуная нагорный и красивый, — австрийский плоский. Большинство публики сидит в крытой каюте на палубе, завтракают, пьют неготинское вино⁴⁴ и цырнй кафе.

Внизу в каюте сидят серьезные люди, негоцианты, и толкуют по-немецки.

В углу сидит спит сестра, пользуясь свободным временем, чтобы выспаться в запас.

Остановились в Смедереве. Перед городом на берегу Дуная стоит древняя турецкая крепость о двадцати семи башнях, построенная из римских развалин с мраморными разбитыми барельефами в кладке стен. На берегу стоят кареты Красного Креста для перевозки раненых — кареты эти только что получены из Англии.

Из Дубровиц отправились в Пожаревац, откуда должны будем двинуться к Делиграду. Но ни кол⁴⁵ (телег), ни коней нет — утру эвакуировали госпиталь и отправили 40 раненых на подводах.

42 Имеется в виду «Заведение искусственных минеральных вод», часто упоминаемое в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина как увеселительное заведение со специфическими зрелищами под началом И. И. Излера. Кроме цыганского хора, оперетты, канкана и выступлений акробатов в театральном павильоне заведения, очевидно, происходили некие эротические перфомансы.

43 Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин (1826–1889) — русский писатель-сатирик.

44 Неготинский край — винодельческая территория в Сербии неподалеку от границы с Болгарией.

45 От сербского «колица» — тележка.

В. Д. Поленов. Римская крепость в Семендрии (Смедерево). 26 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,5 × 26,6. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 47. Местонахождение: ГТГ

Островский оказал мне самый любезный прием и предложил остановиться у него. Показал мне пять своих госпиталей на 300 кроватей, разбросанных по городу. Во время обхода познакомил меня с своим санитарным персоналом: два врача, русский и серб, девять студентов медико-хирургической Академии, три студентки, две сестры-волонтерки и две сербские фельдшерицы. Я только было разговорился с одной из сестер (Некимеловой), как Островский в 5 минут ее сплавил зачем-то в Белград. Признаюсь, мне понравилась эта быстрота. Она тайком от семьи прикатила из Одессы на несколько рублей в Сербию, не зная ни единой души, и была поймана и завербована Островским на пароходе, когда она, голодная и потерянная, не знала, что предпринять. Теперь он выхлопотал ей по 50 р[ублей] в месяц жалованья от славянского комитета. Он очень хвалит ее: «Работает она у меня за троих мужчин, бог ее знает, когда она и спит — всё при больных».

Другая, Розинг, девушка достаточной семьи, дочь генерала, как представил ее Островский, приехала на свой счет. «До Сербии она ни разу в своей жизни не только не видела раненого, но не была в больнице, а теперь так наострилась, что заведует целым отделом в одном госпитале, энергичный и ловкий работник, хотя и дочь генерала», — отозвался об ней доктор, ее начальник.

Некоторых студентов Островский тоже очень хвалит, но не одобряет сербских врачей. Вчера, напр[имер], понадобился инструмент, которого в госпитале не оказалось, студент бежит к местному земскому доктору, тот флегматически отказывает, говоря, что испортят ему инструмент.

Много новых ощущений испытал я в этот день. Эти палаты с больными, эти перевязанные руки, ноги, головы; некоторые ампутированные. Один особенно мне врезался в память — без руки и с раздробленной ногой молоденький болгарин. Островский с ним шутит, обещает скорого выздоровления — тот доверчиво, даже с любовью ему улыбается — мне же Островский говорит, что он почти к смерти приговорен. Неприятное и прискорбное впечатление производит дисциплинарный лазарет, где лежат раненые в палец. Их приходится почти 80 % на остальных раненых. Все утверждают, что они нарочно простреливают себе руку, чтобы иметь предлог уйти из армии, — очень вероятно, что так.

Вечером к чаю собрал[ась] к Островскому большая часть санитарного отряда. Он привез из Белграда всем своим подчиненным подарки, т[о] е[сть] всякие хирургические инструменты и перевязочные принадлежности. С какой алчностью они набросились и разбирали эти невеселые предметы, точно лакомства какие. Позже всех пришел из дальнего лазарета письмоводитель Островского. Он принес известия, что турки обходят Неготин, а сербы отказываются защищаться. Если так, то в три перехода неприятель может быть в Пожареваце. Что меня поразило, это что тут на месте об движении войск как своих, так и неприятельских гораздо меньше знают, нежели чем у нас в Петербурге — гибель разнообразнейших и разноречивейших слухов.

27 [сентября]. Рано утром тронулись в путь.

Сербские колы состоят из жердочек и прутьев.

Небо все безоблачное, дорога хорошая, шоссе, но жарко и пыльно. Страна благодатная, богатая, цветущая, ленивая. После двухчасовой тряски остановились у водополя. Белое каменное сооружение с остатками турецкого стиля. Несколько коней пьют воду в колоде, подальше в

В. Д. Поленов. Бегунцы из-под Зайчара. 28 сентября 1876. Бумага, графитный карандаш. 13,2 × 19,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 59. Местонахождение: ГТГ

тени сидят солдатики, мы подошли. Они были отпущены на несколько дней в свои кучи (дома) и теперь возвращаются опять на границу (т[о] е[сть] на место действия). Они предлагают нам поесть с ними «добро свинско печенье» (жареная свинина), хлеб и раки⁴⁶ (водка). Рассказывают про подвиги русских офицеров, что их ранят только в грудь. Один поручик (солдат не помнил его имя) был ранен в руку навывлет, сам перевязал рану и продолжал идти вперед, пока гранатой не оторвало ему ногу. К вечеру он умер. Другой с разбитой ступней сел на лошадь, пошел в атаку, но больше не вернулся. «Хороший был господин, жаль его, — прибавил рассказчик. — Русские офицеры куда как храбрее и добрее наших. Наши берут с солдата последние десять пар (пять сапоронов), а если у кого нет денег, то бьют, не дают ни пить, ни есть, заставляют исполнять самые трудные работы».

⁴⁶ Ракия — крепкий алкогольный напиток, традиционный для южнославянских народов.

Действительно, это общий отзыв, что сербские офицеры так же неразвиты и невежественны, как и солдаты, но, имея власть, обращаются очень худо с солдатами и пользуются временем службы, чтобы нажиться, сколько можно. Далее встретили двух русских офицеров, едущих в Белград в отпуск на несколько дней. Один, из русско-болгарской бригады Медведовского⁴⁷, рассказывал об разгроме их отряда 16 числа, об странности поведения Медведовского, который торжественно дал клятву быть впереди в белой папахе, а во время боя его белой папахи не только впереди, но и назади никто не видел. И он оправдывается будто бы тем, что его ординарец у него снял ее и спрятал себе под седло, находя, что стоять рядом с белой папахой небезопасно.

В Шабаре⁴⁸ мы обедали, кухня непривлекательная в Сербии, начиная с супа и кончая каким-то сладким тестом вместо пирожного, — всё с перцем, так и дерет горло. Кафана соединяет в себе трактир, постоялый двор и кабак. Одноэтажное здание, белое, как все здания вообще и с открытой наружной галереей, спереди стены внутри галереи расписаны изображениями славянских героев. Главную роль играет кралевич Марко⁴⁹. Живопись не особенно художественная, по стилю конца 18 века, и королевич Марк изображен в виде герольда Людовика XIV⁵⁰. Внутреннее помещение, большая грязная-прегрязная комната с большой печью, в которой постоянно варится цырны кафе, разукрашена дрянными немецкими хромолитаграфиями более или менее клубничного содержания. Признаков самостоятельного искусства почти нигде нет, всюду, где только появляется орнамент лепной или живописный, архитектурная подробность, все это либо турецкое, либо немецкое.

На дороге встретили огромный караван бегунцов (беглецов) изпод Зайчара⁵¹, болгар и сербских валахов. Кол триста тянулись тихо на волах одна за другой, домашняя утварь, кукуруза, ребятишки, стада

47 Николай Юлианович Медведовский (1846–1895) — русский военный, полковник, в 1876 году отправился на сербско-турецкую войну добровольцем.

48 Вероятно, Жабари — село в Сербии, в 50 км юго-восточнее Смедерева.

49 Королевич Марко (Марко Мрнявчевич, Марко Кралевич; 1335–1395) — герой сербского, македонского и болгарского эпоса, выступающий как народный защитник и борец против турецких поработителей.

50 Людовик XIV де Бурбон (1638–1715) — французский король, известный также как «король-солнце» и Людовик Великий.

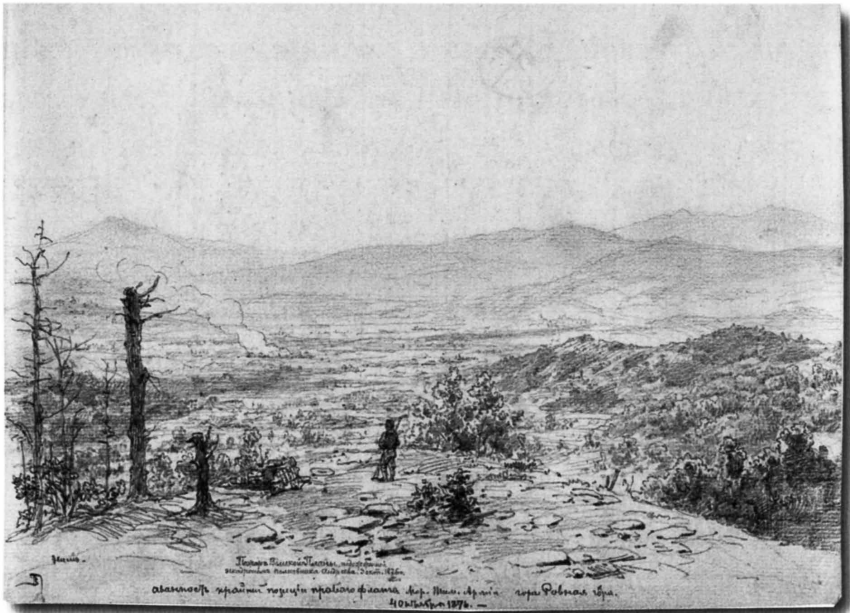
51 Заечар — город в Сербии, в 70 км восточнее Парачина. Был захвачен и уничтожен турками в самом начале войны.

В. Д. Поленов. Обитатели Северной Сербии. 1876. Дерево, масло. 10,2 × 18. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 69. Местонахождение: ГТГ

баранов... Любопытно, что женщины, начиная с маленьких девочек пяти-шести лет и кончая старухами, все идут и с прялкой и веретеном и прядут. Валахско-болгарский женский костюм необыкновенно красив: белая шитая рубаха, белый или цветной платок на голове, на груди, в ушах и голове украшения, монеты из серебряных турецких монет, на руках золотые и серебряные браслеты, на иной серебра и золота дукатов на пятьдесят. У башибузов⁵² чутье неплохое, что они отправились донжуанничать и разбойничать в Болгарию. Во-первых, болгарские женщины необыкновенно красивы, а во-вторых, есть что и взять у них. Белая рубаха до щиколоток, спереди передник либо поперечно-полосатый, либо вышитый персидско-славянским узором, чрезвычайно характерным и живописным. Эта часть костюма, как мне объяснил мой спутник, составляет отличительный признак женщины от девушки. Сзади длинная густая темно-синяя бахрома, покрывающая заднюю часть рубахи, болтающаяся как хвост у лоша-

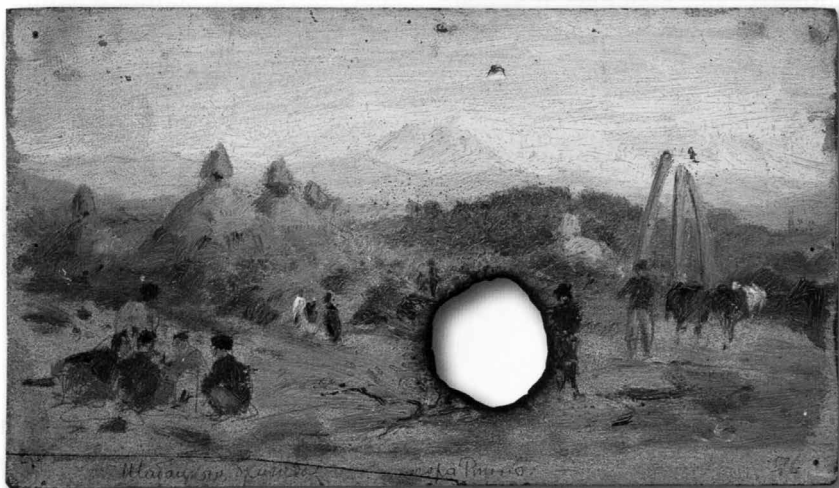
⁵² Башибузуки (от тур. başibozuk — «сорвиголова») — отряды наемных солдат в Османской империи, действовавшие в том числе на Балканах.

В. Д. Поленов. Ним. Пожар Великой Планы, подоженной эскадрон полковника Андреева. Аванпост крайней позиции правого фланга Моравско-Тимокской армии. Гора Ровная гора. 4 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,2 × 25,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русско-го добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 97. Местонахождение: ГТГ

ди, — она придает движению что-то плавное и правильное. Вообще женские костюмы в Сербии красивы и притом чуть ли не в каждом уезде различны. У мужчин, шедших при караване (их было меньше, чем женщин), были надеты бараньи шапки [в] виде мухомора, в белых куртках и белых штанах, не придержанные щеплетами, как у других славян полуострова. Вообще почти все были одеты хорошо, а многие даже богато, они бежали не после разгрома, а от него.

На одной из станций разговорился я с одним сербом (все немного образованные сербы говорят на общеславянском языке, т[о] е[сть] немецком, и вообще этот язык оказывал мне много добрых услуг во время путешествия). Серб этот оказался школьным учителем. Пока перепрягали лошадей, я пошел посмотреть школу. Довольно чистая большая комната с немецкими картами, учится в ней человек 70, теперь, разумеется, пу-

В. Д. Поленов. Шабачкая бригада. Передовые позиции сербской армии. 1876. Дерево, масло. 10,5 × 18. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 95. Местонахождение: ГТГ

стует. Надо заметить, что почти все сербы грамотны, что, впрочем, не мешает им быть еще в очень первобытном и тупом состоянии. Учитель свел меня и на свою половину, привел жену и дочь, которая подошла и приложилась мне к руке, хотя ей уже лет восемнадцать. Но таков древний патриархал[ьный] обычай гостеприимства. Угостил меня собственного изделия вином, молодым и очень невкусным, и дал на дорогу грушу, жесткую, как дерево, но все это с сияющим радушием на лице.

В Свилайнах⁵³ мы ужинали. Зашли в госпиталь. Нашли там двух раненых русских, офицера, один тяжело раненый, именно Новоховский. «Ранен я в постыдном деле под Зайчаром 26 августа⁵⁴, — рассказал он нам, — дело уже кончилось, сербы бежали со всех пунктов, перестрелка прекратилась, я грустно ехал за смешавшимися отступающими войсками, как вдруг получил ошеломляющий удар в спину, будто кто-то заслонкой хватил меня по хребту; я тут же потерял сознание.

⁵³ Свилайнац — город в Сербии, в 55 км юго-восточнее Смедерева.

⁵⁴ В августе 1876 г. турки сломали сербское сопротивление, захватили Заечар и сожгли город.

Вы знаете, что сербы во время отступления не подбирают раненых. Долго ли, коротко ли я лежал, не помню, но, когда очнулся, уж никого не было вокруг, ни турок, ни сербов. Всё на мне в крови, слабость ужасная, вынул револьвер, чтобы застрелиться, если покажутся черкесы. Наконец поднялся и тащился на авось, полчаса тащился я таким образом, наконец меня увидели свои, подбежали, тут я опять потерял сознание». Другой офицер ранен в ногу при поражении 16 сентября. По его словам, русские, болгары и черногорцы представляли из себя в этот день мишень для турецких пуль и гранат, в то время как победоносное сербское воинство бежало на трак...

Ночь лунная, по дороге обозы и таборы бегунцов расположились ночевать — всюду костры из кукурузы, красиво. Рано поутру добрались мы в Чуприю. Я зашел в оружейные мастерские. Старые курковые ружья стараются переделать в новые. Потом зашли в барак доктора Таубера (по отзывам врачей образцовый). Симпатичный и дельный господин, хвалил очень двух фельдшериц, приехавших из Цюриха, но не одобряет сестер общины кн[ягини] Шеховской⁵⁵, которая, к счастью, «как-то раз так испугалась турок, что сама ускакала и велела всем своим сестрам следовать за ней, поэтому у меня их теперь нет, чему я очень доволен — от них, кроме сплетен и ссор, мало было толку». И это общий отзыв. Про самую княгиню рассказывают, что она мила и любезна с больными до снисхождения.

В Чуприи начинаешь чувствовать близость войны: запасные батареи, оружейные кузницы, по дороге на возвышенностях появляются укрепления и шанцы⁵⁶. Партии солдат тянутся к Делиграду. Приехали в Парачин. Парачин — это летняя резиденция короля и пребывание штаба (начиная с Чуприи он становится королем⁵⁷). На

55 Наталья Борисовна Шаховская (урожд. Святополк-Четвертинская, 1825–1906) — княгиня, фрейлина императрицы Александры Федоровны, впоследствии благотворительница. В 1871 г. основала в Москве общину сестер милосердия «Утоли моя печали», а в 1876 вместе с 36 сестрами отправилась в Сербию на войну, награждена за военные заслуги орденом Такова I степени.

56 Шанец — земляное сооружение, использовавшееся во время военных действий для защиты орудий.

57 Имеется в виду Милан Обренович (1854–1901), объявивший в 1876 г. войну Турции, в 1868–1882 гг. бывший князем Сербии под именем Милан Обренович IV. Официально стал королем Сербии в результате упразднения титула «князь Сербии» только в 1882 г. под именем Милан I Обренович.

В. Д. Поленов. Сербский пикет в лесу. 1876. Дерево, масло. 10,5 × 18. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 109. Местонахождение: ГТГ

большой площади стоит огромное неконченное сооружение, собор и конак (дворец) князя, — одноэтажное белое здание с галереей, как отличающееся от других подобных ему гауптвахтой спереди и трехцветным флагом. Против дворца речка (приток Моравы)⁵⁸ и мост через нее. В ней купаются ребятишки, лошади, телята. На площади свиньи, колы с волами, солдаты варят что-то в котле. В трактире, где я остановился, ужинали на дворе с внутренней галерейкой вроде западных клуатров⁵⁹, усаженном деревьями и освещенном фонарями. Сербские офицеры из штаба, живущие во дворце, пришли ужинать и все время пели народные песни и гимны на немецкий манер стройно и хорошо (собственно народное сербское пение невыносимо дико и фальшиво). Потом пришел оркестр скрипачей-цыган. Удивительный музыкальный склад у этих людей, точно будто все импровизируют, а выходит ладно и стройно. В противоположной кафане тоже шло пение, но не складное, пели русские добровольцы.

⁵⁸ Имеется в виду река Раваница.

⁵⁹ Клуатр — квадратный или прямоугольный внутренний дворик церкви или монастыря, закрытый для мирян.

За ужином познакомился с поручиком Зацепиным (Шабачкой бригады, теперь уже все и всюду военные). Молодой мальчик с загорелым, миловидным, но добродушным лицом, с медалью и Таковским крестом⁶⁰. Он должен был ехать в Делиград тоже после ужина и пригласил меня остановиться в своей землянке, так как в Делиграде негде найти ночлега. К сожаленью, я не мог воспользоваться его предложением, ибо, когда я на другой день приехал в Делиград, Шабачкая бригада была переведена далеко на правый фланг позиции. В Парачине я расстался с моим спутником-врачом и отправился с одним офицером, подпоручиком Филипповым, отряда Меженинова⁶¹, который приезжал закупить для своей роты всяких съестных припасов.

Чем ближе к театру, тем больше обозов и таборов всякого рода, всяких людей — дорога заставлена почти сплошь. В Ражанах⁶², шест[ь] верст от Делиграда, остановились выпить вино. На дворе и в кафане народу тьма, офицеры, солдаты, сербы, русские, черногорцы, [...] проводники, извозчики, крик, шум стоит неумолкаем[ый], ругательства так и сыпятся. Сербы приправляют почти всякий разговор самыми грубыми ругатель[ствами], и это делается самым хладнокровным манером. Говорят, что под Делиградом идет битка (битва) и жаркая. Всё битком набито. Долго не могли добиться вина. Освежившись, отправились дальше, стало светлее, луна взошла. Перевалив через первую гору, слышали глухие мерные выстрелы орудий... Дорога так заставлена, что нигде проехать нельзя, пришлось остановиться, свернули в сторону, завернулись как могли и крепко заснули. Хорошо, что ночи не холодные. Утром рано поехали в Делиград. Простившись с своим спутником, который отправился в свою бригаду, я отправился в штаб. Главнокомандующий еще не принимал.

Я отправился к начальнику штаба (Комарову⁶³). Внешний его вид невнушительен, небольшого роста, с редкими белокурыми волосами, с большим лбом и с усталыми суетливыми глазами, не внушающими доверия. Я был им принят очень сухо и рассеянно, он делал мне по нескольку раз один и тот же вопрос и назначил мне явиться к главно-

60 Орден Таковского креста — сербская государственная награда, учрежденная в 1865 г. и упраздненная в 1903 г.

61 Александр Павлович Меженинов (1834–1910) — русский генерал, командир русско-болгарской бригады в Сербии.

62 Ражань — город в Сербии, в 50 км северо-западнее города Ниш.

63 Виссарион Виссарионович Комаров (1838–1907) — полковник русской армии, генерал сербской армии, общественный деятель и журналист.

В. Д. Поленов. Черногорец. 1876. Дерево, масло. 18 × 10,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 99. Местонахождение: ГТГ

командующему через час. В 9 часов дежурный ординарец доложил, я был принят Черняевым и передал ему порученья. Он произвел на меня противоположные впечатления первому. Он очень некрасив, но необыкновенно симпатичен, что-то внимательное и доброе считается в его глазах, [вас] охватывает какая-то теплота и безотчетное доверие к этому человеку, вы для него готовы идти в огонь и в воду. Он взял у меня депеши и письма и пригласил к себе обедать. Я поблагодарил и пошел в офицерские бараки штаба; все в веселом настроении — вчерашняя стычка была удачна, т[о] е[сть] ни в чью. Идет болтовня об разном вздоре, об войне между прочим, все ждут перемирия, а потом и мира; неудачная война всем надоела, а пальба из орудий время от времени все идет да идет, на нее внимания не обращают. Штабные офицеры чистенькие, нарядные, и сербский походный мундир выглядит на них очень элегантно. Боевые офицеры, приезжающие с позиций, наоборот, загорелые, почернелые, обносившиеся. В час я отправился в штаб к обеду. В середине подают шампанское, Черняев встает и, сконфуженно глядя себе в бокал, говорит, что почтенный наш сотоварищ начальник штаба Виссарион Виссарионович Комаров покидает нас на время, чтобы проводить свою супругу за границу, поэтому выпьем за его здоровье и за скорое возвращение. Короткое и сухое «ура». Когда после обеда главнокомандующий ушел, почтеннейший Виссарион Виссарионович сказал речь, в которой между прочим объяснил, что тут нет ни одного лица, которого он бы не оскорбил, но тем не менее личного тут ничего не было, что он был предан великому делу, за которое готов был каждую минуту пожертвовать жизнью. Между прочим, я познакомился тут с капитаном Тимковским, адъютантом известного храбреца Андреева, взорвавшего с Постельниковым⁶⁴ турецкий мост на Мораве. Тимковский звал меня к ним на позицию, но я не мог ему дать положительного ответа, так как еще не получил никаких приказаний. Вечером был позван главнокомандующим к себе и пробыл у него более часа.

Редко приходилось мне встречать такого симпатичного человека, как Михаил Григорьевич Черняев. Ни фатовства, ни позировки, а, напротив, необыкновенная простота и скромность во всех словах, приемах и действиях. При этом глубокая преданность идее, которая сообщалась и вам, совершенно вас побеждала и заставляла вас чуть что не боготворить его. К сожалению, мне показалось, что он начи-

64 Вероятно, Василий Иванович Постельников — русский инженер-полковник, член русской военной миссии в Сербии.

В. Д. Поленов. Батарея св. Ангела (Арханджеловацкая) у деревни Сушица. 9 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,7 × 24,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 120. Местонахождение: ГТГ

нал уже сильно сомневаться в возможности привести свои желания к счастливому окончанию. Подробно расспрашивал меня об России, об настроении правительства и общества. Спрашивал, можно ли надеяться получить от первого помощь. Между прочим, он рассказал мне историю своего прибытия в Сербию.

Когда третье отделение узнало об его намерении отправиться помочь восставшим славянам, его призвали и запретили ему ехать в Боснию или Герцеговину, куда он и намеревался сначала ехать, вследствие чего он и очутился в Сербии, а между тем дали знать на таможни, чтобы такого-то Черняева не пропускать. Поэтому из Кишинева он пробрался через границу из деревушки, в которую телеграф не проведен.

«Сильно ошиблись мы все в сербах, и отчего такая перемена, объяснить даже трудно, народ, который так геройски боролся за свою

независимость несколько десятков лет тому назад, стал теперь совершенно к этому неспособен. Сербы народ чрезвычайно покорный и мягкий (это, впрочем, общеславянское качество), но тупой и почему-то трусливый не в меру. С моего приезда я все старался отыскать в них чувствительную сторону и ни к каким положительным результатам не пришел. Любви к своей родине в нашем смысле у серба нет: он любит свою кучу (дом), потому что там ему спокойно, а беспокоиться серб не любит. К религии они равнодушны, и никакого самолюбия. Черногорцы по развитию тоже немногим дальше их ушли, но зато у них есть *point d'honneur*⁶⁵. Когда я приехал поздравить их с наградами, а у них вышла какая-то ссора из-за этих наград, то они меня чуть в ятаганы не приняли. Хор завел у себя, думал хорошим пением подействовать на славянскую музыкальность, но в сербах ее не оказалось» (действительно, такого неприятно фальшивого и унылого пения, как тут, я еще нигде не слышал).

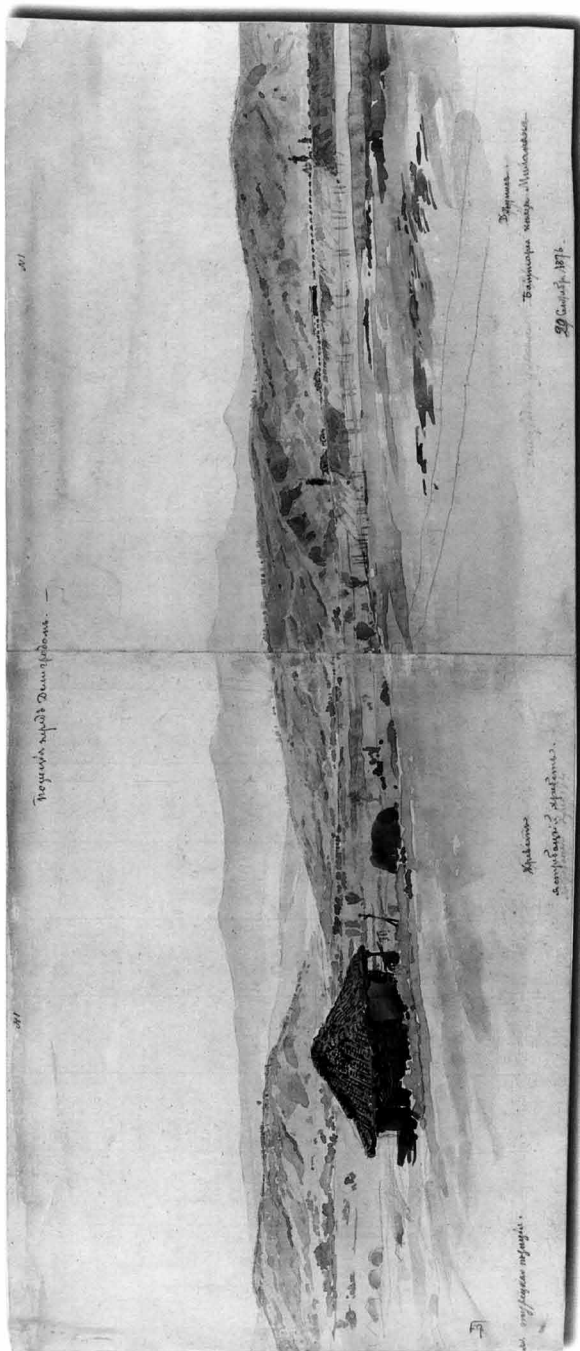
«Болгары — те гораздо симпатичнее сербов и имеют много общего с нами, русскими. Правда, что вековое турецкое давление сделало из них людей робких, боязливых и забитых, но по натуре они несравненно тоньше и восприимчивее деревянных сербов. Сербы апатичны, ленивы, нерасторопны, болгары же, напротив, трудолюбивы, изобретательны и ловки во всяком деле, и какая богатая страна эта Болгария, впрочем, и Сербия природой не обижена, Вы в этом сами могли убедиться, ехавши сюда».

Я его стал расспрашивать об военных действиях: «Несмотря на наши поражения, мне кажется, что мы одержали пассивную победу. Турки дальше не идут. Благодаря ли бездарности пруссака Осман-паша⁶⁶ или просто трусости турок, но мы с нашими слабыми средствами, с армией, в которой половина людей взята прямо от сохи и вооружена чуть не дубинками, удерживаем, удерживаем неприятеля, в три или четыре раза сильнейшего нас. Не будь на их стороне Англии, мы, может быть, теперь не тут бы были, вот это ружье (американское магазинное) дает восемнадцать выстрелов, не заряжая, и этим вооружены черкесы и башибузуки».

Подробно расспрашивал меня об России, об настроении общества и правительства, есть ли надежда получить от первого помощи?

65 Вопрос чести (фр.).

66 Осман Нури-паша (1832–1900) — турецкий военный министр, маршал, командовал турецкими войсками в битвах с сербами, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

В. Д. Поленов. Позиция перед Делиградом. Долина реки Моравы. 29 сентября 1876. Бумага, акварель. 19,5 × 46,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-гусецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 83. Местонахождение: ГТГ

Стыдно и нерасчетливо нашему правительству держать себя в таком официально холодном отношении к горячему движению, охватившему всю Россию. Мои намерения Михаил Григорьевич одобрил, указал, что именно делать, и обещал дать мне всякие пособия. Словом, я вышел от него совершенно им обвороженный, мне припомнился Кутузов в «Войне и мире»⁶⁷.

На другой день я явился к Дохтурову⁶⁸, новому начальнику штаба. Принят был им совершенно не так, как накануне. Он был со мной изысканно любезен. Он показал и рассказал, что мне нужно делать, обещал дать лошадь и двух ординарцев, поручил своему помощнику все это исполнить и т[ак] д[алее]. Ничего этого, разумеется, не исполнилось, так как там вообще мало что исполнялось, всякий действовал больше по вдохновенью, но, несмотря на это, и за доброе намеренье спасибо.

1-го октября. Поутру идет канонада, впрочем, небольшая, так, от скуки. На нее мало обращают внимания. Днем бродил по окрестностям Делиграда в тылу армии. Что за живописная путаница, какого только народу там нет, но прекрасный пол почти отсутствует. Разговорился с выздоравливающим русским офицером, тяжело подействовал на меня его рассказ.

«16 числа я чуть было не остался в турецких шанцах, мы двое шанец прошли и подходили к третьим, когда я упал — пуля попала мне в пах, при операции оказалось, что я был ранен навывлет, в это время неприятельский огонь так усилился, что сербы не устояли и побежали. Сербы при конце сраженья, т[о] е[сть] когда они бегут, не выносят раненых, а оставляют их на гуманное благоусмотрение турок. Я прошу, умоляю — не действует, предлагаю пять дукатов — тщетно, десять дукатов — то же самое, наконец, двадцать дукатов... подействовало, взяли на ружья и вынесли. Но представьте их наивность,

67 Имеется в виду одна из сцен встречи Андрея Болконского с Михаилом Кутузовым в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», подчеркнутая неравнодушное и чуткое отношение военачальника к своему адъютанту. (вероятно, в 16-й главе второй части третьего тома, где Кутузов сказал князю: «...помни, что я всей душой несу с тобой твою потерю и что я тебе не светлейший, не князь и не главнокомандующий, а я тебе отец. Ежели что нужно, прямо ко мне»).

68 Дмитрий Петрович Дохтуров (1838–1905) — русский генерал, участник сербско-турецкой войны, русско-турецкой и кавказской войн, внук героя 1812 года Д. С. Дохтурова.

В. Д. Поленов. Встреча с башибузуками и черкесами. 8 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,7 × 24,5. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 116. Местонахождение: ГТГ

ротный командир, который распоряжался моим спасением, является на другой день к главнокомандующему и требует у него обещанные мною 20 дукатов. Вышел ужасный скандал. Черняев, говорят, страшно рассердился, тотчас же отдал просителя под суд и хотел, чтобы его для примера наказа[ть] по-военному, а между прочим послал спросить у меня, что я об этом думаю. Я велел сказать, что прошу не только что помиловать наивного ротного командира, но как можно скорее отдать ему обещанные мною деньги, ибо в противном случае русские добровольцы потеряют всякую возможность быть подбираемы на поле».

За ужином послышались сначала редкие выстрелы из орудий, которые постепенно учащали. Все переглянулись. Через несколько минут вошел дежурный ординарец и подал главнокомандующему де-

пешу. Прочтя ее, он сказал что-то начальнику штаба, который вскочил и выбежал. Канонада все усиливалась. Минут через пять взмошел начальник штаба, вернулся с донесением. Черняев встал и вышел, за ним бросились все. Турки почему-то открыли огонь из орудий почти по всей линии.

Вечером он представляет довольно красивое зрелище: блеснет молния, через несколько минут глухой раскат, а потом более слабый удар — это разрыв снаряда.

Поскакали ординарцы в разные стороны. Мы взобрались на пригорок, чтобы лучше видеть спектакль, толки, догадки, объяснения.

Оказалось, что в Бабавиште⁶⁹ заметили наших охотников, отправившихся на рекогносцировку, и открыли пальбу, наша батарея ответила, и пошло писать. Впрочем, скоро пальба стала затихать, было велено ехать на наши батареи с приказанием не отвечать. Как только мы замолчали, турки тоже стали умолкать, и через час все стихло.

Не успели успокоиться от тревоги, как показалось пламя, послышались крики: «Пожар!» Действительно, в середине штаба загорелся шалаш (шалашаи и бараки штаба были сделаны из досок, соломы и камыша, поэтому занялось как порох). Опять суматоха, команда, крик, ржанье лошадей, пальба патронов, которых находилось множество в каждом шалаше, и наконец разрыв турецкой гранаты, поднятой на поле и оставленной неразряженной. К счастью, ветер, который был довольно силен при закате, теперь стих, и понемногу огнем овладели. В нашем шалаше помещалось четверо, пришлось поместить еще пятерых и погорельцев, вышло немного тесновато, зато весело. Рассказы продолжались чуть не до самого утра. Кто утверждал, что подожгли турецкие шпионы, зная, что в Делиград привезен динамит. А по другим и, кажется, более достоверным сведениям, пожар начался с барака Хлудова⁷⁰, который специально занимается питьем.

2 октября. Надоело мне слоняться в Делиграде. Жду все распоряжений. Кончу тем, что сам распоряжусь, по примеру других. Предложили мне поехать на ближайшую позицию, я принял с удовольствием; достали коней и отправились. День чудный, безоблачный, жаркий, как у нас в июне. Спускаемся в долину, в лесу расположены войска и передовая цепь. Солдатики у костров варят себе обед, всюду оживленный

69 Бобовиште — деревня в Сербии неподалеку от Делиграда.

70 Вероятно, Михаил Алексеевич Хлудов (1843–1885) — русский военный и предприниматель, был дружен с М. Г. Черняевым.

В. Д. Поленов. Долина Великого Шелиговца с батареи св. Ангела. 9 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,5 × 24,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии : альбом. 2021. С. 123. Местонахождение: ГТГ

говор, но подвод, кол и всякого нагромождения, как за Делиградом, тут уже нет; стоит рота в строю и обучается отражению кавалерийской атаки. Кое-где слышен русский говор. Русские офицеры подходят с расспросами, нет ли чего новенького. Турок уже не видать, хотя мы теперь очень близко от них. Поехали потом на батарею, но нас туда не пускают, требуют или отзыва, или письменное разрешение, а мы не запаслись ни тем, ни другим. Вернулись домой, но прозевали обед, пошли в кафану, там тоже остатки, пришлось удовольствоваться «паприкоша» — похлебка из капусты и перцу — любимое кушанье сербов, остаточками жареного поросенка под названьем «свинско печенье».

Вечером в одном из барачков, куда собрались пить чай, я познакомился с молоденьким ординарцем замечательной красоты. Происхож-

дения он болгарского, найден был в разрушенной деревне, привезен в штаб и произведен в ординарцы. Я редко видел что-нибудь более прелестного этой головки. Впоследствии я узнал, что ординарца этого разжаловали за какие-то провинности в сестры милосердия и отправили в Белград в госпиталь ходить за больными.

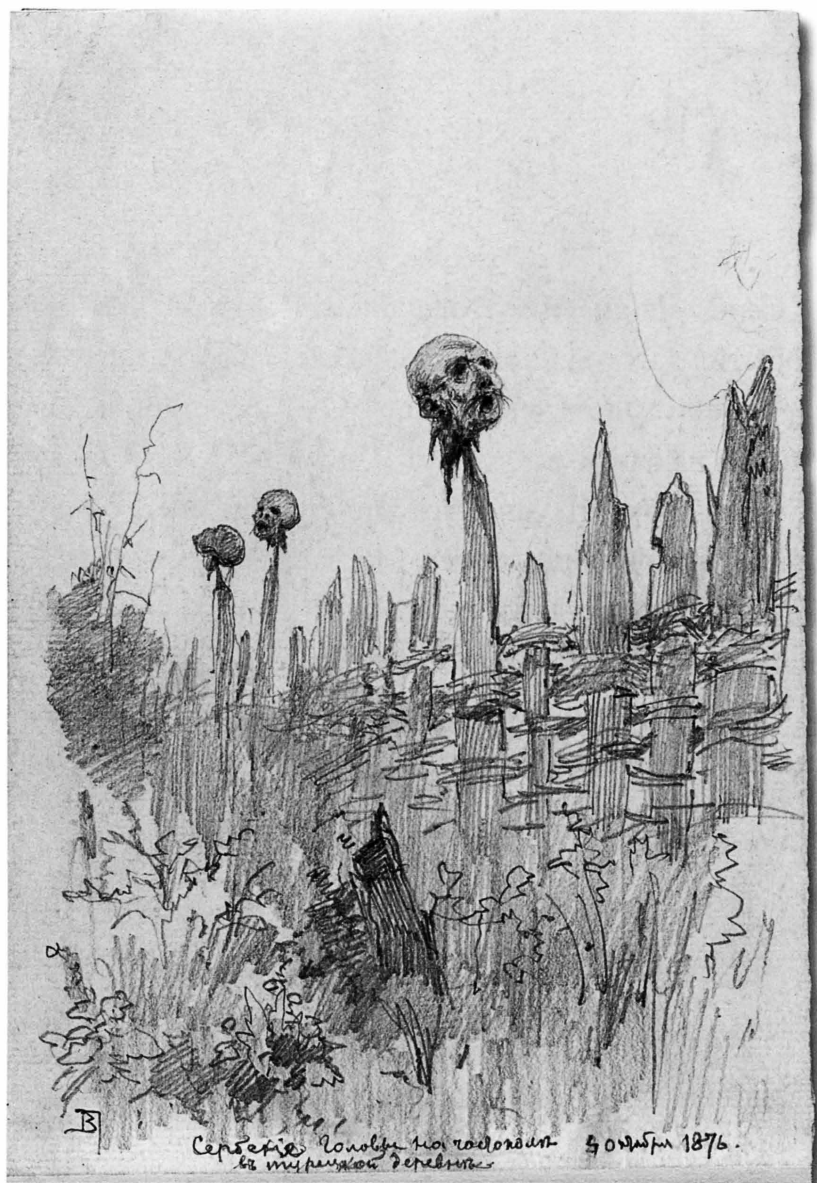
Между прочим, говорили, что Дохтуров от имени главнокомандующего наложил строжайший запрет в лагерное военное время на две вещи, во-первых, на женщин, а во-вторых, на карты. Действительно, в последнее время карточная игра дошла в штабе до крупных размеров, даже шулерства. Приказ главнокомандующего остался без исполнения.

3 октября. Сегодня совершенно неожиданно встретил Ржевудского⁷¹. Очень друг другу обрадовались, зовет с собой на позицию к Андрееву в село Вукань, на крайний правый фланг. Я очень доволен этим предложением, ибо, в конце концов, жить при штабе, когда приехал узнать, что такое есть война, скучновато. Пошел к начальнику штаба отпроситься на позицию, Дохтуров согласился и даже нашел, что это прекрасно и что даже это лучшее, что я могу сделать. Ну и прекрасно, постараемся сдела[ть] лучшее, что можем. Я приготовился. Надо было выехать в 12, но кола прибыла только в 3 часа. Кое-как поместились, не то лежа, не то сидя, и тронулись. Кола узкая, полужакрытая, лошади измученные, еле-еле потащили. Всюду по сторонам дороги солдаты, шалаши, костры, ружья в козлах, изредка укрепленьца и орудия. Переправившись через Мораву по понтонному мосту, очутились на правом фланге позиции. Думали доехать засветло до Вукани, но не успели. Пришлось остановиться в Шелиговаце⁷² и переночевать. Пошли на перевязочный пункт к доктору Щербаку⁷³ просить ночлег. Самый дружеский прием и незатейливый ужин. Тут опять между его

71 Здесь и далее В. Д. Поленов вычеркнул фамилию «Ржевудский» и вписал вместо нее «Дубровский», вероятно, в связи с непростым положением в обществе Ржевудского, вынужденного в эти годы подать в отставку. Людомир Александрович (Адам Адамович) Ржевуский (Ржевусский) (1848–1932) — генерал от кавалерии. Как солдат сербской армии принимал участие в сербско-турецкой войне 1876–1877 гг.

72 Вероятно, Велики-Шильеговац — пригородный поселок сербского города Крушевац.

73 Александр Викторович Щербак (1848–1894) — русский врач-хирург, принимал участие в сербско-турецкой войне в составе отряда Красного Креста.

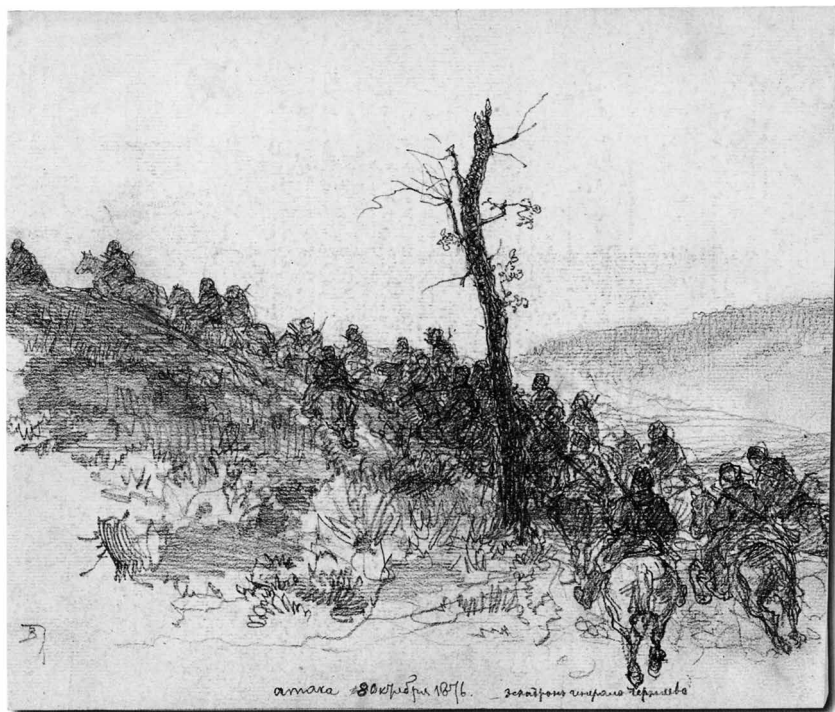
В. Д. Поленов. Сербские головы на частоколе в турецкой деревне. 4 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 19,3 × 13,4. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 111. Местонахождение: ГТГ

помощниками и помощницами нашелся знакомый. Щербак между прочим рассказывал про Токарева и компанию. Возмущен их нечестным отношением к делу. Вообще Токаревы père et fils⁷⁴ не пользуются здесь хорошей репутацией. И действительно, они приехали сюда, чтобы выслужиться на помпадурский манер, ну и оказалось, что помпадурство тут неуместно. За то и клянут они Сербию, что это не государство, а какой-то хаос, что тут ничего нельзя сделать, что они не имеют понятия об администрации и т[ак] д[алее]. Между прочим, тут минер Шпоковский (который потом пропал без вести) рассказывал про динамитовые интриги, которые он подводит туркам.

4 октября. Рано поутру поднялись и отправились в путь. Чем дальше от Шелиговаца, тем все становится безлюднее, шалаши и солдатики попадают все реже и реже, а местность становится все красивее и красивее. «Если бы турки не были бы такие трусы, они давным-давно могли бы нас отрезать и перерезать, мы ведь совсем отдалены от армии». Ну, думаю, это не входило в программу моего путешествия, кабы не вошло бы, чего доброго. Наконец, после нескольких все увеличивающихся подъемов подъехали к оврагу, спустились в него, остановились перед небольшим домиком. «Вот мы и в Вукани, пойдёмте, я представлю Вас начальнику».

Вукань состоит из нескольких мазанок, разбросанных по тропинкам и окруженных фруктовыми садами. У одной из мазанок небольшая площадка, на ней стоит сербский трехцветный флаг. Эта мазанка есть квартира полковника Андреева, начальника летучего передового отряда, состоящего из эскадрона драгун (имени генерала Черняева), батареи из двух горных орудий, двух чет черногорцев и четы сербов, всего вместе людей до четырехсот. На склоне оврага стоят коновязи и солдатские шалаши. Под навесом устроен стол и лавки, сидят несколько офицеров. Ржевудский представил меня, с некоторыми из офицеров я и раньше был знаком. Ждут обеда и рассуждают об том, чем сегодня угостит их капитан (капитан штаба заведует кухней). Ржевудский был послан в Делиград с донесением об последней экспедиции, очень удачной, и привез некоторым офицерам медали, а Андрееву Таковск[ий] крест. Пошли расспросы об России, об положении дел и т[ак] д[алее]. Вообще я заметил, что на позициях очень мало знают, что происходит вокруг. Поэтому новому человеку на позиции очень рады, все-таки развлечение. Ан-

74 Отец и сыновья (фр.).

В. Д. Поленов. Атака. Эскадрон генерала Черняева. 8 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,5 × 22. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 117. Местонахождение: ГТГ

древей и его сподвижники устроились в Вукани очень уютно и хозяйственно. Позиция превратилась в русское поместье. Избушка с двумя комнатами, первая — большая, курная, собственно комната офицеров, и вторая — маленькая, где помещался начальник с адъютантом. Обзавелись хозяйством, взяли у турок в плен несколько людей, гусей и баранов, которые оказывали много пользы. Здесь мирно, спокойно, ни хлопотни, ни суеты, ни интриг, как в Делиграде. Находится Вукань на юго-восточном склоне Ястребацкого хребта⁷⁵ и составляет крайнюю позицию правого фланга. Отсюда

⁷⁵ Ястребац — гора в центральной Сербии, состоящая из двух массивов — Великого и Малого Ястребаца.

Андреев спускается в долину Сербской Моравы, делает неприятности туркам в виде жжения деревень, отнятия обозов и взрывания мостов и исчезает в горы.

Подступающее обеденное время заставляет желудок все более и более возбуждаться, начинается ропот, что обед всегда опаздывает, что капитан занят совсем другим, что следовало бы ему сделать внушение и т[ак] д[алее]. Андреев успокаивает нетерпеливых подчиненных. Наконец появляется суп. Его встречают громкими возгласами. Молоденький поручик Герасимов⁷⁶, первый школьник в эскадроне, и флегматический, но остроумный майор Роп⁷⁷ начинают приставать к капитану: «Отчего Вы так долго не подавали суп, крупа разварилась так, что каша какая-то вышла. Вы, вероятно, этим делом никогда не занимались, а беретесь за него, ведь это ни на что не похоже».

Капитан начинает оправдываться:

— Извините, господа, в Вильне сам Николай Михайлович Муравьев⁷⁸, сын Михаила Николаевича⁷⁹, 9 сентября 67 года изволил похвалить меня за кухню. Вы может бы[ть] слышали когда-нибудь про эту знаменитую фамилию? — любезно обращается он ко мне.

— Нет, никогда не слышал, в первый раз от Вас слышу.

— Так-с — но в Вильне, где я служил, эта фамилия была очень известна.

— Господа, капитан своими интересными рассказами об похождении в Вильне хочет заговорить нас, чтобы мы забыли непривлекательность супа.

— Извините, господа, я рассказываю новоприезжему некоторые подробности, которые вам уже известны.

— Вы уже рассказывали об девятом сентября пятьдесят с половиною раз.

— Извините, господа, я никогда пятидесяти с половиною раз...

76 Здесь В. Д. Поленов вычеркнул фамилию «Герасимов» и вписал вместо нее «Карасев».

77 Здесь и далее В. Д. Поленов вычеркнул фамилию «Ропп» и вписал вместо нее «Кириллов». Возможно, Николай Васильевич фон дер Ропп (1848–1916) — барон, генерал от кавалерии.

78 Николай Михайлович Муравьев-Ковенский (1819–1867) — граф, политический деятель.

79 Михаил Николаевич Муравьев-Виленский (1796–1866) — граф, политический и военный деятель.

В. Д. Поленов. Присоединение к правому флангу. Турецкая батарея желает нам сделать неприятность. 8 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20,5 × 24,7. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 119. Местонахождение: ГТГ

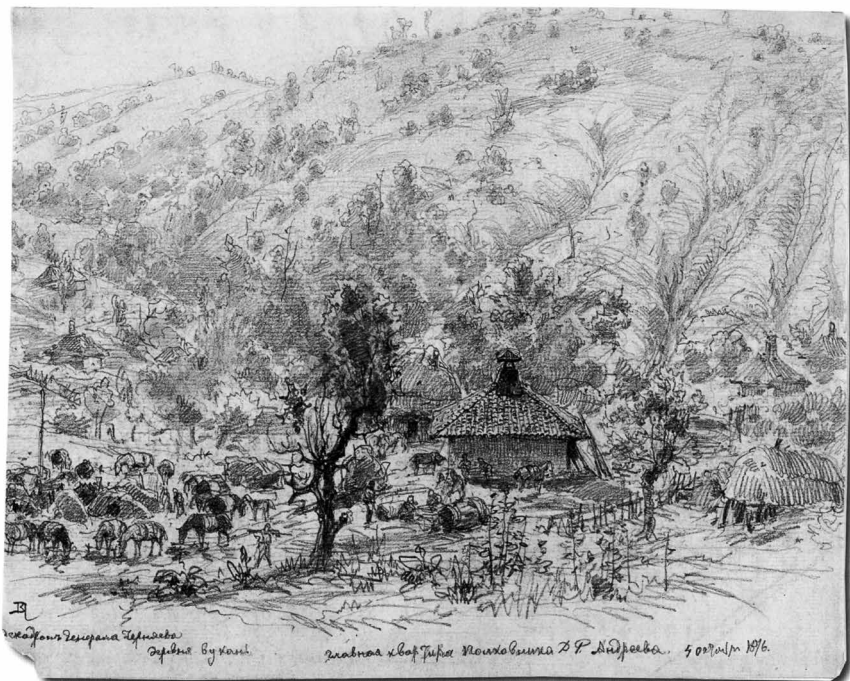
— Ну, полноте, господа, ссориться. Добрейший капитан, это они из зависти к Вам на Вас нападают. А я так нахожу, что обед не только [не] худой, а просто на славу изготовлен. Я думаю, такого обеда сам король србский никогда не едал.

— Какой король србский, я так думаю, что самого римского нунция при китайском дворе не кормят такими обедами.

Капитан начинает скромно улыбаться и стыдливо опускает глаза.

— Правда, суп недурен, но у Дюссо и у Бореля⁸⁰ раз как-то был лучше, этого опровергнуть никто не дерзнет.

⁸⁰ Имеются в виду элитные рестораны Дюссо и Бареля, существовавшие в Санкт-Петербурге в XIX — начале XX в.

В. Д. Поленов. Главная квартира полковника Д. Р. Андреева. 4 октября 1876. Бумага, графитный карандаш. 20 × 25,2. Публикуется по изданию: Василий Поленов: сербская война глазами русского художника: к 145-летию Первой сербско-турецкой войны (1876–1878) и русского добровольческого движения за освобождение Сербии: альбом. 2021. С. 101. Местонахождение: ГТГ

Все присоединяются к этому мнению, говоря, что действительно не дерзают опровергать, начинают опять приставать к капитану и требуют отчета.

— Извините, господа, Дисо и Барель обладают более обширными средствами, чем я: лавровым листом и некоторыми кореньями, которыми они пользуются для приправы и кладут в бульон, но Николай Михайлович Муравьев...

— Знаем! Знаем, 9 сентября Вас похвалил!

— Да-с.

— Это ничего не доказывает, да и может быть в аллегорическом смысле, какую капитан сегодня аллегория подпустил, чудо... я никак не ожидал.

— Что такое, сообщите нам, ведь это не каждый день бывает!

— А вот что: мы стоим и толкуем с майором, вдруг подходит капитан, таинственный вид его меня сначала напугал, но капитан меня тотчас же успокоил и сообщил секрет, который мне в некотором роде талисман, и какой талисман, представьте себе, от всех болезней, а главным образом от одной, и так как известно, что военное сословие часто страдает этой болезнью, то в видах общественной пользы я Вам его сообщу.

— Сообщите, сообщите!

— Дело вот в чем: надо сказать в самый момент: чирибириби, чирибирибо, чирибирибу... и никогда никакая болезнь не пристанет.

Все находят талисман капитана гениальным, хотят его короновать после обеда венком и послать его портрет в «Иллюстрацию»⁸¹.

— Извините, господа, дело не так было. А с Вашей стор[он]ы, майор, очень нехорошо свои слова приписывать невинному человеку, я, господа, никогда не говорил «чирибириби», а сказал это слово сам майор Роп на кухне, при свидетелях, при капитане Арском и майоре Берге⁸², они могут сами Вам засвидетельствовать.

— Действительно, господа, я с Арским были на кухне и сами слышали, как капитан сообщил свой секрет майору.

— От Вас, майор Берг, я этого, признаюсь, не ожидал. Я думал, что русский офицер никогда не лжесвидетельствует, оно не только неприлично, но и грешно.

Составляется военный совет, пускают вопрос на голоса: мог ли капитан сказать «чирибириби» или не мог. Все единогласно приходят к заключению, что капитан мог сказать «чирибириби», потому что глупый человек, как я, например, сказал бы что-нибудь вроде «кукукуку» или «кикикики», а капитан, как человек далеко не глупый, сказал «чирибириби», слово и умное и, по всей вероятности, весьма полезное. Капитан, совершенно обиженный, встает и уходит, за ним бегут, просят прощенья, уверяют, что больше не будут на него клеветать, что хотели только испытать твердость его характера и убеждений, наконец, с триумфом приводят назад, и история начинается снова...

После обеда Андреев предложил мне ехать с поручиком Ведринским в разъезд на аванпосты. Надо было передать медаль одному офицеру, находящемуся там, и посмотреть на неприятельское расположе-

⁸¹ Скорее всего, имеется в виду журнал «Русская иллюстрация» — он же журнал «Пчела», в котором публиковались военные рисунки и заметки В. Д. Поленова.

⁸² Александр Александрович Берг — русский майор кавалерии, участник сербско-турецкой войны.

ние. Чудесные картины, дорога вела сначала по берегу горного потока, потом вошла в старый буковый лес оригинального колорита, толстые стволы деревьев были пепельно-седого цвета, а земля была устлана темно-красным обвалившимся листом. Перевалив через гору и проехав сербскую границу, которая идет по самой вершине Ястребаца и отделяет Сербию от Турции низеньким каменным забором, перед нами открылся обширный вид долины Сербской Моравы, по ней рассыпаны беленькие полуразрушенные деревни, одна дымилась, она была подожжена накануне нашим эскадроном, и вдали у подошвы двуглавой горы Ртон⁸³ белой точкой виднелся Ниш. Исполнив поручение, мы миновали передовые пикеты и спустились в долину. Турок нигде не было, но следы их остались. Проезжая по разрушенной деревне, мы увидели несколько сербских голов на кольях, между ними была одна женская. Когда мы взобрались опять на гору, было уже темно, пришлось спешиться и вести лошадей в поводу. Сделав заворот, мы увидели весь турецкий лагерь как на ладони, он ярко пылал кострами, в середине находился правильный освещенный четырехугольник, вероятно, главная квартира, доносились звуки военной музыки.

Дневники В. Д. Поленова. ОР ГТГ. Ф. 54. Ед. хр. 1–3. Рукопись. Черновик.

Источники и литература

Отдел рукописей Государственной Третьяковской галереи (ОР ГТГ).

Поленов В. Д. Дневник русского добровольца. От Киева до Делиграда // Пчела. 1877. № 9. С. 135–138; № 10. С. 152–153.

Сахарова Е. В. Василий Дмитриевич Поленов и Елена Дмитриевна Поленова. Хроника семьи художников / ред. А. И. Леонов. М.: Искусство, 1964. 839 с.

Толстой Л. Н. Анна Каренина. М.: Правда, 1978. 496 с.

References

Sakharova, E. V. *Vasilii Dmitrievich Polenov i Elena Dmitrievna Polenova. Khronika sem'i khudozhnikov*, ed. by A. I. Leonov, Moscow: Iskusstvo, 1964, 839 p.

83 Ртань — гора в Сербии в 50 км севернее города Ниш.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.01

А. А. Фомина

Vasily Dmitrievich Polenov at the Serbian-Turkish War of 1876

Alexandra A. Fomina

Research fellow

State Tretyakov Gallery

119017, Lavrushinsky Lane, 10, Moscow, Russian Federation

E-mail: sashafomina@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8545-2150

Citation

Fomina A. A. Vasily Dmitrievich Polenov at the Serbian-Turkish War of 1876 // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 304–352 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.01

Received: 16.11.2021

Abstract

The war diaries of the Russian artist Vasily Dmitrievich Polenov, fully published for the first time, is a unique source of historical, ethnographic and cultural knowledge about the Serbian-Turkish conflict, in which Polenov took part in the fall of 1876. The study of the manuscripts makes it possible through the eyes of a painter to see different sides of Serbia's confrontation with the conquerors, the mood among participants of the war, national features of the life of the Serbs. The diaries kept in the Department of Manuscripts of the State Tretyakov Gallery are accompanied by rich pictorial material, parts of which are kept in the Tretyakov Gallery, the Polenovo Museum-Reserve and the Russian Museum.

Keywords

V. D. Polenov, Serbia, Belgrad, Serbian-Turkish war, diaries.

Тайные договоры генерала Я. А. Слащева-Крымского с украинскими националистами в 1921 г.

Ганин Андрей Владиславович
Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: andrey_ganin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8602-1990

Цитирование

Ганин А. В. Тайные договоры генерала Я. А. Слащева-Крымского с украинскими националистами в 1921 г. // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 353–374. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.02

Статья поступила в редакцию 22.12.2021.

Аннотация

В статье впервые публикуются и анализируются секретные договоры, заключенные представителями генерала Я. А. Слащева в Германии и украинскими националистами из украинского вольноказачьего движения в 1921 г. о возможном вторжении на территорию Советской Украины.

Ключевые слова

Я. А. Слащев, Украина, Советская Россия, эмиграция, вольноказачье движение.

После выхода монографии автора этих строк о сложной и противоречивой фигуре генерал-лейтенанта Якова Александровича Слащева-Крымского (29.12.1885–11.01.1929)¹ удалось обнаружить ряд важных дополнений, позволяющих лучше понять некоторые эпизоды его биографии.

Среди наименее изученных периодов жизни генерала Слащева — его пребывание в Константинополе в 1920–1921 гг., после которого он

¹ *Ганин А. В.* Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. М., 2021.

неожиданно уехал в Советскую Россию. Только что возникшая русская эмиграция бурлила — одни беженцы пытались выжить, искали заработок и пропитание, другие мечтали о военном реванше, третьи участвовали в различных шпионских играх и комбинациях, четвертые, разочаровавшись в борьбе, стремились вернуться в Россию.

Среди тех, кто находился в постоянных поисках и метаниях, оказался деятельный и честолюбивый генерал Слащев. С одной стороны, он искал средства к существованию, с другой — вел сложную политическую игру с враждебными друг другу силами. Слащев безрезультатно пытался сблизиться с турками, поддерживавшими Мустафу Кемалю. Потерпев неудачу, вступил в некую «Народно-монархическую партию», с которой затем разошелся. Вел переговоры с константинопольской еврейской сионистской организацией по вопросу о создании русско-еврейской лиги по борьбе с погромами. Скорее всего, Слащева интересовали возможности получения финансирования, но Центральный комитет сионистов в Париже отверг эти просьбы, после чего Слащев потерял интерес к сотрудничеству. Наконец, в феврале 1921 г. генерал вступил в тайные переговоры с советскими представителями о возвращении в Россию, что в итоге и произошло в ноябре того же года.

Помимо этого Слащев контактировал и с украинской диаспорой, пытался сотрудничать с Украинским национальным комитетом (УНК). Контрагент Слащева инженер А. В. Адисевич, в прошлом близкий к народолюбцам, обещал генералу пост командующего украинской армией. Обладал ли Адисевич необходимыми полномочиями для такого рода предложений, неизвестно. Также в литературе упоминается о том, что с февраля по май 1921 г. Слащев участвовал в тайных переговорах о совместных действиях с представителем УНК полковником А. А. Сахно-Устимовичем (с его деятельностью Слащев был знаком еще в Крыму в 1920 г.²)³. Впрочем, документальное подтверждение этого нам неизвестно. Отметим, что Сахно-Устимович в 1921 г. находился в Румынии и Германии. По линии УНК дальше обещаний дело не пошло. В то же время украинцы дали Якову Александровичу средства на издание его брошюры против генерала П. Н. Врангеля («Требуя суда общества и гласности»).

² *Слащев-Крымский Я. А.* Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 187, 189, 190.

³ *Романенко С. О., Романенко О. Л., Воронін В. М.* Історія українського козацтва. Енциклопедичний довідник. Харків, 2021. С. 583.

При подготовке книги еще не было известно, что переговоры с УНК были не единственной попыткой Слащева взаимодействовать с украинскими эмигрантскими организациями. Как оказалось, в фондах Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ) в Киеве, а также в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в Москве сохранились копии договоров Слащева с представителями украинского вольнокозачьего движения в эмиграции. Факт подписания подобных документов упоминался в литературе⁴, но сами договоры прежде не публиковались ни на украинском, ни на русском языке. Экземпляры ГАРФ и ЦДАВОУ в целом идентичны, но первый содержит рукописные исправления, внесенные в киевский экземпляр в машинописном виде⁵. Документы публикуются по киевскому экземпляру. Для этой публикации они впервые переведены с украинского языка.

Если знать характер деятельности Слащева в период Гражданской войны как одного из главных архитекторов победы белых осенью 1919 г. над украинскими войсками, эти документы не могут не удивлять. Тогда, обращаясь к бойцам Украинской Галицийской армии (УГА), Слащев отметил: «До того времени, пока вы не откажетесь от Петлюры, провозгласившего раздробление России, и не сложите оружия для жизни у нас или ухода к себе, русские люди будут драться»⁶. Действия Слащева (в частности, успешно проведенная им Гайсинская операция) сыграли важную роль как в поражении армии Украинской народной республики (УНР), так и в переходе УГА на сторону белых в ноябре 1919 г.

Украинское направление интересовало генерала Слащева и в 1920 г. Весной 1920 г. он в случае оставления белыми Крыма вынашивал план с отрядом в 700 человек уйти в крымские горы для ведения партизанской войны, после чего прорваться на Украину, чтобы спасти людей отряда⁷.

4 Лободаєв В. М. Революційна стихія. Вільнокозацький рух в Україні 1917–1918 рр. Київ, 2010. С. 276–277; Романенко Є. О., Романенко О. Л., Воронін В. М. Історія українського козацтва. С. 583; Терещенко Ю., Осташко Т. Український патріот із династії Габсбургів. Київ, 2011. С. 88.

5 Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-5889. Оп. 1. Д. 14. Л. 400–405.

6 Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (Центральний державний архів вищих органів влади та управління України, далее — ЦДАВОУ). Ф. 2188. Оп. 2. Д. 115. Л. 11.

7 Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы. М., 1990. С. 69.

21 августа (3 сентября) 1920 г. он направил главнокомандующему Русской армии генералу П. Н. Врангелю рапорт о том, что Украина имеет большой потенциал для комплектования армии⁸, а уже 23 августа (5 сентября) разработал план овладения правобережной Украиной до линии Днепра⁹. Стратегической целью Слащев считал образование единого антибольшевистского фронта с польскими войсками, создание «двойной охватывающей базы сухопутной (на западе) и морской (на юге)»¹⁰ и получение нового источника пополнений. Слащев предлагал идею сухопутной связи с Западной Европой через Румынию и Галицию, освобождение Украины от большевизма и создание украинской государственности на федеративных началах с южнорусской (т. е. белой) властью в «противовес самостоятельному течению петлюровской группы»¹¹.

Замысел Слащева предусматривал высадку десанта у Очакова, занятие Николаева и Херсона, форсирование Днепра у Каховки. Большие надежды генерал возлагал на антибольшевистское повстанчество в Приднепровье и в Бугском районе. К плану прилагалось примечание о совместных действиях с армией УНР:

При соглашении с главным командованием укр[аинской] армии и при помощи французского представительства в Бухаресте возможно допустить переброску украинских частей через Румынию по ж[елезной] д[ороге] Черновцы — Кишинев — Тирасполь для совместных действий с нашими войсками, причем для переброски потребуется около 3-х недель.

В этом случае сосредоточение украинских войск в районе Тирасполя может оказать существенную поддержку как в операциях к Одессе, так и к обеспечению левого фланга нашего стратегического фронта по линии Вознесенск — Ананьев — Балта...

По мере развития военных операций формируются части Запорожского казачьего войска и регулярные части из немцев-колонистов, для чего в соответствующих отрядах должны находиться кадры для этих формирований¹².

Генерал предполагал, что в Херсонской, Екатеринославской и Полтавской губерниях можно рассчитывать на 100 000 человек,

8 Там же. С. 188–190.

9 ГАРФ. Ф. Р-6217. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3об.

10 Там же. Л. 1.

11 Там же.

12 Там же. Л. 3.

а также на 30 000 немцев-колонистов, а с занятием Киева — и на 200 000 человек¹³.

В других проектах тех дней (сентябрь 1920 г. по новому стилю) Слащев предлагал белым признать автономию Украины в рамках общероссийской федерации, образовать «украинскую общественно-национальную единицу» — Народную громаду, созвать съезд украинских организаций и украинцев, бежавших в Крым, создать при главнокомандующем Совет по украинским делам, организовать на Украине украинскую армию (в подчинении генерала П. Н. Врангеля), а в Крыму — украинский десантный отряд для организации повстанцев. В качестве флага предлагался желто-синий украинский с российским триколором углом¹⁴. Слащев тогда выступал за создание «демократической правовой Украины на общероссийских федеративных основаниях»¹⁵. Проект был представлен Слащевым лично Врангелю, но, как и другие предложения, остался нереализованным. Таким образом, к началу эмиграции Слащев уже имел обширный опыт разработки планов продолжения борьбы, используя в качестве плацдарма украинскую территорию. Теперь очевидно, что эти проекты и планы он не забросил и в Константинополе.

С кем же Слащев шел на сотрудничество весной 1921 г.? Вольное казачество являлось украинской военизированной общественной организацией периода Гражданской войны. В 1920 г. его деятельность возобновилась в эмиграции в Германии. Здесь действовало Украинское национальное вольное казачье товарищество (УНВКТ), выступавшее за возрождение украинского государства. В 1921 г. в Вене была создана организация с похожим названием — Украинское национальное вольноказачье товарищество (УНВкТ) во главе с эрцгерцогом Вильгельмом Габсбург-Лотарингеном (Василем Вышиваным). УНВкТ имела очевидную монархическую направленность. К этой организации примкнул и один из лидеров вольных казаков, политический авантюрист, бывший соратник гетмана П. П. Скоропадского, полковник И. В. Полтавец-Остряница, включенный в Главную управу товарищества. Позднее Полтавец-Остряница эволюционировал во взглядах в сторону национал-социализма, подружился с А. Розенбергом и поддерживал контакты с русскими монархическими организациями. В качестве организации, с которой договаривался Слащев, в

13 Там же. Л. 3об.

14 *Слащев-Крымский Я. А.* Белый Крым 1920 г. С. 191–192.

15 Там же. С. 192.

документе указан Украинский национальный союз вольных казаков. Впрочем, возможно, это лишь неточный перевод текста документа с русского языка, а речь идет об УНВКТ.

В январе 1921 г. на Полтавца вышел германский полковник Кейхель (в прошлом служивший на Украине), имевший соответствующее поручение соратника А. Гитлера прибалтийского немца М. фон Шойбнер-Рихтера, занимавшегося объединением антибольшевистских сил. В Мюнхене Полтавец познакомился с Шойбнером. Шойбнер вместе с генералом В. В. Бискупским (соратником бывшего гетмана П. П. Скоропадского), также упомянутым в документах, были среди организаторов подпольной ультраправой организации Aufbau Vereinigung («Организация реконструкции»), действовавшей в Баварии в начале 1920-х гг. и объединявшей немцев и русских эмигрантов правого толка.

В феврале 1921 г. в Берлине состоялась встреча Шойбнера, Полтавца и Л. А. Бармаша как представителя Национальной украинской Рады в Германии. Началось сотрудничество Полтавца с В. Вышиваным.

Публикуемые документы относятся к апрелю — июню 1921 г. К сожалению, договоры сохранились не в подлинниках, а лишь в составе донесения доверенных лиц А. и Б. в дипломатический отдел посольства УНР в Германии от 30 июня 1921 г.

Часть сведений в документах зашифрована. Например, отмечено, что порученцами Слащева были некие А. и Б. Весьма вероятно, что это упоминаемые ниже в аналогичной роли Г. фон Гомейер и К. Э. В. Э. Г. фон Прощ.

Некоторые сведения в документах далеки от действительности. Например, указания на то, что Слащев являлся преемником генерала П. Н. Врангеля и главнокомандующим русских войск. Впрочем, возможно, подобное утверждение касалось непосредственно проекта вторжения на Советскую Украину, когда бы Слащев действительно занял такой пост.

Каким-то образом зашифрованный в донесении господин А. стремился наладить связь между Слащевым и Советской Россией, чтобы добиться возвращения врангелевцев на родину (в документе — почему-то к Мустафе Кемалю или на Советскую Украину)¹⁶. Далее следовали запутанные пояснения, что истинный план заключался во вторжении Слащева как авторитетного лидера белых на Украину, видимо, во главе возвращавшихся врангелевцев и в совместных действиях с украинскими повстанцами. В эти детали был посвящен только

¹⁶ ЦДАВОУ. Ф. 3619. Оп. 3. Д. 11. Л. 279.

Л. А. Бармаш¹⁷. Интересно, что в результате действий А. в Германию прибыл уполномоченный ВЧК Я. П. Ельский (Тененбаум). После этого Ельский ездил в Константинополь на переговоры со Слащевым.

Договоры были заключены 3 и 6 апреля 1921 г. в Берлине. Основное соглашение подписали германские представители Г. фон Гомейер и К. Э. В. Э. Г. фон Прош, являвшиеся уполномоченными Слащева, а с другой стороны Л. А. Бармаш как представитель Главной Генеральной управы Украинского национального союза вольных казаков (как уже упоминалось выше, возможно, речь идет об УНВКТ). Интересно, что в переговоры были вовлечены представители германских правых кругов, имевшие выход на генерала Э. Людендорфа, поддерживавшего национал-социалистов.

Как случилось, что немцы оказались представителями Слащева, неясно. Некоторая связь прослеживается лишь между Слащевым и фон Гомейером. Последний участвовал в Гражданской войне в России и был организатором формирования в 1919 г. Егерской стрелковой бригады из немецких колонистов Крыма. Скорее всего, он был знаком со Слащевым с того времени. По-видимому, фон Гомейер считался одним из экспертов по России. Не случайно в годы Второй мировой войны он служил чиновником администрации рейхскомиссариата Украина, причем написал в октябре 1943 г. министру А. Розенбергу письмо с критикой жестокостей нацистской оккупационной политики. Фон Прош был любовником и соратником лидера нацистских штурмовиков Э. Рема.

В первом документе было завуалировано упомянуто, видимо, Советское правительство (как правительство, известное обеим сторонам). Речь шла о подготовке базы для переговоров с этим правительством, в том числе во взаимодействии со Слащевым. Правительство должно было дать Слащеву и некоей его армии какие-то гарантии. Из документа неясно, о чем именно собирались вести переговоры украинские эмигрантские активисты с Советским правительством, коль скоро акция Слащева имела секретную антибольшевистскую сторону. По-видимому, речь шла о возвращении белых.

Дополнительный договор был заключен 6 апреля между теми же фон Гомейером и фон Прошем как уполномоченными Слащева, с одной стороны, и Л. А. Бармашом с И. В. Полтавцом-Острияницей, с другой.

Согласно этому договору Слащев обязался признать независимость и самостоятельность Украины, а Главную Генеральную управу Украинского национального союза вольных казаков считать будущим

17 Там же.

законным правительством Украины. Себя Слащев признавал союзником Украины, был согласен на сведение украинских войск в Европе и на Кавказе в особый корпус¹⁸. Далее речь шла о вторжении на Украину сил Слащева. Последний не должен был, по возможности, вмешиваться во внутренние дела Украины и украинской армии в период пребывания его войск на Украине. Главная Генеральная управа Украинского национального союза вольных казаков признавала себя союзником Слащева, обещала ему помощь и поддержку в период перехода войск Слащева через Украину. Таким образом, конечной целью было освобождение России от большевиков. План украинской части похода Слащев должен был выработать совместно с украинским главным командованием (кто его должен был составлять, неизвестно). Публикуемые документы свидетельствуют об определенной эволюции взглядов Слащева в эмиграции, его готовности сотрудничать с различными антибольшевистскими силами, в том числе враждебными Белой идее.

Подписав через посредников такой договор, Слащев продолжил переговоры с советскими представителями о своем возвращении в Советскую Россию, что, как уже отмечалось, и произошло в ноябре 1921 г. Генерал тогда прибыл в Россию с небольшой группой единомышленников. Взгляды Слащева и его окружения в эмиграции оставались антибольшевистскими, а идея возвращения в Советскую Россию, насколько можно судить, была связана с подготовкой реванша белых¹⁹. Следовательно, план вторжения на Украину под предлогом возвращения бывших белых на родину мог в самом деле существовать. При этом ни одна из сторон договора не имела в своем распоряжении вооруженной силы. Возможно, украинские представители рассчитывали на оказавшихся в Польше и Германии украинских ветеранов борьбы с большевиками, а Слащев надеялся на свою популярность среди белых, что, быть может, позволило бы ему объединить желающих ехать в Россию.

На то, что планы вооруженного выступления против большевиков на Украине существовали, указывают воспоминания однополчан Слащева:

По свидетельству генерала Д. П. Енько, Яков Александрович поверил обещанию, что ему будет дана дивизия на Румынском фронте, где ожидалась в этот момент осложнение с Румынией. Рассчитывая на популярность, которую Я. А. Слащев умел всюду быстро вызывать, он думал

18 Там же. Л. 282.

19 Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский. С. 151–154.

и здесь привлечь на свою сторону красные войска и поднять восстание при поддержке украинского населения, где он имел большие связи среди партизанских отрядов в низовьях Днепра. А. А. Иванову он также намекал на возможность поднять восстание на Украине и что для этого он собирается вернуться в Россию. Конечно, это только предположения, но очень правдоподобные, зная характер Якова Александровича. В своих расчетах, во всяком случае, он ошибся²⁰.

Разумеется, намеченный план оказался несбыточным. В тех событиях активно участвовали не только германские правые, но и советская агентура. Как выяснилось, Л. А. Бармаш являлся советским агентом и работал в направлении разложения украинской эмиграции, нейтрализуя деятельность тех организаций, с которыми сотрудничал, и провоцируя различные конфликты²¹.

Необходимо несколько подробнее охарактеризовать этого человека, являвшегося, судя по всему, международным авантюристом. Посольство УНР в Германии собрало о нем в 1921 г. некоторые сведения, впрочем, по-видимому, не во всем достоверные. Было известно, что Бармаш учился в Киевском политехническом институте. В годы Первой мировой войны, чтобы избежать военной службы, поступил в один из отрядов Земского союза на Юго-Западном фронте. Позднее оказался в Москве, где примкнул к анархистам М. В. Дальского. Ездил в Киев в 1918 г. на переговоры с украинскими анархистскими группами. Выполнял по заданиям советского дипломата Д. З. Мануильского и советского военного эксперта П. П. Сытина агентурные поручения в период их миссии в Киев. В 1919 г. командирован в Стокгольм на конференцию анархистов, которая не состоялась. Находился в распоряжении советского полномочного представителя В. В. Воровского. После высылки последнего остался в Стокгольме в качестве агента. Якобы поступил в распоряжение западноевропейского секретариата пропаганды, по заданию которого перебрался в Берлин. Устроился в украинское посольство в Стокгольме, предложив последнему переехать на Украину. Получив дипломатический паспорт, Бармаш отправился в Берлин, откуда ездил в командировки в Прагу, Будапешт, Вену.

²⁰ Сергеев Б. В. Создатели славы полка // Финляндец. Юбилейный номер. 1956. 12 (25).12. С. 92.

²¹ Пискун В. М. Політичний вибір української еміграції (20-і роки ХХ століття). Київ; Нью-Йорк, 2006. С. 288; Лободаєв В. М. Револуційна стихія. С. 277.

Затем Бармаш предложил свои услуги германским офицерам, а также начал сотрудничать с германской печатью правого толка. В середине 1920 г. он получил задание вести разведку правых германских кругов в советских интересах. По информации, полученной украинским посольством, Бармаш «всеми мерами старался спутать взаимоотношения различных германских групп на почве украинского вопроса»²². Он стал референтом германского политика ультраправого направления графа Э. Ревентлова по украинскому вопросу. Кроме того, продал большевикам за 220 000 марок секретный франко-чешский договор, добытый им через бывшего немецкого агента в Румынии Фенарри (тот познакомился с Бармашом в Будапеште). Все ли достоверно в подобном послужном списке, вопрос открытый.

Как далее отмечалось в сведениях украинского посольства,

в то же самое время Бармаш занялся разведывательной работой в украинских кругах... В конце [19]20 и [19]21 года Бармаш считался самым влиятельным и компетентным агентом у большевиков в делах немецких правых групп и абсолютным авторитетом в украинском вопросе... В украинском вопросе Бармаш сыграл в последние месяцы выдающуюся роль, сумев перессорить все правые украинские течения и создать непримиримое отношение между ними и немецкими и русскими правыми группами. От большевиков им была получена задача не допустить соглашения между правыми украинскими партиями, немцами и русскими, которое создало бы единый фронт против большевистской Украины. В дальнейшем он должен был в отдельности скомпрометировать каждую из украинских партий, доказать их несостоятельность и поставить германских промышленников перед неизбежностью вести торговые сношения с советской Украиной. Граф Ревентлов на съезде в Рейхенгалле²³ явился не чем иным, как послушным орудием в руках Бармаша, который и до настоящего времени продолжает влиять на Ревентлова, главным образом теми легендарными данными и сведениями, которые он дает графу о мировом заговоре масонов. К партии коммунистов Бармаш не принадлежит. Его отношения с Полтавцем-Остриницей²⁴, Румянцевым и др[угими] исключи-

22 ГАРФ. Ф. Р-5889. Оп. 1. Д. 14. Л. 252.

23 Речь идет о первом международном съезде русских монархистов в Германии, проходившем в курортном местечке Рейхенгалль в Баварии 29.05–06.06.1921 г.

24 Так в документе.

тельно официальные. Насколько известно, ни тот, ни другой никаких средств от Бармаша не получали²⁵.

Договор, заключенный при участии такого человека, был заведомо неосуществим, а план вторжения под предлогом мирного возвращения врангелевцев изначально должен был стать известен в Москве. Тем не менее эти документы проясняют настроения самого Слащева, который стремился к белому реваншу, а вовсе не был разочаровавшимся в Белом деле «сменовеховцем». Подтверждают это и те кандидатуры, которых Слащев и его соратники рекомендовали чекистам в качестве других «разочаровавшихся» в Белом движении генералов. Среди них А. П. Богаевский, С. Келеч-Гирей, П. Н. Краснов, В. Г. Науменко, С. Г. Улагай²⁶. Все это были ярые антибольшевики.

Был и второй источник утечки данных о договоре. Известно, что контакты с белыми в среде украинской эмиграции многими не одобрялись. Кроме того, велась борьба за влияние между различными течениями в эмигрантских кругах. Так, на лидерство претендовали бывший гетман П. П. Скоропадский и В. Вышиваный. Сотрудничество с русскими монархистами могло считаться компрометирующим обстоятельством. Полтавцу-Остриянице впоследствии сторонники В. Вышиваного и П. П. Скоропадского ставили в вину именно заключение договора со Слащевым. Позднее, защищаясь от нападок, Полтавец-Острияница отмечал в письме атаману зарубежной Зимовой станицы в Америке хорунжему К. Лисюку в Нью-Йорк от 29 сентября 1923 г., что при заключении договора якобы предлагал Слащеву десант не в Крыму, а в Новороссийске или Ростове-на-Дону, чтобы дальше его войска шли не через Украину (впрочем, он ошибочно писал, что договор был заключен в 1920 г.):

Я подчеркиваю, что единственный документ, но которого у меня сейчас нет на руках, но его можно будет найти, который могли бы перевернуть и поставить против меня, это мой договор со Слащевым, когда он хотел одновременно со мной выступить. Он на Дону, а я на Украине. Этот договор был подписан мной лично в 1920 г.²⁷ летом как предварительный, в котором я заявил, что готов выступить вместе с ним, но лишь в том случае, если он признает самостоятельность Украины и осуществит свой

25 ГАРФ. Ф. Р-5889. Оп. 1. Д. 14. Л. 252–253.

26 Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М., 1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине. С. 115–117.

27 Так в документе. По контексту понятно, что речь идет о 1921 г.

десант не в Крым, а в Новороссийск или в Ростов и пойдет прямо на Дон даже не через Украину. Но после этого предварительного договора я не успел с ним, конечно, договориться, так как он бежал к большевикам. Этот договор я напечатал в [«]Воле[»], когда, помню, против меня на этой почве уже не раз начинались провокации со стороны Скоропадского и Вышиваного. Никаких иных документов у меня нет²⁸.

Однако публикуемые материалы свидетельствуют о том, что в итоге был выработан иной план²⁹.

В цитате Полтавца упоминался украинский эмигрантский журнал «Воля», издававшийся в 1919–1921 гг. в Вене. В политических целях Полтавец-Острияница решил обнародовать секретные данные о сотрудничестве украинцев со Слащевым в том же 1921 г., что раскрывало все карты. В журнале не поверили присланному материалу. Удалось обнаружить лишь краткое сообщение о том, что через берлинское посольство широко распространялись фальшивые документы: «Недавно такой материал (про связи якобы г[осподина] полковника [Вышиваного] через какого-то Бармаша со Слащевым) был прислан нам, но, проверив хронологические даты, мы убедились, что цифры подтасованы, о чем и предупреждаем наших граждан»³⁰. Впрочем, цитировавшееся выше признание Полтавца неопровержимо свидетельствует о подлинности договоров.

Нет ничего удивительного, что задуманный план был сорван. Думается, он не был исполним хотя бы в силу отсутствия в подчинении Слащева и его контрагентов какой-либо вооруженной силы. Впрочем, планы реванша вынашивали как белые, так и украинские националисты (например, среди интернированных солдат армии УНР в начале 1921 г. циркулировали слухи о некоей армии, которую формировал П. П. Скоропадский в Германии³¹). Прекрасно сознавая все риски массового возвращения бывших белых на родину, руководители Советской России сопровождали такое возвращение множеством предосторожностей (например, Слащев возвратился в Россию лишь с небольшой группой соратников, а не во главе масс врангелевцев). В итоге контрреволюционные намерения удавалось нейтрализовать.

28 ЦДАВОУ. Ф. 4426. Оп. 1. Д. 3. Л. 23.

29 Там же; *Лободаєв В. М.* Революційна стихія. Вільнокозацький рух в Україні 1917–1918 рр. Київ, 2010. С. 276–277.

30 Воля (Вена). 1921. Т. 3. № 6–8. 17.09. С. 279.

31 *Ковальчук М. А.* «Справа запорожців» // Військово-історичний альманах (Київ). 2005. № 2. С. 46.

Кроме того, думается, дело до конкретики даже не дошло, поскольку сохранить в тайне план массового мирного возвращения в Россию с целью возобновления войны было попросту невозможно.

Возвратившегося знаменитого белого генерала большевики блестяще использовали в своих целях — для дискредитации и раскола военной эмиграции, а затем на преподавательской работе, а также для тайного осведомления о настроениях бывших офицеров. Секретным агентом ГПУ Слащев оказался не позднее чем через четыре месяца после своего приезда в Советскую Россию³². Можно высказать предположение о мотивах вербовки генерала. По-видимому, по прибытии в Россию ему предъявили факты его контрреволюционных договоренностей, после чего предложили не подразумевавшую долгих раздумий альтернативу между сотрудничеством с ВЧК-ГПУ или расстрелом, либо арестом его самого или его близких. Разумеется, это лишь гипотеза, основанная на уже известных фактах. Подлинные обстоятельства вербовки Слащева, по-видимому, еще длительное время будут оставаться засекреченными.

Публикация подготовлена в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации. Выражаю глубокую благодарность доктору исторических наук Е. Ю. Борисенюк, кандидатам исторических наук М. А. Ковальчуку, Л. В. Ланнику и С. З. Случу за содействие.

Дипломатический отдел посольства
Украинской народной республики в Германии
№ 178

Украина

Свидетельство доверенного А. и Б. Берлин, 30.VI. 1921

А. встретился в конце января 1921 г. с Шойбнер-Рихтером³³, который уже тогда работал с Бискупским³⁴. Тогда эти господа имели

32 Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск; М., 1998. Кн. 2. С. 58.

33 В документе — Шейбнер-Рихтером. Шойбнер-Рихтер Макс Эрвин, фон (21.01.1884–09.11.1923) — германский дипломат, один из создателей НСДАП, соратник А. Гитлера и наставник А. Розенберга. Один из организаторов нацистского Пивного путча в Мюнхене в 1923 г.

34 Бискупский Василий Викторович (27.07.1878–18.06.1945) — генерал от кавалерии. В 1918 г. — командующий войсками гетмана П. П. Скоропадского. Участник ряда монархических организаций и акций в эмиграции.

также связь со Скоропадским³⁵, которая прервалась после того, как переговоры с ним в Мюнхене окончились безрезультатно. После переговоров между А. и Шойбнером выяснилась необходимость объединения наиболее широких укр[аинских] кругов. А., который так же, как и Б., выступал перед Шойбнером как порученец ген[ерала] Слащева (преемник Врангеля³⁶), взял на себя объединение укр[аинских] групп. Он поручил работу полк[овнику] Кейхелю, который установил связь между Полтавцем³⁷ и Бармашом³⁸. А. поехал с Полтавцем в Мюнхен и познакомил его там с Шойбнером. При этом Шойбнер показал бумагу, на которой ген[ерал] Людендорф³⁹ свидетельствует тому, что он знаком с деятельностью Шойбнера и согласен с его политической работой. Шойбнер предложил Полтавцу написать доклад о своей политике. Полтавец это сделал, и тогда Шойбнер свел его с одним господином, который выступал как представитель Людендорфа (д[окто]р с неизвестной фамилией в национальном баварском костюме). В беседе выяснилось, что этот господин встречался также со Скоропадским, но Шойбнер быстро прервал его слова насчет этой встречи. Полтавцу была обещана помощь.

В начале февраля Шойбнер приехал в Берлин и пошел с Полтавцем к Бармашу. Этот последний имел уже тогда свидетельство, подписанное эрцгерцогом Вильгельмом под именем Василя Вышиваного⁴⁰, о том, что Бармаш является представителем Национальной Украинской Рады в Германии. Полтавец тогда достал через Бармаша такое же свидетельство как военный уполномоченный. Эрцгерцог крайне

35 Скоропадский Павел Петрович (03.05.1873–24.06.1945) — генерал-лейтенант, гетман Украины (1918 г.).

36 Я. А. Слащев не являлся преемником генерала П. Н. Врангеля. Врангель Петр Николаевич, барон (15.08.1878–25.04.1928) — генерал-лейтенант, главнокомандующий Русской армией.

37 Полтавец-Острияница Иван Васильевич (28.09.1892–17.01.1957) — полковник, украинский военно-политический деятель.

38 Бармаш Лев Аполлонович — член Главной Генеральной управы Украинского союза вольных казаков, агент ВЧК.

39 Людендорф Эрих Фридрих Вильгельм (09.04.1865–20.12.1937) — германский генерал пехоты, фактический руководитель операций германской армии в Первую мировую войну. В начале 1920-х гг. — сторонник национал-социалистов.

40 Вышиваный Василь (Габсбург-Лотарингский Вильгельм Франц) (10.02.1895–18.08.1948) — эрцгерцог Австро-Венгрии, неудавшийся претендент на престол Украины.

гостеприимно пригласил их обоих в Вену. У Полтавца не было в то время никаких средств, а Бармаш, наоборот, имел в распоряжении большие деньги. Он говорил, что имеет средства в Швеции и получает оттуда проценты, но можно было установить, что денежные суммы посылались ему из Копенгагена.

Потому как была учреждена большая украинская группа, А. должен был по поручению Шойбнера установить связь этого союза со Слащевым. Бармаш взялся за это очень тщательно. А. имел намерение тогда наладить контакт между Слащевым и сов[етской] властью, чтобы дать возможность вернуться остаткам врангелевской армии из французских лагерей⁴¹ к Кемалю⁴² или на Советскую Украину. Сов[етская] власть могла поверить в полное подчинение врангелевцев, но в действительности Слащев должен был выступить совместно с укр[аинскими] повстанцами. Про этот истинный план в укр[аинском] комитете знал лишь один Бармаш. А. встречался тут с Коппом⁴³ и Бродовским⁴⁴. Его предложение приняли очень серьезно, и из Москвы прибыл специальный уполномоченный, который именовался Ельский⁴⁵. Этот Ельский, кажется, был крупной фигурой, так как держал себя с Коппом чуть не как с подчиненным, а остальных членов сов[етских] миссий в Берлине и Вене называл жидками, хотя сам был жид. А. обсудил с этим Ельским, что поедет в Константинополь, а Ельский поедет за ним. Итак, А. выехал на деньги Ельского в Константинополь, и там ему удалось полностью склонить Слащева к своему плану и получить от него далеко идущие полномочия для себя самого и для Б. Когда А. вернулся в Берлин, Ельский был в Вене, и он

41 Речь идет о беженских военных лагерях, организованных для частей Русской армии П. Н. Врангеля с санкции французских представителей в конце 1920 г. Такие лагеря были созданы в Галлиполи, на острове Лемнос и в Чаталдже.

42 Кемаль Мустафа (впоследствии — Ататюрк Мустафа Кемаль) (1881–10.11.1938) — турецкий государственный деятель, основатель современного турецкого государства. Премьер-министр Турции (1920–1921). Председатель Великого национального собрания Турции (1920–1923).

43 Копп Виктор Леонтьевич (16.09.1880–24.03.1930) — советский дипломат, уполномоченный Наркомата по иностранным делам в Германии.

44 Бродовский (Братман-Бродовский) Стефан Иоахимович (15.07.1880–27.10.1937) — советский дипломат, секретарь полномочного представительства РСФСР в Германии.

45 Ельский (Тененбаум) Ян Петрович (1881–29.12.1937) — советский агент, участник операции по возвращению генерала Я. А. Слащева в Россию.

поехал к нему. Ельский согласился с его деятельностью, хорошо его финансировал и тогда сам поехал в Константинополь для непосредственных переговоров со Слащевым. А. получил от него поручение наблюдать за укр[аинской] группой в Берлине и оберегать ее от французского влияния. Он должен был быть в контакте с Ельским через берлинскую миссию и мог получить в Берлине кредит. А. приехал в Берлин и вместе с Б. заключил 3.IV.21 соглашение с укр[аинской] организацией, которая при этом называлась «Главная Генеральная управа Национального союза вольных украинских казаков»⁴⁶, дополненное 6.IV дополнительным договором. Соглашение подписали А. и Б. и Лев Бармаш. Дополнительный договор подписали А. и Б. и также Лев Бармаш и полк[овник] Полтавец-Остряница.

Приложение 1 и 2.

А. был в связи с Бродовским из сов[етской] миссии, и последний свел его с неким Степановым (Розенблют). В беседе с последним упомянута была фамилия Бармаша и его связи. У А. сложилось тогда впечатление, что между Степановым и Бармашем была какая-то связь. Ельский телеграфировал из Константинополя «соглашение хорошо кончилось», следовательно, его переговоры со Слащевым были успешно доведены до конца. А. должен был ехать в Константинополь. Сначала Степанов заявил, что поездка не требуется, потом задерживал ее разными возможными уловками, взялся также передавать уведомления от А. Ельскому в Москву, но задержал, как было установлено, доклады А. в Берлине. А. и Б. решили ехать в Москву, поскольку уже имели разрешение на въезд. Степанов уверял, что оно уже недействительно и из Москвы согласятся его обновить. А. и Б. обратились иным путем непосредственно к высокопоставленному лицу в Москве и надеются быстро получить новое разрешение на въезд.

Тем временем Бармаш другим путем использовал ту самую тактику, что и Степанов. Он обещал А., что даст ему деньги на поездку в Москву, но раз за разом находил новые причины, чтобы сделать поездку невозможной.

В апреле Бармаш предложил войти в контакт с правыми немецкими кругами, что также было желанием Слащева. Бармаш предложил для этого гр[афа] Ревентлова⁴⁷, с которым был хорошо знаком.

⁴⁶ Возможно, здесь и далее речь идет об УНВКТ.

⁴⁷ цу Ревентлов Эрнст (18.08.1869–21.11.1943) — граф, германский политик и публицист ультраправого толка. Лидер политического антисемитизма. Познакомил А. Гитлера с Э. Людендорфом.

Однажды он повел А. и Б. к Ревентлову, где были также два других человека для переговоров, которые были представлены как ген[ерал] ф[он] Сеект⁴⁸ и майор ф[он] Беттихер⁴⁹. Это было между 5 и 10 апреля. Бармаш прочитал доклад о положении на Украине и предложил поднять восстание в Галиции против поляков, что вынудило бы поляков взять свои войска с Верхне-Силезской границы. При этом Бармаш предложил карты и точные планы и заверял, что его организация может взять на себя исполнение. Эти переговоры не привели к окончательному решению. Бармаш относился очень благожелательно к немцам и был против поляков.

Тем временем началась вербовка в вольные казаки в Германии, Чехословакии и в Венгрии. Средства для этого, кажется, шли через Шойбнера, но Бармаш сам много ездил, как он говорил, за деньги и был дважды в Вене, Мюнхене и Праге. Тогда также был основан Национальный комитет, который сформировался из эрцгерцога Вильгельма, Бармаша, Полтавца, Бутенко⁵⁰ и Полетики⁵¹. Бармаш ввел Бутенко в комитет. Бутенко работал тогда в тесном контакте с Бискупским и постоянно ездил с ним между Берлином и Мюнхеном. Полтавец и Бармаш достали новые свидетельства, подписанные Василем Вышиваным на плотной пергаментной бумаге. В разговорах они упоминали, что эрцгерцог достал для своей работы большие средства в Испании. Бармаш приобрел большую машину, в которой ездил в длительные поездки, напр[имер] в Мюнхен. Лев Аполлонович Бармаш сам в разговорах признавался, что его отец был еврей, но крещеный. Бармаш рассказал сам, что он дает материал гр[афу] Ревентлову для его статьи против Скоропадского. Бармаш, кажется, имеет связи в высоких правых кругах в Венгрии.

48 Сект Ханс, фон (22.04.1866–27.12.1936) — германский генерал-полковник, командующий сухопутными войсками Рейхсвера.

49 Бёттихер Фридрих, фон (14.10.1881–28.09.1967) — офицер германского Генерального штаба. Майор. Начальник отдела Войскового управления Министерства рейхсвера Веймарской республики — аналога запрещенного Генштаба. Впоследствии — генерал артиллерии в Вермахте.

50 Бутенко Борис Аполлонович (1877–09.12.1926) — бывший министр Украинской державы, член Главной Генеральной управы Украинского союза вольных казаков.

51 Полетика Владимир Иванович (1885–?) — посол УНР в Вене.

Приложение 1

Соглашение

Нижеподписавшиеся, а именно:

г[оспода] ф[он] Гомейер⁵² и ф[он] Проше⁵³ как главноуполномоченные ген[ерала] Слащева-Крымского, военного⁵⁴ главнокомандующего войсками Врангеля с одной стороны и г[осподин] Бармаш, согласно предъявленному мандату, политический представитель и одновременно член Генеральной управы Украинского союза вольных казаков, в том числе отделов повстанцев на Украине и прилегающих к ним областей, с другой стороны пришли сегодня, 3 апреля 1921 [г.], в Берлине к следующему соглашению:

1. Господин Бармаш уведомляет о дальнейших шагах ген[ерала] Слащева и о переговорах, проводившихся с той целью с правительством, известным обеим сторонам⁵⁵, он заявляет о своем полном согласии с ними и о своем желании принять в них участие как официальное лицо.

2. Г[осподин] Бармаш обязуется предпринять шаги, одобренные всеми подписавшимися под этим соглашением, для подготовки базы для переговоров с этим правительством.

3. Г[осподин] Бармаш обязуется не вступать в какие-либо связи с какой-либо властью, партией или политической группой без ведома⁵⁶ подписавшихся под этим соглашением и обо всех сделанных им шагах подробно и правдиво уведомлять гг.⁵⁷ Гомейера и Проше.

4. Г[осподин] Бармаш обязуется узнать без предупреждений при своем вступлении в переговоры с указанным правительством основную точку, уже достигнутую ген[ералом] Слащевым.

5. Гг. Гомейер и Проше обязуются употреблять в той самой форме, в какой их употребляет Укр[аинский] союз, занятый г[осподином] Бармашем, со стороны названного правительства гарантии уверений ген[ералу] Слащеву и его армии.

52 Гомейер Ганс (Хомайер Хайнц), фон (07.04.1895–05.01.1966) — участник Гражданской войны в России, организатор формирования Егерской стрелковой бригады из немецких колонистов Крыма (1919).

53 Прош Карл Эрнст Вильгельм Эрдманн Герхард, фон (30.01.1895–16.07.1937) — германский военизированный активист и лидер СА, один из лидеров германских правых на юге Германии. Соратник Э. Рема.

54 Так в документе.

55 Видимо, речь идет о Советском правительстве.

56 В документе опечатка — під відома.

57 Здесь и далее — господа.

6. Гг. Гомейер и Проше обязуются постоянно и достоверно уведомлять подписавшихся под этим соглашением о дальнейшем развитии слащевской акции.

7. Гг. Гомейер и Проше обязуются привлечь к деятельному участию г[осподина] Бармаша в дальнейших действиях, которые они предпримут для развития упомянутой акции в направлении соглашения.

8. Гг. Гомейер и Проше обязуются начать непосредственные переговоры Укр[аинского] союза с названным правительством, как только будет подготовлена для них почва.

9. Оба контрагента обязуются держать абсолютно в тайне данное соглашение.

10. Изменения и расширения этого соглашения могут быть сделаны единогласным желанием обоих контрагентов.

11. Это соглашение предусматривает дополнения прилагаемым договором между названными участниками.

12. При невыполнении одним из контрагентов какого-нибудь пункта вышеназванного договора другой имеет право в течение 10 дней требовать созыва общего совещания. Если бы оно не состоялось или не пришло бы к согласию, то соглашение подлежит расторжению под ответственность виновного.

Берлин, 3. IV⁵⁸.1921

Подп[исал]: Лев Бармаш, Эмиль ф[он] Проше, Гейнц ф[он] Гомейер

Приложение 2

Дополнительный договор

На основании 11 пункта соглашения от 3 апреля 1921 между членами Главной Генеральной управы Украинского союза вольных казаков гг. Л. Бармашом, который является одновременно его политическим представителем, и полк[овником] Полтавцем-Остряницей с одной стороны и гг. Гомейером и Проше, согласно предъявленного мандата, уполномоченными ген[ерала] Слащева-Крымского, главнокомандующего войсками Врангеля⁵⁹, с другой стороны был заключен следующий дополнительный договор:

1. Ген[ерал] Слащев-Крымский обязуется признать независимость и самостоятельность Украины и Главную Генеральную управу Украинского национального союза вольных казаков как будущее закон-

58 В документе ошибочно — июня.

59 Я. А. Слащев не занимал такую должность.

ное правительство Украины и обязуется незамедлительно передать на руки г[осподину] Бармашу для Главной Генеральной управы это согласие в форме специального письменного документа.

2. Ген[ерал] Слащев-Крымский признает себя союзником Украины и обязуется верно исполнять все договоры, заключенные от его имени уполномоченным.

3. Ген[ерал] Слащев-Крымский соглашается и будет поддерживать, чтобы все укр[аинские] воинские части, как и отдельные офицеры и казаки, на просторах Зап[адной] Европы, Балкан и Кавказа, были объединены в особый корпус. Главнокомандующий, весь командный и административный аппарат будут назначены Главной Генеральной управой.

4. Ген[ерал] Слащев-Крымский постарается, чтобы во время пребывания его войск на территории Украины они не вмешивались во внутренние дела Украины и укр[аинской] армии.

5. Главная Ген[еральная] управа признает себя союзником ген[ерала] Слащев[а] и обязуется равным образом верно исполнять все соглашения, заключенные ее уполномоченными.

6. Главная Ген[еральная] управа обязуется предоставить ген[ералу] Слащеву-Крымскому всяческую помощь и военную поддержку для его задач и планов относительно Великороссии.

7. Во время перехода войск ген[ерала] Слащева-Крымского через территорию Украины Главная Ген[еральная] управа берет на себя задачу поддерживать порядок, организацию местной администрации и обеспечения фронта и транспортировки войск.

8. Главная Генеральная управа берет на себя обеспечение специальным условием удовлетворения необходимых нужд армии ген[ерала] Слащева-Крымского во время ее пребывания на укр[аинской] территории.

9. План похода будет выработан ген[ералом] Слащевым-Крымским совместно с укр[аинским] главным командованием.

Берлин, 6 апреля 1921 г.

Подп[исал:] Лев Бармаш, полк[овник] Полтавец-Острияница, Эмиль ф[он] Проше, Гайнц ф[он] Гомейер

ЦДАВОУ. Ф. 3619. Оп. 3. Д. 11. Л. 278–283.

Машинопись на украинском языке.

Источники и литература

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
Центральний державний архів вищих органів влади та управління
України (ЦДАВОУ).

Архивы Кремля. Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. Новосибирск;
М.: Сибирский хронограф, РОССПЭН, 1998. Кн. 2. 648 с.

Воля (Вена). 1921. Т. 3. № 6–8. 17.09. С. 185–290.

Ганин А. В. Белый генерал и красный военспец Яков Слащев-Крымский.
М.: Фонд «Русские витязи», 2021. 256 с. DOI: 10.31168/907245-53-2.

Ковальчук М. А. «Справа запорожців» // Військово-історичний аль-
манах (Київ). 2005. № 2. С. 30–82.

Лободаєв В. М. Революційна стихія. Вільнокозацький рух в Україні
1917–1918 рр. Київ: Темпора, 2010. 672 с.

Пискун В. М. Політичний вибір української еміграції (20-і роки
XX століття). Київ; Нью-Йорк: МП Леся, 2006. 671 с.

Романенко Є. О., Романенко О. Л., Воронін В. М. Історія українського
козацтва. Енциклопедичний довідник. Харків: Фоліо, 2021. 765 с.

Русская военная эмиграция 20-х — 40-х годов: Док. и мат. М.: Гея,
1998. Т. 1: Так начиналось изгнание. 1920–1922 гг. Кн. 2: На чужбине.
751 с.

Сергеев Б. В. Создатели славы полка // Финляндец. Юбилейный но-
мер. 1956. 12 (25).12. С. 77–97.

Слащев-Крымский Я. А. Белый Крым 1920 г.: Мемуары и документы.
М.: Наука, 1990. 272 с.

Терещенко Ю., Осташко Т. Український патріот із династії Габсбургів.
Київ: Темпора, 2011. 408 с.

References

Ganin, A. V. *Belyi general i krasnyi voenspets Iakov Slashchev-Krymskii*.
Moscow: Fond “Russkie vitiazi”, 2021, 256 p. DOI: 10.31168/907245-53-2.

Kovalchuk, M. A. “«Sprava zaporozhtsiv.»” *Viis’kovo-istorychnyi al’manakh*
(Kyiv). 2005. No 2, pp. 30–82.

Lobodaev, V. M. *Revolutsiina stykhiia. Vil’nokozats’kyi rukh v Ukraini*
1917–1918 rr. Kyiv: Tempora, 2010, 672 p.

Pyskun, V. M. *Politychnyi vybir ukrains’koï emihratsii (20-i roky XX stolittia)*.
Kyiv; New York: MP Lesia, 2006, 671 p.

Romanenko, Ie. O., Romanenko, O. L., Voronin, V. M. *Istoriia ukrains'koho kozatstva. Entsyklopedychnyi dovidnyk*. Khar'kiv: Folio, 2021, 765 p.

Sergeev, B. V. "Sozdateli slavy polka." *Finliandets. Iubileinyi nomer*. 1956. 12 (25).12, pp. 77–97.

Slashchev-Krymskii, Ia. A. *Belyi Krym 1920 g.: Memuary i dokumenty*. Moscow: Nauka, 1990, 272 p.

Tereshchenko, Iu., Ostashko, T. *Ukrains'kyi patriot iz dynastii Habsburhiv*. Kyiv: Tempora, 2011, 408 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.02

A. V. Ganin

**Secret agreements of General Ya. A. Slashchev-Krymsky
with Ukrainian nationalists in 1921**

Andrey V. Ganin

Doctor of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: andrey_ganin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8602-1990

Citation

Ganin A. V. Secret agreements of General Ya. A. Slashchev-Krymsky with Ukrainian nationalists in 1921 // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 353–374 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.02

Received: 22.12.2021.

Abstract

The article for the first time publishes and analyzes secret agreements concluded by the representatives of General Ya. A. Slashchev in Germany and the Ukrainian nationalists from the Ukrainian free Cossack movement in 1921 about a possible invasion of the territory of Soviet Ukraine.

Keywords

Ya. A. Slashchev, Ukraine, Soviet Russia, emigration, free Cossack movement.

**Лекция Миклоша Козмы по русинскому вопросу
(23 мая 1939 г.)**

Казак Олег Геннадьевич
Кандидат исторических наук, доцент
Белорусский государственный экономический университет
220070, Партизанский проспект 26, Минск, Республика Беларусь
E-mail: olegkazak90@tut.by
ORCID: 0000-0003-3859-8071

Цитирование

Казак О. Г. Лекция Миклоша Козмы по русинскому вопросу (23 мая 1939 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 375–388.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.03

Статья поступила в редакцию 01.02.2021.

Аннотация

В публикации приводятся ключевые фрагменты из лекции по русинскому вопросу, прочитанной влиятельным венгерским политиком Миклошем Козмой в Ассоциации иностранных профессиональных корреспондентов 23 мая 1939 г. Данный документ важен для понимания мотивов венгерской национально-культурной политики Венгрии в Подкарпатской Руси, направленной на поддержку локальной русинской идентичности и недопущение участия населения региона в русофильском и украинофильском национальных движениях.

Ключевые слова

Русины, русофилы, украинофилы, национально-культурная политика.

М. Козма (1884–1941) — венгерский политический и государственный деятель. После распада Австро-Венгрии сблизился с контр-адмиралом М. Хорти, включился в работу его штаба в Сегеде. После занятия Хорти поста регента Козма стал королевским советником, директором венгерского радиовещания (1925–1941) и министром внутренних дел (1935–1937). В 1938–1939 гг. руководил «политической

акцией» по присоединению Подкарпатской Руси к Венгрии. Затем был вторым регентским комиссаром Подкарпатской территории (12 сентября 1940 г. — 7 декабря 1941 г.).

М. Козма являлся одним из главных теоретиков и проводников венгерской национально-культурной политики в Подкарпатской Руси в 1938–1941 гг. — так наз. курса «угрорусинизма». Суть данной политики заключалась в сознательном культивировании официальными идеологами в среде восточнославянского населения региона локальной русинской идентичности, которая имела отчетливую антирусскую и антиукраинскую направленность. Козма стал инициатором кодификации русинского литературного языка, создания «Подкарпатского общества наук» — организации академического типа, члены которой с научных (часто квазинаучных) позиций доказывали идею существования отдельного русинского народа. Интеллектуальным, культурным элитам края не возбранялось культивирование русинского языка, духовного наследия, но в пределах, не предполагавших социальной и политической мобилизации. Неприкрытый конформизм приверженцев «угрорусинизма», существенная разница между декларируемой свободой культурного развития и имевшим место в реальности мадьяризационным давлением, неумелые попытки официальных идеологов компромиссно решить наиболее дискуссионные проблемы национальной жизни региона обусловили неуспех данного курса в крае.

Рассматриваемый документ — лекция М. Козмы перед иностранными корреспондентами 23 мая 1939 г. в Будапеште — был обнаружен нами в Национальной библиотеке им. И. Сечени в венгерской столице. В данной лекции, внимание к которой у научного сообщества незаслуженно мало, дается комплексное теоретическое обоснование политики Венгрии в русинском вопросе. Необходимость конструирования локальной модели идентичности, отличной от русского или украинского самосознания, объясняется главным образом внешнеполитическими обстоятельствами. Еще более чем за год до момента, когда Козма занял пост руководителя региональной администрации, он имел четкое представление о контурах национально-культурной политики, максимально отвечавшей интересам Венгрии в Подкарпатской Руси.

Ниже приводим наиболее важные фрагменты лекции М. Козмы в нашем переводе с немецкого языка на русский.

**Vortrag über die russinische Frage des Geheimen Rates und
Präsidenten des Magyar Távirati Iroda Nikolaus von Kozma im
Verein des Ausländischen Berufskorrespondenten am 23. Mai 1939.
[Budapest], [1939]. 31 s.**

**Лекция по русинскому вопросу тайного советника и дирек-
тора венгерского радиовещания Миклоша Козмы в Ассоциации
иностраных профессиональных корреспондентов 23 мая 1939 г.
[Будапешт], [1939]. 31 с.**

[...]

Русинско¹ на самом деле — мы можем об этом открыто гово-
рить — до 20-х годов не имело истории. Я рискну сделать смелое
заявление: хотя местный народ и был очень беден, настолько, что не
имел собственной истории, в то же время был относительно счаст-
ливым народом. Народы, которые имеют очень насыщенную исто-
рию, могут быть заметными, могут быть героическими, но не всегда
счастливыми.

[...]

Когда пришли венгры, на этих землях не было русинов. Народ, ко-
торый теперь называется рутенским, в то время жил севернее венгеро-
польской границы. Абсолютно точно это не славянская территория².

1 Русинско — одно из названий Подкарпатской Руси..

2 В венгерской историографии того времени господствовала точка зрения, согласно которой русины пришли на южные склоны Карпат уже после появления венгров на Паннонской равнине. Так, венгерский славист русинского происхождения Ш. Бонкало в своем фундаментальном труде «Русины» (1940) отмечал, что славяне начали массово заселять территорию Подкарпатской Руси только после монгольского вторжения (середина XIII в.) (см.: *Bonkáló S. A rutének.* Basel; Budapest, 1996. URL: http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek/). Данный факт, по мнению идеологов, должен был служить обоснованием исторического права Венгрии на Подкарпатскую Русь. Многие известные русинисты современности придерживаются иной точки зрения. Так, П. Р. Магочи, с мнением которого солидарен К. В. Шевченко, утверждает, что славяне населяли Карпато-Дунайский регион уже с V–VI вв. и восточное христианство жители Подкарпатской Руси приняли в IX в. (см.: *Шевченко К.* Карпатская Русь: между идеей и реальностью. Paul Robert Magocsi. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest; New York: CEU Press, 2015 // История. Научное обозрение Ostkraft. 2018. № 5. С. 184).

Это утверждение я не подкрепляю аргументами из венгерских источников, которые, дескать, могут быть тенденциозными, я обращаюсь к двум источникам — к профессору из Санкт-Петербурга А. Петрову и собственно к Э. Бенешу, который в одном из своих сочинений отмечал, что русины как кочевой народ начали проникать в эти земли в конце XII в. Причины этой миграции не политические; русины лишь искали лучшие условия жизни. Они охотно подчинились венгерскому господству. В их племенах не могла возникнуть интеллигенция. В то время их хозяевами были венгры.

[...]

Чехи не имели особых претензий на Подкарпатскую Русь. Э. Бенеш говорил представителю Красного Креста: «Русинско нам нужно как залог, и этот залог мы позже в подходящий момент вернем России». К. Крамарж в 1925 г. выступал перед собранием великороссов: «На мирных переговорах в Париже мы представляли не только свои собственные интересы, мы представляли интересы всей России. Придет время, когда Русинско будет областью, которая будет соединена с Россией»³.

³ Вопрос о «передаче» Подкарпатской Руси Москве действительно обсуждался в чехословацких политических кругах межвоенного периода. Так, в 1922 г. Й. Паливек, руководитель экспозитуры чехословацкого пресс-агентства в Женеве, в неофициальном разговоре с членом комиссии меньшинств Лиги Наций Д. Гелмер Ростингом объяснял невыполнение Прагой своих международных обязательств в отношении Подкарпатской Руси «намерением отдать край России». Министр иностранных дел Э. Бенеш при посредничестве В. Гирша объяснял представителю комиссии меньшинств Э. Колбану, что власти не могли выполнить данные русинам обязательства, так как «этого не потерпела бы Россия, для которой Подкарпатская Русь могла стать плацдармом для контроля над венгерской равниной». Эту информацию подтверждал сбежавший на Запад в 1929 г. советский дипломат Г. Беседовский (см.: *Jarnecki M., Kolakowski P. "Ukraiński Piemont". Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939. Warszawa, 2017. S. 105*). Когда в марте 1924 г. Э. Бенеш на заседании парламентской фракции Чехословацкой социалистической партии высказался за украинскую ориентацию Подкарпатской Руси, члены фракции заявили, что «единственно возможная ориентация в карпаторусском вопросе — это русская»: «Когда Россия потребует от нас возвращения Карпатской Руси, мы должны будем вернуть ей русскую, а не какую-то искусственную украинскую Подкарпатскую Русь» (см.: *Зубачевский В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая*

[...]

Чехи рассматривали эту землю как колонию, что было очевидным: хотя на территории этой области — как в Русинско, так и в Словакии — на протяжении тысячи лет не было ни одного чеха, коренное население вытеснялось чехами. В 20-е гг. не только перепись населения, но главным образом данные различных авторов демонстрировали, что Русинско являлось территорией для колонизации некачественными чешскими элементами. Чехами были: 85 % работников почты, более 95 % работников финансовых органов, 70 % чиновников в целом и 60 % учителей. Статистика фиксировала также эмигрантов из Польши — украинцев, так что иностранцев было еще больше.

В интересы Чехословакии (а именно исторической Чехии) не входило дальнейшее развитие созданной венгерским правительством в Русинско индустрии, ее интересам отвечала деградация этой индустрии. Теперь население оказалось в катастрофической ситуации. [...]

Русины живут бедно, до Первой мировой войны они отправлялись на венгерскую равнину, зарабатывали там деньги на зиму. Теперь они этой возможности лишились⁴.

треть XX в.): геополитический аспект. М., 2019. С. 215). Интересно, что о готовности властей межвоенной Чехословакии передать Подкарпатскую Русь Москве говорилось в обращении Народной рады Закарпатской Украины (Закарпатская Украина — просоветское квазигосударственное образование, существовавшее в 1944–1945 гг.) к президенту Чехословацкой Республики с требованием дать указание правительственному делегату Чехословацкой Республики Ф. Немецу покинуть территорию Закарпатской Украины: «Покойный президент Т. Масарик, Вы сами, уважаемый господин президент, и другие ответственные политические деятели не один раз говорили, что Закарпатская Украина является только залогом для России» (см.: *Мицанин В.* Радянiзацiя Закарпаття 1944–1950 рр. Ужгород, 2018. С. 508).

4 После инкорпорации Подкарпатской Руси в состав Венгрии пропаганда активно призывала русинов отправляться на заработки во внутренние регионы страны. В одной из публицистических работ Т. Ортутай так описывал перспективы экономического благополучия русинов: «Подкарпатье и великая венгерская равнина неразделимы. Их радости и невзгоды судьбы тесно связаны. Народ Подкарпатя часть года может проводить на территории плодородной венгерской равнины, занимаясь сбором урожая и другими сельскохозяйственными работами, а затем с обновленным телом и душой возвращаться в свои скромные дома, расположенные в сосновых лесах» (см.: *Tilkovszky L.* Revízió és

[...]

В чехословацкий период наблюдалось серьезное недовольство режимом. Приведу пример. Шесть лет назад мы с братом по особому разрешению осуществили поездку в Турья-Реметы, остановились у церкви. Мы были в этих местах давно, еще в молодости, нас никто не узнал⁵. Через полчаса после того, как мы вышли из машины, возле нас собралось все село, так как шофер кому-то назвал наши имена. Мы вынуждены были спешно покинуть место, так как не хотели создавать людям неудобства. Люди кричали, ругались, задавали вопросы, просили, чтобы венгры наконец пришли. На выражение нашего беспокойства они отвечали, что им все равно, что случится. Мы едва смогли уйти. Позже я узнал, что жандармерия провела расследование и оштрафовала и избила многих присутствовавших.

nemzetiségpolitika Magyarországon (1938–1941). Budapest, 1967. 238. old.). В прессе появлялись материалы о русинах, которые «с чистым сердцем работали на венгерской равнине». Приводились слова одного из работников: «Как хорошо, что в то время, когда идет война, мы можем собирать урожай в мирной обстановке. Слава Богу за венгерскую землю» (см.: Boldogan aratnak a beregi magyar rónán // Kárpáti magyar hírlap. 1940. július 15. № 158. 2. old.). На деле же условия труда сезонных рабочих из Подкарпатской Руси были очень тяжелыми. Летом 1943 г. 56 русинских сельскохозяйственных рабочих из сел Великие Турицы и Вильшонок составили жалобу на условия труда в помещичьем имении, расположенном в районе Шомодьвар. Рабочий день составлял 16 часов, чувствовалась постоянная нехватка продуктов питания. Рабочие подвергались постоянным избиениям и оскорблениям. Расследование, проводившееся под патронатом министерства земледелия, ни к чему не привело (см.: *Снівак Б. І. Нариси історії революційної боротьби трудящих Закарпаття в 1930–1945 роках.* Львів, 1963. С. 306). Между русинами, пришедшими на сезонную работу во время сбора урожая, и местными венгерскими работниками случались даже кровавые стычки (см. Вісті з Карпатської України // Свобода. Український щоденник. 27 вересня 1939. № 224. С. 2). Многие русинские рабочие в письмах своим родственникам сообщали, что условия труда стали намного хуже, чем в период нахождения региона в составе Чехословакии (см.: *Tilkovszky L. Revízió és nemzetiségpolitika...* 238. old.).

5 М. Козма провел свои детские годы в селе Турья-Реметы, где его отец, Ф. Козма, свыше 10 лет был директором военного конезавода. Ф. Козма хорошо освоил русинский язык и даже писал на нем стихотворения. Данные произведения публиковались в региональной периодике военного периода.

[...]

На территориях севернее линии Ужгород — Мукачево по переписи 1920 г. проживали 413 тыс. русинов, 26 тыс. венгров, 17 тыс. чехов, 65 тыс. евреев, 20 тыс. представителей других национальностей.

По конфессиональному признаку — 36 тыс. римокатоликов, 315 тыс. грекокатоликов, 110 тыс. православных, 69 тыс. иудеев.

Цифра 110 тыс. наиболее интересна, так как иллюстрирует важнейшие тенденции и дает ключ к пониманию всего, что происходило в Русинско. В соответствии с переписью населения в Венгрии в 1910 г. православных было менее тысячи, увеличение их числа до 110 тыс. является результатом спланированной акции 1920-х гг. Греко-восточная религия распространялась за счет сокращения числа грекокатоликов. С какой целью это было сделано, какие имело последствия, почему это вызывало и вызывает теперь у нас опасения — об этом я скажу позже.

[...]

Что для Венгрии значит Русинско? Лес и соль. Но что мы видим? Чехи искоренили леса на этой земле. Эти места теперь выглядят пугающе, это я видел сам, там упадок и ужас. В долинах леса практически ликвидированы. Если бы усилиями команды А. Волошина была создана самостоятельная страна, там не было бы никакой деревообработки. Это не только проблема Русинско, это проблема и для нас, это проблема поступления воды на венгерскую низменность⁶.

6 В официальном дискурсе Будапешт позиционировался как защитник уникальной природы Подкарпатской Руси (прежде всего леса). Показательно в этом плане письмо министра иностранных дел И. Чаки послу Венгрии в Польше А. Хори от 28 февраля 1939 г. В нем содержалось указание послу посетить министра иностранных дел Польши Ю. Бека и попросить того во время поездки в Лондон от имени М. Хорти обратить внимание Н. Чемберлена и министра иностранных дел Э. В. Галифакса на тот факт, что «Венгрии обязательно нужна Подкарпатская Русь и она никоим образом не может отказаться от нее». Аргументы звучали следующим образом: в регионе проводилась хищническая вырубка лесов, что могло привести к эрозии почвы и превращению плодородного края за Тисой в болото. Анализ реальных масштабов хозяйствования говорит о явной надуманности подобных доводов (см.: *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии: февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М., 2003. С. 358–359). М. Козма в интервью газете «Карпаторусский голос» от 15 марта 1941 г. указывал на необходимость недопущения «чехословацкого хищнического хозяйствования» в лесной сфере (см.: Николай Козма, регентский комиссар, интервью «Карпаторусскому голосу» // Карпаторусский голос.

[...]

Главное значение Русинско — лес и работа населения на венгерской равнине. Приведу один интересный пример, коих много в большой политике. В венгерскую эпоху девочки из рутенских семей шли работать в венгерские семьи Ужгорода и Мукачево в качестве горничных (о таких случаях я сотни раз слышал от крестьян). Чехи значительно более экономны, чем мы. При одинаковом бюджете мы можем содержать двух горничных, чехи же не содержат ни одной. [...] Это было источником недовольства. Теперь девочки снова могут найти себе работу.

[...]

Я думаю, что правительство может возобновить акцию Э. Эгана, которая может иметь положительные результаты⁷.

[...]

Украинский вопрос. Украинцы такие же русские, как и сами русские, но только одни живут на юге, другие на севере и на востоке. Появились различия в языке, так как из одного большого языка вы-

15 марта 1941. № 20. С. 2). В реальности же о рациональной эксплуатации природных богатств Подкарпатской Руси в период венгерского господства не могло идти и речи. Согласно данным доклада Политического управления 4-го Украинского фронта, объемы ежегодной вырубki леса в 1939–1944 гг. в три раза превышали показатели чехословацкого периода. При этом вырубался тот лес, который находился недалеко от путей сообщения, в глубинных же участках деревья переставали и гнили (см.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 386. Оп. 2. Д. 5. Л. 112). В сглаженном виде информация о неутешительном состоянии лесов региона просачивалась и в официальную прессу. Так, в одной из статей специализированного венгерского издания, посвященного лесному хозяйству, вместе с хвалебными отзывами в адрес венгерских властей, которые, в отличие от своих чехословацких предшественников, якобы проводили лесозаготовку в соответствии с четко продуманным планом, приводился следующий факт: в 1943 г. 40 000 вагонов древесины сгнили на склонах из-за недостатка транспортных средств (см.: Národní archiv České Republiky. F. MV-L. Sign. 2-10-4. Kart. 114).

⁷ Э. Эган, венгерский чиновник ирландского происхождения, после изучения экономического положения населения Подкарпатской Руси на рубеже XIX–XX вв. констатировал, что русинский народ в Венгрии находился на грани выживания. Смерть чиновника в результате покушения закрепила за ним ореол борца за права русинов, а его похороны в Ужгороде стали первой крупной демонстрацией в Подкарпатской Руси.

деляются областные языки людей, живущих далеко друг от друга. Различия между украинцами и русскими, на мой взгляд, следует искать не в языковой области. Фактические различия обусловлены особенностями исторического развития. Эта область издавна имеет историю, отличную от русской, отличную потому, что там имел место фактор татар и казаков. Казаки Запорожья были украинцами, которые использовались в качестве защитников рубежей страны. Через казаков распространялось польское и литовское влияние. В язык проникали польские и немецкие слова, которые уже укоренились. Развитие языка, народного духа на протяжении истории было иным, возникли существенные различия, особенно в языке.

[...]

Теперь украинский вопрос используется для раскола России. В рамках 140-миллионной аморфной массы существует компактная нация.

[...]

Для европейской цивилизации опасно связывать украинский вопрос с рутенским вопросом. Почему Э. Бенеш в рутенском вопросе поддерживает украинцев? В любом случае, он разыгрывал карту Русинско, до последнего времени был готов вернуть ее России без Советов. [...] Э. Бенеш хотел создать неудобства Польше, стране, на востоке которой проживает много украинцев, он использовал украинскую идею против Польши, выделял на нее деньги. Он хотел иметь безопасную базу для украинской пропаганды⁸. Эту базу он имел в собственной стране и выработал свою стратегию в русинском вопросе исходя из двух факторов — внешнеполитического и внутривосточного: 1. деятельность против Польши; 2. так как рутены были без-

⁸ Симпатии Праги по отношению к украинофилам (особенно в 1920-е гг.) имели прежде всего внешнеполитическое объяснение как эвентуальный фактор дестабилизации положения в соседней Польше, для которой украинский вопрос являлся весьма болезненным. Показательно, что чехословацкое министерство иностранных дел во главе с Э. Бенешем заняло наиболее благоприятную позицию по отношению к деятелям украинофильского лагеря и в ходе межведомственного обмена мнениями защищало их от обвинений в нелояльности со стороны представителей министерства внутренних дел. Сотрудники МВД постоянно получали донесения о том, что активисты украинского движения называли чешских чиновников, работавших в Подкарпатской Руси, «чужеземцами», видели регион «частью Великой Украины» (см.: *Jarnecki M., Kolakowski P.* “Ukraiński Piemont”... S. 83–84).

оговорочно настроены на присоединение к Венгрии. Он очень хорошо понимал, что этот народ (особенно его старшая генерация) не поддержит его идеи, и решил преобразовать народ в украинский. Как? Через религию и язык. О роли православной религии мы знаем на примере Болгарии. Болгары — туранский народ, но посредством религии они стали славянами. По крови они туранцы, а по религии славяне. Следовательно, Э. Бенеш должен был поддержать православие.

Рутенский язык довольно примитивный и отсталый. Даже внутри региона заметны довольно существенные различия, так как реки текут на юг, так как перекрестные контакты всегда были затруднены и так как отдельные долины имели контакты с венгерскими землями. Существуют различия даже в соседних долинах. Это примитивный язык, это не великорусский, не малорусский, не украинский, это русинский язык. Но он настолько отсталый, что некоторым людям не хватило 20 лет для его усвоения, и появились стремления развивать этот язык в одном из направлений — в великорусском, малорусском или украинском. Э. Бенеш считал, что ничего не сможет сделать с грекокатолической верой и рутенским языком, поэтому инициировал религиозную войну против грекокатолической церкви и стал поддерживать православие.

Русины на протяжении 800 лет сохраняли свой язык. Много говорится о мадьяризации, но эти разговоры не являются обоснованными. Я придерживаюсь следующей позиции. У крестьянина нельзя отобрать язык. История показывает, что это удавалось достичь лишь в исключительных случаях. Таким исключением являются болгары, которые потеряли религию и язык и стали славянами. Но во всех иных случаях история показывает, что у крестьян нельзя отнять их язык. [...] В венгерских школах немногие (очень немногие) учили венгерский язык, это было жизненно важно для народа, который живет на этой территории не один, при том что его язык от этого не страдал. Это совершенно естественно. Для языка, которым пользуются рутены, венгерский язык не таит никакой опасности. Словацкий, чешский, украинский языки — опасны, венгерский язык — нет, потому что между рутенским и венгерским языками нет никакого сходства. Рутены сами хорошо это знают. [...] Я частично признаю, что у нас, как и в любой другой стране, интеллигенция усваивает язык, и этот процесс называют мадьяризацией. Но в любой другой стране для интеллигенции, которая хочет добиться успеха, вполне естественно учить язык, чтобы иметь возможность быть на одной волне с большинством населения.

[...]

Когда я утверждаю, что Россия должна быть разделена на как можно более мелкие части, и когда я использую для этого украинскую идею, я считаю совершенно неправильным желать присоединения рутенской области к Украине. Я руководствуюсь принципом «разделяй и властвуй». Это важно потому, что в ближайшее время в истории и политике Европы может начаться славянское православное давление с севера на юг. Я, пусть это может звучать комично, считаю желательным и полезным как можно более длительное сохранение СССР.

Это соответствует нашим основным интересам. Когда в России не будут у власти Советы, когда в России фактор ее слабости, который зовется Советами, будет упразднен (я говорю с венгерской точки зрения, для нас большевизм не опасен, так как мы его преодолели), в этот момент начнется национальное и православное проникновение с севера на юг, о чем говорилось еще в завещании Петра Великого, с одной стороны, на Босфор и Константинополь, с другой стороны, на Адриатику. Это означает наступление через земли южных, западных и северных славян на Венгрию и Румынию, на неславянские страны. [...] Это главный аргумент в пользу того, что Россия должна быть разделена на как можно больше частей. Но 45 миллионов славян-украинцев на наших границах для меня уже достаточно. [...] Украинская и русская тенденции в этой славянской игре всегда могут быть использованы. Поэтому для нас лучше, если здесь будет жить грекокатолическое славянское племя, ориентированное на Запад. Хотя в цивилизационном и культурном плане они находятся на низком уровне, но их культура и цивилизация, обусловленная религией и историей, ориентирована на Запад и противопоставляется Великой России. Русинский народ поддерживал нас в борьбе с Россией, за что многие его представители были убиты; русины продемонстрировали в отношении нас абсолютную верность⁹.

⁹ Венгерское революционное движение 1848–1849 гг. вынудило славянские народы Венгрии (в том числе русинов) сделать ставку на австрийские власти. Так, А. Добрянский, известный как один из первых «русинских будителей», в 1848–1849 гг. занимал должность помощника гражданского комиссара при русском войске, участвовавшем в подавлении антиавстрийских выступлений (см.: *Аристов Ф. Ф.* Карпато-русские писатели. Исследования по неизданным источникам. М., 1916. С. 148). В 1849 г. А. Добрянский с группой своих единомышленников добился аудиенции у императора Франца Иосифа, где заявлял о чуждости для русинов

[...]

Поляки следуют в векторе, направленном против православия, против русских и украинцев. Можно сказать, что два народа — католики-поляки и русины — не поддерживают великославянскую идею. Поляки для нас — стена против большевизма и великославянской идеи.

[...]

Источники и литература

Российский государственный архив социально-политической истории.
Národní archiv České Republiky.

Аристов Ф. Ф. Карпато-русские писатели. Исследования по неизданным источникам. М., 1916. 305 с.

Вісті з Карпатської України // Свобода. Український щоденник. 27 вересня 1939. № 224. С. 2.

Дуличенко А. Д. Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.). Ужгород: Издательство В. Падяка, 2008. 908 с.

Зубачевский В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX в.): геополитический аспект. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 278 с.

Мищанин В. Радянiзацiя Закарпаття 1944–1950 рр. Ужгород: РІК-У, 2018. 644 с.

Николай Козма, регентский комиссар, интервью «Карпаторусскому голосу» // Карпаторусский голос. 15 марта 1941. № 20. С. 2.

Пушкаш А. И. Внешняя политика Венгрии: февраль 1937 — сентябрь 1939 г. М.: Институт славяноведения РАН, 2003. 303 с.

Співак Б. І. Нариси історії революційної боротьби трудящих Закарпаття в 1930–1945 роках. Львів: Видавництво Львівського університету, 1963. 380 с.

Шевченко К. Карпатская Русь: между идеей и реальностью. Paul Robert Magocsi. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus'

венгерских повстанческих настроений, называл Л. Кошута «главнейшим врагом русинов» и просил императора положить конец «засилью мадьярщины» (*Дуличенко А. Д.* Письменность и литературные языки Карпатской Руси. Ужгород, 2008. С. 254–255). В памяти местных русофильски настроенных интеллектуалов события 1848–1849 гг. запечатлелись совсем не так, как хотелось бы венгерским идеологам и пропагандистам.

and Carpatho-Rusyns. Budapest: New York: CEU Press, 2015 // История. Научное обозрение *Ostkraft*. 2018. № 5. С. 179–211.

Boldogan aratnak a beregi magyar rónán // *Kárpáti magyar hirlap*. 1940. július 15. № 158. 2. old.

Bonkáló S. *A rutének*. Basel; Budapest, 1996. URL: http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek/ (дата обращения: 15.01.1921).

Jarnecki M., Kołakowski P. “Ukraiński Piemont”. *Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017. 383 s.

Tilkovszky L. *Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon (1938–1941)*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967. 349. old.

References

Aristov, F. F. *Karpato-russkie pisateli. Issledovaniia po neizdannym istochnikam*. Moscow, 1916, 305 p.

“Boldogan aratnak a beregi magyar rónán.” *Kárpáti magyar hirlap*, 1940, July 15, No 158, p. 2.

Bonkáló, S. *A rutének*. Basel; Budapest, 1996. URL: http://www.sulinet.hu/oroksegtar/data/magyarorszagi_nemzetisegek/altalanos/a_rutenek/ (accessed: 15.01.2021).

Dulichenko, A. D. *Pis'mennost' i literaturnye iazyki Karpatskoj Rusi (XV–XX vv.)*. Uzhgorod: Izdatel'stvo V. Padiaka, 2008, 908 p.

Jarnecki, M., Kołakowski, P. “Ukraiński Piemont”. *Ruś Zakarpacka w okresie autonomii 1938–1939*. Warszawa: Oficyna Wydawnicza RYTM, 2017, 383 p.

Mishchanyin, V. *Radianizatsiia Zakarpattia 1944–1950 rr.* Uzhhorod: RIK-U, 2018, 644 p.

“Nikolai Kozma, regentskii komissar, interv'iu «Karpatorusskomu golosu».” *Karpatorusskii golos*, 15 March 1941, No 20, p. 2.

Pushkash, A. I. *Vneshniaia politika Vengrii: fevral' 1937 — sentiabr' 1939 g.* Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2003, 303 p.

Shevchenko, K. “Karpatskaia Rus': mezhdu ideei i real'nost'iu. Paul Robert Magocsi. With Their Backs to the Mountains. A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns. Budapest: New York: CEU Press, 2015.” *Istoriia. Nauchnoe obozrenie Ostkraft*. 2018, No 5, pp. 179–211.

Spivak, B. I. *Narysy istorii revoliutsiinoi borot'by trudiashchykh Zakarpattia v 1930–1945 rokakh*. Lviv: Vydavnytstvo L'vivs'koho universytetu, 1963, 380 p.

Tilkovszky, L. *Revízió és nemzetiségpolitika Magyarországon (1938–1941)*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1967, 349 p.

“Visti z Karpats'koï Ukraïny.” *Svoboda. Ukraïns'kyï shchodennyk*. 27 veresnia 1939, No 224, p. 2.

Zubachevskii, V. A. *Politika Rossii v Tsentral'no-Vostochnoi Evrope (pervaia tret' XX v.): geopoliticheskii aspekt*. Moscow: Politicheskaia entsiklopediia, 2019, 278 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.03

O. G. Kazak

**The lecture on the Rusyn question
given by Miklós Kozma on May 23, 1939**

Oleg G. Kazak

Candidate of History, associate professor

Belarus State Economic University

220070, 26, Partizanski av., Minsk, Republic of Belarus

E-mail: olegkazak90@tut.by

ORCID: 0000-0003-3859-8071

Citation

Kazak O. G. The lecture on the Rusyn question given by Miklós Kozma on May 23, 1939 // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 375–388 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.03

Received: 01.02.2021.

Abstract

The text contains key passages from a lecture on the Rusyn question given by the influential Hungarian politician Miklós Kozma at the Association of Foreign Professional Correspondents on May 23, 1939. This document is important for understanding the motives of the Hungarian national and cultural policy of Hungary in Subcarpathian Rus', which was aimed at supporting the local Rusyn identity and preventing the participation of the population of the region in the Russophile and Ukrainophile national movements.

Keywords

Rusyns, Russophiles, Ukrainophiles, national cultural policy.

«Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, — это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.)

Стыкалин Александр Сергеевич
Кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: zhurslav@gmail.com
ORCID: 0000-0003-0834-9090

Джалилов Теймур Агабаевич
Начальник отдела
Российский государственный архив новейшей истории
115035, Софийская набережная, 34, стр. 1, Москва, Российская Федерация
Научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: slavikal@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6791-4793

Цитирование:

Стыкалин А. С., Джалилов Т. А. «Думать, что коммунистическое общество будет в пределах границ Советского Союза, — это значит ничего не понимать в коммунизме». Неопубликованное выступление Н. С. Хрущева в Венгрии (апрель 1958 г.) // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 389–419. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04

Статья поступила в редакцию 30.12.2021.

Аннотация

В апреле 1958 г., через полтора года после мощнейшего венгерского восстания, потрясшего сами основы коммунистической власти в этой стране, Н. С. Хрущев прибыл в Венгрию во главе советской делегации. В ходе 10-дневной поездки советскому лидеру были показаны успехи нормализации коммунистического режима. Ниже публикуется запись выступления Хрущева на

приеме по случаю дня освобождения Венгрии от нацистской оккупации. Поскольку это конкретное выступление изначально не предназначалось для отражения в печати, советский лидер, по своей природе в принципе склонный к нарушению ритуала, импровизациям, отступлениям от заранее написанных спичрайтерами текстов, мог более свободно касаться сюжетов, освещение которых в открытой прессе казалось нецелесообразным либо преждевременным. Ценность публикуемого источника состоит в том, что в нем приводятся малоизвестные подробности согласования руководством СССР своих действий осени 1956 г. в отношении Венгрии с лидерами других социалистических стран, находит отражение реакция Хрущева на независимую политику титовской Югославии, особенно на подготовку Новой программы Союза коммунистов Югославии, принятой на состоявшемся тогда же, в апреле 1958 г., VII съезде СКЮ и признанной в Москве как ревизионистская.

Ключевые слова

Н. С. Хрущев, Венгрия, Югославия, венгерские события 1956 г., советско-венгерские отношения, советско-югославские отношения, Янош Кадар, Иосип Броз Тито.

2 апреля 1958 г., всего через считанные дни после завершения мартовской сессии Верховного совета СССР, утвердившей назначение Н. С. Хрущева председателем Совета Министров СССР — что означало совмещение им (первым секретарем ЦК КПСС с сентября 1953 г.) двух ключевых постов в советском партийно-государственном руководстве, — советский лидер отбыл с официальным 9-дневным визитом в Будапешт. Н. С. Хрущев в это время находился на пике своего внутривластного влияния, и «коллективное руководство», сложившееся после смерти Сталина, сменилось единоначалием. В июне 1957 г. завершилась полным фиаско попытка отстранения Хрущева от власти, предпринятая Г. М. Маленковым, Л. М. Кагановичем и В. М. Молотовым, объявленными «антипартийной группой». В конце октября того же года удаляется из Президиума ЦК КПСС и с должности министра обороны маршал Г. К. Жуков, субъективно воспринимавшийся Хрущевым в качестве последнего еще сохранявшего свои позиции конкурента в борьбе за власть. В ходе громкой пропагандистской кампании прославленный полководец публично обвиняется в попытке вывести из-под партийного контроля Советскую армию — между тем проявившую в тех событиях полную лояльность гражданской власти.

Всего через несколько дней после отстранения Жукова в Москву съезжаются представители 68 коммунистических и рабочих партий мира. Ноябрьские совещания 1957 г., приуроченные к 40-летию Октябрьской революции, стали свидетельством преодоления мировым коммунистическим движением кризисных явлений, вызванных разоблачением сталинских методов на XX съезде КПСС, а затем и применением советской военной силы в Венгрии осенью 1956 г. (вступавшим в противоречие с риторикой XX съезда). Они прошли под знаком единства движения, чуть омраченные лишь нежеланием Союза коммунистов Югославии (СКЮ) подписывать декларацию узкого совещания (т. е. совещания компартий только социалистических стран), вызывавшую слишком явные реминисценции с документами времен Коминтерна и Коминформа, когда компартии руководились и идеологически направлялись из единого центра. Нелояльность югославов была, впрочем, с лихвой компенсирована позицией китайской компартии, второй в мире после КПСС по силе и влиянию. На совещании удалось отсрочить уже назревавший открытый конфликт двух великих коммунистических держав, чьи делегации все же пришли к взаимным компромиссам при выработке итоговых документов. Мао Цзэдун в ходе своего второго (и оказавшегося последним) посещения Москвы, состоявшегося в ноябре 1957 г., хотя и не отказывался в публичных выступлениях от менторской позы (претендуя на роль преемника Сталина), произнес вместе с тем немало дифирамбов в адрес советских лидеров, запустивших в небеса, по его своеобразному определению, «небольшую штукину», ставшую самым наглядным доказательством превосходства социализма над капитализмом.

Спутник, запущенный 4 октября, действительно явился главной международной сенсацией 1957 г., а за полтора месяца до этого, в августе, Советский Союз провел успешные испытания межконтинентальных ракет, ставшие знаком того, что всего через 12 лет после окончания Второй мировой войны понесший огромные разрушения Советский Союз сумел опередить США, главную западную державу (вообще не испытывшую боевых действий на своей континентальной территории), в военно-техническом плане — именно так это событие было воспринято всей американской элитой, впервые увидевшей реальный советский вызов во всей его масштабности¹. Вполне закономерно и символично, что по итогам 1957 г. именно Н. Хрущев признается «человеком года» по версии американского журнала «Тайм»,

¹ Подробнее см.: *Амброз С. Эйзенхауэр: солдат и президент*. М., 1993.

приняв в этом качестве «эстафету» у «венгерского повстанца», собирательный образ которого был признан тем же журналом «человеком года» предыдущего, 1956-го.

Поездка советского лидера в страну, внутривосточные события в которой совсем незадолго до этого, в октябре — ноябре 1956 г., стали серьезнейшим вызовом для советской гегемонии в Восточной Европе, давно планировалась и долго готовилась, состоявшись, когда для нее пришло время. Она носила в большой мере инспекционный характер, что хорошо осознавали и гости, и принимающая сторона, видевшая своей главной задачей показать высокопоставленной советской делегации воочию успехи происходившей в стране нормализации во всех сферах общественной жизни, и прежде всего в экономике.

Это было второе посещение Хрущевым Венгрии в качестве первого лица КПСС². Предыдущий приезд состоялся в самом начале января 1957 г. — советский лидер тогда отбыл в аэропорт всего через несколько часов после завершения новогоднего кремлевского приема, на котором он в непринужденном разговоре с посетившей Москву французской звездной четой Симоной Синьоре и Ивом Монтаном излагал свою версию венгерских событий, терпеливо объясняя своим более молодым западным собеседникам, почему своевременным вмешательством в Венгрии Советская Армия, на его взгляд, спасла мир во всем мире. Тот январский визит Хрущева совсем не освещался в прессе, ведь существовали реальные опасения, что приезд лидера страны, только что подавившей массовое народное восстание, может вызвать новый всплеск оппозиционной активности в венгерском обществе, в огромном своем большинстве не принявшем советской агрессии. Было опубликовано лишь краткое коммюнике по возвращении Хрущева в Москву. Янош Кадар, приведенный к власти в ноябре 1956 г. при прямой советской военной помощи и к началу нового года фактически еще не контролировавший положение в стране, не был пока, конечно же, готов показать советскому лидеру реальные плоды проводимой «нормализации», он лишь выслушивал советы и указания. Следствием январского приезда Хрущева явилось ужесточение по настоянию Москвы внутренней политики: первые казни повстанческих вожаков и приостановка деятельности союза писателей и союза журналистов, воспринимавшихся в качестве идеологических центров оппозиционной активности.

² В 1945 г. он также побывал в Венгрии в бытность первым секретарем компартии Украины.

За 15 месяцев между первой и следующей поездками Хрущева ситуация в Венгрии изменилась. В течение 1957 г. режим Кадара в немалой мере консолидировался, в первую очередь благодаря экономическим вливаниям СССР. Донесения осени 1957 г. из Будапешта не внушали Хрущеву особых беспокойств, так что на встрече с Кадаром в кулуарах московского ноябрьского совещания советский лидер удивительным образом больше говорил не о внутренних венгерских проблемах, а о ситуации на Ближнем Востоке.

Апрельская поездка 1958 г., хорошо организованная, сопровождавшаяся посещением предприятий в городах и госхозов на селе, обилием митингов и речей, встреч с трудящимися, нашедших подробное освещение в венгерской и советской прессе, прошла успешно, убедив Хрущева в том, что глубокий внутривнутриполитический кризис преодолен, власть коммунистов в этой проблемной стране действительно укрепились и Венгрию уже нет особых оснований считать слабым звеном советского блока. Хрущев убедился и в оптимальности сделанного им осенью 1956 г. конкретного персонального выбора, которому тогда препятствовали некоторые его соратники по Президиуму ЦК КПСС, особенно В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов, видевшие в Кадаре подозрительного выдвигенца маршала Тито, ведущего свою независимую от Кремля и «двуличную» политику. Янош Кадар оправдывал доверие советского лидера, поскольку коммунистический режим в Венгрии под его руководством не ослабевал, а укреплялся. Чувство удовлетворенности увиденным сквозило во многих выступлениях Хрущева, человека, склонного к импровизациям и к отступлениям от заранее написанных спичрайтерами текстов, — произнесенных и в ходе поездки по Венгрии, и по возвращении в СССР. Касаясь положения дел в советском блоке в целом, Хрущев также не скрывал оптимизма: «Обстановка сейчас в социалистических странах такая, какой никогда не было. И дальше перспективы наши очень хорошие, очень хорошие, если мы, конечно, глупостей не наделаем, хотя от глупостей никто не застрахован». Не менее благополучным казалось ему весной 1958 г. и положение в самом Советском Союзе — произошло оздоровление руководства, промышленность и сельское хозяйство перевыполняют планы и т. д. и т. п.

Публикуемый ниже документ по сути является текстом одного из выступлений Хрущева, сделанных в Венгрии, но при этом стоит особняком: он не был изначально предназначен для публикации, и потому советский лидер мог более свободно касаться сюжетов, освещение которых в открытой прессе казалось нецелесообразным либо пре-

ждевременным. Равно как мог позволить себе чуть больше вольностей в оценках конкретных политических персоналий. Сама атмосфера праздничного приема по случаю очередной годовщины освобождения Венгрии Красной Армией (в то время главного государственного праздника страны) располагала к более непринужденному общению, и Хрущев, никогда не любивший строго следовать ритуалу, воспользовался этим для того, чтобы донести до своих венгерских собеседников некоторые детали событий осени 1956 г., происходивших не в самой Венгрии, а в мире в связи с венгерскими событиями, а потому им недостаточно известных. Речь идет в числе прочего о встречах советских лидеров в начале ноября 1956 г. с представителями других компартий и об их отношении к происходившему в Венгрии, как и о том, в какой мере, принимая решения по Венгрии, в Москве оглядывались на обострившийся Суэцкий кризис и как просчитывали в этой сложной международной обстановке западную реакцию на силовое вмешательство СССР в одной из стран восточного блока. Многие из затронутых Хрущевым сюжетов нашли отражение не столько в архивных документах, сколько в источниках личного происхождения (в мемуарах самого Хрущева, в опубликованных в 1970-е гг. записях югославского посла В. Мичуновича) — сама обстановка в мире, сложившаяся в конце октября — начале ноября 1956 г., когда два кризиса (суэцкий и венгерский) наложились один на другой, требовала быстрого принятия решений, и не все протоколировалось. И тем важнее источниковая ценность приводимого ниже документа.

Уже в начале своего выступления Хрущев обратился к вопросу о характере и движущих силах венгерского восстания, который, находясь в Венгрии, он никак не мог обойти. Судя по тому, в какой плоскости был поставлен им этот вопрос, он всерьез мучил советского лидера: почему венгерский пролетариат в массовом порядке примкнул к тому, что в Советском Союзе однозначно считали и называли контрреволюцией. Не только Хрущеву, но очень многим наблюдателям в мире пришлось осенью 1956 г. убедиться в том, что рабочий класс Венгрии поддерживает в массе своей развернувшееся движение за национальный суверенитет и за резкое изменение существующей системы — своим участием в забастовках под лозунгами вывода советских войск и проведения свободных выборов, в повстанческих отрядах, но прежде всего созданием рабочих советов на предприятиях. На арену борьбы со сталинистской диктатурой выступил, перефразируя Маяковского, вполне весомо, грубо и зримо реальный рабочий класс, к которому, по словам независимого левого француз-

ского политолога Эдгара Морена, большинство коммунистических партаппаратчиков питало ненависть уже потому, что он «порочил» своими «неправильными» действиями тот идеальный пролетариат, который должен всегда и при любых обстоятельствах всецело подчинить себя направляющей воле правящей компартии. Вкладывая в начале 1950-х гг. большие средства в военную подготовку молодежи, тоталитарная коммунистическая власть по иронии истории сама готовила себе могильщика. Сотни молодых венгров, в том числе и рабочих, получивших в условиях антиюгославской истерии начала 1950-х гг. блестящие профессиональные навыки воинского дела, прекрасно проявили в драматические дни «будапештской осени» свое умение на практике — но не в мифической войне с «цепным псом империализма» маршалом Тито, а в ходе восстания против собственной сталинистской диктатуры.

Таким образом, реальный венгерский опыт участия рабочего класса в событиях, ставивших под угрозу само существование коммунистического режима в этой стране, заставлял людей, приверженных марксистским догмам, глубже задуматься над происходившим. Дежурные формулы типа того, что «в каждом классе, в том числе и в рабочем классе, есть неустойчивые, отсталые, не понимающие своей классовой политики элементы», едва ли казались во всем убедительными и самому Хрущеву, судя по некоторым его оговоркам и по неожиданной готовности прибегать даже к самооправдательной риторике («история нас оправдает, и не только оправдает, если бы был суд, а скажет, что другого выхода не было»). Советский лидер долго развивал эту тему, выискивая при этом все новые и новые аргументы в пользу необходимости советского вмешательства — адресованные как другим, так и самому себе.

В день, когда Хрущев выступал в здании венгерского парламента на праздничном приеме, главное действующее лицо событий октября — ноября 1956 г., тогдашний премьер-министр коммунист Имре Надь, не сумевший овладеть ситуацией в стране и обвиненный позже в сознательном пособничестве «контрреволюции», находился в тюрьме на расстоянии всего каких-нибудь полутора километров от парламента, в здании, неплохо различимом из парламентских окон, выходящих в сторону Дуная. И. Надь выступал в этот день фигурой умолчания, речь о нем напрямую не заходила. Оказались упомянуты (причем только в контексте непростых советско-югославских отношений) лишь два его соратника, одного из которых, Г. Лошонци, к этому времени уже не было в живых — он умер в заключении в декабре 1957 г., так и не дождавшись суда.

Между тем кадаровское руководство дважды переносило судебный процесс по делу Имре Надя, и оба раза по настоянию Москвы. В первый раз — чтобы в самый канун проведения большого совещания компартий не отталкивать югославы, предоставивших И. Надю и его соратникам убежище в своем посольстве 4 ноября 1956 г. и непосредственно вовлеченных в ход последовавших за этим событий, завершившихся их депортацией в Румынию. Во второй раз — в феврале 1958 г., чтобы неблагоприятным фоном судебного процесса не портилось впечатление в мире от адресованных в это же время Западу советских мирных инициатив. Краткая черновая запись обсуждения венгерского вопроса на заседании Президиума ЦК КПСС от 5 февраля содержит неформальную рекомендацию руководству кадаровской Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП) «проявить твердость и великодушие» (ее решено было не отражать в протоколе)³. Она свидетельствует о том, что венгерский лидер в это время был по сути поставлен Москвой в ситуацию выбора: он мог провести судебный процесс уже в конце зимы, вняв совету Кремля проявить великодушие (напрашивается интерпретация: обойтись без смертных приговоров). А мог отложить процесс до тех времен, когда и в Москве в силу тех или иных причин смертный приговор И. Надю восприняли бы как адекватную меру. Сам тот факт, что в ходе апрельских советско-венгерских встреч и переговоров на высшем уровне фигура И. Надя (по крайней мере в публичном дискурсе) на протяжении всех 10 дней, а не только на торжественном приеме, выступала в принципе фигурой умолчания, говорит о том, что Москва по сути доверила Кадару самому принять окончательное решение по этому внутреннему вопросу с учетом прежде всего внутривластной обстановки в стране и уже во вторую очередь интересов мирового коммунистического движения. И Кадар это решение — очень жесткое — принял, сознательно не воспользовавшись предоставившейся ему возможностью пойти на компромисс. К этому можно еще добавить, что после апрельского визита Хрущева в Будапешт венгерский лидер мог позволить себе больше самостоятельности в принятии внутривластных решений, ведь Москва однозначно проявила удовлетворение ходом нормализации в Венгрии и выбор в пользу Я. Кадара был сделан в это время окончательно и бесповоротно, что явилось первым его серьезным тактическим успехом в отношениях с Кремлем.

³ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 293.

Выбор Я. Кадара (ответственность за который всецело лежит на нем самом) был в первую очередь продиктован соотношением сил в руководстве его партии. Хотя его предшественника и крайнего недоброжелателя М. Ракоши, впавшего в немилость Хрущева⁴, отстранили весной 1957 г. от всяких дел и даже сослали подальше от Москвы, в г. Краснодар, откуда труднее было влиять на венгерские дела, его сторонники, пусть даже потесненные со своих прежних должностей, продолжали составлять определенную силу в венгерской внутренней политике. Поддерживая контакты с советским посольством, они пытались влиять на точку зрения кремлевского руководства. Лишь отчасти ослабил их позиции июньский пленум ЦК КПСС 1957 г., нанесший удар по оппонентам Хрущева в Президиуме ЦК, которые (прежде всего Молотов и Ворошилов) даже после того, как Ракоши оказался в опале, выступали за более активное приобщение людей прежней команды к власти в Венгрии. Проявив в деле Имре Надя, осужденного и казненного в июне 1958 г., предельную жесткость (в общем не свойственную этому прагматичному лидеру ВСРП), Кадар в 1958 г. окончательно выбил из рук оружие у своих критиков слева, сторонников полной реставрации той системы, которая была решительно отвергнута венгерским народом в октябре 1956 г. Необходимо также помнить, что Имре Надя до конца своей жизни не только являлся бы центром притяжения для оппозиции, но и самим своим существованием напоминал бы венграм и всему миру о нелегитимности прихода Я. Кадара к власти и был в силу этого крайне неудобен для последнего.

Момент для проведения процесса выбрали наиболее оптимальный с точки зрения интересов советского руководства. Ведь мирные инициативы, заставившие Я. Кадара отложить судебный процесс, не нашли ожидавшейся поддержки на Западе, ни сам суд, ни приговор по делу И. Надя уже никак не могли повлиять на их судьбу. С другой стороны, смертный приговор «ревизионисту» И. Надю совпал по времени с инициированной Москвой кампанией критики в международном масштабе югославского ревизионизма и был этой критике до некоторой степени созвучен.

4 Не только за проводимую прежде политику, вызвавшую крайнее недовольство собственных граждан и приведшую в конце концов к массовому восстанию. Не в меньшей мере и за настойчивые попытки вернуться во власть уже после подавления венгерского восстания. Даже поддерживавшие его в Москве Молотов и Ворошилов, не говоря уже о Хрущеве, к весне 1957 г. считали Ракоши отыгранной фигурой, чего он долго не мог и не хотел понять.

В своем выступлении на приеме 4 апреля Хрущев не только не мог обойти стороной проблемы советско-югославских отношений, но уделил им немало внимания. По его оценке ситуации, с югославами «у нас довольно хорошие отношения, но сейчас набегают некоторые тучки». Как можно понять из этих слов, даже отказ югославской делегации подписать итоговую декларацию ноябрьского узкого совещания компартий не испортил в целом хороших советско-югославских отношений⁵. Поведение югославы в Москве резонно объясняли слишком сильной экономической зависимостью страны от западных кредитов и опасениями лишиться этой поддержки в случае чрезмерного сближения Югославии с советским блоком⁶. При всем подчеркнуто скептическом отношении Хрущева к западной помощи социалистическим странам («мы свободны от капиталистических стран, слава богу, они нам не помогали, а только вредили») — декларируя подобные вещи, бывший фронтовой политработник генерал-лейтенант Н. С. Хрущев делал вид, что не имеет представления о реальной роли ленд-лиза в обеспечении победы над нацистской Германией), эта помощь, предоставленная Югославии, не сыграла сколько-нибудь значимой роли в ухудшении советско-югославских отношений, ведь и экономические связи СССР с Западом независимо от любых деклараций были в это время на подъеме. Поводом для возникновения «набегающих тучек» послужил обнародованный и посланный для ознакомления в Москву проект новой программы СКЮ, который предстояло принять на запланированном на вторую половину апреля VII съезде этой партии. Этот документ хотя и не ознаменовал собой поворота в политике СКЮ, но привел в систему многие положения югославской концепции самоуправления, неприемлемой для руководства СССР. К тому же он в целом ряде пунктов вступал в противоречие с Декларацией Совещания компартий, подписанной в ноябре 1957 г. Наибольшее раздражение в Москве вызвала фактическая постанова в этом документе на одну доску обоих военно-политических блоков — НАТО и ОВД, которым противопоставлялась внеблоковая политика титовской Югославии.

5 При том, что в дни совещания представлявшие СКЮ члены его руководства Э. Кардель и В. Влахович подвергались массированному давлению Хрущева.

6 Кроме того, перед глазами у всех был совершенно свежий инцидент: после установления дипломатических отношений Белграда с ГДР правительство ФРГ порвало с ним дипотношения в соответствии с так называемой «доктриной Хальштейна».

Вопреки рекомендациям Москвы съезд СКЮ принял новую программу партии, и в результате к маю 1958 г. состояние советско-югославских отношений достигает низшей своей за весь послесталинский период отметки, была развязана довольно шумная пропагандистская кампания антиюгославской направленности, пошедшая на убыль лишь через год, в 1959 г. В отличие от 1948–1949 гг. в ходе новой кампании критика лидеров Югославии удержалась на уровне их обвинений в ревизионизме и национализме, не привела к разрыву дипломатических отношений, о «шпионах», «убийцах» и «фашистах» во главе этой страны речь уже не заходила. Желая «проучить» «ревизиониста» Тито (в том числе и притормаживанием с предоставлением ранее обещанных кредитов), в Кремле, однако, не отбросили долгосрочную задачу поддержания со стратегически важной Югославией нормальных партнерских отношений, что заставляло воздерживаться от перегибов в критике.

Нежелание ссориться с Тито, о котором глава КПСС упомянул и в своем выступлении на приеме в венгерском парламенте, объяснялось не только довольно большой популярностью югославского опыта в мировом коммунистическом движении и растущим престижем титовской Югославии на международной арене, но и тем, что совсем не в интересах Хрущева было расписываться в полной неудаче той линии на приближение Югославии к советскому блоку, которой он последовательно придерживался после смерти Сталина в целях устранения схизмы в мировом коммунистическом движении и которая привела к некоторым реальным результатам, прежде всего к установлению хороших межгосударственных отношений в духе подписанных обеими сторонами документов — Белградской декларации 1955 г. и Московской декларации 1956 г. Однако и отказаться от критики носителей схизмы руководство КПСС никак не могло: это означало признаваться на весь мир в собственной слабости, в неготовности отстаивать привычную роль Москвы как главного идеологического центра мирового коммунистического движения. Критика югославского ревизионизма еще была включена в итоговый документ нового большого совещания компартий, состоявшегося в Москве в ноябре — декабре 1960 г., — такой ценой руководство КПСС все еще пыталось (безуспешно) достичь единой платформы с руководством КПК. С началом публичной полемики между компартиями двух больших коммунистических держав руководство СКЮ солидаризируется с КПСС по большинству пунктов в ее идеологических спорах с КПК, что дало новый толчок позитивному развитию советско-югославских отношений.

Вопрос об Имре Наде был наследием 1956-го, и когда-то следовало поставить точку в этом затянувшемся деле. Казнь этого политика явилась источником новых сложностей не только в венгеро-югославских отношениях, но шире — в международном коммунистическом движении. Но долгосрочного влияния она ни на что не оказала⁷. На повестке дня советской и венгерской политики стояли другие вопросы, становившиеся предметом обсуждения в ходе запротоколированных официальных встреч, где уделялось большое внимание двустороннему экономическому сотрудничеству в интересах подъема экономики Венгрии. При всем своем позитивном настрое на дальнейшую помощь Венгрии Хрущев пытался пресекать возможное проявление у венгров иждивенческих настроений: «Мы не такие богатые, чтобы без счета деньги давать. А сколько потеряла Венгрия в результате этого восстания, сколько рабочих дней было потеряно?» — восклицал он на торжественном приеме. Однако забота об экономии средств отходила на второй план, когда советский лидер целиком отдавался во власть присущего ему утопического прожектерства. Лозунг «догнать и перегнать Америку», прозвучавший в одной из речей Хрущева 1957 г., превращается в одну из главных стратегических целей СССР, нашедших отзвук и в его выступлении на приеме в венгерском парламенте, в частности в его рассуждениях о том, что даже люди, совсем не разбирающиеся в политике, именно «через масло, мясо, ботинки, штаны и юбки, через другие вещи станут сразу понимать, что такое социалистический строй и какие преимущества он дает». При этом демонстрацией преимуществ социализма не должна была упускаться из виду конечная цель — строительства коммунизма, которая могла стать достижима только общими усилиями («нельзя без венгров коммунизм строить, не пустят в него, вместе надо идти»).

Публикуемая ниже запись не столько добавляет новые штрихи к портрету Н. С. Хрущева, сколько подтверждает сложившиеся в историографии на основе многих источников представления. Хрущев предстает в документе таким, каков он был, — человеком, об исторической роли которого не приходится говорить однозначно. Даже сознательно взяв на себя миссию разрушителя части сталинского наследия, этот сильный политик хотя и выламывался многими своими действиями из породившей его системы, но оставался ее плотью от плоти. В силу

⁷ См.: Стыкалин А. С. «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия в системе международных отношений. М., 2017. С. 275–295.

своей непоследовательности, идеологической зашоренности, торопливости, утопизма, недостатка общей культуры он несет значительную долю личной ответственности за неудачу радикальной десталинизации. Как отмечал в этой связи в своей публицистике 1980-х гг. известный философ и историк Михаил Гефтер, «ослушник сталинской системы», Хрущев не был способен «совладать со Сталиным в самом себе»; всякая попытка сделать своей программой «анти-Сталина», не порывая с главной составляющей его наследства (бесконтрольностью власти, хотя и сильно заземленной в сравнении со сталинскими временами), должна была неизбежно загнать в тупик как самого Хрущева, так и страну, во главе которой он стоял.

***Речь тов. Хрущева Н. С. на приеме по случаю
Национального праздника Венгерской Народной Республики***

4 апреля 1958 г.

Если высказать сейчас свое мнение о положении в Венгрии, то это, может быть, будет несколько смело — взять на себя характеристику положения в Венгрии.

Но я согласен с тов. Кадаром, что у вас есть основания быть довольными положением, которое сейчас создано после восстания в октябре 1956 года. Нам приятно слышать, что вы одобряете наши действия и нашу роль в преодолении трудностей, которые встретила Коммунистическая партия Венгрии и рабочий класс Венгрии. Разрешите мне поблагодарить за это и попросить, чтобы вы все-таки не повторяли этого дела, чтобы в следующий раз не пришлось вам нас благодарить. (*Аплодисменты.*)

Вопрос был очень сложный для нас, для нашего ЦК. Вы знаете, что к этому времени создались хорошие отношения и наметился спад напряженности во всем мире. Мы знали, что в Венгрии контрреволюции удалось использовать ошибки и извращения, допущенные руководством Венгерской компартии, и захватить власть.

Перед нами стоял вопрос, как нам быть. Мы отвели войска из Будапешта⁸ и видели, что страсти разгораются, идет резня, коммунистов убивают⁹. Потом англичане, французы, Израиль напали на

8 Речь идет о выводе 29–30 октября из Будапешта советских войск, вступивших в город в целях «наведения порядка» в ночь на 24 октября.

9 Масштабная кровавая акция произошла, в частности, 30 октября у здания будапештского горкома Венгерской партии трудящихся, жертвами экстремистов стало более 30 человек.

Египет¹⁰. Было ясно, что эти два выступления, в Венгрии и Египте, были приурочены. Нам французские дипломаты среднего ранга при встречах с нашими дипломатами говорили: у вас трудности в Венгрии, поэтому надо, чтобы вы правильно поняли наши действия в Египте.

Когда мы решали вопрос о том, чтобы пойти навстречу Венгерской коммунистической партии и оказать ей помощь вооруженными силами, мы понимали, что в этом контрреволюционном восстании участвуют рабочие. Мы понимали, что нам потом могут бросить упрек, что мы вооруженными силами якобы вмешиваемся во внутренние дела и что при этих столкновениях будут потери среди рабочих. Но когда мы заседали, мы твердо решили, что мы не можем быть зрителями, потому что когда контрреволюция укрепится и рабочие, которые участвовали в этом, сами поймут, что они были обмануты, они нам не простят этого. Они нам скажут, что они находились в состоянии какого-то психологического шока, под влиянием извращений, которые были допущены прежним руководством, но вы, Коммунистическая партия Советского Союза, имели оружие, имели возможность оказать нам помощь и вы оказались не на высоте пролетарского долга, не на высоте правильной оценки положения и использования возможностей с тем, чтобы пресечь в корне контрреволюцию.

¹⁰ Острый международный конфликт, возникший вследствие национализации президентом Египта Г.-А. Насером в конце июля 1956 г. Суэцкого канала, ранее принадлежавшего британско-французской компании, вопреки трехмесячным международным усилиям так и не был урегулирован на компромиссной основе, причем Великобритания и Франция нашли себе союзника в лице Израиля, имевшего свои территориальные претензии к Египту. 29 октября израильские войска вторглись на Синайский полуостров и предприняли наступление по египетской территории в направлении Суэцкого канала. На следующий день в соответствии с предварительно разработанным (согласованным с Израилем) планом Великобритания и Франция выступили с ультимативным требованием к двум враждующим сторонам отвести свои армии на 10 миль от канала, отрезавшего Синайский полуостров от остальной египетской территории. Это означало, что Египет лишился возможности дать отпор агрессору, Израиль мог беспрепятственно аннексировать Синайский полуостров, а Великобритания и Франция восстанавливали контроль над каналом. Поскольку Насер не принял ультиматум, 31 октября британская авиация начала бомбардировки Каира и Порт-Саида, а в начале ноября на территории Египта высадились британские и французские десантники.

Все видели, что контрреволюция, реакция всего мира потянулась через Вену сюда, в Будапешт¹¹. Если бы мы не приняли мер, то нам, как говорится, в гробу стыть. Что же это за революционеры, как сказали бы верующие люди: бог дал им власть, оружие, но — дуракам, которые не умеют пользоваться тем, что имеют. Гватемала имела демократическое выборное прогрессивное правительство и президента. Американцы послали туда своих переодетых агентов, дали оружие, и эти люди вторглись в пределы Гватемалы и свергли правительство¹². А здесь законное правительство свергла кучка проходимцев, которые претендуют на законность совершенного ими.

Укрепление фашизма в Венгрии — это очень далеко идущие планы. И мы твердо решили, что будем действовать, а если действовать, то надо быстро действовать.

Насчет того, что часть обманутых рабочих участвовала в этом деле. Мы сами вели гражданскую войну. Тов. Мюнних и много венгров, проживающих в Венгрии, участвовали в гражданской войне. Они видели, что против нас на стороне белых кое-где участвовали и русские рабочие.

КАДАР. В 1919 году у нас так же было¹³.

ХРУЩЕВ. Например, на Ижевском заводе сформировали две дивизии из рабочих, которые сражались против Красной армии на стороне Колчака. И в других местах были такие же случаи. Поэтому странно было бы, если бы нас в данном случае это остановило. Я уже как-то рассказывал, что мы мальчонками с одним моим однокашником бегали по руднику, отцы наши работали на шахте. Когда мы выросли, я стал работать на заводе, а он пошел в армию, стал прапорщиком. Когда началась гражданская война, я был в Красной армии, а он пошел к белым, к Корнилову. Мой отец и его были шахтеры, на одной шахте работали. Когда я вернулся после гражданской войны на этот рудник, его отец пришел к нам. Отец его коммунист, а сын — белогвардеец, который был убит в боях против Красной армии.

11 Вопреки реальным фактам Н. С. Хрущев тиражирует здесь расхожую версию советской пропаганды тех лет о якобы происходившей в массовом порядке засылке из Австрии в Венгрию «контрреволюционеров», вербуемых, в частности, из рядов венгерской эмиграции.

12 Речь идет о проведенной в июне 1954 г. ЦРУ акции по свержению левого президента Гватемалы Х. Арбенса.

13 Имеются в виду события, относящиеся к периоду существования Венгерской советской республики в 1919 г.

Тут вопрос классовой политики. В каждом классе, в том числе и в рабочем классе, есть неустойчивые, отсталые, не понимающие своей классовой политики элементы. Все знают, что, например, в до-революционный период шпионов, следящих за рабочими, вербовали из среды рабочих. Даже среди членов партии были завербованные, которые служили реакции. Это было у нас, и у вас это было. Поэтому имеется в виду не персонально каждый рабочий, а имеется в виду класс рабочих, который не может быть обманут, потому что его классовое положение определяет его задачи.

Поэтому мы считали, что история нас оправдает, и не только оправдает, если бы был суд, а скажет, что другого выхода не было, что только так мы должны были действовать.

Мы тогда дали задание военному министру¹⁴ все подготовить и дали ему срок — 3 дня, операцию провести максимум за три дня. До этого мы хотели заручиться мнением других социалистических стран и партий. Я позвонил тов. Гомулке и попросил, чтобы он встретился с нами на любой территории — на нашей или на их территории. Мы встретились на нашей территории¹⁵. С их стороны были тт. Гомулка, Циранкевич; с нашей стороны были Маленков, Молотов и Хрущев. Мы три часа заседали; что сказали нам поляки? Я признаюсь, мы не сказали, что мы выступим вооруженными силами. Мы только задачу поставили: как быть и каково должно быть наше отношение к ситуации, которая сложилась в Венгрии. Польские товарищи сказали: вооруженного вмешательства не должно быть. А как быть? Говорят, что надо дать процессу самому развиваться. А процесс будет развиваться — будут бить рабочих и вырежут коммунистов. Тогда, говорят, рабочие одумаются и правильно оценят, что это — контрреволюция, а сейчас они считают, что это — революция. Тогда они начнут внутреннюю борьбу. Мы им сказали, как это возможно, когда контрреволюция сейчас убивает наиболее активных коммунистов, и она не глупа, она вырежет коммунистов. Тогда кто же будет возглавлять борьбу, тогда потребуются больший период, чтобы накопить силы, потому что наши войска должны уйти.

14 Имеется в виду Г. К. Жуков. Постановление о подготовке решающей силовой акции по смене власти в Венгрии было принято 31 октября 1956 г. См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. М., 1998. С. 484.

15 Встреча советских и польских лидеров состоялась 1 ноября в Бресте.

Мы сказали, что это невозможно. Мы распрощались. Они уехали в Варшаву, Молотов уехал в Москву, а мы с Маленковым полетели в Бухарест, потому что мы договорились с чехословацкими друзьями, с румынами и болгарами встретиться. Когда мы приехали в Бухарест, туда приехали болгары. Мы сказали, что мы к ним заедем, потому что мы наметили через Бухарест, Софию полететь на Брионы, встретиться с Тито.

Румыны и чехи сказали, что дальше терпеть нельзя, мы должны оказать помощь. Тов. Новотный сказал, что они уже оказывают помощь, дают оружие шахтерам, дают им продовольствие, поддерживают их. Они сказали, что они много раздали автоматов.

Румыны также говорили, что если мы будем действовать, то они тоже хотели бы участвовать в этом деле. Я в шутку ответил тов. Дежу, что если уж действовать, то Советскому Союзу одному, это будет спокойнее и лучше, потому что когда-то румыны «действовали» — душили венгерскую советскую республику в 1919 году. Они правильно поняли. Мы и чехам сказали, что возьмем все на себя, мы сильнее всех, и международное положение наше другое. Мы много потеряем, но есть еще что оставить за собой.

После этого мы полетели в Софию и говорили с болгарскими друзьями. Болгарские друзья сказали, что дальше терпеть нельзя, они даже предложили послать туда несколько батальонов, но мы им ответили, что, кроме вреда, это ничего не даст.

Из Софии мы полетели на Брионы. На Брионах, между прочим, была такая погода, что я, много летая, такой погоды не встречал еще ни разу. Самолет-разведчик наш отстал, мы раньше сели и думали, что он погиб, но потом все-таки он выкарабкался и сел на аэродром ночью. Тито выслал своего человека, который встретил нас на аэродроме, провел где-то к катерам, чтобы нас никто не видел. Море было очень бурное, а Маленкова на машине укачивает, и поэтому для него была целая пытка, пока мы добрались до Брион.

Когда мы добрались туда, там были Тито, Кардель, Ранкович. Мы просидели всю ночь. Я предложил Тито, может быть, поспите. Мы ночью должны были вылететь, чтобы обязательно на следующий день быть в Москве, потому что утром наши войска должны были действовать и мы должны были принять окончательный план¹⁶.

16 См.: Постановление Президиума ЦК КПСС от 1 ноября 1956 г. «О положении в Венгрии» // Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2006. Т. 2. Постановления. 1954–1958. С. 476.

Выступление Тито в Пуле¹⁷ меня удивило, потому что когда мы прилетели, Тито сказал, что надо действовать: вы должны выступить своими вооруженными силами. На меня произвело впечатление, что они были очень встревожены. Мы сказали¹⁸, что если фашисты захватят Венгрию, нам плохо будет, но вам хуже всех, потому что тогда разрезается социалистический лагерь и вы будете от нас отрезаны. Реакция, конечно, поднимет голову и внутри Югославии и вне ее. Потом мы им напомнили, что надо иметь в виду, что у них миллион венгров на границе с Венгрией¹⁹. Это тоже не дает успокоения.

Все говорили, что надо действовать. Когда я сказал, что им надо поспать, то Тито ответил, что они три ночи не спят, какой уж сон, давайте решим этот вопрос. А в это время шла война в Египте. Когда говорили о правительстве, не было двух мнений; и мы, и Тито сказали, что, конечно, Кадар должен возглавлять правительство и партию. И о Мюннихе тоже были неплохого мнения. Я тогда узнал, что Апро, Кадар и другие товарищи приехали²⁰. Я несколько раз

17 Имеется в виду выступление Тито на партактиве в Пуле 11 ноября, где он отмежевался от советской политики в Венгрии, назвал одной из главных причин венгерских событий неравноправие отношений внутри советского лагеря и в то же время признал новое венгерское правительство во главе с Я. Кадаром. Тито дал также свою оценку системе, сложившейся в СССР при Сталине, и темпам преодоления сталинского наследия в СССР под влиянием XX съезда КПСС.

18 Памятная записка посла ФНРЮ В. Мичуновича от 6 ноября 1956 г. о переговорах И. Броза Тито, А. Ранковича, Э. Карделя с Н. С. Хрущевым и Г. М. Маленковым в ночь со 2 на 3 ноября 1956 г. на Брионах о положении в Венгрии опубликована: Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М., 2014. Т. 1. 1946–1964. Из работ, содержащих обстоятельный анализ хода и договоренностей брионской встречи, см.: *Едемский А. Б.* Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 года) // *Славянство, растворенное в крови...* В честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова (1930–2005). М., 2010. С. 349–370; *Он же.* По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // *Славянский альманах.* 2010. М., 2011. С. 462–488.

19 Значительное венгерское национальное меньшинство проживает в Воеводине.

20 См. протокольные записи заседания Президиума ЦК КПСС от 2 и 3 ноября 1956 г. с участием будущих членов правительства Я. Кадара: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 515–521, 542–546.

называл Доби. Мне ничего не говорили: я сочувствия не встретил, но и не оспаривали, просто проходили мимо. Тогда Ранкович (я это могу повторить, когда мы будем вместе, я ничего не выдумываю и не добавляю, потому что нельзя этого делать) достал из кармана маленькую книжечку, развернул, посмотрел и говорит: если правительство будет формироваться, хорошо было бы поддержать в этом правительстве очень крепких людей, которых мы очень хорошо знаем, — Доната и Лошанца²¹. Я тогда сказал, что я их не знаю — ни Доната, ни Лошанца. Это теперь говорят, что это такие прохвосты, которых нужно первых повесить. Мне тогда ответили, что я их не знаю, но они их хорошо знают, это очень крепкие люди. Но спор в оценке этих людей не имел никакого значения, потому что не за этим мы приехали.

Одним словом, мы просидели целую ночь, и когда было уже близко к рассвету, мы распрощались. Тито сам сел за руль, привез нас к катеру, на котором мы должны были возвращаться. Мы расцеловались и уехали, а потом улетели.

Но когда мы потом начали действовать и вся эта группа оказалась в югославском посольстве²², то нам стало ясно многое, чего мы раньше

21 Речь идет о Г. Лошонци и Ф. Донате, коммунистах из окружения И. Надя. Оба они вместе с И. Надем утром 4 ноября получили убежище в югославском посольстве, позже их депортировали в Румынию, а весной 1957 г. доставили в Венгрию. Лошонци в момент речи Хрущева уже не было в живых, он скончался в декабре 1957 г. в заключении. Ф. Донат на судебном процессе по делу И. Надя в июне 1958 г. был приговорен к 15 годам тюремного заключения, в 1960 г. амнистирован.

22 Вечером 3 ноября посол ФНРЮ в ВНР Д. Солдатич встретился с министром правительства Имре Надя Г. Лошонци и заявил, что посольство ФНРЮ в Будапеште готово, причем в самое ближайшее время, предоставить в случае необходимости убежище ведущим деятелям ВСРП, в том числе И. Надю и министрам-коммунистам из его правительства. Югославская сторона тем самым по согласованию с Москвой оказала руководству СССР помощь в деле нейтрализации правительства И. Надя, с тем чтобы создать более благоприятные условия для прихода к власти нового правительства, всецело контролируемого СССР. С началом в ночь на 4 ноября советской военной акции по свержению действующего венгерского правительства группа коммунистов (главным образом из окружения Имре Надя) нашла убежище в здании югославского посольства в Будапеште. После выхода из посольства они были задержаны и 23 ноября депортированы в Румынию.

не понимали. И тогда началась известная переписка, которая потом была опубликована²³. Она вам известна, я не буду ее излагать.

Выступление Тито было совершенно другое. Я вам скажу, чем, по нашему мнению, было вызвано выступление Тито в Пуле. Я думаю, что не секрет, что мы не одобряли политику Югославской компартии и сейчас не одобряем. Мы сказали об этом Тито и группе, с которой мы встречались²⁴. Мы расчистили вопросы, мелочи мы отбросили, но вопросы идеологического порядка остались. Мы не разделяем этих взглядов. Я думаю, что югославские товарищи в тот момент, который потряс социалистические страны, видимо, решили выступить и увлечь рабочий класс социалистических стран на так называемый югославский путь. Чем кончилось это, вы знаете.

Сейчас у нас, если говорить о Югославии, хорошие отношения с ними. Но замазывать принципиальных вопросов нельзя, потому что их неучастие в Совещании и неподписание Декларации²⁵ говорит о том, что мы стоим на разных позициях.

23 Положившее начало переписке письмо ЦК КПЮ в адрес ЦК КПСС от 3 декабря 1956 г. см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 730–737. Ответное письмо ЦК КПСС от 10 января 1957 г. опубликовано: Встречи и переговоры... Т. 1. Следующее письмо ЦК СКЮ, датируемое 7 февраля (Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Пер. 45. Док. 84), осталось без ответа. Говоря о публикации, Хрущев, очевидно, имеет в виду ознакомление с советско-югославской перепиской лидеров союзнических стран.

24 Первая после брионских контактов начала ноября 1956 г. встреча советской и югославской партийно-правительственных делегаций на высшем уровне состоялась в Румынии 1–2 августа 1957 г. С советской стороны в переговорах участвовали Н. С. Хрущев, А. И. Микоян, О. В. Куусинен, Б. Н. Пономарев, Н. П. Фирюбин, Ю. В. Андропов, с югославской стороны — И. Броз Тито, Э. Кардель, А. Ранкович, В. Влахович, посол ФНРЮ в СССР В. Мичунович. В ноябре 1957 г. Хрущев встречался с Карделем и Влаховичем, приехавшими в Москву для участия в международном совещании компартий.

25 Делегация СКЮ во главе с Э. Карделем, посетив Москву в ноябре 1957 г., приняла участие в торжествах по случаю 40-летия Октябрьской революции и широком совещании коммунистических и рабочих партий, подписав Манифест мира. В то же время она отказалась принять участие в узком совещании компартий стран, строящих социализм, и не подписала, соответственно, итоговой Декларации. Подробнее о мотивах ее отказа см.: Стыкалин А. С. Секретная миссия Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарева

У нас довольно хорошие отношения, но сейчас набегает некоторые тучки. Мы перед отъездом обсуждали у себя в Президиуме ЦК сложившуюся обстановку²⁶. Югославы, как вам известно, собирают съезд 22 апреля²⁷. Делегация от нашей партии также приглашена. Мы выделили свою делегацию во главе с тов. Поспеловым — секретарем Центрального Комитета, в составе тов. Мжаванадзе — кандидата в члены Президиума ЦК и секретаря ЦК КП Грузии и других товарищей. Мы сообщили об этом югославским товарищам. А потом мы получили проект программы. Когда мы изучили проект программы, мы почувствовали, что мы оказались в очень тяжелом положении, потому что в программе положения направлены против Декларации, подписанной коммунистическими и рабочими партиями в Москве, то есть они поднимают эти спорные вопросы как программные. И там другие вопросы имеются, с которыми мы не согласны²⁸.

Вот перед нами встал вопрос, как быть. Если наша делегация поедет, то молчать неудобно, а если будет выступать, но этих спорных вопросов не поднимет, так что — мы согласны с этим? Критикуется

в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 430–448. Материалы совещаний см.: Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М., 2013.

26 Проблемы советско-югославских отношений не нашли отражения в известных черновых протокольных записях заседаний Президиума ЦК КПСС от 31 марта и 1 апреля 1958 г. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М., 2003. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. С. 303–304. В записи заседания от 24 апреля (уже после возвращения Хрущева из Будапешта) отмечены следующие установки КПСС в отношениях с СКЮ в контексте принятия новой программы СКЮ, неприемлемой для Москвы: «критика настоящая, тон товарищеский, лиц не затрагивать» (Там же. С. 306).

27 VII съезд СКЮ, принявший новую программу СКЮ, состоялся 22–27 апреля 1958 г. в Любляне.

28 Анализ положений полученного проекта программы СКЮ, давший основания считать ее ревизионистской, содержится в «письме братским партиям в связи с VII съездом СКЮ» от 5 апреля, утвержденном в тот же день на заседании Президиума ЦК КПСС, а также в подготовленном для партактива кратком обзоре «О проекте программы СКЮ» (разослано в соответствии с постановлением Президиума ЦК КПСС от 8 апреля). См.: Встречи и переговоры... Т. 1. 1946–1964. Приложение. См. там же советско-югославскую переписку в связи с принятием новой программы СКЮ.

там Сталин, его период руководства, но там нет ни слова критики в адрес Соединенных Штатов Америки. Но если говорить, так со всеми ошибками, за которые мы осудили Сталина, ведь все-таки Сталин наш, период Сталина — это наш период и мы гордимся им, если снять эту накипь. А Соединенные Штаты Америки — это страна, которая добивается господства в мире и является мировым жандармом в борьбе против коммунистического движения.

Я не хочу ссориться с тов. Тито, и мы не хотим ссориться с компартией, мы хотим дружбы с государством и по линии партии, но напрашивается не совсем хорошее сравнение: если хлеб дают американцы, то их тогда не надо трогать, а социалистические страны можно критиковать. Но мы свободны от капиталистических стран, слава богу, они нам не помогали, а только вредили, поэтому мы ничем не связаны, мы их можем на любой волне протащить, можем пользоваться любым русским лексиконом. Уж сорок лет мы прожили, так после 40 лет на 41 году не нам спину гнуть за тухлую пшеницу, тем более она не нужна нам, да они нам и не дают ее. Одним словом, мы живем за счет своих соков, своих сил. Это самое хорошее, потому что капиталист никогда не поможет социалистическому государству так просто, за его голубые или карие глаза.

Когда мы были в Бухаресте²⁹, то Тито спрашивал, почему я все время Бебеля упоминаю. А Бебель сказал, что если тебя враги хвалят, подумай, какую ты глупость сделал, за что они тебя хвалят. Я не буду говорить, если не будешь давать повода. А если будет повод, то как же отказаться от таких замечательных слов, которые каждому рабочему понятны.

Вот я боюсь, что мы сейчас можем попасть в такое критическое положение и, может быть, опять придется опираться на слова Бебеля. Мы бы этого очень не хотели, но дело сводится к тому, что мы, видимо, делегацию не пошлем³⁰ и об этом заявим югославским товарищам. Видимо, мы выступим с критической статьей в журнале «Коммунист» и раскритикуем эти неправильные положения в проекте программы югославских коммунистов³¹.

29 Речь идет о вышеупомянутой советско-югославской встрече начала августа 1957 г.

30 Делегация КПСС не принимала участия в работе VII съезда СКЮ. В качестве наблюдателя на съезде присутствовал посол СССР в ФНРЮ И. К. Замчевский.

31 См. прежде всего программную редакционную статью с изложением официальной точки зрения КПСС в споре с СКЮ: В единстве и

Почему мы считаем невозможным послать делегацию? Если послать делегацию, она должна выступить, а при выступлении она не может обойтись без критических замечаний. Приехать же в гости и критиковать хозяев — это неприлично. Поэтому мы, видимо, воспользуемся такой возможностью, если они нам не откажут, чтобы наш посол был бы наблюдателем на съезде, как югославский посол был наблюдателем на XX съезде³².

Все это мы вынуждены делать, причем очень неохотно делаем, но мы не можем не делать этого. Когда мы встречались с тт. Тито, Ранковичем, Карделем и Влаховичем в Бухаресте, мы сказали, что мы против выступать не будем, но ни одно их выступление против социалистического лагеря мы не оставим без внимания. Вот какое положение.

Я это вам говорю доверительно, здесь все коммунисты, только один здесь меня беспокоит беспартийный (*смех*), но я буду лично просить как моего друга тов. Доби, чтобы он выдержал характер как коммунист, чтобы не наносить нашему общему делу ущерба.

Вас, тов. Доби, не принимают в партию. Давайте договоримся, мы вас примем в партию!³³ (*Смех, аплодисменты.*)

сплоченности марксистско-ленинских партий — залог дальнейших побед мировой социалистической системы // Правда. 1958. 9 мая. О кампании с критикой югославского ревизионизма, проходившей в рамках всего советского блока, см.: *Селиванов И. Н.* На новом витке борьбы против югославского «ревизионизма». Реакция партийной печати социалистических стран Восточной Европы на решения VII съезда Союза коммунистов Югославии (1958 г.) // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки. М.; СПб., 2020. С. 161–187.

32 Посол ФНРЮ в СССР Д. Видич присутствовал в качестве наблюдателя на XX съезде КПСС (14–25 февраля 1956 г.).

33 Деятель левого крыла партии мелких хозяев Иштван Доби (номинальный премьер-министр с декабря 1948 по август 1952 г. и председатель Президиума ВНР в 1952–1967 гг.) был фактически на протяжении многих лет крипто-коммунистом. Даже после фактического роспуска в 1949 г. партии мелких хозяев (председателем которой он был в 1947–1949 гг.) его позиционировали в качестве представителя этой несуществующей партии, чтобы подчеркнуть надпартийный характер действующего правительства. Та же задача сохраняла актуальность и после подавления революции 1956 г., тем более что вопрос о сохранении в политсистеме ВНР партии мелких хозяев, восстановившейся в ходе событий осени

КАДАР. Но это уже будет вмешательство во внутренние дела.

ХРУЩЕВ. Но мы признаем право за коммунистом, что если он захочет переехать в другую социалистическую страну, то пожалуйста. Хотите, мы вам тов. Громыко оставим (*смех, аплодисменты*), но при условии, если тов. Громыко сам изъявит желание.

Вот такая обстановка. Обстановка сейчас в социалистических странах такая, какой никогда не было. И дальше перспективы наши очень хорошие, очень хорошие, если мы, конечно, глупостей не наделаем, хотя от глупостей никто не застрахован.

Мы считаем, что наши отношения с вами — с Венгерской социалистической партией, с правительством, между республиками, между народами — самые лучшие.

Что радует нас, особенно когда мы побывали у вас? Мы думали, что эта наша акция вооруженными силами, видимо, будет затяжной и чтобы ее изжить, нам придется лет 5 «кашлять» этим явлением. Но мы рады, что мы ошиблись в этом.

Когда я принимал Хаммаршельда³⁴, то я сказал ему, почему бы ему не поехать сейчас в Венгрию, вы очень хотели туда поехать. Я ему сказал, что у меня друзья в Венгрии, наша делегация туда поедет и если хотите, то я походатайствую перед руководителями правительства, перед т. Кадаром, перед т. Мюннихом и они пришлют вам приглашение. Тогда там посмотрим, как относятся венгры к Советскому Союзу и какой там режим существует. (*Смех.*)

Раз Хаммаршельд не хочет к вам ехать³⁵, значит, у вас положение хорошее с точки зрения Хаммаршельда и Даллеса, иначе бы он поехал.

Спорных вопросов у нас нет. Делегация переговоры ведет очень хорошо. Единственная претензия к вам: очень хороший был суп, но очень жирный, товарищи. (*Смех.*) Но говорят, что вино нейтрализует жиры.

1956 г., в качестве младшего партнера ВСРП дискутировался в 1957 г. Только после того, как этот вопрос окончательно сняли с повестки дня, Доби был принят в 1959 г. в ВСРП и избран в ее ЦК.

34 Речь идет о посещении генеральным секретарем ООН Д. Хаммаршельдом СССР 24–28 марта 1958 г. Он был принят и Н. С. Хрущевым.

35 Поездка Д. Хаммаршельда в Венгрию так и не состоялась. Уже после его гибели в сентябре 1961 г. в авиакатастрофе в Африке Венгрию посетил в начале июля 1963 г. преемник Хаммаршельда в должности генерального секретаря ООН У Тан. Его приезд по сути был приурочен к снятию венгерского вопроса с повестки дня ООН вследствие объявленной правительством Я. Кадара всеобщей амнистии.

Мы понимаем ваши экономические трудности, и мы знаем, что тов. Апро, который приезжал, не такой уж толстый, но хотел вместить побольше. Я вам скажу, как мы рассуждали, я выдаю вам секрет Президиума ЦК. Мы не такие богатые, чтобы без счета деньги давать³⁶. А потом вы знаете, что когда без счета дают, тогда не уважают того, кто это делает. У нас деньги тоже зарабатывают потом рабочие и крестьяне.

АПРО. Конечно, с расчетом спрашивали.

ХРУЩЕВ. А мы тоже с расчетом обсуждали. Поэтому мы смотрели так: просят много, надо посмотреть, что можно дать. Большими кредитами нельзя стимулировать восстание. После восстания большие кредиты получаются. Это надо и рабочим сказать. А сколько потеряла Венгрия в результате этого восстания, сколько рабочих дней было потеряно? Надо это сказать прямо рабочим. Я сам рабочий, и у нас забастовки были. Я ходил на шахту, на которой я работал, и говорил с шахтерами: вы понимаете, что вы делаете, вы забастовали, но ведь хлеба-то все равно не будет. И они пошли на работу.

Надо рабочим правду говорить — и хорошее, и неприятное, чтобы они знали все. На этом будут воспитываться рабочие, на этом будет закаляться партия.

Я ничего не могу обещать, у нас такой порядок, но, конечно, ваш прирост — 2,8 — мал. Ваши руководители никаких претензий к нам не предъявляют, говорят, что ничего не надо, что всем довольны. Но вот азотно-туковый завод — это хорошее дело, и если мы опоздаем с закладкой, говорили вы, то это создаст трудности, азот нужен. Но мы не стали обсуждать, мы сделали вид, что мы не понимаем намека, и закончили переговоры³⁷. (Смех.)

36 Вице-премьер А. Апро стоял во главе венгерской экономической делегации на двусторонних переговорах по вопросам оказания экономической помощи Венгрии, которые велись в Москве (с перерывами) с конца ноября 1957 г. до середины января 1958 г. Предметом шуток Хрущева стал вопрос о сумме кредита, предоставленного Венгрии по итогам переговоров. Как явствует из документов, «из запрошенного ВНР кредита на 1958 год в сумме 300 млн руб. товаров и свободной валюты СССР счел возможным предоставить кредит в валюте в сумме 40 млн рублей» (Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М., 2012. С. 164).

37 Соглашение об оказании Венгрии советской помощи в строительстве азотно-тукового завода было подписано 18 декабря 1957 г. в ряду других экономических соглашений. См.: Советско-венгерские отношения 1948–1970 гг.: Документы и материалы. М., 1974. С. 233–235.

Товарищи! Я заканчиваю выступление. Если говорить о нашем положении, то у нас в партии сейчас очень хорошее положение, мы очистили руководство, пришли «комсомольцы», комсомольцы такого рода, как я. Ведь 40 лет прошло, и вот не заметили, как старость к нам подкралась. Пришли новые люди. Это оздоровление в руководстве, потому что руководить государством надо десяток лет, работать. Это не потому, чтобы ума набраться, а для того, чтобы узнать порядки и хорошо изучить свое государство.

На большом подъеме у нас сельское хозяйство. Промышленность также перевыполняет планы, строительство идет лучше, чем раньше.

Решение, которое мы приняли на сессии, также будет стимулировать подъем сельского хозяйства³⁸. Сейчас мы готовимся к Пленуму. Наверное, в конце апреля будет Пленум Центрального Комитета, на котором мы поставим вопрос о развитии химии³⁹, об увеличении производства пластических масс и синтетических смол, с тем чтобы увеличить производство тканей и обуви. Это очень интересный замысел. Это атака врага в лоб.

Мы должны в ближайшие годы решить вопрос с обеспечением населения маслом, молоком, мясом. Я не беру хлеб и овощи, они есть. Если мы решим этот вопрос, то по продуктам питания мы возьмем самый большой барьер — Соединенные Штаты Америки.

У нас тяжелое положение с жильем. Мы составили план по строительству жилья на 10–12 лет. Так, как у нас сейчас развивается дело, — видимо, мы эту задачу решим лет в 9–10. Таким образом, будет решен вопрос с жильем. Значит, надо дать одежду и обувь. И вот по химии мы берем план на 7 лет, с тем чтобы через 7 лет выйти на уровень производства на душу населения тканей и обуви такой, какой имеют Соединенные Штаты Америки.

38 1-я сессия Верховного совета СССР 5-го созыва, состоявшаяся 27–31 марта 1958 г., заслушала доклад Н. С. Хрущева «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций». По итогам рассмотрения вопроса на сессии было принято решение о реорганизации МТС в ремонтно-тракторные станции и продаже находившихся в их ведении сельскохозяйственных машин колхозам (в том числе в рассрочку).

39 Пленум ЦК КПСС, состоявшийся 6–7 мая 1958 г., принял постановление «Об ускорении развития химической промышленности и особенно производства материалов и изделий для удовлетворения потребностей населения и нужд народного хозяйства».

Тогда мы покажем преимущества социалистических стран, тогда создадим условия к тому, что марксистско-ленинское учение будут понимать не только политики, которые разбираются в этих вопросах, но даже люди, в политике не разбирающиеся, но через масло, мясо, ботинки, штаны и юбки, через другие вещи станут сразу понимать, что такое социалистический строй и какие преимущества он дает, если Россия из отсталой за эти 40–50 лет стала передовой страной и взяла барьер самой высокоразвитой капиталистической страны, какой являются Соединенные Штаты Америки. А дальше мы проложим собственную дорогу по производству на душу населения, то есть коммунистическую.

Мы — марксисты-ленинцы, и мы понимаем, что как бы ни была велика страна, как бы ни была она богата, но думать, что будет коммунистическое общество в пределах границ Советского Союза, — это значит ничего не понимать в коммунизме.

Видимо, когда у нас создадутся такие условия, то все-таки придется Апро нам уступить и на азотно-туковый завод придется кредиты изыскать. Нельзя без венгров коммунизм строить, не пустят в него, вместе надо идти. (*Аплодисменты.*)

Я это говорю, товарищи, не хвастаясь. Мы понимаем и трудности наши. Этого сразу не сделаешь, но мы видим возможности, а следовательно, можно мобилизовать людей на то, чтобы эти возможности стали реальностью. Возможности эти есть и у вас и у нас!

Товарищи! Хотели бы мы, чтобы такая дружба, которая сложилась сейчас, чтобы она была вечной. Если можно что-то сделать, чтобы она была лучше, — я не могу придумать, видимо, азотно-туковый завод. (*Смех.*) Азот, конечно, содействует росту растений, но мы дружбу ни азотом, ни пшеницей не покупаем. Мы и с богатыми сами дружить не хотим, мы будем дружить только как братья с теми, кто стоит на тех же политических позициях — на марксистско-ленинских. А все остальное как в сообщающемся сосуде. Все мы должны вместе прийти, вместе с вами к коммунистическому строю. Экономика должна переливаться. Страны должны помогать друг другу: те, которые опередили, должны помогать тем, которые отстали. Мы так понимаем политику коммунистическую.

За вас, дорогие друзья! За Центральный Комитет, за членов Центрального Комитета, за вашу партию! (*Бурные аплодисменты.*)

За Политбюро! За руководителей — за товарища Кадара, за товарища Мюнниха, за всех партийных и беспартийных! (*Аплодисменты.*)

Источники и литература

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ).

Амброз С. Эйзенхауэр: солдат и президент. М.: Книга, 1993. 560 с.

Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. М.: Международный фонд «Демократия», 2014. Т. 1. 1946–1964. 880 с.

Едемский А. Б. Был ли тайный сговор на Брионах накануне второй советской интервенции в Венгрии? (Советско-югославские консультации 2–3 ноября 1956 года) // Славянство, растворенное в крови... В честь 80-летия со дня рождения В. К. Волкова (1930–2005) / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2010. С. 349–370.

Едемский А. Б. По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956 г. // Славянский альманах. 2010. М.: Индрик, 2011. С. 462–488.

Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957 г.). М.: РОССПЭН, 2013. 624 с. (Серия: Наследники Коминтерна. Документы и материалы встреч и совещаний представителей коммунистических и рабочих партий).

Правда. 1958. 9 мая.

Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. М.: РОССПЭН, 2003–2008. Т. 1–3.

Селиванов И. Н. На новом витке борьбы против югославского «ревизионизма». Реакция партийной печати социалистических стран Восточной Европы на решения VII съезда Союза коммунистов Югославии (1958 г.) // Москва и Восточная Европа. Национальные модели социализма в странах региона (1950–1970-е гг.). Формирование, особенности, современные оценки / отв. ред. А. С. Аникеев. М.; СПб.: Нестор-История, 2020. С. 161–187.

Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост. Е. Д. Орехова, В. Т. Серeda, А. С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 1998. 863 с.

Советско-венгерские отношения 1948–1970 гг.: Документы и материалы. М.: Политиздат, 1974. 725 с.

Советско-венгерские экономические отношения. 1948–1973. Документы. М.: Международный фонд «Демократия», 2012. 576 с.

Стыкалин А. С. «Дело Имре Надя» в контексте советско-югославских и венгерско-югославских отношений 1950-х годов // Славяне и Россия в системе международных отношений / отв. ред. С. И. Данченко. М.: Институт славяноведения РАН, 2017. С. 275–295.

Стыкалин А. С. Секретная миссия Ю. В. Андропова и Б. Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // Славянский альманах. 2015. № 3–4. С. 430–448.

References

- Ambrose, St. *Eisenhower: soldier and president*. Moscow: Kniga, 1993, 560 p.
- Edemskii, A. B. “Byl li taĭnyĭ sgovor na Brionakh nakanune vtoroi sovetskoi interentsii v Vengrii? (Sovetsko-iugoslavskie konsul'tatsii 2–3 noiabria 1956 goda).” *Slavianstvo, rastvorenoe v krovi... V chest' 80-letia V. K. Volkova*, ed. by K. V. Nikiforov. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2010, pp. 349–370.
- Edemskii, A. B. “Po sledam konkretnykh konsul'tatsii na Brionakh 2–3 noiabria 1956 g.”. *Slavianskii al'manakh: 2010*. Moscow: Indrik, 2011, pp. 462–488.
- Mezhdunarodnye soveshchaniia predstavitelei kommunisticheskikh i rabochikh partii v Moskve (noiabr' 1957 g.)*. Moscow: ROSSPEN, 2013, 624 p.
- Moskva i Vostochnaia Evropa. Natsional'nye modeli sotsializma v stranakh regiona (1950–1970-e gg.). Formirovanie, osobennosti, sovremennye otsenki*, ed by A. S. Anikeev. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2020, 228 p.
- Prezidium TsK KPSS. 1954–1964*. Vols. 1–3. Moscow: ROSSPEN, 2003–2008.
- Sovetskii Soiuz i vengerskii krizis 1956 goda. Dokumenty*, ed. by E. D. Orekhova, V. T. Sereda, A. S. Stykalin. Moscow: ROSSPEN, 1998, 863 p.
- Sovetsko-vengerskie otnosheniia. 1948–1970 gg. Dokumenty i materialy*. Moscow: Politizdat, 1974, 725 p.
- Sovetsko-vengerskie ekonomicheskie otnosheniia 1948–1973. Dokumenty*. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2012, 576 p.
- Stykalin, A. S. “Delo Imre Nagya” v kontekste sovetsko-iugoslavskikh i vengersko-iugoslavskikh otnoshenii 1950-kh godov.” *Slaviane i Rossiia v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii*, ed by S. I. Danchenko. Moscow: Institute of Slavic Studies of the RAS, 2017, pp. 275–295.
- Stykalin, A. S. “Sekretnaia missiia Yu. V. Andropova i B. N. Ponomareva v Belgrad v oktubre 1957 g. (k istorii podgotovki bol'shogo moskovskogo soveshchaniia kompartii).” *Slavianskii al'manakh*, 2015, no 3–4. Moscow: Indrik, 2015, pp. 430–448
- Vstrechi i peregovory na vysshem urovne rukovoditelei SSSR i Iugoslavii v 1946–1980 gg.* Vol. 1. 1946–1964. Moscow: Mezhdunarodnyi fond “Demokratiia”, 2014, 880 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04

A. S. Stykalin, T. A. Dzhaliлов

**“To think that a communist society will be within the borders
of the Soviet Union is to understand nothing about communism”.
An unpublished speech by N. S. Khrushchev in Hungary (April 1958)**

Alexander S. Stykalin

Candidate of History, leading research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: zhurslav@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0834-9090

Teimur A. Dzhaliлов

Head of the department

Russian State Archive of Contemporary History

115035, Sofiiskaya naberezhnaya, 34, building 1, Moscow, Russian Federation

Researcher

Institute of World History, Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: slavikal@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-6791-4793

Citation

Stykalin A. S., Dzhaliлов T. A. “To think that a communist society will be within the borders of the Soviet Union is to understand nothing about communism”. An unpublished speech by N. S. Khrushchev in Hungary (April 1958) // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 389–419 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.4.04

Received: 30.12.2021.

Abstract

In April 1958, a year and a half after the most powerful Hungarian uprising, which shook the very foundations of the communist power in this country, N. S. Khrushchev arrived in Hungary as the head of the Soviet delegation. During the ten day trip, the Soviet leader was shown the success of the normalization of the communist regime in the country. We are publishing a recording of Khrushchev’s speech at a reception on the occasion of the day of the liberation of Hungary from Nazi occupation. Since this particular speech was not originally intended to be reflected in the press, the Soviet leader, by his nature, in principle, prone to violation

of the ritual, improvisation, deviations from the texts written in advance by speechwriters, could more freely address subjects, the coverage of which in the open press seemed inappropriate or premature. The published source is valuable for various reasons. It provides little-known from other sources details on the coordination between the USSR authorities and leaders of other socialist countries regarding actions about the situation in Hungary. It also reflects Khrushchev's reaction to the independent policy of Tito's Yugoslavia, especially to the preparation of the New Program of the League of Communists of Yugoslavia, adopted at the 7th Congress of the latter, which took place at the same time, in April 1958, and was recognized in Moscow as revisionist.

Keywords

N. S. Khrushchev, Hungary, Yugoslavia, Hungarian events of 1956, Soviet-Hungarian relations, Soviet-Yugoslav relations, János Kádár, Josip Broz Tito.

УДК 811.162.3
DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.01

П. Прадкова

Избранные результаты деятельности чешских диалектологов

Прадкова Петра
Магистр филологии, научный сотрудник
Институт чешского языка Академии наук Чешской Республики
Veveří 98, Brno, Чешская Республика
E-mail: pradkova@ujc.cas.cz
ORCID: 0000-0002-8470-8510

Цитирование

Прадкова П. Работа чешских диалектологов в свете избранных результатов их деятельности // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 420–433. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.01

Финансирование

Статья была подготовлена в рамках проекта № DG20P02OVV029 «Говоры чешского языка в интерактивном представлении. Документирование и популяризация исчезающего языкового наследия как неотъемлемой части региональной идентичности»; грантодатель — Министерство культуры, программа NAKI II.

Обзор поступил в редакцию 13.09.2021.

Аннотация

В настоящей статье рассматривается развитие чешской диалектологии и научная деятельность Отдела диалектологии Института чешского языка Академии наук Чешской Республики. Особое внимание уделено проектам, в которых сотрудники института принимали участие в последние десятилетия.

Отдел диалектологии, расположенный в Брно, занимается систематическим изучением традиционных территориальных диалектов. В 1992–2011 гг. вышло 6 томов «Чешского лингвистического атласа», являющегося важнейшим трудом по чешской диалектологии. В 2011 г. чешские диалектологи начали работу над «Словарем говоров чешского языка». Словарь разрабатывается при помощи специальной компьютерной программы. Он базируется на материалах диалектного фонда Чехии, Моравии

и Силезии последних 150 лет. Электронная версия диалектного словаря была запущена в 2016 г. Отдел диалектологии также принимает участие в создании «Общеславянского лингвистического атласа». В 2019 г. чешские диалектологии подготовили к изданию выпуск «Рефлексы **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, **ort*, **olt*».

Ключевые слова

Диалектология, Чешский лингвистический атлас, Словарь говоров чешского языка, Общеславянский лингвистический атлас.

Интерес исследователей к диалектам существует с давних лет. Начало изучения чешских говоров связано с деятельностью лингвистов, писателей и этнографов (Hlavsová I; Hlavsová II). Они собирали данные о чешских говорах и фиксировали замеченные между ними различия. Первый обобщенный взгляд на диалектную дифференциацию был отражен в работе Алоиса Войтеха Шемберы «Основы чешско-словацкой диалектологии» (*Základové dialektologie československé*, 1864).

Следующим трудом, в котором проявился научный интерес к словарному составу чешских говоров, является объемный «Моравский диалектный словарь» (*Dialektický slovník moravský*, 1906) Франтишека Бартоша. Бартош был значимой фигурой в культурной и научной жизни Моравии, педагогом, лингвистом, этнографом. Главный диалектологический труд Бартоша посвящен Моравии и Силезии, поэтому его называют основателем моравской диалектологии. Словарь Бартоша стал образцом для последующих работ, им, например, вдохновлялся Ян Франтишек Грушка. Его «Ходский диалектный словарь» (*Dialektický slovník chodský*, 1907) является первым диалектным словарем собственно чешских земель.

Расцвет диалектологии наступает после Второй мировой войны. Систематическая и организованная деятельность чешских диалектологов началась с созданием в 1946 г. Института чешского языка. В 1952 г. был открыт Отдел диалектологии в Брно, где он находится по сей день. Отдел диалектологии занимается в первую очередь систематическим изучением традиционных территориальных диалектов чешского национального языка и дальнейшей обработкой полученного диалектного материала.

С 1947 г. Диалектологическая комиссия Чешской академии наук последовательно издавала вопросники (всего их вышло тринадцать), концентрирующиеся прежде всего на основных фонетических и мор-

фологических явлениях, с целью изучить данные диалектные явления и получить наглядную картину их географического распространения, то есть создать комплексное представление об актуальном на тот момент состоянии диалектов внутри ареала распространения чешского национального языка («Вопросник для юго-западных чешских говоров», «Вопросник для северо-восточных чешских говоров», «Вопросник для юго-восточных чешских говоров», «Вопросник для центральночешских говоров с учетом обиходно-разговорного чешского», «Вопросник для ганацких говоров», «Вопросник для моравско-словацких говоров», «Вопросник для чешских ляшских говоров», дополнительные «Специальный вопросник для западночешских говоров», «Специальный вопросник для периферийных западночешских областей», «Специальный вопросник для южночешских говоров», «Специальный вопросник для периферийных доудлебских южночешских говоров», «Специальный вопросник для периферийных территорий северо-восточных чешских говоров», «Специальный вопросник для северо-восточных чешских говоров»). Авторами вопросников для чешского региона были Б. Гавранек, О. Гуйер, В. Шмилауер, В. Важный, для Моравии — Я. Белич, А. Грегор, А. Келлнер, Ф. Копечны, Ф. Сверак. В 1954 и 1958 г. были также составлены два выпуска лексического вопросника (Jančák 1955; Utěšený 1957). По этим вопросникам было проведено диалектологическое исследование путем опроса корреспондентов. Обработанный материал был отражен на крупноформатных картах со знаками и на схематических картах формата А5, которые при помощи изоглосс обобщали ситуацию, представленную на больших картах. Именно эти маленькие карты, дающие общее представление о географическом распространении картографируемых явлений, стали исходным материалом объемного труда Я. Белича «Очерк чешской диалектологии» (*Nástin české dialektologie*, 1972), который представил подробную картину актуального на тот момент состояния чешских диалектов и познакомил читателей с проблематикой развития диалектов, а также с состоянием и задачами чешской диалектологии. На основе диалектного материала, собранного с помощью региональных вопросников, был написан ряд промежуточных статей, а также несколько монографий, например, «Юго-западные чешские говоры I» и «Юго-западные чешские говоры II» (*Česká nářečí jihozápadní I*, 1955; *II*, 1976) Й. Ворача; «Говоры переходной чешско-моравской зоны» (*Nářečí přechodového pásu česko-moravského*, 1960) С. Утешеного. Результаты исследования также пригодились при составлении объемного инвентаря дифференциальных явлений и создании «Вопросника для

изучения чешских говоров» (Dotazník 1964–1965). Он содержит 2649 позиций, распределенных по двум разделам: часть А включает в себя лексико-семантические группы (местное и домашнее пространство; хозяйство; сельскохозяйственные работы; природа; человек; жизнь человека; общественная жизнь), часть В посвящена морфологии всех частей речи, синтаксису и избранным словообразовательным явлениям. На основании этого вопросника диалектологи, прошедшие соответствующую подготовку, провели полевой сбор материала для «Чешского лингвистического атласа», ЧЛА (*Český jazykový atlas, ČJA*). В 1964–1972 гг. было обследовано 420 населенных пунктов в сельской местности (223 пункта в Чехии, 197 в Моравии и Силезии). В число обследуемых пунктов также вошло пять деревень, расположенных на территории современной Польши, а именно две старые чешские деревни в Клодзском повяте (Слоне и Якубовице; так называемый Чешский уголок) и три деревни бывшей Опавской Силезии (Бранице, Петровице Вельке, Кшановице). Параллельно также исследовались говоры в тринадцати избранных селах старой чешской колонизации в Румынии, бывшей Югославии и Польше.

В 1973–1976 гг. продолжался сбор материала в 57 городах. Он был направлен на фиксацию повседневной речи, были исключены единицы, связанные с традиционной жизнью в сельской местности. Для этих целей был разработан «Дополнительный лексический вопросник для исследования речи в городах», содержащий вопросы о 139 единицах, касающихся реалий городской жизни («трамвай», «кинотеатр», «ковер» и т. п.), часть вопросов была адресована исключительно молодежи, чтобы зафиксировать сленговые выражения в школьной и студенческой среде («получить двойку», «провалиться», «директор» и т. п.).

На основе собранного материала в Отделе диалектологии Института чешского языка АН ЧР в 1992–2011 гг. был создан объемный 6-томный труд «Чешский лингвистический атлас». ЧЛА содержат 1 558 карт и 1 578 комментариев. Тома 1–3 (ČJA 1, ČJA 2, ČJA 3) посвящены лексике, связанной с традиционным укладом жизни (группы людей, местное и домашнее пространство, сад и огород, животные, лес и растения, пейзаж, время и погода, деревня раньше и сейчас, развлечения и традиции, усадебное хозяйство, полевые работы, сельскохозяйственные орудия и инструменты, домашний скот и птица), 4-й том (ČJA 4) посвящен морфологии, 5-й том (ČJA 5) содержит главы о фонетике, синтаксису и описывает результаты дополнительного изучения городской речи, 6-й том (ČJA 6) «Дополнения» содержит некоторые уточнения и дополнения.

В процессе подготовки 1-го тома ЧЛА авторский коллектив избрал способ отражения диалектного материала, который в то время был уникальным и новаторским для ареальной лингвистики. На картах используется синтетический способ отражения, ареальное членение показано при помощи комбинации двухмерной техники (изоглоссы с подписями и штриховка) и техники присвоения пунктам знаков (линейных и фигурных). Каждому слову в ЧЛА соответствует не только карта, но и комментарий, состоящий из нескольких разделов. Первый раздел представляет собой список зафиксированных диалектных вариантов, во втором разделе анализируется значение рассматриваемого слова, в третьем дано краткое описание карты, выделены важные языковые явления и их закономерности. В некоторых случаях в третьем разделе дано словесное описание территориального распространения языковых явлений, которые не были отмечены на карте. В четвертом разделе приведена характеристика картографированных выражений в виде словарика, все примеры рассматриваются в соотношении с лексическим составом чешского языка на более ранних этапах и в наши дни, а также с другими западнославянскими языками (при описании развития и современных форм тех или иных диалектных выражений были использованы, например, «Старочешский словарь» (*Slovník staročeský*) Я. Гебауэра, «Чешско-немецкий словарь» (*Slovník česko-německý*) Й. Юнгмана, «Словарь литературного чешского языка» (*Slovník spisovného jazyka českého*), «Словарь словацкого языка» (*Slovník slovenského jazyka*), «Словарь польского языка» (*Slovník jazyka polskiego*)). Приведено также краткое этимологическое толкование слов. В пятый раздел включены диалектные примеры, зафиксированные во время полевого исследования у чехов за границей. В шестом разделе приведены ссылки на карты и комментарии в западнославянских лингвистических атласах, а также в «Общеславянском лингвистическом атласе» и в «Лингвистическом атласе Европы», в которых рассматривается сходная проблематика. У некоторых комментариев есть также седьмой раздел, в котором кратко описывается слово, не картографированное в ЧЛА (например, у слова *líný* 'ленивый' (ЧЛА 1: 77) в седьмом разделе приведены такие существительные, называющие ленивого человека, как *shnilák*, *lenoch* и др.).

Заключительный том «Дополнения» является обобщающим, делает ЧЛА единым целым, дает читателям некоторые уточнения и дополнения. В нем можно найти характеристики изученных пунктов, библиографию чешской диалектологии после 1968 г. (более ранняя библиография приведена в «Очерке чешской диалектологии» Я. Бели-

ча). Также в этом томе целиком опубликован «Вопросник для изучения чешских говоров» (1964–1965), впервые опубликован «Дополнительный лексический вопросник для исследования речи в городах». Значительную часть тома составляют сводные указатели (для томов 1–5): указатель обработанных слов, указатель диалектных форм и именной указатель авторов. Указатель обработанных слов по сравнению с промежуточными указателями слов, содержащихся в каждом томе ЧЛА, был расширен за счет так называемых дополнительных слов, которые не анализировались отдельно, но встречались в комментариях. Указатель диалектных форм также отличается от промежуточных указателей в отдельных томах ЧЛА, которые фиксировали только формы, отраженные на картах, — он включает в себя в том числе некартографированные явления, упоминавшиеся лишь в комментариях. Составной частью «Дополнений» также являются звуковые записи диалектной речи, которые были сделаны в ходе полевых исследований для ЧЛА. Они представлены на двух CD (первый CD содержит 36 нарративов из Чехии, второй — 34 нарратива из Моравии и Силезии). В книге, разумеется, приведены расшифровки нарративов в форме упрощенной фонетической транскрипции, каждая расшифровка снабжена краткой характеристикой диалектных явлений, содержащихся в примере.

Для того чтобы как можно больше пользователей смогли получить доступ к работе, в интернете была опубликована электронная PDF-версия ЧЛА, которая отражает бумажный оригинал (<https://cja.ujc.cas.cz/>). В электронной версии можно просматривать каждый том в отдельности, однако нельзя просмотреть все шесть томов сразу. Поэтому Отдел диалектологии приступил к созданию HTML-версии ЧЛА, которая должна стать более привлекательной для пользователей в соответствии с современными тенденциями в создании онлайн-словарей, — она позволяет производить расширенный поиск в словнике и указателе всех томов ЧЛА по названию статьи или по инвариантам слова. На данный момент доступны первые четыре тома (<https://cja.ujc.cas.cz/e-cja/>).

Материал, собранный в рамках работы по созданию «Чешского лингвистического атласа», стал одним из источников для «Словаря говоров чешского языка» (SNČJ), работу над которым Отдел диалектологии Института чешского языка АН ЧР начал сразу по окончании ЧЛА (2011). Самым важным и обширным источником является «Архив народного языка» (*Archiv lidového jazyka*), который постоянно пополняется с 1952 г. (Zimová 1954). Источниками материала для него являются ранние печатные и рукописные работы, посвященные гово-

рам, словари, диалектная лексика из корреспонденции (Zimová 1956, Zimová 1961), в настоящее время он пополняется за счет выдержек из дипломных работ и диссертаций, продолжает проводиться непосредственно полевая работа. На сегодняшний день он содержит приблизительно 1,5 миллиона форм. Изначально он представлял собой бумажную картотеку с ценным содержанием: на некоторых карточках были приведены подробные комментарии, описания и зарисовки предметов. Бумажная картотека была оцифрована в 2010 г., с тех пор пополняется исключительно электронная база данных «Архива народного языка».

Другим важным источником является «Архив звуковых записей диалектной речи» (*Archiv zvukových záznamů nářečnických promluv*), в котором собраны записи диалектных нарративов, сделанные во время полевых исследований, проводившихся для ЧЛА и позднее (новейшие записи звучащей речи из полевых исследований, дипломных работ и диссертаций).

«Словарь говоров чешского языка» репрезентирует лексический состав всех говоров национального языка. Он также включает в себя специфические выражения из сферы традиционных профессий и ремесел, многие из которых выходят из употребления в наши дни. Данный словарь является недифференцированным, относительно полным, содержит в том числе лексемы, совпадающие с литературным языком, слова, входящие в основной лексический фонд, и слова, которые в своем основном значении не подлежат географической дифференциации.

Он выходит в электронной форме (однако его бумажное издание в последующие годы не исключается). Для составления словарных статей было разработано специальное программное обеспечение. Редактирование статьи осуществляется с помощью электронного формуляра, в котором автор вносит необходимые данные (диалектные варианты, частеречные и грамматические характеристики, примеры, область распространения и т. д.) в отдельные графы. Помимо самого слова, которое уже предзаполнено (в силу того, что редактор открывается через электронный словник нажатием иконки рядом с выбранной лексемой, программа уже знает, какое слово будет редактироваться), заполняются сведения о части речи и, в зависимости от нее, сведения о числе, падеже, виде. Приводятся также все диалектные варианты слова, которые впоследствии будут отображаться в статье в скобках после основного слова. Заполняется также толкование (в первую очередь в соответствии со «Словарем литературного чешского

языка»), в отдельные графы вносятся диалектные примеры (в составе предложений и словосочетаний) в виде диалектной транскрипции. Для каждого из них указываются сведения о месте записи (название населенного пункта и сокращенное название района, либо название области / региона, например *Znojemsko*, *Valašsko*). Для некоторых типов примеров используются графические символы: отрывки песен, поговорки, считалки и другие произведения фольклора обозначаются черным треугольником ▲, символ ■ обозначает составное наименование, а черный кружок ● используется в примерах из области фразеологии и идиоматики. Также в статье могут быть слова, входящие в словообразовательное гнездо рассматриваемого слова (они приводятся после знака →), и ссылки на словари, если в них есть статьи, соответствующие лемме («Настольный словарь чешского языка» (*Průruční slovník jazyka českého*)), «Словарь литературного чешского языка» (*Slovník spisovného jazyka českého*), «Словарь микропонимов Чехии» (*Slovník pomístních jmen v Čechách*), «Словарь микропонимов Моравии и Силезии» (*Slovník pomístních jmen na Moravě a ve Slezsku*), ЧЛИА). На основе заполненного формуляра программа формирует словарную статью. Готовые статьи публикуются в онлайн-словаре (<https://sncj.ujc.cas.cz/>), в настоящее время доступны слова на буквы А–Ď.

Еще одним крупным проектом, в котором участвуют чешские диалектологи, является «Общеславянский лингвистический атлас» (ОЛИА). Это один из важнейших проектов славянского языкознания (Přadková 2020). Проект является наднациональным, в нем принимают участие структурные подразделения университетов и академий всех стран, где население говорит на славянских языках (Польша, Чехия, Словакия, Германия, Беларусь, Украина, Россия, Словения, Хорватия, Босния и Герцеговина, Черногория, Сербия, Северная Македония и Болгария).

Идея всеславянского атласа была высказана еще на Первом международном съезде славистов, проходившем в 1929 г. в Праге. После Четвертого международного съезда славистов в Москве в 1958 г., на котором был конкретизирован способ комплексной обработки говоров отдельных славянских языков, была создана инициативная группа под руководством Р. И. Аванесова, в задачи которой входило предпринять необходимые шаги для создания «Общеславянского лингвистического атласа». В эту комиссию также входили знаменитые чешские лингвисты Б. Гавранек, Ф. Травничек, Я. Белич. В 1962 г. инициативная группа была трансформирована в Международную комиссию Общеславянского лингвистического атласа при Международном комитете славистов, в которую вошли крупнейшие слависты

из стран-участниц проекта. Она была окончательно сформирована в 1963 г. Международная комиссия руководит работой над ОЛА не только организационно, но прежде всего определяя концепцию проекта. Позднее внутри стран-участниц, которых на тот момент в соответствии с административным и политическим устройством было шесть (Чехословакия, ГДР, Польша, СССР, Югославия и Болгария), были созданы так называемые национальные комиссии. Международная комиссия регулярно организует заседания, на которых коллектив авторов обсуждает решение проблем, возникших при обработке материала. Рабочим языком является русский.

Появилась также необходимость разработать единую систему диалектной транскрипции. После изменений, внесенных в первый проект транскрипции 1963 г., на заседании в Москве в 1964 г. был одобрен ее окончательный вариант. Она была напечатана в виде отдельной публикации (Транскрипция 1964), а позже в «Вопроснике ОЛА» (Вопросник 1965), финальная редакция которого была подготовлена и опубликована в 1965 г.

Так или иначе, создание вопросника заняло несколько лет. Сначала был разработан пробный вопросник для сбора материала (работа по его созданию началась после встречи инициативной группы в Варшаве в 1959 г.), в 1961 г. он был принят на пражском заседании, после чего опубликован в журнале «Вопросы языкознания» (ВЯ 1963: 67–74) со вступительным комментарием Я. Белича. Исследование по этому вопроснику было проведено в 42 избранных пунктах, результаты сбора материала по пробному вопроснику опубликовал С. Утешеный (1965: 98–108). На заседании 1964 г. в Москве была принята окончательная редакция «Вопросника ОЛА».

Полевое исследование в рамках разработки ОЛА проходило с 1965 г. На заседании Международной комиссии ОЛА при Международном комитете славистов, которое состоялось в рамках 6-го международного съезда славистов в 1973 г. в Варшаве, члены комиссии констатировали, что полевое исследование во всех пунктах завершено, а полученный диалектный материал можно далее обрабатывать и готовить к публикации.

ОЛА выходит в двух сериях: лексико-словообразовательной и фонетико-грамматической. В качестве метода картографического отражения диалектной ситуации была избрана фиксация явлений на карте с помощью знаков. Составление карт атласа проводится при помощи специальной программы MapOLA. Выпуски публикуются странами-участницами ОЛА. Они объединены общим концептом: по-

сле вступительной статьи, посвященной разрабатываемой в выпуске теме, приводится система фонетической транскрипции, легенда и список обследованных пунктов. Далее следует раздел с картами. Список диалектных форм представлен на левой (четной) странице, на правой (нечетной) странице находится карта с легендой и комментарием. В некоторые выпуски включены также сводные карты, комментарии к ним. Слова в лексических выпусках представлены разделенными на морфемы, помимо аналитических карт в них присутствуют также обобщающие и мотивационные карты.

В 2019 г. Чешская национальная комиссия издала выпуск «Рефлексы **tort*, **tolt*, **tert*, **telt*, **ort*, **olt*» (Ireínová, Pŕadková 2019). Его редакторы — члены Чешской национальной комиссии ОЛА Мартина Иреинова и Петра Прадкова, сотрудницы Отдела диалектологии Института чешского языка АН ЧР в Брно. С 2017 г. в редколлегию также входили Н. П. Антропов из Белорусской национальной комиссии и П. Е. Гриценко из Украинской национальной комиссии.

Данный выпуск посвящен развитию праславянских сочетаний **or*, **ol*, **er*, **el* в интерконсонантных (**tort*, **tolt*, **tert*, **telt*) и начальных (**ort*, **olt*) позициях слов в диалектах славянских языков. Разрабатываемая тема метатезы плавных настолько сложна, что возникла необходимость основательно переработать и значительно расширить легенду, использующуюся во всех фонетических выпусках. Для составления карт, отражающих проблематику метатезы плавных, использовались новые знаки, которые специально для данного выпуска в программе FontCreator разработала П. Прадкова в соответствии с так называемой обобщающей легендой, обязательной к использованию во всех выпусках фонетико-грамматической серии. Выпуск содержит в общей сложности 79 карт. Рефлексы **tort* представлены на 25 картах, **tolt* — на 18, **tert* — на 16, **telt* — на 9, **ort* — на 9 и **olt* — на 2 картах. Карты снабжены легендами и комментариями, а также дополнены перечнем диалектного материала. Важной частью выпуска является вступительная статья, в которой помимо теоретического изложения процесса метатезы плавных на территории распространения славянских языков подробно анализируется и комментируется обработанный материал.

Задачей авторского коллектива ОЛА, членами которого были и остаются чешские диалектологи, является интерпретация славянского диалектного материала как на сравнительно-историческом, так и на синхронно-типологическом уровне. Первый метод подтверждает теорию о возникновении праславянского лингвистического единства и его постепенной диалектной дифференциации, которая вела к по-

следующему формированию современных славянских языков. С помощью синхронно-типологического метода можно показать типологические различия на отдельных уровнях генетически родственных языков. ОЛА имеет исключительное значение не только для лингвистики, он также является источником знаний для ряда других научных дисциплин, среди которых, например, история, культурология, этнология и религиоведение.

Отдел диалектологии работает и над другими проектами, которые здесь подробно не обсуждались (например, «Словарь микропонимов Моравии и Силезии», «Лингвистический атлас Европы»), и ставит перед собой целый ряд задач для будущей работы. Диалектологи в рамках полевых исследований постоянно проводят сбор диалектного материала и занимаются его обработкой. Очень важной задачей является создание «Словаря говоров чешского языка» и завершение работы над HTML-версией «Чешского лингвистического атласа». Готовится также интерактивная система, которая должна объединить «Словарь говоров чешского языка» как с «Чешским лингвистическим атласом», так со «Словарем микропонимов Моравии и Силезии», конечная цель которой — сделать доступными результаты работы чешских диалектологов для лингвистов, педагогов, студентов и широкой общественности.

Перевод С. А. Борисова

Источники и литература

Вопросник 1965 — Вопросник Общеславянского лингвистического атласа / гл. ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1965. 270 с.

ВЯ 1963 — Пробный вопросник к общеславянскому лингвистическому атласу // Вопросы языкознания. 1963. № 1. С. 67–74.

Транскрипция 1964 — Фонетическая транскрипция для Общеславянского лингвистического атласа / ред. Р. И. Аванесов. М.: Наука, 1964. 22 с.

Утешеный 1965 — *Утешеный С.* Из опыта работы с пробным Вопросником Общеславянского лингвистического атласа // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. М.: Наука, 1965. С. 98–108.

ČJA 1–2 — *Balhar J., Jančák P.* (eds.). Český jazykový atlas 1. Praha: Academia, 1992. 428 s. 2. Praha: Academia, 1997. 508 s.

ČJA 3–5 — *Balhar J.* (ed.). Český jazykový atlas 3. Praha: Academia, 1999. 578 s. 4. Praha: Academia, 2002. 627 s. 5. Praha: Academia, 2005. 681 s.

ČJA 6 — *Balhar J.* (ed.). *Český jazykový atlas. Dodatky.* Praha: Academia, 2011. 580 s.

Dotazník 1964–1965 — *Dotazník pro výzkum českých nářečí. Ústav pro jazyk český ČSAV, dialektologické oddělení Praha–Brno.* Praha: [s. n.], 1964–1965. 216 s.

Hlavsová I — *Hlavsová J.* Počátky české dialektologie // *Naše řeč.* 1987. Vol. 70. S. 75–81.

Hlavsová II — *Hlavsová J.* Počátky české dialektologie II // *Naše řeč.* 1987. Vol. 70. S. 141–149.

Ireinová, Přadková 2019 — *Ireinová M., Přadková P.* (eds.). *Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 9. Рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt.* Praha: Academia, 2019. 191 s.

Jančák 1955 — *Jančák P.* Lexikální výzkum našich nářečí // *Naše řeč.* 1955. Vol. 38. S. 245–247.

Přadková 2020 — *Přadková P.* *Slovanský jazykový atlas. Věda kolem nás.* Praha: Academia, 2020. 17 s.

SNČJ — *Slovník nářečí českého jazyka.* Brno: Dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, 2016. URL: <https://sncj.ujc.cas.cz> (accessed: 10.09.2021).

Utěšený 1957 — *Utěšený S.* K dotazníkovému výzkumu slovní zásoby českých nářečí // *Naše řeč.* 1957. Vol. 40. S. 222–227.

Zimová 1954 — *Zimová B.* Archiv lexikálního materiálu lidového jazyka // *Naše řeč.* 1954. Vol. 37. S. 235–239.

Zimová 1956 — *Zimová B.* Práce dopisovatelů při tvoření archivu lidového jazyka // *Naše řeč.* 1956. Vol. 39. S. 241–242.

Zimová 1961 — *Zimová B.* Soustavnost v práci dopisovatelů archivu lidového jazyka // *Naše řeč.* 1961. Vol. 44. S. 243–245.

References

- Český jazykový atlas 1*, ed. by J. Balhar, P. Jančák, Praha: Academia, 1992, 428 p.
Český jazykový atlas 2, ed. by J. Balhar, P. Jančák, Praha: Academia, 1997, 508 p.
Český jazykový atlas 3, ed. by J. Balhar, Praha: Academia, 1999, 578 p.
Český jazykový atlas 4, ed. by J. Balhar, Praha: Academia, 2002, 627 p.
Český jazykový atlas 5, ed. by J. Balhar, Praha: Academia, 2005, 681 p.
Český jazykový atlas. Dodatky, ed. by J. Balhar, Praha: Academia, 2011, 580 p.
Dotazník pro výzkum českých nářečí. Ústav pro jazyk český ČSAV, dialektologické oddělení Praha–Brno. Praha, [s. n.], 1964–1965, 216 p.
Foneticheskaja transkripcija dlja Obshchieslavjanskogo lingvisticheskogo atlasa, ed. by R. I. Avanesov, Moscow: Nauka, 1964, 22 p.

Hlavsová, J. “Počátky české dialektologie.” *Naše řeč*, 1987, vol. 70, pp. 75–81.
Hlavsová, J. “Počátky české dialektologie II.” *Naše řeč*, 1987, vol. 70, pp. 141–149.
Jančák, P. “Lexikální výzkum našich nářečí.” *Naše řeč*, 1955, vol. 38, pp. 245–247.
*Obshcheclavianskii lingvisticeskii atlas. Serii fonetiko-grammaticheskaia. Vol. 9. Refleksy *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt*, ed. by M. Ireinová, P. Prádková. Praha: Academia, 2019, 191 p.

Prádková, P. *Slovanský jazykový atlas. Věda kolem nás*. Praha: Academia, 2020, 17 p.

“Probní voprosnik k obshchslavianskomu lingvisticeskemu atlasu.” *Voprosy iazykoznanii*, 1963, vol. 1, pp. 67–74.

Slovník nářečí českého jazyka [online]. Brno: dialektologické oddělení Ústavu pro jazyk český AV ČR, 2016. URL: <https://sncj.ujc.cas.cz> (accessed: 10.09.2021).

Utěšený, S. “K dotazníkovému výzkumu slovní zásoby českých nářečí.” *Naše řeč*, 1957, vol. 40, pp. 222–227.

Voprosnik Obshchslavianskogo lingvisticeskogo atlasu, ed. by R. I. Avanesov. Moscow: Nauka, 1965, 270 p.

Zimová, B. “Archiv lexikálního materiálu lidového jazyka.” *Naše řeč*, 1954, vol. 37, pp. 235–239.

Zimová, B. “Práce dopisovatelů při tvoření archivu lidového jazyka.” *Naše řeč*, 1956, vol. 39, pp. 241–242.

Zimová, B. “Soustavnost v práci dopisovatelů archivu lidového jazyka.” *Naše řeč*, 1961, vol. 44, pp. 243–245.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.01

P. Prádková

Czech dialectology: Selected results and achievements

Petra Prádková
MA in Philology, research fellow
Czech Language Institute of the Czech Academy of Sciences
Veveří 98, Brno, Czech Republic
E-mail: pradkova@ujc.cas.cz
ORCID: 0000-0002-8470-8510

Citation

Prádková P. Czech dialectology: Selected results and achievements // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 420–433 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.01

Acknowledgements

This paper was created on the basis of the project No. DG20P02OVV029 *Czech dialects in an interactive view. Documentation and ways to accessibility of the disappearing linguistic heritage as integral part of regional identities*; support provider: Ministry of Culture of the Czech Republic, NAKI II Program.

Received: 13.09.2021.

Abstract

This article is devoted to the development of the Czech dialectology and to the activities of the Department of Dialectology of the Czech Language Institute of the Czech Academy of Sciences.

The Department of Dialectology in Brno systematically examines traditional territorial dialects. Between 1992 and 2011 six volumes of the *Czech Linguistic Atlas* were published. Since 2011, Czech dialectologists have been working on the *Dictionary of Czech Dialects*. The dictionary is being created in a special computer programme. The dictionary captures the dialect lexicon in Bohemia, Moravia and Silesia over the past ca. 150 years. An electronic version of the *Dictionary* has been available since 2016. The Department of Dialectology is a team member of The Slavic Linguistic Atlas project. In 2019 Czech dialectologists prepared the volume Reflexes **tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt* for publication.

Keywords

Dialectology, Czech Linguistic Atlas, Dictionary of Czech Dialects, Slavic Linguistic Atlas.

Эпоха Киевской Руси в оценках чешского историка Михала Теры

Těra M. Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost. — Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. — 721 s.

Шевченко Кирилл Владимирович
Доктор исторических наук, профессор
Филиал Российского государственного социального университета
в г. Минске
220107, Народная 21, Минск, Республика Беларусь
E-mail: shevchenkok@hotmail.com
ORCID: 0000-0002-9702-9883

Цитирование

Шевченко К. В. Эпоха Киевской Руси в оценках чешского историка Михала Теры // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 434–446.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.02

Рецензия поступила в редакцию 07.02.2022.

Аннотация

Изданная в 2019 г. фундаментальная монография чешского историка М. Теры, имеющая синтетический и обобщающий характер, посвящена наиболее важным сюжетам истории и культуры Киевской Руси. Чешский исследователь, опираясь на колоссальную источниковую базу и обширную историографию, прослеживает сложный процесс этногенеза восточных славян, особенности складывания у них государства и его последующую эволюцию, отмечая ключевую роль князя Владимира в становлении границ и в формировании полноценного государственного организма Киевской Руси, а также в христианизации древнерусских земель. Большое внимание автор уделяет анализу княжения Ярослава Мудрого и различным аспектам культурного развития Древней Руси. Отдельная обширная глава посвящена христианизации Киевской Руси и последующей роли церкви в развитии древнерусского государства, общества и культуры. Чешский историк неоднократно подчеркивает культурное единство древнерусского народа и единую идентичность

восточнославянского населения Киевской Руси, катализатором формирования которой стало принятие христианства. По мнению М. Теры, осознание своего единства населением древнерусских земель намного пережило период существования политически единого Древнерусского государства.

Ключевые слова

Киевская Русь, история, культура, церковь, общерусское единство, межславянские связи.

Эпоха Киевской Руси и связанные с ней вопросы возникновения и эволюции древнерусской государственности и культуры приобрели дополнительную остроту после распада СССР в современных восточнославянских странах. Современные интерпретации богатейшего исторического и культурного наследия Древней Руси стали существенным элементом и одновременно инструментом политики исторической памяти, которую энергично проводят элиты постсоветских стран.

Повышенный интерес к древнерусской эпохе демонстрирует сейчас и чешская историография. Подтверждением этому является изданная в 2019 г. фундаментальная монография чешского историка Михала Теры «Киевская Русь: история, культура, общество», имеющая ярко выраженный обзорный характер. Данный колоссальный по объему труд, насчитывающий более 700 страниц текста, подготовлен на обширной источниковой базе с учетом впечатляющей по своему тематическому и хронологическому охвату историографии, включая как классические труды признанных авторитетов, так и самые последние работы. Для политизированной и в известной степени дезориентированной постсоветской аудитории труд чешского историка представляет большую ценность своим сбалансированным и достаточно объективным взглядом на ряд чувствительных вопросов древнерусской истории, не обремененным вездесущей политической конъюнктурой, столь успешно превратившей трепетную музу истории Клио в активного бойца идеологического фронта.

Для чешской исторической науки монография М. Теры имеет колоссальное значение как первый в чешской историографии фундаментальный труд обзорного характера по истории и культуре Древней Руси. Вплоть до настоящего времени чешская историография Киевской Руси безнадежно проигрывала польской, ограничиваясь лишь несколькими статьями по данной тематике либо главами в обзорных

трудах по истории России или Украины. Непосредственно Древней Руси в чешской историографии были посвящены лишь две давно устаревшие работы: «История восточных славян» Й. Мацурка, изданная в далеком 1947 г.¹, и чешский перевод книги советского историка академика Б. Д. Грекова «Киевская Русь», который был издан в Праге в столь же далеком 1953 г.²

Первые главы монографии А. Теры полностью посвящены сложным вопросам этногенеза славян, их отношений с соседними народами и последующего расселения славянских племен в Центральной и Восточной Европе и на Балканах. В полной мере учитывая богатую историографическую традицию и уверенно ориентируясь в обильном археологическом материале, автор подходит к рассмотрению данного вопроса в широком конкретно-историческом контексте и с должной осторожностью. При этом, однако, чешский историк не отказал себе в удовольствии выступить с совершенно обоснованной критикой модных сейчас постмодернистских теорий славянского этногенеза, включая экзотическую теорию румынско-американского исследователя Ф. Курты, который на полном серьезе утверждает, что «славяне, по сути, являются конструктом восточноримских историков VI века» (s. 59). Как полагает М. Тера, с полным основанием можно задать вопрос о том, «не являются ли новые подходы, ставящие под сомнение традиционные взгляды, скорее продуктом модного сейчас релятивизма и постмодернизма, нежели результатом действительно научного мышления» (s. 60).

Затрагивая крайне запутанный и по-прежнему чувствительный вопрос о возникновении древнерусской государственности, М. Тера склонен согласиться с мнением ученых, полагающих, что за летописным Рюриком из «Повести временных лет» может скрываться реальный исторический персонаж в лице Рорика Ютландского, который во второй половине IX в. занимался военной и административной деятельностью в Восточнофранкской империи. Поскольку с 873 по 882 г. Рорик совершенно исчезает из поля зрения западноевропейских источников, чешский исследователь высказывает предположение, что именно в этот период времени он мог отправиться на восток и заняться делами местных славян и финно-угров (s. 165).

Большое внимание автор уделяет взглядам представителей норманнской и антинорманнской историографических традиций, стремясь сгладить конфронтационные углы, сделав акцент на их научных

1 *Macůrek J. Dějiny východních Slovanů. Praha, 1947.*

2 *Grekov B. Kyjevská Rus. Praha, 1953.*

заслугах и достижениях. По словам чешского историка, «норманисты подробно исследовали, в том числе с помощью археологии, влияние норманнов на возникновение государственной организации на Руси. Антинорманисты подчеркивали и вывели на научную сцену процессы, имевшие место внутри славянских общин, а также отметили важность связей восточных славян с балтийскими славянами» (s. 132). Что касается до сих пор дискуссионного вопроса о характере и происхождении летописной «Руси», то чешский исследователь склонен согласиться с теми учеными, которые «связывают руссов и их “кагана” с северянами, занявшими восточное побережье Балтики» (s. 142). Представляется, что в этом вопросе автор монографии мог бы уделить больше внимания взглядам представителей альтернативной исследовательской традиции, которые стремились доказать южное происхождение «Руси» в контексте старых традиционных контактов праславянских племен Восточной Европы с кочевым ираноязычным населением Северного Причерноморья. В этом отношении представляют интерес работы одного из видных представителей советской историографии академика Б. А. Рыбакова, а также современного белорусского историка и археолога профессора Э. М. Загорюльского, который в своих последних работах предложил собственную оригинальную концепцию как происхождения «Руси», так и процесса восточнославянской колонизации Восточной Европы и взаимных контактов славянских племен с автохтонным балтским и финно-угорским населением нынешней территории Беларуси и северо-западной России³.

Несколько глав монографии детально и в широком международном контексте анализируют основные вехи развития древнерусской государственности и христианизацию при князе Владимире, консолидацию Киевской Руси при Ярославе Мудром и последующую дезинтеграцию древнерусского государства во второй половине XII в. Принципиально важный рубеж в государственной эволюции Киевской Руси автор усматривает в смерти князя Святослава, которая, по мнению М. Теры, «завершает период военных походов и поиски добычи и земель. Поколение потомков Святослава уже полностью вросло в восточнославянское окружение, уже не ищет новые земли и добычу, но посвящает себя «строительству государства». Скандинавский характер выходцев из Северной Европы исчезает, они растворяются в славянском окружении» (s. 212).

3 См.: *Загорюльский Э. М.* Белая Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск, 2014. С. 76–85.

Особенно пристальное внимание автор обоснованно уделяет княжению Владимира, предваряя этот сюжет детальным анализом конфликта между сыновьями Святослава. Чешский исследователь высказывает любопытное мнение о том, что составной частью внутривосточного конфликта на Руси между потомками Святослава являлся союз Владимира с чешским князем Болеславом II; при этом русская летопись подтверждает, что первой супругой Владимира была «чешка», от которой у него родился самый старший сын Вышеслав. По осторожному мнению М. Теры, в борьбе против своего старшего брата Ярополка, имевшего связи с германскими Оттонами, Владимир мог воспользоваться союзом с чешским князем Болеславом II (s. 218).

В целом великого князя киевского Владимира, который провел масштабную административную реформу, реорганизовав Киевскую Русь, усилил централизацию государства и сумел объединить под властью Киева почти все восточнославянские племена, автор обоснованно считает «истинным творцом древнерусского государства» (s. 222). По словам чешского историка, система реформ князя Владимира «положила основы древнерусского государства. Сообщество русов превратилось в государственную структуру с собственной организацией и определенной территорией» (s. 224). Автор обращает внимание и на то обстоятельство, что для строительства укреплений против кочевников-печенегов и для заселения пограничных южных регионов Древней Руси Владимир активно привлекал славянское и финно-угорское население с севера. Летопись свидетельствует о том, что «в колонизации степных областей участвовали представители кривичей, словен, вятичей и финно-угров. Этнические перемещения способствовали смешению населения, укреплению единства государства» (s. 227).

Данные интеграционные инициативы князя Владимира сыграли исключительно важную роль в формировании единого древнерусского народа и единой идентичности восточнославянского населения Киевской Руси. Оправданно большое внимание уделено в монографии консолидации Древнерусского государства в эпоху правления сына Владимира князя Ярослава Мудрого, когда Киевская Русь достигла своего расцвета, а также последующей эволюции древнерусских земель вплоть до монголо-татарского нашествия в XIII в.

* * *

Отдельная обширная глава в монографии М. Теры посвящена церкви и христианству в Древней Руси. «Принятие христианства в конце X в. принципиальным образом преобразовало восточнославян-

ское пространство, предопределив дальнейшее направление развития древнерусского государства, — констатирует чешский историк. — Именно в эпоху Киевской Руси сформировался тот тип древнерусской церкви и восточнославянского христианства, которые длительное время являлись главными факторами, сохранявшими единство восточнославянского пространства. Именно восточный тип христианства сыграл решающую роль в становлении культуры восточных славян. [...] Без всякого преувеличения можно сказать, что без христианства не было бы современных восточнославянских народов, поскольку речь идет о главном источнике и твердом фундаменте их культурной идентичности» (с. 541).

Первоначально опорными пунктами распространения христианства стали церковные структуры, созданные при поддержке княжеской власти. Первыми представителями духовенства на Руси были миссионеры из Византии. Летопись упоминает, что Владимир привез с собой из крымского Херсонеса не только первую церковную утварь, но и священников для первых храмов на Руси. Чешский историк обращает внимание на то, что, судя по всему, в миссии на Русь участвовало и большое число духовенства с Балкан, прежде всего из Болгарии; количество болгар на Руси возросло после завоевания Болгарского царства византийцами в 1014–1018 гг. По словам М. Тера, быстрое распространение славянской образованности, славянской литургии и церковных текстов явно болгарского происхождения свидетельствует о «решающем влиянии данной среды на рождавшуюся древнерусскую церковь» (с. 543).

С точки зрения юрисдикции русская церковь подчинялась константинопольскому патриарху; именно из Византии на Русь, как подчеркивает М. Тера, посылались самые главные церковные иерархи в период всего существования Киевской Руси. Вместе с тем стремление киевских князей подчеркнуть свою независимость от Византии находило свое выражение и в церковной сфере. Наиболее ярким примером этого, полагает чешский исследователь, является сообщение летописи о том, что в 1048 г. Ярослав собрал в киевском храме Святой Софии епископов, которые избрали митрополитом славянского монаха и священника Иллариона. «Данный акт, — считает М. Тера, — свидетельствовал о стремлении князя добиться самостоятельности от константинопольского патриарха и сделать так, чтобы во главе самой важной церковной функции был человек славянского происхождения. Это могло быть результатом конфликта между Русью и Византией в 1043 г.» (с. 545).

В качестве дополнительного объяснения избрания Иллариона М. Тера приводит мнение польского историка А. Поппе, связывав-

шего избрание Иллариона с деятельностью монахов константинопольского Студитского монастыря, которые активно участвовали в формировании церковных структур на Руси и имели тесные контакты с южными славянами, прежде всего с болгарами (s. 545). Однако константинопольский патриарх Михаил Керулларий не утвердил не назначенного им митрополита, и в результате Илларион должен был уйти. В дальнейшем вплоть до монгольского нашествия митрополичью кафедру в Киеве занимали греки (s. 546). Впрочем, для самих русских князей, как замечает М. Тера, было предпочтительнее иметь в качестве митрополитов именно греков — в силу их знакомства с константинопольской средой и часто их высокого статуса, так как некоторые из них имели высокие придворные звания (s. 546). При этом тесная связь греческого духовенства и иерархов с Византией нередко представляла для русской церкви ряд проблем. Посланные на Русь греки часто «были не в восторге от окружавшей их “варварской среды”, поэтому некоторые из них имели тенденцию уйти. Назначение митрополита могло длиться долго, и поэтому митрополичья кафедра длительное время оставалась вакантной» (s. 547).

Нашествие монголо-татар означало тяжелый удар не только по политической, но и по церковной жизни на Руси. Главным архитектором церковной политики на Руси в это время был митрополит Кирилл, который стремился обновить деятельность церкви и сохранить ее единство в условиях монгольского ига, сумев получить от монголов ярлыки, подтверждающие привилегии церкви. Преемник Кирилла митрополит Максим «сделал первый шаг к разделению ранее единой древнерусской церкви. Он покидает Киев и переезжает туда, где получает наибольшую защиту со стороны светской власти, — во Владимир-на-Клязьме. Его преемник Петр в конечном счете в 1325 г. переедет в Москву. В это же время, на рубеже XIII и XIV вв., на западе Руси возникнут две другие митрополии — Галицкая и Литовская... Наконец, в результате экспансии Литвы в западнорусские области возникнет Киевско-литовская митрополия... В любом случае, — обоснованно полагает чешский исследователь, — мы можем констатировать, что монгольское завоевание разделило Русь не только в политическом, но и в церковном отношении. Униатские потуги в XVI–XVIII вв. в Западной Руси это разделение окончательно подтвердили» (s. 549). Таким образом, чешский исследователь проводит любопытную параллель между монгольским завоеванием, положившим начало разделению ранее единой русской церкви, и более поздними униатскими проектами, направленными на усиление церковной раздробленности в русских землях.

Важным следствием христианизации Руси было колоссальное церковное влияние на древнерусское право. По словам М. Теры, посредством церкви на Русь проникает византийское право, в котором «христианская этика переплетается с государственным правом и административными нормами. На Русь попадает византийский Номоканон в болгарской редакции, известный как так называемая Кормчая книга» (s. 558). При этом «жестокое византийские наказания на Руси приобретают более мягкий вид и превращаются в штрафы или покаяния. Судя по всему, греческие иерархи смирились как с этой практикой, так и с материальной зависимостью церкви от княжеской власти... Византийское светское и церковное право было принято как идеальная культурная модель в церковнославянской версии, но это был именно идеал, который в реальной жизни не соблюдался» (s. 560).

Чешский исследователь полагает, что с самого начала отличительной чертой церкви в Древней Руси стала «формальная строгость христианской жизни... Скорее всего это связано с тем, что на Руси получила распространение скорее монашеская этика. То, что в Византии или в Западной Европе было связано с жизнью духовенства, то на Руси применялось ко всему населению, поэтому миряне иногда вели себя так, как представители монашеских общин» (s. 563). Отмечает автор и строгость постов на Руси, особенно Великого поста, подчеркивая, что в других христианских странах подобная строгость была характерна для монастырской жизни, но не для мирян (s. 565). Еще одной важной чертой древнерусской церкви автор считает быстрое распространение на Руси монастырей, начавшееся сразу же после принятия христианства. «Монастыри в Киеве стали возникать уже в первой половине XI в. как центры распространения христианства», — констатирует чешский историк (s. 571). При этом древнерусские монастыри изначально являлись не только духовными центрами, но и важными центрами культуры и образовательной деятельности (s. 572). Исключительно важным культурным наследием церкви в Древней Руси было то, что именно здесь «были положены основы восточнославянской иконописи, которая в последующих столетиях развилась до небывалой широты и духовной глубины, став одним из главных проявлений местной духовности» (s. 578).

Нахождение в цивилизационных орбитах западного и восточного христианства постепенно порождало различия у оказавшихся в них славянских народов. По мнению чешского историка, славяне, принявшие латинское христианство, сумели воспринять античное наследие, тогда как славянские народы, сохранившие церковнославянскую тра-

дицию, отрицали либо игнорировали античное наследие, поскольку оно не являлось для них важным (s. 587). В любом случае, однако, «взаимные контакты между центрами славянской образованности в Чехии, Венгрии, Хорватии, Болгарии и на Руси создавали специфическое пространство под названием *Slavia Cyrilomethodiana*, значение которого для развития культур молодых славянских народов трудно переоценить... Данное пространство было свободно от конфессиональных разделений, и великий раскол в нем длительное время не был заметен... В более позднюю эпоху контакты между православными и католическими землями славянского мира замерли, однако они продолжились в рамках православной славянской общности. Таким образом, взаимные связи между славянскими народами не являются изобретением XIX в., поскольку они имели место на протяжении всей славянской истории» (s. 590).

Серьезное внимание уделил автор и взаимоотношениям православной Руси с католическим Западом. В частности, М. Тера обращает внимание на то, что мысль о вовлечении Руси в сферу католицизма появляется среди высшего польского духовенства уже в XII в.; показательной фигурой в этом отношении был основатель цистерцианского монастыря Св. Андрея Ян Грифита, ставший в 1143 г. вратиславским епископом и в 1149 г. архиепископом в Гнезно. Именно Грифит с самого начала своей деятельности являлся убежденным сторонником обращения Руси в католицизм и активно работал в этом направлении (s. 593).

Настоящий перелом в отношениях между католичеством и православием, по мнению чешского исследователя, наступил в XIII в., когда православный мир испытал колоссальное потрясение после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. и последующего дробления православной церкви, вызванного стремлением Рима навязать католичество восточной церкви (s. 593). В течение XIII в. отношения между католической и православной частями Европы резко обостряются; при этом, как обоснованно отмечает чешский историк, инициатива конфронтации постоянно исходила со стороны Запада. По его словам, «конфессиональные различия становятся оружием в руках католических государств для удовлетворения их политических амбиций. Православие вытесняется с горизонта “цивилизованного мира”, “схизматики” выдавливаются в ту же ментальную плоскость, что и еретики, язычники, мусульмане и евреи. Неудивительно, что на подобный подход православные начинают отвечать, что ведет к росту конфессиональных барьеров между двумя ветвями христианства» (s. 593). Примечательно, что подобное мнение высказывает и известный польский историк церк-

ви А. Миронович, по словам которого, «Рим использовал тяжелое положение, в каком очутился цареградский патриархат, для подчинения православной церкви своей власти. Такую же политику папа римский проводил и в следующих столетиях... По мнению папства, православные могли лишь присоединиться к латинскому костелу, приняв его символ веры и признав примат папы римского»⁴.

Особенно непримиримое и ярко выраженное высокомерно-презрительное отношение к православной церкви демонстрировали представители польской католической церкви и политической элиты. Так, крупный польский политический деятель первой половины XIX в. князь А. Чарторыйский, личный друг императора Александра I, сделавший фантастически успешную карьеру в Российской империи, отзывался о православной церкви крайне уничижительно. По его словам, «богослужение греческой церкви, по внешности, торжественнее нашего и напоминает языческий культ... Напрасно будете искать там протестантской простоты и наставительности или католической набожности... Вся разгадка в том, что последние суть продукт цивилизации, между тем как греческий культ носит печать азиатского варварства... В нас гораздо более, чем в русских, веры и набожности»⁵. Именно в контексте системного натиска на православие со стороны западной церкви рассматривает автор и последующие униатские проекты, инициированные Римом. По мнению чешского историка, «в восточнославянском пространстве данный процесс достигает своего пика заключением уний в XVI–XVIII вв. и гордой культурной изоляцией московского государства. Однако нельзя забывать, что это не был тот путь, который православный мир сам первоначально выбрал, — скорее, к этому он был принужден. Чувство исключительности русской церкви, которое укрепилось в период, когда Московская Русь осталась единственным независимым православным государством, не является по этой причине исключительно русской чертой. Это итог процессов, в начале которых православные славяне оказались скорее пассивным объектом истории, нежели ее активными творцами» (s. 593).

Активные попытки включить русские княжества в орбиту католической церкви имели место еще до монголо-татарского нашествия. В 1220-е гг. орден доминиканцев, распространив свое влияние

4 *Миронович А. В.* Брестская церковная уния как элемент восточной политики Рима // Светост и дух времена / приредило З. Милошевић. Београд, 2021. С. 196.

5 *Корнилов И. П.* Князь Адам Чарторыйский. М., 1896. С. 13–14.

на Чехию и Польшу, начал отсюда свою миссию на Русь. Легенда о Св. Яцеке (Гиацинте) сообщает, что данный миссионер Ордена доминиканцев прибыл в Киев в 1222 г. и находился здесь около 5 лет (s. 593–594). В 1225 г. возникло польское подразделение доминиканцев, которое сконцентрировало свою миссионерскую деятельность на земли пруссов и на Русь. «Это свидетельствует об изменении взгляда католиков, включая славянских католиков, на православных, — констатирует М. Тера. — Миссия направляется к ним точно так же, как к язычникам; то есть уже нет попыток найти путь к согласию внутри разделенной церкви; “схизматики” ради своего спасения должны изменить свою веру и принять католичество» (s. 594).

Все эти попытки, однако, закончились фиаско; православие сохранило доминирующие позиции и стало, по словам чешского историка, определяющим идентификационным элементом в культуре и менталитете местного населения (s. 594). Завершая свои мысли о роли церкви в истории Древней Руси, чешский исследователь справедливо констатирует: «Восточнославянский язык и православное христианство — краеугольные камни восточнославянской культуры. Униатские проекты XVI–XVII вв. ничего в этом отношении не изменили. Мышление, культура, литература, язык и менталитет местных народов вплоть до настоящего времени определяются теми процессами, которые происходили в Киевской Руси в XI–XIII вв.» (s. 594).

* * *

«Кому же принадлежит Киевская Русь?» — задает в конце своего труда вопрос автор, сравнивая возникновение Древней Руси с чудом с картины Рериха. По словам чешского историка, «на широких пространствах Восточной Европы от черноморских степей до холодных финских озер... многочисленные племена на столь обширной и разнообразной территории объединились в одно целое, с одной культурой, одной верой и одним именем — Русь» (s. 631). Автор подчеркивает в заключении, что политическая раздробленность на фактически самостоятельные государства «не нарушила единства древнерусского пространства. Хотя в политическом отношении отдельные княжества шли своим путем, единая династия, единая традиция, единая церковь, единый литургический и литературный язык сохраняли и развивали сознание единой Руси» (s. 635). М. Тера полагает, что возможность повторной интеграции древнерусских земель длительное время оставалась, но была нарушена двумя ключевыми факторами — монгольским нашествием и последующим образованием Золотой Орды и успешной экспансией Литвы в XIII в.

Эти очевидные для серьезного исследователя факторы единства Киевской Руси и богатое древнерусское культурное наследие в настоящее время стали объектом ревизии и переоценки со стороны политически ангажированных историографий современных восточнославянских государств. Четко выраженные в монографии взгляды чешского ученого имеют колоссальное значение на постсоветском пространстве, где ряд историков стремится реинтерпретировать историю Древней Руси в угоду текущим интересам политических элит, часто вступая в явное противоречие с исторической наукой и академической традицией. С этой точки зрения знакомство с фундаментальным трудом М. Теры было бы полезно для историков и широкой общественности в России, Белоруссии и особенно на Украине.

Источники и литература

Загорюльский Э. М. Бела Русь с середины I тысячелетия до середины XIII века. Минск: Четыре четверти, 2014. 529 с.

Корнилов И. П. Князь Адам Чарторыйский. М.: Университетская типография, 1896. 144 с.

Миронович А. В. Брестская церковная уния как элемент восточной политики Рима // *Светост и дух времена / приредило З. Милошевић.* Београд: Институт за политичке студије, 2021. С. 195–204.

Grekov B. *Kyjevská Rus.* Praha: ČSAV, 1953. 580 s.

Macůrek J. *Dějiny východních Slovanů.* Praha: Melantrich, 1947. 284 s.

Téra M. *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost.* Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019. 721 s.

References

Grekov, B. *Kyjevská Rus.* Praha: ČSAV, 1953, 580 p.

Macůrek, J. *Dějiny východních Slovanů.* Praha: Melantrich, 1947, 284 p.

Mironovich, A. V. “Brestskaia tserkovnaia uniaa kak èlement vostočnoj politiki Rima.” *Svetost i dukh vremena*, ed. by Z. Milošević. Belgrade: Institute for Political Studies, 2021, pp. 195–204.

Téra, M. *Kyjevská Rus: dějiny, kultura, společnost.* Červený Kostelec: Pavel Mervart, 2019, 721 p.

Zagorulskii, E. M. *Belaia Rus' s serediny I tysiacheletia do serediny XIII veka.* Minsk: Publishing house “Four quarters”, 2014, 529 p.

**The era of Kievan Rus' in the assessments
of the Czech historian Michal Tera**

Kirill V. Shevchenko

Doctor of History, professor

Russian State Social University (Minsk Branch)

220107, Narodnaya 21, Minsk, Belarus

E-mail: shevchenkoc@hotmai.com

ORCID: 0000-0002-9702-9883

Citation

Shevchenko K. V. The era of Kievan Rus' in the assessments of the Czech historian Michal Tera // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 434–446 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.02

Received: 07.02.2022.

Abstract

The fundamental monograph written by the Czech historian Michal Tera and published in 2019, is a synthesis of the most important aspects of history and culture of Kievan Rus'. The Czech researcher, relying on impressive source base and extensive historiography, traces the complex process of the ethnogenesis of the Eastern Slavs, the peculiarities in the formation of their state and its subsequent evolution. He notes the key role of Prince Vladimir in the formation of borders and of the full-fledged state organism of Kievan Rus', as well as in the Christianization of the Old Russian lands. The author pays much attention to the analysis of the reign of Yaroslav the Wise and various aspects of the cultural development of Old Rus'. A separate extensive chapter is devoted to the Christianization of Kievan Rus' and the subsequent role of the church in the development of the state, society and culture. The Czech historian repeatedly emphasizes the cultural unity of the people of Old Rus' and the common identity of the East Slavic population of Kievan Rus', the catalyst for the formation of which was the adoption of Christianity. According to M. Tera, the awareness of their unity by the population of the lands of Old Rus' far outlived the period of existence of the politically unified state.

Keywords

Kievan Rus', History, Culture, Church, All-Russian unity, inter-Slavic relations.

Обманчивые образы имперской периферии

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. — М., 2020. — 160 с.

Перетяцько Артем Юрьевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель

Южный федеральный университет

344006, ул. Большая Садовая 105/42, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

Цитирование

Перетяцько А. Ю. Обманчивые образы имперской периферии // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 447–455. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.03

Рецензия поступила в редакцию 11.11.2021.

Аннотация

Рецензия посвящена составленному М. Ю. Дроновым сборнику воспоминаний русских офицеров середины XIX в. Автор рецензии приходит к выводу, что эти воспоминания не столько описывают реальных русин, сколько транслируют подчас далекие от действительности образы территории, которую в указанный период можно рассматривать как имперскую периферию (хотя Галиция и Угорская Русь, о которых писали офицеры, и не входили в состав Российской империи напрямую, они не только граничили с ней, но и были связаны с ней культурно, в силу значительной доли восточнославянского населения). Степень искаженности этих образов была различной. Один из офицеров даже отнес «карпатских славян» к словакам, другой пытался расшифровать обращенную к нему длинную речь предполагаемого русина на венгерском, из которой было понятно только словосочетание «валахская вера», и т. д. В рецензии отмечается, что схожие случаи незнания русскими базовой информации о периферийных регионах империи наблюдались и в иных местах, на-

пример на Кавказе, а в казачьих областях даже породили серию анекдотов. И публикация аналогичных сборников по другим пространствам периферии Российской империи представляется интересным и перспективным направлением исследований.

Ключевые слова

Имперская периферия, воспоминания, образы регионов, русины, Венгерский поход 1849 г.

К середине XIX в. в российском обществе в основном уже сформировался образ «внутренней России» / «великорусских губерний». «Метафоры “ядро” и “сердцевина” или “корень” и “зерно” оказались весьма устойчивыми и для определения данного ареала и населяющего его “славяно-русского” племени не только в публицистических и философских сочинениях второй половины столетия, но и в многочисленных проектах географо-экономического районирования», — пишет об этом М. В. Лескинен¹. А вот окружавшие это «ядро» пространства трактовались современниками более разнообразно, по сторонам света, географическим условиям и т. д.² Что особенно важно, степень изученности подобных периферийных пространств была различной. О некоторых пространствах, как вновь попадающих под влияние России, так и давно входящих в ее состав, российское общество знало мало, и поэтому образ этих пространств в восприятии обычного обывателя сильно отличался от реальности.

Возможно, наиболее ясно это видно из опыта казачьих областей. До середины XIX в. доступной информации о них было немного, и среди казаков ходили анекдоты о русских офицерах и чиновниках, демонстрирующих комическое незнание местной географии и этнографии. Любопытно, что чаще всего эти анекдоты касались ошибочных представлений о религии и языке казаков, которые не рассматривались как часть славянского православного мира. Герой Крымской войны И. И. Краснов рассказывал следующую историю: «Когда я в молодости приехал в Петербург на службу, в гвардию, то мне часто приходилось слышать вопросы: “Каким языком говорят у вас на

¹ Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М., 2016. С. 96.

² Там же. С. 98–101.

Дону?» и «Вы довольно чисто говорите по-русски, и у вас в разговоре не слышно ничего азиатского?»³. В другом источнике аналогичный анекдот приводится про чиновника, прибывшего в Санкт-Петербург из Оренбургского казачьего войска⁴. Впрочем, существовали даже анекдоты, связанные с чисто географическими сюжетами. «Еще на нашей памяти однажды получен был в войсковом правлении пакет с забавной надписью: “Во глубину Земли Войска Донского”. По всей вероятности, писавший эту надпись никогда не слышал о Новочеркасске, и, зная понаслышке, что на Дону есть какие-то верхние и нижние юрты — вроде калмыцких улусов, — вообразил, что если он адресует свою бумагу в самую глубь этого множества рассеянных кибиток, то она наверное уже дойдет до казацкого начальства», — писал один из первых донских историков М. Х. Сенюткин⁵. Схожей была ситуация и с другими «экзотическими» окраинами. Даже Кавказская война и литература о ней долго не приводили к формированию в русском обществе сколько-либо адекватного образа Кавказа. Подобный образ не сразу сложился даже среди военных. «О Кавказе и Кавказской войне я имел смутное понятие, хотя профессор Языков на лекциях военной географии проповедывал нам о том и другом; но по его словам выходило как-то, что самое храброе и враждебное нам племя были кумыки», — так описывал Г. И. Филипсон ситуацию в академии Генерального штаба 1830 г.⁶

В этой связи крайне любопытна книга «Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 г.», составленная специалистом по русинской истории М. Ю. Дроновым. И в наши дни русины остаются сравнительно малоизвестным народом, не укладывающимся в традиционную отечественную классификацию восточного славянства. В 1940-х гг. вопрос о статусе русинов даже вызвал определенные сложности в славянских организациях: Всеславянский комитет, созданный в 1941 г. в Москве, не включал в себя отдельного представителя от русин, а вот Американский Славянский конгресс, напротив, рассматривал «кар-

3 Королев В. Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону, 1991. С. 211.

4 *Оренбургский казак*. Правда об Оренбургском казачьем войске // Военный сборник. 1862. № 9. С. 121–122.

5 Сенюткин М. Х. Донцы. М., 1866. Ч. 2. С. 95.

6 Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 5. С. 162–163.

патских русских» как полноценный народ⁷. В этих условиях советским чиновникам пришлось даже специально указать американским славянским деятелям, что, согласно официальной советской позиции, «карпатские русские» являются частью украинского народа⁸. Впрочем, это было многим позже, а в середине XIX в. российское общество просто не знало о русинах, и, соответственно, какого-то общепринятого образа населенного русинами пространства в его среде не существовало.

Однако в ходе Венгерского похода 1849 г. офицеры русской армии столкнулись с «русинами, несколько сот лет не имевшими ничего общего с их единоплеменниками, обитающими в Российской империи, а между тем, сохранившими так много с ними общего»⁹. Территории с русинским населением, пускай и входившие в состав иностранной державы, на какое-то время попали под русское влияние, и среди местных славян свидетели даже фиксировали слухи, будто бы «Император Николай, в вознаграждение за оказанную помощь Австрии, возьмет Галицию»¹⁰. И в этих условиях русские офицеры, создававшие те или иные нарративы о Венгерском походе (воспоминания, дневники и т. д.), самостоятельно формировали образы Галиции и Угорской Руси — территорий, которые, хотя и принадлежали Австрии, неожиданно вдруг оказались чуть ли не периферией Российской империи, культурно связанной с восточным славянством благодаря малороссийскому и русинскому населению.

Но если для описания малороссов русские офицеры имели укорененные в общественном сознании модели, то аналогичных моделей для русин в российском обществе не существовало. И именно благодаря этому мы можем наблюдать, как трансформировались реальные факты о русинах середины XIX в. в глазах неподготовленных русских обывателей. Дело доходило до того, что некоторые офицеры в принципе не замечали русин. Например, их не заметил будущий известный

⁷ Зайцев А. В. Количество славянских народов как политическая проблема 40-х — 50-х гг. XX в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М., 2020. С. 36–37.

⁸ Там же. С. 37–38.

⁹ Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. М., 2020. С. 84.

¹⁰ Там же. С. 85.

нумизмат и собиратель древностей Д. П. Сонцов, позиционировавший «карпатских славян» как «словаков»¹¹. В его нарративе данная ошибка даже приобрела системообразующий характер: Д. П. Сонцов считал, что Николая I в Галиции восторженно встречали не русины, а словаки, и приписывал последним проявленные русинами теплые чувства к русскому императору¹². Таким образом, Д. П. Сонцов не просто не осознал существования русин, но и отнес встречавшихся ему их представителей к западным, а не к восточным славянам.

Будущий малороссийский публицист М. М. Левченко рассматривал «русин или русняков» как «соплеменников нашим малороссам»¹³. Им неоднократно подчеркивалось единство малороссов и русин, особенно в плане языка: «Есть на земной поверхности уголок, где грамотность распространяется на малорусском языке, следовательно, малорусская словесность может существовать для того, чтобы приносить пользу, распространяя между моими соплеменниками полезное знание»¹⁴. Однако малороссы, в свою очередь, трактовались М. М. Левченко как часть русского народа, а сама Галиция — как исконная русская земля: «Галиция не совсем чужда нам — русским, во-первых, потому, что большей своей частью (округами Львовским и Станиславовским) составляла древнюю русскую область [...], а во-вторых, тем, что в большей части своей территории, а именно в двух вышеупомянутых округах, заселена одноплеменными нам русинами, т. е. русскими»¹⁵.

М. Д. Лихутин рассматривал «русняков» как отдельный славянский народ, схожий с русскими, но не имеющий с ними общей идентичности: «Я спрашивал некоторых из них, желали ли бы они присоединиться к России. “Э, нет, ни за что! — отвечали они. — Отчего? — У нас лучше. У вас дана большая воля панам и исправникам”»¹⁶. Зато для П. В. Алабина русины — это просто «русский народ в Галиции», и самая граница между Российской и Австрийской империями в этом регионе, по его наблюдению, незаметна...¹⁷

Данное перечисление можно продолжать, но и из приведенных выше примеров хорошо видно: русские офицеры не только вступали

11 Там же. С. 28.

12 Там же. С. 28–29.

13 Там же. С. 20.

14 Там же. С. 23.

15 Там же. С. 25.

16 Там же. С. 32.

17 Там же. С. 51–54.

в Галицию, не имея единого представления о том, кто такие русины, но и уходили из нее без подобного представления. Самым очевидным фактором, в принципе затруднявшим контакты русских офицеров с частью русин, был языковой барьер. Наиболее подробно на этом сюжете останавливался М. М. Левченко, описавший, например, диалог с неким крестьянином, из слов которого он разобрал только «валахская вера». М. М. Левченко считал, что говорил с «омадьяранным» православным русином¹⁸. Между тем, как отмечает М. Ю. Дронов, данный диалог проходил в поселении, где был только грекокатолический приход, зато одним из языков проповеди являлся румынский¹⁹. Соответственно, современный историк оставляет возможность и совершенно иных трактовок этого диалога, вплоть до того, что М. М. Левченко говорил не с русином, но с венгеризированным румыном. Конечно, с русинами, сохранившими родной язык, возможностей для коммуникации было больше, однако интересы большинства русских офицеров лежали несколько в иных областях. Например, А. А. Верниковский в своих записках подробно останавливался на диалогах «с прекрасным полом» в городе Кашау (венг.: Кашша, ныне Кошице в Словакии)²⁰. Языком общения служил словацкий, причем «с молодыми женщинами, знавшими. хотя и не твердо, словацкий язык, легче было говорить: они как-то лучше понимали смысл сказанного: часто они умели читать в глазах, и смысл разговора всегда был разгадан»²¹. Возможно, для бытовых диалогов подобный способ коммуникации и годился, но в итоге, как отмечает М. Ю. Дронов, А. А. Верниковский ошибочно отнес Кошице не к словацким землям, но к Угорской Руси²².

В итоге благодаря Венгерскому походу 1849 г. был создан оригинальный пласт источников о восприятии населенной русинами периферии образованными, но не имевшими специальной научной подготовки представителями русского общества. Важно понимать, что большинство этих источников носило ненамеренный характер: русские офицеры, за некоторыми исключениями, вроде деятеля малороссийского движения М. М. Левченко, не старались специально описывать русин, но невольно встраивали их в создаваемую картину Галиции или Угорской Руси. Поэтому написанные ими в итоге тексты интересны

18 Там же. С. 21.

19 Там же. С. 89–91.

20 Там же. С. 49–50.

21 Там же. С. 50.

22 Там же. С. 120–121.

не только в контексте русинской истории, но и в контексте восприятия имперской периферии российским обществом. Само отношение русских офицеров к русинам в чем-то напоминает отношение представителей русского общества к казакам, ставшее темой приведенных нами выше анекдотов. С одной стороны, это вежливое любопытство, а порой даже открытая симпатия к славянским «единоплеменникам»; с другой — эти любопытство и симпатия сопровождаются полным незнанием русинских реалий. Подобное незнание демонстрируют даже офицеры, претендовавшие на роль этнографов-любителей. В качестве примера можно привести все того же М. М. Левченко, в своем нарративе «уточнявшего» «карту славян Шафарика»²³. Однако о реальном уровне знаний М. М. Левченко о славянах Австрийской империи лучше всего говорит следующий комментарий М. Ю. Дронова: «Несмотря на отсылку автора к карте Шафарика, исходя из утверждений Левченко о сотаках и гуцулах, создается впечатление, что он не проштудировал сам труд чешского ученого. Шафарик, в отличие от Левченко, локализует сотаков и гуцулов во вполне ожидаемых местах»²⁴.

Итак, книга «Русины Австрийской империи» содержит не столько достоверные сведения о русинах (они вообще представлены преимущественно в комментариях М. Ю. Дронова), сколько свидетельства единовременного столкновения десяти русских офицеров с незнакомым им миром славянства Галиции и Угорской Руси. И благодаря этим свидетельствам мы можем хотя бы примерно понять, какой видели населенную русинами периферию участники Венгерского похода 1849 г. Пытаться свести их представления о русинах к некоей наиболее распространенной позиции бесперспективно: слишком велико различие между представлением о «словаках» Д. П. Сонцова и представлением о «соплеменниках наших малороссах» М. М. Левченко, между образом «русняков» М. П. Лихутина и образом «русского народа в Галиции» П. В. Алабина. Разумеется, можно пытаться выбрать некие преобладающие сюжеты из их текстов (например, о бедности русинов или об их симпатии к русским). Но, как нам кажется, М. Ю. Дронову удалось найти лучший вариант репрезентации представлений русских офицеров о русинской периферии: своеобразный «коллаж интерпретаций», предложенных современниками, интерпретаций, именно благодаря своей безнадежной противоречивости создающих у читателя представление о неупорядоченном, ярком и часто ошибочном восприятии имперской

23 Там же. С. 22.

24 Там же. С. 92.

периферии российским обществом середины XIX в. Можно только пожелать, чтобы схожие сборники были подготовлены по другим пространствам периферии Российской империи, ведь только тогда мы узнаем, как обычные люди той эпохи представляли себе, например, Кавказ или казачьи области.

Источники и литература

Воспоминания Григория Ивановича Филипсона // Русский архив. 1883. № 5. С. 160–200.

Зайцев А. В. Количество славянских народов как политическая проблема 40-х — 50-х гг. XX в. // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 36–41.

Королев В. Н. Старые Вешки. Повествование о казаках. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1991. 464 с.

Лескинен М. В. Великоросс / великорус. Из истории конструирования этничности. Век XIX. М.: Индрик, 2016. 680 с.

Оренбургский казак. Правда об Оренбургском казачьем войске // Военный сборник. 1862. № 9. С. 103–122.

Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 года / сост., вступ. ст. и комм. к. и. н. М. Ю. Дронова. М.: Граница, 2020. 160 с.

Сенюткин М. Х. Донцы. М.: тип. С. Селивановского, 1866. Ч. 2. 285 с.

References

Korolev, V. N. *Starye Veshki. Povestvovanie o kazakakh*. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1991, 464 p.

Leskinen, M. V. *Velikoross / velikorus. Iz istorii konstruirovaniia etnichnosti. Vek XIX*. Moscow: Indrik, 2016, 680 p.

Rusiny Avstrijskoj imperii v dnevnikakh i vospominaniiakh russkikh ofitserov — uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 goda, comp. by M. Yu. Dronov. Moscow: Granitsa, 2020, 160 p.

Zaitsev, A. V. “Kolichestvo slavianskikh narodov kak politicheskaia problema 40-kh–50-kh gg. XX v.” *Slavianskii mir: obshchnost' i mnogoobrazie. Tezisy konferentsii molodykh uchennykh v ramkakh Dneĭ slavianskoj pis'mennosti i kul'tury*. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2020, pp. 36–41.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.03

A. Yu. Peretyatko

Fallacious images of imperial periphery

Artyom Yu. Peretyatko

Candidate of History, senior lecturer

Southern Federal University

344006, 105/42 Bolshaya Sadovaya Str., Rostov-on-Don, Russian Federation

E-mail: ArtPeretatko@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2779-2223

Citation

Peretyatko A. Yu. Fallacious images of imperial periphery // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 447–455 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.03

Received: 11.11.2021

Abstract

The review is devoted to a collection of memoirs of Russian officers of the mid-19th century, compiled by Mikhail Yu. Dronov. The author of the review comes to the conclusion that these memories not only describe real Rusyns, but also broadcast, sometimes far from reality, the image of the imperial periphery (although Galicia and Ugrian Rus', which the officers wrote about, were not part of the Russian Empire directly, they not only bordered on it, but were also culturally associated with it, due to a significant share of the East Slavic population). The degree of distortion of these images was different. One of the officers even attributed the "Carpathian Slavs" to the Slovaks. Another officer tried to decipher the long speech of the alleged Rusyn addressed to him in Hungarian, from which only the phrase "Wallachian faith" was understood, etc. The review notes that similar cases of Russians ignoring basic information about the peripheral regions of the empire that were observed in other places, for example, in the Caucasus, and even gave rise to a series of anecdotes in the Cossack regions. A publication of similar collections about other areas of the periphery of the Russian Empire seems to be an interesting and promising area of research.

Keywords

Imperial periphery, memories, images of regions, Rusyns, Hungarian campaign of 1849.

Новые издания по истории белорусской эмиграции в Чехословакии

Буча А. Дакументы і матэрыялы па гісторыі беларускай эміграцыі ў Чэхаславацкай Рэспубліцы (1918–1939). — Мінск: Кнігазбор, 2020. — 558 с.; *Кныревіч С.* Běloruské hroby na českých a slovenských hřbitovech. — Praha: Osvětový spolek Skaryna, 2020. — 269 s.

Баринов Игорь Игоревич

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт славяноведения РАН

119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Цитирование

Баринов И. И. Новые издания по истории белорусской эмиграции в Чехословакии // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 456–460.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.04

Рецензия поступила в редакцию 01.09.2021.

Аннотация

В рецензии рассматриваются новейшие издания, посвященные истории белорусской эмиграции в Чехословакии до 1945 г. Они обобщают значительный массив документов, позволяющий создать целостную картину жизни белорусской диаспоры, ее политического, культурного и духовного развития.

Ключевые слова

Чехословакия, белорусская эмиграция, белорусское национальное движение.

Изучение белорусской диаспоры в Европе, образовавшейся после революционных событий в России, не относится к популярным темам российской историографии. Это происходит по ряду причин, в первую очередь из-за малочисленности и специфичности белорусского

сообщества. Вместе с тем исследователи чаще всего не относят белорусов к собственно русской эмиграции, а, напротив, рассматривают их в связке с более крупной украинской диаспорой¹.

Между тем белорусская эмиграция с самого начала представляла собой своеобразный феномен. После неудачной попытки построения Белорусской народной республики (БНР) ее руководители оказались за пределами белорусской территории. Продолжая добиваться признания, они образовали политические центры в нескольких европейских столицах. Один из них появился в Праге, столице новообразованной Чехословакии. Впоследствии Прага стала главным городом для белорусской диаспоры в Европе, поскольку туда переместилась Рада БНР, принявшая на себя функции правительства.

Повседневная жизнь и общественно-политическая активность белорусского сообщества в Чехословакии нашли отражение в сборнике документов, подготовленном белорусским историком Андреем Бучей. Данная работа стала результатом многолетних исследований автора². Документы были извлечены из архивов Белоруссии, Литвы, России и Чехии, причем ранее не публиковавшиеся материалы сведены с теми, которые уже были введены в научный оборот. Всего в издании объемом более 500 страниц представлено 276 документов.

При работе со сборником сразу обращает на себя внимание его фундаментальность. Составитель попытался максимально полно представить взаимодействие белорусской и чехословацкой сторон. Сборник открывается визитом А. Луцкевича (в то время главы правительства и министра иностранных дел БНР) к президенту Чехословакии Т. Г. Масарику в марте 1919 г. Хотя юридического признания БНР не последовало, в Чехословакии начал работать белорусский представитель Николай Вершинин, эмигрант из России, давно проживавший в

1 Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований (международная конференция). Прага, 1995.

2 Буча А.І. Беларускае грамадска-палітычнае жыццё ў Чэхаславакіі ад часу прыезду ўрада БНР у Прагу да правядзення Берлінскай канферэнцыі // *Российские и славянские исследования*. Минск, 2011. Вып. 6. С. 152–160; Буча А. І. Беларускі навуковы кабінет у Празе (1927–1930 гг.): стварэнне і дзейнасць // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2016. № 4. С. 11–18; Буча А. Дзейнасць беларускіх прасавецкіх арганізацый у Чэхаславакіі ў 1920-я гады // *Przegląd Środkowo-Wschodni*. Warszawa. 2019. № 4. S. 448–479.

Праге. В течение следующих 15 лет Вершинин был главным действующим лицом белорусского сообщества, его дуайеном. Изначально он исполнял консульские обязанности, однако быстро стал фактическим посредником между белорусами и чехословацкими властями. Помимо прочего, он выполнял всю текущую работу, когда белорусские студенты были включены в так наз. «русскую акцию» (предоставление выходцам из России мест в учебных заведениях и стипендий).

Помимо переписки правительства БНР с госорганами Чехословакии в сборнике представлена широкая палитра белорусской жизни. Документы проливают свет на политические размежевания, взаимоотношения с другими эмигрантскими группами (прежде всего украинской), «национальную жизнь» (в частности, организацию научных учреждений и периодических изданий, посвященных белорусской тематике).

Весьма любопытен приведенный в сборнике «взгляд извне». Так, благодаря полицейским отчетам, извлеченным из Пражского городского архива, мы знаем о ходе дискуссий на собраниях белорусских эмигрантов. Судя по документам ЦК Компартии БССР, в Минске внимательно следили за развитием белорусского движения. Известны небезуспешные попытки советской дипмиссии влиять на расстановку сил в белорусской диаспоре.

Сборник, подготовленный А. Бучей, отличается хорошим археографическим исполнением. Источники на белорусском, русском и украинском языках даны в оригинале. Чешские, словацкие и польские даются в переводе на белорусский. Документальный комплекс дополнен справочными материалами, отдельными статьями, воспоминаниями, снабжен указателями. Отдельно стоит упомянуть богатую иконографию сборника: на приведенных фотографиях запечатлено множество белорусских эмигрантов, живших в Чехословакии в межвоенный период. Правда, книга не избежала мелких фактических ошибок. В частности, Петр Бакач, один из активистов белорусской диаспоры, не остался в Чехословакии, а был арестован СМЕРШ и попал в советский лагерь, освободившись из которого остался в СССР.

Второе издание, подготовленное Сергеем Кныревичем, имеет скорее справочный характер. Инженер по образованию, Кныревич занимался краеведением в родном Березовском районе (Брестская область). Оказавшись в Чехии, он начал исследовать историю местной белорусской диаспоры. Результатом его многолетних исследований стала двуязычная книга «Могилы белорусов на чешских и словацких кладбищах». В небольшом справочнике охвачен практически весь белорусский некрополь в бывшей Чехословакии. Издание выполнено в

виде биографического словаря. Описание каждого захоронения состоит из краткой биографии человека, его изображения и точной локализации могилы. В ряде случаев добавлены фотографии надгробий и свидетельств о смерти. Благодаря многолетней работе Кныревича в чешских архивах были прояснены детали биографий большинства белорусских активистов в Чехословакии 1920–1940-х гг.

Издания, подготовленные А. Бучей и С. Кныревичем, являются весомым вкладом в изучение судеб белорусской эмиграции в Чехословакии. Данные работы, несомненно, станут источником ценных сведений как для изучения истории белорусской эмиграции, так и для более широких просопографических и социальных исследований.

Источники и литература

Буча А. І. Беларускае грамадска-палітычнае жыццё ў Чэхаславакіі ад часу прыезду ўрада БНР у Прагу да правядзення Берлінскай канферэнцыі // *Российские и славянские исследования*. Вып. 6. Минск: БГУ, 2011. С. 152–160.

Буча А. І. Беларускі навуковы кабінет у Празе (1927–1930 гг.): стварэнне і дзейнасць // *Беларускі гістарычны часопіс*. 2016. № 4. С. 11–18.

Буча А. Дзейнасць беларускіх прасавецкіх арганізацый у Чэхаславакіі ў 1920-я гады // *Przegląd Środkowo-Wschodni*. Warszawa. 2019. № 4. S. 448–479.

Русская, украинская и белорусская эмиграция в Чехословакии между двумя мировыми войнами. Результаты и перспективы исследований (международная конференция) = International conference “Russian, Ukrainian and Belorussian emigration between the World Wars in Czechoslovakia. Results and perspectives of contemporary research”: сб. докладов. Praha: Národní knihovna České republik, 1995. 989 с.

References

Bucha, A. I. “Belaruskae hramadska-palitychnae zhytstsiio ŭ Chėkhaslavakii ad chasu pryezdu ŭrada BNR u Prahu da praviadzennia Berlinskaĭ kanferėntsyi.” *Rossiiskije i slavianskije issledovaniia*. Vol. 6. Minsk: BGU, 2011, pp. 152–160.

Bucha, A. I. “Belaruski navukovy kabinet u Praze (1927–1930 hh.): stvarėnne i dzeĭnasts’.” *Belaruski histarychny chasopis*, 2016, no 4, pp. 11–18.

Bucha, A. “Dzeĭnasts’ belaruskikh prasavetskikh arhanizatsyi ŭ Chėkhaslavakii ŭ 1920-ia hady.” *Przegląd Środkowo-Wschodni*, 2019, no 4, pp. 448–479.

Russkaia, ukrainskaia i beloruskaia emigratsiia v Chekhoslovakii mezhdu dvumia mirovymi voynami. Rezul'taty i perspektivy issledovaniia (mezhdunarodnaia konferentsiia) = International conference "Russian, Ukrainian and Belorussian emigration between the World Wars in Czechoslovakia. Results and perspectives of contemporary research". Praha: Národní knihovna České republik, 1995, 989 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.04

I. I. Barinov

New publications on the history of Belarusian emigration in Czechoslovakia

Igor I. Barinov

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: barinovnoble@gmail.com

ORCID: 0000-0003-0154-1506

Citation

Barinov I. I. New publications on the history of Belarusian emigration in Czechoslovakia // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 456–460 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.04

Received: 01.09.2021.

The critical review evaluates the latest editions on the history of the Belarusian emigration in Czechoslovakia before 1945. They summarize a significant array of documents, making it possible to create a full picture of the life of the Belarusian diaspora, its political, cultural, and spiritual development.

Keywords

Czechoslovakia, Belarusian emigration, Belarusian national movement.

История диссидентства в Восточной Европе

Энциклопедия диссидентства. Восточная Европа. 1956–1989: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия / Международный Мемориал: под общ. ред. А. Ю. Даниэля. — М.: Новое литературное обозрение, 2022. — 984 с.

Никифоров Константин Владимирович
Доктор исторических наук, директор
Институт славяноведения РАН
119334, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nikiforov@inslav.ru
ORCID: 0000-0002-4436-5074

Цитирование

Никифоров К. В. История диссидентства в Восточной Европе // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 461–467. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.05

Статья поступила в редакцию 10.01.2022.

Аннотация

Первая на русском языке обобщающая работа, посвященная диссидентскому движению в Восточной Европе и его роли в конечном крахе тоталитарной системы. Исследование охватывает восемь стран региона: Албанию, Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу, Румынию, Чехословакию, Югославию в период с 1956 по 1989 гг. Соответственно и весь труд разделен на восемь очерков. В каждом очерке дается краткий исторический обзор и список литературы, приводится хроника событий, в которой отражаются факты, связанные с диссидентским движением. Наконец, в алфавитном порядке перечисляются биографические статьи о значимых персонажах диссидентского движения в каждой из упомянутых стран. Дискуссионным остается определение понятия «диссидент». Составители Энциклопедии трактуют его расширительно. В целом работа восполняет существовавший в историографии заметный пробел.

Ключевые слова

Восточная Европа, диссидентство, инакомыслие, неконформизм, тоталитаризм, хроники событий, биографии диссидентов.

Достоинством российского читателя стал тысячестраничный труд — «Энциклопедия диссидентства. Восточная Европа. 1956–1989». Это издание — перевод с польского языка первого тома двухтомного исследования «Словарь диссидентов. Ведущие деятели оппозиционных движений коммунистических стран в 1956–1989 годах». Словарь был напечатан в Варшаве в 2007 г. и стал итогом десятилетней работы Центра КАРТА (Варшава) и Международного Мемориала (Москва), а также отдельных национальных центров и авторских коллективов из стран-участниц. Работа над Словарем оказалась чрезвычайно сложной, однако она побудила общественный и научный интерес к проблеме диссидентства, в частности, способствовала сбору документов на эту тему. В некоторых странах возникли общественные институты, поддерживающие исследования по данной проблеме. Уже это оправдывало значительные первоначальные усилия составителей.

До выхода Словаря проблема диссидентства в европейских социалистических странах оставалась малоизученной. Достаточно сказать, что в России до сих пор самой известной книгой на тему советского диссидентства является старая публикация правозащитницы Л. М. Алексеевой¹. Еще меньше на русском языке выходило книг по диссидентству в Центральной и Юго-Восточной Европе (Восточной Европе по терминологии холодной войны)².

И все же по проблеме диссидентства выходит уже немало работ. Такое внимание к этому вопросу в социалистических странах совсем не случайно. Диссидентство было важным явлением общественной жизни в Советском Союзе и странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Так, благодаря правозащитной активности 1 августа 1975 г. в Хельсинки 33 европейских государства, США и Канада подписали Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, который содержал обязательства этих стран придерживаться стандартов в области

¹ Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М., 1992.

² См., например: Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности: Конец 60-х — 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М., 2014.

прав человека. Но, конечно, выход Словаря на польском языке, а затем Энциклопедии на русском в корне меняет картину. Словарь диссидентов хотя и не закрыл проблему полностью, но во многом способствовал заметному продвижению вперед в деле исследования этого явления.

С момента выхода в свет польского Словаря до его перевода на русский язык прошло 14 лет, много чего изменилось, публиковались новые работы, уточнялись биографии действующих лиц. Это привело к необходимости ряда уточнений и дополнений в русском варианте исследования. О них говорится в предисловии «От редакции российского издания». Переведенный том польского издания посвящен истории диссидентства в Восточной Европе, второй том, работа над которым еще ведется, будет касаться истории диссидентства в СССР.

Таким образом, общий срок работы над Энциклопедией диссидентства в Восточной Европе на русском языке составляет 26 лет — с 1996 по 2022 г. И уже это говорит о многом. Том охватывает все восемь социалистических стран региона — Албанию, Болгарию, Венгрию, ГДР, Польшу, Румынию, Чехословакию и Югославию. Соответственно и весь труд разделен на восемь очерков. Очерк о диссидентстве каждой из этих стран предваряется кратким историческим обзором с упором на вехи диссидентской активности. Также приводится список литературы, освещающей эту сторону жизни общества каждой из рассматриваемых стран.

Затем следует хроника событий, в которой отражаются факты, связанные непосредственно со становлением и развитием диссидентского движения и ответными репрессиями против его участников. После хроники событий идет глоссарий — сводный предметный указатель диссидентских объединений, важнейших текстов и изданий. Статьи глоссария расположены в алфавитном порядке. Наконец, также в алфавитном порядке следуют биографические статьи о значимых представителях диссидентского движения в каждой из упомянутых стран. Причем авторы Словаря (Энциклопедии — в русском варианте) исходили не только из важности того или иного персонажа, а из репрезентативности выборки в целом, чтобы наиболее полно представить весь спектр диссидентской активности.

Наиболее сложной, по словам составителей, проблемой было определение самого понятия «диссидент». Действительно, проблема существует. Диссидентство по своей сути не могло быть однородным явлением. Еще Л. М. Алексеева в упомянутой книге распределила это пестрое общественное движение на три группы: 1) национальные движения, 2) религиозные движения и 3) гражданские, правозащитные движения. Впрочем, все эти движения часто переплетались, и разде-

лить их на составные части иногда довольно проблематично. Однако в узком смысле слова правозащитное движение как раз и ассоциируется со всем протестным движением, а правозащитники были теми, кого и называли диссидентами.

Составители Словаря (Энциклопедии) подошли к понятию «диссидентство» чрезмерно расширительно. Как упоминалось, они стремились представить весь спектр протестной деятельности. В результате предметом Словаря стали все виды неконформистской активности — гражданской, культурной, научной, религиозной, национальной, политической и социальной, — наступившей после смерти Сталина и закончившейся с окончательным демонтажем политических режимов социалистических стран.

С проблемой определения понятия «диссидент» связан и вопрос об их численности. Трудно сосчитать, сколько всего их было. Ведь очевидно, что диссиденты представляли собой только верхушку айсберга, только тех, кто оказался готов бросить власти прямой вызов. Таких — всегда меньшинство. Гораздо больше было так называемых «диссидентствующих», тех, кто пассивно не принимал новый режим, принципиально чурался делать идеологическую карьеру. Отдельно надо сказать и о деятельности художественной интеллигенции, не желавшей мириться с идеологическим диктатом.

Подчеркнем еще раз: не всякий оппозиционер, тем более не всякий инакомыслящий является диссидентом. Диссидентство было все же крайним и более организованным проявлением инакомыслия. Но определить ту грань, за которой обычный человек превращался в неконформиста, а неконформист — в открытого диссидента, не всегда легко.

Важно отметить, что диссидентская активность, как правило, была связана с открытым, гласным и ненасильственным неподчинением тоталитарным установкам государства. В этом его принципиальное отличие, например, от революционной деятельности. Однако в единичных случаях в Словарь были включены и некоторые участники вооруженной борьбы против режима. Повторим, что, на наш взгляд, такой подход выглядит чрезмерно расширительным, а иногда и просто ошибочным. В частности, как можно понять, к диссидентам составители Энциклопедии относят участников сепаратистского движения албанцев в сербском крае Косово и Метохия, которое часто принимало вооруженные формы. С этим трудно согласиться. Повстанцы и диссиденты — отнюдь не одно и то же.

Совсем странным выглядит включение в Энциклопедию строк о деятельности загребского архиепископа Алоизие Степинаца. Хорошо

известно сотрудничество этого «противника режима» с верхушкой профашистского Независимого государства Хорватии, проводившей в годы войны политику геноцида в отношении сербского населения. Впоследствии Степинац был приговорен в Югославии к 16 годам заключения за военные преступления. Впрочем, и лидера мусульманской общины в Боснии и Герцеговине Алию Изетбеговича приговорили после войны к трем годам лишения свободы как военного преступника.

Говоря о диссидентском движении, нельзя не учитывать его нравственное начало. Диссиденты нашли смелость вести себя свободно в несвободной стране; жить по законам, которые сама власть не соблюдала; быть моральными в аморальной обстановке; быть честными в атмосфере тотальной лжи. Понятно, что это требовало не только огромного мужества, но даже жертвенности.

В какой-то степени из-за расширительного подхода к понятию «диссидент» у составителей Словаря суммарно получился огромный массив предварительных текстов, и они приняли нелегкое решение сократить его в три раза. Однако в той части исследования, которая осталась, самое заметное место занимают «классические диссиденты», то есть правозащитники, и в этом нет ничего удивительного.

Конечно, не все страноведческие части Энциклопедии равноценны. Например, раздел, посвященный Польше, занимает намного больше места, чем раздел по Албании. И это вполне логично: диссидентское движение в Польше было, наверное, наиболее развитым во всем регионе Центральной и Юго-Восточной Европы. Раздел «Чехословакия», как и другие разделы, имеет общий исторический очерк, общую хронику событий и глоссарий. Биографические же статьи разделены на две части — чешскую и словацкую. Раздел «Югославия» также имеет общий исторический очерк, хронику событий и глоссарий. Далее следуют пять глав, посвященных постъюгославским государствам — Боснии и Герцеговине, Македонии, Сербии и Черногории (которые, когда писался Словарь, составляли еще общее государство), Словении, Хорватии. Два первых государства имеют лишь исторические очерки, остальные три — исторические очерки и биографические статьи.

В сербском разделе³ есть погрешности, вызванные, по-видимому, двойным переводом — вначале с сербского на польский, а затем — на русский. Например, известный сербский художник Мича Попович назван

3 Подробнее о сопротивлении коммунистическому режиму в Сербии см.: *Цветковић С.* Отпор комунистичком режиму у Србији. 1945–1991. Београд, 2021.

артистом, а Сербское литературное общество — кооперативом. При желании подобные погрешности можно, наверное, найти и в других разделах Энциклопедии. Таких досадных неточностей было бы легко избежать, показав предварительно ее текст специалистам-страноведам.

Составители вспоминают, что вследствие масштаба задач, количества материалов шансы завершить работу в любой форме и любом объеме были ничтожными. Но, как видим, труд успешно закончен. Как пишут составители, сам предмет исследования помогал противостоять ощущению бессилия. И об этом тоже нужно помнить, читая вышедший том «Энциклопедии диссидентства. Восточная Европа. 1956–1989».

Источники и литература

Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР: Новейший период. М.: Весть; VIMO, 1992. 348 с.

Инакомыслие в условиях «реального социализма»: Поиски новой государственности: Конец 60-х — 80-е гг. XX в. / отв. ред. К. В. Никифоров. М.: Институт славяноведения РАН, 2014. 736 с.

Цветковић С. Отпор комунистичком режиму у Србији. 1945–1991. Београд: Catena mundi, 2021. 477 с.

Энциклопедия диссидентства. Восточная Европа. 1956–1989: Албания, Болгария, Венгрия, Восточная Германия, Польша, Румыния, Чехословакия, Югославия / Международный Мемориал: под общ. ред. А. Ю. Даниэля. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 984 с.

References

Alekseeva, L. M. *Istoriia inakomyслия v SSSR: Novejšiiĭ period*. Moscow: Vest'; VIMO, 1992, 348 p.

Cvetković, S. *Otpor komunističkom režimu u Srbiji. 1945–1991*. Beograd: Catena mundi, 2021, 477 p.

Ėntsiklopediia dissidentstva. Vostochnaia Evropa. 1956–1989: Albaniia, Bolgariia, Vengriia, Vostochnaia Germaniia, Pol'sha, Rumyniia, Chekhoslovakiia, Iugoslaviia / Mezhdunarodnyĭ Memorial, ed. by A. Iu. Daniĕl'. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2022, 984 p.

Inakomyслиe v usloviiakh "real'nogo sotsializma": Poiski novoĭ gosudarstvennosti: Konets 60-kh — 80-e gg. XX v., ed. by K. V. Nikiforov, Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2014, 736 p.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.05

K. V. Nikiforov

History of dissidence in Eastern Europe

Konstantin V. Nikiforov

Doctor of History, director

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119334, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nikiforov@inslav.ru

ORCID: 0000-0002-4436-5074

Citation

Nikiforov K. V. History of dissidence in Eastern Europe // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 461–467 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.05

Received: 10.01.2022.

Abstract

This is a review of the first Russian-language summary of the dissident movement in Eastern Europe and its role in the final collapse of the totalitarian system. The study covers eight countries of the region: Albania, Bulgaria, Hungary, East Germany, Poland, Romania, Czechoslovakia, Yugoslavia in the period from 1956 to 1989. Accordingly, the entire work is divided into eight essays. Each essay provides a brief historical overview and list of references, a chronicle of events, which reflects the facts related to the dissident movement. Finally, biographical articles about significant figures in the dissident movement in each of the countries mentioned are listed in alphabetical order. The definition of the term “dissident” remains debatable. The compilers of the Encyclopedia interpret it broadly. On the whole, the work fills in a noticeable gap that existed in historiography.

Keywords

Eastern Europe, dissidence, dissent, non-conformism, totalitarianism, chronicles of events, biographies of dissidents.

Социально-политические трансформации 1968 и 1989 гг. в зеркале современной культуры Европы

Med majem '68 in novembrom '89. Transformacije sveta, literature in teorije / uredil M. Juvan. — Ljubljana: Založba ZRC, 2021. — 536 s.

Старикова Надежда Николаевна
Доктор филологических наук, зав. отделом
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32А, Москва, Российская Федерация
E-mail: nstarikova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1230-2244

Цитирование

Старикова Н. Н. Социально-политические трансформации 1968 и 1989 гг. в зеркале современной культуры Европы // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 468–476. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.06

Рецензия поступила в редакцию 19.03.2022.

Аннотация

В рецензии представлена коллективная монография, опубликованная в Словении, которая в мультидисциплинарном ключе освещает процессы, происходившие в социокультурном пространстве Европы с мая 1968 по ноябрь 1989 г., то есть с момента возникновения студенческих волнений во Франции до падения берлинской стены и начала бархатной революции в Чехословакии, и их отражение в литературной теории и практике. В книгу вошли статьи словенских и других зарубежных ученых-гуманитариев, специализирующихся на исследованиях в области истории, социологии, политологии, литературоведения, культурологии, искусствоведения. В большинстве статей ведущей является словенская тематика и проблематика, которая встраивается авторами в широкий европейский и югославский социально-политический и историко-литературный контекст.

Монография состоит из пяти разделов, снабжена именным указателем, библиографическим списком авторов и развернутым англоязычным резюме, включающим постатейные аннотации.

Ключевые слова

Социально-политические трансформации, студенческое протестное движение в Европе, СФРЮ, Словения, литературная теория и практика.

Предлагаемая вниманию коллективная монография, вышедшая в 2021 г. в научной серии “*Studia literaria*”, с 2004 г. издаваемой Институтом словенской литературы и литературоведения Научно-исследовательского центра Словенской академии наук и искусств (НИЦ САНИ), — новаторское мультидисциплинарное гуманитарное исследование, в котором комплексно рассматриваются процессы, происходившие в социокультурном пространстве Европы¹ с мая 1968 по ноябрь 1989 г., то есть с момента возникновения студенческих волнений во Франции до падения берлинской стены и начала бархатной революции в Чехословакии, и их отражение в литературной теории и практике. Двадцать девять исследователей — историков, политологов, филологов, культурологов, социологов, искусствоведов — из одиннадцати стран мира (Австрии, Австралии, Великобритании, Венгрии, Германии, Италии, Сербии, Словении, США, Турции, Франции) попытались актуализировать и отразить два важнейших периода новейшей истории европейского региона, повлекшие за собой коренные общественно-политические изменения на карте Европы, чтобы, как пишет во введении ответственный редактор труда литературовед М. Юван (Любляна), понять «диалектику преемственности между ними» (s. 19). В большинстве статей ведущей является словенская тематика и проблематика, которая встраивается авторами в широкий европейский и югославский социально-политический и историко-литературный контекст. Монография состоит из пяти разделов, снабжена именованным указателем, библиографическим списком авторов и развернутым (17 стр.) англоязычным резюме, включающим постатейные аннотации.

Авторы первого раздела философ Г. М. Тамаш (Будапешт), историк литературы и культуролог С. Дюринг (Мельбурн), культуролог и литературовед С. Гупта (Милтон-Кейнс, Великобритания), философ А. Бирнбаум (Париж, Вена) и философ З. Кобе (Любляна) в статьях теоретической направленности сосредотачивают внимание на

¹ Помимо Словении речь идет об Италии, СФРЮ, Чехословакии, Франции и ФРГ.

идеологических, социально-политических, философских и институциональных условиях, в которых развивалось протестное движение студентов и рабочих между 1968-м и 1989-м гг. В первую очередь их интересует роль университетов как центров инакомыслия и общественного возмущения, а также влияние на умонастроения протестующих философских теорий (структурализм) и революционных идеологий (маоизм). Общий знаменатель для всех рассуждений следующий: европейские массовые выступления 1968 г. против государственного капитализма, потребительского отношения к жизни, буржуазной морали во имя свободы и равенства, с одной стороны, стали своеобразным триггером капиталистического неолиберализма, с другой — обусловили появление новых методов радикального ему сопротивления.

В статьях второго раздела конкретизируется и анализируется социально-политическая ситуация, сложившаяся в социалистической Югославии. Так, социолог Р. Мочник (Любляна, Белград), фиксируя ряд противоречий (прежде всего между обществом и номенклатурой), сосредотачивается на периоде 1961–1974 гг., который считает решающим для дальнейших событий, приведших к разрушению социалистической федерации. Теоретик литературы Е. Хабьян (Любляна) подчеркивает специфику югославского студенческого бунта мая 1968 г., доказывая, что учащиеся университетов Белграда и Загреба не протестовали против социализма как такового, а выступали против вынужденного выбора между курсом на США и СССР. Роль журнала «Praxis», выразителя идей одноименной философской школы и одной из площадок югославского вольномыслия 1960–70-х г., показана литературоведом А. Ежем (Любляна) в ракурсе столкновения нового анархизма и идеологии югославского самоуправления. Социолог литературы И. Перица (Вена) описывает динамику отношений между политикой и эстетикой, используя в качестве примера эволюцию идейных позиций двух выдающихся югославских интеллектуалов XX в.: писателя М. Крлежи (1893–1981) и искусствоведа О. Бихали Мерина (1904–1993). Обращаясь к свидетельствам очевидцев студенческих волнений 1968 г. в Париже, Праге и Белграде, компаративист В. Гвозден (Нови Сад) подчеркивает, что все тогда происходившее трудно вписать в широкие политические нарративы. Последующая оценка белградских событий, по его мнению, особенно наглядно демонстрирует различие между «политикой памяти и памятью о политике» (s. 169), т. е. между синхронным восприятием происходящего и его дальнейшей интерпре-

тацией. Наконец, искусствовед Б. Яковлевич (Стэнфорд) выделяет ключевую роль Югославии в новейшей трансформации европейской истории: именно здесь в 1960-е гг. в художественной практике живописца Д. Калайича (1943–2005) и литератора Р. Константиновича (1928–2011) началось формирование идей «новых правых», которые оказали большое влияние на развитие либерализма в Центральной и Восточной Европе после 1989 г.

Статьи, содержащиеся в третьем разделе, дают представление о литературном ландшафте Словении периода «оттепели» 1960-х и «свинцового» десятилетия 1970-х, для которых была характерна атмосфера свободомыслия и стремление к художественному эксперименту. Представители люблянского научного сообщества: социолог Л. Центрих, историк А. Габрич, компаративист А. Томажин в своих наблюдениях фокусируются на отношениях политики и поэтики на примере функционирования либеральной литературно-критической периодики, литературоведы И. Новак-Попов, М. Дович, Д. Павлич, В. Балжалорски-Антич — на вопросах художественных течений и авторских поэтик.

Социокультурная обстановка в Республике Словении в период югославского социализма имела ряд особенностей, к одной из них можно отнести существование легально действовавшей оппозиционной, а в последние годы и открыто антикоммунистической прессы. Со страниц журналов «Перспективы» (1960–1964) и «Нова ревия» (1982–2010) открыто звучала критика социалистической этики и идеологии, что оказало существенное влияние на политическое сознание словенцев. «Перспективы», подчеркивает Габрич, начали пересмотр господствовавших идейных представлений и стереотипов мышления, отстаивая право художника на индивидуальное, критическое отношение к действительности, открыли дискуссию по актуальным социологическим и экономическим проблемам югославского общества, вопросам культурной политики и национальных разногласий. «Нова ревия», согласно Центриху, постепенно превратилась в центр демократического движения, стала первым официальным органом национальной политической оппозиции. Томажин прослеживает стратегию и тактику функционирования литературно-критического журнала «Проблемы» (с 1962) в условиях идеологического прессинга и самоцензуры.

Поэзия авторов словенского неоавангарда 1960–70-х гг. Истока Гайстера, Алеша Кермаунера, Франци Загоричника, Воина Ковач-Чабби, Матьяжа Ханжжа, Томажа Шаламуна, основанная

на радикальном лингвистическом и визуальном эксперименте как форме провокации, рассматривается Новак-Попов в контексте эстетики реизма² («веществования»), освобождающего предмет от его функции, слово от определенного значения, человека от ограничения социальными ролями, художника от излишней субъективности. Знаковой для словенского неоавангарда автор статьи считает мультимедийную художественно-поэтическую группу ОНО (ОХО), подменившую идею книги пространством зрительного и слухового восприятия. На принципе вербо-вока-визуализации, т. е. соединения вербального, звукового и изобразительного компонентов, построены коллективные сборники «охоевцев» «ЕВА» (1966), «Каталог I» (1968), «Каталог II» (1969). Теоретическое и практическое освоение реизма словенскими авторами исследует в следующей статье Дович. Он подчеркивает не только идейную, но и институциональную (коллективное творчество) связь группы ОНО со студенческим оппозиционным движением, ориентацию ее представителей на европейские и американские модернистские образцы, воплощение ими новейших для своего времени художественных форм: перформанса и хепшенинга. Согласно Довичу, помимо поэзии, реистические тенденции нашли выражение в словенской прозе (роман Р. Шелиго «Триптих Агаты Шварцкоблер») и теории литературы (сам термин «реизм» в литературоведении применительно к словенскому неоавангардному искусству был введен литературным критиком Т. Кермаунером в 1968 г.). Кермаунеру же принадлежит авторство другого неологизма — «лудизм» (от латинского *ludus* — «игра») для обозначения модернистского течения словенской поэзии, представители которого в поисках абсолютной языковой свободы, соединив конструктивизм с поп-артом, делали ставку на игру ради игры. Лудистическим элементам в творчестве выдающегося словенского поэта Милана Есиха (р. 1951) на примере сборников «Уран в моче, господин!» (1972), «Сонеты» (1989) и «Маршал» (2017) посвящена статья Павлич. Юность Есиха пришлась на годы тектонических изменений системы ценностей: под музыку «Битлз» и «Роллинг Стоунз» студенческая молодежь Европы критиковала общественные институты, выступала с политическими требованиями, искала новые способы творческой самореализа-

² Реизм (от лат. *res* — «вещь») — философская концепция, согласно которой реально существуют только вещи; реизм отрицает самостоятельное существование психологического начала, «событий», «отношений», «свойств» и т. п.

ции. Как вспоминает участник событий 1968 г. в Югославии Борис А. Новак, «Милан был одним из главных действующих лиц эстетического и идейного переворота тех сумасшедших и незабываемых лет: в своих стихах он подвергал горькой и освобождающей иронии некоторые ценностные и политические табу...»³. Завершает раздел гендерное исследование Балжалорски-Антич, посвященное второй волне феминизма во Франции и Словении. Она видит связь между студенческим движением 1968 г. и борьбой за женскую эмансипацию в СФРЮ и пытается проследить, как концепция *écriture féminine* повлияла на творчество словенских поэтесс. Аналитические выкладки иллюстрируются примерами: в заключительном параграфе статьи представлены отрывки программных стихотворений Саши Вегри (1934–2010), Светланы Макарович (р. 1939) и Ифигении Загоричник-Симонович (р. 1953).

Авторы четвертого раздела стремятся ответить на вопрос, какое развитие импульс 1968 г. получил в 1980-е гг. в искусстве и литературе Словении во время кризиса югославского социализма, а также как тема студенческих волнений была репрезентирована в художественных текстах. Философ Л. Крефт (Любляна) находит связь событий 1968-го и 1989-го гг., сравнивая труды тех, кто пытался теоретически обосновать значение этих периодов для югославской культуры: это, с одной стороны, А. Флакер с концепцией «прозы в джинсах» (1976), а с другой — А. Эрьявец и М. Гржинич с гипотезой «альтернативной культуры» (1991). Предлагаемые данными учеными аспекты дают возможность конкретизировать причинно-следственные связи между «югославским маем 1968-го» и «бархатными» революциями. Теоретик искусства М. Шувакович (Белград) проводит параллели между двумя знаковыми явлениями альтернативного словенского искусства: группой ОНО (1966–1971) и движением NSK (*Neue Slovenische Kunst*, с 1984), сравнивая их идейные и эстетические платформы. Культуролог К. Такер-Соренсон (Чикаго) строит свои рассуждения об отношениях официальной и альтернативной культур в период позднего югославского социализма, отталкиваясь от известной фразы представителя словенской номенклатуры, с которой тот обратился к протестующим студентам Люблянского университета в июне 1968 г.: «Перемены — да, цирк — нет!», которая с тех пор стала крылатым выражением. Социолог литературы и театровед Г. Троха (Любляна)

³ Новак Б. А. Портрет Милана Есиха, или Если бы Пьер Безухов писал сонеты... // Есих М. Стихи / пер. Ж. В. Перковская. Ljubljana, 2009. С. 101.

выявляет причинно-следственную связь между радикальными изменениями современного словенского театрального искусства и студенческим движением конца 1960-х гг. на примере творчества двух выдающихся театральных деятелей Словении: актера, режиссера и драматурга Душана Йовановича (1939–2021) и режиссера, литературоведа и переводчика Ладо Краля (р. 1938). Именно стремление к свободе слова и самовыражения, декларируемое студенческим движением, было положено в основу программ сначала экспериментальных театральных студий «Глей» и «Пекарна», а затем официальных театров, где они оба сотрудничали. Личность поэта-неоавангардиста Юре Делеты (1951–1992) и его правозащитная деятельность стала предметом изучения филолога Б. Вичар (Марибор). В 1980-е гг. Делета одним из первых не только публично выступил за отмену смертной казни, но и дал этому публицистическое обоснование. В статье литературоведа А. Корон (Любляна) рассматриваются прямые и завуалированные литературные репрезентации студенческого движения в словенских художественных текстах, написанных во время или после событий 1968 г. (драмы Приможа Козака и Душана Йовановича, романы Марко Швабича, Мате Доленца, Димитрия Рупела, Милана Деклевы). Последний параграф ее статьи посвящен сравнению словенской литературной ситуации с французской, автор констатирует, что здесь налицо некоторые общие тенденции: рассказывая о событиях по горячим следам, авторы обеих литератур стремятся к аутентичности (газетные вырезки, политические лозунги, граффити), вводят в свои произведения не только вымышленных персонажей, но и реальные личности, типичен и появляющийся в текстах обеих литератур герой-интеллектуал, жизненная позиция которого изменяется под воздействием происходящего.

Статьи пятого раздела, написанные литературоведами, расширяют геополитический и литературный контекст исследования за счет включения материалов итальянской, немецкой и чешской литератур и культур. Так, Э. Алессандрони (Урбино) обращается к проблеме преобразующего потенциала литературы в творчестве итальянского поэта, прозаика и литературного критика Франко Фортини (1917–1994); И. Ракар (Любляна), оценивая значение западногерманского студенческого движения 1960-х гг. для немецкой поэзии, сопоставляет поэтику стихотворного творчества Томаса Клинга (1957–2005) и Рольфа Дитера Бринкмана (1945–1975); Ч. Сабатос (Стамбул) анализирует реакцию чешских и словацких лауреатов международной литературной премии Виленица (Словения) М. Кундеры, Я. Скацела, Л. Мониковой

и П. Великовского на политику нормализации в Чехословакии после периода «пражской весны»; М. Коломби (Лейпциг) рассматривает чехословацкую диссидентскую культуру после 1968 г., в частности движение «Хартия-77», уделяя особое внимание концепции «параллельного полиса» В. Бенды (создание одновременно с официальными новыми «параллельными институтами» — независимых культурных, экономических и медийных структур).

В целом материалы монографии, безусловно, актуальны и интересны своей многоаспектностью, демонстрацией разных научных ракурсов и точек зрения. Несколько снижают целостность впечатления пестрота методологий, отсутствие единого терминологического аппарата, внимание ряда авторов к более частным вопросам — отсюда содержательная неравноценность разделов, оставляющая впечатление некоторой раздробленности, фрагментарности. Впрочем, это, видимо, неизбежная обратная сторона мультидисциплинарного проблемного поля.

Источники и литература

Новак Б. А. Портрет Милана Есиха, или Если бы Пьер Безухов писал сонеты... // Есих М. Стихи / пер. Ж. В. Перковская. Ljubljana, 2009. С. 101–110.

Med majem '68 in novembrom '89. Transformacije sveta, literature in teorije / uredil M. Juvan. Ljubljana: Založba ZRC, 2021. 536 s.

References

Med majem '68 in novembrom '89. Transformacije sveta, literature in teorije, ed. by M. Juvan. Ljubljana: Založba ZRC, 2021, 536 p.

Novak, B. A. "Portret Milana Esikha, ili Esli by P'er Bezukhov pisal sonety...". Esikh M. *Stikhi*. Per. Zh. V. Perkovskaia. Ljubljana, 2009, pp. 101–110.

**Socio-political transformations of the 1968 and 1989
in the mirror of contemporary European culture**

Nadezhda N. Starikova

Doctor of Letters, head of the department

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: nstarikova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1230-2244

Citation

Starikova N. N. Socio-political transformations of 1968 and the 1989 years in the mirror of contemporary European culture // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 468–476 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.5.06

Received: 19.03.2022.

Abstract

The review presents a collective monograph published in Slovenia, which in a multidisciplinary manner illuminates the processes that took place in the sociocultural space of Europe from May 1968 to November 1989, that is, from the emergence of student unrest in France to the fall of the Berlin Wall and the beginning of the Velvet Revolution in Czechoslovakia, and their reflection in literary theory and practice. The book includes articles by Slovenian and other foreign humanities scholars specializing in research in the field of history, sociology, political science, literary criticism, cultural studies, and art history. In most of the articles, the Slovenian themes and problems are the leading ones. They are embedded by the authors in a broad European and Yugoslav socio-political, historical and literary context. The monograph consists of five sections, has a name index, a bio-bibliographic list of authors and an extended English-language summary, including article-by-article annotations.

Keywords

Socio-political transformations, student protest movement in Europe, SFRY, Slovenia, literary theory and practice.

УДК 821.16
DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.01

Е. В. Шатько

**Международная научная конференция
«Топос города в синхронии и диахронии:
литературная парадигма
Центральной и Юго-Восточной Европы»**

Шатько Евгения Викторовна
Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: eshatko@gmail.com
ORCID: 0000-0001-9467-8987

Цитирование

Шатько Е. В. Международная научная конференция «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы» // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 477–486. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.01

Текст поступил в редакцию 28.03.2022.

9 и 10 ноября 2021 г. Отдел современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы ИСЛ РАН провел международную конференцию «Топос города в синхронии и диахронии: литературная парадигма Центральной и Юго-Восточной Европы». На материале литератур региона докладчики рассмотрели функционирование топоса города, а именно — комплекс образов, мотивов, сюжетов, мифов, воплощающих модель городского пространства и бытия как специфического феномена культуры. Конференция прошла в смешанном формате: в стенах Института славяноведения РАН и на платформе Zoom.

Перед участниками стояли разнообразные задачи: от широких теоретических до более узких и частных. Так, например, *И. Постпишил* (Чехия, Брно, Университет Т. Г. Масарика) в своем докладе обратился к проблеме городского и деревенского культурного ареала в диахронии и синхронии. Исследователь обратил внимание на общие проблемы данных пространств в целом и уже — в ареале Центральной Европы. Докладчик указал на определенные, ограниченные по време-

ни эволюционные цепи, волны, подъемы, сдвиги значения, когда при исторически благоприятных обстоятельствах некоторые топосы актуализируются, становясь стимулом для развития всей национальной литературы, и, более того, для литератур за ее пределами, например в рамках Центральной Европы или Европы в целом. *Е. В. Байдалова* (Институт славяноведения РАН) посвятила свой доклад истории и современному состоянию изучения топоса города в украинском литературоведении. Она отметила, что в исследованиях украинских ученых, обращающихся к урбанистической проблематике, самыми крупными из которых являются И. Булкина и Г. Грабович, основное внимание уделяется главным национальным городским текстам — киевскому и львовскому, — их связям с историей этих городов и развитием разных национальных литератур, обращающихся к данным текстам: австрийской, польской, еврейской, русской, украинской.

Е. Н. Ковтун (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) на материале российской, инославянской и зарубежной фантастики рассмотрела город как модель пространства Мира Посмертия. В ее докладе анализируются произведения отечественных и зарубежных фантастов XX–XXI вв., посвященные изображению посмертного человеческого существования. Одним из аспектов исследования стали типы ландшафтов загробного мира, в которых существенное место занимают образования урбанистического характера. По мнению исследовательницы, чаще всего городской ландшафт Мира Посмертия противопоставляется сельскому по оценочному принципу, однако в ряде произведений именно город и городская среда становятся художественным воплощением идеи внутреннего роста и восхождения человеческой души по спирали духовной эволюции. *С. А. Кожина* (Институт славяноведения РАН) в докладе «Город-лабиринт как топос инициации в произведениях Д. Годровой» находит архетипическую семантику городских топосов в романах «Воззвание», «Спиральные предложения» и «Эта близость». Лабиринт как топос путешествия, катабазиса души персонажа, пришедший в литературу в период зарождения христианства, в текстах Годровой, по наблюдению докладчицы, реализован посредством городского пространства. В исследуемых романах наблюдается перенос акцента с эпического повествования о судьбах персонажей на выстраивание текста города: Прага предстает перед читателем как город мифов и легенд, воспоминаний о частных судьбах и великих исторических событиях, в которых отражается тайный смысл устройства мироздания. Объединяющим принципом становится ризоматично разрастающиеся исто-

рии об определенных местах и связанных с ними людях. В докладе «Тени и свет сказочного города: романтический топос в творчестве Е. Л. Шварца» Д. А. Завельская (Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина) проследила влияние предшествующей литературной традиции — преимущественно романтической — на творчество Шварца. Более детально это влияние рассматривается на примере образа города. Особое внимание докладчица уделила поэтике городского топоса в сказках «Кукольный город» и «Тень», в которых проследила черты романтической традиции, присущей таким авторам, как Андерсен, Гофман, Одоевский. В исследовании значительное место отведено принципу контраста; взаимодействию тени и света, мотиву иллюзорности и стилистике фантасмагории.

Ряд докладов был посвящен образу конкретного города в той или иной национальной литературе. Так, например, И. Е. Адельгейм (Институт славяноведения РАН) в докладе «“...разделено жилье твое между ними и тобой”. Варшава как пространство своего / чужого в польской прозе 2000–2020-х гг.» на материале художественной и документальной прозы С. Хутник, И. Остаховича, П. Пазиньского, Б. Хомонтовской, Э. Яницкой, М. Шнайдерман рассмотрела специфику изображения неоднородного пространства Варшавы, связанного с исторической травмой и трагическим польско-еврейским прошлым. Адельгейм видит это повествование как стремление переписать историческое пространство города, как безуспешную попытку стереть один из слоев палимпсеста или прикрыть одну травму другой. Л. Ф. Широкова (Институт славяноведения РАН) проанализировала образ города Братислава и его функцию в словацкой прозе XX–XXI вв. Она отметила, что в прозе 1-й половины XX в. образ Братиславы возникает часто в рамках противопоставления города традиционному сельскому укладу (например, сюрреалистическое изображение военного города присуще новелле Д. Татарки «Панна волшебница»), а в период соцреализма картины Братиславы возникают лишь эпизодически, как фон событий войны и социалистического строительства. Образ большого города выходит на первый план в 1960-е гг. в прозе «Поколения 56» (Я. Йоганидес, Я. Блажкова, Д. Митана, П. Виликовский) как место самореализации и поисков молодого интеллектуала, а новые аспекты художественного видения Братиславы возникают после 1989 г.: город как средоточие «дикого капитализма» 1990-х гг.; город-палимпсест возникает в творчестве П. Виликовского, который то разворачивал место действия своих книг в Братиславе, то делал ее их «героем».

П. В. Королькова (Российский государственный гуманитарный университет) на материале хорватской литературы XX в., как прозаических, так и поэтических текстов, проанализировала образ Парижа. В ее докладе представлена рецепция Парижа в хорватских травелогах XX в., образ Парижа как города-магнита, города-хаоса, города-бунта; докладчица поставила перед участниками конференции вопрос о правомерности использования термина «парижский текст» для хорватской литературы и предложила периодизацию и конкретные произведения, наиболее значимые для его формирования.

Е. В. Сагалович (Институт славяноведения РАН) проанализировала многомерность городского пространства сербской прозы на примере романов Д. Киша, Л. Блашковича, Б. Пекича, С. Велмар-Янкович. В изучаемых произведениях город (Нови-Сад у Киша и Блашковича) и Белград (у Пекича и Велмар-Янкович) — это сложный смыслообразующий фактор, который может быть нейтральным, дружественным или враждебным по отношению к персонажу, местом, где герой был счастлив или, наоборот, пережил травмирующий опыт. По мнению исследовательницы, город выявляет качества героя и влияет на сюжетную динамику, приобретая антропоморфные свойства и искажая собственное пространство.

А. Г. Шешкен (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН) представила краткий обзор македонской прозы 1945–1960-х гг., времени формирования образа города. Она отметила, что местом действия и основными героями рассказов 1940-х гг. была деревня и крестьяне, но уже действие первой повести на македонском языке «Улица» С. Яневского разворачивается в городе. В городском пространстве развиваются и сюжеты романов, в центре которых оказывается морально-нравственная проблематика, а именно «Две Марии» С. Яневского и «Под раскаленным небом» Д. Солева. В 1960-е гг. в своих произведениях, действие которых также происходит в городских декорациях, начинает широко использовать фантастику В. Урошевич.

Н. Няголова (Великотырновский университет им. Св. Кирилла и Мефодия, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) в своем докладе «Город греха в прозе болгарских шестидесятников» представила несколько вариантов образа города на фоне литературного процесса, более подробно остановившись на образе города с ярко выраженной отрицательной коннотацией — города греха, города-блудницы — на материале романов П. Вежинова, Б. Райнова и В. Попова. Городское пространство в выбранных романах реализуется через территориальную деструкцию и отчуждение, его олицетворе-

нием становится София, утратившая свое прошлое и ставшая городом без национальности.

Ю. П. Гусев (Институт славяноведения РАН) в докладе «Будапешт как культурный феномен» осветил процесс приобщения венгерского народа к европейской цивилизации, он указал на исторические причины (татаро-монгольское, турецкое нашествия и др.), которые привели к тому, что этот процесс растянулся почти на тысячелетие. Во второй половине XX в., когда Венгрия оказалась в составе Австро-Венгерской монархии, началась борьба двух начал: феодально-патриархального и просвещенно-либерального, — в центре которой оказался Будапешт. В отражении этой борьбы исследователь видит истоки оригинальности и своеобразия венгерской культуры.

Сразу несколько докладов были посвящены образу Праги. *Р. Змелик* (Чехия, Оломоуц, Университет Палацкого) в своем докладе проанализировал романы Я. Арбеса, написанные во второй половине XIX в. (с 1860-х гг. до начала XX в.), местом действия которых является Прага. Его основной целью было проследить, как городской топос трансформируется в прозе Арбеса, при помощи каких механизмов он воссоздается и что является результатом таких трансформаций. Вместе с тем исследователь воссоздал топографию города при помощи картографических моделей и использовал их при системном анализе топографии художественных произведений. *Г. В. Климанов* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова) в своем докладе провел оценку функционального значения пражских реалий для раскрытия авторского замысла на примере повести Франтишека Лангера «Братство белого ключа», которая создавалась в межвоенное время, когда Прага стала столицей нового независимого государства, новый облик города стал предпосылкой для формирования сюжета повести. Пражские реалии докладчик разделил на пять групп, сформированных по принципу описываемого явления. Каждая из групп реалий вносит свой вклад в раскрытие авторского замысла.

Дискуссию о целесообразности выделения сараевского текста боснийской литературы спровоцировало сразу несколько докладов. Так, *А. Ибришимович-Шабич* и *Е. Баврка* (Сараевский университет) вынесли этот вопрос и в название доклада — «“В Сараеве жить невозможно”: сараевский текст vs петербургский текст (на примере поэзии Абдулаха Сидрана)». Исследовательницы указали на то, что в отличие от петербургского текста, генезис и структура, язык и авторы которого хорошо изучены и теоретически обоснованы благодаря трудам Тартуско-московской школы и фундаментальным исследованиям В. Н. Топо-

рова, сараевский текст и его теоретическая основа все еще находятся в зачаточном состоянии, что несомненно следует изменить. Во второй части доклада речь шла о поэзии А. Сидрана: трех его центральных сборниках, описывающих город как пространство истории, культуры, памяти и свидетельства. Опус Сидрана побудил исследовательниц осознать важность изучения генезиса и структуры сараевского текста, что указывает на необходимость определения этого термина в более широком смысле. *П. Е. Зеновская* (Дублин, независимый исследователь) в докладе «Миф о Сараево: город как модель пространства» рассмотрела топос Сараево на материале нескольких произведений И. Андрича, М. Капора, А. Хемона и К. Заимовича. Результаты анализа структурных элементов художественного пространства позволили ей говорить о том, что авторы активно используют мифопоэтическую модель мира, создавая из Сараево город-миф, наделенный рядом повторяющихся из произведения в произведение характеристик. Наиболее последовательно встречается представление о Сараево как о мультикультурной столице, являющейся воплощением мифологемы перекрестка. Тяготение к мифологическому осмыслению сущности города и его трагической судьбы приводит авторов к персонификации духа Сараево в облике чудовища, гения места. *Е. В. Шатько* (Институт славяноведения РАН) продолжила сараевскую тему докладом, в котором рассмотрела топос города Сараево в творчестве М. Ерговича (на материале сборника рассказов «Сараевский Мальборо» и фрагментированного романа «Сараево. План города») и Дж. Карахасана (на материале сборников «Дневник переселения» и «Дом для усталых»). Исследовательница пришла к выводу, что город занимает важное место в творчестве обоих писателей, зачастую даже становится одним из центральных персонажей, авторы обращаются как к прошлому города, так и к его настоящему. Докладчица отметила, что если изображение прошедших эпох и у Ерговича, и у Карахасана выстраивается на воспроизведении истории региона и описании жизни отдельных персонажей, то их видение современного города сильно различается: Ергович на страницах «Сараево. План города» стремится разрушить миф о мультикультурном и открытом городе, который создается в том числе в творчестве Карахасана.

Ряд докладов, представленных на конференции, был посвящен образу города в конкретном произведении. Так, *Н. Н. Старикова* (Институт славяноведения РАН) проанализировала автобиографический роман Д. Янчара «Насмешливое вожделение», основанный на впечатлениях от пребывания автора в Америке во второй половине

1980-х гг. Одним из мест его дислокации становится Новый Орлеан, окутанный легендами город Луизианы с уникальным культурным ландшафтом, в котором соединяются французские, испанские, креольские, южноамериканские, африканские элементы. Географическое, топологическое и социокультурное пространство этого мегаполиса является основой для всей художественной структуры произведения. Исследовательница утверждает, что перцепция Нового Орлеана в романе многоуровневая: это и хронотоп, и сюжетообразующий субъект, и актер исторического процесса со своей судьбой и мифологией, и, наконец, объект авторской иронии. *Н. М. Куренная* (Институт славяноведения РАН) в докладе «А. Клинов: Путеводитель по Городу Солнца (2013)» представила новый синтетический литературно-художественный жанр, объединивший черты субъективной автобиографической прозы и историко-архитектурного путеводителя. Книга А. Клинова посвящена Минску, единственному на пространстве бывшего СССР завершенному городскому ансамблю, воплощенному архитекторами И. Г. Лангбардом и Г. В. Заборским как социалистическая версия утопического Города Солнца Т. Кампанеллы. В своем докладе Куренная рассмотрела комплекс философских и художественно-архитектурных комментариев А. Клинова об исключительности, своеобразии и художественной уникальности Минска как памятника Большой Коммунистической Утопии. *А. В. Грасько* (Институт славяноведения РАН), анализируя роман чешского писателя первой половины XX в. И. Вайля «Москва-граница», нашла не только внешний описательный образ советской Москвы начала 1930-х гг., кузницы нового коммунистического государства, характерный для письменных свидетельств иностранцев, ее посещавших, но и ее более объемное, многогранное видение: город становится местом пересечения и столкновения многих смыслов, как социально-политических, так и культурно-этических и экзистенциальных, то есть становится не просто городом-локусом, внутри которого разворачивается действие романа, а семиотически значимым, объемным пространством — топосом. *А. В. Усачева* (Институт славяноведения РАН) в докладе «Бухарест настоящего и прошлого: образ города в романе Симоны Сора “Отель Универсал”» представила образ изменчивого города, отражающего историю и города, и страны, противопоставленного статичному, неизменному отелю. На материале нескольких произведений *Н. А. Лунькова* (Институт славяноведения РАН) в своем докладе «О некоторых особенностях городской прозы Д. Энева» продемонстрировала, что в рассказах автора (сборники «Городок под названием Мендосино», «Болгарин с

Аляски», «Орел или решка», «Гризли») важное значение приобретает мотив странствия по городу, где «кого только не встретишь. Даже молодого самого себя». Перемещаясь по городскому пространству, рассказчик собирает в пестрый урбанистический калейдоскоп истории простых людей с городских окраин, среди которых неудачники, сумасшедшие, проститутки, нищие, фиксируя не только таким образом настоящее, но и рассказывая о прошлом. Герой-горожанин Энева, по наблюдению докладчицы, говоря о городских локусах как части своего жизненного пути, спасается от бега времени, его разрушительного воздействия на пространство, делая акцент на противопоставлении старой Софии и новостроек.

Доклад *Е. А. Яблокова* (Институт славяноведения РАН) в докладе «Города без самоваров. Феномен “антиравелого” в цикле романов Н. А. Лейкина о супругах Ивановых» был посвящен тетралогии Н. А. Лейкина, в которой рассказано о путешествии героев в Константинополь через Белград и Софию. Образ города здесь отражает общую поэтику цикла, носящего юмористический и сатирический характер. Роман «В гостях у турок» построен по модели классического травелога, однако в центре внимания не «объективные» образы посещаемых городов, а специфика восприятия героев, обусловленная их «русскостью»: агрессивная «самобытность», ко всему «чужому» герои подходят с собственными критериями, поэтому разница между городами фактически нивелируется. «В гостях у турок», как и остальные части цикла, повествует в основном о различных «фиаско» героев, которые, ввиду невысокого интеллектуально-образовательного уровня и карикатурно-«русских» стереотипов, неспособны адаптироваться к иным культурам. Заграничные города — в том числе «славянские» — в восприятии Ивановых предстают в основном как дискомфортные, «чужие». Идеальной «целью» зарубежного путешествия парадоксально оказывается Россия — поэтому, при наличии формальных признаков травелога, он, в сущности, оборачивается «фикцией». *Л. А. Мальцев* (Балтийский федеральный университет им. И. Канта) в своем докладе проследил признаки тайного «двойничества» с Достоевским в отношении Герлинга-Грудзиньского к Неаполю: как Достоевский вел «петербургскую летопись», так и Герлинг-Грудзиньский — «неаполитанскую хронику», создавая при этом рассказы «из хроники нашего города». Докладчик также отметил и тот факт, что в творчестве Герлинга отношение к Петербургу-Ленинграду, художественно выявленное в повести «Белая ночь любви», практически идентично отношению

Достоевского к Неаполю, отраженному в монологе князя Мышкина в романе «Идиот». «Полюса» Север — Юг, Петербург — Неаполь в творчестве Достоевского и Герлинга находятся в диалектическом соотношении с оппозициями мечта — действительность и жизнь — смерть. Доклад *А. Ю. Колянова* (Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова) «“Образ города” в романах Иржи Карасека из Львовиц» представил европейский город эпохи *fin de siècle* как мистическое пространство, где сконцентрированы ощущения ностальгии и клаустрофобии, заставляющие персонажей переживать наследственную сопричастность истории. Так, например, чувствует герой романа «Готическая душа», в котором Прага рубежа веков — это место, где прошлое реальнее настоящего. В трилогии «Романы трех магов» легенды о европейских «колдунах» воскресают в пространстве Вены, Венеции и Праги, структурируя сюжет и поведение персонажей. По мнению исследователя, тексты Карасека позволяют взглянуть на города сквозь призму чешского «готического» романа, а также ощутить атмосферу, утраченную после войн XX в.

Несколько особняком стоит доклад *Л. Танушевской* (Университет им. Св. Кирилла и Мефодия в Скопье) «Город в литературе в рамках проекта NEWSLA», посвященный проекту, получившему поддержку программы ERASMUS MUNDUS. Проект включает в себя универсальную подготовку тремя университетами (Силезский университет в Катовицах, Остравский университет в Остраве, Университет имени Св. Кирилла и Мефодия в Скопье) современной формы второй ступени высшего образования по славистике. Программа обучения, разрабатываемая в рамках этого проекта, будет содержать также курс на тему «Город в литературе и культуре» этих трех стран. Курс будет охватывать следующие темы: город как центр мира, город как мифологическое место, геокультурная символика города, феномен «потерянных» городов, отношение человека к городу, планирование или искусство прогулки по городу и город как переводческая проблема.

В рамках прошедшей конференции топос города был рассмотрен на материале произведений многих национальных литератур. Используя различные подходы, изучая творчество конкретных авторов или анализируя определенные периоды развития той или иной литературы, участники создали яркую и географически широкую (Варшава, Будапешт, Бухарест, Братислава, Прага, София, Сараево, Белград, Нови-Сад, Москва, Санкт-Петербург, Минск, Неаполь, Париж, Новый

Орлеан) палитру городских топосов. В рамках дискуссии участники обнаружили типологические схождения в литературах региона, что позволит расширить дальнейшие исследования в данной области, а также положили начало изучению сараевского текста боснийской литературы и парижского текста — хорватской.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.01

Е. В. Шатько

**An International Academic Conference
“The topos of the city in synchronicity and diachrony:
a literary paradigm of Central and South-Eastern Europe”**

Evgeniia V. Shatko

Candidate of Letters, research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: eshatko@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9467-8987

Citation

Shatko E. V. An International Academic Conference “The topos of the city in synchronicity and diachrony: a literary paradigm of Central and South-Eastern Europe” // *Slavic Almanac*. 2022. № 1–2. P. 477–486 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.01

Received: 28.03.2022.

Международная научная конференция IV Хоревские чтения

Лунькова Наталья Александровна
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: lunkova_n@mail.ru
ORCID: 0000-0001-9193-3890

Цитирование

Лунькова Н. А. Международная научная конференция IV Хоревские чтения // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 487–495.
DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.02

Текст поступил в редакцию 25.03.2022.

21–24 февраля 2022 г. в Институте славяноведения РАН состоялись IV Хоревские чтения — международная научная конференция, объединившая несколько десятков исследователей из разных стран: России, Польши, Македонии, Канады. Организаторы, сотрудники отдела современных литератур Центральной и Юго-Восточной Европы, по ряду причин, включая эпидемиологическую ситуацию, выбрали онлайн-формат проведения мероприятия.

IV Хоревские чтения были приурочены к 90-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Виктора Александровича Хорева (1932–2012) — крупнейшего отечественного полониста, заслуженного деятеля науки Российской Федерации. В. А. Хорев — автор монографий, статей, посвященных польской литературе, русско-польским литературным связям, переводчик с польского языка. Трудно переоценить тот вклад, который он внес в развитие отечественной полонистики и славистики в целом, в популяризацию польской литературы. Для нескольких поколений ученых В. А. Хорев был не просто коллегой, руководителем, он был наставником и Учителем, поэтому открытие конференции было посвящено воспоминаниям о нем. Все, кто выступал, говорили о роли Виктора Александровича в контексте собственной жизни и отмечали необычайную работоспособность про-

фессора, его увлеченность делом и преданность профессии. Фотографиями с Хоревым, теплыми воспоминаниями о нем поделились его ученики, коллеги, друзья из России и Польши: И. Граля, А. де Лазари, Г. Борковская, Г. Павляк, М. Трошинский, Л. А. Мальцев, В. В. Мочалова, М. В. Лескинен, Н. Н. Старикова и др.

Главной темой IV Хоревских чтений была заявлена следующая: «Национальная картина мира в литературах Центральной и Юго-Восточной Европы», в связи с чем организаторы объединили поступившие заявки в 5 тематических секций.

Работу секции «Национальное: стереотипы и мифы» открывал доклад *И. Грали* (Варшавский университет) «Сарматы и роксоланы: к вопросу об этногенетическом мифе русской шляхты Речи Посполитой (XVI–XVII вв.)», в котором шла речь о сарматском мире и мифе, о русском и прусском дворянстве Речи Посполитой, а также их сопоставлении с польской шляхтой. Выступление *М. Трошинского* (Варшава, Институт литературных исследований ПАН) продолжило разговор о сарматском мире, культуре, интерес к которой усилился в первой половине XIX в. Польские поэты предполагали ее истоком именно Кавказ, в связи с чем в творчестве таких крупных романтиков, как А. Мицкевич и Ю. Словацкий, он сыграл важную роль в процессе осмысления польской истории. Внимание на поэтике и философии романтизма сосредоточил и *З. Казьмерчик* (Гданьский университет), который в докладе «Дуальная модель мира в сочинениях польских романтиков» проанализировал эсхатологическую образность, а также бинарность романтических героев. *М. Домбровская* (Варшавский университет) сделала доклад на тему «Еще о литературоведческих проектах С. Б. Линде — мечты vs реальность» и обратила внимание на то, что ряд исследователей воспринимает перевод на польский язык пособия Н. Греча по русской литературе и приложений к нему (1823) исключительно как перевод, не уделяя должного внимания роли Линде при комментировании данного труда и написании предисловия.

М. В. Лескинен (Институт славяноведения РАН) в докладе-презентации «“Не имеет ли... воздух Малороссии... свойства, помогающего пищеварению?”: “Пан Халевский” Г. Ф. Квитки-Основьяненко (1839) как автобиографический роман (вос)питания» подробно остановилась на значимости кода еды в произведении украинского писателя, отсылающего к традиции Рабле и раннему творчеству Гоголя. Докладчица подчеркнула особую роль мотива еды при создании идеализированного образа Малороссии. *Н. Е. Ананьева* (Московский

государственный университет им. М. В. Ломоносова) выступила с докладом «Стереотип поляка в русской художественной литературе XIX–XXI вв.», который представлял собой результат обстоятельного анализа значительного корпуса текстов. По наблюдениям Ананьевой, в отобранном ей материале можно говорить о наличии и стереотипных, и нестереотипных образов поляков в русской литературе, об индивидуально-авторских полонизмах и общих для многих текстов элементах. В оживленной дискуссии, которую вызвал данный доклад, обсуждались, в частности, современные произведения отечественной литературы, где присутствует герой польского происхождения. Ю. П. Гусев (Институт славяноведения РАН), исследуя вопросы национальной картины мира, в докладе «Избранный народ vs “венгерское проклятие”» остановился на поэзии Э. Ади, романе «Черный монастырь» А. Кунца, в которых отчетливо, по мнению исследователя, прослеживаются мотивы избранничества венгерской нации и иррационального проклятия. Доклад «Образ мира в творчестве Милорада Павича» Е. В. Шатько (Институт славяноведения РАН) был посвящен сербской литературе — романам «Внутренняя сторона ветра» и «Хазарский словарь» М. Павича, а также ряду его рассказов, где в ходе проведенного анализа были выявлены элементы сербской, балканской и византийской картины мира.

Первым в секции «Национальный этос vs поэтика» стал доклад «Национальный вопрос в романах В. К. Винниченко 1910-х гг.» Е. В. Байдаловой (Институт славяноведения РАН). Исследовательница творчества Винниченко обратила внимание на присутствие национального вопроса как в политической деятельности автора, так и в его художественном творчестве, показав, каким образом была реализована оппозиционность писателя к прежней литературной традиции.

Следующие три доклада представляли собой исследования в области македонистики. М. Павловский (Скопье, Университет им. Св. Кирилла и Мефодия) представил презентацию «Идентичность и травма: драматургия Горана Стефановского». С точки зрения ученого, на внутренний мир героев, созданных писателем, значительное воздействие оказывает травма — индивидуальная или коллективная. Основное внимание Павловский уделил анализу пьес «Дикое мясо» и «Отель “Европа”». А. Г. Шешкен (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Институт славяноведения РАН) рассказала о «Македонии в художественном мире Блаже Конеского» и проанализировала ключевые мотивы в творчестве одного из крупнейших македонских поэтов: мотивы родной истории, языка,

национальных традиций и др. Разговор о македонской литературе продолжила аспирантка А. Г. Шешкен — *П. Д. Гаврилова* (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), выступив с сообщением на тему «Мать как центр в национальной картине мира на примерах романов Петре М. Андреевского “Пырей”, “Небеска Тимьяновна” и “Туннель”». Докладчица показала, как в отобранном ей материале воплощается образ матери, отметив, что он представлен сквозь призму авторского мировосприятия в двух планах — реальном и фольклорном.

Е. Н. Ковтун (Институт славяноведения РАН) подготовила доклад-презентацию «Национальная и индивидуально- авторская картина мира в повествовании о посмертии (на материале российской, инославянской и зарубежной фантастики XX–XXI вв.)», где шла речь о разных видах Мира Посмертия, о способах его моделирования в творчестве писателей-фантастов. *А. В. Усачева* (Институт славяноведения РАН) в докладе «Смех как часть румынской картины мира: преемственность комического в драматургии Матяя Вишнека» сделала обзор теоретических исследований о природе комического и проследила его характерные черты на румынском материале, остановившись на некоторых особенностях поэтики произведений таких авторов, как М. Вишнек, Й. Л. Караджале и Э. Ионеско. Доклад *М. А. Ламм* (Москва, независимый исследователь) «Формирование национальной картины мира в городской лирике Д. Бичель» был посвящен творчеству белорусской писательницы, развитию в нем темы города, интересу к Гродно, индивидуальное восприятие которого отразилось в эстетике исследуемой лирики.

Особый интерес у участников конференции вызвал доклад *С. А. Кожиной* (Институт славяноведения РАН), представившей свое исследование на тему «Национальные культурные коды в творчестве Д. Годровой и И. Кратохвила». Остановившись на ряде особенностей нарратива современных чешских авторов, Кожина говорила об элементах-символах, касающихся идентичности чехов, о способах репрезентации важных исторических дат и событий национальной истории. Вопросы, поднятые в дискуссии, касались определения понятия «культурный код» и методов его анализа. Завершал работу секции доклад *И. Е. Адельгейм* (Институт славяноведения РАН) «“Когда я слышу имена Костюшко, Мицкевича, Шопена...” Механизмы сопротивления национальному этосу в молодой польской прозе 2000–2020 гг.», в котором на обширном литературном материале было представлено, как польские авторы направляют иронию, сарказм, гротеск, черный

юмор на табуированные объекты национального дискурса. Отдельно был отмечен психологический аспект: говорящий избегает соприкосновения с табуированным объектом и одновременно затрагивает его. По убеждению докладчицы, порождение и переживание комического сознания в исследуемых текстах становится для писателей освобождающим опытом.

3. *Конець* (Познань, Университет им. А. Мицкевича) с докладом «Наша “ссылная коммуна” переживала тяжелые времена» — верхоянские воспоминания политических узников» открывал работу следующей секции конференции — «“География — это судьба”. Опыт перемещения в пространстве». Ученый проанализировал мемуары об изгнании, опубликованные Я. Бялым, С. Лионом и В. Серошевским, и продемонстрировал на литературном материале, как в силу национальных, конфессиональных различий они каждый по-своему воспринимали верхоянскую реальность. *Д. Клевовский* (Познань, Университет им. А. Мицкевича) в докладе «Сибирь: страна будущего. Этнографические экспедиции в бассейн Енисея 1911–15 гг. в литературной записи Фритьофа Нансена, Марии Антонины Чаплицкой и Вячеслава Шишкова» сопоставил этнографические наблюдения трех авторов, детально изложив их взгляды на сибирскую действительность. В докладе «“Кто, покинув Отчизну, сможет убежать от себя?” Чешские писатели в / о эмиграции» *И. А. Герчикова* (Институт славяноведения РАН) сосредоточила свое внимание на нескольких чешских эмигрантских волнах, освещая вопросы самоопределения писателей-эмигрантов, их роли в родной / чужой культурах. Выступление *М. Рудковской* (Варшава, Институт литературных исследований ПАН) «Невыносимая вязкость карты. Несколько эпизодов из истории польской литературы» затрагивало проблемы опыта отчуждения и его художественного воплощения. Материалом для анализа стали польские произведения периода эмиграции 1863 г. до эмиграции после 1968 г. *Ж. Налевайк-Турецкая* (Варшавский университет) в докладе «Редифиниция позиции эмигранта по отношению к нации в польской литературе XIX, XX и XXI вв.» говорила о том, как менялось и как пересматривалось отношение эмигрантов к нации, сложившееся еще в первой половине XIX в. в период романтизма, каковы были механизмы одобрения, отрицания, пародии, критики романтической Великой эмиграции.

В докладе *Т. И. Чепелевской* (Институт славяноведения РАН) «Тема эмиграции и особенности ее художественного воплощения как модели судьбы человека и народа (на материале прозы И. Цанкара)» освещались вопросы формирования словенской национальной

картины мира в творчестве Цанкара, для которого тема эмиграции была одной из главных. *А. В. Грасько* (Институт славяноведения РАН) выступила с материалом на тему «Отражение чешской картины мира эпохи 1930-х гг. в зеркале советской действительности (на примере романов Иржи Вайля “Москва-граница”, “Деревянная ложка”». По мнению исследовательницы, при соприкосновении с русской действительностью ярче очерчивались собственно чешская национальная картина мира, культурные парадигмы, доказательством чему являются отобранные для анализа художественные произведения. *Е. В. Сагалович* (Институт славяноведения РАН) в докладе «Данило Киш: география и биография (к проблеме самоидентификации и восприятия другими)» подробно остановилась на вехах биографии писателя, показала, как его оценивали современники и как сам Киш сопротивлялся попыткам «жестко» определить его идентичность, считая себя «последним югославским писателем». *Н. В. Злыднева* (Институт славяноведения РАН) сделала доклад «Парижский серб Влада Величкович и балканская модель мира» и представила иллюстративный материал, демонстрирующий особенности творческой манеры художника и раскрывающий, как в его телесной образности проявилась балканская картина мира.

«“География — это судьба”. Центр / периферия, границы / пограничья, перекрестки / параллели» — четвертая секция конференции — началась с презентации *П. В. Корольковой* (Российский государственный гуманитарный университет) на тему «Загреб, Вена, Париж в хорватской литературе первой половины XX в.: центр и периферия в национальной картине мира». Докладчица подробно остановилась на ключевых характеристиках центра / периферии, реального / воображаемого города на материале произведений ряда хорватских писателей. *Н. Н. Старикова* (Институт славяноведения РАН) подготовила выступление на тему «Национальное мировосприятие и литературное разноязычие: словенская модель», сопроводив его наглядной презентацией. Она констатирует: для словенского литературного пространства становится характерным присутствие авторов, затрагивающих национальную проблематику, но пишущих на иностранных языках или прибегающих к дву- и / или многоязычию, т. е. словенский язык перестает быть главным критерием принадлежности произведения к национальной литературе. *Л. Ф. Широкова* (Институт славяноведения РАН) посвятила свой доклад «Концепт границы в словацкой прозе конца XX — XXI вв.: конкретные реалии, многозначные образы» анализу романов «Кровь» Р. Слободы, «Это случи-

лось 1-го сентября или когда-то еще», «Матери», «Легенда о языке» П. Ранкова и некоторых других произведений, где понятие границы получило художественное осмысление.

В. В. Мочалова (Институт славяноведения РАН) в докладе «Национальные картины мира Галиции в отражении Леопольда фон Захер-Мазоха» говорила об интересе писателя к культуре пограничья, особенностям национальных и конфессиональных взаимоотношений в регионе. *Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская* (Институт славяноведения РАН) представили доклад на тему «Литературное созидание мира Slavia Orientalis в Австрийской империи: альманах “Зоря Галицкая яко альбумъ” (1850–1860-е гг.)», где осветили проблемы восточнославянского возрождения в западно-ориентированном регионе — Австрийской империи — и рассказали о судьбе литературного альманаха, вышедшего во Львове в 1860 г.

М. Бродацкая-Двояк (Краков, Ягеллонский университет) выступила с докладом «Возвращение Центральной Европы в произведениях Ольги Токарчук и Радки Денемарковой» и ознакомила слушателей с результатами своего компаративистского исследования, показав, как в языковом, культурном и геополитическом ракурсах представлена идея возвращения Центральной Европы в нескольких романах писательниц. В докладе «Пересмотр геоистории в новой польской женской поэзии» *А. Легежиньской* (Познань, Университет им. А. Мицкевича) были рассмотрены примеры изменения национальных стереотипов, связанных с сосуществованием наций на территориях польско-украинского, польско-белорусского и польско-немецкого пограничья, а также складывания новой идентичности, что нашло отражение в современной польской литературе.

Работу IV Хоревских чтений завершали доклады секции «Национальное мировосприятие в историко-культурном и политическом контексте». *Н. М. Филатова* (Институт славяноведения РАН) подготовила выступление на тему «От Наполеона к Александру I: смена политической парадигмы в отражении польской поэзии 1813–1815 гг.». Привлекая обширный исторический контекст и иллюстративный поэтический материал, докладчица выявила ключевые мотивы исследуемой поэзии, определив ее роль в эпоху значительных исторических перемен. *Л. А. Мальцев* (Калининград, Балтийский федеральный университет им. И. Канта) представил слушателям доклад-презентацию «От национального к универсальному: Ежи Стемповский о комедии А. Фредро “Пан Иовяльский”», в котором ему удалось продемонстрировать, как менялась польская картина мира от XIX к XX в. Мальцев обратил так-

же внимание на то, что Стемповский усматривает в комедии не только национальные, но и универсальные черты. В докладе *И. А. Ермашовой* (Познань, Университет им. А. Мицкевича) «Переводы русской прозы “нулевых”: национальный вопрос на примере мифологии чеченца» шла речь об интересе польских издателей и переводчиков к русской литературе в «нулевые», который отчасти объяснялся «перезагрузкой» русско-польских взаимоотношений после напряженных 1990-х гг. В своем выступлении Ермашова, анализируя изданные в Польше русские книги выбранного периода, отметила, что фокус внимания поляков сместился от титульной нации к малым народам Российской Федерации. *Г. Борковская* (Варшава, Институт литературных исследований ПАН) в докладе «Без глобальных вопросов: локальность (“Перевоз” Анджея Стасюка)» затронула вопросы нации и национальной идентичности на материале романа А. Стасюка, одного из ведущих современных польских писателей. *П. Глушковский* (Варшавский университет) в докладе «“Буревестник” и “ученый из Сокулки”. Взаимоотношения Максима Горького и Александра Богданова», изучив обширную корреспонденцию Богданова и Горького, познакомил участников конференции с польскими темами их переписки, не оставив без внимания и историю взаимоотношений литераторов в целом.

Белорусской теме были посвящены заключительные доклады конференции. *Н. М. Куренная* (Институт славяноведения РАН) выступила с материалом на тему «Беларусь никогда не будет только белорусской, но и никогда она не будет только русской или польской...». Исследовательнице удалось выявить изменения в национальной картине мира белорусов на рубеже XX–XXI вв. и указать на причины подобных трансформаций — общественно-политическую ситуацию в регионе. В докладе *В. А. Корбута* (Варшавский университет) «Картина “белорусского мира” в творчестве поэтов на страницах первых белорусскоязычных газет “Наша Доля” и “Наша Нива” в 1906–1907 гг.» отмечалось, что национальный вопрос активно поднимался в публицистике указанного периода, в поэзии же представлен весьма лапидарно. В частности, Корбут отметил, что даже в тех произведениях, где авторы обращаются к теме Белоруссии, белорусов, белорусского языка, на первый план выходит социальный, а не национальный аспект.

IV Хоревские чтения завершились дискуссией о необходимости продолжения и развития литературоведческих славистических исследований независимо от изменений историко-политического контекста. *Fac officium, Deus providebit.*

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.02

N. A. Lunkova

**An International Academic Conference
The IV Khorev's Readings**

Natalia A. Lunkova

Junior research fellow

Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
119991, Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: lunkova_n@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9193-3890

Citation

Lunkova N. A. An International Academic Conference The IV Khorev's Readings // Slavic Almanac. 2022. No 1–2. P. 487–495 (in Russian).

DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.02

Received: 25.03.2022.

Встреча «Формирование и развитие белорусского литературного языка»

Короткова Дарья Александровна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
199991 Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: d_korotkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4516-3228

Цитирование

Короткова Д. А. Встреча «Формирование и развитие белорусского литературного языка» // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 496–498. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.03

Статья поступила в редакцию 18.03.2022.

28 февраля 2022 г. в Центре славянских культур Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино в Москве состоялось просветительское мероприятие, посвященное формированию и развитию белорусского литературного языка. Соорганизатором встречи выступила общественная организация «Национально-культурная автономия “Белорусы Москвы”». Встреча, транслировавшаяся онлайн, была приурочена к Международному дню родного языка.

Участников приветствовали Сергей Львович Кандыбович, лидер НКА «Белорусы России», и Алла Анатольевна Тужилкина, глава организации «Белорусы Москвы», инициатора проведения в РФ дней белорусского языка.

Наталья Михайловна Куренная, д. ф. н., в. н. с. отдела истории культуры славянских народов ИСл РАН, провела краткий экскурс в историю белорусского языка, познакомила с наиболее значимыми этапами его развития в XX–XXI вв., а также с выдающимися белорусскими писателями и поэтами Янкой Купалой, Якубом Коласом, Максимом Гарецким, Максимом Богдановичем, которые в своем творчестве отразили национальную картину мира, развили и обогатили родной язык. В XIX в. велись споры о том, что собой представляет белорусское наречие. Экспедиция профессора Варшавского универ-

ситета Е. Ф. Карского в 1903 г. стала переломным моментом — по ее итогам была составлена этнографическая карта белорусского племени, ставшая в дальнейшем основой представлений о территории расселения белорусов и распространении белорусских говоров. Создание газеты «Наша Нива» и формирование вокруг нее кружка белорусских поэтов и писателей стало решающим этапом для развития белорусского языка и литературы. Современная белорусская литература, по словам докладчицы, представляет собой значительное явление как в европейской, так и в мировой культуре.

Дарья Александровна Короткова, к. и. н., с. н. с. отдела восточного славянства ИСл РАН, рассказала об этапах становления массового образования на белорусском языке. В XIX в., несмотря на отдельные попытки внедрить родной язык хотя бы в начальной школе, белорусскоязычного образования не существовало. Впервые на это было получено разрешение властей только в 1914 г. По-настоящему начало белорусской школы связано с оккупацией немцами белорусских земель в 1915–1918 гг. Немецкие власти считали необходимым создание системы образования на всех языках края: польском, русском, белорусском и идиш. Это дало возможность белорусским активистам создать сеть школ с белорусским языком обучения. Данные наработки послужили основой для проводившейся в дальнейшем политики белорусизации и создания полноценной системы белорусскоязычного образования в БССР, а также базой для сети частных белорусских школ в польской части Белоруссии. Эти и другие сюжеты рассматриваются в недавно вышедшей из печати книге, представленной докладчицей: «“Родное слово”. Белорусский и украинский языки в школе (очерки истории массового образования, середина XIX — середина XX века)» (М.; СПб.: Нестор-История, 2021).

Партнеры из Беларуси, сотрудники Борисовской центральной районной библиотеки им. И. Х. Колодеева, представили серию региональных просветительских проектов «Привлечь к родному слову: новые форматы популяризации белорусской литературы для детей». Так, методист библиотеки Людмила Захаркевич рассказала о проекте «Чытай-валяй». Десять современных детских книг белорусских писателей стали основой интерактивных мероприятий с участием детей от 8 до 12 лет. Речь идет не только о чтении, но и об изготовлении валяных кукол героев книг. Второй замечательный проект борисовских библиотекарей — «Казкі на канапе» («Сказки на диване»), в рамках которого посетители записывают чтение своих любимых белорусских книг. Эти видеозаписи доступны на сайте библиотеки.

В завершение вечера участники вечера А. А. Тужилкина и заместитель директора НКА «Белорусы Москвы» Роман Романович Червонцев прочитали стихи на белорусском языке: поэму «Тарас на Парнасе», ходившую в списках с середины XIX в., и стихотворение Максима Танка 1943 г. «Родная мова».

Встреча транслировалась в прямом эфире на портале «Культура. РФ». Важность и актуальность подобных культурно-просветительских мероприятий подтверждается очевидным интересом зрителей к трансляции: более 250 тыс. просмотров.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.03

D. A. Korotkova

**The Meeting “Formation and development
of the Belarusian standard language”**

Darya A. Korotkova

Candidate of History, senior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

199991 Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: d_korotkova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4516-3228

Citation

Korotkova D. V. The Meeting “Formation and development of the Belarusian standard language” // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 496–498 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.03

Received: 18.03.2022.

**Международный научный круглый стол
«Церковь и историческая память.
К 1030-летию православия на белорусских землях
в год исторической памяти в Республике Беларусь»**

Дронов Михаил Юрьевич
Кандидат исторических наук, научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
199991 Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: mikhaildronov@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-3284-4924

Слоистов Сергей Михайлович
Младший научный сотрудник
Институт славяноведения РАН
199991 Ленинский проспект, 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: centrum821@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-4591-4223

Цитирование

Дронов М. Ю., Слоистов С. С. Международный научный круглый стол «Церковь и историческая память. К 1030-летию православия на белорусских землях в год исторической памяти в Республике Беларусь» // Славянский альманах. 2022. № 1–2. С. 499–502. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.04

Текст поступил в редакцию 28.03.2022.

25 марта 2022 г. в столице Белоруссии состоялся международный круглый стол, посвященный церкви и исторической памяти. Главными организаторами мероприятия выступили Центр евразийских исследований Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске, Синодальная историческая комиссия Белорусской православной церкви и Минская духовная академия. Кроме этого, свою скромную лепту в организацию научной встречи внесли российские партнеры: Лаборатория религиоведческих исследований «Северо-Запад» Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта (г. Калининград) и Русская экспертная школа (г. Москва).

Круглый стол открыл директор минского филиала РГСУ, в стенах которого проходило мероприятие, к. э. н., доцент С. А. Полетаев, призвавший участников к отстаиванию исторической правды. Ведущим круглого стола выступил д. и. н., проф. К. В. Шевченко, заведующий Центром евразийских исследований и заместитель председателя Синодальной исторической комиссии.

С теоретическим докладом «Церковное предание и историческая память», перекликавшимся с актуальной ситуацией на восточнославянском пространстве, выступил председатель Синодальной исторической комиссии кандидат богословия протоиерей *Александр Романчук*.

Заместитель о. Романчука по комиссии, к. и. н., в. н. с. Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН *А. Д. Гронский* представил доклад «Между исторической памятью и исторической политикой: Белоруссия на распутье науки и идеологии». Основываясь на богатой фактологии, белорусско-российский ученый проанализировал генезис «общерусских» (общевосточнославянских) и белорусских националистических тенденций в современной Белоруссии.

Заведующий лабораторией «Северо-Запад» к. и. н., доцент *Р. В. Шиженский* посвятил свое выступление «Языческая манифестация 2022» состоянию неоязычества в постсоветских государствах.

К. ф. н., доцент МГИМО МИД РФ *В. А. Щипков* поделился своим видением современных угроз русскому православию. Также этот участник круглого стола представил присутствовавшим первые два номера научного журнала «Ортодоксия» (главный редактор А. В. Щипков — отец докладчика).

К. и. н., доцент Московского гуманитарного университета *А. И. Филимонова* выступила с эмоциональным докладом «Недопустимость забвения: деятельность Римо-католической церкви в Королевстве сербов, хорватов и словенцев по поддержке и подготовке хорватской экстремистской политики». Данное выступление было единственным, посвященным самобытному миру Балкан.

Докладчики от ИСЛ РАН осветили темы, подчеркнута удаленные от современной общественно-политической повестки. Так, к. и. н., н. с. *М. Ю. Дронов* выступил с сообщением «Религиозная жизнь восточнославянских иммигрантов в Северной Америке в публицистике Е. Н. Матросова (1890-е — 1910-е гг.)». А м. н. с. *С. М. Слоистов*, основываясь на новых архивных находках, рассказал об участии епископа Прешовского Алексия (Дехтерева) в воссоединении грекокатоликов с православной церковью в Чехословакии в 1950-х гг. Факт того, что

Е. Н. Матросов и особенно владыка Алексий (уроженец г. Вильна, в 1955–1959 гг. возглавлявший Виленско-Литовскую епархию) были тесно связаны с историей белорусско-польско-литовского пограничья, вызвал дополнительный интерес к этим историческим фигурам со стороны других участников заседания.

Также в рамках мероприятия состоялась дискуссия сотрудника Русской экспертной школы *Е. Е. Мамаева* с А. Д. Гронским по актуальным вопросам исторической политики в Республике Беларусь.

В заключение круглого стола прозвучало сообщение *К. В. Шевченко* «Историческая память как объект манипуляций: историко-культурное наследие галицко-русских деятелей в украинском общественном и научном дискурсе».

Следует подчеркнуть, что прошедшая научная встреча вызвала большой общественный резонанс, чем аналогичные предыдущие мероприятия местных организаторов науки К. В. Шевченко, о. А. Романчука и А. Д. Гронского. Так, в течение всего круглого стола, от первого до последнего выступления, присутствовала первый секретарь Посольства РФ в Белоруссии Ю. Е. Аряева.

Отрадно, что созданная совсем недавно (8 июня 2021 г.) решением Синода Белорусского экзархата Синодальная историческая комиссия стала активной площадкой для продуктивного взаимодействия не только церковных историков, но и занимающихся смежными темами светских специалистов. Среди ее обширной деятельности в первую очередь можно выделить три направления: в узком смысле научное (фундаментальные академические исследования в области церковной истории белорусских земель), просветительское (проекты по популяризации научных знаний о конфессиональной истории) и аналитическое (экспертное сопровождение различных церковных и церковно-общественных начинаний).

Особое внимание организации исследовательской, научно-просветительской и экспертной работы в Экзархате уделяет митрополит Минский и Заславский Вениамин, Патриарший экзарх всяя Беларуси. Именно благодаря его постоянной поддержке стало возможным начать объединение различных ученых в Комиссию, в том числе в рамках реализуемых ей долгосрочных программ. Интенсификация информационного обмена между ними (а в перспективе и глубокая интеграция их планов) несомненно будет способствовать повышению результативности научной работы.

Отдельно необходимо отметить высокий уровень практической подготовки круглого стола. Для иногородних докладчиков специ-

ально были запланированы дни приезда и отъезда, что позволило не только снизить общие организационные издержки, но и высвободить дополнительное время для столь важных в настоящий период научных контактов с минскими коллегами, а также посещения библиотек, приобретения местных изданий, книгообмена и пр. По благословению Высокопреосвященнейшего митрополита Вениамина, гости города разместились в общежитии Минской духовной академии. Пользуясь случаем, сотрудники ИСл РАН передали в дар академической библиотеке новейшие славистические издания.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.04

М. Yu. Dronov, S. M. Sloistov

An International Academic Round Table

“The Church and historical memory.

**To the 1030th anniversary of Orthodoxy in the Belarusian lands
in the Year of historical memory in the Republic of Belarus”**

Mikhail Yu. Dronov

Candidate of History, research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

199991 Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: mikhaildronov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3284-4924

Sergei M. Sloistov

Junior research fellow

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

199991 Leninsky Prospect 32-A, Moscow, Russian Federation

E-mail: centrum821@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-4591-4223

Citation

Dronov M. Yu., Sloistov S. M. An International Academic Round Table “The Church and historical memory. To the 1030th anniversary of Orthodoxy in the Belarusian lands in the Year of historical memory in the Republic of Belarus”// *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 499–502 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.1-2.6.04

Received: 28.03.2022.

Научное издание

Славянский альманах

1-2 2022

Издательство «Индрик»

Начиная с 2019 года в нашем журнале введены новые правила представления рукописи, доступные по электронному адресу:
<https://slavicalmanac.ru/index.php/slavicalmanac/authors>

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик»
обращайтесь по тел.:
+7 977 905-58-01
market@indrik.ru
www.indrik.ru

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book
outside Russia and CIS countries.
This book as well as other **INDRIK** publications
may be ordered by
www.indrik.ru

Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
31,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
www.chpd.ru, sales@chpk.ru, 8(495)988-63-87

